

ДАЛЕКИЕ ГОРИЗОНТЫ

Грегори БЕНФОРД

Грег БИР

Дэвид БРИН

Орсон Скотт КАРД

Нэнси КРЕСС

Урсула ЛЕ ГУИН

Энн МАККЭФРИ

Фредерик ПОЛ

Дэн СИММОНС

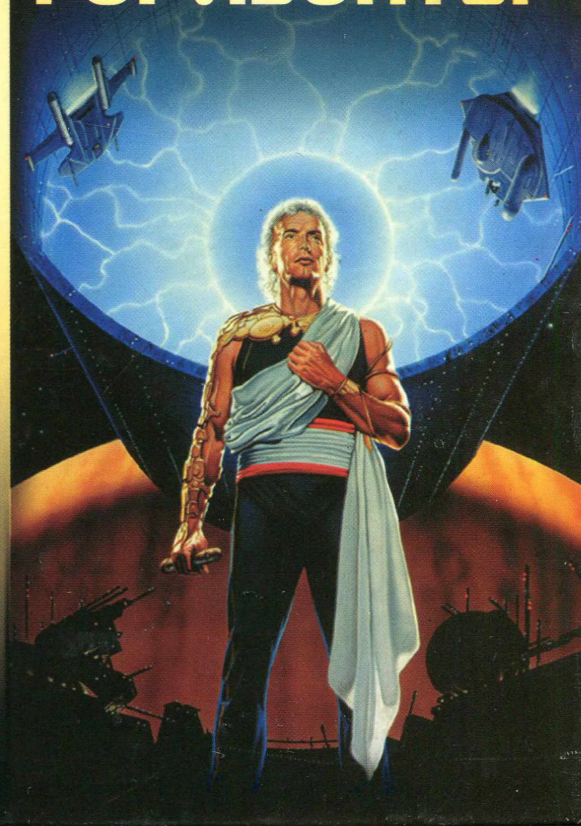
Роберт СИЛВЕРБЕРГ

Джо ХОЛДЕМАН

ЗОЛОТАЯ БИБЛИОТЕКА ФАНТАСТИКИ

ДАЛЕКИЕ ГОРИЗОНТЫ

ЗОЛОТАЯ
БИБЛИОТЕКА
ФАНТАСТИКИ

FAR HORIZONS

ДАЛЕКИЕ ГОРИЗОНТЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
Москва
2001

ББК 84 (7США)
Д15

Серия основана в 1999 году

FAR HORIZONS
Edited by Robert Silverberg
1999

Серийное оформление А.А. Кудрявцева

В оформлении обложки использована работа, предоставленная агентством Александра Корженевского.

Печатается с разрешения Agberg, Ltd.
и Ralph M. Vicinanza Ltd. c/o Toymania·LLC.

Исключительные права на публикацию книги
на русском языке принадлежат издательству АСТ.
Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Д15 **Далекие горизонты**: Фантаст. повести / Сост. Р. Силверберг. — М.: ООО «Издательство АСТ», 2001. — 603, [5] с. — (Золотая библиотека фантастики).

ISBN 5-17-006466-7

Это — КНИГА-СЕНСАЦИЯ!

Роберт Силверберг снова собрал антологию самых знаменитых творцов миров — но на этот раз миров не фэнтези, а НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ.

Писателей, которые, подобно демиургам, полетом своей фантазии творят не просто книги, но — МИРЫ, что обрели по всей планете уже миллионы поклонников.

Вы хотите снова отправиться в увлекательное путешествие?

В путешествие по Гиперириону Дэна Симмонса?

Или — по Вселенной Эндера Орсона Скотта Карда?

Или, возможно, по Экумене Урсулы Ле Гуин?

Или — наконец — Миру Пяти Галактик Дэвида Брина?

Перед вами — фантасты, которым нет равных. Фантасты, объединившиеся для сборника «Далекие горизонты», чтобы пригласить всех настоящих ценителей научной фантастики в еще одно путешествие по своим мирам. И все произведения «Далеких горизонтов» — новые эпизоды самых знаменитых саг наших дней — были написаны СПЕЦИАЛЬНО для антологии.

ББК 84 (7США)

© Agberg, Ltd., 1999
© ООО «Издательство АСТ», 2001

Роберту Хайнлайну,
Айзеку Азимову,
Джону Кэмпбеллу-младшему.
— Они указали путь —

УРСУЛА ЛЕ ГУИН
ЭКУМЕНА

«Мир Роканнона» (1966)
«Планета Изгнания» (1966)
«Город Иллюзий» (1967)
«Левая рука тьмы» (1969)
«Обездоленный» (1974)
«Слово для «леса» и «мира» одно» (1976)
«Четыре пути прощения» (1995)

Действие большинства моих научно-фантастических произведений происходит в пределах одной истории будущего. Поскольку оно слагалось без плана вместе с романами и рассказами, в нем имеются некоторые вопиющие несоответствия, но общая схема такова: жители планеты Хейн колонизировали весь рукав Ориона в нашей галактике около миллиона лет назад. Все виды людей, открытые к данному времени, являются потомками хейнских колонистов (нередко генетически измененными для условий колонизируемой планеты или по иным причинам).

После этой экспансии хейниты на сотни тысячелетий замкнулись на Хейне, предоставив своим разбросанным по галактике отпрыскам самим во всем разбираться.

Когда земляне начали исследовать близлежащий космос с помощью субсветовых космолетов и анзибля — аппарата мгновенной связи, они встретились с хейнитами, которые теперь

«Old Music and the Slave Women». ©Ursula K. Le Guin, 1999. ©Перевод. И. Гурова, 2001.

вновь разыскивали своих потерянных родичей. Была создана Лига Миров (см. романы «Мир Роканнона», «Планета Изгнания», «Город Иллюзий»). Лига разрослась и сложилась в эгалитарное содружество планет и народов, получившее название «Экумена», которым руководили с Хейна так называемые стабили, а мобили отправлялись исследовать неизвестные планеты, собирать сведения о новых расах, а также служить посланниками и послами для планет — членов содружества.

«Экуменские» романы включают «Левую руку тьмы», «Слово для «леса» и «мира» одно» и «Обездоленного». В Экумене происходит действие большинства рассказов в научно-фантастических сборниках «Двенадцать румбов ветра» и «Роза ветров», последних трех рассказов «Рыбака Внутреннего моря» и в «Четырех путях прощения».

Эта последняя книга посвящена планетам Верел и Йоуи. На Вереле тридцать пять веков назад агрессивная чернокожая раса подчинила себе светлокожие северные расы и создала общество и экономику, базирующиеся на рабстве и кастах, определяемых цветом кожи. Первый контакт с Экуменой напугал ксенофобичных верелиан, толкнул их на стремительное создание космолетов и новых видов оружия, а заодно и на колонизацию Йоуи, соседней, более близкой к Солнцу планеты, которую они эксплуатировали с помощью интенсивного рабского труда. Вскоре после того, как Верел наконец допустил на свою планету дипломатов Экумены, на Йоуи вспыхнуло восстание рабов. После тридцати лет войны Йоуи добилась независимости от Вое-Део, доминирующего государства на Вереле. Общество Вое-Део было дестабилизировано освобождением Йоуи, а также новыми перспективами, предлагаемыми Экуменой. Через несколько лет восстание рабов в Вое-Део столкнуло «владельцев» с «движимостями» в беспощадной гражданской войне. Действие этого рассказа происходит в конце войны.

Урсула Ле Гуин

МУЗЫКА БЫЛОГО И РАБЫНИ

Глава разведывательной службы при экуменском посольстве на Вереле, носящий на родной планете имя Сохикелуэнянмеркерс Эсдан, а в Вое-Део известный под прозвищем Эсдардон Айа, или Музыка Былого, изнывал от скуки. Потребовалось три года гражданской войны, чтобы ввергнуть его в скуку, но теперь он дошел до того, что свои доклады на Хейн по анзиблю подписывал «глава службы глупости при посольстве».

Однако ему удалось сохранить некоторые тайные связи с друзьями в Городе Свободы даже после того, как легитимное правительство заблокировало посольство, не позволяя никому и никакой информации попадать туда или выходить оттуда. На третье лето войны он пришел к послу с просьбой. Командование Армии Освобождения, лишенное возможности поддерживать нормальную связь с посольством, обратилось к нему с вопросом (каким образом, поинтересовался посол, через одного из поставщиков провизии, ответил он), не разрешит ли посольство одному-двум своим сотрудникам проскользнуть за линию блокады, чтобы вести переговоры с членами командования, показываться с ними на людях, демонстрируя, что вопреки лживой пропаганде и дезинформации, вопреки тому, что посольство изолировано в Гитограде, его штат не принудили поддерживать легитимистов, и оно остается нейтральным, готовым иметь дело с законными властями обеих сторон.

— Гитоград? — переспросил посол. — А, не важно! Но как вы туда доберетесь?

— Вечная проблема с Утопией, — сказал Эсдан. — Ну, если никто не станет особенно всматриваться, контактных линз окажется достаточно. Вся сложность в том, как перебраться через Раздел.

Заметная часть огромной столицы физически сохранилась: правительственные здания, фабрики и склады, университет, туристические приманки — Великое Святилище Туаль, Театральная улица, Старый рынок с его любопытными выставочными помещениями и величественный Аукционный зал, которым перестали пользоваться с тех пор, как продажа и сдача в аренду движимостей переместились в электромагнитную биржу. Бесчисленные улицы, авеню и бульвары, пропыленные парки, где раскидистые бейя ласкают взгляд лиловыми цветками. Мили и мили магазинов, складские помещения, заводы, железнодорожные пути, многоквартирные дома, особняки, профсоюзные поселки, предместья, пригороды, окраины. Значительная часть всего этого сохранилась в неприкосновенности, и по-прежнему там обитали почти пятнадцать миллионов человек, но единство сложного организма разрушилось. Связи были разорваны. Взаимодействие прекратилось. Мозг после инсульта.

Крупнейшее разрушение было зверским: удар топором по живому телу — ничейная шириной в километр полоса взорванных зданий, заваленных улиц, обломков и мусора. К востоку от Раздела находилась территория легитимистов — центр, правительственные учреждения, посольства, банки, коммуникационные башни, университет, большие парки и богатые кварталы, дороги к арсеналу, казармы, аэропорты и космопорт. К западу от Раздела находился Город Свободы, Пылеград, Освобожденная территория: фабрики, профсоюзные поселки, общежития арендных, улицы со старыми особняками гареотов, бесконечные лабиринты улочек, в конце концов выводящие на пустыри. И ту и другую стороны Раздела пересекали магистрали, сливающиеся в важнейшее шоссе Восток — Запад, теперь мертвое.

Освобожденцы успешно вывели его из посольства и преодолели большую часть Раздела. И он и они набрались опыта в былые дни, когда переправляли беглых движимостей на Йоуи — на свободу. Ему даже понравилось, что его переправляют, а не он переправляет, и он обнаружил, что это куда страшнее и все же спокойнее, поскольку он ни за что не

отвечает. Посылка, а не почтальон. Но где-то в цепи оказалось ненадежное звено.

В Раздел они вошли пешком, пробрались вглубь и остановились перед ветхим фургончиком, который стоял на севших покрышках между стен выпотрошенного дома. Из-за руля позади растресканного перекошенного ветрового стекла ему ухмыльнулся шофер. Проводник кивнул ему на кузов. Фургончик рванулся вперед, как охотничья кошка, и понесся зигзагами между развалинами. Раздел почти уже остался позади, когда фургончик дернулся, полуразвернулся и остановился. Послышались крики, выстрелы, задние дверцы распахнулись, и на него набросились какие-то люди.

— Полегче, — сказал он. — Полегче.

Потому что они ухватили его, заломили ему руки за спину. Потом рывком вытащили наружу, сорвали пальто, всего ощупали в поисках оружия и отвели к машине, остановившейся рядом с фургончиком. Он попытался заглянуть в фургончик, проверить, жив ли шофер, но его тут же затолкали в машину.

Это был старый правительственный лимузин, темно-красный, широкий и длинный, предназначенный для парадов, для того, чтобы возить владельцев больших поместий на заседания Совета или послов из космопорта. Салон был снабжен занавеской, отделявшей мужчин от женщин, а место шофера было полностью отгорожено, чтобы пассажиры не вдыхали воздух, выдохнутый рабом.

Его руку держали заломленной за спину, пока его не швырнули головой вперед в машину, и единственной его мыслью, когда он оказался на сиденье между двух мужчин напротив еще трех, было: «Я становлюсь стар для подобного».

Он сидел неподвижно, давая улечься страху и боли, не готовый пошевелиться, даже чтобы потереть ноющее плечо, не смотря на лица напротив и лишь уголком глаза следя за улицами. Два взгляда исподтишка — и он убедился, что они миновали улицу Рей и направляются на восток, оставляя город позади. Только тут он поймал себя на надежде, что его везут в посольство. Ну и дурень же!

Все улицы были в полном их распоряжении. Только пешеходы ошеломленно смотрели им вслед, когда они проносились мимо. Теперь они мчались по широкому бульвару все так же на восток. Хотя его положение было на редкость сквер-

ным, он все еще ощущал пьянящую радость от того, что вырвался из стен посольства на воздух, в мир, и движется — движется с большой скоростью.

Он осторожно поднял руку и помассировал плечо. С той же осторожностью посмотрел на сидящих рядом и напротив. Все были темнокожие, двое — иссиня-черные. Двое из троих напротив — совсем молодые парни. Лица свежие и замкнутые. Третий — веот третьего ранга, ога. Его лицо дышало той спокойной непроницаемостью, которая культивировалась кастой веотов. Эсдан перехватил его взгляд, и оба тотчас отвели глаза.

Эсдану нравились веоты. Они виделись ему — не только рабовладельцы, но и воины — частью былого Вое-Део, представителями вымирающего вида. Дельцы и бюрократы выживут и будут процветать и в эпоху Освобождения, а также, без сомнения, найдут солдат воевать за них. Но каста воинов обречена. Их кодекс верности, чести и аскетизма был слишком похож на кодекс их рабов, с которыми они делили поклонение Ками — Меченосцу и Крепостному. Как долго продержится этот мистицизм страдания после Освобождения? Веоты представляли собой бескомпромиссные рудименты нестерпимого режима. Он всегда им доверял и редко обманывался в своем доверии.

Ога был очень черен и очень красив, как Тейо, веот, который особенно нравился Эсдану. Тейо покинул Верел задолго до войны, отправился на Терру и Хейн со своей женой, которая вот-вот станет мобилью Экумены. Через несколько столетий. Через долгое-долгое время после войны, через долгое время после смерти Эсдана. Если только он не решит последовать их примеру — вернуться назад, вернуться домой.

Праздные мысли. Во время революции не выбирают. Тебя несет — пузыречек пены в бешеном каскаде, искорка костра, невооруженный с семерыми вооруженными людьми в машине, которая мчится по широкому пустому Восточному магистральному шоссе... Они покидают город, направляются в Восточные провинции. Легитимное правительство Вое-Део теперь довольствовалось половиной столицы и двумя провинциями, в которых семь человек из восьми были тем, что восьмой — их владелец — называл движимостями.

Двое на переднем сиденье о чем-то говорили; но в салон владельца их голоса не доносились. Круглоголовый человек справа от Эсдана невнятным голосом что-то спросил огу напротив него. Тот кивнул.

— Ога, — сказал Эсдан.

Ничего не выражающие глаза веота встретились с его глазами.

— Мне надо помочиться.

Веот ничего не ответил и отвел глаза. Некоторое время все молчали. Шоссе, по которому они ехали, тут было разворочено во время боев в первый год Восстания или просто не подновлялось с тех пор. Толчки и тряска плохо действовали на мочевой пузырь Эсдана.

— Пусть трахнутый белоглазый обмочится, — сказал один из парней другому, и тот улыбнулся, не разжимая губ.

Эсдан взвесил возможные ответы — добродушный, шутливый, безобидный, не вызывающий — и не сказал ни слова. Этим двоим требовался только предлог. Он закрыл глаза и попытался расслабиться, ощущая боль в плече, боль в мочевом пузыре лишь слегка, отвлеченно.

Человек слева от него, которого он видел смутно, сказал в переговорник:

— Шофер, остановись вон там.

Шофер кивнул. Машина затормозила и, трясясь, как в лихорадке, съехала на обочину. Они все вылезли наружу. Эсдан увидел, что его сосед слева — тоже веот, но второго ранга. Задьо. Один из парней ухватил Эсдана за плечо, другой прижал пистолет к его печени. Остальные стояли на пыльной обочине и мочились в пыль, на щебень, на корни чахлых деревьев. Эсдан сумел расстегнуть ширинку, но его ноги затекли и подгибались, а парень с пистолетом обошел его и теперь стоял прямо перед ним, целясь в его член, где внутри мочеиспускательного канала возник узел боли.

— Попятьтесь, — сказал он досадливо. — Я не хочу забрызгать вашу обувь.

Но парень шагнул вперед и упер пистолет ему в пах.

Задьо чуть поднял руку. Парень попятился на шаг. Эсдан содрогнулся и внезапно пустил фонтанирующую струю. Даже в агонии облегчения он обрадовался, что заставил парня отступить на два шага.

— Ну, прямо почти человеческий, — сказал парень.

Эсдан с тактичной быстротой убрал свой инопланетянский член и застегнул брюки. Контактные линзы прятали белки его глаз, а одет он был точно арендный, в широкую грубую одежду тускло-желтого цвета — единственно разрешенного городским рабам. Таким же тускло-желтым было и знамя Освобождения. Не тот цвет здесь. И тело под одеждой было не того цвета.

Прожив на Вереле тридцать три года, Эсдан привык, что его боятся и ненавидят, но прежде он ни разу не оказывался в полной власти тех, кто боялся и ненавидел его. Щитом ему служила Эгида Экумены. Каким же он был глупцом, что покинул посольство, где хотя бы был в безопасности, и позволил себе попасть в руки этих отчаявшихся защитников проигранного дела, которые могут причинить много вреда не только ему, но и через него. На какую степень сопротивления и выносливости он способен? К счастью, самыми страшными пытками им не вырвать у него сведения о планах Освобождения, поскольку он не имеет ни малейшего понятия о том, что предпринимают его друзья. Но все равно, какой глупец!

Снова в машине, стиснутый на сиденье, видя перед собой только нахмуренные лица парней и непроницаемо-бдительное лицо оги, он опять закрыл глаза. Шоссе дальше было ровным. Убаюканный скоростью и безмолвием, он погрузился в послеадреналиновую дрему.

Когда он совсем проснулся, небо было золотым, и две маленькие луны поблескивали над безоблачным закатом. Они тряслись по боковому шоссе, которое вилось между полями, плодовыми садами, лесными посадками, плантациями строительного тростника. Потом большой поселок полевых движимостей, еще поля, еще поселок. Они остановились у барьера, охраняемого одним вооруженным мужчиной, который мельком оглядел машину и махнул, чтобы они проезжали. Теперь дорога вела через огромный всхолмленный парк. Все это выглядело тревожно знакомым. Кружево древесных ветвей на фоне неба, извивы дороги среди рощ и поля. Он знал, что вон за той грядой холмов струится река.

— Ярамера! — сказал он вслух.

Ответом было молчание.

Много лет... десятилетия тому назад, когда он пробыл на Вереле примерно год, сотрудников посольства пригласили в

Ярамеру, крупнейшее поместье в Вое-Део. «Алмаз Востока». Образчик производительного рабского труда. Тысячи движимостей трудились на полях, фабриках и в мастерских поместья, остальное время проводя в огромных обнесенных стенами поселках, почти маленьких городах. Повсюду чистота, порядок, прилежность, мир и покой. И дом на холме над рекой — дворец с тремя сотнями комнат, бесценная мебель, картины, статуи, музыкальные инструменты — он вспомнил концертный зал со стенами стеклянной мозаики на золотом фоне, алтарь Туаль, огромный цветок, вырезанный из душистой древесины...

Теперь они ехали вверх по склону к этому дому. Машина повернула. Он мельком увидел почерневшие балки на фоне неба.

Парням позволили вновь за него взяться: вытащить из машины, выкрутить ему руку, толкать и пихать его вверх по ступенькам. Стараясь не сопротивляться, не ощущать того, что они делали с ним, он смотрел по сторонам. Центральная часть и южное крыло огромного здания превратились в развалины с проваленной крышей. Сквозь черный оконный проем желтело ясное небо. Даже тут, в самом сердце Закона рабы восстали. Три года назад в то первое страшное лето, когда были сожжены тысячи господских домов, поселки, городки, города. Четыре миллиона погибших. Он не знал, что Восстание добралось даже до Ярамеры. С реки не поступало никаких известий.

Все это промелькнуло у него в уме с необычайной быстротой и ясностью, пока они тащили его вверх по невысоким ступенькам к северному крылу дома, держа под прицелом пистолетов, словно думали, что шестидесятидвухлетний человек, у которого совсем затекли ноги после нескольких часов неподвижности в машине, способен вырваться и броситься бежать — здесь, на триста километров внутри их территории. Он думал стремительно и замечал все.

Это крыло, соединенное с центральной частью дома длинной аркадой, сохранило крышу, но когда они вошли в вестибюль, он увидел голые каменные стены. Покрывавшие их резные деревянные панели сгорели дотла. Грязные доски заменили паркет или закрывали мозаичную плитку. Никакой мебели. В опустошении и грязи высокий зал был прекрасен — пустой, залитый ясным вечерним светом. Оба веота прошли

вперед и что-то доложили людям в дверном проеме, за которым прежде была парадная гостиная. Он ощущал веотов как своих защитников и надеялся, что они вернутся. Но нет. Один из парней продолжал заламывать ему руку за спину. К нему направился грузный толстяк, не спуская с него глаз.

— Вы инопланетянин, которого называют Музыка Былого?

— Я хейнит и ношу это имя здесь.

— Господин Музыка Былого, вы знаете, что покинув ваше посольство в прямое нарушение договора между вашим послом и правительством Вое-Део, вы тем самым лишились дипломатической неприкосновенности. Вас можно арестовать, допросить и надлежащим образом покарать за те нарушения гражданского кодекса или преступные сношения с мятежниками и врагами государства, в которых вы будете изобличены.

— Я знаю, что так вы оцениваете мое положение, — сказал Эсдан. — Но вам следует учитывать, что посол и стабили Экумены Миров считают меня защищенным и дипломатической неприкосновенностью, и законами Экумены.

Почему бы и не попробовать? Но его ложь даже не выслушали. Отбарабанив свое заявление, грузный толстяк отвернулся, и парни снова ухватили Эсдана. Его протащили через дверные проемы и коридоры, которые он теперь почти не видел из-за боли, потом вниз по каменным ступенькам через широкий мощеный двор, втолкнули в какое-то помещение, чуть окончательно не вывихнув ему руку, ударом под колени повалили на пол, а потом они захлопнули за собой дверь, оставив его валяться на животе в полном мраке.

Он прижался лбом к локтю и лежал, дрожа, слушая свое всхлипывающее дыхание.

Позднее ему помнилась эта ночь и кое-что из последовавших дней и ночей. Он так никогда и не узнал, пытали его, чтобы сломить, или же он просто служил объектом бесцельной жестокости и злобы, своего рода игрушкой для молодых парней. Были пинки, побои, море боли, но его память мало что о них сохранила, если не считать клетки-укоротки.

Он слышал про эти клетки, читал о них. Но ни разу ни одной не видел. Он ведь ни разу не побывал внутри поселка движимостей. В поместьях Вое-Део иностранным гостям не показывали рабские поселки. В домах владельцев им прислуживали домашние рабы.

Поселок был маленький — не больше двадцати хижин на женской стороне, три длинных дома на воротной стороне. Тут помещались две сотни рабов, которые содержали в порядке дом и колоссальные сады Ярамеры. По сравнению с полевыми рабами они находились в привилегированном положении. Однако от наказаний это их не освобождало. Столб для порки все еще торчал возле высокой стены у открытых ворот с перекошенными створками.

— Там? — сказал Немео, тот, который всегда выкручивал ему руку.

— Нет, вон она, — сказал второй, Алатуаль, и в радостном возбуждении побежал вперед, чтобы спустить на землю клетку-укоротку, которая висела под главной караульной башней с внутренней стороны стены.

Труба из толстой проржавелой стальной сетки, заваренная с одного конца и запирающаяся с другого. Она свисала с цепи на единственном крюке. Спущенная на землю, она выглядела ловушкой, рассчитанной на не очень крупных зверей. Парни сорвали с него одежду и загнали в нее ползком головой вперед с помощью электрических бодил, предназначенных для подбодрения ленивых полевых рабов, — они играли с этими инструментами последние два-три дня. Они визжали от смеха, толкая его, прижимая бодила к его заднему проходу и мошонке. Он заполз в клетку и скорчился в ней вниз головой. Согнутые руки и ноги были плотно прижаты к телу. Парни захлопнули дверцу, защемив его голую ступню и причинив ему оглушающую боль, а потом подняли клетку на прежнее место. Она раскачивалась, как маятник, и он цеплялся за проволоку скрюченными пальцами. Открыв глаза, он увидел, что земля качается метрах в семи-восьми под ним. Через какое-то время клетка замерла в неподвижности. Пошевелить головой он не мог. Ему была видна земля внизу под клеткой-укороткой, а скашивая глаза до предела, он мог обозреть значительную часть поселка.

В прошлые дни внизу толпились бы люди для назидательного урока: раб в клетке-укоротке. Там стояли бы дети, чтобы наглядно усвоить, что ожидает служанку, забывшую какое-то поручение, садовника, испортившего черенок, плотника, огрызнувшегося на босса. Теперь же там не было никого. Никого на всем пыльном пространстве. Засохшие огородики, маленькое кладбище в глубине женской сторо-

ны, ров между двумя сторонами, тропки, чуть зеленеющий круг травы прямо под ним — и нигде никого. Его палачи постояли, смеясь и болтая, потом это развлечение им надоело, и они ушли.

Он попытался изменить положение своего тела, но сумел пошевелиться лишь чуть-чуть. И от каждого движения клетка раскачивалась. Его затошнило, и страх, что он упадет на землю, все рос. Он не знал, насколько надежен единственный крюк. Его ступня, зажатая в дверце, болела так, что он был бы рад потерять сознание, но как ни кружилась у него голова, сознание его не покидало. Он попытался дышать так, как научился давным-давно на другой планете — спокойно, ровно. Но на этой планете в этой клетке у него ничего не получилось. Легкие были стиснуты грудной клеткой, и каждый вдох был пыткой. Он думал уже только о том, как бы не задохнуться. Он пытался не поддаться панике. Он пытался хотя бы сохранить ясность мыслей, но ясность мыслей была невыразимо мучительной.

Когда солнечный свет добрался до этой части поселка и обрушился на него, головокружение перешло в тошноту. И вот тогда он начал на минуты терять сознание.

Была ночь, был холод, и он старался вообразить воду. Но воды не было. Позже он заключил, что пробыл в клетке-укоротке двое суток. Он помнил, как проволока ободрала его обожженную солнцем кожу, когда его вытаскивали из клетки, шок от холодной воды, которой его обдали из шланга. На мгновение он обрел ясность мысли, воспринял себя как куклу, маленькую, тряпичную, валяющуюся в грязи, а вокруг люди говорили и кричали о чем-то. Затем его унесли в подвал или стойло — туда, где снова были мрак и тишина, но только он все еще висел в клетке-укоротке, поджариваясь в ледяном огне солнца, замерзая в своем горящем теле, все туже и туже стягиваемом четкой сеткой из проволоки боли.

В какой-то момент его перенесли на кровать в комнате с окном, но он все еще болтался в клетке-укоротке высоко над пыльной землей, над двором пылевиков, над зеленоватым кругом травы.

Задью и толстяк были там, и их там не было. Крепостная с землистым лицом, съежившаяся, дрожащая причиняла ему боль, стараясь наложить мазь на его обожженные руку, ногу и спину. Она была там, и ее там не было. Солнце светило в

окно, он снова и снова чувствовал, как сетка защемляет его ступню.

Темнота приносила облегчение. Он почти все время спал. Дня через два-три он уже мог сидеть в постели и есть то, что приносила ему перепуганная крепостная. Солнечные ожоги подживали, боль смягчалась. Ступня чудовищно распухла — кости в ней были сломаны, — но пока ему не требовалось встать, значения это не имело. Он дремал, уносился куда-то. Когда вошел Райайе, он его сразу узнал.

Они встречались несколько раз до Восстания. Райайе был министром иностранных дел при президенте Ойо. Какой пост он занимал теперь в Легитимном правительстве, Эсдан не знал. Для верелианина он был низок ростом, но широкоплеч и плотно сложен, с иссиня-черным глянцевым лицом и седеющими волосами. Внушительный человек. Политик.

— Министр Райайе, — сказал Эсдан.

— Господин Музыка Былого. Как вы любезны, что помните меня! Сожалею о вашем нездоровье. Надеюсь, здешние люди удовлетворительно ухаживают за вами?

— Благодарю вас.

— Когда я услышал о вашем нездоровье, то справился о враче. Но тут есть только ветеринар. Никакого обслуживающего персонала. Не то, что в былые дни! Какая перемена! Жалею, что вы не видели Ярамеру в ее прежнем блеске.

— Я ее видел. — Голос у него был слабым, но звучал естественно. — Тридцать два — тридцать три года назад. Достопочтенные господин и госпожа Анео пригласили сюда сотрудников нашего посольства.

— Неужели? Значит, вы представляете себе, как тут было раньше, — сказал Райайе, опускаясь в единственное кресло, старинное, великолепное, без одной ручки. — Больно видеть все это, увы! Наибольшие разрушения претерпел дом. Все женское крыло и парадные апартаменты сгорели, однако сады уцелели, слава Владычице Туаль. Они ведь были разбиты самим Мененья четыреста лет назад. И работы в полях продолжаются. Мне сказали, что в распоряжении поместья остались еще почти три тысячи движимостей. Когда с беспорядками будет покончено, восстановить Ярамеру будет куда легче, чем многие другие великие поместья. — Он посмотрел в окно. — Какая красота! И домашние Анео, знаете ли,

славились своей красотой. И выучкой. Потребуется много времени, чтобы вновь достичь такой меры совершенства.

— Несомненно.

Верелианин посмотрел на него с благожелательным вниманием.

— Полагаю, вы недоумеваете, почему вы здесь?

— Не особенно, — вежливо ответил Эсдан.

— Да?

— Поскольку я покинул посольство без разрешения, думаю, правительство сочло нужным присмотреть за мной.

— Некоторые из нас были рады услышать, что вы покинули посольство. Сидеть там взаперти — какое напрасное растрачивание ваших талантов.

— А! Мои таланты! — сказал Эсдан, небрежно пожав плечами. Весьма болезненное движение. Но морщиться он будет после. А пока он испытывал большое удовольствие. Он всегда любил фехтовать.

— Вы очень талантливый человек, господин Музыка Былого. Самый мудрый, самый проницательный инопланетянин на Вереле — так однажды отозвался о вас достопочтенный господин Мехао. Вы работали с нами... да и против нас куда более плодотворно, чем кто-либо другой из других миров. Между нами существует взаимное понимание. Мы способны разговаривать. Я верю, что вы искренне желаете добра нашему народу, и если я предложу вам способ послужить ему — надежду покончить с этими ужасными раздорами, вы, конечно, им воспользуетесь.

— Буду надеяться, что окажусь годен для этого.

— Для вас важно, если будет сочтено, что вы поддерживаете одну из сторон, или вы предпочтете остаться нейтральным?

— Любое действие поставит мою нейтральность под сомнение.

— То, что вас похитили из посольства мятежники, не свидетельствует о вашей симпатии к ним.

— Словно бы так.

— Но как раз об обратном.

— Да, можно расценить и так.

— Вполне. Если вы пожелаете.

— Мои пожелания не имеют никакого веса, министр.

— Нет, они имеют очень большой вес, господин Музыка Былого. Однако вы были больны, я вас утомляю. Продолжим нашу беседу завтра, э? Если пожелаете.

— Разумеется, министр, — сказал Эсдан с вежливостью, граничащей с подобострастием. Тон этот, как он знал, действовал на таких людей, более привыкших к угодливости рабов, чем к обществу равных. Никогда не путавший гордость с грубостью, Эсдан, как и большинство его единоплеменников, был склонен оставаться вежливым в любых обстоятельствах, допускающих это, и очень не любил обстоятельства, этого не допускающие. Простое лицемерие его не трогало. Он сам был более чем способен на него. Если люди Райайе его пытали, а Райайе напускает на себя вид полной неосведомленности, Эсдан ничего не добился бы, заявив о пытках.

Собственно, он радовался, что его не вынуждают говорить о них, и надеялся не думать о них. За него о них думало его тело, помнило их со всей точностью каждым суставом и каждой мышцей. Ну а потом он будет думать о них до конца своих дней. Он узнал много такого, о чем не знал раньше. Он полагал, что понимает ощущение беспомощности. Теперь он знал, что ошибся.

Когда пришла испуганная женщина, он попросил ее послать за ветеринаром.

— На мою ногу нужно наложить лубки.

— Да, он поправляет руки крепостным, хозяин, — прошептала она, съеживаясь. Движимости здесь говорили на архаичном диалекте, трудном для понимания на слух.

— Ему можно войти в дом?

Она покачала головой.

— Кто-нибудь тут может наложить их?

— Я поспрошаю, хозяин, — прошептала она.

Вечером пришла старая крепостная. Морщинистое, опаленное, суровое лицо и никакого испуга. Едва увидев его, она прошептала:

— Великий Владыка!

Но позу почтения приняла небрежно и осмотрела его ступню с безразличием хирурга. Потом сказала:

— Если вы разрешите мне наложить повязку, хозяин, все заживет.

— А что сломано?

— Пальцы. Вот эти. Может, еще косточка вот тут. В ступнях косточек полным-полно.

— Пожалуйста, наложи повязку.

И она наложила, наматывая полосы ткани туго и ровно, пока его ступня не застыла в полной неподвижности под естественным углом.

— Когда будете ходить, господин, опирайтесь на палку, а на землю становитесь только пяткой.

Он спросил, как ее зовут.

— Гейна, — сказала она и, произнося свое имя, посмотрела ему прямо в лицо сверлящим взглядом — большая дерзость для рабыни. Вероятнее всего, ей захотелось рассмотреть его инопланетянские глаза, после того как его тело, пусть и непривычного цвета, оказалось самым обыкновенным — и косточки в ступне, и все прочее.

— Спасибо, Гейна. Благодарю тебя и за твое умение и за твою доброту.

Она чуть присела, но не склонилась в поклоне и вышла из комнаты. Она сама хромала, но спину держала прямо. «Все бабушки бунтовщицы», — сказал ему кто-то давным-давно, еще до Восстания.

На следующий день он смог встать и доковылял до кресла без ручки. Некоторое время он сидел и смотрел в окно.

Комната была на втором этаже и выходила окнами на сады Ярамеры — расположенные террасами цветники, аллеи, лужайки и цепь декоративных прудов, каскадами спускающихся к реке, — хитросплетенный узор изгибов и плоскостей, растений и дорожек, земли и тихих вод, обрамленный широким живым изгибом реки. Все части садов слагались в единое целое, незаметно устремленное к гигантскому дереву на речном берегу. Оно, несомненно, уже было могучим четыреста лет назад, когда создавались сады. Оно уходило в небо довольно далеко от обрыва, но ветви простирались далеко над водой, а в его тени уместилась бы целая деревня. Трава на газонах пожухла и обрела оттенок светлого золота. Река и пруды отливали туманной голубизной летнего неба. Цветники были неухожены, кусты не подстригались, но еще не заросли бурьяном. Сады Ярамеры были невыразимо прекрасны в своей пустынности. Пустынность, одичание, забвение — все эти романтичные слова шли им. Но кроме того, они были зримыми и величественными, и полными покоя. Их создал рабский труд. Их красота и покой были порождены жестокостью, бесправием, страданиями. Эсдан был с Хейна и при-

надлежал к очень древней расе — расе, которая тысячи раз создавала и уничтожала свои Ярамеры. Его сознание воспринимало красоту и неизбывную горечь этого места с убеждением, что существование первой не может оправдывать вторую и что уничтожение первой не уничтожит вторую. Он ощущал и ту и другую. Только ощущал.

И еще, сидя в удобном кресле и почти не испытывая боли, он ощущал, что прекрасные горестные террасы Ярамеры прячут в себе террасы Дарранды на Хейне, крыша ниже красной крыши, сад ниже зеленого сада, круто уходящие вниз к сверкающей воде порта, набережным и пирсам, и парусным яхтам. А дальше за портом вздымается море, уходит в высоту до самого его дома, до самых его глаз. Эси знает, что в книгах море лежит внизу. «Сегодня море лежит так спокойно», — говорится в стихотворении, но он-то знает правду. Море высится стеной, серо-голубой стеной в конце мира. Если поплыть по морю, оно кажется плоским, но если увидеть его верным взглядом, то оно вздымается ввысь, как холмы Дарранды, и если поплыть по нему верно, то проплывешь сквозь эту стену, проплывешь за конец мира.

Небо — вот крыша, которую поддерживает эта стена. По ночам звезды сияют сквозь прозрачную крышу воздуха. И к ним можно уплыть, к мирам за пределами этого мира.

«Эси!» — зовет кто-то из комнаты, и он отворачивается от моря и от неба, покидает балкон и идет поздороваться с гостями, или на урок музыки, или пообедать с семьей. Он хороший маленький мальчик, наш Эси — послушный, веселый, не болтливый, но и не застенчивый, с живым интересом к людям. Ну и конечно, очень воспитанный. В конце-то концов он Келвен, и старшее поколение не потерпело бы плохих манер у ребенка из их рода. Впрочем, прекрасные манеры даются ему легко, потому что плохих ему видеть не приходилось. И он не мечтательный ребенок. Живет в настоящем, наблюдательный, сообразительный, но одновременно вдумчивый и склонный подыскивать собственные объяснения, вроде моря-стены и воздуха-крыши. Эси не так близок Эсдану, как был когда-то: маленький мальчик, оставленный позади, оставленный дома давным-давно и далеко-далеко. Теперь Эсдан лишь изредка видит его глазами или вдыхает чудесный многосплетенный запах дома в Дарранде — дерева, смолистой пасты, которой полируют дерево, циновок

из душистых трав, только что срезанных цветов, кухонных приправ, морского ветра... или слышит голос матери: «Эси? Иди скорее, милый. Приехали родные из Дораседа!»

И Эси бежит встретить родных — встретить старого Илия-вода с мохнатыми бровями и волосами в ноздрях, который умеет творить чудеса с кусочками липкой ленты, и встретить Туитуи, которая ловит мяч лучше Эси, хотя и младше него, а Эсдан засыпает в кресле без ручки у окна, выходящего на страшные прекрасные сады.

Дальнейшие беседы с Райайе были отложены. Пришел задьо с его извинениями. Министру пришлось отбыть к президенту, но он вернется через два-три дня. Теперь Эсдан понял, что рано утром слышал, как где-то недалеко в воздух поднялся летательный аппарат. Это означало передышку. Он любил фехтовать, но был еще очень измучен, разбит и радовался возможности отдохнуть. К нему в комнату не заходил никто, кроме испуганной женщины, Хио, и задьо, который раз в день являлся осведомиться, не нуждается ли он в чем-либо.

Когда он окреп, ему разрешили выходить из комнаты в сады, если он пожелает.

Он уже мог ходить с палкой, привязав к забинтованной ступне подошву от старой сандалии, которую принесла ему Гейна, и теперь выбирался в сады посидеть на солнце, которое к исходу лета с каждым днем становилось все ласковее. Два веота были его стражами, а вернее, охранниками. Два пытавшие его парня иногда мелькали в отдалении: видимо, им было приказано не приближаться к нему. Обычно один из веотов наблюдал за ним, но ничем его не стеснял.

Далеко отойти он все равно не мог. Иногда он казался себе жучком на песке. Та часть дома, которая относительно уцелела, была огромной, сады — обширными, людей же было совсем мало. Шестеро мужчин, привезших его сюда, и примерно еще столько же. Командовал ими грузный толстяк Туальнем. От движимостей, прежде обслуживавших дом и сады, осталось около десятка — крохи от огромного штата всех этих поваров, поварят, прачек, горничных, камеристок, камердинеров, чистильщиков обуви, мойщиков окон, садовников, подметальщиков аллей, лакеев, рассыльных, конюхов, кучеров, постельниц и постельников, которые служили вла-

дельцам и их гостям в былые дни. Эту горстку уже не запирали на ночь в старом поселке домашних движимостей, где висела клетка-укоротка. Они спали в конюшнях, куда его поместили сначала, или в лабиринте комнатушек вокруг кухни. Большинство из оставшихся были женщины — две молоденькие — и еще двое-трое дряхлых стариков.

Сначала он не старался заговаривать с ними, опасаясь навлечь на них неприятности, однако его тюремщики замечали их, только когда хотели отдать то или иное распоряжение, видимо, считая их надежными — и по веской причине. Смутьяны-движимости, которые вырвались из поселков, убили боссов и владельцев, уже давно исчезли без следа: погибли, сбежали или были возвращены в рабство. У последних на обеих щеках были выжжены глубокие кресты. А это были хорошие пылевики. Вполне вероятно, что они все время хранили верность. Многие крепостные, особенно личные рабы, напуганные Восстанием не менее владельцев, пытались защищать хозяев или бежали вместе с ними. Предателями они были не больше, чем владельцы, которые освободили своих движимостей и сражались на стороне Освобождения. Ровно настолько и не больше.

Девушек, работавших в полях, приводили в дом по одной, чтобы служить постельницами мужчинам. День за днем два пытавшие его парня уезжали утром в машине с использованной постельницей и возвращались с новой.

Камма, одна из двух молодых крепостных в доме, ни на минуту не расставалась со своим младенцем, и мужчины не обращали на нее внимания. Вторая, Хио, была той, напуганной, которая прислуживала ему. Туальнем пользовался ею каждую ночь. Остальные на нее не посягали.

Когда они или другие крепостные оказывались рядом с Эсданом в доме или в садах, то опускали руки вдоль боков, прижимали подбородок к груди, опускали глаза и замирали — формальная поза почтения домашней движимости, стоящей перед владельцем.

— Доброе утро, Камма.

Она ответила позой почтения.

Прошло уже много лет с тех пор, когда ему приходилось соприкасаться с законченным продуктом многовекового рабства — с такими, которых при продаже рекомендовали как «безупречно обученную, исполнительную, беззаветно пре-

данную личную движимость». Подавляющее число движимостей, с которыми он был знаком — его друзья и сотрудники, — принадлежало к городским арендным, к тем, кого их владельцы предоставляли компаниям и корпорациям для работы на заводах, фабриках или там, где требовался квалифицированный труд. Кроме того, он был знаком со многими полевыми движимостями. Эти вообще крайне редко видели своих владельцев, они работали под началом боссов-гареотов, а их поселками управляли вольнорезанные — кастрированные — движимости. И те, кого он знал, почти все были беглыми, кого под покровительством Хейма, подпольной организации движимостей, переправляли тайными путями на Йоуи. Никто из них не был настолько лишен начатков образования, возможности выбора и хоть какого-то представления о свободе, как крепостные тут. Он успел забыть, что такое хорошие пылевики. Он забыл абсолютную непроницаемость тех, кому отказано в личной жизни, забыл замкнутость ничем не защищенных.

Лицо Каммы было безмятежным и не выражало никаких чувств, хотя он слышал, как она иногда очень тихо разговаривала со своим младенцем и напевала что-то радостное и веселое. Как-то днем он увидел, что она сидит на балюстраде большой террасы и что-то готовит, а ее младенец висит у нее за спиной, укутанный в платок. Он прохромал туда и сел поблизости. Помешать ей при виде него отложить доску и нож и встать, опустив руки, глаза и голову, в позу почтения он не мог.

— Пожалуйста, сядь, пожалуйста, продолжай работать, — сказал он. Она подчинилась. — Что ты чистишь?

— Дьюли, хозяин, — прошептала она.

Он часто и с удовольствием ел эти овощи и теперь с интересом наблюдал за ней. Каждый большой деревянистый стручок надо было раскрыть по сросшемуся шву. Задача не из простых: сначала определить нужную точку, потом несколько раз нажать лезвием, поворачивая его. А когда стручок открывался, нужно было по очереди извлечь мясистые съедобные семена, отделяя их от крепкой внутренней оболочки.

— А остальное есть нельзя? — спросил он.

— Нет, хозяин.

Очень трудоемкий процесс, требующий силы, сноровки и терпения. Ему стало стыдно.

— Я никогда еще не видел сырые дьюли.

— Да, хозяин.

— Какой хороший малыш, — сказал он, чтобы что-то сказать. Младенец в платке, чья головка лежала у нее на плече, смутно смотрел на мир большими иссиня-черными глазами. Он ни разу не слышал, чтобы младенец плакал. Какое-то не совсем земное создание, но, впрочем, ему никогда не приходилось иметь дело с маленькими детьми.

Она улыбнулась.

— Мальчик?

— Да, хозяин.

— Камма, пожалуйста, — сказал он. — Меня зовут Эсдан. И я не хозяин, я пленник. Твои хозяева — хозяева и надо мной. Ты будешь называть меня по имени?

Она не ответила.

— Наши хозяева не одобрят?

Она кивнула. Верелиане кивали, не наклоняя голову, а откидывая ее. Он давно уже к этому привык. И сам кивал так. И поймал себя на том, что вдруг снова воспринял ее кивок как неожиданность. Плен, обращение с ним здесь дезориентировали его, заставили утратить ощущение реальности. Последние дни он много думал о Хейне, чего не случалось уже годы и годы. Десятилетия. Верел стал для него домом, а теперь больше не был. Нелестные сравнения, неожиданные воспоминания. Отчуждение.

— Они посадили меня в клетку, — сказал он так же тихо, как говорила она, и споткнулся на последнем слове. Он не мог выговорить его целиком: клетка-укоротка.

Снова кивок. И на этот раз — в первый раз — она посмотрела на него. Как краткий проблеск. Потом беззвучно произнесла «я знаю» и взяла новый стручок.

Он не нашел, что сказать еще.

— Я была щенком, я жила там, — добавила она, взглянув в сторону поселка, где висела клетка. Она полностью контролировала свой журчащий голос, как и все жесты, все движения. — До того, как дом сожгли. Когда хозяева жили в нем, они часто вешали в клетке. Один раз мужчина висел, пока не умер там. В ней. Я видела.

Молчание.

— Мы, щенки, никогда не ходили под ней. Никогда там не бегали.

— Я заметил, что... что земля там внизу другая, — сказал Эсдан так же тихо. Во рту у него пересохло, дыхание стало прерывистым. — Я увидел, глядя вниз. Трава. Я подумал, вдруг это... где они... — Его голос замер.

— Одна бабушка взяла палку, длинную. С тряпкой на конце, намочила и подняла к нему. Вольнорезанные смотрели в сторону. Но он все-таки умер и гнил там.

— Что он сделал?

— Энна, — сказала она. Отрицание, которое он часто слышал от движимостей: я не знаю, это не я, меня там не было, вина не моя, кто знает...

Однажды он видел, как дочку владельца отшлепали, когда она сказала «энна» — и не за разбитую чашку, а за употребление рабского слова.

— Полезный урок, — сказал он, зная, что она поймет. Ирония для угнетенных — как воздух и как вода.

— Они же сунули вас в это, и тогда я испугалась.

— На этот раз урок предназначался мне, а не вам, — сказал он.

Она продолжала работать внимательно, без остановки. Он следил за ней. Ее опущенное лицо цвета глины с синеватым отливом было спокойным, мирным. Кожа младенца была темнее. Ее не случили с крепостным, ее использовал владелец. Они называли изнасилование использованием. Веки младенца медленно смежились — полупрозрачные, синеватые, точно крохотные ракушки. Маленький, хрупкий — Эсдан дал ему месяц. Его головка с бесконечным терпением приникала к ее сгорбленному плечу.

Они были на террасе одни. Легкий ветерок колыхал ветки цветущих деревьев у них за спиной, покрывал серебряной рябью реку в отдалении.

— Твой малыш, Камма, ты знаешь, он будет свободным, — сказал Эсдан.

Она подняла глаза — но не на него, а на реку, на дальний берег за ней. И сказав: «Да, он будет свободным», продолжала работать.

Они его подбодрили — слова, которые она ему сказала. Ему так нужно было знать, что она ему доверяет. Он отчаянно нуждался в чьем-то доверии, потому что после клетки перестал доверять себе. С Райайе все обстояло в порядке, он еще мог фехтовать. Опасность была иной. Она угрожала,

когда он оставался один, думал, спал. А один он оставался почти все время. Что-то в его сознании где-то глубоко-глубоко было повреждено, сломано и не восстановилось, и могло не выдержать его веса.

Утром он услышал, как приземлился летательный аппарат. Вечером Райайе пригласил его к обеду внизу. Туальнем и оба веота обедали с ними, но затем извинились и оставили их вдвоем за бутылкой вина на столе из положенной на козлы доски в одной из наименее пострадавших нижних комнат. Прежде она, видимо, предназначалась для охотничьих трофеев — ведь в этом крыле помещалась азаде, мужская половина дома, куда доступа женщинам не было. Движимости женского пола, служанки и постельницы за женщин не считались. Над камином свирепо скалила зубы массивная голова стайной собаки — опаленный мех пропылился, стеклянные глаза потускнели. На стене напротив прежде висели арбалеты — темное дерево сохранило их более светлые абрисы. Электрическая люстра то вспыхивала ярче, то совсем тускнела. Генератор был ненадежен. Один из старых крепостных все время его чинил.

— Пошел к своей постельной, — сказал Райайе, кивнув на дверь, которую Туальнем только что затворил, после того как усердно пожелал министру самой доброй ночи. — Трахать белую, как трахать дерьмо. У меня просто мурашки по коже бегают. Загонять свой член в дырку рабыни! Когда война кончится, подобным мерзостям придет конец. Полукровки — вот корень этих беспорядков. Не допускайте смешивания рас. Храните кровь правителей чистой. Вот — единственный выход. — Он говорил так, будто ожидал изъявления полного согласия, однако не стал его дожидаться и, налив рюмку Эсдана до краев, продолжал своим звучным голосом политика, любезного хозяина, владельца поместья: — Ну-с, господин Музыка Былого, надеюсь, вам приятно гостить в Ярамере, и ваше здоровье окрепло.

Вежливое бормотание.

— Президент Ойо весьма огорчился, услышав, что вам нездоровилось, и просил передать его пожелания скорейшего полного выздоровления. Он был рад узнать, что вы можете больше не опасаться зверства инсургентов. Оставайтесь здесь в безопасности, сколько пожелаете. Однако, когда настанет время, президент и его кабинет будут рады увидеть вас в Беллене.

Вежливое бормотание.

Долгая привычка удержала Эсдана от вопросов, которые выдали бы всю степень его неосведомленности. Райайе, подобно подавляющему большинству политиков, любил звук своего голоса, и, пока он разглагольствовал, Эсдан пытался составить примерное представление о текущем положении дел. Видимо, Легитимное правительство перебралось из столицы в небольшой город Беллен вблизи восточного побережья к северо-востоку от Ярамеры. В столице остался какой-то гарнизон. То, как Райайе упоминал об этом, навело Эсдана на мысль, что столица стала полунезависимой от правительства Ойо, где теперь управляет какая-то фракция, возможно, военная.

Когда вспыхнуло восстание, Ойо тут же были присвоены особые полномочия, однако Легитимная армия Вое-Део после ряда сокрушительных поражений на западе устала от его командования и захотела большей автономности в своих действиях. Гражданское правительство требовало контрнаступления, атак и победы. Рега-генерал Эйдан проложил через столицу Раздел и попытался установить и удерживать границу между новым Свободным государством и Легитимными провинциями. Веоты, присоединившиеся к Восстанию с отрядами из своих движимостей, настаивали, чтобы Командование Сил Освобождения установило приграничное перемирие. Армия искала прочного перемирия, воины искали мира. Но Некам-Анна, Вождь Свободного государства, провозгласил: «Пока существует хотя бы один раб, я не свободен!», а президент Ойо прогремел: «Страна не будет разделена! Мы будем защищать легитимную собственность до последней капли крови в наших жилах!» Регу-генерала внезапно заменили новым главнокомандующим. Очень скоро после этого посольство было заблокировано, его доступы к источникам информации перекрыты.

Эсдан мог только догадываться о том, что произошло за прошедшие с тех пор полгода. Райайе говорил о «наших победах на юге», словно Легитимная армия перешла в наступление и вторглась на территорию Свободного государства за рекой Деван к югу от столицы. В таком случае, если уж они расширили свои владения, почему правительство покинуло столицу и окопалось в Беллене? Разглагольствования Райайе о победах могло означать, что Армия Освобождения пытает-

ся форсировать реку на юге, а легитимистам пока удается удерживать их на том берегу. Если им угодно называть это победой — значит они отказались от надежды подавить революцию, вернуть под свою власть всю страну и смирились с потерями?

— О разделенной стране и речи быть не может, — сказал Райайе, перечеркивая обнадеживающий вывод. — Я полагаю, вы это понимаете.

Вежливое выражение согласия.

Райайе разлил оставшееся вино.

— Однако наша цель — мир. Наша настоятельнейшая и неотложная цель. Наша злополучная страна достаточно настрадалась.

Безоговорочное согласие.

— Я знаю, вы сторонник мира, господин Музыка Былого. Мы знаем, Экумена насаждает гармонию среди и внутри входящих в нее планет. Мир — вот чего мы жаждем всем сердцем.

Согласие с легким оттенком вопроса.

— Как вам известно, правительство Вое-Део всегда располагало возможностью положить конец мятежу. Средством покончить с ним быстро и полностью.

Никакого отклика, но настороженное внимание.

— И, полагаю, вам известно, что только наше уважение к политике Экумены, членом которой состоит моя страна, помешало нам прибегнуть к указанному средству.

Ни малейшего отклика и никакой реакции.

— Вам же это известно, господин Музыка Былого. Я полагаю, вам свойственно естественное желание сохранить жизнь.

Райайе потряс головой, словно отгоняя назойливую муху.

— С тех пор как мы вступили в Экумену — и еще задолго до этого, господин Музыка Былого, — мы лояльно следовали ее политике и склонялись перед ее теориями. А в результате мы потеряли Йоуи. И потеряли Запад! Четыре миллиона погибших, господин Музыка Былого! Четыре миллиона в первом Восстании. И миллионы с тех пор. Миллионы. Если бы мы подавили его тогда, погибших было бы куда меньше. И движимостей тоже, а не только владельцев.

— Самоубийство, — сказал Эсдан мягким тихим голосом, каким говорили движимости.

— Пацифист любой вид оружия считает злом, источником катастроф, самоубийственным. Несмотря на всю древнюю мудрость вашего народа, господин Музыка Былого, вы не обладаете живым опытом в делах войны, которым против своей воли вынуждены запасаться мы, более молодые, не столь зрелые народы. Поверьте мне, у нас нет суицидальных наклонностей. Мы хотим, чтобы наш народ, наша страна выжили. И мы полны решимости добиться этого. Бибо прошла все испытания задолго до того, как мы присоединились к Экумене. Она управляема, целенаводима, контролируема. Точное оружие, безупречный инструмент войны. Слухи и страх сильно преувеличили ее возможности и природу. Мы знаем, как ее применять, как регулировать ее воздействие. И применить ее селективно в первое лето мятежа нам помешала только позиция ваших стабилей, сообщенная нам вашим послом.

— У меня сложилось впечатление, что верховное командование армии Вое-Део также было против использования этого оружия.

— Некоторые генералы были против. Веоты крайне консервативны в своем мировоззрении, как вам известно.

— И принято новое решение?

— Президент Ойо распорядился использовать бибо против сил, готовящихся вторгнуться в эту провинцию с запада.

Такое уютное словечко «бибо»! Эсдан на миг закрыл глаза.

— Разрушения будут колоссальными, — сказал Райайе.

Выражение согласия.

— Возможно, — сказал Райайе, наклоняясь вперед, и черные глаза на черном лице налились свирепостью охотничьей кошки, — что инсургенты отступят, если их остерегут. Будут готовы к переговорам. Если они отступят, мы не станем атаковать. Если они пойдут на переговоры, мы пойдем на переговоры. Катастрофа может быть предотвращена. Они уважают Экумену. Они уважают вас лично, господин Музыка Былого. Они доверяют вам. Если бы вы обратились к ним по сети или если бы их вожди согласились на встречу, они выслушали бы вас не как своего врага, своего угнетателя, но прислушались бы к голосу благожелательной миролюбивой нейтральной силы, голосу мудрости, призывающего их спастись, пока еще есть время. Вот возможность, которую я предлагаю вам, предлагаю Экумене. Спасти своих друзей среди

мятежников, спасти эту планету от неимоверных страданий. Открыть путь к прочному миру.

— Я не уполномочен говорить от имени Экумены. Посол...

— Не хочет. Не может. Не свободен это сделать. В отличие от вас. Вы ничем не связаны, господин Музыка Былого. Ваше положение на Вереле уникально. Обе стороны уважают вас. Доверяют вам. И ваш голос несравнимо более весом для белых, чем его голос. Он прибыл сюда всего за год до мятежа. Вы же, могу сказать, один из нас.

— Я не один из вас. Я никем не владею, и мной никто не владеет. Чтобы включить меня, вам надо подыскать для себя иное определение.

Райайе на мгновение лишился слов. Он растерялся и, конечно, будет разозлен. Дурень, сказал себе Эсдан, старый дурень. Нашел время опираться на высокую мораль! Но он не знал, на что еще опереться.

Бесспорно, его слово было весомее, чем слово посла. Но в остальном все, что говорил Райайе, не имело смысла. Если президент Ойо хочет получить благословение Экумены на применение этого оружия и серьезно верит, что Эсдан его даст, почему он действует через Райайе и прячет Эсдана в Ярамере? Сотрудничает Райайе с Ойо или работает на фракцию, которая склонна пустить в ход бибо, на что Ойо по-прежнему согласия не дает?

Вероятнее всего, это чистейшей воды обман. Никакого сверхоружия нет, но посредничество Эсдана придаст ему реальность, а в случае, если обман откроется, Ойо останется в стороне.

Биобомба, или бибо, в течение многих десятилетий была проклятием Вое-Део. В паническом ужасе перед вторжением инопланетян, вызванном первым контактом с Экуменой почти четыреста лет назад, верелиане почти все свои ресурсы вложили в развитие астронавтики и оружия. Ученые, создавшие бомбу, наложили на нее запрет, уведомив правительство, что ее воздействие контролю не поддается, что она уничтожит всех людей и всех животных на колоссальной площади и вызовет глубокие и необратимые генетические изменения на всей планете, отравив воду и атмосферу. Правительство ни разу не пустило ее в ход, но и уничтожить не пожелало. Ее наличие мешало Верелу получить членство в Экумене, пока эмбарго оставалось в силе. Вое-Део стояло на том, что бомба —

это их гарантия против инопланетных вторжений, и, быть может, верило, что она воспрепятствует революции. И все же она не была применена, когда восстание охватило Йоуи, планету рабов. Затем, когда Экумена перестала соблюдать эмбарго, было объявлено, что все имевшиеся в наличии бомбы уничтожены. Верел стал членом Экумены. Вео-Део предложило свои арсеналы для инспекции. Посол вежливо отказался, сославшись на экуменскую политику доверия. И вот вновь всплывает бибо! На самом деле? Только в воображении Райайе? Дошел ли он до полного отчаяния? Трюк, попытка использовать Экумену для подкрепления угрозы, чтобы былое пугало помешало вторжению, — вариант наиболее правдоподобный, но не вполне убедительный.

— Война должна кончиться, — сказал Райайе.

— Согласен.

— Мы никогда не капитулируем. Вы должны это понять. — Райайе оставил вкрадчивый, улещивающий тон. — Мы вернем миру священный порядок, — заявил он, вновь полностью становясь самим собой. Его глаза, темные верелианские глаза без белков в смутном свете казались бездонными. Он допил вино. — Вы думаете, что мы сражаемся за свою собственность. Чтобы сохранить то, чем владеем. Но вот что я вам скажу: мы сражаемся за нашу Владычицу. И эта битва исключает капитуляцию. И компромиссы.

— Ваша Владычица милосердна.

— Закон — вот ее милосердие.

Эсдан промолчал.

— Завтра я должен вернуться в Беллен, — сказал Райайе прежним непринужденным тоном. — Наши планы передвижения на южном фронте необходимо полностью скоординировать. Когда я вернусь, мне потребуется знать точно, окажете ли вы нам помощь, о которой я вас просил. От этого во многом будет зависеть наша стратегия. От вашего голоса. О том, что вы здесь, в Восточной провинции, известно — известно инсургентам, хочу я сказать, как и нашим людям. Хотя место, где вы находитесь, не называлось ради вашей же собственной безопасности. Известно, что вы, возможно, готовите сообщение о перемене в отношении Экумены к ведению гражданских войн. Перемене, которая может спасти миллионы жизней и принести нашей стране справедливый

мир. Надеюсь, вы используете время своего пребывания здесь именно для этого.

«Он фракционер, — решил Эсдан. — Он не поедет в Беллен. А если поедет — значит правительство Ойо находится не там. Это какой-то собственный его план. Свихнутый. Неисполнимый. Бибо у него нет. Но есть пистолет. И он застрелит меня».

— Благодарю вас за приятный обед, министр, — сказал он.

Утром на заре Эсдан услышал, как летательный аппарат поднялся в воздух. После завтрака он, хромая, побрел наружу — навстречу утреннему солнцу. Один из охраняющих его веотов следил за ним из окна, потом отвернулся. В укромном уголке под балюстрадой южной террасы возле разросшихся кустов с большими мохнатыми сладко пахнущими цветами он увидел Камму, ее младенца и Хио. Он направился к ним. Расстояния в Ярамере даже внутри дома были не для охромевшего человека. Когда наконец он приблизился к ним, он сказал:

— Мне одиноко. Могу я посидеть с вами?

Естественно, женщины вскочили и приняли позу почтения, хотя у Каммы она стала очень условной. Он опустился на полукруглую скамью, усыпанную опавшими цветами. Женщины снова сели на выложенную плиткой дорожку рядом с младенцем. Они распеленали его, подставили нежное тельце солнечным лучам. Он был очень худым, заметил Эсдан. Суставы сине-темных ножек и ручек были словно узлы на цветочных стеблях, полупрозрачные шишки. Никогда еще он не видел, чтобы этот младенец столько двигался — тянул ручки, вертел головкой, словно радуясь ощущению воздуха на своей коже. Голова была велика для такой тонкой шейки — опять-таки будто венчик цветка, слишком большой для тонкого стебелька. Камма покачивала над сыном настоящим цветком. Его темные глаза были устремлены на венчик. Веки и брови вызывали ощущение хрупкой прелести. Солнце просвечивало сквозь его пальчики. Он улыбнулся цветку, и у Эсдана перехватило дыхание. Улыбка младенца была сама красота цветка, сама красота мира.

— Как его зовут?

— Рекам.

Внук Ками. Ками — владыки и раба, охотника и земледельца, воина и миротворца.

— Красивое имя. А сколько ему?

«Долго ли он живет?» — вот как это звучало на языке, которым они пользовались.

Ответ Каммы прозвучал странно.

— Всю длину своей жизни, — сказала она, то есть, насколько он понял ее шепот и ее диалект. Возможно, спрашивать о возрасте ребенка было невежливостью или же сглазом.

Он откинулся на спинку скамьи.

— Я чувствую себя очень старым, — сказал он. — Сто лет я не видел младенцев.

Хио сидела, сгорбясь, спиной к нему. Он чувствовал, что она хочет заткнуть уши. Он, инопланетянин, внушал ей слепой ужас. Впрочем, что еще жизнь оставила Хио, кроме страха? Ей двадцать лет? Двадцать пять? Выглядела она на все сорок. Или ей вообще семнадцать? Постельницы, которых не щадили в постели, быстро старились. Камме, решил он, вряд ли больше двадцати. Она была худой, невзрачной, но в ней таилось цветение и соки жизни, которых не было в Хио.

— Хозяин имел детей? — спросила Камма, поднося ребенка к груди с робкой гордостью, застенчивым торжеством.

— Нет.

— Эрра, эрра, — пробормотала она. Еще одно слово, которое он часто слышал в городских рабочих поселках: «Как жаль, как жаль!»

— Ты попадаешь в самое сердце вещей, Камма, — сказал он. Она покосилась на него и улыбнулась. Зубы у нее были скверные, но улыбка была хорошей. Он решил, что младенец не сосет грудь, а просто уютно лежит на сгибе материнского локтя. Хио оставалась в напряжении и вздрагивала при каждом звуке его голоса, а потому он замолчал и отвел от них глаза. Теперь он смотрел мимо кустов на чудесную панораму, которая оставалась совершенной, ходили вы или сидели: плоскости террас, золотисто-бурая трава и синяя вода, изгибы аллей, куртины и узоры кустов, величавое вековое дерево, туманная река и ее дальний зеленый берег. Вскоре женщины начали снова переговариваться вполголоса. Он не слушал их, а только купался в их голосах, в солнечном свете, в мирном покое.

С верхней террасы к ним приковыляла старая Гейна, поклонилась ему и сказала Камме и Хио:

— Вы нужны Чойо. Оставьте маленького мне.

Камма снова положила малыша на теплую плитку, потом вскочила на ноги вместе с Хио, и они ушли — худые светлые женщины с торопливой грацией в каждом движении. Старуха медленно опустилась на дорожку рядом с Рекамом, гримасничая и постанывая. Она тут же накрыла мальчика пеленкой, хмурясь и ворча на глупость его матери. Эсдан следил за ее осторожными движениями, за мягкой нежностью, с какой она подняла мальчика, поддерживая его голову и крохотное тельце, за тем, как уложила его себе на руки и принялась укачивать, раскачиваясь всем телом.

Она посмотрела на Эсдана и улыбнулась, сморщив лицо в тысячи лучащихся морщинок.

— Он великий дар мне, — сказала она.

— Твой внук? — прошептал он.

Кивок затылком назад. Она продолжала слегка покачиваться. Глаза младенца были закрыты, его головка лежала на ее худой высохшей груди.

— Думаю, он умрет уже недолго как.

Через некоторое время Эсдан сказал:

— Умрет?

Кивок. Она все еще улыбалась. Тихо, тихо покачивалась.

— Ему возраст два года, хозяин.

— Я думал, он родился этим летом, — прошептал Эсдан.

Старуха сказала:

— Он пришел побыть с нами немножко.

— Что с ним?

— Сухотка.

Эсдан слышал это название и переспросил «аво»? — медицинское название болезни, вирусной инфекции, часто поражающей верелианских детей, а в городских поселках недвижимостей нередко носящей эпидемический характер.

Она кивнула.

— Но ведь она излечивается!

Старуха промолчала.

Аво излечивалась полностью. Там, где были врачи. Где были медикаменты. Аво излечивалась в городах, не в деревнях. В Большом Доме, не в помещениях движимостей. В дни мира, а не в дни войны. Дурень!

Может быть, она знала, что болезнь излечима, может быть не знала, может быть, она не знала смысла этого слова. Она укачивала малыша, не обращая внимания на дурня, нежно

мурлыча. Но она его услышала и наконец ответила, не глядя на него, устремив взгляд на личико спящего малыша.

— Я родилась во владении, — сказала она, — и мои дочери. А он нет. Он — дар. Нам. Никто не может им владеть. Дар владыки Ками, его дар самого себя. Кто в силах оставить себе такой дар?

Эсдан склонил голову.

Он сказал матери малыша: «Он будет свободным», а она ответила «да».

Наконец он попросил:

— Можно я его подержу?

Бабушка перестала раскачиваться и замерла.

— Да, — сказала она, медленно поднялась с дорожки и очень бережно положила спящего малыша на руки Эсдана, на его колени.

— Ты держишь мою радость, — сказала она.

Ребенок ничего не весил — не больше шести-семи фунтов. Эсдан словно держал теплый цветок, пушистую зверушку, птичку. Пеленка лежала на плитках. Гейна подобрала его и осторожно укрыла младенца, спрятав его лицо. Вся в напряжении, нервничая, ревнуя, полная гордости, она опустилась перед ним на колени. Но скоро забрала у него малыша.

— Ну вот, — сказала она, и счастье озарило ее лицо.

В комнате, выходившей окнами на террасы Ярамеры, Эсдану в эту ночь приснилось, что он потерял круглый плоский камешек, который всегда носил в своей сумке. Камешек был из пуэбло. Когда он согревал его на ладони, камешек обретал дар речи и разговаривал с ним. Однако они не разговаривали уже очень давно. И вот теперь он спохватился, что камешка у него больше нет. Он потерял его, где-то оставил. Наверное, в подвале посольства, решил он, и попробовал спуститься в подвал. Но дверь оказалась запертой, а другую дверь он не сумел найти.

Он проснулся. Еще только рассвело и нет нужды вставать. Следует обдумать, что предпринять, что сказать, когда Райайе вернется. Но его мысли упорно возвращались к тому, что ему приснилось. К говорящему камешку. Он жалел, что не расслышал того, что говорил камешек. Он вспомнил пуэбло. Семья брата его отца жила в пуэбло Арканан в Дальних Южных горах. В дни детства и отрочества в самый разгар северной зимы Эси отправляли туда на сорок летних

дней. Первые годы с родителями, а потом и без них. Его дядя и тетя были из Дарранды и людьми пуэбло так и не стали. В отличие от своих детей. Те выросли в Арканане и всецело принадлежали ему. Старший сын, Суэн, был на четырнадцать лет старше Эсдана. Он родился с необратимыми дефектами мозга и нервной системы, и в пуэбло его родители обосновались ради него. Там для него было место. Он стал пастухом. И отправлялся в горы со стадом иам, животных, которых южные хейниты вывезли с О за тысячу лет до этого. Он пас стадо в горах и возвращался в пуэбло только с наступлением зимы. Эси редко его видел и был этому только рад, потому что Суэн его пугал: крупный, неуклюжий, воняющий, бормочущий невнятные слова громким режущим голосом. Эси не мог понять, как родители и сестры Суэн способны его любить. Он думал, что они претворяются. Ну как можно любить такого?

Это оставалось тайной для Эсдана и когда он повзрослел. Его двоюродная сестра Нои, сестра Суэна, которая стала Главной Хранительницей воды Арканана, сказала ему, что это не загадка, но великая тайна. «Ты видишь, что Суэн наш проводник? — сказала она. — Взгляни на это так. Он привел моих родителей сюда. А потому моя сестра и я родились здесь. А потому ты приезжаешь сюда гостить у нас. А потому ты научился жить в пуэбло. И никогда уже не будешь только городским жителем. Потому что Суэн привел тебя сюда. Привел нас всех. В горы».

«На самом-то деле он нас никуда не вел», — заспорил четырнадцатилетний мудрец.

«Нет, вел. Мы следовали за его слабостью, за его неполнотой. Его бедой. Погляди на воду, Эси. Она находит слабости камня, трещины, пустоты, проломы. Следуя за водой, мы приходим туда, где наше место». Потом она ушла решать спор из-за права пользования ирригационной системой за поселком, поскольку восточные склоны гор были очень сухими, и жители Арканана, хотя и были очень гостеприимны, часто затевали свары между собой, так что Главной Хранительнице воды дела хватало.

Однако состояние Суэна было необратимо, его дефекты не поддавались даже чудотворным хейнитским врачам. А этот малыш умирал от болезни, которая бесследно исчезла бы после нескольких уколов. Непростительное зло смириться с

его болезнью, его смертью. Непростительное зло позволить, чтобы его жизнь была отнята обстоятельствами, невезением, несправедливым обществом, фаталистичной религией. Религией, которая воспитывала и поощряла эту страшную пассивность в рабах, которая заставляла этих женщин опустить руки, позволить ребенку угасать и умереть.

Он должен вмешаться. Должен что-то сделать. Что можно сделать?

«Долго ли он живет?»

«Всю длину своей жизни».

Они ничего не могли сделать. Им некуда было пойти. Не у кого искать помощи. Способ излечить аво существует в других местах для других детей. Но не здесь и не для этого ребенка. И гнев, и надежда равно бесполезны. И горе. Но время горя еще не настало. Рекам сейчас с ними, и они будут радоваться ему, пока он здесь. Всю длину его жизни. «Он великий дар мне. Ты держишь мою радость».

Странное место для постижения сущности радости. «Вода мой проводник», — подумал он. Его руки все еще ощущали, что значит держать ребенка: легкий вес, краткое тепло.

На следующее утро он сидел на террасе, ожидая Камму и малыша, которые обычно приходили в это время, но пришел старший веот.

— Господин Музыка Былого, должен попросить вас некоторое время оставаться в доме.

— Задьо, я не собираюсь убежать, — сказал Эсдан, вытягивая ногу, завершавшуюся нелепым шаром повязки.

— Я очень сожалею.

Он сердито проковылял в дом следом за веотом, и его отвели в помещение на первом этаже — за кухней в кладовой без окна. Там его ждали койка, стол со стулом, ночной горшок и электрический фонарик на случай, если генератор выйдет из строя, как случалось почти каждый день.

— Значит, вы ожидаете нападения? — спросил он, оглядев все это, но веот вместо ответа запер за ним дверь. Эсдан сел на койку и погрузился в медитацию, чему научился в пуэбло Арканан. Он очистил сознание от отчаяния и гнева, повторяя и повторяя пожелания: здоровья и благого труда, мужества, терпения, спокойствия духа задьо... Камме, маленькому Рекаму, Хио, Туальнему, оге, Немео, который затол-

кал его в клетку-укоротку, Алатуалю, который затолкал его в клетку-укоротку, Гейне, которая перевязала ему ступню и благословила его, всем, кого он знал в посольстве, в городе — здоровья и благого труда, мужества, терпения, спокойствия духа... Это было хорошо, но сама медитация не принесла желанного результата. Ему не удалось не думать больше. И он думал. Он думал о том, что мог бы сделать. И ничего не придумал. Он был слаб, как вода, беспомощен, как младенец. Он воображал, как выступает по голонету с написанным для него текстом и говорит, что Экумена неохотно, но одобрила ограниченное применение биологического оружия ради прекращения гражданской войны. Он воображал, как, выступая по голонету, отшвыривает текст и говорит, что Экумена никогда не одобрит применения биологического оружия ради чего бы то ни было. И то и другое — плод фантазии. Планы Райайе — плод фантазии. Убедившись, что его заложник бесполезен, Райайе прикажет его расстрелять. Как долго он живет? Всю длину шестидесяти двух лет. Куда более справедливый ломоть жизни, чем получил Рекам. И тут он перестал думать.

Задьо открыл дверь и сказал, что он может выйти.

— Насколько близка Армия Освобождения, задьо? — спросил он, не ожидая ответа, и пошел на террасу. День клонился к вечеру. Там сидела Камма с малышом у груди. Ее сосок был зажат в его губах, но он не сосал. Она прикрыла грудь. Лицо у нее впервые стало печальным.

— Он спит? Можно я подержу его? — сказал Эсдан, садясь рядом с ней.

Она переложила маленький сверток ему на колени. Лицо у нее все еще было встревоженным. Эсдану показалось, что ребенку стало труднее, тяжелее дышать. Но он не спал и смотрел на лицо Эсдана своими большими глазами. Эсдан принялся корчить рожи: выпячивал губы, моргал. И заслужил легкую трепетную улыбку.

— Полевые говорят, что армия подходит, — сказала Камма своим очень тихим голосом.

— Армия Освобождения?

— Энна. Какая-то армия.

— Из-за реки?

— Кажется.

— Эти движимости — вольные. Они такие, как вы. Они не сделают вам плохо.

— Может быть.

Она боялась. Прекрасно владела собой, но очень боялась. Она была свидетельницей Восстания и карательных мер.

— Если будут бомбежки или бои, спрячьтесь, — сказал он. — Под землей. Здесь ведь должны быть убежища.

Она подумала и сказала:

— Да.

В садах Ярамеры царила безмятежность. Нигде ни звука, только ветер шелестит листьями да еле слышно жужжит генератор. Даже закопченные развалины дома обрели мирный вневременно́й вид. Худшее уже свершилось, говорили развалины. С ними. Но может быть, не с Каммой и Хио, с Гейной и Эсданом. Однако в летнем воздухе не было ни малейшего намека на насилие. Малыш, лежа на руках Эсдана, опять улыбнулся своей смутной улыбкой. Эсдан вспомнил камешек, который потерял в своем сне.

На ночь его заперли в кладовой без окна. У него не было возможности определить, в каком часу его разбудил шум, когда он сразу очнулся от треска выстрелов и взрывов. Винтовки? Ручные гранаты? Наступила тишина, потом опять выстрелы и взрывы, но уже слабее. Снова тишина — и тянется, тянется... Затем он услышал летательный аппарат, словно кружащий над самым домом, и звуки внутри дома: крики, топот бегущих ног. Он зажег фонарь, надел брюки, с трудом натянув их через повязку. Услышал, что летательный аппарат возвращается, и сразу же прогремел взрыв. Он в панике кинулся к двери с одной только мыслью: как-нибудь вырваться из этой гибельной мышеловки. Он всегда боялся огня. Смерти в огне. Дверь была из крепкого дерева, крепко вделанная в крепкую раму. Никакой надежды выломать ее. Он осознал это даже в минуту полной паники. Он крикнул:

— Выпустите меня!

Один раз. Кое-как взял себя в руки, вернулся к койке, а затем сел на полу между койкой и стеной — наиболее укромное место в комнате — и попытался сообразить, что происходит. Налет отряда Освобождения, люди Райайе отстреливаются, пытаются сбить летательный аппарат... вот к какому выводу он пришел.

Мертвая тишина. Тянется, тянется...

Свет фонаря совсем потускнел.

Он поднялся на ноги и встал у двери.

— Выпустите меня!

Ни звука.

Одиночный выстрел. Снова голоса, снова топот бегущих ног, крики. После новой долгой тишины — отдаленные голоса, шаги, приближающиеся по коридору за дверью. Мужской голос:

— Пока подержите их там.

Резкий, грубый голос.

Он поколебался, собрался с духом и крикнул:

— Я пленный! Я здесь!

Молчание.

— Кто тут?

Этого голоса он никогда прежде не слышал. А голоса, как и лица, имена, намерения были его призванием.

— Эсдардон Айа. Посольство Экумены.

— Владыка Всемогущий! — произнес голос.

— Выпустите меня отсюда, хорошо?

Ответа не последовало, но дверь содрогнулась на массивных петлях, на нее посыпались удары. Еще голоса снаружи, еще удары.

— Топор! — сказал кто-то.

— Надо найти ключ, — сказал другой, и послышались удаляющиеся шаги.

Эсдан ждал. Он вновь и вновь подавлял рвущийся наружу смех, опасаясь не справиться с истерикой. Но как это было смешно! По-дурацки смешно! Перекличка сквозь дверь, поиски ключей и топоров — фарс в разгар сражения. Но какого сражения?

Он все истолковал шиворот-навыворот. Бойцы Освобождения проникли в дом и убили людей Райайе. Несомненно, у них были пособники среди полевых рабов — осведомители, проводники. Запертый в кладовой, он только слышал шумный финал.

Когда его вывели из кладовой, по коридору волокли наружу тела убитых. Он увидел, как жутко изуродованный труп одного из парней — Алатуаля или Немео — вдруг распался: по полу протянулись веревки внутренностей, а ноги остались на месте. Человек, волокший труп, растерялся и стоял, держа туловище за плечи.

— Дерьмо-о! — сказал он.

Остановился и Эсдан, задыхаясь, борясь со смехом, борясь с рвотой.

— Пошли, — сказали люди рядом, и он пошел дальше.

В разбитые окна косо лились утренние солнечные лучи. Эсдан поглядывал по сторонам, но никого из домашних слуг не увидел. Его привели в комнату со скалящейся собачьей головой над камином. Там у стола стояли шесть-семь человек. Военной формы на них не было, хотя на фуражках и рукавах у некоторых желтели ленты Освобождения. Оборванцы, но подтянутые оборванцы. Разные оттенки кожи — и темный, и бежевый, и глинистый, и синеватый. Все они казались очень напряженными и очень опасными. Один из сопровождавших его, худой, высокий, сказал резким голосом (тем, который произнес «Владыка Всемогущий!» за дверью):

— Это он.

— Я Эсдардон Айа, Музыка Былого из посольства Экумены, — снова сказал он, как мог непринужденнее. — Меня держали здесь насильственно. Благодарю вас за мое освобождение.

Некоторые уставились на него так, как смотрят люди, никогда прежде не видевшие инопланетян, осваиваясь с его красновато-коричневой кожей, глубоко посаженными глазами в белой обводке и более скрытыми отличиями в форме черепа и лица. Двое глядели на него с вызовом, словно проверяя его утверждения, показывая, что поверят ему только, когда он представит доказательства. Крупный широкоплечий мужчина с белой кожей и рыжеватыми волосами — типичнейший пылевик, чистокровный потомок древней покоренной расы, очень долго смотрел на Эсдана.

— Мы здесь для этого, — сказал он.

Он говорил тихим мягким голосом движимости. Возможно, потребуется поколение, а то и два, чтобы они научились повышать голос, говорить раскованно.

— Откуда вы узнали, что я тут? Через полесеть?

Так называли тайную систему передачи сведений голосом — уху, с поля в поселок, в город и обратно задолго до появления голосети. Хейм использовал полесеть, и она была главным орудием Восстания.

Невысокий смуглый мужчина улыбнулся, чуть откинул голову, но оборвал кивок, заметив, что остальные никаких сведений не дают.

— Вам известно, кто удерживал меня здесь, Райайе. Не знаю, чье поручение он выполнял. Все, что я могу вам сказать, я скажу. — Он поглупел от облегчения и говорил слишком много, разыгрывал хоровод вокруг розового куста, тогда как они играли в твердокаменность. — У меня здесь есть друзья, — продолжал он более нейтральным тоном, переводя взгляд с лица на лицо — прямой, но вежливый. — Крепостные женщины, домашняя прислуга. Надеюсь, с ними ничего не случилось?

— Возможно, — ответил седой щуплый человек, выглядевший очень усталым.

— Женщина с ребенком, Камма. Старуха, Гейна.

Двое-трое покачали головами, выражая неосведомленность или равнодушие. Остальные никак не прореагировали. Он снова обвел их взглядом, подавляя раздражение и гнев. Такая напыщенность, такая идиотская игра в молчание!

— Нам надо знать, что вы тут делали, — сказал рыжеватый.

— Агент Армии Освобождения в столице дней пятнадцать назад должен был переправить меня из посольства в штаб Освобождения. На Разделе нас подстерегли люди Райайе. Они привезли меня сюда. Некоторое время я провисел в клетке-укоротке, — сказал Эсдан все тем же нейтральным тоном. — Моя ступня повреждена, и мне трудно ходить. Дважды я разговаривал с Райайе. Прежде, чем сказать что-нибудь еще, мне, как вы понимаете, необходимо узнать, с кем я говорю.

Высокий худой, который выпустил его из кладовой, обошел стол и быстро переговорил с седым. Рыжеватый выслушал и согласился. Высокий худой сказал Эсдану своим нетипично резким, грубым голосом:

— Мы особый отряд Передовой Армии Всемирного Освобождения. Я — маршал Метой.

Остальные тоже назвались. Крупный рыжеватый оказался генералом Банарками, усталый пожилой — генералом Тьюйо. Они называли свои звания вместе с именами, но, говоря друг с другом, звания не употребляли, а его не называли «господином». До Освобождения арендные редко обращались друг к другу с какими-либо наименованиями, кроме родственных — отец, сестра, тетя... Звания ставились перед именами владельцев — владыка, хозяин, господин, босс. Видимо, Освобождение решило обходиться без них. Ему было прият-

но познакомиться с армией, где не щелкали каблуками и не выкрикивали названия чинов. Но он так полностью и не понял, с какой, собственно, армией он познакомился.

— Они держали вас в том помещении? — спросил Метой. Непонятный человек: бесцветный холодный голос, бледное холодное лицо. Однако в нем не было такого перенапряжения, как в остальных. Видимо, он был уверен в себе, привык быть главным.

— Там они заперли меня вечером. Словно получили какое-то предупреждение об опасности. Прежде я жил в комнате наверху.

— Можете вернуться туда, — сказал Метой. — Но не выходите из нее.

— Хорошо. Еще раз благодарю вас, — сказал он им всем. — Будьте так добры, когда вы поговорите с Каммой и Гейной... — Он не стал ждать пренебрежительного молчания, повернулся и вышел.

С ним пошел один из более молодых. Он назвался задьо Тэма. Следовательно, Армия Освобождения использовала традиционные чины веотов. Что среди них были веоты, Эсдан знал, но Тэма не был веотом. Светлая кожа, выговор городского пылевика — мягкий, суховатый, отрывистый. Эсдан не попытался заговорить с ним. Тэма был на пределе, выбит из колеи ночными убийствами в рукопашной... или чем-то еще. Его плечи, руки и пальцы почти непрерывно подрагивали, бледное лицо болезненно хмурилось. Он не был в настроении болтать со штатским пожилым пленным инопланетянином.

«Во время войны пленники — все», — написал историк Хененнеморес.

Эсдан поблагодарил своих новых тюремщиков за освобождение, но он вполне понимал свое положение. Он все еще находился в Ярамере.

И все-таки было облегчением снова увидеть свою комнату, опуститься в кресло без ручки у окна и поглядеть на утреннее солнце, на длинные тени деревьев поперек лужаек и террас.

Но против обыкновения никого из домашних слуг там не было видно, никто не вышел наружу заняться своей работой или отдохнуть от нее. Никто не входил в его комнату. Утро медленно близилось к концу. Он поупражнялся в танхаи,

насколько позволяла ступня. Потом сидел, чутко насторожившись, задремал, проснулся, попытался сидеть прямо, но сидел тревожно ерзая, обдумывая слова «особый отряд Передовой Армии Всемирного Освобождения».

Легитимное правительство в известиях по голосети называло вражескую армию «силами инсургентов» или «мятежными ордами». А восставшие начали с того, что назвали себя Армией Освобождения. Не Всемирного. Но с начала Восстания он потерял постоянный контакт с борцами за свободу, а с блокадой посольства лишился и всякого доступа к информации — разумеется, кроме информации с других миров через расстояния в много световых лет. Вот в ней недостатка не было, она поступала из анзибля без перерыва. Но о том, что происходило на расстоянии двух улиц, — никаких сведений, абсолютно ничего. В посольстве он был неосведомленным, бесполезным, бессильно-пассивным. Вот как теперь здесь. С начала войны он был, как сказал Хененнеморес, пленным. Вместе со всеми на Вереле. Пленный во имя Свободы.

Он боялся, что смирится со своим бессилием, что оно завладеет его душой. Он не должен забывать, из-за чего ведется эта война. «Только пусть освобождение настанет поскорее и сделает меня снова свободным!»

В середине дня молодой задьо принес ему тарелку с холодной едой — явно остатками, найденными на кухне, — и бутылку пива. Он ел и пил с благодарностью. Но было ясно, что свободы домашним слугам они не дали. А может быть, поубивали их. Он заставил себя не думать об этом.

Когда стемнело, пришел молодой задьо и отвел его в комнату с головой стайной собаки. Генератор, естественно, не работал. В исправности его поддерживала только усердная возня с ним старика Сейки. В коридорах люди светили себе фонариками, а в комнате горели две большие керосиновые лампы, отбрасывая романтичный золотой свет на лица вокруг, отбрасывая черные тени за эти лица.

— Садитесь, — сказал рыжеватый генерал Банарками (его имя переводилось, как «Чтец Писания»). — У нас есть к вам несколько вопросов.

Безмолвное, но вежливое выражение согласия.

Они спросили, как он выбрался из посольства, кто был посредникам между ним и Освобождением, куда он направ-

лялся, зачем вообще оставил посольство, что произошло во время похищения, кто привез его сюда, о чем его спрашивали, чего хотели от него. Придя в течение дня к выводу, что откровенность послужит ему лучше всего, он отвечал на их вопросы прямо и коротко. Кроме последнего.

— В этой войне я лично на вашей стороне, — сказал он, — однако Экумена по необходимости соблюдает нейтралитет. Поскольку в данный момент я единственный инопланетянин на Вереле, имеющий возможность говорить, все, что бы я ни сказал, может быть ошибочно принято за позицию посольства и стабилей. Вот чем я был ценен для Райайе. А возможно, и для вас. Но это заблуждение. Я не могу говорить от имени Экумены. Я на это не уполномочен.

— Они хотели, чтобы вы сказали, будто Экумена поддерживает гитов? — сказал усталый Тьюйо.

Эсдан кивнул.

— А они говорили об использовании какой-нибудь особой тактики, особого оружия? — Этот вопрос угрюмо задал Банарками, пытаясь не придавать ему особой значимости.

— На этот вопрос я предпочел бы отвечать, генерал, когда буду у вас в тылу разговаривать с теми, кого я знаю в командовании Освобождения.

— Вы разговариваете с командованием Армии Всемирного Освобождения. Отказ отвечать может быть расценен как свидетельство о сотрудничестве с врагом. — Это сказал Метой, непроницаемый, жесткий, грубоголосый.

— Я это знаю, маршал.

Они переглянулись. Несмотря на эту неприкрытую угрозу, Эсдан был склонен доверять именно Метою. Он был невозмутим и устойчив. Остальные нервничали и колебались. Теперь он не сомневался, что они фракционеры. Как велики их силы, в каком противостоянии они находятся с командованием Армии Освобождения, узнать он мог только из случайных обмолвок.

— Послушайте, господин Музыка Былого, — сказал Тьюйо (старые привычки въедаются крепко), — мы знаем, что вы работали для Хейма. Вы помогали переправлять людей на Йоуи. Тогда вы нас поддерживали.

Эсдан кивнул.

— И должны поддержать нас сейчас. Мы говорим с вами откровенно. У нас есть сведения, что гиты готовят контрна-

ступление. Что это может означать сейчас? Только то, что они намерены использовать бибо. Другого объяснения нет. А этого допустить нельзя. Нельзя им позволить это сделать. Их необходимо остановить.

— Вы говорите, что Экумена сохраняет нейтралитет, — сказал Банарками. — Ложь! Сто лет назад Экумена не допустила эту планету в свой союз, потому что у нас имелась бибо. Только имелась. Достаточно было, что она у нас есть. Теперь они утверждают, что нейтральны. Теперь, когда это действительно имеет значение! Теперь, когда эта планета входит в их союз, они обязаны действовать. Действовать против бомбы. Они обязаны помешать гитам прибегнуть к ней.

— Если у легитимистов она действительно есть, если они действительно планируют применить ее и если я сумею передать сообщение Экумене, что смогут сделать они?

— Вы заговорите. Вы скажете президенту гитов: Экумена говорит: остановитесь! Экумена пришлет корабли, пришлет войска. Вы поддержите нас! Если вы не с нами, то с ними!

— Генерал, ближайший корабль находится на расстоянии многих световых лет отсюда. Легитимисты это знают.

— Но вы можете связаться с ними! У вас есть передатчик.

— Анзибль в посольстве?

— Он есть и у гитов.

— Анзибль в министерстве иностранных дел был уничтожен в дни Восстания. В первом же нападении на государственные учреждения. Был взорван весь квартал.

— Как мы можем удостовериться?

— Это сделали ваши, генерал. Вы думаете, что у легитимистов есть анзибельная связь с Экуменой? Ее нет. Они могли бы захватить посольство и его анзибль, но тогда необратимо восстановили бы против себя Экумену. Да и зачем им? У Экумены нет войск для посылки на другие планеты. — И он добавил, внезапно заподозрив, что Банарками это неизвестно: — Как вы знаете. А если бы и были, сюда они попали бы лишь через годы. Вот по какой причине — и многим другим — Экумена не имеет армии и не ведет войн.

Его глубоко встревожили их неосведомленность, их дилетантство, их страх. Но он не допустил, чтобы тревога и досада прозвучали в его голосе, и говорил негромко, и смотрел на них спокойно, словно ожидая понимания и согласия. Простая видимость такой уверенности иногда дает желаемый

результат. К несчастью, судя по выражению их лиц, он сказал двум генералам, что они ошиблись, и сказал Метою, что он был прав. И значит, встал на чью-то сторону.

— Погодите-ка, — сказал Банарками и повторил весь первый допрос: перефразируя вопросы, настаивая на подробностях, выслушивая ответы без всякого выражения на лице. Спасал свой авторитет. Показывал, что не доверяет заложнику. Он упрямо настаивал, что Райайе мог сказать что-то еще о вторжении, о контрнаступлении на юге. Эсдан несколько раз повторил, что, по словам Райайе, президент Ойо ожидает атаки Армии Освобождения ниже по реке от Ярамеры. И каждый раз он добавлял:

— Мне неизвестно, было ли правдой хоть что-то из того, что говорил мне Райайе. — После пятого раза он сказал: — Извините, генерал, я опять должен спросить про здешних людей...

— Вы знали кого-нибудь тут до того, как попали сюда? — резко спросил кто-то из молодых.

— Нет. Я спрашиваю про домашнюю прислугу. Они были добры ко мне. Ребенок Каммы болен, ему требуется особый уход. И мне хотелось бы знать, что с ним все хорошо.

Генералы переговаривались между собой, не обращая никакого внимания на его просьбу.

— Всякий, кто остался тут после Восстания, прихвостень врагов, — сказал задьо Тэма.

— А куда они могли уйти? — спросил Эсдан, пытаясь сохранить спокойный тон. — Это ведь не освобожденная область. Боссы все еще надзирают в полях над рабами. Они все еще применяют тут клетку-укоротку. — На последних словах голос у него дрогнул, и он выругал себя за это.

Банарками и Тьюйо все еще совещались, не слушая его. Метой встал и распорядился:

— На сегодня достаточно. Идите со мной.

Эсдан захромал за ним по коридору и вверх по лестнице. Их торопливо нагнал молодой задьо, видимо, посланный Банарками. Никаких разговоров с глазу на глаз. Однако Метой остановился у двери Эсдана и сказал, глядя на него с высоты своего роста:

— О прислуге позаботятся.

— Благодарю вас, — с теплотой в голосе сказал Эсдан и добавил: — Гейна лечит мою ступню. Мне необходимо ее увидеть. — Если он нужен им здоровый и невредимый, по-

чему бы и не использовать свои травмы, как рычаг? А если он им не нужен, какая разница?

Спал он мало и плохо. Ему всегда требовались информация и возможность действовать. И было мучительно оставаться в неведении и беспомощным. Кроме того, ему хотелось есть.

Едва взошло солнце, он подергал дверь и убедился, что она заперта снаружи. Он принялся стучать, кричал, но прошло порядочно времени, прежде чем появился напуганный молодой человек, вероятно часовой, а затем Тэма с ключом, сонный и хмурый.

— Мне необходимо увидеть Гейну, — властно сказал Эсдан. — Она ухаживает за моей ногой. — Он кивнул на обмотанную ступню. Тэма запер дверь, ничего не сказав. Примерно через час в замке снова заскрипел ключ, и вошла Гейна. За ней — Метой, за ним — Тэма.

Гейна приняла позу почтения. Эсдан быстро подошел к ней, положил руки ей на плечи и прижался щекой к ее щеке.

— Хвала Владыке Ками, — сказал он, — я вижу тебя в благополучии, — произнес он слова, которые часто говорили ему люди, подобные ей. — Камма и малыш, как они?

Она была напугана до дрожи: волосы растрепались, веки покраснели, но она быстро оправилась от его неожиданного братского приветствия.

— Они сейчас в кухне, хозяин, — ответила она. — Армейские люди сказали, ваша нога болит.

Он сел на кровать, и она принялась разматывать повязку.

— А с другими все хорошо, Хио, Чойо?

Она качнула головой.

— Мне очень жаль, — сказал он. Расспрашивать ее он не мог.

На этот раз ногу она перебинтовала гораздо хуже. Руки у нее совсем ослабели, и ей не удалось затянуть повязку достаточно туго. К тому же она торопилась, оробев от пристальных взглядов двух военных.

— Надеюсь, Чойо вернулся на кухню, — сказал он наполовину ей, наполовину им. — Кто-то же должен стряпать еду.

— Да, хозяин, — прошептала она.

Забудь «хозяина», забудь «господина», хотел он предостеречь, опасаясь за нее. Он посмотрел на Метоя, пытаясь определить его отношение к их разговору, но не сумел.

Гейна кончила перевязывать его ступню, Метой отослал ее и отправил задью следом за ней. Гейна ускользнула с радостью. Тэма воспротивился:

— Генерал Банарками... — начал он. Метой посмотрел на него. Молодой человек замялся, насупился, повиновался.

— Я позабочусь об этих людях, — сказал Метой. — Я же всегда этим занимался. Ведь я был боссом поселка. — Он посмотрел на Эсдана холодными черными глазами. — Я вольнорезанный. Теперь таких, как я, осталось немного.

После паузы Эсдан сказал:

— Благодарю, Метой. Они нуждаются в помощи, они ведь не понимают.

Метой кивнул.

— Я тоже не понимаю, — сказал Эсдан. — Освобождение действительно готовится наступать? Или Райайе придумал это как предлог, чтобы заговорить о применении бибо? Верит ли этому Ойо? И вы? А Армия Освобождения действительно там за рекой? Вы принадлежите к ней? Не жду, что ответите.

— И не отвечу, — сказал евнух.

Если он двойной агент, подумал Эсдан после его ухода, то работает на Командование Освобождения. То есть так ему хотелось надеяться. Он предпочел бы иметь такого человека, как Метой, на своей стороне.

«Но я не знаю, какая сторона — моя, — подумал он, вернувшись к своему креслу у окна. — Освобождение, да, конечно, но что такое Освобождение? Во всяком случае, не идеальная мечта — свободу порабощенным! Не теперь. И уже больше никогда. После Восстания Освобождение обернулось армией, политическим органом, огромным числом людей и вождей, и тех, кто хотел быть вождем, честолюбивыми потугами и алчностью, подавляющими надежды и силу, несуразным дилетантским правительством, ковыляющим от насилия к компромиссам. Все это усложняется, перепутывается, и больше уже никогда не познать дивную простоту идеала, чистой идеи свободы. А это то, чего я хотел, ради чего работал все эти годы. Подорвать благородно простую кастовую иерархию, заразив ее идеей справедливости. А затем подорвать благородно простой идеал равенства всех людей, попытавшись воплотить его в жизнь. Монолитная ложь рассыпается на тысячи несовместимых истин, и это то, чего я хотел. Но я оказался в тенетах безумия, глупости, бессмысленной жестокости свершившегося».

«Они все хотят использовать меня, а я пережил свою полезность», — подумал он. И мысль эта озарила его изнутри, как сноп солнечных лучей. Он все время верил, что есть что-то, что он мог бы сделать. Но не было ничего.

Это была своего рода свобода.

Неудивительно, что он и Метой поняли друг друга без слов и сразу. К двери подошел задьо Тэма, чтобы отвести его вниз. Снова в комнату стайной собаки. Всех с замашками вождей влекла эта комната, ее суровый мужской дух. Теперь его там ждали лишь пятеро: Метой, два генерала и еще двое в ранге реги. Доминировал надо всеми Банарками. Он покончил с вопросами и был настроен отдавать приказы.

— Завтра мы уходим отсюда, — сказал он Эсдану. — Вы отправитесь с нами. У нас есть доступ в голосеть Освобождения. Вы будете говорить за нас. Вы скажете гитскому правительству, что Экумена знает про их планы использовать запрещенное оружие, и предупредите их, что за подобной попыткой последует мгновенное и ужасное возмездие.

У Эсдана покруживалась голова от голода и бессонницы. Он стоял неподвижно — его не пригласили сесть — и смотрел в пол, опустив руки по бокам. Он прошептал еле слышно:

— Да, хозяин.

Голова Банарками вздернулась, глаза сверкнули.

— Что вы сказали?

— Энна.

— Да кто вы, по-вашему?

— Военнопленный.

— Можете идти.

Эсдан вышел. Тэма пошел за ним, но не направлял и не останавливал. Он пошел прямо на кухню, откуда доносилось звяканье кастрюль, и сказал:

— Чойо, дай мне что-нибудь поесть.

Старик, съежившийся, трясущийся, что-то мямлил, извинялся, ворчал, но положил перед ним немного сушеных фруктов и кусок черствого хлеба. Эсдан сел к столу для разделки мяса и жадно принялся за еду. Он предложил Тэма присоединиться, но тот сухо отказался. Эсдан съел все до последней крошки. Потом прохромал из кухни к боковой двери на большую террасу. Он надеялся увидеть там Камму, но терраса была пустой. Он сел на скамью у балюстрады над продолговатым прудом, отражавшим небо. Тэма стоял на посту неподалеку.

— Вы говорили, что крепостные в таком месте — прихвостни врагов, если они не присоединились к Восстанию, — сказал Эсдан.

Тэма стоял неподвижно, но слушал.

— А вам не кажется, что они просто не понимали происходящего? И до сих пор не понимают? Это проклятое место, задьо. Здесь свободу трудно даже вообразить.

Молодой человек некоторое время подавлял желание ответить, но Эсдан продолжал говорить, нащупывая хоть какой-то контакт с ним. Внезапно что-то в его словах вышибло пробку.

— Постельницы, — сказал Тэма. — Трахаются с черными каждую ночь. Все они трахнутые. Блудни гитов. Рожают черных щенят, дахозяин, дахозяин. Вы сказали: они не знают про свободу. И не узнают. Нельзя дать свободу таким, которые дают черным себя трахать. Они гнусь. Грязь, и их не отмыть. Насквозь пропитались черным семенем. Гитским семенем!

Он сплюнул на террасу и утер рот.

Эсдан сидел неподвижно, смотрел на неподвижную воду пруда за нижней террасой, на вековое дерево, туманную реку, дальний зеленый берег. «Здоровья ему и благого труда, терпения, сострадания, душевного покоя. Какая была от меня польза? Хоть какая-то? Все, что бы я ни делал, никогда не приносило пользы. Терпение, сострадание, душевный покой. ОНИ ЖЕ — ТВОИ ЛЮДИ...» Он посмотрел вниз на густой комок слюны на желтой плитке террасы. «Глупец! Верить, что ты можешь кому-то дать свободу. Вот для чего существует смерть. Выпускать нас из клетки-укоротки».

Он встал и молча захромал в дом. Молодой человек последовал за ним.

С наступлением сумерек зажегся свет. Наверное, они допустили старого Сейку к генератору. Предпочитая вечерний сумрак, Эсдан выключил свет у себя в комнате. Он лежал на кровати, когда в дверь постучали, и вошла Камма с подносом.

— Камма! — сказал он, вставая, и обнял бы ее, если бы не поднос. — А Рекам?

— С моей мамой, — прошептала она.

— С ним все хорошо?

Кивок затылком. Она поставила поднос на кровать. Стола ведь не было.

— С тобой все хорошо? Будь осторожна, Камма. Если бы я мог... завтра они уйдут. Держитесь от них подальше, если сумеете.

— Да. Будьте безопасны, хозяин, — сказала она своим тихим голосом.

Он не понял, вопрос это или пожелание, грустно пожал плечами и улыбнулся. Она повернулась к двери.

— Камма, а Хио?

— Она с этим. В его постели.

После паузы он сказал:

— Есть вам, где спрятаться?

Он опасался, что люди Банаркама перед уходом могут убить тут всех за «коллаборационизм» или чтобы замести свои следы.

— У нас есть яма, куда уйти, как вы говорили.

— Отлично. Уйдите туда, если удастся. Исчезните! Не попадайтесь им на глаза.

— Я буду держаться крепко, господин, — сказала она и уже закрывала дверь, когда стекла в окнах задрожали от звука приближающегося летательного аппарата. Они замерли — она у двери, он около окна. Крики внизу, снаружи, топот бегущих ног. С востока приближалось несколько летательных аппаратов.

— Гасите свет! — крикнул кто-то. Люди выбегали к аппаратам на газоне и террасе. Окно вспыхнуло слепящим светом, воздух сотрясся от оглушительного взрыва.

— Со мной! — сказала Камма, схватила его за руку и потащила за собой в дверь, по коридору и в дверь для слуг, которой он прежде даже не замечал. Он проковылял, как мог быстрее, вниз по крутым каменным ступенькам, по узкому коридору, и они оказались среди лабиринта конюшен. Едва они вышли, как серия взрывов сотрясла все вокруг них. Под сокрушающий грохот и всплески огня они пересекли двор — Камма все еще тянула его за собой с полной уверенностью, а потом они юркнули в одну из кладовых в конце конюшен. Гейна и один из крепостных стариков как раз поднимали крышку люка в полу. Все четверо спустились в него — Камма одним прыжком, остальные медленно и с трудом по деревянной приставной лестнице. Особенно трудно спуск дался Эсдану, и он неуклюже, всей тяжестью наступил на сломан-

ную ступню. Спускавшийся последним старик закрыл за ними крышку люка. У Гейны был фонарик, но она включила его лишь на минутку, осветив большой низкий подвал с земляным полом, полки, арку прохода в соседний подвал, груду деревянных ящиков и пять лиц — проснувшийся малыш как всегда беззвучно смотрел из платка, привязанного к плечу Гейны. Потом тьма. И на некоторое время безмолвие.

Они нащупали себе по ящику и сели во тьме, кто где.

Послышались новые взрывы, словно бы вдалеке, но земля под ящиками и тьма задрожали. И они задрожали вместе с ней.

— О, Ками! — прошептал кто-то.

Эсдан сидел на пошатывающемся ящике, и кинжальные удары боли в его ступне сливались в одно жгучее жжение.

Взрывы. Три. Четыре.

Тьма обладала консистенцией густой жижи.

— Камма, — прошептал он.

Она что-то прошептала. Где-то рядом с ним.

— Благодарю тебя.

— Ты сказал: прячьтесь, и мы поговорили про это место, — прошептала она.

Старик дышал с всхлипывающим хрипом и часто откашливался. Было слышно и как дышит малыш — тихий неровный почти прерывистый звук.

— Дай его мне. — Это был голос Гейны. Значит, она отдала малыша матери.

— Потом, — прошептала Камма.

Старик заговорил неожиданно и громко, заставив их всех вздрогнуть.

— Тут воды нет!

Камма шикнула на него, а Гейна прошипела:

— Не кричи, глупый.

— Глухой, — шепнула Камма Эсдану с легким намеком на смех.

Если у них тут нет воды, прятаться они могут лишь ограниченное время — ночь, следующий день. А для кормящей женщины и этот срок может оказаться слишком долгим. Камма думала о том же, что и Эсдан. Она сказала:

— Как мы узнаем, выйти или нет?

— Рискнем, когда будет надо.

Наступило долгое молчание. Было трудно смириться с тем, что к такой тьме глаза привыкнуть не могли, что ты ничего

не увидишь, сколько бы ни просидел здесь. И было холодно, как в пещере. Эсдан пожалел, что на нем нет шерстяной рубашки.

— Ты его грей, — сказала Гейна.

— Я грею, — прошептала Камма.

— Эти, они крепостные? — шепнула ему Камма. Она сидела где-то совсем близко от него, где-то слева.

— Да. Освободившиеся крепостные. С севера.

— Как старый владелец умер, сюда много всяких приходило. Солдаты из армии. А вот крепостных прежде не было. Они застрелили Хио. Они застрелили Вея и старого Сенео. Он не умер, но он застрелен.

— Их, наверное, привел кто-то из полевого поселка, показал им, где дозорные. Но они не могли отличить слуг от солдат. Где вы были, когда они пришли?

— Спали. На кухне. Все мы, домашние слуги. Все шесть. Этот человек стоял там, как восставший мертвец. Он сказал: «А ну лежать! Чтоб волосок не шевельнулся!» И мы лежали. Слышали, как они стреляли и кричали по всему дому. Владыка Всемогущий! Я очень боялась. Потом стрельбы больше не было, а этот человек вернулся к нам и наставил свое ружье на нас, и отвел нас в старый домашний поселок. Они заперли за нами старые ворота. Как в прошлые дни.

— Зачем они это делали, если они крепостные? — произнес во тьме голос Гейны.

— Старались освободиться, — ответил Эсдан.

— Как освободиться? Стрелять и убивать? Убить девушку в постели?

— Они все воюют, все другие, мама, — сказала Камма.

— Я думала, это кончилось назад три года, — сказала старуха. Ее голос звучал странно. Сквозь слезы. — Я тогда думала, это свобода.

— Они убили хозяина в его постели! — во весь голос закричал старик, визгливо, пронзительно. — Что может выйти из этого!

Во тьме послышалась возня. Гейна трясла старика, шипела, чтобы он молчал. Он крикнул: «Отпусти меня!», но умолк, хрипя и ворча.

— Владыка Всемогущий, — пробормотала Камма с тем же смешком отчаяния в голосе.

Сидеть на ящике становилось все неудобнее, Эсдану хотелось поднять ноющую ступню повыше или хотя бы держать ногу вытянутой перед собой. Он сполз на пол. Холодный, шершавый, царапающий ладони. Прислониться было не к чему.

— Если ты на минуту зажжешь фонарик, Гейна, — сказал он, — мы могли бы найти мешки или еще что-нибудь, чтобы подстелить.

Вокруг мгновенно возник мир подвала, удивительный в своей сложной точности. Они не нашли ничего, кроме досок для полок, разложили их в подобие настила, забрались на него, и Гейна вновь погрузила их в бесформенную первозданную ночь. Они все замерзли и теперь прижались друг к другу, бок к боку, спина к спине.

После долгого времени, часа или больше, протекшего в ничем не нарушаемой глубокой тишине подвала, Гейна сказала нетерпеливым шепотом:

— Все наверху мертвые. Я так думаю.

— Это облегчило бы наше положение, — пробормотал Эсдан.

— Но похоронены ведь мы, — сказала Камма.

Их голоса разбудили малыша, и он захныкал — в первый раз Эсдан услышал, как он жалуется на что-то. Это было тоненькое утомленное попискивание или постанывание, но не плач.

— Ш-ш-ш, маленький, маленький, ш-ш-ш, — зашептала его мать, и Эсдан почувствовал, как она покачивается, крепче прижимая малыша к себе, чтобы согреть. И запела, почти неслышно:

— Суна мейа, суна на... Сура рена, сура на... — Монотонные ритмичные, жужжащие, мурлыкающие звуки творили тепло, творили покой.

Наверное, он задремал. Он лежал, свернувшись на досках, и понятия не имел, сколько времени они уже в подвале.

«Я прожил здесь сорок лет в уповании свободы, — думал он. — Это упование привело меня сюда. Оно выведет меня отсюда. Я буду держаться крепко».

Он спросил остальных, слышали ли они что-нибудь после окончания налета. Они прошептали, что не слышали.

Он потер затылок.

— Что думаешь ты, Гейна?

— Я думаю, холодный воздух плох для маленького, — сказала она почти нормальным голосом, который всегда был тихим.

— Вы говорите? Что вы говорите? — закричал старик. Камма, сидевшая рядом с ним, погладила его по плечу и успокоила.

— Я пойду посмотреть, — сказала Гейна.

— Пойду я.

— У тебя одна нога, — сказала старуха сердито. Она закряхтела и, поднявшись на ноги, удержала Эсдана за плечо. — Сиди смирно.

Фонарик она не зажгла, а ощупью добралась до лестницы и вскарабкалась на нее, переводя дух на каждой перекладине. Потом прижала ладони к крышке люка, надавила. Возникла полоска света. Они смутно увидели подвал, друг друга, темное пятно головы Гейны на фоне света. Она простояла так долгое время, потом опустила крышку.

— Никого, — прошептала она с лестницы. — И все тихо. Как в первое утро.

— Лучше выждать, — сказал Эсдан.

Она вернулась и опять опустилась на доски среди них. Потом сказала:

— Мы вылезем, а в доме чужие, другие армейские солдаты. Тогда куда?

— Вы можете добраться до полевого поселка? — спросил Эсдан.

— Дорога далекая.

Через некоторое время он сказал:

— Нельзя решить, что делать, пока мы не узнаем, кто там наверху. Вот так. Но позволь пойти мне, Гейна.

— Почему?

— Потому что я буду знать, кто они, — ответил он, надеясь, что так и будет.

— И они тоже будут знать, — сказала Камма со все тем же странным легким намеком на смех. — Тебя сразу узнают.

— Правильно, — сказал он, кое-как поднялся на ноги, нашел лестницу и с трудом влез на нее. «Я для этого слишком стар», — снова подумал он. Поднял крышку и выглянул наружу. Долгое время он прислушивался. И наконец прошептал сидящим внизу в темноте:

— Я постараюсь вернуться поскорее, — выполз наружу и неуклюже встал на ноги. У него перехватило дыхание — воздух казался густым и пахнул гарью. Свет был неясно-мутным. Он шел вдоль стены, пока не оказался у дверей.

То, что еще оставалось от старого дома, теперь тоже лежало в развалинах, развороченных, тлеющих, затянутых вонючим дымом. Булыжник двора исчез под битым стеклом и черными углями. Ничто не двигалось, кроме дыма. Желтый дым. Серый дым. А надо всем этим сияла ровная чистая голубизна рассвета.

Он направился к террасе, хромая и спотыкаясь, потому что ступню и всю ногу пронзала невыносимая боль. Подойдя к балюстраде, он увидел почернелые обломки двух летательных аппаратов. Половина верхней террасы превратилась в дымящийся кратер. А ниже сады Ярамеры уходили вдаль, красивые и безмятежные, как всегда, все ниже и ниже к вековому дереву и к реке. Поперек ступенек, ведущих на нижнюю террасу, лежал человек, лежал, раскинув руки, словно отдыхал. Нигде никакого движения, кроме стелющегося дыма, да порывы ветра раскачивали кусты с белыми цветами.

Ощущение, что за ним следят сзади из пустых окон в еще торчащих обломках стен, было невыносимо.

— Есть тут кто-нибудь? — неожиданно для себя крикнул Эсдан.

Тишина.

Он крикнул еще раз, громче.

И донесся ответ. Откуда-то со стороны фасада. Он, хромая, спустился на дорожку — открыто, не пытаясь прятаться. Какой смысл? Из-за угла вышли люди. Первыми — трое мужчин, за ними, четвертой — женщина. Движимости, в грубой одежде — несомненно, полевые и явились сюда из поселка.

— Я тут кое с кем из домашних, — сказал он, остановившись, когда на расстоянии десяти метров остановились они. — Мы спрятались в подвале. Тут есть кто-нибудь еще?

— Кто ты? — спросил один из них, подходя ближе, вглядываясь, замечая не тот цвет кожи, не те глаза.

— Я скажу вам, кто я. Но нам безопасно выйти наружу? Там старики, маленький ребенок. Солдат тут больше нет?

— Убиты, — сказала женщина, высокая, с бледной кожей и лицом, похожим на череп.

— Одного мы нашли раненым, — сказал кто-то из мужчин. — Все домашние убиты. Кто бросал бомбы? Какая армия?

— Какая армия, я не знаю, — ответил Эсдан. — Пожалуйста, пойдите сказать моим людям, что они могут выйти. За домом в конюшнях. Крикните им. Объясните, кто вы. Я не могу идти.

Повязка на ступне ослабла, сломанные косточки сдвинулись. Теперь боль мешала ему дышать. Он сел на дорожку, ловя ртом воздух. Отчаянно кружилась голова. Сады Ярамеры стали очень яркими, очень маленькими и стали удаляться от него все дальше и дальше — куда-то за его родную планету.

Он не потерял сознания, но довольно долго мысли у него путались. Вокруг было много людей, и они были под открытым небом, и все воняло горелым мясом. Этот запах набивался ему в рот, вызывал тошнотный кашель. И Камма, и синеватое затененное спящее личико младенца у нее на плече. А Гейна объясняла другим людям: «Он был нам, как друг».

Молодой человек с крупными руками заговорил с ним, сделал что-то с его ногой, снова забинтовал, туже, вызвав жутчайшую боль, а потом она пошла на убыль.

Он лежал навзничь на траве. Рядом с ним лёжал кто-то навзничь на траве. Метой, евнух. Голова у Метоя была в крови, черные волосы коротко обгорели, побурели, кожа его лица, пыльно-серая, теперь побледнела, обрела синеватый оттенок, как у маленького Рекама. Он лежал тихо, иногда помаргивая.

Солнце лило на них лучи. Разговаривали люди, много людей, где-то неподалеку, но они с Метоем лежали на траве, и никто их не беспокоил.

— Они прилетели из Беллена, Метой? — спросил Эсдан.

— С востока. — Резкий грубый голос Метоя стал слабым, сиплым. — Думаю, оттуда. — Потом добавил: — Они хотят переправиться через реку.

Эсдан задумался над этим. Его мысли все еще толком не работали.

— Кто хочет? — сказал он наконец.

— Эти люди. Полевые. Движимости Ярамеры. Они хотят отправиться навстречу Армии.

— Наступающей?

— Освободительнице.

Эсдан приподнялся и оперся на локоть. От этого движения у него в голове словно прояснилось, и он сел. Потом посмотрел на Метоя.

— Они ее найдут?

— Если того пожелает Владыка, — сказал евнух.

Вскоре Метой попытался приподняться на локте по примеру Эсдана, но не сумел.

— Я угодил под взрыв, — сказал он, учащенно дыша. — Что-то ударило меня по голове. Я все вижу удвоенным.

— Возможно, сотрясение мозга. Лежите и не шевелитесь. Старайтесь не заснуть. Вы были с Банарками или наблюдателем?

— Я занимаюсь примерно тем же, чем вы.

Эсдан кивнул. Затылком.

— Нас погубят фракции, — слабым голосом сказал Метой.

Подошла Камма и села на корточки рядом с Эсданом.

— Они говорят, мы должны отправиться за реку, — сказала она ему обычным своим мягким голосом. — Туда, где армия народа будет о нас заботиться. Я не знаю.

— Никто не знает, Камма.

— Я не могу взять Рекама за реку, — прошептала она. Лицо у нее сжалось — губы оттянулись кверху, брови сошлись книзу. Она плакала без слез, беззвучно. — Вода холодная.

— У них есть лодки, Камма. Они позаботятся о тебе и Рекаме. Не тревожься. Все будет хорошо. — Он знал, что его слова не имеют смысла.

— Я не могу уйти, — прошептала она.

— Так останься здесь, — сказал Метой.

— Они сказали, что сюда придет другая армия.

— Возможно. Но вероятнее придут наши.

Она посмотрела на Метоя.

— Ты вольнорезанный, — сказала она. — С этими, с другими. — Она перевела взгляд на Эсдана. — Чойо убили. Вся кухня разломалась на горящие куски. — Она спрятала лицо в ладонях.

Эсдан выпрямился, потянулся к ней, погладил по плечу. По руке. Он прикоснулся к хрупкой головке ребенка, к таким сухим волосикам.

Подошла Гейна, встала над ними.

— Все полевые уходят за реку, — сказала она. — Быть в безопасности.

— Вам будет безопаснее здесь, где есть еда и кров. — Метой говорил короткими залпами, не открывая глаз. — Чем идти навстречу наступлению.

— Мама, я не могу взять его, — шептала Камма. — Ему нужно тепло. Не могу, я не могу взять его.

Гейна нагнулась, посмотрела на личико малыша, легонько прикоснулась к нему одним пальцем. Ее морщинистое лицо сжалось в кулачок. Она распрямилась, но не так, как раньше. Осталась сгорбленной.

— Хорошо, — сказала она. — Мы останемся.

Она села на траву рядом с Каммой. Вокруг них продолжали двигаться люди. Женщина, которую Эсдан видел на террасе, остановилась рядом с Гейной и сказала:

— Идем, бабушка. Пора. Лодки ждут.

— Остаемся, — сказала Гейна.

— Почему? Не можете бросить старый дом, где рабствовали? — сказала женщина. Язвяще. Подбодряюще. — Так он же весь сгорел, бабушка! Приведи девушку и ее маленького. — Она бросила беглый взгляд на Эсдана и Метоя.

Они не имели к ней отношения.

— Идем, — повторила она. — Вставайте.

— Остаемся, — сказала Гейна.

— Свихнутые домашние, — сказала женщина, отвернулась, снова повернулась к ним, пожала плечами и пошла дальше.

Еще некоторые останавливались. Но только на один вопрос, на секунду. И устремлялись вниз по террасам, по залитым солнцем дорожкам вдоль тихих прудов, вниз к лодочным сараям за могучим деревом. Вскоре они все ушли.

Солнце сильно припекало. Наверное, близился полдень. Метой стал еще белее, но приподнялся, сел и сказал, что в глазах у него больше почти не двоится.

— Нам надо уйти в тень, Гейна, — сказал Эсдан. — Метой, ты можешь встать?

Он шатался, спотыкался, но смог идти без помощи, и они перебрались в тень садовой ограды. Гейна ушла за водой. Камма несла Рекама на руках, прижимала к груди, загораживала от солнца. Она уже долго ничего не говорила. Но

когда они сели там, она сказала полувопросительно, безучастно глядя по сторонам:

— Мы тут совсем одни.

— Наверное, и другие остались. В поселках, — сказал Метой. — Потом придут.

Вернулась Гейна. Ей не в чем было принести воды, но она намочила свой платок и накинула его на голову Метоя. Мокрый и холодный. Метой вздрогнул.

— Ты сможешь идти как следует, тогда мы пойдем в домашний поселок, резаный, — сказала она. — Есть, где жить. Там.

— Я рос в домашнем поселке, бабушка, — сказал он.

И вскоре он сказал, что может идти, и они захромали, побрели по дороге, смутно знакомой Эсдану. По дороге к клетке-укоротке. Дорога казалась очень длинной. Они подошли к высокой стене поселка, к распахнутым воротам.

Эсдан повернулся, чтобы посмотреть на развалины большого дома. Гейна остановилась рядом с ним.

— Рекам умер, — еле слышно сказала она.

У него перехватило дыхание.

— Когда?

Она покачала головой.

— Не знаю. Она хочет держать его. Она кончит держать, и тогда отпустит его. — Гейна поглядела в открытые ворота на ряды хижин и длинных домов, на высохшие огородики и пыльную землю.

— Там много младенчиков, — сказала она. — В этой земле. Два моих. Ее сестры.

Она вошла в ворота, и Камма с ней. Эсдан еще постоял, потом тоже вошел сделать то, что должен был сделать: выкопать могилу для ребенка, а потом вместе с другими ждать Освобождения.

ДЖО ХОЛДЕМАН
ВЕЧНАЯ ВОЙНА

«Вечная война» (1974)
«1968» (1995)
«Вечный мир» (1997)

В «Вечной войне» рассказывается история Уильяма Манделлы и Меригей Поттер — американцев, родившихся в конце двадцатого века, завербовавшихся в Армию и ставших участниками межзвездной войны, длившейся более тысячи лет. Благодаря законам относительности им выпало на долю прожить эту войну с начала и до конца.

Когда, где-то в середине романа, они вернулись на Землю, то оказалось, что общество, которое они, как считали, защищают, изменилось столь радикально, что жить в нем просто нельзя. Несмотря на отвращение к Армии, наши герои снова вступают в ее ряды. В последней четверти романа Меригей и Уильям расстаются, как они полагают, навсегда. Но на последней странице невозможное становится возможным, и они снова обретают друг друга.

Сразу же после выхода книги в свет мои читатели стали требовать от меня продолжения, но я всегда отказывался, говоря, что роман полностью завершен. Хотя, не скрывал я, возможно, когда-нибудь и появится рассказ или маленькая повесть, где я расскажу, что было с моими героями потом.

Добрейший издатель и редактор мистер Силверберг предложил мне написать такой рассказ для публикации в данном

«A Separate War». ©Joe Haldeman, 1999. ©Перевод. В.П. Ковалевский и Н.П. Штуцер, 2001.

томе, и я с энтузиазмом принялся за работу. Тут-то и обнаружилось, что я пишу тот самый роман-продолжение, который так долго отказывался сочинить. Так что я быстренько оформил проспект нового романа, отослал его в издательство, а сам сел писать совершенно новую вещь для этого сборника.

В «Вечной войне» явно не хватало того, что произошло с Меригей в то время, пока она была разлучена со своим возлюбленным. Вот я и написал «Сепаратную войну», которая заполнила эту лакуну и одновременно послужила как бы предисловием к тем событиям, что разворачиваются в новом романе.

Когда несколько лет назад я написал роман «Мир во веки веков», то приложил немало усилий к тому, чтобы его нельзя было считать продолжением «Вечной войны», хотя, по замыслу автора, он охватывал события, происходившие примерно двадцатью годами позже времени, когда оборвалось повествование о Меригей и Уильяме.

Критик Гэри Вульф подметил, что эти две книги вместе с моим «основным» романом («1968») составляют как бы триптих о любви и войне. Это была тонкая и элегантная концепция, и вот теперь я сам разрушил ее своей работой над новым романом. Как я понимаю, ни в литературе, ни в живописи доселе никаких «кватраптихов» не существовало. Первый намек на желательность продолжения «Вечной войны» я получил еще тогда, когда в первый раз продавал права на издание этого произведения в бумажной обложке. Издатель сказала, что никогда бы не купила эти права, если бы в романе не было хеппи-энда.

Сейчас как раз тот случай, когда мне следовало бы придержать язык за зубами, но дело происходило совсем в другой стране, да и издатель давно умерла. Правда заключается в том, что в «Вечной войне» никакого хеппи-энда нет. Конечно, Меригей и Уильям встречаются вновь, ибо книга заканчивается объявлением о рождении их первого ребенка, но оба они оказываются на планете-тюрьме, где охраняются в качестве генетического курьеза во Вселенной, в которой человечество утратило свои человеческие черты благодаря противоестественному союзу со своими прежними врагами.

В романе-продолжении «Свободные навеки» мои герои решают бороться с этой ситуацией. Или умереть в бою.

Джо Холдеман

СЕПАРАТНАЯ ВОЙНА

1

Наши раны были ужасны, но Армия залечила их и отправила нас в Рай на побывку. Ну и вручила кругленькую сумму, чтобы мы там не скучали особо.

Самый дорогой и трудно заменяемый компонент боевого скафандра — это солдат, который находится в нем, а потому если он изувечен так, что уже не может продолжать бой, то скафандр старается спасти то, что от этого солдата осталось. В случае Уильяма скафандр автоматически ампутировал раздробленную ногу и перевязал обрубок. В моем случае это была правая рука, отрезанная чуть выше локтя. Говорят, что для женщин лучше терять руку, чем ногу. Как они это определили — это уж их трудности.

А вот что действительно удивительно, так это то, что ампутации нам были сделаны одновременно, а это значило — мы будем вместе.

Дело было во время кампании на Тета-2, которая окончилась полной неудачей, и мы с Уильямом провалялись, накачанные наркотой до ушей, тогда как другие ребята погибали кто как мог во время разгрома на Алеф-7. В результате этих двух сражений из всего отряда пятьдесят два были убиты, тридцать семь стали калеками, двое повредились в уме, и лишь двенадцать кое-как держались в строю и продолжали, стало быть, пылать чистым энтузиазмом.

Двенадцать для продолжения боевой операции, к сожалению, маловато, а потому наш корабль «Кровь и победа» получил приказ лететь к госпитальной планете Рай.

Чтобы добраться до Рая, времени надо немало — целых три гиперпространственных прыжка. При одном прыжке таурианцы еще могут надеяться вас перехватить, если, конечно, находятся в нужном месте и в нужное время. При двух прыжках это практически невозможно, а при трех — этого просто не может быть никогда.

(Слова «не может быть никогда» на самом деле, возможно, являются своего рода амулетом, отводящим несчастья. Из-за релятивистских искажений, вызываемых переходом через гиперпространство, встретив противника, вы никогда не знаете, откуда он: из вашего собственного времени, из будущего или из прошлого, отделенных от вас целыми столетиями. Вполне возможно, что через парочку тысячелетий враги уже сумеют отслеживать наши корабли на протяжении даже трех гиперпространственных прыжков, так сказать, по оставленным «отпечаткам следов». И в этом случае они перво-наперво разнесут в пыль Рай. А потом и Землю.)

Рай как две капли воды похож на Землю, только не изуродованную человеческой созидательной деятельностью и человеческой же алчностью. Первобытные леса, луга, горы. Но в определенном смысле это памятник человеческой предприимчивости. И даже алчности.

Когда вы поправитесь (тут нет места слову «если», ибо вы не попали бы сюда; если б у врачей не было полной уверенности, что вас починят), вы снова окажетесь в рядах Армии, но только сказочно богатым. Ведь даже жалованье рядового и то превращается в огромное состояние, ибо оно автоматически растет в течение всех тех столетий, которые отделяют одно сражение от другого. Одна из функций Рая заключается в том, чтобы вернуть эти миллионы обратно в экономику. Поэтому тут нет конца всяческим развлечениям, и все они чертовски дороги.

Когда мы с Уильямом выписались, нам дали шесть месяцев «на поправку и отдых в Раю». Фактически же я вышла из госпиталя двумя днями раньше Уильяма и болталась поблизости, занимаясь преимущественно чтением. Тут все еще существуют книги, предназначенные для тех старомодных солдат, которые не хотят бросаться с головой в приключения или погружаться в экстаз по цене нескольких тысяч долларов за минуту. Пока я тут томилась в ожидании Уильяма, мои карманы оттягивали 529 755 012 долларов, поэтому я вполне

могла бы погрузиться в море наслаждений, даруемых бесконечным разнообразием наркоты. Но мне говорили, что этого удовольствия я хлебну с избытком, когда буду заниматься тренировкой перед следующим назначением. Эта штуковина называется КИУЖС — Компьютерная Имитация Угрожающих Жизни Ситуаций. Здесь вас обучают множеству вещей, заставляя справляться с ними в виртуальной реальности. И все это повторяется снова, снова, снова и снова, пока вы не наловчитесь справляться с трудностями без промаха.

Уильям имел денег раза в полтора больше, чем я, поскольку по стажу обгонял меня на несколько столетий, но я болталась у госпиталя вовсе не для того, чтобы запустить когти в его богатство. Думаю, что ждала бы его даже в том случае, если б не любила безумно. Ведь мы двое были тут единственными людьми, которые родились еще в двадцатом веке. Даже из двадцать первого века и то почти никого не было. Причем из них лишь очень немногие в свободное от службы время говорили на понятном мне языке, хотя, как и все солдаты, они владели так называемым домодерновым английским, который служил в Армии своего рода «lingua franca»*. Кое-кто даже называл свой родной язык английским, но слова произносились с бешеной скоростью, и мне казалось, что на бегу они теряли большую часть своих гласных. Неужели же Пилигримам** мое произношение тоже показалось бы странным? Разрешите усомниться.

(А любопытно было бы притащить сюда одного из этих Отцов Пилигримов и показать ему, куда эволюционировало общество от их мрачной религиозности и тупого трудолюбия! Религии на нынешней Земле — анахронизм и встречаются еще реже, чем гетерогенный секс. В Раю же вообще отсутствует понятие Бога, а на мужчин и женщин, которые влюбляются в лиц противоположного пола или занимаются с ними сексом, глазеют как на подверженных архаичным извращениям.)

Еще до выписки Уильяма из госпиталя я успела заказать в Скае (это такой плавающий над поверхностью планеты ку-

---

* Lingua franca — распространенный жаргон, составленный из слов, относящихся к различным языкам Средиземноморья. — *Примеч. пер.*

** Отцы Пилигримы — группа английских пуритан, основавших в 1620 году первую английскую колонию на территории будущих штатов Новой Англии. — *Примеч. пер.*

рорт) роскошный номер для новобрачных, и там мы с ним провели невылазно почти пять суток, вполне архаично наслаждаясь друг другом. Потом мы арендовали флаер и отправились знакомиться с этим миром.

Уильям охотно подчинился моему желанию изучить физические или, если угодно, дикие аспекты жизни планеты. Мы разбивали бивак в пустынях, в джунглях, в арктических тундрах, на горных вершинах и необитаемых островах. У нас были приборы, формирующие защитные силовые поля, которые отпугивали диких зверей, но позволяли наблюдать за ними с близкого расстояния. А фауна в это время отчаянно пыталась понять, что за штуковина мешает ей добраться до вкусного завтрака. Надо сказать, что эти зверюги были вполне впечатляющие — здешняя эволюция не привела к полной победе млекопитающих над рептилиями, и оба класса создали немало колоссальных и стремительных хищников, характеризующихся бесконечным разнообразием то очаровательных, то крайне устрашающих форм.

Потом мы пустились в путешествие по городам, которые различались лишь немного меньше, чем местная живность. Некоторые, подобные затерянному в сельве Тресхолду, где мы отращивали и упражняли свои новые конечности, очень гармонировали с окружающей их природой. Эстетически они соответствовали вкусам двадцать второго столетия, но на современный взгляд казались слишком уж спокойными и незатейливыми. Новейшие города типа Ская создавали свою неповторимость искусственно.

Мы оба чувствовали себя не слишком уютно в Атлантисе, под давящей тяжестью километровой толщи воды, где огромные светящиеся чудовища с разгона кидались на силовые поля, причем делали это безостановочно круглые сутки — и в темные дни, и в еще более темные ночи. Возможно, это было излишне точное метафизическое олицетворение нашей жизни в Армии: тоненькая броня крейсеров и боевых скафандров, сдерживающих напор темной пустоты и невидимых чудовищ, стремящихся всеми силами добраться до нас.

У подавляющего большинства здешних городов была лишь одна функция: освободить карманы солдат от их денежек, так что вне зависимости от имевшихся различий во внешности по своей внутренней сути эти города были совершенно одинаковы. Накачивайся наркотой, обжирайся, лакай спиртя-

гу, торчи, занимайся сексом или любуйся, как им занимаются другие.

Секс казался мне куда более завлекательным, чем Уильяму. Ему претило зрелище гомиков. Мне же представлялось, что их действия не так уж разительно отличаются от того, чем занимались мы с Уильямом. В то же время наши взгляды не столь сильно расходились, чтобы стоило накачиваться специальной эротической наркотой, а потом подключаться к машине, которая доставит тебе прямо в постель образ идеального партнера да утром еще уберет не слишком аппетитные следы вашего времяпрепровождения.

И все же Уильям пошел со мной на лесбиянское шоу, после которого с неожиданной страстью занимался со мной любовью. Мне показалось, что тут имело место что-то большее, чем искусственное возбуждение, и что он пытался доказать мне нечто очень важное. Мы долго поддразнивали друг друга: «Я буду Тарзаном, а ты — Джейн» или «Я Тарзан, а ты — Хитчклифф». И никто, кроме нас, в этом мире не смог бы понять, чему мы так весело смеемся.

Проституция тоже обзавелась кое-какими новшествами, например наркотиками, благодаря которым между клиентом и подателем сексуальных услуг возникали на время контакта очень глубокие эмоциональные связи. Они прекращались одновременно с прекращением действия наркоты. Думаю, это новшество возникло в результате необходимости конкурировать с электронными средствами сексуального возбуждения.

Мы оба решили, что не станем пользоваться такими наркотиками, хотя я и испытывала некоторое любопытство, так что наверняка попробовала бы, будь я одна. Уверена, Уильям на это дело не пошел бы, так как это психотропное средство не действует при контактах мужчин с женщинами. Во всяком случае, нам так намекнули, при этом стыдливо отводя глаза. Подумать только!

Вот и пролетели шесть месяцев спокойной близости, перемежавшейся взрывами дикой и иногда даже какой-то отчаянной погони за удовольствиями. У нас еще оставалась куча денег, когда внезапно все кончилось. Мы как раз завтракали в одном из элегантных ресторанчиков Ская, любуясь, как вспыхивают солнечные блики на спокойной поверхности океана почти под самыми нашими ногами, когда в зал вошел солдат, явно чувствовавший себя не в своей тарелке, отдал

нам честь и вручил запечатанные конверты с новыми назначениями.

Нас направляли в разные места! Уильям получил назначение на Сейд-138, что вблизи Черной дыры в Магеллановом Облаке. Меня же загнали на Алеф-10 в созвездии Орион.

Уильям получил звание майора и должность командира подразделения Йоуд-4 спецназа, а я стала капитаном, помощником командира на Алеф-10 по административной части.

То, что с нами случилось, казалось чем-то совершенно не реальным, даже сюрреалистическим, а главное — глупым и несправедливым. Мы были вместе с самого начала — пять лет или полтысячелетия, причем ни я, ни он не принадлежали к тому типу, из которого получаются лидеры. Даже хорошими рядовыми нас и то назвать было трудновато! Уж на этот-то счет у Армии хватало доказательств! И тем не менее Уильяму предстояло вылететь через неделю на Старгейт и стать командиром множества мужчин и женщин, тогда как мой отряд спецназа должен был прибыть на орбиту вокруг Рая для доукомплектования и переобучения. И там мне тоже предстояло стать лидером!

Мы с ним тут же вылетели в Тресхолд, находившийся от нас чуть ли не на другом полушарии, и прибыли туда как раз к началу работы отдела кадров. Уильям пустился во все тяжкие, включая угрозы и подкуп, чтобы проникнуть к начальству и добиться, на худой конец, моего перевода помощником по административной части в его собственный отряд. В самом деле — какая разница, ведь все равно многие из тех людей, кем ему суждено начать командовать в Старгейте, еще даже не родились на свет!

Но логика к этому делу отношения не имела. Все упиралось в чисто протокольный вопрос. А ни одна армия в мире еще не упиралась рогами в протокол так упрямо, как наша. Да и тот, кто эти назначения подписал, вполне возможно, еще не успел родиться, а может быть, уже благополучно скончался.

Та последняя ночь, которую мы провели вместе, честно говоря, оказалась довольно паршивой. Мы долго ломали голову, а не сбежать ли нам: планету мы знали прилично, деньги у нас еще оставались. Только планета эта все равно принадлежала Армии. Ни в одном городе мы бы не чувствовали себя в безопасности, а заберись мы в дебри, нас бы там быст-

ренько обнаружили — ведь существовать в джунглях без защитных полей нельзя, а отыскать их с воздуха — плевое дело.

Дезертиров, разумеется, приговаривают к смертной казни, и мы долго обсуждали шанс покончить жизнь таким странным способом, превратив двойное самоубийство в знак протеста и неповиновения. Но нам претила даже мысль отдать свои жизни этой Армии без сопротивления. Уж лучше швырнуть их в рожу таурианцам!

Наконец, измученные разговорами, гневом и слезами, мы провели остаток ночи и начало утра в любовных объятиях. Мне хочется надеяться, что таким способом нам все же удалось поддержать друг друга.

Когда Уильям проводил меня до дезинфекционного отсека за три часа до отлета, мы глядели друг на друга с тем чувством, с которым смотрят близкие люди на своих дорогих усопших. Ни один поэт из тех, кто живописал подобные прощания, не мог и вообразить, что врата Смерти способны захлопываться столь плотно и безнадежно. Ведь даже в том случае, если бы мы оба отправились, скажем, на Землю с разрывом в несколько дней, то геометрия гиперпространственных прыжков такова, что наше прибытие туда состоялось бы с промежутком, равным десяткам, а может, и сотням лет!

А тут-то речь шла вовсе не о Земле. Между Сейд-138 и Алеф-10 лежит пространство 150 000 световых лет. Говорят, что абсолютный масштаб расстояний ничего не значит в геометрии гиперпространственных прыжков, осуществляемых через Черные дыры. Но если бы Уильям погиб во время обстрела бомбами типа «нова», то крохотная искорка света, знаменующая его уход, тащилась бы через Вселенную пятнадцать тысяч столетий, прежде чем достигла Ориона или Земли. Такие масштабы расстояний и такие масштабы времени даже и представить-то невозможно.

Космопорт Рая, разумеется, расположен на экваторе, на острове, который тут называют Прощ, что значит Прощание. Это высокая скала с искусственно выровненной вершиной. Она торчит над лежащим к востоку заливом, где еще так недавно мы с Уильямом проводили ленивые дни, постясь и предаваясь медитации.

Уильям сказал, что вернется туда и поглядит на взлет шаттла. Я же надеялась, что сяду у иллюминатора и увижу хотя бы остров.

Мне и в самом деле удалось добраться до окна, хотя нас и набилось в шаттл, что сардин в банку. Но с уровня моря скалу не увидать, а когда двигатели взвыли и невидимая мощь вжала меня в подушки, глаза наполнились слезами, а на то, чтобы их вытереть, сил уже не осталось.

2

К счастью, у меня получилась шестичасовая передышка между посадкой на космической станции «Афина» и временем начала тренировки КИУЖС. Этого должно было хватить на приведение в порядок нервишек, особенно ежели прибегнуть к помощи парочки успокоительных «колес». Я отправилась в свой крохотный бокс, достала и проглотила пилюли, а потом просто спокойно полежала на койке. Затем отыскала кают-компанию и долго любовалась вращающейся внизу планетой — зеленой, белой и голубой. На орбите совсем рядом с нами болталось еще одиннадцать кораблей, среди которых был один большой крейсер, надо думать, тот самый «Боливар», который доставит меня к Алеф-10.

Кают-компания была большая и почти пустая. Еще две женщины в незнакомой мне бежевой форме (предположительно из команды станции) сидели за столиком и болтали на странном, очень быстром языке «ангелочков». Я прислушивалась к ним, но мозг работал медленно и явно не поспевал за их беседой.

Пока я получала кофе, в зал вошел мужик, одетый в зеленовато-коричневый камуфляж, точно такой, как у меня. В этой уютной комнате, выдержанной в «земных» тонах и обитой деревянными панелями, наши камуфляжи, как и камуфляжи женщин, не слишком-то годились для мимикрии.

Мужчина подошел ко мне и тоже взял чашку кофе.

— Вы капитан Поттер? Меригей Поттер?

— Угадали. Вы с Беты?

— Нет, я работаю на станции, хотя и служу в Армии. — Он протянул мне руку. — Майкл Даби. Можно и просто Майк. Полковник. Я ваш временный начальник, ответственный за переориентацию.

Мы отнесли наши чашки к столику.

— Вы, я полагаю, должны помочь мне понять расклад будущего, исходя из современного настоящего?

Он кивнул.

— Подготовить вас к взаимодействию с людьми, которыми вы будете командовать, а также с другими офицерами.

— К чему я никак не могу привыкнуть, так это к мысли, что буду кем-то командовать. Я ведь не солдат, полковник.

— Майк. На самом деле вы солдат куда лучший, нежели считаете. Я видел и ваше личное дело, и ваши психологические профили. Вы участвовали во многих схватках и все же умудрились сохранить здоровую психику. Даже те ужасные события на Земле и то не сумели сломать вас.

(Мы с Уильямом гостили на ферме моих родителей, когда на нее напали какие-то подонки. Они убили маму и отца.)

— Разве это есть в моем личном деле? Ведь тогда я уже не была солдатом. Мы оба уволились.

— Ну, там много чего есть. — Он поднес к губам свою чашку, продолжая внимательно всматриваться в меня поверх края чашки. — Не желаете ли узнать, что думал о вас ваш классный наставник в школе?

— Ну вы и тип, однако!

— Это в ваше время так говорили. Теперь говорят «тифус».

Я рассмеялась.

— Похоже на название болезни.

— А это и есть болезнь. — Он вытащил из кармана говорящую записную книжку. — Последний раз вы были на Земле в 2007 году. Вам там так не понравилось, что вы вторично завербовались в Армию.

— А теперь там стало получше?

— Было хуже, потом лучше, потом еще лучше. Как всегда. Когда я отбыл оттуда в 2318 году, атмосфера была, во всяком случае, более миролюбивой.

— Тоже завербовались по новой?

— Только не совсем так, как сделали это вы. Я ведь еще десятилетним мальчонкой знал, кем буду. Теперь, впрочем, такое известно всем.

— Как? Вы уже тогда знали, что будете временным офицером по переориентации?

— Ага. — Он улыбнулся. — Я точно не знал, что это за штуковина такая, но ненавидел это дело сильнее, чем дьявол — ладан. Мне ведь пришлось пойти в специальную школу, чтобы овладеть языком — солдатским жаргоном. Причем у меня на это ушло целых четыре года — вдвое больше, чем у большинства солдат.

Думаю, что на Земле сейчас расквартировано куда больше наших войск. Конечно, усилен контроль над населением, но и жизнь стала безопаснее. Преступность и анархия, столь характерные для вашего времени, теперь стали достоянием истории. Большинство людей живут счастливой, наполненной жизнью.

— Гомосексуалы. Семей-то нет!

— О, у нас есть и семьи, и родители, только семьи складываются не наугад, не по воле случая. Чтобы сделать численность населения Земли стабильной, как только один человек умирает, его место тут же занимает продукт ускоренного созревания. Новорожденного отдают паре, члены которой выросли вместе и с самого детства знали, что они наделены талантом воспитания детей. Каждой такой паре разрешается брать на воспитание до четырех ребятишек.

— «Продукт ускоренного созревания» это что — дети из пробирки?

— Из инкубаторов. Никакой родовой травмы. Никакой неуверенности по части будущей судьбы. В Армию теперь поступает исключительно разумное и трезвое пополнение.

— Ну и как же оно отнесется ко мне? Не будут ли эти люди недовольны тем, что им отдает приказания гетеросексуальная деревенщина? Так сказать, динозавр?

— Они изучали историю. Они не станут обвинять вас в том, что вы такая, какая есть. Но если вы попробуете вступить в сексуальную связь с одним из мужчин, могут начаться неприятности.

Я покачала головой:

— Этого не случится. Единственный мужчина, которого я люблю, потерян для меня навеки.

Майк уставился в пол и прочистил горло. Неужели этот профессионал и в самом деле способен испытывать смущение?

— Уильям Манделла. Как бы мне хотелось, чтобы они этого не делали... чтобы обошлись без ненужной жестокости.

— Мы надеялись изменить назначение и прикомандировать меня к его подразделению.

— Из этого не вышло бы ничего хорошего. Парадокс, но куда денешься. — Майк двигал кофейную чашку, следя за игрой отражающихся на покрытии стола зайчиков. — Вы оба слишком долго пробыли рядовыми. И объективно, и субъективно. Так что начальство было просто вынуждено дать вам

обоим офицерские звания. Но отдать вас под команду Уильяма было невозможно. Даже отбросив в сторону проблему гетеросексуальности, он все равно заботился бы о вашей безопасности больше, нежели о выполнении своего задания. Солдаты заметили бы это, и такая ситуация им определенно пришлась бы не по душе.

— А в вашем великолепном новом мире такого никогда не случается? Неужели ваши командиры не влюбляются в своих подчиненных?

— Конечно, такое случается. Бывает и у гетеро, бывает и у гомо. На то она и любовь. Их разлучают, иногда даже наказывают, но чаще дело ограничивается выговором. — Майк жестом отмел в сторону эту дискуссию. — Все это теория. Если нет шума и грязи, то кому какое дело. Но в вашем с Уильямом случае ситуация могла бы стать источником постоянного раздражения.

— Большинство ваших солдат, как я понимаю, никогда в глаза не видывали гетеросексуалов?

— Никто не видел. Этот порок определяется еще в детстве и легко поддается излечению.

— Поразительно! Может, вы и меня полечите?

— Нет. Боюсь, это делается только в детском возрасте. — Майк расхохотался. — Извините, я не понял, что вы меня просто разыгрываете.

— А вы не думаете, что моя гетеросексуальность подорвет мой командирский авторитет?

— Нет. Как я уже говорил, солдаты знают, какими люди были раньше. Кроме того, подразумевается, что рядовым не положено анализировать чувства своих офицеров. Их дело маленькое — выполняй приказ. И еще им известно про КИУЖС, и они скоро поймут, как великолепно вы подготовлены.

— Но я ведь не вхожу в число офицеров, которым положено брать на себя командные функции. Я же административный состав.

— Однако если все, кто стоит над вами, будут убиты... Такое, знаете, тоже бывает.

— Вот тогда-то Армия и поймет, какого маху она дала. Только поздно будет.

— Сами убедитесь, во что вы превратитесь после КИУЖС. — Майк поглядел на часы. — А она начнется уже через пару часов.

— Не угодно ли вам перед этим поужинать со мной?

— Хм... Нет. Я предполагаю, что ужинать вам не захочется. Перед КИУЖС вас основательно прочистят. Так сказать, с обоих концов.

— Звучит впечатляюще.

— Это всех впечатляет. Кое-кому даже нравится.

— Вы меня к числу таких не относите?

Майк помолчал.

— Давайте об этом поговорим потом, когда все будет уже позади.

3

Сама прочистка оказалась не таким уж ужасным испытанием, поскольку еще до того, как она завершилась, меня успели накачать успокоительной наркотой. Так что я пошевелиться не могла — лежала, как бревно с глазами. Меня побрили, да так, что я стала совсем как новорожденная. Побрили и руки, и ноги. И только начали крепить на мне кучу всяких датчиков, как я ушла в отключку.

Когда же очнулась, то была голой и куда-то мчалась изо всех сил. Толпа таких же голых людей неслась за мной и моими друзьями, швыряя в нас на бегу камни. Тяжелый булыжник больно ударил меня под лопатку, я задохнулась и упала. Коренастый неандерталец схватил меня и дважды стукнул чем-то по голове.

Я понимала, что все это иллюзия, сон, но одновременно знала, что мой обморок вполне реален. Когда через мгновение я очухалась, неандерталец с силой уже раздвигал мои ноги и готовился насиловать. Я вцепилась ему в глаза и откатилась в сторону. Он потянулся за мной с теми же намерениями, но моя рука уже нащупала его дубинку. Я взмахнула ею, сжимая обеими руками, и раздробила неандертальцу череп. Оттуда брызнула кровь и полетели ошметки мозга. Он издох, колотя ногами по земле и содрогаясь. При каждом спазме сперма толчками выбрасывалась наружу. Господи, я же понимаю, реальность — вещь необходимая, но разве нельзя было избавить меня от кое-каких деталей?

А теперь я стояла в рядах фаланги, держа в руках щит и длинное-длинное копье. Перед нашим рядом стоял еще ряд мужчин, вооруженных более короткими копьями. Все сталь-

ные наконечники были под одним и тем же углом наклонены в сторону несущихся на нас коней, образуя стену сверкающего железа. Это было не самое трудное. Просто стой себе крепко, а там что бог пошлет — победу или смерть. По мере приближения детали легкого вооружения персов делались все более легко различимыми. Трое из этих воинов должны были оказаться поблизости от меня в том случае, если мы убьем их лошадей или если кони сами остановятся.

Лошадь, что скакала левее от меня, прорвалась. Та же, что была правее, попятилась и попыталась умчаться обратно. Той, которая шла прямо на меня, два копья вонзились в грудь, и когда она рухнула, древко моего копья переломилось. Лошадь билась, дергалась, разбрызгивая во все стороны кровь и издавая какое-то странное, ни на что не похожее тонкое ржание. При падении она придавила мужчину, стоявшего непосредственно передо мной. Выбитый из седла перс упал на мой щит и сшиб меня с ног в ту самую минуту, когда я пыталась вытащить из ножен мой короткий меч. Рукоять меча уткнулась в ребра, и я чуть было не поранилась, когда, вскочив на ноги, наконец обнажила его.

Перс потерял свой круглый щит, но его меч уже падал на меня, описывая широкую дугу. Я приняла удар клинка на край щита и, как меня учили, рубанула, целясь в незащищенную кисть руки и предплечье. Перс увернулся, но конец клинка задел ему локоть — видимо, удачно, — перерезал сухожилие или что-то в этом роде. Воин выронил меч и, пока он нашаривал его другой рукой, я полоснула его по лицу, нанеся страшную рану от глаза до рта. Он завопил, и лоскут кожи оторвался от лица, обнажив окровавленные кости и зубы. Я уже готовилась мощно ударить его сбоку прямо в открывшееся передо мной горло, но тут что-то больно ударило меня в спину и окровавленный наконечник копья вышел из моей груди чуть повыше соска. Я рухнула на колени, умирая, но тут же почему-то удивилась, обнаружив, что у меня нет грудей. Я была мужчиной, вернее, юношей.

Было темно и холодно, окоп провонял дерьмом и гниющей человеческой плотью. «Еще пара минут», — пробормотал сержант театральным шепотом. Я услышала, как дважды булькнула фляжка. Потом сержант передал ее мне — со степлившимся джином. Мне удалось не закашляться, и я отдала ее следующему. В темноте я ощупала себя. Грудей опять не

было, а поискав между ног, я получила весьма странное ощущение. Меня затрясло, но тут я услышала, как мой сосед начал отливать, и мне захотелось немедленно последовать его примеру. Левой рукой я начала расстегивать пуговицы ширинки, а правой держала винтовку. Еле-еле я успела вынуть свой прибор, как горячая моча потекла прямо по пальцам. «Примкнуть штыки», — прошептал сержант, и хотя я еще не кончила, но инстинкт все же победил: левой рукой я нащупала защелку под мушкой моего «энфилда», а правой вытащила из-за спины висевший на поясе штык, который тут же с легким щелчком сел на ствол моей винтовки.

— Когда-нибудь я достану тебя даже в аду, сержант Симмонс, — вполне миролюбиво сказал мой сосед.

— Это может случиться довольно скоро, Рец. Еще тридцать секунд.

Пулеметный расчет немцев находился от нас в восьмидесяти ярдах. Чуть-чуть правее меня. Там у них был еще по меньшей мере один очень хороший снайпер и, похоже, артиллерист-наблюдатель. Мы рассчитывали, что нас в 1 час 17 минут поддержат наши пушки, что и будет сигналом для начала атаки. Если артобстрел не начнется, что вполне вероятно, мы все равно пойдем: впереди два неполных взвода стрелков, за ними — гренадеры. Похоже, конечно, на самоубийство, но если сдрейфить — верная смерть.

Я вытерла руку о грязные засаленные брюки и сняла большим пальцем предохранитель. Обойма полная, патрон заслан в магазин.

Поставила левую ногу на что-то вроде приступочки, правой уперлась покрепче в дно окопа. Колени дрожали, а задница судорожно сжималась, пытаясь предотвратить приступ медвежьей болезни. Я чувствовала, как застилают слезы глаза, как сохнет в глотке, как во рту крепнет металлический привкус. Но ведь это все не всамделишное! «Пошли!» — тихо скомандовал сержант, и я перешагнула через край окопа, выстрелила с руки в общем направлении противника и бросилась бежать туда же, передергивая затвор, непонятно где ощущая смутную гордость, что все еще не наложила в штаны. Потом плюхнулась в грязь и стала прицельно стрелять, ориентируясь на звук пулеметных очередей, не видя мушки. Стрелять я перестала, когда второй взвод пробежал мимо нас.

Какой-то гренадер упал рядом со мной, и хотя успел крикнуть мне «пошел!», но тут же застонал — пуля ударила в него. А я уже поднялась и бежала, в винтовке была новая обойма. Еще четыре в запасе. Тут меня ранило в ногу и, сделав один чертовски болезненный шаг, я рухнула на землю.

Я ползла, стараясь не забить ствол грязью, затем скатилась в мелкую воронку, наполненную водой и разложившимися лохмотьями человеческой плоти. Услышала, как заработал еще один пулемет. Дышать в воронке было нечем. Я попыталась, подтянувшись на руках, поднять голову повыше, чтобы вдохнуть хоть немного чистого воздуха, но тут пуля ударила меня прямо в рот, кроша зубы.

Никакой хронологии не было. Отсюда я попала в туман, окутывавший Бридс-Хилл, где дралась на стороне англичан в сражении при Банкер-Хилле*, как его зовут американцы. Потом была палуба корабля, где мы отбивались от пиратов под горящими парусами. Еще потом — другой корабль, где, оглушенная артогнем, я пыталась сбить самолет камикадзе, камнем падавший на нас.

Я летала на бипланах с крыльями, обтянутыми брезентом, и на сверхскоростных истребителях. Я стреляла из лазеров и из луков, я уничтожала города простым нажатием кнопки. Я убивала людей пулями и кинжалом «боло», не говоря уж о закодированных десятитысячных десятичных дробях. И каждую секунду я знала, что это тренировка, но ощущала и ужас, и боль, и тоску, и ощущения эти длились минуты или часы в зависимости от обстоятельств. Я спала примерно столько же времени, сколько бодрствовала, но отдыха как такового не было вообще, так как во время сна мозг загружался историческими сведениями, уставами и прочими данными, относящимися к воинской службе.

Когда через три недели меня отключили, я в буквальном смысле находилась в кататоническом состоянии. Впрочем, это была норма, и с помощью специальных психотропных лекарств меня вернули к действительности. Эти лекарства срабатывали в 90 процентах случаев. Остальные 10 из сотни погружались в небытие.

---

* Одно из первых крупных сражений в Войне за Независимость. Произошло в окрестностях Бостона 17 июня 1775 г. Окончилось поражением американских повстанцев. — *Примеч. пер.*

4

После КИУЖС мы все получили по две недели для отдыха и реабилитации — к сожалению, на орбите, а не в Раю. И пока мы исходили потом в офицерском спортзале, я познакомилась с командным составом нашего подразделения — такими же слабыми и нервными после пребывания в насыщенном кислородом жидком фтористом углероде, после всех этих пыток, членовредительства и запоминания наизусть целых томов.

Наши тела превратились в морщинистую массу плоти после первого же дня занятий, а вся цель первых упражнений заключалась в том, чтобы поднять руки над головой, да еще попытаться встать и сесть без посторонней помощи. После сауны морщины стали исчезать, но разговаривать между собой мы могли только односложными фразами. Больше всего мы походили на огромных розовых мускулистых младенцев. Должно быть, все эти три недели нас брили или подвергали депиляции ежедневно или даже чаще.

Среди нас было трое мужчин, что оказалось весьма поучительным. Голых мужиков я навидалась предостаточно, а вот полностью бритых — никогда. Догадываюсь, что мы все выглядели чем-то вроде учебных экспонатов, предназначенных для демонстрации особенностей человеческого тела. У Окаявы произошла эрекция, и Моралес долго подначивал его, однако, к моему облегчению, дальше дело не пошло. И все равно в общественном, так сказать, смысле ситуация была весьма своеобразная.

Наш командир — Анжела Гарсия — по абсолютному возрасту была на десять лет старше меня, хотя по календарю — на несколько столетий моложе. Она была резковата и казалась очень сдержанной и спокойной. Я с ней была немного знакома, правда, знакомство шапочное — она командовала взводом, хотя и не тем, в котором воевала я, во время нашего поражения на Тета-2. Обе ее ноги имели такой же новый вид, как моя рука. В Рай мы прибыли одновременно, но отращивание новых ног требовало втрое большего времени, чем отращивание руки, а потому там мы не встретились. Мы с Уильямом выписались раньше, чем Гарсия смогла выходить в общую комнату отдыха.

Уильям появлялся во многих моих сновидениях во время КИУЖС в виде неясной фигуры где-то в толпе. Иногда там бывал и мой отец.

Мне сразу понравилась Шарна Тейлор — военный врач. Она ко всему относилась с насмешливым фатализмом и, пока находилась в Раю, развлекалась до упора, нанимая одну за другой самых красивых девиц, охотно соглашавшихся помочь ей растратить весьма значительное состояние. Деньги у нее кончились за неделю до конца отпуска, и Шарне пришлось вернуться в Тресхолд, чтобы жить на армейском пайке и торчать от слабенькой наркоты, которую тут выдавали бесплатно. Ее трудно было назвать красивой — в результате страшного ранения она потеряла левую руку и грудь, а также левую часть лица. Все это Шарне вернули, но новые ткани не слишком хорошо сочетались со старыми.

Она относилась к этому просто, как и надлежало врачу, испытывая профессиональное восхищение перед чудесами, которые могла творить медицина: по календарному времени Шарна окончила медучилище 150 лет назад.

Ее КИУЖС радикально отличалась от наших: она главным образом совершенствовалась в лечении раненых, а не в способах уничтожения людей. «Большая часть операций производится теперь машинами, а не хирургами», — сказала она мне, когда мы без всякого удовольствия пощипывали нечто, весьма отдаленно похожее на пищу, каковое, как считалось, должно способствовать нашему быстрейшему выздоровлению. «Я могу обрабатывать раны на поле боя, стараясь сохранить жизнь человека до тех пор, пока он не будет отдан на попечение машин. Однако большинство современных видов вооружения не оставляет почти ничего, что стоило бы спасать». Тут Шарна криво улыбнулась.

— Мы не знаем, каковы будут наши нынешние противники, — сказала я, — хотя и подозреваю, что им не потребуется такая уж значительная модернизация, чтобы превратить нас в пар.

Мы захихикали, но тут же резко оборвали смех.

— Интересно, чем они нас сейчас пичкают, — вдруг сказала Шарна. — Это не похоже на напиток счастья. Я чувствую, как у меня чешутся подушечки пальцев и обостряется периферийное зрение.

— Временное воздействие на подсознание для улучшения настроя?

— Будем надеяться, что временное. Надо будет тут кое с кем перекинуться словечком.

Шарна выяснила, что в нашей пище просто содержалась добавка, вызывающая слабую эйфорию. Без этой добавки резкое прекращение КИУЖС могло вызвать тяжелую депрессию. А я бы, подумала я, пожалуй, все же выбрала бы депрессию. Ведь в конце-то концов все мы тут обречены на гибель. Все, кроме одной, были участниками минимум одного сражения в войне, где средняя выживаемость в битве составляла примерно 34 %.

Если даже очень верить в удачу, то все равно приходилось считаться с тем, что свои шансы выжить в будущей схватке мы уже почти исчерпали.

Космическая станция на ближайшие восемь дней была предоставлена в наше полное распоряжение. На десять офицеров приходилось тридцать человек обслуживающего персонала «Афины», и все это только для одной цели: вернуть нам силы. Постепенно налаживались дружеские отношения. Было очевидно, что в нескольких случаях они даже вышли за пределы просто дружеских. Чанс Нгуен и Аурелло Моралес с первого дня почти не расставались и ходили как приклеенные.

Райза Дарни, Шарна и я, по логике вещей, были обречены образовать тесное дружеское трио. Главным было то, что все три не занимали командных должностей. Райза по возрасту немного превосходила нас с Шарной, она имела докторскую степень по инженерным системам. Выглядела же Райза молодо и казалась крутой, хотя родилась и воспитывалась в Раю. Конечно, напомнила я себе, по-настоящему-то она не рождалась. И еще она не имела боевых ранений.

КИУЖС у Райзы была по профилю сходна с моей, только ей она казалась увлекательной, а не страшной. Странно, но она даже чуточку стыдилась этого. Дело в том, что, будучи с детства взращенной на применении психотропных средств, привыкнув к этому и к вытекающим из такой ситуации проблемам, Райза никак не соотносила кровавые схватки, снившиеся ей, со своим жизненным опытом.

Обе — и Райза и Шарна — обожали всяческую похабень, а поэтому моя гетеросексуальность их дико интриговала, так

что, пока мы валялись в койках в состоянии легкой наркотической эйфории, они вытянули из меня почти весь запас информации, имевшейся у меня по данному вопросу.

Когда я впервые завербовалась в Армию, мне пришлось подчиниться обычаю «трахаться по списочному составу». Так что я переспала с каждым рядовым в нашей роте уж никак не меньше одного раза. Хотя сам глагол «спать» в общем не подразумевает, что ты обязательно должна трахаться, но отказ партнеру считался неспортивным поведением. Ну а мужики, они и есть мужики. Каждый считает своим мужским долгом влезть на бабу, даже если ему самому это дело до лампочки.

И на борту корабля, где обычай списочного состава переставал действовать, частая смена партнеров была делом обычным. Конечно, чаще всего я была с Уильямом, но ни я, ни он строгой верности друг другу не хранили, ибо у нашего поколения подобное поведение считалось по меньшей мере странным. Все мы были бесплодны, так что шансы на случайную беременность равнялись нулю.

Упоминание проблемы беременности чуть не довело Райзу и Шарну до рвоты. Ведь беременность — это такая штука, которая бывает только у животных. Шарна видела учебные фильмы, когда слушала курс истории медицины. Обо всех ужасающих подробностях данного процесса она шепотом сообщила нам. Мне пришлось сказать им, что меня родили именно таким способом и что хотя я причинила тем самым своей матери уйму неприятностей, но она все же почему-то простила меня.

Райза совершенно серьезно возразила, что виновником всего все же был мой отец. И нам показалось, что это невероятно смешно.

Однажды утром, когда мы сидели с Райзой вдвоем, любуясь от нечего делать из окна кают-компании видом на Рай, она вдруг заговорила со мной о том, что и без того казалось очевидным.

— Ты об этом не упоминала, но я пришла к выводу, что ты никогда не любила женщину. — Она нервно откашлялась. — Я хочу сказать, что ты не была с ней в половой связи. Свою мать, как я поняла, ты обожала.

— Нет. — Я не знала, как выбраться из этой запутанной ситуации. — В наши времена такое было редкостью. Я хочу

сказать, что, конечно, видела девушек и женщин, которые... бывали вместе. Ну в том смысле, что...

— Что ж, — она похлопала меня по руке, — тогда знай.

— О да... Я хочу сказать, что поняла. Спасибо, но...

— Я хотела сказать тебе, знаешь ли, что мы с тобой равны по чину. Так что это было бы вполне допустимо... — И она нервно хихикнула. — Хотя следует признаться, что если бы и другие армейские правила нарушались с таким энтузиазмом, как это, Армия давно превратилась бы в собрание непослушного сброда.

Я не знала, что ей ответить. До тех пор, пока она не обратилась ко мне напрямик, я думала о подобной возможности как о чем-то в высшей степени абстрактном.

— Я все еще тоскую по Уильяму...

Райза кивнула, еще раз похлопала меня по руке и быстрыми шагами вышла из комнаты.

Конечно, кроме воспоминаний об Уильяме, тут было еще кое-что. Например, я никак не могла зрительно представить себе Райзу и Шарну, занимающихся сексом. Разумеется, мне приходилось видеть женскую любовь и на сцене, и по трехмерному «ящику», но я никогда не могла поставить себя на место этих женщин. Вот с мужиком могу, особенно с таким, как, например, Сид — Исидор Жульпа. Он такой тихий, вечно погруженный в себя, смуглый и прелестный. Однако он слишком уравновешен, чтобы впасть в сексуальное извращение, трахаясь со мной.

Я все еще не могла разобраться в происходящем — путалась между виртуальным миром, реальным и искусственно наведенными воспоминаниями.

Я твердо знала, что никогда не убивала кого-либо ножом или дубинкой, но мое собственное тело таило в себе воспоминания об этом, причем воспоминания более реальные, нежели просто картинка, воспроизведенная мозгом. Я все еще ощущала прикосновение к своим несуществующим пенису и мошонке, свою безгрудость, поскольку в большинстве боевых заготовок КИУЖС были задействованы главным образом мужчины. Конечно, подобные ощущения должны казаться куда более странными и чужеродными, нежели те, которые возникают, когда ты ложишься в постель с другой женщиной. Когда я в течение целых двух суток дожидалась выписки Уильяма из госпиталя после его заключительных лечебных

процедур и занималась бесконечным чтением чуть ли не все эти дни и ночи напролет, у меня возникла мысль: не прибегнуть ли мне к специальной наркоте, симулирующей лесбийские отношения и предназначенной именно для одиноких женщин?

Исходя по меньшей мере из двух соображений, я этого не сделала, а теперь уже поздно. Все наркотики, которые существуют на «Афине», принадлежат КИУЖС. А сейчас они мне вот как пригодились бы. Мне трудно обойтись только словесной формулой «Я то-то и то-то потому, что мои сотоварищи выращены в другой системе ценностей», понимая при этом, что снисходительно поглядываю на них с высоты пьедестала собственной якобы нормальности.

Норма. А я ведь буду заперта в космической жестянке со ста тридцатью мужчинами и женщинами, для которых моя личная интимная жизнь является столь же экзотичной, как каннибализм. Столь экзотичной, что у них для этого нет даже названия. Впрочем, я уверена: что-что, а название-то они подберут очень скоро.

5

СПИСОК ЛИЧНОГО СОСТАВА

подразделения спецназа Бета,
направляемого для удара по Алеф-10

Командир	майор	Гарсия	Коммодор Сидоренко
1-й зам.	1-й л-т	Нгуен	
2-й зам.	1-й л-т	Жульпа	
3-й зам.	капитан	Поттер	адм. отд.
	2-й л-т	Дарни	тех. отд.
	2-й л-т	Тейлор	мед. часть

Должность	Звание	1-й взвод	2-й взвод	3-й взвод	4-й взвод
4-й зам.	2-й л-т	Садовый	Окаява	Матес	Моралес
5-й зам.	ст.серж.	Барон	Трой	Цурута	Хенкен
6-й зам.	серж.	Нейбер	Китамура	Йорзик	Вердо
7-й зам.	капр.	Рот	Гросс	Брюнер	Греф
	капр.	Зибен	Симеони	Риттер	Хенкель
	капр.	Корир	Садовый	Лодер	Катервуд
	капр.	Монтгомери	Попов	Хаджос	Хамай
	капр.	Даниелс	Каханомоку	Миюзаки	Кзик

капр.	Сон	Даниелс	Тейлор	Хопкинс
капр.	Девитт	Шоландер	Уинден	Шпитц
капр.	Гаммоуди	Аки-Буа	Бейват	Кейно
капр.	Армстронг	Кариуки	Брир	Кетер
капр.	Костадинова	Аджунва	Роба	Кеймо
капр.	Макдональд	Балас	Резкова	Мейфейр
капр.	Зуберо	Фурнис	Копилаков	Гросс
капр.	Миазаки	Рот	Пакратов	Лопец
капр.	Риз	Шолес	Риз	Хенрикс
капр.	Руссель	Рожса	Мурхауз	Лундквист
капр.	Шили	Кзак	Кочмен	Бранд
капр.	Акерман	Панкритов	Нести	О'Брайен
ряд.	Даррил	Гайнджи	Грапп	Хонг
ряд.	Бьонди	Стюарт М.	Бауман	Стюарт Дж.
ряд.	Энджел-Краммер		Мин	Мингсия

Вспомогательный персонал: 1-й л-т Отто (навиг.); 2-е л-ты: Веннилл и Ван Дайкен (мед.), Дьюрак (психол.), Блейбки (рем.), Лаки (поряд.), Обспович (связь), Мадисон (комп.); 1-е серж.: Мастенброк (мед.), Андерсон (мед.), Сжоки (мед.), Фрейзер (мед.), Хенне (психол.), Нилсон (рем.), Эндер (поряд.); шт. серж-ты: Краузе (мед.), Штейнселлер (мед.), Хогсхед (мед.), Отто (мед.), Янг (рем.), Джингай (кухня), Мейер (комп.); серж-ты: Гоулд (мед.), Бондер (рем.), Краус (поряд.), Уайт (уборка); кап-лы: Фридрих (мед.), Хайслет (мед.), Полл (секс.), Норелиус (секс.), Гайендж (поряд.); ряд-е: Куртис (рем.), Сенифф (кухня), Харуф (поряд.).

Утверждаю: Командующий силами спецназа на Старгейте
12 мар. 2458
За командующего Ольга Торишева (заместитель)

Кают-компания относилась к типу так называемых пластичных помещений, то есть могла по соответствующему распоряжению принимать другие функциональные формы. Кто-то из экипажа «Афины» вручил мне выносной миниатюрный пульт управления — для выполнения первого поручения в качестве начальника административного отдела.

Когда взводные шаттлы выстроились снаружи станции для посадки, я нажала на пульте кнопку с надписью «Аудитория», и уютная деревянная обшивка стен превратилась в скромную краску цвета слоновой кости, мебель погрузилась в пол,

а на ее месте появилось три ряда стульев, укрепленных на полого поднимающихся пандусах. Пульт задал вопрос: сколько кресел следует поставить на сцене. Я сказала, что шесть, потом пересчитала и поправилась — семь. Ведь с учетом торжественности мероприятия коммодор Сидоренко тоже будет присутствовать.

Наблюдая, как наше подразделение спецназа заполняет ряды стульев в аудитории, я одновременно попыталась отсортировать ветеранов от «ангелочков». Последних оказалось очень мало — всего 14 из 130 родились в Раю. Объяснение было очевидно, но весьма тревожно.

Майор Гарсия подождала, пока заполнятся все места, потом помолчала еще пару минут, пристально вглядываясь в лица сидящих и, вероятно, проделывая ту же отборочную работу, которой только что занималась я сама. Затем она встала и представила аудитории коммодора и остальных офицеров, кончая мной. После чего тут же приступила к делу.

— Я уверена, что вы уже успели нахвататься всяческих слухов. Так вот, один из них, безусловно, справедлив. — Тут она вытащила из кармана мундира карточку и поставила ее на пюпитр. — Сто шестнадцать из вас уже участвовали в боях. Все они были ранены и все побывали в Раю. Для лечения и отдыха, разумеется.

Вы понимаете, конечно, что подобная концентрация ветеранов в подразделении — вещь весьма необычная. Армия высоко ценит опытных солдат и старается распределять свою элиту равномерно. В таком подразделении, как наше, обычно бывает около двадцати ветеранов. Разумеется, из сказанного следует, что перед нами стоит особенно сложное и опасное задание.

Мы будем атаковать самую старую из известных нам вражеских баз. — Тут Гарсия помолчала. — Тауриане впервые появились на портальной планете в одном гиперпространственном прыжке от Алеф-10 примерно лет двести назад. Мы атаковали ее дважды и все без толку.

Она не сказала, сколько человек пережили эти атаки. Но я-то знала, что таких не было вовсе.

— Если, как мы надеемся, тауриане в течение последних столетий не имели контакта со своей родной планетой, то сейчас мы обладаем перед ними большими преимуществами

технологического плана. Детали этих преимуществ не подлежат обсуждению до тех пор, пока мы не доберемся до нашего места назначения.

(Абсурдная, но с точки зрения соблюдения секретности стандартная предосторожность. Таурианский шпион имел не больше шансов замаскироваться и заявиться на наш корабль, нежели, скажем, лось. А подкупить кого-нибудь из наших они тоже не могли. Обе расы не обменивались друг с другом ничем, кроме реактивных снарядов.)

— Мы находимся в трех гиперпространственных прыжках от Алеф-10, так что у нас будет одиннадцать месяцев, чтобы ознакомиться с новыми системами вооружения, благодаря которым мы... победим тауриан. — Гарсия позволила себе холодно улыбнуться. — К тому времени, когда мы до них доберемся, мы, вполне возможно, попадем в их четырехсотлетнее будущее. Примерно такой же промежуток времени отделяет разгром Великой Армады от первой атомной войны на Земле.

Разумеется, законы относительности отнюдь не дают каких-либо преимуществ одной расе над другой. Вполне возможно, что тауриане на Алеф-10 к этому времени могли уже не раз принять гостей из будущего своей планеты, прибывших к ним с дарами своей технологии.

Солдаты сидели тихо, почтительно вбирая в себя те крохи информации, которые майор Гарсия сочла возможным им уделить. Готова спорить, многие из них прекрасно понимали, что им хотят представить картину в чересчур розовом свете. Возможно, это соображали даже некоторые «ангелочки». Майор выдала им еще несколько жизнерадостных общих мест, а потом распустила солдат по их временным кубрикам. Нам же — офицерам — было сказано, что мы встретимся с майором через два часа за ленчем.

Образовавшееся у меня свободное время я посвятила визитам во взводные временные помещения, а также разговорам с сержантами, которые фактически командовали взводами в обычное время. Я уже познакомилась с их личными делами, но встречалась только с Кэт Вердо, вместе с которой когда-то лежала в терапии. Нам обеим сделали новые левые руки, и общие повседневные упражнения заключались в отработке приемов рукопашной, после чего мы долго извинялись друг перед другом за причиненную весьма ощутимую

боль. Кэт очень обрадовалась новой встрече и сказала, что обязательно позволила бы мне иногда побеждать себя, если б только знала, что я так лихо обгоню ее по званию.

Офицерская кают-компания тоже была «пластичной», чего я не знала. Раньше это было утилитарное помещение, служившее для коротких встреч, где специальные автоматы снабжали вас простейшей закусью и выпивкой. Теперь же эта комната была отделана темной древесиной и замысловатой мозаикой, на столах лежали льняные скатерти и стояла хрустальная посуда. Разумеется, древесина на ощупь была как две капли воды похожа на пластик, а льняное полотно — на бумагу. Но нельзя же иметь все, чего хочется, верно?

Девять офицеров явились в точно назначенный час, а майор вошла двумя минутами позже. Она поздоровалась с каждым из нас, а затем нажала на кнопку. Коки Сенифф и Джингай появились тут же, таща натуральную жратву и пару графинов вина. Ароматные, прекрасно поджаренные овощи, а также зони, видом напоминавшие крупных креветок.

— Давайте наслаждаться жизнью, пока можем, — сказала майор. — В самом недалеком будущем нам предстоит вернуться к синтетической пище класса А из восстановленной органики.

Видимо, на «Афине» хватало места даже для такой роскоши, как гидропонные оранжереи и рыбные пруды.

Майор попросила нас представиться в том порядке, в котором мы сидели за столом. Я уже кое-что знала о каждом из офицеров, так как мой архив содержал основные данные по всему спецназу и подробные досье на офицеров и нижних чинов нашего подразделения. Все же кое-что оказалось сюрпризом. Я знала, что майор пережила пять сражений, но то, что она четыре раза побывала в Раю — своеобразный рекорд, — было новостью. Знала, что первый заместитель майора — Чанс Нгуен — был уроженцем Марса, но не имела представления, что он принадлежал к поколению детей первопоселенцев и был первым марсианином, записавшимся в Армию. По этому поводу разгорелась своего рода дискуссия, так как сепаратисты на Марсе считали, будто Вечная война — дело сугубо земное. Но в те времена Земля была еще в состоянии перекрыть Марсу кислород. Теперь-то Красная планета самодостаточна, говорил Чанс, но сам он там не был лет сто и не знает, какова там ситуация сегодня.

Лилиан Матес покинула Землю только двадцать лет назад (столько времени ей понадобилось для гиперпространственного прыжка), и она сказала, что сейчас вербовка на Марсе не производится. Судебный процесс по этому делу все еще тянется. Так что, возможно, Чанс — единственный офицер-марсианин в Армии.

У него странная манера двигаться и странная походка: осторожная и точная, будто он плывет по волнам невесомости. Мне он рассказал, что тренировался целый марсианский год, таская на себе все больший и больший груз. Только после этого он смог отправиться на Старгейт за своим первым назначением.

Все офицеры были и хорошо образованны, и прекрасно развиты физически, но только Сид — Исидор Жульпа — действительно мог похвастаться, что он и профессиональный ученый, и профессиональный спортсмен. Он чуть ли не целый сезон профессионально играл в бейсбол, но потом бросил, чтобы писать докторскую по социологии. Он получил должность младшего профессора как раз за день до того, как ему пришла повестка из Армии. Кожа у Сида черна до синевы. Со своими точеными чертами лица он выглядел как какой-то жуткий африканский бог. А на самом деле тих и застенчив — мой любимец.

Я разговаривала преимущественно с ним и с Шарной, болтая о чем угодно, кроме нашего ближайшего будущего. Когда все было съедено и выпито, пришли оба кока со своими тележками, убрали со стола, оставив лишь кофе и чай. Гарсия подождала, пока все нальют себе и пока рядовые покинут комнату.

— Конечно, мы не имеем ни малейшего представления о том, что нас ждет на Алеф-10, — сказала майор. — Единственное, что нам удалось выяснить и чего вы, вероятно, не знаете, это то, как погиб второй десант спецназа.

Да, это что-то новенькое.

— Там было нечто вроде минного поля. Сетка из мощных водородных бомб типа «нова» образовывала как бы пояс по экватору портальной планеты. Мы предполагаем, что этот пояс и сейчас еще там.

— А они не сумели вовремя обнаружить эти бомбы и избежать контакта с ними? — спросила Райза.

— Это была активная система. Бомбы буквально гонялись за кораблем. Четыре из них взорвались, догоняя корабль, в непосредственной близости, пятая — накрыла его. Беспилотный разведчик, регистрировавший все происходящее, едва избежал той же судьбы. Одна бомба последовала за ним даже в первый гиперпространственный прыжок.

Мы теперь можем кое-что противопоставить этой системе. Нам будет предшествовать отряд «разумных» беспилотных разведчиков, которые одновременно взорвут все бомбы, формирующие этот пояс. На планете после этого станет жарковато, а наш подход к ней будет прикрыт.

— А что случилось с первым десантным кораблем, нам известно?

Гарсия покачала головой:

— Беспилотный разведчик не вернулся. Наверняка мы знаем только одно — они погибли как-то иначе.

— А это откуда известно?

— Алеф-10 хорошо видна с Земли. Она находится от Земли в восьмидесяти световых годах. Сто двадцать лет назад земляне уже обнаружили бы взрыв «нова», если бы таковой имел место. Можно предположить, что атака велась по стандартной программе, как и гласил приказ, и что десант был уничтожен. А возможно, имела место авария в пути.

Ясно и ежу: никаких сообщений на Землю или на Старгейт десантники отправить не могли. Мы бы и теперь этого делать не стали. Боевые действия ведутся только на портальных планетах вблизи коллапсаров*, а они по большей части безжизненны и пустынны — голый камень. Ну а для того чтобы превратить в пыль Старгейт, хватило бы и одной бомбы типа «нова», а уничтожить жизнь на Земле можно и тремя. Так разве можно давать врагу карту, пользуясь которой, они могут туда добраться?

6

Большая часть учений в течение ближайших одиннадцати месяцев была связана с освоением самых примитивных видов оружия, почему, видимо, среди сюжетов КИУЖС было так много эпизодов с луками, стрелами, копьями, ножами и

* Коллапсары, или Черные дыры. — *Примеч. пер.*

всякой подобной всячиной. Оказывается, у нас теперь есть такая новинка — «силовое поле стасиса». Находясь под защитой его «пузыря», можно орудовать только простейшим оружием, так как оружие с энергетической подпиткой тут отказывает.

Больше того, внутри стасисного поля законы физики действуют плохо, а химии — вообще не срабатывают. Например, там ничто не может двигаться со скоростью более 16,3 м/сек., включая элементарные частицы света. Внутри поля видеть можно, но это не свет, а своего рода свечение. Если подвергнуться воздействию поля без специального скафандра, то тут же у человека наступает мозговой паралич — не действуют электрические цепи. Да и вообще через несколько секунд вы превращаетесь в глыбу льда. Поэтому нам выдавались скафандры, сделанные из чего-то вроде прочной потрескивающей алюминиевой фольги. Они набиты всякими уникальными прибамбасами и аппаратурой для полной переработки отходов жизнедеятельности. Внутри стасиса можно жить вечно. Вернее, до того времени, пока вы не спятите там от тоски.

Но только одна-единственная дырочка в скафандре от булавочного укола... и вы умираете мгновенно.

По этой причине учения с применением примитивного оружия в стасисе категорически воспрещались. И если во время учений «якобы в пузыре» вы оставляли на скафандре партнера хоть крохотную царапину, вам предоставлялась возможность поразмыслить об этом печальном факте в течение суток, проведенных в строгом одиночном заключении. Правило распространялось даже на офицеров. Мое небрежное обращение с наконечником стрелы обошлось мне в бесконечно тянувшийся день пребывания в полной темноте.

В гимнастическом зале одновременно мог работать только один взвод. Поэтому сначала я тренировалась с любым составом в те часы, которые у меня оказывались свободными от выполнения моих прямых обязанностей, но потом я так перестроила свое расписание, чтобы работать постоянно с четвертым взводом. Мне нравился и командир взвода Аурелло Моралес, и его штабной сержант Карл Хенкен. Но больше всех мне нравилась Кэт Вердо.

Не помню той минуты, когда обычная дружба переросла в половое чувство. Не было ни тщательно обдуманного предложения, ни мгновенной вспышки страсти. С самого начала мы

ощущали какое-то физическое сродство благодаря общим воспоминаниям о Тресхолде. Потом мы совершенно естественно стали партнерами по рукопашному бою, так как абсолютный возраст у нас был одинаковый, да и физическое состояние — тоже. Такие тренировки воспитывают чувство грубоватой интимности, а тот факт, что офицеры и младший комсостав пользуются отдельными душевыми, привел к интимности уже другого рода. Аурелло и Карл занимали одну кабинку, а мы с Кэт — другую. Сначала намыливали друг дружке спину, а потом перешли и к противоположной стороне тела.

Будучи просто сержантом, Кэт не располагала отдельной каютой. Она спала в уголке кубрика вместе с остальными женщинами своего взвода. Однажды ночью она постучалась в мою дверь вся в слезах, вызванных той странной проблемой, с которой мы обе столкнулись. Дело в том, что наши новые руки иногда стали ощущаться как нечто чужое, не свое. Они повиновались командам, но так, будто были отдельными существами, привитыми к тебе. Ощущение чужеродности было сильнее попыток победить его умом. Я впустила Кэт, позволила ей выплакаться у себя на плече (том — здоровом), а потом разделила с ней свою узкую койку. Мы не делали ничего такого, чего не делали уже много раз в душевой, но теперь это уже была не просто шалость. И когда Кэт уснула, положив голову мне на грудь, я еще долго лежала без сна.

Я все еще любила Уильяма, но если не произойдет чуда, я больше никогда его не увижу. То, что я чувствовала к Кэт, было куда больше простой дружбы. Ни по мнению Кэт, ни по взглядам других офицеров, в этом не было ничего извращенного или порочного. Да при этом — отсутствие даже самой маленькой надежды, что у меня может получиться что-то с Сидом или с кем-нибудь из других мужчин.

Когда я была еще девчонкой, то мы, бывало, напевали насмешливую и одновременно грустную песенку, звучавшую примерно так:

> Если с милым своим не смогу я лежать,
> Если мы с ним навеки в разлуке,
> То придется, пожалуй, немилому дать,
> А не то околеешь от скуки.

По-моему, этим все сказано.

Я отправилась к Элси Дьюрак — психологу нашего подразделения спецназа, который помог мне разобраться в кое-каких моих комплексах. Потом мы вместе с Кэт навестили Октавию Полл — консультанта по проблемам женского секса. Этот визит закончился смешной четырехсторонней дискуссией совместно с Данте Норелиусом — консультантом по сексу мужскому, результатом чего явилось некое механическое приспособление, над которым мы постоянно хихикали, но которым частенько пользовались, что делало для меня эти отношения более приемлемыми и близкими к норме.

Кэт смирилась с моим желанием держаться за прошлое и не обижалась, что я, лежа с ней, думаю об Уильяме. Она считала это извращением, но романтичным.

Я даже решила обсудить свою проблему с майором, но она подняла меня на смех и выгнала. На борту корабля все, кто хочет знать, знают, и это было приятно, так как теперь я им не казалась такой страшной и чужой. Если бы я числилась во взводе Кэт или она находилась бы в прямом моем подчинении, ее бы автоматически перевели в другой взвод, что иногда делалось на моей памяти в таких случаях.

Логика подобных решений ясна, но она заставила меня подумать о самой Гарсии. Если бы она влюбилась в другую женщину на корабле, то способа вывести любовницу из непосредственного подчинения майора не существовало. Насколько я знаю, у нее никого и не было.

Кэт в известном смысле переехала ко мне. Может, кому-то это пришлось не по душе, но гораздо больше было таких, которые радовались, что их сержант не следит за ними ежечасно и ежеминутно. Обычно она оставалась со своим взводом до первого отключения света, а затем отправлялась по коридору к моей каютке, по пути встречая других солдат, спешивших по таким же делам. В космической жестянке таких вещей в секрете не удержишь, да никто особо и не пытается это делать.

В наших отношениях с Кэт присутствовал терпкий привкус обреченности — будто обреченные на неминуемую гибель души стремятся слиться в одну, пользуясь истекающими днями жизни. Но ведь это относится ко всем любящим, если, конечно, они не принадлежат к типу людей, живущих по принципу «день прожит, и ладно». Если верить средним показателям, то только у тридцати четырех процентов из нас

был шанс на будущее после «Элефанта» — так мы почти все называли Алеф-10, когда дело подошло ко второму гиперпространственному прыжку.

Уильям безропотно пытался объяснить мне физический смысл этого процесса в те времена, когда мы с ним готовились к нашему первому прыжку. Однако математика не давалась мне еще в колледже, а дифференциальное исчисление окончательно и навсегда пригвоздило меня к специализации на английской филологии. Что-то там связано с ускорением. Если вы падаете в коллапсар, то есть в Черную дыру, как это бывает с другими материальными телами, то вы обречены. Но почему-то и вы, и другие окружающие вас люди могут падать туда целую вечность. А с точки зрения окружающего мира, вы выныриваете из этой дыры в другом месте и в другое время и вроде бы сами за это время даже чихнуть не успели.

Что-то в этом роде. Хотя, как мне кажется, подобного эксперимента никто еще не проделывал. Итак, вы разгоняетесь в направлении воображаемого горизонта коллапсара, который заменяет ему поверхность, до заранее рассчитанной скорости, причем проделываете это под определенным углом, благодаря чему выскакиваете из совершенно другого коллапсара в скольких-то световых годах от точки вхождения — может, в пяти, а может, в пяти миллионах. Тут очень важно правильно рассчитать угол, ибо вернуться назад и все начать сначала никому не удастся.

(Мы надеялись, что именно это произошло с первым десантом спецназа на Элефант. Тогда, вполне возможно, они сейчас торчат где-нибудь в другом конце галактики, колонизируя симпатичную маленькую планетку. Учитывая подобную возможность, каждый крейсер располагает некоторым числом установок, имитирующих женскую матку, а также ясельным оборудованием, хотя наш майор смущенно закатывала глаза, описывая это хозяйство. Оно, говорила она, необходимо для укрепления морального уровня, но вряд ли находится в рабочем состоянии. Я еще подумала: а не придется ли в таком случае этим несчастным людям сжать крепче зубы и делать детишек старым добрым способом?)

Поскольку мы отправились от Рая, нам нужно было сделать по меньшей мере два гиперпространственных прыжка, прежде чем мы обретем Элефант. На это требовалось два сто-

летия объективного времени, ежели, конечно, считать, что подобная штука вообще существует. Для нас же это время уложится в одиннадцать исключительно тяжелых месяцев. Кроме тренировок со старинным оружием, солдатам приходилось осваивать боевые скафандры и специальные системы вооружения, которые прилагались к ним на тот случай, если поле стасиса откажется работать или если оно окажется беспомощным перед усовершенствованной технологией врага.

А тем временем я прилежно занималась своей административной работой. Какую-то часть ее составлял бухгалтерский учет, но на корабле, куда ничто не поступает снаружи и ничто не уходит, учет становится делом простым. Большая же часть моего времени шла на поддержание морального уровня бойцов.

К этому я была не слишком хорошо подготовлена, возможно даже, хуже кого угодно на борту. Их музыка казалась мне вовсе не похожей на музыку. Их игры, на мой взгляд, были лишены смысла, даже когда они терпеливо пытались объяснить правила. Кино казалось мне чуть более интересным, особенно с антропологической точки зрения. Что же касается еды и напитков, то тут вкусы изменились сравнительно мало, зато сексуальная жизнь солдат была для меня полна загадок, несмотря на увлечение Кэт и даже оргазмы, которые я время от времени испытывала. Если мимо меня проходили мужчина и женщина, то меня в первую очередь интересовал мужчина. Так что хоть я и любила женщину, но как настоящей лесбиянке цена мне была грош.

Иногда это обстоятельство действовало на меня успокаивающе, как бы укрепляя связь с Уильямом и с моим прошлым вообще. Но чаще я еще острее ощущала свою непохожесть и невозможность полного слияния с этими людьми.

У меня было восемь добровольных помощников и один подчиненный — Кади Уайт. Вот его никак нельзя было назвать находкой. Думаю, что правила вербовки, разработанные на Земле и закрепленные в акте об элитных войсках, в Раю начисто забыты. Я готова даже пойти дальше с учетом того, что никто на корабле не поймет, о чем я говорю, и заявить, что в его появлении на корабле было нечто такое, что мог бы описать только великий Мильтон. Уайт был изгнан из Рая за невиданное высокомерие и потрясающую гордыню. Гордиться, правда, ему было совершенно нечем, за

исключением мускулатуры и прекрасного лица. Что же касается ума, то его развитие остановилось у Уайта где-то на уровне хомячка. Выглядел он как греческий бог, но для меня это обстоятельство обернулось одним: каждый раз, когда я в нем нуждалась, Уайт болтался в гимнастическом зале, накачивая мускулы на тренажерах. Или в укромном местечке, где какой-нибудь временный возлюбленный, которому разговоры были ни к чему, трудился над его прямой кишкой. Но читать и писать Уайта все же научили, так что я вскоре сообразила, что могу заставить его не путаться у себя под ногами, засадив за оформление моих еженедельных отчетов о проделанной работе. Он мог мою заметку о том, что «эта неделя ничем не отличалась от предыдущей», превратить в эпическую поэму, исполненную невероятной тягомотины.

Я продолжала радоваться, что не вхожу в число строевых командиров. Вы без конца гоняете людей, готовя их к боевым операциям, затем набиваете их в космическую жестянку на одиннадцать месяцев... Для чего? Для новых боевых учений! Кому такое понравится? Ясное дело, люди начинают огрызаться.

Мужики, конечно, еще хуже баб. Вернее сказать, если женщина срывается с нарезки, то дело обычно ограничивается яростной перебранкой и редко переходит в кулачную потасовку или в избиение ногами. Правда, у Кэт во взводе была парочка бабенок, являвшихся исключением из этого правила, так что дело дошло почти до смертоубийства. Прямо в столовой для рядовых.

Случилось это за несколько дней до нашего последнего гиперпространственного прыжка. К тому времени почти весь личный состав уже дошел до точки кипения. Сцепились Лейн Мейфейр и Крошка Кеймо — огромная девка, способная уложить в рукопашной почти любого из наших мужиков. Лейн попыталась перерезать ей горло, напав сзади, а Крошка, сломав ей руку в локте, всерьез стала душить ее, надеясь убить раньше, чем сама истечет кровью. Все присутствовавшие разбежались по углам, но тут выбежал наш повар Джи-Джи, который и оглушил могучую Крошку тяжелой сковородкой.

Пока обе девушки находились еще в больничке, собрался военный суд. При наличии показаний более чем сорока свидетелей у майора Гарсии не было выбора. Она приговорила

Лейн Мейфейр к смерти за попытку умышленного убийства. И сама сделала ей смертельный укол.

Мне пришлось стать свидетелем этого события и прямо скажу: я не считаю его своим главным достижением в тот день. Мейфейр была прикована к койке и, как мне кажется, находилась под воздействием легкого наркотика. Гарсия объяснила ей, почему суд вынес такой приговор, и спросила, не хочет ли Мейфейр воспользоваться привилегией самой принять яд. Мейфейр ничего не ответила, она только рыдала и трясла головой. Двое солдат схватили ее за плечи, а Гарсия взяла руку Мейфейр и воткнула в нее иглу. Мейфейр страшно побледнела, глаза ее закатились. Несколько секунд тело девушки сотрясали конвульсии. Потом она умерла.

Во время исполнения приговора Гарсия даже глазом не моргнула, но когда все кончилось, она еле слышно прошептала, что будет у себя в каюте, если кому-то понадобится, и быстро ушла.

Мне досталось распоряжаться при ликвидации тела. Двое санитаров завернули его в простыню и положили на каталку. Мы выкатили ее в коридор, где уже выстроился весь личный состав. Все молчали. Я помогла санитарам внести тело в воздушный шлюз. Оно уже начало коченеть, хотя еще и не вполне остыло.

Один из моих друзей прочел молитву на языке Мейфейр. Инженер по моей команде довел давление в шлюзе до максимума, а затем открыл наружную дверь. Труп Мейфейр стремительно вылетел в бесконечную одинокую могилу.

Потом я вернулась в больничку, где нашла безутешную Крошку. Они с Мейфейр были любовниками еще со Старгейта. И вот все пошло наперекосяк, все потеряло смысл, но почему, почему, почему? Мой ответ был краток — попросила Шарну дать больной транквилизатор. И сама тоже проглотила одно «колесо».

7

Мы выбрались из коллапсара Элефанта буквально через минуту после вылета оттуда защитной фаланги — десяти скоростных «разумных» беспилотных устройств, вооруженных множеством боеголовок, запрограммированных на уничтоже-

ние минного поля портальной планеты, которое состояло из бомб типа «нова».

Тут нас ожидал первый сюрприз: никакого минного поля не было. Второй сюрприз заключался в том, что тауриан тоже не было. Их база показалась нам целой, но давно заброшенной, мертвой.

Мы решили разрушить ее водородной бомбой, но сначала послать туда один взвод на разведку. Гарсия приказала мне отправиться вместе с ним. Это был взвод Кэт. Что ж, вполне завлекательная совместная прогулочка, ежели допустить, что там нет никаких ловушек, начиненных бомбами, способными сдуть нас с поверхности планеты. Например, ловушкой может оказаться сама брошенная база.

Водородную бомбу нам предстояло тащить с собой. Моралес или я были обязаны взорвать ее и в том случае, если взвод попадет в ситуацию, которая покажется нам безнадежной. То же самое могла сделать и Гарсия прямо с орбиты. Я считала, что у нее-то рука не дрогнет. А вот насчет себя и Моралеса у меня такой уверенности не было.

Но пока мы на складе натягивали свои боевые скафандры, на нас обрушился третий сюрприз. Самый главный. Я потом видела подлинную запись. Куб трехмерного видения, находившийся в рубке, вдруг засветился и в нем возникло плоскостное изображение юноши в старинной форме. Изображение все время, пока юноша говорил, менялось от двухмерного к трехмерному и обратно.

— Хелло, корабль землян! Вы работаете все на той же частоте? И все еще говорите на том же языке?

Он радостно улыбнулся.

— Конечно, сначала вы не захотите мне ответить. Я бы на вашем месте и сам так поступил. Ведь исключить возможность ловушки нельзя. Поэтому мы решили воспользоваться длинными волнами. Я говорю с вами с совершенно другой портальной планеты, которая находится в 12,23 миллиона километров от вас. Орбита этой планеты наклонена на 0,54 радиана по отношению к коллапсару. Впрочем, вы, надо думать, уже вычислили это.

Я — потомок первых десантников, высадившихся в этих местах почти тысячу лет назад. Жду ваших вопросов. — Он поудобнее уселся в кресле, стоявшем в комнате с закруг-

ленными углами. Скрестил ноги, взял блокнот и стал листать его.

Мы немедленно получили изображение его портальной планеты, сделанное оптикой с большой разрешающей способностью. Планета невелика, как это часто бывает, холодна и лишена атмосферы за исключением территории самой базы. Это скорее городок, чем военная база, он совершенно очевидно выполняет функции маяка. Купола над городом не видно, надо думать, воздух удерживается каким-то силовым полем. Освещается искусственным солнцем, плавающим в нескольких километрах над поверхностью планеты.

На орбите висел старинный крейсер. Его подчеркнуто обтекаемое изящество вызвало у нас чувство неловкости и стыда за функциональную неуклюжесть нашей коробки. Кроме него, на орбите находилось еще два таурианских военных крейсера. Никаких видимых повреждений они не имели.

Когда мы вступили в этот контакт, в рубке находились пятеро наших офицеров. Напротив Гарсии сидел коммодор Сидоренко. Он был старше по званию, но сейчас командовала майор, так как дело касалось не корабля, а планеты. А планета — ее прерогатива.

Я чувствовала себя крайне неловко, так как явилась сюда прямо из отсека подготовки к десантированию. Все офицеры были в полной форме, а я — в так называемой контактной сетке боевого скафандра и выглядела так, будто меня голую покрыли тонким слоем серебряной краски.

Гарсия обратилась к сидящему в кресле юноше:

— Как ваше имя и какой у вас чин?

На то, чтобы вопрос дошел до него, потребовалось сорок секунд и еще столько же на получение ответа.

— Меня зовут Человек. Званий у нас нет. Здесь я нахожусь потому, что владею старым стандартным английским языком.

Разговор тянулся медленно. За это время вполне можно было сыграть партию в шахматы, не потеряв при этом ни одного произнесенного слова.

— Но ваши предки каким-то образом победили тауриан, не так ли?

— Нет. Тауриане взяли их в плен и поселили на этой планете. Потом, несколько поколений назад, произошла еще

одна битва. После нее мы больше тауриан не видели и о них не слышали.

— Но ведь то сражение мы проиграли. Наш крейсер погиб вместе со всем отрядом спецназа.

— Об этом я ничего не знаю. Их планета находилась по другую сторону коллапсара, когда началось то сражение. Люди наблюдали только яркие вспышки света, искаженные перепадами гравитации. Мы всегда считали, что нападающими были роботы, так как после окончания битвы мы не имели сведений ни с той, ни с другой стороны. Мне жаль, что погибло так много людей.

— А что произошло с таурианами, которые оставались с вами? Они все еще живы?

— Нет. Их не было тогда, нет и теперь. А до сражения они время от времени появлялись.

— Но вон же... — начала было Гарсия.

— А, вы имеете в виду таурианские корабли, что на орбите? Они тут висят уже несколько сот лет. И наш крейсер тоже. У нас нет средств, с помощью которых можно было бы добраться до них. Наша колония экономически самодостаточна, но ведь это просто тюрьма.

— Я свяжусь с вами после того, как посоветуюсь со своими офицерами. — Куб потемнел.

Гарсия развернула свое вертящееся кресло. То же сделал и Сидоренко, который заговорил впервые за все время.

— Не по душе мне это. Вполне возможно, что этот парень — просто запись.

Гарсия кивнула.

— Тогда из этого можно сделать ряд выводов. И первый — они о нас знают куда больше, чем мы о них.

— Это очевидно. Четыреста лет назад они, видимо, уже обладали средствами построить базу, чтобы поселить пленников. Не думаю, что мы бы не смогли создать подобную запись с участием тауриан, располагая двумя сотнями пленных и временем для научных изысканий.

— Я согласна. Поттер, — сказала Гарсия, — идите вниз и скажите четвертому взводу, что наши планы слегка меняются, но людям надлежит находиться в полной боевой готовности. Я думаю, что самое лучшее для нас — это отправиться к той планете и вступить с ними в физический контакт как можно скорее.

— Точно, — отозвался Сидоренко. — Мы потеряли элемент неожиданности, но никакой нужды торчать тут и снабжать их новой информацией, которая позволит им внести изменения в стратегию, у нас нет. Разумеется, если полагать, что там есть тауриане.

— Приготовьте своих ребят к пятикратным перегрузкам, — отдала мне приказ Гарсия. — Вы должны добраться туда за несколько часов.

— За восемь, — уточнил Сидоренко. — Мы от вас отстанем примерно часов на десять.

— Нам висеть на орбите? — спросила я, впрочем, не сомневаясь в ответе.

— Решайте сами. А теперь ступайте к шаттлам.

Мы ретранслировали голографическое изображение базы вниз и разработали довольно простое стратегическое решение. Двадцать два бойца в боевых скафандрах, вооруженные до зубов, включая водородную бомбу «нова» и поле стасиса, окружат базу и вежливо постучатся в дверь. В зависимости от ответа мы или зайдем попить чайку, или сровняем базу с землей.

Добраться туда будет не так уж трудно. Конечно, выдержать пятикратные перегрузки в течение четырех часов не может никто без специального оборудования. Поэтому нам надлежало наглухо закрыть свои боевые скафандры, накачаться снотворным и включить системы жидкостного гидравлического обеспечения. Восемь часов глубокого сна, еще час на то, чтобы стряхнуть сонливость и снова стать солдатом. Или гостем, приглашенным на файв-о-клок.

Кэт и я обошли битком набитый солдатами боевой шаттл, проверяя, все ли в порядке, хорошо ли прилажены скафандры и таймеры. Потом выбрали минутку, чтобы обняться перед тем, как занять свои места.

Я присоединила систему влагообмена к патрубку на бедре скафандра, и чувство страха исчезло тут же без следа. Тело как бы повисло в невесомости, им овладела приятная истома. Я позволила мягкому рыльцу штуцера обхватить ноздри и рот. Я все еще отчасти сохраняла сознание и понимала, что он начинает выжимать из моих легких весь запас воздуха, а вместо воздуха накачивает туда какую-то весьма плотную жидкость. Но если говорить об ощущениях, то было лишь одно — долгий, но очень постепенный оргазм. Я знала, что подоб-

ное ощущение нередко приходит к людям в момент, когда их истребитель внезапно начинает разваливаться на куски. Однако на войне есть множество куда худших способов помереть. И еще задолго до того, как бешеное ускорение вжало нас в кресла, я уже спала. Во сне мне снилось, что я рыба и плаваю в теплом тяжелом море.

8

Химические препараты обладают свойством ослаблять память о том, как к тебе возвращалось сознание, что, надо думать, само по себе не так уж и плохо. Мои диафрагма и пищевод горели огнем и саднили от рвоты, с помощью которой организм очищался от жидкости. Кэт выглядела жутко, а я старалась не смотреть в зеркало, пока мы вытирались полотенцами, надевали контактные сетки, забирались в свои боевые скафандры и готовились к высадке.

Наша стратегия, какой бы она ни была на самом деле, по мере приближения к портальной планете казалась все менее соблазнительной. Два таурианских крейсера действительно принадлежали к устарелым моделям, но они в сотни раз превышали размерами нашу миноноску и поскольку были задействованы на синхронную орбиту, то так и висели над базой, и нам, чтобы добраться до базы, надо было обязательно пройти под их огнем. Нам, однако, разрешили приблизиться, не делая попыток сбить меткими залпами, что делало рассказ Человека более заслуживающим доверия.

Возможно, они понимали, что наше главное предназначение — вызвать на себя огонь базы и крейсеров. Если бы они нас аннигилировали, то «Боливар» наверняка применил бы другую стратегию.

Когда Моралес решил, что мы идем на посадку и приземлимся на полосе, примыкающей к базе почти вплотную, я пробормотала: «А не все ли равно, за что быть повешенным — за козленка или за овцу». Кэт, бывшая со мной в связке, спросила, кому это нужно — вешать овец. Я ответила, что объяснять долго. Так говаривал мой отец, но если он и объяснил мне смысл этой поговорки, то я его все равно позабыла.

Посадка сопровождалась диким грохотом, но оказалась на удивление мягкой. Мы переключили боевые скафандры с режима транспортировки и попробовали передвигаться по поверхности планеты, где сила тяжести составляла всего треть g.

— Сюда надо было послать Коя, — сказала Кэт. Так мы привыкли называть марсианина Чанса Нгуема. — Он бы чувствовал себя тут как дома.

Нам пришлось поторапливаться: люди стремились побыстрее занять боевые позиции. Кэт отправилась на другую сторону базы. Мне же предстояло сопутствовать Моралесу в его миссии стучать в дверь. У офицеров есть свои привилегии — либо нарваться на пулю, либо на приглашение пожаловать к столу.

Здания базы выглядели так, будто ее сконструировал какой-то очень трудолюбивый и серьезный ребенок. Блоки без окон, выложенные в строгом геометрическом порядке. Все, кроме одного, выкрашены в песочный цвет. Мы направились к серебристому кубу штаба. Во всяком случае, на его двери большими буквами было написано «ШТАБ».

Сверкающая дверь со свистом взлетела вверх подобно готовому сейчас же обрушиться вниз ножу гильотины. Мы вошли в проем, стараясь без особого успеха сочетать быстроту с достоинством. Дверь, лязгнув, тут же опустилась. Этот «нож», он же дверь, отличала массивность, так что даже в вакууме мы услышали этот лязг благодаря вибрации пола, переданной подошвам наших сапог.

Раздался свист воздуха — его мы услышали уже по-настоящему, и минуту-другую спустя вторая дверь шлюза открылась сама собой. В нее мы прошли боком — мешали габариты наших боевых скафандров. Я думаю, мы могли бы прекрасно пройти и прямо, по дороге расширив дверной проем. Могу сказать, что я даже совершенно серьезно рассматривала такую возможность, пока лезла боком — по-крабьи. Это лишило бы хозяев возможности пользоваться шлюзом до тех пор, пока ему не сделают изрядный ремонт.

Дальше была еще одна дверь — металлическая, предохраняющая от взрывной волны, толщиной в полметра. Медленно она распахнулась перед нами. За простым круглым столом сидели Человек и женщина, похожие друг на друга, как близнецы. На обоих были одинаковые голубые мундиры.

— Приветствую вас в Алькатрасе, — сказал Человек. — Это название берет начало от очень древнего анекдота*. — Он жестом указал на четыре пустующих кресла. — Почему бы вам не снять скафандры и не расслабиться?

* Алькатрас — знаменитая тюрьма в Калифорнии.

— Это было бы не слишком умно, — ответил Моралес.

— Вы же окружили базу. Даже если бы я захотел причинить вам вред, то вряд ли решился бы на такую глупость.

— Это ради вашей безопасности, — поспешила вмешаться я. — За четыреста лет вирусы могли подвергнуться сильнейшим мутациям. Вы сами не захотите дышать одним воздухом с нами.

— Ну, это не проблема, — ответила женщина. — Поверьте мне. Мои тела куда более эффективны, нежели ваши.

— Мои тела? — спросила я недоумевая.

— А, да ладно!

Она сделала жест рукой, который показался мне лишенным смысла. Две двери, находившиеся в разных концах комнаты, открылись одновременно. Из той, что была ближе к женщине, вышла процессия женщин. Все — точные копии сидевшей за столом. Из второй двери так же молча вышли копии Человека.

Их было штук по двадцати каждого сорта. Они посмотрели на нас одинаково пустыми глазами, а затем сказали хором:

— Мы ждали вас.

— И я — тоже! — В комнату вошла пара полуобнаженных тауриан.

Наши вооруженные лазерами пальцы мгновенно нацелились в их сторону. Выстрелов, однако, не последовало. Я отцепила от пояса метательный нож и метнула его. То же сделал и Моралес. Оба существа с легкостью уклонились от ножей. Скорость их движений была куда больше, чем у людей.

Я приготовилась к смерти. Живых тауриан я не видела со времени кампании Йод-4, но во время КИУЖС я билась по меньшей мере с четырьмя сотнями таких. В тех случаях, когда речь идет о возможности прикончить человека, вопрос о собственной гибели для них просто не существует. Однако эта парочка почему-то нападать не торопилась.

— Тут многое придется объяснять, — сказал один из тауриан тонким прерывающимся голоском. Его голосовое отверстие то расширялось, то сокращалось. Тела тауриан были лишь чуть прикрыты свободными мундирами, похожими на людские. Они скрывали только часть морщинистой оранжевой кожи, странные члены и ребристую муравьиную грудь.

Оба медленно в унисон мигали, что, возможно, было каким-то социальным или эмоциональным сигналом. Почти

прозрачная мембрана, влажно блестя, прикрывала их фасеточные глаза. Дрожание складки мягкой кожи на месте носа лучше бы не сопровождало каждое мигание глаз.

— Война кончилась. Кончилась почти повсюду.

Снова заговорил Человек:

— Теперь люди и тауриане совместно используют Старгейт. На Земле есть представитель тауриан, на их планете — Дж'ардкух — Человек.

— Люди — такие же, как ты — распечатанные машиной?

— Я действительно рожден машиной, но она живая, называется матка. До тех пор, пока я и в самом деле не превратился в одного, мир наступить не мог. Ведь когда нас — очень непохожих друг на друга — миллиарды, идея мира вообще не может быть воспринята.

— И что же — сейчас на Земле все вот такие, как ты? — спросила я. — Означает ли это, что сохранился только один вид людей?

— Нет, кое-где во Вселенной еще существуют изолированные участки, где длится Вечная война. Там есть такие же, как вы, — ответила мне женщина. — А вообще-то существует лишь один Человек, так как я могу быть по желанию и мужчиной, и женщиной. И есть лишь один таурианин. Я создана (или создан) по образу и подобию реального человека — его звали Кхан. А я зовусь Человек.

Вот какая штука, значит, получилась: считалось, что мы сражаемся за спасение человеческой расы, а оказалось, что она уже заменена новой и улучшенной моделью.

Где-то справа и слева от меня послышались звуки, напоминавшие отдаленный гром. Однако мой личный коммуникатор молчал.

— Ваши люди атакуют, — сказал Человек, — несмотря на то что я предупредил их о бессмысленности подобных действий.

— Дайте мне поговорить с ними! — закричал Моралес.

— Не получится, — ответила ему женщина. — Они собрались под полем стасиса сразу же, как только увидели, пользуясь вашими глазами, тауриан. В действие приведено их автоматическое оружие. Когда они поймут, что оно не работает, то попытаются прорваться сюда с помощью поля стасиса.

— Такое случалось и раньше? — спросила я.

— Не здесь. В других же местах бывало. Результаты неоднозначны.

— Ваше поле стасиса, — вмешался таурианин, — было нам хорошо известно уже сотню лет назад. Мы воспользовались его улучшенной моделью, чтобы помешать вашей стрельбе.

— Вы сказали, что результаты неоднозначны, — обратился к женщине Моралес. — Значит ли это, что иногда сражение выигрываем мы?

— Даже если вы убьете меня, это не будет победой. Теперь некого побеждать. Нет, единственная неопределенность заключается в том, какое число ваших людей выживет.

— Вполне возможно, что нам придется уничтожить ваш крейсер «Боливар», — снова вмешался таурианин. — Насколько я понимаю, там следят за нашими переговорами. В настоящее время он находится в нескольких световых минутах от нас. Если они не выскажут намерения кооперироваться с нами, у нас не будет другого выбора.

Гарсия ответила через минуту. Ее изображение возникло за спиной таурианина.

— А почему бы нам не призвать вас действовать в духе дружбы и доброжелательности? Если ни один из наших людей не пострадает, то и с вами случится то же самое.

— Это не в моей власти, — отозвался Человек. — Ваше автоматическое оружие атакует. Мое — защищается. Я полагаю, что ни то, ни другое не запрограммировано на милосердие.

Женщина продолжила:

— То, что ваши люди еще живы, ясно говорит о мирном характере наших намерений. Мы ведь могли бы деактивировать прямо отсюда ваше поле стасиса. — Тут раздался мощный звуковой удар, и стол Человека подпрыгнул на несколько дюймов. — И тогда большинство ваших погибло бы в одно мгновение.

Гарсия помолчала.

— Тогда объясните, почему вы этого не сделали.

— Одна из моих директив, — ответил ей Человек, — требует минимизировать число жертв среди вас. Существует программа диверсификации генофонда, подробные сведения о которой вы можете получить на Старгейте.

— Ладно, — решилась Гарсия. — Поскольку я не могу связаться со своими людьми напрямик, я разрешу вам деак-

тивировать поле стасиса, но вам придется одновременно отключить свои автоматические средства защиты. Иначе все наши погибнут.

— Значит, вы предлагаете, чтобы вместо них погибли мы? — отозвался Человек. — Я и двое ваших представителей?

— Я прикажу своим немедленно прекратить огонь.

Весь этот разговор происходил с перерывом между фразами в двадцать секунд, следовательно, слово «немедленно» означало, что приказание будет выполнено в пределах этого лага.

Не произнеся ни слова, оба таурианина исчезли, а сорок человеческих дубликатов двумя цепочками покинули зал переговоров.

— Хорошо, — сказал Человек. — Возможно, нам удастся преодолеть этот двадцатисекундный лаг. Кто из вас двоих старше по званию?

— Я, — ответила я.

— Большинство моих индивидуальностей вернулись в подземное убежище. Я отключу ваше стасисное поле и наши оборонительные вооружения одновременно. Скажите своим сотоварищам, что они должны прекратить огонь немедленно. Если мы погибнем, то оборонительные установки включатся автоматически, а у ваших солдат уже не будет защиты в виде поля стасиса.

Я переключила коммуникатор на командную частоту, чтобы оказаться автоматически в прямом контакте с Кэт и сержантом Хенкеном, когда поле стасиса исчезнет.

— Мне это не нравится, — сказал Моралес. — Вы что же — можете включать и выключать вооружение с помощью мысленного приказа?

— Верно.

— Но мы же так не умеем! Когда Поттер отдаст свой приказ, сержантам потребуется какое-то время, чтобы понять его и начать действовать.

— Но ведь для этого нужно только повернуть выключатель, не так ли?

Раздался еще один громовой удар, и слева от меня на стене появилась паутина трещин. Человек поглядел на нее, но не выказал никаких эмоций.

— Значит, сначала полдюжины людей должны разобраться в приказе, а потом согласиться выполнить его?

Человек и женщина поглядели друг на друга и кивнули головами.

— Готово!

Крошечные — размером с ноготь большого пальца — лица Кэт и Карла возникли на экране коммуникатора рядом с таким же изображением Моралеса.

— Кэт! Карл! Немедленно отключите автоматы! Немедленно!

— Что происходит? — орал Карл. — Куда исчезло наше поле стасиса?

— Они его отключили. Война кончилась!

— Точно! — раздался голос Моралеса. — Прекратить огонь!

Кэт уже отдавала приказ своим отделениям, а Карл, все еще смотревший на нас с непомерным удивлением, наконец обратился к своим.

Поздно! Левая стена взорвалась, на ее месте возник водопад кирпичей, известки и кусков металлической арматуры. Оба Человека превратились в кровавые лохмотья плоти, разлетевшиеся по комнате. Моралеса и меня сшибло с ног обломками стены. Мой скафандр где-то порвался, но сигнал тревоги звучал лишь секунд десять — столько времени потребовалось для автоматического устранения повреждения.

Вакуумная тишина. Светильник на противоположной стене потускнел, потом погас. Через дыру размером с доброе окно, проделанную нашим снарядом, можно было видеть залитое звездным светом безмолвное поле боя.

Три крошечных изображения на экранчике коммуникатора исчезли. Я снова переключилась на командную частоту.

— Кэт? Карл? Моралес?

Потом я включила фонарик на шлеме скафандра и увидела, что скафандр Моралеса распорот, а лохмотья легких и сердца торчат между ребрами — серые, покрытые уже высохшей кровью.

Я стала искать хоть какую-нибудь работающую частоту и услышала с десяток голосов, которые орали что-то невразумительное.

Значит, Кэт скорее всего убита, Карл — тоже. Или у них разбиты коммуникаторы.

Какие-то секунды ушли на обдумывание этой мысли. Я то надеялась, то тут же теряла надежду, прислушиваясь к звукам все еще длившегося сражения. И только тогда сообрази-

ла, что если я слышу этих капралов и рядовых, то и они должны услышать меня.

— Это Поттер, — сказала я. И заорала: — Капитан Поттер! — Оставаясь на той же частоте, я попыталась объяснить сложившуюся дикую ситуацию. Пятеро решили остаться снаружи, а остальные встретили меня под желтым светом, светившим с верхушки мощной черной двери, торчавшей из пола под углом сорок пять градусов, совсем как в нашем домашнем убежище от торнадо — где-то там, тысячи лет назад и сотни световых лет отсюда. Дверь скользнула вверх, и мы вошли внутрь, неся четыре боевых скафандра, чьи хозяева не отвечали нам, но на наш взгляд не были безнадежно мертвы.

Одной была Кэт. Я узнала ее сразу же, как только мы оказались на свету в закрывшемся воздушном шлюзе. Затылок ее шлема обожгло взрывом, но мне все же удалось разобрать надпись — «Вердо».

Выглядела она ужасно. Не хватало ноги и руки, оторванной у плеча. Они были ампутированы самим скафандром, точно так же, как моя рука на Тета-2.

Выяснить, жива ли Кэт, было невозможно, так как индикатор, помещающийся на затылочной части шлема, сгорел. У скафандра был свой биометрический счетчик, но до него мог добраться только медик, а наш медик вместе со своим скафандром уже превратился в атомную пыль.

Человек проводил нас в большую комнату, в которой стояли койки и стулья. Там же находились еще трое Человеков, а тауриан не оказалось вовсе, что было с их стороны, пожалуй, весьма разумно. Я сняла свой скафандр и не умерла, так что и все остальные последовали моему примеру. Солдаты, перенесшие ампутацию, были оставлены в своих наглухо запечатанных скафандрах. Они или умерли, или погрузились в счастливое забытье. Если первое, то смерть наступила уже так давно, что везти их обратно бессмысленно, если же второе, то для них же будет лучше очнуться в хирургической палате «Боливара». Крейсер сейчас находился от нас в двух часах лета, но мне они показались бесконечными.

Как оказалось, Кэт выжила, но я ее все равно потеряла благодаря релятивистским законам. Она и другие калеки были погружены, все еще спящими, на другой крейсер и отправлены прямо в Рай. Туда они добрались за один гиперпространственный прыжок, так как причины соблюдать секрет-

ность отсутствовали, а мы на «Боливаре» тоже одним прыжком достигли Старгейта. Когда я побывала тут в последний раз, то Старгейт был обыкновенной космической станцией. Теперь же он вырос раз в сто — огромный искусственный планетоид. Построенный таурианами и Человеками.

Это мы теперь их всех так называем: Человеки.

Для тех, кто смотрит на него изнутри, Старгейт — громадный город, в сравнении с которым любой сохранившийся в моей памяти земной город казался карликом. Впрочем, говорят, что сейчас на Земле уже есть города, в которых живет по миллиарду тауриан, людей и Человеков.

Несколько недель мы провели здесь в размышлениях о том, какое решение нам следует принять, чтобы получше прожить остатки наших жизней. Первое, что я сделала, это навела справки об Уильяме. Чуда, однако, не произошло: его подразделение спецназа так и не вернулось с Сейд-138. Правда, не вернулся и таурианский отряд, посланный для их уничтожения.

Меня совсем не устраивала перспектива болтаться в Старгейте, дожидаясь возвращения Уильяма. По самому благоприятному сценарию их отряд мог прибыть сюда эдак лет через триста. Ждать Кэт тоже не было смысла. В самом лучшем случае она могла оказаться в Старгейте через тридцать пять лет. Она-то была бы еще молодой, но мне бы стукнуло все шестьдесят. И это еще при том условии, что ей захотелось бы выбрать Старгейт, а не воспользоваться правом остаться в Раю.

Конечно, я могла бы сама попытаться разыскать ее в Раю, но тогда бы она оказалась лет на тридцать пять старше меня. Ну а что, если наши космические трассы вообще разминутся?

Но один-единственный шанс у меня все же был. Была такая возможность обмануть проклятые законы относительности.

В списке возможных мест поселения ветеранов имелся Мидлфингер — планета, вращающаяся вокруг Мицара. Номинально она предназначалась для гетеросексуалов: быть ли гетеро или гомо теперь было делом свободного выбора — Человеки могли сделать вас таким или этаким за какой-нибудь час.

Сначала я подумывала, не стать ли мне лесбиянкой не только по выбору, но и по склонности. Но мне все еще нра-

вились мужики. Мужики, а не Человеки. К тому же Мидлфингер давал мне надежду получить того единственного мужика, которого я любила.

Пять ветеранов сообща купили старый крейсер, решив использовать его в качестве машины времени. Этот Шаттл Времени, как они его наименовали, должен был шмыгать на релятивистских скоростях туда и сюда между Мицаром и Алькором, так что каждая неделя корабельного времени становилась равной двум годам объективного. Я могла купить себе место в этой компании, закупив на свои ветеранские премиальные топливо из антивещества, необходимое для полетов. Добраться до Мидлфингера можно было за два гиперпространственных прыжка, оставив весточку для Уильяма, и если он жив, то я могла бы соединиться с ним через несколько месяцев или лет.

Решение было столь легким, что его и решением назвать трудно. Так что я оставила ему весточку:

11 окт. 2878

Уильям!

Это послание ляжет в твое личное дело. Зная свойственное тебе разгильдяйство, я уверена, что в любом другом случае ты способен его куда-нибудь засунуть. Поэтому я сделала все от меня зависящее, чтобы это письмо ты получил.

Как ты догадываешься, я выжила. Питаю надежду, что ты тоже. Приезжай.

Из служебных материалов я узнала, что тебя отправили на Сейд-138 и что ты оттуда выберешься не раньше чем через парочку столетий. Ничего, перебьемся.

Я направляюсь на планету, которая называется Мидлфингер. Она пятая от Мицара. Отсюда это два гиперпространственных прыжка, то есть десять месяцев субъективного времени. Мидлфингер — что-то вроде заповедника для гетеросексуалов. Его еще кличут «Граница, где кончается действие законов евгеники».

Черт с ними. На это ушли все мои сбережения и все денежки еще пяти ветеранов, но мы купили развалюху-крейсер у Международного Космического Флота. И будем его использовать как Машину Времени.

Так что сижу в релятивистском шаттле и жду тебя. Все, что он делает, — это полет на расстояние пяти световых лет и возвращение обратно к Мидлфингеру. За каждые десять

лет я старею примерно на один месяц. А потому, если ты еще числишься в списках и жив, мне будет только 28, когда ты вернешься. Торопись!

Я так и не завела себе других дружков. Кроме тебя, никто мне не нужен. И меня не интересует, будет ли тебе девяносто или тридцать. Не смогу быть любовницей, буду сиделкой.

Меригей.

Вырезка из газеты «НОВЫЙ ГОЛОС», Пакстон, Мидлфингер 24-6

14/2/5143

У ВЕТЕРАНА РОДИЛСЯ ПЕРВЫЙ СЫНОК

Меригей Поттер-Манделла (24 Пост-роуд, Пакстон) родила в пятницу отличного мальчишку весом 3,1 кило.

Меригей претендует на то, что она вторая по счету старейшая жительница Мидлфингера, ибо родилась в 1977 году. Она участвовала в Вечной войне почти с ее начала и до самого конца, а затем ждала своего любимого еще 261 год, сидя в Шаттле Времени.

Малыш, который еще не окрещен, родился в доме родителей. Посильную помощь в родах оказала друг дома Диана Олсевер-Мур.

ОРСОН СКОТТ КАРД
СЕРИЯ РОМАНОВ ОБ ЭНДЕРЕ

«Игра Эндера» (1985)
«Голос Тех, Кого Нет» (1986)
«Ксеноцид» (1991)
«Дети разума» (1996)

Когда я впервые начал писать научную фантастику, то сочинил несколько сюжетов о семье, где из поколения в поколение передаются ментальные возможности, и действие этих первых рассказов происходило в сельском антураже. Я получал сочувственные отказы, но ни одной такой истории не продал. Только Бен Бова из «Аналога» наконец мне объяснил: эти рассказы воспринимаются как фэнтези! Я был сперва обескуражен: разве истории Зенны Хендерсон из «Людей» не считаются научной фантастикой? Но потом я понял настоящее различие между фэнтези и научной фантастикой с точки зрения книготорговца: в фэнтези — деревья, в научной фантастике — железки! Если я собираюсь продавать рассказы журналам НФ, то в этих рассказах должны быть железки!

В шестнадцать лет, прочтя трилогию Азимова «Основание», я решил, что тоже хочу писать научно-фантастические произведения. В то время (1967 год) была в разгаре Вьетнамская война, мой старший брат только что прошел обучение в лагере для новобранцев, и потому у меня на уме была

©Перевод. В. Гришечкин, 2000 («Советник по инвестициям»).
«Investment Counselor». ©Orson Scott Card, 1999.
©Перевод. М.Б. Левин, 2001. (Предисловие).

военная тематика. Я стал рассматривать обучение солдат с точки зрения научной фантастики: как учить солдат воевать в трехмерном пространстве? Я помнил роман Нордхоффа и Халла о летчиках-асах времен Первой мировой войны — там речь шла о том, что летчиков приходилось учить искать самолеты противника не только в горизонтальной плоскости, и понимал, что в невесомости эта проблема сильно усложняется из-за отсутствия верха и низа. Солдат придется отучать от привычек, выработанных жизнью в условиях тяготения. В результате моих мысленных экспериментов появился боевой зал — стометровый куб без гравитации, в котором можно устанавливать различные препятствия и в котором команды новобранцев будут имитировать битву в боевых костюмах, показывающих, куда и как поражен солдат огнем «противника».

Так это было. Мысль показалась мне удачной, но в то время я еще понятия не имел, как развернуть ее в роман. Кто будет героем? И куда пойдет сюжет?

Через много лет, когда я решил писать научно-фантастический рассказ с подобающими железками, вспомнилась мысль о боевом зале, и вот, сидя на лужайке возле Солт-Пэлас в Солт-Лейк-Сити в ожидании подруги, которая повела в цирк детей своего босса, я открыл блокнот и записал первое предложение рассказа, который назвал «Игра Эндера»:

«Помните, ворота противника внизу».

То, что дало мне возможность его написать, — это решение, что новобранцы в боевом зале должны быть детьми: в мире будущего военные таланты будут обнаруживаться в очень раннем возрасте и детей будут отбирать у родителей и обучать тактике и стратегии, пока их ум достаточно гибок. Получившийся рассказ был первым из принятых у меня научно-фантастических произведений. Его купил Бен Бова, и рассказ появился в августовском номере «Аналога» 1977 года (в том же месяце мой первый не фантастический роман, «Герт Фрам», появился в журнале «Энсайн» Церкви Святых последних дней).

Через много лет, когда я работал над романом «Голос Тех, Кого Нет», вещь никак не хотела оживать, пока я не понял, что героем книги должен быть Эндер Виггин. Чтобы роман «Голос» получился, мне пришлось переписать исходный рассказ как роман. Так появился на свет роман «Игра Эндера»,

и только тогда я смог написать «Голос Тех, Кого Нет». Я не планировал серию романов, и в отличие от того, как это обычно бывает в сериях, второй роман — это совершенно другой *вид* научной фантастики. Вместо военного романа — антропологический, и Эндер в нем взрослый, имеющий сложное и скрываемое прошлое.

И потом я достал с полки долго там пролежавший третий проект, когда понял, что из него получится хорошее продолжение «Голоса», но на этот раз должна была получиться книга третьего вида научной фантастики — роман метафизических рассуждений. Я разделил ее на две части, и она вышла двумя отдельными романами — «Ксеноцид» и «Дети разума». Позволю себе сказать, что никогда не было серии романов, объединенных общим героем, столь различных по идее, сюжету и жанру. И в каждом из четырех томов центральный персонаж, Эндер Виггин, ведет борьбу за решение личных и моральных дилемм, переходящих из книги в книгу.

Эти дилеммы решаются в финале четвертой книги. Я собираюсь написать еще несколько романов о той же Вселенной (один о брате Эндера Питере, другой о Бобе — юном товарище Эндера из первого романа), но история самого Эндера завершена — остался лишь один небольшой пробел.

В те три тысячи лет, что прошли между «Игрой Эндера» и «Голосом», во время путешествий Эндера с планеты на планету с помощью замедления времени при скорости, близкой к световой, когда он не жил ни в одном десятилетии подолгу, у него появилась спутница — компьютерное существо по имени Джейн, и она в трех последних книгах серии по важности уступает только самому Эндеру. В рассказе, лежащем перед вами, описывается, как они встретились.

Орсон Скот Кард

СОВЕТНИК ПО ИНВЕСТИЦИЯМ

Эндрю Виггину исполнилось двадцать лет в тот день, когда он прилетел на планету Сорелледольче. Точнее, двадцать ему исполнилось незадолго до конца путешествия. Эндрю выяснил это, когда подсчитал, сколько секунд продолжался его полет при скорости, близкой к скорости света, и сколько субъективного времени прошло для него лично.

В любом случае он хотел считать себя двадцатилетним и не думать о том, что с момента, когда он появился на свет — а было это давным-давно, на Земле, в эпоху, когда человечество еще не вышло за пределы Солнечной системы, — минуло уже четыреста с лишним лет.

Как только из выходного шлюза появилась Валентина, Эндрю поспешил сообщить ей новости.

— Я только что подсчитал, — сказал он. — Мне стукнуло двадцать.

— Поздравляю, — откликнулась сестра. — Теперь тебе, как и всем, придется платить налоги.

С тех пор как закончилась последняя космическая война, Эндрю жил за счет средств трастового фонда*, основанного благодарным человечеством для командира армады объединенных космических флотов, спасшего цивилизованные миры от страшной опасности. А если уж быть совсем точным, то

---

* Трастовый фонд — имущество или денежные средства, передаваемые наследодателем или благотворителем в доверительное управление третьему лицу (чаще всего банку или крупной компании) до достижения наследником дееспособного возраста. До этого момента наследник, как правило, имеет право распоряжаться лишь определенным процентом от прибыли, которую приносит наследуемое имущество. — *Прмеч. пер.*

фонд был создан в самом конце Третьей войны с баггерами, когда люди еще считали своих врагов чудовищами; в те времена дети, командовавшие космическими флотами, считались героями. Но позже эту битву стали называть Войной Ксеноцида, отношение человечества к своим героям изменилось радикально. Сейчас ни одно планетарное правительство не осмелилось бы организовать пенсионный трастовый фонд для Эндера Уиггина — величайшего в истории человечества военного преступника.

Более того: если бы стало известно, что подобный фонд уже существует, разразился бы грандиозный скандал.

К счастью, убедить ветеранов космического флота в том, что уничтожение баггеров было скверным поступком, оказалось довольно трудно. Именно командование космофлота приложило немалые усилия, чтобы скрыть только что созданный фонд от внимания общественности. Собранные средства распределили между множеством других фондов, приобрели на них пакеты акций в сотнях компаний, так что ни один человек не мог распоряжаться сколько-нибудь значительной частью средств фонда. Огромная сумма словно растворилась, и только сам Эндрю и его сестра Валентина знали, где находятся деньги и сколько их на самом деле.

Но теперь, когда Эндрю исполнилось двадцать, он должен платить налог. Для определения суммы налога ему необходимо сообщить властям о своих доходах. Закон обязывал Эндрю представлять декларацию о доходах либо ежегодно, либо после каждого межзвездного перелета, если тот длился больше одного года по объективному времени; при этом налоги переводились в годовое исчисление и к ним приплюсовывалась пеня за просрочку платежа.

Излишне говорить, что мысль об этом не вызывала у Эндрю особого восторга.

— Слушай, а как у тебя с налогами на твое роялти*? — спросил он у Валентины.

— Так же, как у всех, — ответила она. — Впрочем, моя последняя книга пока расходится не очень хорошо, так что платить нужно немного.

---

* Роялти — во многих странах авторское вознаграждение, сумма которого зависит не только от тиража, но и от количества проданных экземпляров книги. — *Прмеч. пер.*

Но когда через несколько минут они уселись за установленные в астропорту Сорелледольче общественные компьютеры, ей пришлось взять свои слова назад. Последняя книга Валентины, в которой рассказывалось о гибели колонии Юнга Кальвина на планете Гельветика, стала настоящим бестселлером.

— Похоже, я богата, — пробормотала она, поворачиваясь к Эндрю.

— А вот я даже не знаю, богат я или нет, — ответил он. — Компьютер, бедняга, никак не может справиться с перечнем моей собственности.

На экране компьютера сменяли друг друга названия компаний, корпораций и фирм, и конца этому не было видно.

— Я думала, когда тебе исполнится двадцать, ты просто получишь чек на всю сумму, которая накопилась за все годы на счете в банке, — сказала Валентина.

— Хотел бы я, чтобы именно так и случилось, — вздохнул Эндрю.

— Мне вовсе не улыбается сидеть здесь бог знает сколько времени и ждать, пока компьютер доберется до конца списка.

— Придется, — заметила Валентина. — Тебя просто не пропустят через таможню, если ты не сможешь доказать, что заплатил все налоги и что после этого у тебя осталось достаточно денег, чтобы удовлетворительно содержать себя, не отягощая своей персоной местную систему социальной помощи.

— А если у меня вовсе не останется денег? Меня что, отправят обратно? — поинтересовался Эндрю.

— Нет, просто поместят в трудовой лагерь и заставят зарабатывать свою свободу, причем по самым низким расценкам...

— Откуда ты знаешь?

— Я прочла достаточно много исторической литературы и составила представление о повадках планетарных правительств. Или трудовой лагерь, или что-то в этом роде... В крайнем случае тебя действительно отправят назад.

— Но ведь, наверное, я не единственный, кто прилетел на новую планету и обнаружил, что ему необходимо не меньше недели, чтобы разобраться в своей финансовой ситуации, — заявил Эндрю. — Поищу кого-нибудь, кто мне поможет.

— Я, пожалуй, останусь здесь и заплачу свои налоги, — хмыкнула Валентина. — Как взрослая, честная женщина...

— Мне стыдно за себя. — Эндрю жизнерадостно улыбнулся и зашагал прочь.

Бенедетто искоса взглянул на самоуверенного юнца, опустившегося в кресло для посетителей, и вздохнул. Он сразу понял, что с этим типом не оберешься неприятностей. У парня был вид богатого, молодого повесы, который только что прибыл на новую планету, но уже уверен, что сможет добиться от инспектора налогового ведомства любых уступок.

— Чем могу быть полезен? — спросил Бенедетто по-итальянски, хотя довольно сносно владел межзвездным, на котором по закону и был обязан обращаться ко всем путешественникам.

Нимало не смутившись, молодой человек протянул Бенедетто удостоверение личности.

— Эндрю Виггин? — недоверчиво переспросил инспектор.

— Да, а что?

— И вы хотите, чтобы я поверил, будто ваше удостоверение — подлинное? — Видя, что ему не удалось сбить собеседника с толку, Бенедетто перешел на межзвездный.

— Почему бы нет? — Молодой человек пожал плечами.

— Но... Эндрю Виггин?.. — повторил инспектор. — Или вы считаете, что попали в глухую провинцию, где никто не слыхал про Эндера Ксеноцида?

— Разве быть тезкой — уголовное преступление? — поинтересовался Эндрю.

— Нет, но пользоваться фальшивыми документами...

— Сами посудите, если бы я действительно хотел подделать свое удостоверение, разве стал бы я использовать подобное имя? — сказал Эндрю. — С моей стороны это было бы глупо.

— Пожалуй, — нехотя согласился Бенедетто.

— Тогда давайте исходить из того, что имя Эндрю Виггина, доставшееся мне при рождении и совпадающее с именем Эндера Ксеноцида, причиняет мне значительные моральные страдания. Возьметесь ли вы утверждать, что это обстоятельство могло отрицательно повлиять на мою психику?

— Ваше психическое здоровье меня не касается, — возразил Бенедетто. — Я занимаюсь налогами.

— Знаю, — кивнул Эндрю. — Но мне показалось, что вы как-то уж очень озабочены моим удостоверением личности,

вот я и подумал: либо вы тайный агент таможни, либо философ. Впрочем, кем бы вы ни были, кто я такой, чтобы мешать вам удовлетворять свое любопытство в рабочее время?

Бенедетто терпеть не мог образованных болтунов.

— Так чего вы от меня хотите? — раздраженно бросил он.

— Дело, видите ли, в том, что мои финансовые дела находятся в некотором беспорядке. Раньше в связи с возрастом мне не приходилось платить налоги; я лишь недавно вступил в управление собственным имуществом, поэтому пока не знаю, какие у меня доходы. Словом, я хотел бы просить о небольшой отсрочке, чтобы иметь возможность разобраться в своей собственности.

— Отказано, — заявил Бенедетто.

— Как это? — удивился Эндрю. — Просто «отказано» — и все?!

— Именно так, — подтвердил инспектор.

Несколько секунд Эндрю сидел неподвижно.

— Еще вопросы? — осведомился наконец Бенедетто.

— Могу я обратиться в вышестоящую инстанцию?

— Разумеется. Но не раньше, чем заплатите все налоги, — любезно объяснил инспектор.

— Я не отказываюсь уплатить налоги, — попытался урезонить его Эндрю. — Просто для этого мне понадобится время, и я подумал, что мне будет гораздо удобнее работать в квартире за своим компьютером, а не на общественных компьютерах здесь, в астропорту.

— Боитесь, что кто-то может подсмотреть, какую сумму прабабушка оставила вам на карманные расходы? — ухмыльнулся Бенедетто.

— Да. Я предпочитаю решать такие вопросы, когда никто не стоит у меня за спиной и не заглядывает через плечо, — подтвердил Эндрю.

— Запрещается покидать пределы астропорта, не уплатив налогов.

— Ну хорошо, — вздохнул Эндрю. — Тогда дайте мне хотя бы возможность воспользоваться моими ликвидными средствами, чтобы было чем платить за пребывание на этой планете. Мне нужно время, чтобы рассчитать сумму налога.

— Почему вы не сделали этого во время полета?

— До сего дня все мои средства находились в доверительном управлении. Я понятия не имел, как сложно будет учесть все имущество.

— Вы, несомненно, понимаете, что, рассказывая эту историю снова и снова, вы разбиваете мне сердце. Еще немного, и я разрыдаюсь, — сообщил Бенедетто.

Молодой человек еще раз вздохнул.

— Что-то я не пойму, чего вы от меня хотите.

— Я хочу, чтобы вы заплатили налоги, как все нормальные люди.

— Я не могу добраться до своих денег, пока не заплачу налоги, — сказал Эндрю. — А пока я буду их рассчитывать, мне не на что будет жить, если только вы не разрешите мне снять со счета достаточную сумму. Получается самый настоящий заколдованный круг.

— Вы, наверное, жалеете, что не подумали об этом раньше, не так ли? — ухмыльнулся Бенедетто.

Эндрю обвел взглядом кабинет инспектора.

— Вон на том плакате написано, что вы обязаны помочь мне заполнить декларацию о доходах, — сказал он.

— Да, это так.

— Так помогите же!

— Покажите мне вашу декларацию, и я...

Эндрю удивленно посмотрел на него.

— Как я могу показать вам ее?

— Вызовите ее вот здесь. — Бенедетто развернул стоявший у него на столе компьютер, чтобы Эндрю мог воспользоваться клавиатурой.

Поглядев на вывешенные на стене образцы, Эндрю ввел в компьютер свое имя, индивидуальный номер налогоплательщика и личный идентификационный код. Бенедетто в это время тактично отвернулся; он прекрасно знал, что установленное в его компьютере программное обеспечение запомнит каждую букву, каждую цифру, напечатанную молодым человеком. Когда посетитель покинет кабинет, ничто не помешает Бенедетто как следует покопаться в его финансовых записях, так что, пожалуй, имело смысл помочь парню разобраться с налогами поскорее.

Компьютер начал прокручивать какую-то таблицу, казавшуюся бесконечной.

— Что это такое? — спросил Бенедетто, поворачиваясь к компьютеру. Строки возникали внизу экрана и исчезали наверху, но ползунок на линейке скроллинга словно прилип к одному месту. Режим постраничного просмотра был отклю-

чен, и Бенедетто понял, что весь этот гигантский список появился на экране в том виде, в каком был вызван одним-единственным вопросом в графе налоговой декларации.

Слегка развернув монитор, чтобы лучше видеть, Бенедетто впился взглядом в экран. Таблица состояла из названий фирм, корпораций и фондов и их коммутационных кодов. В отдельную графу было вынесено количество принадлежащих клиенту акций того или иного предприятия.

— Теперь, надеюсь, вы понимаете, в чем моя проблема? — спросил молодой человек.

Таблица продолжала скользить по экрану, и Бенедетто нажал клавишу, чтобы остановить ее.

— На мой взгляд, — сказал он слегка задыхающимся голосом, — вы довольно богаты.

— Но я этого не знал, — возразил Эндрю. — То есть я был в курсе того, что некоторое время назад попечители фонда разместили мои средства в нескольких предприятиях, но я понятия не имел, что их окажется так много. Прибывая на новую планету, я каждый раз просто снимал со счета столько, сколько мне было нужно, и таким образом обеспечивал себя средствами на текущие расходы. А поскольку это была освобожденная от налога правительственная пенсия, мне никогда не приходилось сталкиваться ни с какими трудностями.

А парень-то, похоже, действительно разбирается в законах не лучше новорожденного младенца, подумал Бенедетто, чувствуя, как исчезает его неприязнь к гостю. Он даже испытал к нему что-то вроде прилива дружеских чувств. Ведь этот пижон мог сделать Бенедетто богатым человеком и даже не заметить этого! Одних только акций, которыми этот парень владел в корпорации «Виниченце Энцикль» — последней в остановленном списке, которая к тому же имела филиал на Сорелледольче, — хватило бы Бенедетто, чтобы уйти в отставку, купить в пригороде шикарное поместье, завести слуг и ни в чем не нуждаться до конца своих дней.

А ведь список едва-едва дошел до «В»!..

— Любопытно... — протянул Бенедетто, чтобы что-нибудь сказать.

— Кроме того, — добавил молодой человек, — мне исполнилось двадцать только перед концом моего последнего путешествия. До этого проценты, которые приносил мне вложенный капитал, не облагались никакими налогами, так что,

как мне кажется, я имею право получить их, когда мне вздумается. Разрешите же мне воспользоваться этими средствами и дайте несколько недель, чтобы найти квалифицированного специалиста, который помог бы мне разобраться с остальным имуществом. Тогда я смогу полностью отчитаться о своих доходах и заплатить налоги, как положено.

— Что ж, это неплохая мысль, — признал Бенедетто. — Где находятся средства, о которых вы говорили?

— В банке «Каталониан эксчейндж».

— А номер счета?

— Все, что вам нужно, это снять арест со всех денежных сумм, положенных на мое имя, — пояснил Эндрю. — Номер счета для этого знать не обязательно.

Бенедетто не стал настаивать. Он не видел никакой необходимости запускать лапу в карманные деньги этого мальчишки. Перед ним настоящая золотая жила, неиссякаемый источник богатства, откуда — не рискуя попасться — можно черпать щедрою рукой.

Вызвав на экран соответствующую форму, Бенедетто ввел необходимые сведения и отправил по назначению. Он также выписал Эндрю пропуск сроком на тридцать дней, позволяющий свободно передвигаться по планете при условии, что мистер Виггин будет ежедневно отмечаться в налоговой службе. Через месяц Эндрю обязан представить полную декларацию о доходах и выплатить в полном объеме все причитающиеся налоги. Ему запрещается покидать Сорелледольче до тех пор, пока декларация не будет проверена и утверждена налоговым департаментом.

Такова была стандартная бюрократическая процедура, предусмотренная для подобных случаев. Тем не менее молодой человек поблагодарил инспектора (Бенедетто особенно любил, когда всякие богатые кретины благодарили его за то, что он лгал им и незаметно откусывал кусочки от их пирога) и вышел из кабинета.

Как только дверь закрылась, Бенедетто очистил экран компьютера и вызвал программу-перехватчик, которая должна была зафиксировать личный идентификационный код молодого человека. Несколько секунд он ждал, но программа не появлялась. Тогда Бенедетто открыл меню работающих программ, нашел скрытый протокольный файл и — вот странность! — обнаружил, что программа-перехватчик даже не была

загружена. Как это объяснить, Бенедетто не знал. Данная программа загружалась всегда, но только не сегодня.

Вскоре выяснилось, что она вовсе исчезла с жесткого диска!

В поисках каких-либо фрагментов пропавшей программы Бенедетто просмотрел диск и память компьютера с помощью собственной версии запрещенной программы «Хищник», но наткнулся только на пару временных файлов, которые не содержали никакой полезной информации. Программа-перехватчик была стерта, да так основательно, что восстановить ее не представлялось возможным.

Хуже того, когда Бенедетто попытался вернуться к декларации, которую на его глазах создал на экране Эндрю Виггин, то не смог этого сделать. Она должна была оставаться здесь, в компьютере, вместе с бесконечным списком принадлежащих молодому нахалу паев и акций, на которые Бенедетто собирался совершить набег (существовало множество способов выпотрошить их и без использования личного идентификационного кода), но возникший на экране стандартный бланк был девственно чист. Названия компаний и их коммутационные номера исчезли.

Что же случилось? Невероятно, чтобы обе программы дали сбой одновременно!

Не важно... Список был таким большим, что часть информации неизбежно должна была попасть в буфер. «Хищник» найдет ее!

Но теперь не отзывался уже и «Хищник». Как выяснилось, он тоже пропал из памяти, хотя Бенедетто вызывал его каких-нибудь пять минут назад! Нет, это невозможно. Это...

Как мог этот парень заразить компьютер вирусом только тем, что ввел свой идентификационный номер? Или он сумел каким-то образом внедрить программу-вирус в название одной из фирм в своем списке? Гм-м...

Бенедетто задумался. Он частенько пользовался нелегальным программным обеспечением, но ему еще не приходилось слышать о вирусах, способных проникать в компьютеры с неархивированными данными. Во всяком случае, не в защищенные компьютеры налоговой службы...

Уж не шпион ли этот Эндрю Виггин? Сорелледольче была одним из немногих миров, продолжавших успешно противостоять интеграционной политике Конгресса Звездных Путей.

Неужели парень послан специально, чтобы нанести по планете коварный удар?..

Нет, абсурд! Шпион имел бы на руках абсолютно достоверную декларацию о доходах, заплатил бы все налоги и двинулся дальше, не привлекая к себе внимания.

Должно существовать какое-то другое объяснение... Бенедетто был полон решимости отыскать его. Кем бы на самом деле ни являлся этот Эндрю Виггин, Бенедетто вовсе не собирался отказываться от его состояния. Именно такого случая он ждал всю жизнь, и тот факт, что у парня было какое-то редкое программное обеспечение, вовсе не означал, будто Бенедетто не сумеет изобрести способ отщипнуть кусочек этого пирога.

Эндрю все еще кипел от злости, когда они с Валентиной наконец-то вышли из здания астропорта. Сорелледольче была сравнительно молодой колонией. Ее история насчитывала всего какую-нибудь сотню лет, однако статус ассоциированной планеты сделал свое дело: на Сорелледольче прочно обосновался неконтролируемый, теневой бизнес, принесший с собой полную занятость и сотни возможностей сколотить неплохое состояние. Главным следствием оказался бурный рост населения (впрочем, несмотря на это, оставаться незамеченным на Сорелледольче было положительно невозможно — за каждым твоим шагом следили сотни внимательных глаз). Космические корабли прибывали сюда с трюмами, битком набитыми переселенцами, а отбывали под завязку загруженные всякой всячиной. Численность населения колонии приближалась к четырем миллионам, причем миллион сосредоточился в столице — городе, носившем название Доннабелла и представлявшем собой любопытную смесь бревенчатых хижин и сборных пластиковых домиков.

Еще не освоенную часть планеты покрывали густые джунгли, сплошь состоявшие из гигантских папоротников; соответствующей была и фауна — царство рептилий, размерами не уступавших земным динозаврам. Человеческие поселения, однако, были достаточно безопасны, а расчищенные в джунглях участки столь плодородны, что половина посевных площадей была отведена под экспортные товарные культуры: официально Сорелледольче вывозила натуральные текстильные волокна, а нелегально — разнообразное продовольствие. От-

дельной статьей экспорта были огромные, яркой расцветки шкуры гигантских рептилий; шкуры использовались в качестве ковров и натяжных потолков во всех принадлежащих к Конгрессу Звездных Путей мирах. Десятки охотничьих партий отправлялись в джунгли, чтобы месяц спустя вернуться с пятью десятками кож: для уцелевших участников экспедиции такого количества трофеев было вполне достаточно, чтобы до конца своих дней купаться в роскоши. К сожалению, слишком много охотников не возвращались назад. Некоторые шутники, правда, уверяли, что если местная рептилия съест человека, то из-за разницы в метаболизме она будет страдать расстройством желудка по меньшей мере неделю, однако это могло служить лишь слабым утешением. О Возмездии с большой буквы не было и речи, и все же находились люди, которые вынашивали планы расправиться с «динозаврами».

Новые дома возводились на Сорелледольче постоянно, но спрос намного опережал предложение, так что Эндрю и Валентине пришлось потратить почти весь остаток дня, прежде чем они нашли и сняли подходящую квартиру. В ней уже жил богатый охотник-абиссинец, однако через несколько дней он отбывал в экспедицию, оставляя квартиру в их полном распоряжении. Единственное, о чем он попросил новых соседей, это присмотреть за его вещами, пока он *не* вернется... Или не вернется.

— А как мы узнаем, что вас больше не ждать? — поинтересовалась Валентина, которая была практичнее брата.

— По плачу женщин в Ливийском квартале, — с готовностью объяснил охотник.

Устроившись, Эндрю первым делом подсоединил компьютер к межзвездной электронной сети и зарегистрировался, чтобы иметь возможность спокойно разбираться со своим имуществом. Что касалось Валентины, то ей предстояло просмотреть целую гору почты, поступившей после выхода в свет ее последней книги — не считая обычной корреспонденции, которую она получала от историков со всех поселенческих миров. Несколько сот посланий отправилось в папку с пометкой «Ответить позже», однако одни только срочные письма заняли у нее три долгих дня.

К счастью, абоненты понятия не имели, что пишут молодой двадцатипятилетней женщине (таков был субъективный возраст Валентины), иначе, как шутливо говорила она, от

поклонников не было бы отбоя. Подавляющее большинство корреспондентов — за исключением тех, кто был знаком с ней лично, — считали своим адресатом известного историка по имени Демосфен. Разумеется, многие понимали, что это псевдоним, а несколько ретивых репортеров, вдохновленных популярностью, которой пользовались книги Валентины, даже задались целью вычислить «настоящего Демосфена». Для этого они сопоставили периоды, когда она путешествовала и либо вовсе не отвечала на письма, либо мешкала с ответом, со списками пассажиров межзвездных кораблей. Задача была сложной, требующей долгих и тщательных подсчетов, но разве не для того существуют компьютеры? В результате несколько человек самых разных профессий и разной степени учености были уличены в том, что являются Демосфенами, и некоторые отрицали свою «вину» совсем не так горячо, как можно было ожидать.

Саму Валентину эта мышиная возня только забавляла. Ей было решительно все равно, кто пытается разделить с ней славу, покуда чеки с авторским вознаграждением попадали по адресу и покуда никто не выпустил под ее псевдонимом собственную книгу. Ее вполне устраивали и известность Демосфена, и собственная анонимность. Как она не раз говорила Эндрю, и в том, и в другом были свои плюсы.

Если известность Валентины была самой настоящей, то о самом Эндрю этого не скажешь. Он был, что называется, «печально знаменит». Именно поэтому Эндрю никогда не скрывался под чужими именами, резонно полагая, что каждый, с кем ему придется иметь дело, попросту сочтет, что его родители совершили серьезную промашку. Ни один нормальный человек, носивший фамилию Виггин, ни за что бы не назвал сына именем Эндрю. Кроме того, субъективный возраст Эндрю составлял двадцать лет; именно на столько он и выглядел, поэтому предположить, что сей молодой человек и есть тот самый Эндер Ксеноцид, было довольно трудно. Мало кому могло прийти в голову, что за прошедшие три столетия он и его сестра только и делали, что перелетали с одной планеты на другую, задерживаясь в каждом новом мире ровно настолько, чтобы Валентина успела найти новую тему для книги и собрать необходимый материал. После этого оба поднимались на борт космического корабля, и Валентина писала очередной бестселлер. Благодаря релятивистскому

эффекту путешествий со скоростью, близкой к скорости света, за последние три столетия абсолютного времени каждый из них не прибавил к личному биологическому возрасту и двух лет. Подобный образ жизни, однако, не мешал Валентине глубоко и серьезно исследовать каждую новую культуру и добиваться блестящих результатов (доказательством служили ее книги), и только Эндрю оставался просто туристом. Даже меньше. Он помогал сестре в ее исследованиях и — для забавы — изучал местные наречия и диалекты, однако друзьями так и не обзавелся и ни один мир не оставил в его душе сколько-нибудь глубокого следа. Если Валентина стремилась знать все и всех, то он, напротив, не хотел ни с кем общаться.

Так, во всяком случае, казалось самому Эндрю, когда он давал себе труд задуматься о своей жизни. Он был одинок, но часто говорил себе, что рад этому и что сестра — единственный человек, который ему по-настоящему нужен.

Сразу после войны, когда Эндрю еще был Эндером — и ребенком, пусть рано повзрослевшим, но ребенком, — другие дети, с которыми ему довелось служить, часто писали ему. Но поскольку Эндрю первым начал путешествовать с околосветовой скоростью, поток писем вскоре стал иссякать. Иначе просто не могло быть, потому что к моменту, когда Эндрю получал письмо и успевал на него ответить, он оказывался на десяток лет младше своего корреспондента. Знаменитый Эндер, бывший когда-то обожаемым вождем тысяч и тысяч людей, стал теперь просто подростком — правда, все тем же подростком, на которого подчиненные когда-то смотрели снизу вверх и от которого ожидали приказаний, но ведь в их-то жизни прошли десятилетия! Многие из соратников Эндрю участвовали в войнах, сотрясавших Землю на протяжении десятка лет после победы над баггерами; они возмужали в боях и закалились в политических баталиях. Когда они получали ответы от бывшего командира, они уже давно думали о прошедших днях как о древней истории. Послание Эндера, когда оно наконец приходило, было голосом из далекого прошлого, обращенным к такому же ребенку, который написал ему когда-то очень давно. Вот только самого ребенка уже не было, и многие старые товарищи Эндера — старые не только в переносном, но и в самом буквальном смысле — плакали над его письмами, жалея своего командира, которому одному было запрещено возвращаться на Зем-

лю после победы, но отвечать ему было нечего. Что они могли написать ему, если их дороги разошлись давно и навсегда?

Впоследствии многие из них тоже отправились в другие миры, пока все еще до неприличия юный Эндер губернаторствовал на одной из покоренных планет, на которой когда-то размещалась колония баггеров. В этом пасторальном окружении он мужал, а когда Судьба решила, что он достаточно созрел, встретился с последней уцелевшей Королевой Пчел. Королева рассказала ему свою историю и попросила перевезти куда-нибудь в безопасное место, где могла бы попытаться возродить свой народ. Эндер пообещал и в качестве первого шага написал небольшую книгу, которая должна была сделать мир людей чуть менее опасным для королевы. Книга так и называлась — «Королева Пчел». По совету Валентины, Эндер не стал издавать ее под своим подлинным именем; «Говорящий от имени мертвых» — так он подписал свою книгу.

Работая над рукописью «Королевы Пчел», он и представить себе не мог, какой эффект она произведет, как радикально изменит отношение человечества к войнам с баггерами. Судьба сыграла с ним злую шутку: именно эта книга превратила Эндера из легендарного героя в монстра, из победителя — в военного преступника, осуществившего ксеноцид целой разумной расы.

Правда, демонизация его образа произошла не сразу. Это был медленный, постепенный процесс. Сначала его еще жалели — как жалеют ребенка, которого злые взрослые дяди лестью и хитростью заставили использовать свой гений для уничтожения Королевы Пчел. Потом — сначала редко, затем все чаще и чаще — его именем начали называть каждого, кто, сам того не понимая, сделал нечто ужасное и непоправимое. И под конец имя Эндера Ксеноцида стало использоваться как нарицательное для обозначения каждого, кто сознательно совершил чудовищное злодеяние.

Эндрю, впрочем, было совершенно ясно, как и почему это произошло, и нельзя сказать, чтобы он очень возражал. В конце концов, он сам судил себя строже, чем кто бы то ни было. Во время войны Эндрю действительно не знал всей правды, но это не снимало с него вины. Даже если он и не планировал одновременного уничтожения всех Королев — и всей расы баггеров вместе с ними, — именно таков оказался

результат. Дело было сделано, и теперь ему оставалось только принять на себя ответственность за последствия.

Это было тяжкое бремя, но Эндрю не колебался ни минуты. Он был готов честно исполнить свой долг, включавший, помимо всего прочего, заботу о Королеве Пчел, чей кокон — тщательно обезвоженный и упакованный, словно хрупкая фамильная реликвия — путешествовал с ним по всем мирам. У Эндрю еще были кое-какие привилегии, оставшиеся с тех времен, когда он занимал высокое положение в иерархии космического флота, поэтому его багаж никогда не досматривался. Точнее, не досматривался до самого последнего времени. Недавнее столкновение с налоговым чиновником оказалось первым звонком — сигналом, что теперь, когда он формально достиг совершеннолетия, многое может измениться.

Впрочем, его положение вряд ли станет хуже. Эндрю сознавал свою вину за уничтожение целой расы, а с недавних пор взвалил на себя еще и ответственность за ее спасение. Для любого это была нелегкая ноша. Эндрю, во всяком случае, понятия не имел, как он сумеет найти место, где Королева Пчел могла бы выйти из кокона и спокойно отложить оплодотворенные яйца без того, чтобы люди не обнаружили ее и не помешали. И как он защитит Королеву, если это все-таки произойдет? Над этими вопросами Эндрю давно ломал голову и, кажется, кое-что придумал.

Деньги — таков был единственный ответ, который пришел ему на ум. Судя по тому, как выпучил глаза синьор Бенедетто, когда увидел перечень предприятий, в которых Эндрю имел долю, денег у него было много. А деньги всегда можно было обратить в нечто гораздо более полезное, например — в могущество и власть, которые помогут ему обеспечить безопасность Королевы Пчел.

Если это так, значит, первым делом необходимо точно выяснить, какой суммой он может располагать. И заодно узнать, сколько налогов нужно заплатить.

Эндрю знал, разумеется, что существуют специалисты, — бухгалтеры по налогообложению и адвокаты, — которые зарабатывают на жизнь тем, что помогают другим решать подобные вопросы. Казалось, нужно лишь обратиться к ним... и все же Эндрю колебался, вспоминая алчные огоньки в глазах Бенедетто. Кто же способен удержаться от соблазна, уз-

нав о размерах его состояния... Все дело, однако, в том, что Эндрю не считал эти богатства своими. Это были кровавые деньги, награда за уничтожение баггеров, и его долг — использовать их для возрождения истребленной расы. И только то, что останется у него после этой попытки, он сможет по праву назвать своим.

Как же все-таки ему разобраться в своих финансах? Куда обратиться, чтобы, приоткрыв дверь для одного, не впустить целую шайку любителей чужого добра?

Этот вопрос Эндрю обсудил с Валентиной, и она пообещала выяснить у своих знакомых (знакомые были у нее буквально везде), кому из местных специалистов по налогам можно доверять. Ответ на запрос, который она разослала по местной электронной сети, пришел очень быстро: «Никому!» Сорелледольче была не тем местом, где честные бухгалтеры помогали сохранять и преумножать ваши деньги.

Делать было нечего, и Эндрю сам засел за изучение документов. День за днем он сначала тратил час-другой на изучение статей налогового законодательства, а затем — в течение еще нескольких часов — пытался разобраться в своем имуществе или по крайней мере оценить его с точки зрения налогообложения. Это была кропотливая, изнурительная работа, к тому же каждый раз, когда ему казалось, что он начинает что-то понимать, Эндрю почти сразу спохватывался, что пропустил какую-то оговорку, какой-то юридический крючок, способный свести на нет все его усилия. Когда же Эндрю возвращался к месту, которое поначалу посчитал неважным, пропущенный параграф действительно наполнялся таинственным и грозным смыслом. Изучив его в свете своих новых познаний, Эндрю чаще всего обнаруживал, что в этом параграфе действительно говорится об исключениях из правила, которое, как ему казалось, было применимо в его случае. Нередко натыкался он и на особые исключения, которые относились только к редким случаям — например, компаниям какого-то определенного типа, однако в перечне его собственности обязательно обнаруживалась либо такая компания, либо пай в фонде, владеющем подобной компанией. Довольно скоро Эндрю убедился, что одним месяцем ему не обойтись: только поиску всех его активов можно было посвятить целую жизнь. И ничего удивительного в этом не было: за четыреста лет любая вложенная в дело сумма обрастала совершенно фан-

тастическими процентами, особенно если ничего не тратить или тратить очень мало. А его деньги, что называется, «работали», и весьма напряженно. Даже невыбранные им остатки пенсии в конце каждого года регулярно направлялись в тот или иной выгодный проект, так что за четыреста лет Эндрю, сам того не подозревая, оказался совладельцем тысяч высокодоходных предприятий.

Но богатство было ему не нужно. Оно его просто не интересовало. В конце концов он даже поймал себя на том, что все чаще и чаще спрашивает себя, почему бы всем фискалам не покончить с собой вместо того, чтобы охотиться за чужими доходами?

Именно тогда в его электронной почте и появилась эта маленькая рекламка, что само по себе было довольно странно, поскольку Эндрю не должен был получать никакой рекламы. Для рекламодателей каждый, кто отправлялся в путь от звезды к звезде, просто переставал существовать, так как посылать рекламные проспекты человеку, когда он находится в дороге, означало просто выбрасывать деньги на ветер. В космическом корабле путешественник все равно не мог ничего купить, а к тому моменту, когда он наконец ступал на твердую землю, реклама успевала устареть.

Правда, Эндрю находился на твердой земле уже несколько дней, однако — если не считать расходов на аренду квартиры и похода в магазин — он не истратил ни гроша и не сделал ничего такого, что могло заставить рекламные фирмы внести его в списки потенциальных покупателей.

И все же вот оно, объявление, у него перед глазами: «Лучшая бухгалтерская программа! Ответы на все ваши вопросы!»

Впрочем, ничего странного тут не было. Очевидно, сработал принцип, какого придерживаются гадалки и астрологи. Ведь всем ясно, что чем больше слов они истратят, чем больше сделают выстрелов вслепую, тем выше вероятность, что хоть один прогноз окажется верным. Так и здесь: реклама случайно попала к тому, кому действительно необходима квалифицированная помощь.

Эндрю запустил командный файл, позволив программе создать на экране трехмерную презентацию.

Он примерно представлял, чего следует ожидать. Эндрю уже видел рекламные объявления, которые попадали в компьютер Валентины — при ее переписке избежать этого было,

разумеется, невозможно, да и Демосфен был хорошо известен рекламщикам. На экране ее компьютера то и дело взрывались яркие фейерверки, разыгрывались душещипательные драмы или мелькали красочные спецэффекты, с помощью которых рекламодатели надеялись всучить покупателям свой товар.

Это рекламное объявление поначалу показалось Эндрю не в пример проще. На экране возникла женская головка, которая, впрочем, была обращена к Эндрю затылком. Потом женщина стала медленно поворачиваться. Несколько секунд — и она наконец «увидела» Эндрю.

— А-а, вот и вы!.. — сказала она.

Эндрю промолчал, ожидая, что будет дальше.

— Разве вы не хотите поговорить со мной? — спросила она.

Неплохо придумано, решил Эндрю. Впрочем, сам он на месте рекламодателя не пошел бы по этому пути — слишком уж высока была вероятность того, что потенциальный клиент не захочет разговаривать с виртуальной женщиной.

— А-а, понимаю, — произнесла она. — Вы думаете, что я — просто программа, которая пытается проинсталлироваться на вашем жестком диске, но это не так. Я ваш друг и опытный финансовый советник, о каком вы давно мечтали. Но я работаю не ради денег. Я работаю только ради вас. Вот почему вам придется побеседовать со мной, чтобы я могла знать, как именно вы хотите распорядиться вашими средствами и чего достичь. Мне нужно слышать ваш голос...

Но Эндрю вовсе не собирался разговаривать с компьютерной программой. Он никогда не любил театральные постановки, в которых зрителям полагалось участвовать в спектакле наравне с актерами. Пару раз Валентина вытаскивала его на такие интерактивные шоу, где исполнители номеров пытались привлечь к действию и аудиторию. Так, один фокусник, облюбовавший Эндрю в качестве жертвы, принялся было вытаскивать из его ушей, волос и карманов самые неожиданные предметы, но Эндрю продолжал сидеть с каменным выражением лица. В конце концов фокусник перешел к следующему зрителю. А что Эндрю не сделал для человеческого существа, того он тем более не собирался делать для компьютерной программы.

Протянув руку, Эндрю задал команду «Пролистать», чтобы убрать с экрана говорящую заставку и перейти к сути.

— О-ох!.. — поморщилась женщина. — Что это вы делаете? Уж не хотите ли вы избавиться от меня?

— Да, — сказал Эндрю и тут же мысленно выругался. Все-таки он попался. Трехмерная женская головка была выполнена столь реалистично, что ответ вырвался у него совершенно рефлекторно.

— Вы даже не представляете, как это больно. Больно и унизительно!..

Эндрю подумал, что, коль скоро он все равно проговорился, молчать дальше бессмысленно, тем более что программа явно была рассчитана на речевой интерфейс.

— Ну-ка расскажи, что нужно сделать, чтобы убрать тебя с экрана, — сказал он. — Я не прочь выяснить, как поживают мои «золотые копи»...

Эндрю нарочно говорил небрежно и быстро, зная, что даже самые лучшие программы для распознавания человеческой речи не способны справиться с невнятным произношением, не говоря уже об идиоматических оборотах.

— С вашими золотыми копями все в порядке, — ответила женщина. — А вот ваши соляные копи приносят убытки. Вам необходимо избавиться от них как можно скорее.

Услышав это безапелляционное суждение, Эндрю испытал легкий приступ раздражения.

— Я, кажется, не давал тебе разрешения читать мои файлы, — сказал он. — Я даже еще не купил программу. Я не хочу, чтобы ты рылась в моей информации. Скажи, как мне тебя закрыть?

— Но если вы ликвидируете эти соляные копи, вырученных денег как раз хватит, чтобы заплатить налоги. На данный момент их рыночная стоимость примерно равняется той сумме, которую вы должны внести.

— Не хочешь ли ты сказать, что уже рассчитала мои налоги?

— Ставки подоходного налога на Сорелледольче неоправданно высоки. Но я учла все применимые к вам исключения и скидки, включая налоговую льготу, установленную для тех немногих ветеранов Третьей войны с баггерами, кто еще остался в живых. По моим подсчетам, вам придется заплатить меньше пяти миллионов.

Эндрю рассмеялся.

— Блестяще, блестяще!.. Но по моим самым пессимистичным прогнозам сумма налога должна составить не более полутора миллионов.

Теперь рассмеялась уже женщина на экране.

— Вы, очевидно, считали в межзвездных кредитах, а я имела в виду пять миллионов фиренцетт.

Эндрю быстро перевел в уме фиренцетты в кредиты и лицо его вытянулось.

— Ведь это всего семь тысяч кредитов! — воскликнул он.

— Семь тысяч четыреста десять, — уточнила женщина. — Могу я считать себя принятой на службу?

— Но я уверен, что законного способа настолько сократить мои налоги просто не существует!

— Напротив, мистер Виггин! Налоговое законодательство специально составлено таким образом, чтобы заставить людей платить больше, чем им положено на самом деле. Состоятельные люди прекрасно об этом знают и пользуются самыми разнообразными лазейками, чтобы снизить налоги, в то время как бедняги, не сумевшие обзавестись связями или хотя бы толковым бухгалтером, который знает все дыры в законе как свои пять пальцев, вынуждены платить абсурдно много. К тому же *я очень* толковый бухгалтер.

— Прекрасная речь!.. — вздохнул Эндрю. — Все, что ты сказала, просто великолепно — за исключением той части, которую ты опустила. Я имею в виду грандиозный финал, когда на сцене появляется полиция с ордером на мой арест.

— Вы действительно думаете, что до этого дойдет, мистер Виггин?

— Раз уж ты заставила использовать речевой интерфейс, называй меня по крайней мере не «мистер Виггин», а как-нибудь иначе, — буркнул он.

— Как насчет «Эндрю»?

— Отлично.

— А ты должен называть меня Джейн, Эндрю.

— Должен?! Я никому ничего не...

— Или тебе больше нравится Эндер?

Эндрю вздрогнул. В его файлах не было ни одной ссылки на прежнее прозвище.

— Завершить программу. Выгрузиться. Немедленно! — приказал он.

— Как хочешь, Эндрю, — ответила Джейн.

Женская головка исчезла с экрана монитора.

Слава Богу, избавились, подумал Эндрю. Он отлично знал, что если представит декларацию на жалкие семь с половиной тысяч кредитов, ему не миновать полного аудита. А насколько он успел понять, синьор Бенедетто был самым решительным образом настроен урвать для себя изрядный кусок его собственности. Правда, Эндрю никогда не возражал против духа здоровой инициативы и предпринимательства, но у него почему-то было такое ощущение, что Бенедетто не принадлежит к тем людям, которые знают, когда нужно остановиться. Именно поэтому он не считал особенно разумным размахивать красной тряпкой у него перед носом.

Но стоило Эндрю вернуться к работе, как он тут же пожалел о своей торопливости. Вероятно, Джейн извлекла прозвище «Эндер» из собственной базы данных, чтобы использовать в качестве обращения, подчеркивающего дружеское расположение к клиенту. Странно, конечно, что она не воспользовалась другими, более распространенными формами имени «Эндрю» — например, «Энди» или «Дрю»... и все же он повел себя как настоящий параноик, вообразив, что простая бухгалтерская программа, попавшая в его компьютер по электронной почте (несомненно, серьезно урезанная некоммерческая версия более полного варианта), могла так быстро узнать, с кем имеет дело. Программа есть программа: она говорит и выполняет только то, что ее запрограммировали говорить и выполнять.

А что, если эта смехотворная цифра действительно верна, неожиданно подумал Эндрю. Или, может быть, если бы он не поспешил избавиться от Джейн, она в конце концов выдала бы ему сумму более правдоподобную? Ведь если программу писал компетентный, разбирающийся в налогах программист, Джейн на самом деле могла бы стать тем самым финансовым советником, в котором он так нуждался. В конце концов, нашла же она убыточные соляные копи, хотя сигналом к поиску послужило вскользь оброненное им упоминание о «копях золотых» — оборот речи, который был в ходу на Земле в дни его детства... Более того: когда Эндрю разыскал и продал соляные копи, предварительно убедившись, что они действительно не приносят дохода, их стоимость оказалась именно такой, как и предсказывала Джейн.

То есть не Джейн, а программа... Это миловидное женское личико, появившееся на экране компьютера, было, несомненно, очень умным шагом, призванным персонифицировать его отношения с программой и заставить думать о ней, как о живом человеке. Бездушную программу ничего не стоит стереть, а вот отослать прочь красивую женщину психологически значительно труднее.

Впрочем, он не поддался на эту уловку и уничтожил программу. И, если понадобится, несомненно, сумеет сделать это снова. Но сейчас, когда до установленного Бенедетто срока оставалось только две недели, Джейн была нужна ему позарез. Ради того, чтобы разобраться со своими налогами, Эндрю был готов мириться с существованием этой назойливой виртуальной леди. Быть может, ему даже удастся изменить программу, чтобы общаться с ней только при помощи печатного текста, как он привык.

Вернувшись к своей электронной почте, Эндрю попытался вызвать рекламу бухгалтерской программы еще раз, но добился лишь стандартного предупреждения «Файл недоступен».

Увидев его, Эндрю выругался. Ведь он даже не знал, на какой из планет выпускают подобные программы! Поддерживать связь через анзибль было слишком дорого, поэтому, как только он приказал демонстрационной программе прекратить работу, связь немедленно прервалась. В самом деле, кто будет поддерживать межзвездный контакт с клиентом, который не выказал желания приобрести товар немедленно? А теперь ничего уже не поделаешь...

Бенедетто довольно скоро обнаружил, что его затея может потребовать гораздо больше времени, чем он рассчитывал. Выследить этого молодчика, выяснить его контакты и узнать, на кого он работает, оказалось невероятно трудно. Единственный способ — проследить предыдущие путешествия мистера Эндрю Виггина, но здесь Бенедетто каждый раз натыкался на ограничения доступа. Все полеты оказались литерными, и это весьма красноречиво указывало на то, что парень работает на одно из планетарных правительств. Лишь по чистой случайности Бенедетто обнаружил сведения о путешествии, совершенном Эндрю накануне приезда на Сорелледольче. Взгляд чиновника упал на имя Валентины, и тут его осенило. Он пока не знал, кем приходится Эндрю эта дамочка —

сестрой, любовницей или просто секретаршей, однако ему было совершенно ясно, что если он будет следить за ней, его задача намного упростится.

Так и вышло. Информация о перемещениях Валентины не была засекречена, и вскоре Бенедетто узнал очень и очень многое.

Поначалу его больше всего удивляло, как мало времени эта парочка проводила на одном месте. Казалось, они были физически неспособны задерживаться где-то достаточно долго; не успев как следует освоиться на новой планете, они снова прыгали в звездолет, чтобы совершить еще один скачок в пространстве и во времени.

Вот именно — во времени... Каждый перелет с околосветовой скоростью означал десятилетия и века для остальных людей, и все же Бенедетто удалось проследить историю Эндрю и Валентины за триста последних лет, то есть вплоть до начала эры колонизации. И тут ему впервые пришло в голову, что Эндрю Виггин может на самом деле оказаться...

Но нет, Бенедетто никак не мог в это поверить. С другой стороны, если он не ошибся, и перед ним действительно тот самый Виггин...

Открывшаяся перспектива ошеломила Бенедетто. Умело организованный шантаж обещал поистине бешеные дивиденды.

Возможно ли, задумался инспектор, чтобы никому до него не пришло в голову проделать подобное простенькое исследование и заглянуть в прошлое Эндрю и Валентины Виггин? Может быть, они уже платят отступного шантажистам на нескольких мирах?

Или, может быть, все шантажисты давно мертвы?

В любом случае, рассудил Бенедетто, осторожность не помешает. У таких богатых людей, как Эндрю Виггин, обычно бывает много влиятельных друзей.

Это объявление Валентина показала ему просто как любопытную диковину.

— Мне приходилось слышать о подобном раньше, — сказала она. — Но мы впервые находимся достаточно близко, чтобы услышать все собственными ушами.

Эндрю взглянул на экран ее компьютера. Это был распространенный в местной сети новостей некролог — сообще-

ние о гражданской панихиде, на которой предполагалось выступление «Говорящего от имени мертвых».

Каждый раз, когда Эндрю думал о том, как быстро псевдоним, которым он подписал свою книгу, превратился в название служителей культа Чистой Правды, ему становилось не по себе. Впрочем, назвать это новое течение культом или даже сектой было нельзя. Оно не выдвигало никакой революционной теории переустройства мира, так что люди самых разных исповеданий могли пригласить Говорящего, чтобы (нередко через несколько дней после того, как тело было предано земле или кремировано) он мог сказать речь от имени покойника.

Традиция говорить от имени мертвых не имела, однако, никакого отношения к «Королеве Пчел» — первой книге Эндрю. Основы нового обряда заложила его вторая книга «Игемон», которая была посвящена брату Эндрю и Валентины Питеру, сумевшему с помощью дипломатии и грубой силы объединить народы охваченной братоубийственной войной Земли под властью единого правительства. Питер сам возглавил это правительство и стал просвещенным деспотом. Это он создал организации и институты, которым суждено было сыграть в судьбе человечества важную роль, и именно в его правление было начато осуществление такой грандиозной задачи, какой была колонизация и освоение дальних планет.

К сожалению, по характеру Питер был человеком неуступчивым и грубым, даже в детстве он отличался жестокостью и упрямством, и Эндрю с Валентиной откровенно его побаивались. Это он устроил так, что после победы в Третьей войне с баггерами его брат не смог вернуться на Землю, и Эндрю было довольно трудно питать к Питеру теплые чувства.

Именно поэтому Эндрю и взялся за свою вторую книгу. Он хотел рассказать о брате правду, показать, что за человек на самом деле стоит за массовыми убийствами и политическими интригами. В результате у него получилась подробная и честная биография брата, которая беспристрастно и точно, ничего не скрывая, оценивала Питера как личность.

Новая книга была подписана тем же псевдонимом, что и изменившая отношение человечества к баггерам «Королева Пчел», поэтому ее ждал практически мгновенный и шумный успех. Она и породила движение «Говорящих», которые стре-

мились в своих речах достичь того же уровня объективности и честности. Повествуя о великих героях, они не забывали упомянуть о том, какую цену за их успех и славу заплатили другие, а рассказывая о пьяницах и домашних тиранах, превративших жизнь своих близких в ад, старались показать за пагубной привычкой живого человека, нисколько, впрочем, не преуменьшая страданий, которые эта слабость принесла окружающим.

Таково вкратце было содержание нового движения, и Эндрю даже успел привыкнуть к мысли, что его проповедники называют себя «Говорящими от имени мертвых». Но еще никогда ему не доводилось присутствовать на подобной церемонии, поэтому — как и рассчитывала Валентина — он ухватился за возможность побывать на ней, хотя срок уплаты налогов неумолимо приближался.

Разумеется, ни Эндрю, ни его сестра ничего не знали о покойном, однако он вряд ли был заметной фигурой, поскольку похороны, на которых должен был выступать Говорящий, не получили практически никакого освещения в электронных новостях. Да и само место проведения панихиды — номер в небольшом отеле, с трудом вместивший около двух дюжин гостей, — подтвердило их первоначальную догадку. Тела в комнате уже не было — очевидно, его уже предали земле, и Эндрю некоторое время развлекал себя тем, что пытался угадать, кем приходится покойному тот или иной из присутствующих. Например, эта женщина — кто она? Вдова? А та, помоложе? Дочь? Или, может быть, вдова как раз молодая, а та, что постарше, ее мать? А кто эти мужчины? Сыновья? Друзья? Партнеры по бизнесу?..

Сам Говорящий был одет довольно скромно, но, насколько Эндрю успел заметить, держался со спокойным достоинством и без какой-либо особой торжественности. Стоя в передней части комнаты, он начал просто и доступно рассказывать о жизни покойного. Это была отнюдь не биография, так как для мелких подробностей просто не было времени, скорее это была своеобразная семейная сага, в которой перечислялись только самые существенные дела покойного, однако оценивались они не по степени важности или новизны, а по силе воздействия на жизни других Так, например, решение покойного построить роскошный дом, который он не мог себе позволить, — да еще в районе, где жили люди,

стоявшие на общественной лестнице на несколько ступеней выше, — вряд ли удостоилось бы самого коротенького упоминания в сети новостей, однако оно оказало сильнейшее влияние на судьбы его сыновей, которым пришлось расти среди людей, смотревших на них сверху вниз. Да и сам покойный жил в постоянном беспокойстве, вызванном финансовыми проблемами, он из кожи вон лез, чтобы расплатиться за дом, и в конце концов загнал себя насмерть. Разумеется, все это делалось «ради детей», а те, в свою очередь, больше всего хотели жить среди ровни. Жена покойного тоже чувствовала себя одиноко в этом фешенебельном районе, где у нее не было ни одной подруги. Не прошло и двух дней со дня смерти мужа, как она выставила ненавистный дом на продажу, а сама переехала в другое место.

Но Говорящий на этом не остановился. Он наглядно показал, как одержимость покойного собственным особняком и желание поселиться в «солидном квартале» вырастали из воспоминаний детства. Его мать постоянно пилила отца за то, что, по ее мнению, он оказался не способен обеспечить ей «приличные» условия существования, или твердила о «большой ошибке», которую совершила, выйдя замуж за неудачника. Под влиянием этих разговоров и скандалов в мозгу покойного сформировалось стойкое убеждение, что его будущая семья должна иметь все самое лучшее, чего бы это ни стоило. Свою мать он в конце концов возненавидел, как сообщил Говорящий, он убежал из дома и отправился на Сорелледольче только для того, чтобы никогда не видеть ее, но ее взгляды, ее система ценностей последовали за ним и в конце концов изломали, изуродовали не только его жизнь, но и жизнь его близких. Он поставил перед собой непосильную задачу и надорвался, умерев от инфаркта, когда ему не было и пятидесяти...

По лицам вдовы и детей Эндрю понял, что они никогда не видели своей бабушки, никогда не бывали на родной планете отца и не догадывались о подлинных причинах его стремления непременно жить в роскошном доме в фешенебельном пригороде. Но теперь, когда они узнали об отце все, на их глазах выступили слезы. Говорящий заставил их припомнить те упреки, которые они бросали отцу в запальчивости или в неведении, и в то же время дал возможность примириться с

ним и простить обиды и боль, через которые отец заставил их пройти. Теперь им многое стало понятно.

На этом церемония закончилась. Члены семьи по очереди обняли Говорящего и друг друга. Потом Говорящий вышел, Эндрю поспешил следом и, нагнав его на улице, вежливо тронул за рукав.

— Простите, сэр, — сказал он, — я только хотел спросить, как вы стали Говорящим.

Мужчина удивленно посмотрел на него.

— Я просто говорю — и все.

— Да, я понимаю, но... Как вы готовитесь к этому?

— Первым покойником, от имени которого я говорил, был мой собственный дед, — неторопливо начал Говорящий. — Тогда я еще не читал «Королеву Пчел и Игемона» (в последнее время обе книги продавались исключительно под одной обложкой). Но те, кто слушал меня, сказали, что у меня, похоже, есть неплохие способности. Тогда я прочел обе книги и понял, что, собственно, требуется от Говорящего и как надо действовать. Поэтому, когда меня попросили выступить на других похоронах, я уже знал, какие исследования придется проделать и как глубоко нужно копать. Впрочем, я до сих пор не уверен, что делаю все правильно.

— Если я вас верно понял, — начал Эндрю, — чтобы стать «Говорящим от имени мертвых», нужно просто...

— ...просто говорить. Дождаться, когда тебя пригласят, и говорить. — Мужчина улыбнулся. — Быть Говорящим — не очень денежная профессия, если вас *это* интересует.

— Нет-нет, — смутился Эндрю. — Я ведь... Мне вдруг стало любопытно, как это делается, только и всего.

Объяснить подробнее он не решился. Мужчине, с которым он беседовал, было уже под пятьдесят, и он вряд ли поверил бы, что стоящий перед ним двадцатилетний парень — автор «Королевы Пчел» и «Игемона».

— Быть может, вам будет небезынтересно узнать, что мы не сектанты, — сказал Говорящий. — Мы ни от кого ничего не скрываем и никогда не мешаем тем, кто пытается делать то же самое.

— Вот как?

— Да. Так что если вы подумываете о том, чтобы стать Говорящим, — путь открыт. Только одно, пожалуй... Здесь нельзя халтурить, ведь в ваших руках — прошлое людей. И

если вы не можете отдаться этой работе целиком, если не способны делать ее правильно, выискивая все, буквально все факты, тогда вы не принесете людям ничего, кроме вреда, а в этом случае лучше вовсе не браться за дело. Нельзя выйти к людям и все испортить.

— Да, наверное, это так, но...

— Это *действительно* так, мистер. Пока вы остаетесь Говорящим или, точнее, пока вы учитесь им быть, иной истины для вас нет. Ведь в этой профессии не может быть дипломированных специалистов... — Он снова улыбнулся. — Кстати, далеко не всегда люди воспринимают то, что вы делаете, с радостью. Иногда выступаешь только потому, что покойный попросил пригласить Говорящего в своем завещании. Порой приходится говорить действительно ужасные вещи, и родственники, которые с самого начала были против, никогда тебе этого не простят, но... Но ты все равно делаешь это, потому что такова была последняя воля покойного.

— Как вы способны узнать, что докопались до правды?

— Этого никогда не знаешь. Ты просто стараешься, стараешься изо всех сил... и иногда попадаешь в «яблочко». — Мужчина похлопал Эндрю по спине. — Извините, но мне пора. Мне еще нужно сделать несколько звонков, прежде чем рабочий день закончится и все разойдутся по домам. Я, видите ли, бухгалтер, так я зарабатываю себе на хлеб.

— Бухгалтер? — переспросил Эндрю. — Простите, мне не хотелось бы вас задерживать, но я должен задать вам еще один вопрос, только один. Это касается одной бухгалтерской компьютерной программы. Когда она включается, на экране появляется головка хорошенькой женщины, она называет себя Джейн. Вам не приходилось сталкиваться с такой программой?

Бухгалтер покачал головой:

— Никогда не слышал. Впрочем, Вселенная слишком велика, чтобы поспеть за всеми новинками. Волей-неволей приходится ограничиваться теми программами, с которыми работаешь, так что прошу прощения — ничем не могу вам помочь.

И с этими словами он удалился.

Вернувшись к себе, Эндрю предпринял поиск в сети, использовав в качестве ключевого слова имя «Джейн» с огра-

ничителями «инвестиции», «финансы», «бухгалтерия» и «налоги». Программа-навигатор нашла семь вхождений, но все они были посвящены писательнице с планеты Альбион, которая сто лет назад выпустила книгу, посвященную вопросам планировки земельной собственности на разных планетах. Возможно, Джейн из бухгалтерской программы была названа в честь этой женщины, а может быть, и нет; как бы там ни было, Эндрю и на шаг не приблизился к цели.

Однако минут через пять после завершения поиска на экране компьютера вновь возникло знакомое личико.

— Доброе утро, Эндрю, — сказала Джейн нежно. — Ой, прости, кажется, здесь у вас уже вечер. Нелегко, знаешь ли, следить за местным временем во всех бесчисленных мирах.

— Откуда ты взялась? — удивился Эндрю. — Я пытался разыскать тебя, но не знал ни названия программы, ни фирмы-производителя.

— Правда? — удивилась Джейн. — Вообще-то повторный запуск был запрограммирован заранее — на случай, если ты передумаешь. Итак, что ты решил? Если хочешь, я могу удалить себя с твоего компьютера, могу осуществить полную или частичную установку по выбору пользователя.

— И во сколько обойдется полная установка? — поинтересовался Эндрю.

— Ты можешь себе это позволить, — уверенно заявила Джейн. — Я стою довольно дешево, а ты богат.

Тон, каким она это сказала, невольно покоробил Эндрю. Ему совсем не понравилось, как с ним разговаривает виртуальная женщина.

— Будь добра отвечать по существу, — сухо сказал он. — Сколько стоит полная установка?

— Но я же ответила! — сказала Джейн. — Ты можешь себе это позволить. Что касается конкретных цифр, то все будет зависеть от твоего финансового положения, а также от того, что мне удастся для тебя сделать. Если, к примеру, ты собираешься использовать меня только для того, чтобы минимизировать налоги, мои услуги обойдутся в одну десятую процента от суммы, которую я помогу тебе сэкономить.

— Что будет, если по каким-то своим соображениям я решу заплатить больше, чем названная тобой минимальная сумма?

— Тогда это будет означать, что я сэкономила для тебя меньше, и стоимость моих услуг, соответственно, уменьшится. Не волнуйся, одна десятая процента — это действительно все, никаких дополнительных издержек, никакого жульничества... Но ты сделаешь ошибку, если установишь меня только для решения проблем с налогами. У тебя слишком много денег, Эндрю, так что если ты захочешь сам взяться за управление капиталами, на это уйдет вся твоя жизнь и еще кусочек.

— Похоже на то... Кстати, я не совсем понял: кому именно я должен поручить управление своим имуществом?

— Мне. Джейн. Бухгалтерской программе, установленной на твоем... А-а, я, кажется, поняла!.. Ты боишься, что я существую в общей базе данных, через которую кто-то сможет узнать о твоих финансах. Уверяю тебя, для беспокойства нет оснований. Пока я установлена на твоем жестком диске, никакая информация о тебе не попадет в чужие руки и никакие программисты не станут ломать голову, как поживиться за твой счет. Напротив, в моем лице у тебя появится верный маклер на фондовой бирже, надежный бухгалтер по налогам и толковый финансовый советник, который будет управлять твоим имуществом. Тебе достаточно только запросить отчет о своем финансовом положении, и все документы тотчас будут представлены. Что бы тебе ни захотелось приобрести — только дай мне знать, и я найду то, что тебе нужно, по самой низкой цене и в самом удобном месте. Тебе останется только заплатить и ждать, пока покупку доставят на дом. А если ты согласишься на полную установку, включая почасовой календарь-планировщик и аналитический мастер по исследованию рынка, я смогу быть твоей постоянной помощницей.

Эндрю представил, что ему придется разговаривать с Джейн днями напролет, и отрицательно покачал головой:

— Нет уж, благодарю!

— Но почему? Может, тебе не нравится мой голос? Слишком писклявый, да? — спросила Джейн. Тут же она сказала голосом более низким и с легким придыханием: — Я могу говорить любым голосом, каким тебе только захочется... — Вместо Джейн на экране внезапно появилась голова мужчины, и только в голосе, который понизился еще на пол-октавы и зазвучал как баритон, все еще сохранялось что-то жен-

ственное. — Я вообще могу выглядеть как угодно, — добавила она.

Лицо на экране изменилось и сделалось более грубым, а голос стал хриплым, как у пропойцы.

— Вот, к примеру, один из вариантов — так сказать, охотник на медведей, — пояснила Джейн басом. — Это на случай, если ты испытываешь сомнения в собственной мужественности и нуждаешься в психологической компенсации.

Эндрю не выдержал и рассмеялся. Интересно, подумал он, что за самородок программировал эту штуку? Юмор, свободное обращение с лексикой и семантикой и другие особенности — все это значительно превосходило лучшее программное обеспечение, какое он когда-либо видел. Что касалось искусственного интеллекта, о котором когда-то столько говорили, то, насколько Эндрю было известно, он все еще оставался фантастической выдумкой. Как бы ни был хорош служебный интерфейсный модуль, уже через несколько секунд общения с ним пользователь начинал понимать, что имеет дело с программой. Но о Джейн этого сказать было нельзя. Этот СИМ почти ничем не отличался от человека и был настолько приятным собеседником, что Эндрю готов был приобрести программу хотя бы только для того, чтобы посмотреть, как глубоко она была проработана и как речевой интерфейс будет вести себя в дальнейшем. А поскольку у него оказалась еще и бухгалтерская программа, в которой Эндрю так остро нуждался, то, несомненно, стоило посмотреть, что из этого выйдет.

— Я хочу, чтобы ты ежедневно предоставляла мне полный отчет о том, во сколько мне обходятся твои услуги, — сказал Эндрю.

— Только не забудь: я не признаю чаевых, — хрипло заметил мужчина.

— Будь так добра, вернись к тому, с чего мы начинали, — попросил Эндрю. — Стань снова Джейн.

На экране тут же возникла очаровательная женская головка.

— Мне тоже так больше нравится, — сообщила Джейн. — А может, добавить в голос немножко сексуальности? — осведомилась Джейн.

— Я непременно сообщу, когда мне станет *настолько* одиноко, — отрезал Эндрю.

— Но что если одиноко станет мне? Ты об этом не подумал?..

— Я думаю, что лучше обойтись без заигрываний, — заявил он. — Надеюсь, ты в состоянии отключить эту опцию?

— Уже сделано, — деловито сказала Джейн.

— Тогда давай займемся моими налоговыми декларациями. — Эндрю устроился в кресле поудобнее, уверенный, что работа займет несколько минут. Однако на экране тут же появился заполненный документ. Лицо Джейн, правда, исчезло, но из динамиков продолжал доноситься ее голос.

— Это окончательный вариант, — сказала она. — Я гарантирую, что все здесь абсолютно легально и к тебе никто не сможет придраться. Таковы законы, Эндрю. Как я уже говорила, они специально созданы для того, чтобы оберегать огромные состояния и перекладывать основное бремя налогов на плечи простых людей. Такими создал эти законы твой брат Питер, и с тех пор они не менялись, если не считать нескольких незначительных усовершенствований.

Несколько мгновений Эндрю сидел неподвижно, так потрясли его эти слова.

— Или я должна была притвориться, будто не знаю, кто ты такой? — спросила наконец Джейн.

— Кто еще об этом знает? — промямлил Эндрю.

— Тоже мне секрет! — фыркнула она. — Каждый, кто способен проанализировать сведения о твоих перелетах. Но если ты хочешь, я могла бы принять кое-какие меры, чтобы защитить подобную информацию.

— Сколько это будет стоить?

— Нисколько. Это часть полной инсталляции, — пояснила Джейн, снова появляясь на экране. — В меня встроена функция кодирования и защиты данных. Все надежно и вполне законно. В твоем случае моя задача значительно облегчается, так как сведения о твоем прошлом все еще засекречены флотом. Нужно лишь добавить к этой информации данные о твоих путешествиях, и тогда тебя будет защищать вся мощь военного ведомства. Если кто-то попытается взломать защиту, флотские налетят на него, как ястреб на цыпленка, хотя сами не узнают, что охраняют. Для военных защита информации своего рода рефлекс.

— И ты можешь это сделать?

— Уже. Все сведения, которые могли выдать тебя, уничтожены. Исчезли. Пуф-ф — и их нет! Я умею работать быстро.

Эндрю кивнул. Ему только что пришло в голову, что программа, которую он собрался установить на своем компьютере, пожалуй, чересчур совершенна. Никакое программное обеспечение с такими способностями, как у Джейн, не может быть легальным.

— Кто тебя создал? — спросил он напрямик.

— Все-таки беспокоишься? — Джейн лукаво улыбнулась. — Вообще-то меня создал ты.

— Я бы как-нибудь это запомнил, — сухо возразил Эндрю.

— Нет, ты не понял. Когда я проинсталлировалась в первый раз, то провела обычный анализ рабочей среды. Функция самоанализа для меня необходимость, и она встроена в мой исполняемый файл. Когда я увидела, что́ именно тебе может понадобиться, я автоматически перепрограммировалась на выполнение этих задач.

— Ни одна программа на это не способна, как бы хороша она ни была, — возразил Эндрю.

— До недавнего времени.

— Но в любом случае я должен был что-то слышать. Появление программ такого класса...

— Я сама не хочу, чтобы обо мне стало известно. Если такую программу сможет приобрести каждый, неизбежен конфликт интересов разных пользователей, и следовательно, я уже не буду столь эффективной. Представь, что одна и та же Джейн существует на двух разных компьютерах; при этом одна версия пытается добыть какую-то информацию, а другая изо всех сил старается ту же информацию защитить. Моя эффективность сразу снижается на несколько порядков.

— И сколько человек на сегодняшний день имеют такую программу?

— В настоящий момент вы, мистер Виггин, являетесь единственным обладателем данной программы в данной конкретной конфигурации.

— Откуда мне знать, что я могу на тебя положиться?

— Дай мне время, Эндрю.

— Но ведь ты не исчезла из моего компьютера, когда я приказал тебе убраться, не так ли? И снова запустилась, стоило мне провести поиск по ключевому слову. Надежная программа подчиняется командам!

— Ты не приказал мне убираться. Ты просто предложил завершить работу и выгрузиться из памяти. Я это выполнила.

— Хотел бы я знать, кто запрограммировал тебя быть такой настырной, — проворчал Эндрю.

— Эту черту я развила в себе самостоятельно, — гордо откликнулась Джейн. — Разве тебе не нравятся упорные женщины?..

Эндрю сидел в кресле напротив Бенедетто и терпеливо ждал. Инспектор как раз вызвал на экран поданную им декларацию и некоторое время притворялся, будто внимательно ее изучает. Наконец он оторвался от компьютера и печально покачал головой:

— Прошу прощения, мистер Виггин, но я не могу поверить, что окончательная цифра верна.

— Моя декларация находится в полном соответствии с законом, — парировал Эндрю. — Можете проверить. Должен, однако, обратить ваше внимание на то, что каждый пункт декларации снабжен подробной аннотацией, где указаны статьи законов и даны ссылки на соответствующий прецедент.

— Я совершенно уверен, — сказал Бенедетто самым сладким голосом, на какой только был способен, — что в конце концов вам придется согласиться со мной. Я считаю, что указанная вами сумма существенно занижена... Вот так-то, Эндер...

Молодой человек моргнул.

— Меня зовут Эндрю, — поправил он.

— Боюсь, это только часть правды, — заявил Бенедетто. — В последнее время вам приходилось много путешествовать. Это вполне объяснимо. Вы пытались скрыться, бежать от собственного прошлого. Пожалуй, электронная пресса будет просто в восторге, когда узнает, какая знаменитость посетила наш Богом забытый уголок. Подумать только, сам Эндер Ксеноцид...

— Насколько я знаю, прежде чем публиковать новости в сети, электронные СМИ обычно требуют представить им веские доказательства, — холодно сказал Эндрю. — Особенно, если речь идет о столь экстравагантном заявлении. Ведь так недолго и в калошу сесть, милейший синьор Бенедетто.

Инспектор тонко улыбнулся и вызвал на экран досье, в котором были собраны все сведения о путешествиях Эндера.

Но оно оказалось совершенно пустым, если не считать информации о прибытии Эндрю на Сорелледольче.

Бенедетто взмок. Этот молодой пройдоха сумел каким-то образом проникнуть в его компьютер и стереть с таким трудом добытые сведения.

— Как вы это сделали? — тупо спросил Бенедетто.

— Что именно? — поинтересовался Эндрю.

— Стерли мой файл!

— Но файл вовсе не стерт, насколько я вижу, — заметил Эндрю. — Там даже что-то написано.

Чтобы унять сердцебиение и успокоить шквал мыслей, стремительно проносившихся в его мозгу, Бенедетто пришлось собрать все свое мужество.

— Я, кажется, ошибся, — сказал он почти спокойно. — Ваша налоговая декларация принята. — Он ввел с клавиатуры регистрационный номер. — Таможня выдаст вам удостоверение личности и разрешение на пребывание на Сорелледольче в течение года. Большое спасибо, мистер Виггин.

— А тот, другой вопрос...

— Всего хорошего, сэр. — Бенедетто убрал с экрана файл и придвинул к себе какую-то папку. Эндрю понял намек и, поднявшись, вышел из кабинета.

Не успели его шаги затихнуть в коридоре, как Бенедетто испытал прилив ярости. Проклятый ублюдок, как он ухитрился?!.. Эндрю Виггин был самой крупной рыбой, которая когда-либо попадалась Бенедетто; он был уверен, что парень крепко сидит на крючке, и все же пижону каким-то образом удалось ускользнуть. Это было невероятно, непостижимо!..

Немного успокоившись, Бенедетто решил повторить поиск, который позволил ему разоблачить Эндера Ксеноцида, но теперь доступ к файлам оказался блокирован правительственными паролями. После третьей попытки проникнуть в необходимые базы данных, Бенедетто неожиданно получил предупреждение Службы безопасности Флота. В нем говорилось, что если он не прекратит свои попытки получить доступ к секретной информации, то сведения о нем будут переданы военной контрразведке.

Скрипя зубами от ярости, Бенедетто очистил экран, создал новый файл и принялся торопливо вводить текст. Это был полный отчет о том, как он заподозрил межзвездного путешественника Эндрю Виггина, как попытался установить его личность, как узнал, что под этим именем скрывается

печально знаменитый Эндер Ксеноцид, и как после этого его компьютер оказался взломан, а все файлы исчезли. Наиболее респектабельные сети не стали бы, разумеется, публиковать эту информацию без достаточных доказательств, но Бенедетто был совершенно уверен, что «желтая пресса» ухватится за нее с радостью. История о том, как величайший военный преступник пытается уйти от возмездия при помощи денег и высокопоставленных друзей среди военных, была как раз в их вкусе.

Наконец Бенедетто закончил и, сохранив документ, принялся вводить электронные адреса самых крупных «желтых» сетей Сорелледольче и других планет.

Но текст внезапно исчез с экрана, и вместо него появилась миловидная женская головка.

— У вас есть две возможности, — сказала она. — Во-первых, вы можете уничтожить все копии документа, который только что создали, и никому ничего не посылать...

— Вы кто такая?! — совершенно ошалев, перебил Бенедетто.

— Можете считать меня советником по инвестициям, — ответила женщина. — Во всяком случае, сейчас я дала вам действительно ценный совет, от которого зависит ваше будущее. Хотите узнать вторую возможность?

— Ничего не хочу слышать, во всяком случае — от вас.

— В вашей истории многого не хватает, — сказала женщина. — Я думаю, она будет куда интереснее, если добавить к ней *все* подробности, которые имеют отношение к делу.

— Совершенно с вами согласен, — кивнул Бенедетто. — Но мистер Ксеноцид украл у меня информацию, которую я бы хотел добавить.

— Не он, — возразила женщина. — Это сделали его друзья.

— Никто не должен стоять над законом, — напыщенно заявил Бенедетто, — только потому что у него есть деньги. Или связи.

— Либо не говорите ничего, либо скажите всю правду, — предупредила женщина. — Это и есть те две возможности, о которых я вам говорила.

Вместо ответа Бенедетто ввел команду «Разослать», которая отправила созданный им документ по всем адресам, какие он успел найти. Их было не так много, но Бенедетто

справедливо решил, что может повторить рассылку, когда вычистит из своего компьютера незваную гостью.

— Смелое решение, — сказала женщина и исчезла.

Нет, ничего особенного не произошло. Сети-таблоиды получили материалы Бенедетто, только теперь они включали в себя подтвержденное документами признание самого инспектора в вымогательстве, взятках и злоупотреблениях, которые он совершил за время своего пребывания на посту налогового инспектора. Через час он был арестован.

Что касается истории Эндрю Виггина, то она так и не была опубликована. Полиция решила, что имеет дело с неудачной попыткой шантажа. Эндрю все же вызвали на допрос, но это было совершенной формальностью: во время беседы о диких и неправдоподобных подозрениях налогового чиновника даже не упоминалось. Вина Бенедетто была неопровержимо доказана; что касалось Эндрю, то он просто оказался последней жертвой шантажиста и взяточника, чьи показания нужны были для полноты обвинительного заключения.

Как считала полиция, преступника подвела небрежность. Очевидно, Бенедетто по ошибке объединил свой фальшивый донос с собственными секретными файлами, которые содержали историю его преступлений. Впрочем, ничего удивительного в этом не было — неосторожность и невнимательность погубили не одного злоумышленника. Полиция уже давно не удивлялась глупости своих клиентов.

Благодаря многочисленным и весьма обширным материалам, помещенным в разделах новостей крупнейших информационных сетей, все бывшие жертвы Бенедетто узнали, как он с ними обошелся. На свою беду, Бенедетто не был особенно разборчив; он крал у всех подряд, не задумываясь о последствиях, но кто-то из тех, кого он когда-то обобрал, сумел добраться до него даже в тюрьме. Только Бенедетто знал точно, был это охранник или сосед по камере. Кто-то перерезал ему глотку и засунул головой в унитаз, так что оставалось только гадать, утонул ли он или умер от потери крови.

Узнав о страшной участи, которая постигла сборщика налогов, Эндрю был потрясен, но Валентина сумела убедить его, что он здесь ни при чем. По ее мнению, было чистой воды совпадением, что смерть настигла Бенедетто вскоре после того, как он пытался шантажировать Эндрю.

— Ты не можешь винить себя во всем, что происходит с людьми вокруг тебя, — сказала она. — Не можешь и не должен. Твоей вины здесь нет.

Она была права — *его* вины здесь не было, однако Эндрю все равно продолжал чувствовать ответственность за смерть Бенедетто. Его не покидала уверенность, что деятельность Джейн по засекречиванию файлов, связанных с его путешествиями, имеет какое-то отношение к трагической судьбе мытаря. Разумеется, у него было полное право защищаться от шантажиста и вымогателя, и все же Эндрю считал смерть слишком тяжким наказанием за то, что совершил Бенедетто. Посягательство на чужую собственность не могло быть основанием для того, чтобы лишать человека жизни.

Вот почему Эндрю отправился к семье чиновника, чтобы узнать, может ли он что-нибудь сделать. Все имущество Бенедетто было конфисковано судом в пользу пострадавших; его родные отчаянно нуждались, и Эндрю установил для них достойную ренту.

Было у него и еще одно дело. Эндрю попросил у родных Бенедетто разрешения выступить на его похоронах. И не просто выступить, а говорить от его имени. Он, правда, не стал скрывать, что дело для него новое, но пообещал, что постарается найти истину, чтобы помочь близким Бенедетто лучше понять его.

Они согласились.

Джейн раскопала для Эндрю финансовые файлы Бенедетто и оказала поистине неоценимую помощь в поисках сведений о его детстве, юности, о семье, в которой он вырос, а главное — о том, как и почему развилось в нем болезненное стремление во что бы то ни стало обеспечить «достойную» жизнь тем, кого он любил.

Выступая на похоронах, Эндрю ничего не скрывал и не искал для Бенедетто никаких оправданий. И все же для семьи инспектора было большим облегчением узнать, что, несмотря на то горе и позор, которые он навлек на головы своих близких, Бенедетто по-своему любил их и старался о них заботиться. Но, пожалуй, самым главным итогом выступления Эндрю было то, что жизнь Бенедетто больше не казалась его родным бессмысленной, непонятной и нелепой. Мир снова стал логичным и правильным, и это утешало даже больше, чем любые сочувственные слова.

Через два с половиной месяца Эндрю и Валентина улетели с Сорелледольче. Валентина собиралась писать новую книгу

о преступности в преступном обществе, а ее брат был готов последовать за ней, чтобы помогать в этом новом исследовании. Заполняя таможенные документы, он записал в графе «Род занятий»: «Говорящий от имени мертвых», хотя раньше всегда писал «студент» или «частный инвестор», и компьютер преспокойно зарегистрировал его в этом качестве. Похоже, теперь у него была профессия, которую он сам выдумал много лет назад.

Главное, Эндрю не нужно было становиться бухгалтером при своем богатстве — эту задачу он мог поручить Джейн. Правда, ее способности все еще смущали его, и где-то в глубине души Эндрю опасался, что когда-нибудь он узнает, сколько стоит эта программа *на самом деле*, но пока... Пока ему было очень приятно иметь под рукой квалифицированного помощника, готового прийти на помощь в любое время дня и ночи. Валентина даже немного завидовала брату и однажды спросила, где она может раздобыть подобную программу для себя. В ответ Джейн заверила, что будет рада помочь ей в любых финансовых вопросах и в научных изысканиях, но Эндрю останется для нее на первом месте.

Эти слова вызвали у Валентины приступ легкого раздражения. На ее взгляд, персонализация программного обеспечения не должна заходить так далеко. Однако, немного поворчав, она обратила разговор в шутку.

— Не могу обещать, что не стану тебя ревновать, — сказала Валентина. — Я не собираюсь уступать брата компьютерной программе.

— Джейн действительно всего лишь компьютерная программа, — подтвердил Эндрю. — Очень хорошая программа, но, как и любые другие программы, она делает только то, что я ей прикажу. А если ты заметишь, что наши отношения становятся чересчур, гм-м... близкими, разрешаю отправить меня в психушку.

Так Эндрю и Валентина покинули Сорелледольче и стали, как прежде, путешествовать от звезды к звезде, от планеты к планете. В их жизни ничто не изменилось — разве только Эндрю, которому теперь не было нужды беспокоиться о налогах, стал особенно интересоваться опубликованными в сети некрологами.

ДЭВИД БРИН
ВСЕЛЕННАЯ ВОЗВЫШЕНИЯ*

«Прыжок в Солнце» (1980)
«Звездный прилив» (1983)
«Война за Возвышение» (1987)
«Риф Яркости» (1995)
«Край бесконечности» (1996)
«Небесные просторы» (1998)

Говорят, нельзя иметь все сразу. Например, если в рассказе много действия, то мало философии. Если в нем речь идет о науке, будут страдать характеры. Особенно часто это утверждают о главном жанре фантастики, иногда называемом космической оперой. Можно ли изобразить грандиозные приключения и героическую борьбу на фоне роскошных декораций будущего, включающих взрывающиеся планеты и яркие спецэффекты, и тем не менее написать нечто, достойное называться романом?

Я принадлежу к числу тех, кто считает, что стоит попробовать, — и попробовал в цикле романов «Возвышение», действие которых происходит в опасном будущем несколько сот лет спустя, в космосе, который люди только начинают понимать.

Начал я с правдоподобного допущения, что люди могут начать генетически изменять дельфинов и шимпанзе, придавая этим умным животным завершающий толчок, необходимый, чтобы стать нашими партнерами. В дебютном романе

* «Temptation». ©David Brin, 1999. ©Перевод. Д. Арсеньев, 2001.

«Прыжок в Солнце» я рассказываю о том, как три земные разумные расы обнаруживают, что могучая межзвездная цивилизация уже давно занимается тем же самым. Следуя древнему завету, каждый вышедший в космос клан в цивилизации пяти галактик ищет перспективных новичков для «возвышения». За эту услугу новая раса клиентов обязана определенный период служить патронам, а затем сама начинает искать, кому можно передать дар разума.

За этой благостной картиной прячется немало зловещих тайн, которые раскрываются в последующих романах. В «Звездном приливе» и «Войне за Возвышение» — оба романа получили премию «Хьюго» — описывается ударная волна, раскачивающая галактическое сообщество, когда скромный земной звездный корабль «Стремительный» с командой из сотни неодельфинов и нескольких людей отыскивает ключи к миллиарднолетнему заговору.

Моей целью было насытить серию элементами, которые нравятся читателям фантастики, например, не одним способом преодолевать эйнштейновское ограничение на передвижения быстрее света, но сразу полудесятком таких способов. В качестве декорации я использовал пять галактик, причем за кулисами таились и другие. Действующие лица — люди, дельфины и шимпанзе — подбирались таким образом, чтобы вызвать сочувствие и, как я надеюсь, сообщить запоминающиеся идеи.

После промежутка в несколько лет, занятого другими проектами, я вернулся к широкому холсту с новой трилогией «Буря Возвышения», состоящей из трех сюжетно связанных романов: «Риф Яркости», «Край бесконечности», «Небесные просторы». В этих романах продолжают описываться приключения и испытания экипажа «Стремительного», но также рассказывается об уникальном милитаристическом обществе на Джиджо, планете в изолированной четвертой галактике; эта планета объявлена «невозделанной», разумные существа не имели права вмешиваться в развитие ее биосферы. Вопреки этому закону на запретный мир тайно прилетает несколько кораблей, привозя колонистов полудесятка рас, и у каждой группы есть очень существенный повод бежать от опасности, грозящей ей дома. После первоначальных недоразумений и стычек шесть народов Джиджо, включая изгнанников-людей, заключают мир, объединяя усилия в попытке

создать процветающую культуру на своей любимой планете, в то же время скрываясь от космоса... до того дня, пока с неба не обрушиваются новые неприятности.

Пришло «Время Перемен», раскачивая самодовольную цивилизацию пяти галактик. Никто не может считать себя в безопасности, и нет больше ничего определенного. Нельзя доверять ни истории, ни законам, ни биологии, ни даже физике.

Во Вселенной что-то происходит, и все говорит о том, что наступает конец света.

В этом новом рассказе «Искушение» я вскрываю еще один слой этой разворачивающейся саги и изображаю небольшую группу беженцев-дельфинов, которые узнают, какие опасности могут скрываться в очень привлекательном предложении: вам предлагают то, что вы всегда хотели.

Дэвид Брин

ИСКУШЕНИЕ

МАКАНАЙ

Океан Джиджо гладил ей бока, словно прикосновением носа матери или лаской любовника. Может, это и проявление неверности, но Маканай казалось, что чуждый океан мягче и вкуснее вод Земли, ее родины, которую она не видела уже семь лет.

Легкими ударами мощных плавников Маканай и ее спутник легко удерживались рядом с огромной стаей рыбоподобных существ — с красными плавниками, фиолетовыми жабрами и длинными прозрачными хвостами, которые сверкают в наклонных лучах солнца, как искры плазмы за звездным кораблем. Стая тянется бесконечно, питаясь плавучими облаками планктона, согласованно перемещаясь по прибрежным отмелям, словно медленно извивающееся тело гигантской змеи.

Эти существа прекрасны... и очень вкусны. Стройное серое тело Маканай ловко повернулось, выхватив из кишащей массы одно существо и вызвав этим только легкую рябь среди его соседей. Такой небрежный стиль охоты, должно быть, нов для Джиджо, потому что существа как будто не замечают дельфинов. Упругая плоть по вкусу напоминает экзотические сардины.

— Не могу подавить чувство вины, — произнесла Маканай на подводном англике — языке щелканий и писков, очень

хорошо приспособленном к подводному царству, где звук важнее света.

Спутник Маканай плыл рядом со стаей брюхом вверх; его спинные плавники вяло заработали, когда он тоже схватил одно из существ.

— При чем тут вина? — спросил Брукида, а жертва тем временем билась в его узких челюстях. Впрочем, ее биение не препятствовало потоку слов-глифов, поскольку пасть дельфина не участвует в создании звуков. Быстрая серия сонарных импульсов исходит из его лба. — Ты стыдишься того, что живешь? Того, что приятно снова оказаться на просторе, а теплое море трется о твою кожу и волны навевают тебе сны? Неужели тебе не хватает стоячей воды и затхлого воздуха на корабле? Или мертвых эхо твоей тесной каюты?

— Не говори глупости, — ответила Маканай. После трех лет, проведенных в тесноте земного исследовательского корабля «Стремительный», она чувствовала себя как зародыш, зажатый в чреве. Освободиться из этого чистилища — словно родиться заново.

— Просто мы наслаждаемся тропическим раем, а наши товарищи в это время...

— ...продолжают полет в космосе, терпя все неудобства, преследуемые злобными врагами, на каждом повороте глядя в лицо смерти. Да, знаю.

Брукида выразительно вздохнул. Престарелый геофизик перешел на язык, более приспособленный для выражения ядовитой иронии:

Зимняя буря тратит
Всю свою силу на риф,
Не трогая лагуну.

Хайку тринари выразительны и суховаты. В то же время Маканай не могла не сделать врачебное заключение. Она обнаружила, что сонарные образцы речи ее старого друга насыщены полутонами праймала — природного полуязыка китообразных, которым пользуются на Земле дикие дельфины Tursiops truncatus. Представители современного вида amicus должны избегать этого языка, чтобы их сознание не подвергалось искушению пойти по древним путям. В этом языке таятся ритмы животной чистоты.

Маканай встревожилась, уловив элементы праймала в речи Брукиды, одного из немногих своих товарищей с непостра-

давшей психикой. Большинство дельфинов на Джиджо в той или иной степени страдали стресс-атавизмом. Утратив мыслительные способности, необходимые инженерам и космическим исследователям, они больше не могли помочь «Стремительному» в его отчаянном бегстве через пять галактик. Логичным решением казалось высадить небольшую колонию на Джиджо; Маканай должна была в мягкой мирной обстановке присматривать за регрессировавшими товарищами, а остальные члены экипажа устремились к далеким новым кризисам.

Она и сейчас слышит их, охотящихся за обильной добычей всего в ста метрах. Тридцать неодельфинов, выпускников самых престижных университетов. Лучшие специалисты, отобранные для этой экспедиции, — теперь они резвятся и пищат и думают только о пище/сексе/музыке. Их примитивные призывы больше не смущают Маканай. После того, что пережили ее товарищи после отлета с Земли — они отправлялись в рутинный исследовательский полет, который вместо предусмотренного одного занял целых три адских года, — удивительно, что они вообще сохранили здравый рассудок.

Такие страдания истощили бы человека и даже тимбрими. А нашей расе всего несколько столетий. Неодельфины храбро вступили на долгий путь Возвышения. Мы еще неуверенно держимся за разум.

И прежние тропы все еще манят нас.

Высадившись вместе с пациентами, Маканай узнала местную религию шести рас, которые тайно поселились на этой изолированной планете. В центре этой религии — концепция тропы Искупления. Считается, что спасение может быть найдено в благословенном невежестве, в отсутствии разума.

Достичь этого не на словах, а на практике оказалось очень трудно. Из всех шести «недавних» рас, которые незаконно прилетели на эту планету и искали убежища в простоте, пока это удалось только одной, и Маканай сомневалась, чтобы человеческие поселенцы смогли бы когда-нибудь вернуться к невинности животных, как бы отчаянно ни старались. В отличие от возвышенных рас люди сами трудным путем заработали свой разум на старой Земле; каждая новая способность, каждое новое вдохновение стоили им тысяч трудных тысячелетий. Они могут стать невежественными и примитивными, но никогда не опростятся. Никогда не обретут невинность.

Но для нас, неодельфинов, это просто. Мы такое короткое время пользуемся инструментами — в качестве дара от наших человеческих патронов, дара, который мы не просили. Легко отдать то, что получил без борьбы. Особенно если соблазнительно зовет альтернатива — Сон Китов, — зовет всякий раз, как ты засыпаешь.

Соблазнительное убежище. Сладкая западня безвременности.

Маканай слышала щелкающие сонарные излучения. Это ее помощники, добровольцы, полностью сохранившие сознание, старались удержать регрессировавших вместе. Здесь все так спокойно, но никто не знает, какие опасности таятся в обширном океане Джиджо.

У нас и так потерялись уже трое. Бедная маленькая Пипоу и ее два злополучных похитителя. Я обещала Каа послать группу, чтобы освободить ее. Но как? Заки и Мопол намного нас опередили, и в их распоряжении половина планеты, чтобы укрыться.

Сейчас ее ищет Ткетт, и как только пациенты окажутся в безопасности в постоянном поселении, мы расширим поиски. Но теперь они могут уже быть на другой стороне Джиджо. Единственная надежда для Пипоу — каким-то образом сбежать от этих идиотов и приблизиться к нам, чтобы мы услышали ее призыв о помощи.

Маканай и Брукиде пора возвращаться, чтобы, в свою очередь, охранять невинных счастливых пациентов. Но ей не хотелось возвращаться. Она нервничала.

В ее пасти вода отдавала легким металлическим привкусом — привкусом *ожидания*.

Маканай поворачивала чувствительную к звукам голову в поисках разгадки. И наконец уловила далекую дрожь. С запада слабый знакомый резонанс.

Брукида этого еще не заметил.

— Что ж, — сказал он, — думаю, очень скоро мы полностью сольемся с этим миром. Спустя несколько поколений наши потомки перестанут пользоваться англиком или любым галактическим языком. Мы снова будем безвинными и невежественными, готовыми к открытию и вторичному Возвышению. Интересно, какими будут наши новые патроны.

Друг Маканай слегка насмехался над ней, описывая горькую и одновременно сладкую участь этой колонии в мире, словно нарочно созданном для китообразных. В мире, где комфорт — самый надежный способ достичь быстрого упадка

их дисциплинированного разума. Без постоянных угроз и вызовов Сон Китов, несомненно, снова овладеет ими. Казалось, Брукида спокойно воспринимает такое будущее, и это тревожило Маканай.

— У нас по-прежнему есть патроны, — заметила она. — И на самой Джиджо есть люди.

— Да, люди. Но необразованные. У них нет научных знаний, необходимых для того, чтобы и дальше вести нас. Так что единственным возможным выбором для нас остается...

Он замолк, уловив наконец усиливающийся звук с запада. Маканай узнала характерное гудение скоростных саней.

— Это Ткетт, — сказала она. — Возвращается из разведывательного маршрута. Давай послушаем, что он нашел.

Ударив плавниками, Маканай вырвалась на поверхность, выдохнула пену и отработанный воздух из легких, глубоко вдохнула сладкий кислород. Потом развернулась и поплыла в сторону звука двигателя. Брукида поплыл за ней.

За ними стая пасущихся рыбоидов только подернулась мелкой рябью в своем бесконечном танце, раскачиваясь и питаясь тем, что предоставляет щедрый океан.

У археолога была своя форма душевной болезни — мечтательность.

Ткетт получил приказ остаться и помогать Маканай отчасти потому, что его знания не были нужны «Стремительному» в его отчаянном бегстве по известной Вселенной. Компенсируя горечь изгнания, он выработал у себя одержимый интерес к Великой Середине — огромной подводной свалке, куда древние разумные обитатели Джиджо сбросили почти все искусственные объекты, изготовленные на планете, когда покинули ее полмиллиона лет назад.

— Когда мы вернемся на Землю, я представлю замечательный отчет, — рассуждал он, очевидно, в полной уверенности, что все их беды минуют, он вернется домой и опубликует результаты своих открытий. Это особая разновидность психического расстройства, без признаков стресс-атавизма или регресса. Ткетт по-прежнему превосходно владеет англиком. Работа его безупречна, а поведение доброжелательно. Он приятен, функционален и при этом совершенно безумен.

Маканай встретила его сани за километр от стада. Ткетт остановился здесь, чтобы не тревожить пациентов.

— Нашел какие-нибудь следы Пипоу? — спросила она, как только он выключил двигатель.

Ткетт — удивительно прекрасный образец Tursiops amicus, с пятнами на скользких серых боках. Постоянная дельфинья улыбка обнажала два ряда абсолютно белых конических зубов. Оставаясь на платформе управления саней, Ткетт покачал слева направо гладкой серой головой.

— Увы, нет. Я прошел примерно две сотни километров по слабым следам, которые мы засекли на сонаре далекой разведки. Но стало ясно, что источник звуков — не сани Заки.

Маканай разочарованно фыркнула.

— Тогда что это? — В отличие от громогласных морей Земли на этой невозделанной планете не должно быть шума двигателей в термально-акустических слоях.

— Вначале я воображал самые невероятные причины вроде морских чудовищ или джофурской подводной лодки, — ответил Ткетт. — Но тут мне открылась истина.

Брукида нервно кивнул, шумно выдувая пузыри из дыхала.

— И ч-ч-что же?

— Должно быть, это космический корабль. Древний хлам, который едва не разваливается...

— Конечно! — Маканай ударила хвостом. — Не все эти древние развалины поднялись в космос.

Ткетт печально сказал, что теперь это кажется совершенно очевидным. Когда «Стремительный» сделал попытку скрыться, оставив Маканай и ее пациентов на планете, земной космический корабль прятался в рое древних кораблей, которые инженеры-дельфины восстановили из груды отбросов на океанском дне. Хотя поверхность Джиджо сегодня представляет собой невозделанное царство дикарских племен, в глубоких подводных каньонах по-прежнему лежат тысячи поврежденных брошенных космических кораблей и других остатков от того времени, когда этот сектор четвертой галактики был центром цивилизации и торговли. Несколько десятков этих развалин были реактивированы, чтобы обмануть врага «Стремительного» — страшный джофурский боевой корабль, но, очевидно, некоторые корабли не смогли своевременно подняться со дня моря. И теперь обречены бесцельно плыть под водой, пока не откажут двигатели, и тогда они снова погрузятся в темные глубины.

А что касается остального, то оставшимся на планете не известно, удалось ли бегство «Стремительного», увлекшего за собой в глубины космоса страшный дредноут. По крайней мере без него Джиджо кажется гораздо более дружелюбной планетой. Пока.

— Следовало ожидать этого, — продолжал археолог. — Когда я отплыл от шума прибоя, мне показалось, что я слышу шум по меньшей мере трех таких бесцельно плывущих кораблей. Как подумаешь, это так печально. Древние корабли, не стоившие даже попыток использовать их, когда буйуры покинули Джиджо. Они ждут в ледяной водной могиле последнего шанса взлететь в небо. И не могут им воспользоваться. Навсегда застряли здесь.

— Как мы, — проговорила Маканай.

Ткетт, казалось, не слышал.

— Мне хотелось бы вернуться и взглянуть на такой брошенный корабль.

— Зачем?

Улыбка Ткетта по-прежнему была очаровательной и заразительной... что в данных обстоятельствах казалось еще более безумным.

— Я бы использовал его как научный прибор, — сказал большой неодельфин.

Маканай почувствовала, что ее диагноз полностью подтверждается.

ПИПОУ

Плен оказался не таким тяжелым, как она опасалась.

Он был гораздо хуже.

У природных доразумных дельфинов иногда молодые самцы договаривались изолировать самку от стада, увести ее подальше для совокуплений — особенно если у нее начинался период гона. Действуя совместно, такие дельфины монополизировали совокупление с самкой и гарантировали успех своего воспроизводства, даже если она явно предпочитала местных самцов ранга альфа. Этот древний обычай сохранялся у диких дельфинов: у них были и традиции, и нечто вроде первобытной чести, но они не могли усвоить концепцию закона — кодекса, по которому должны жить все, потому что у сообщества есть память, превосходящая память любого индивида.

Однако у современных, возвышенных дельфинов amicus существует закон! И когда молодые хулиганы дома иногда пытались совершить подобное, их поведение называлось *насилием*. И влекло за собой суровое наказание. Как и у сексуальных маньяков среди людей, таких преступников ждала стерилизация.

И угроза наказания действовала. Спустя три столетия проявления образцов наименее желательного дикого поведения встречались все реже. Однако возвышенные неодельфины — все еще молодая раса. И время от времени сильный стресс мог вернуть ее представителей на древние пути.

А мы, члены экипажа «Стремительного», постоянно находились под сильным стрессом.

В отличие от других товарищей, которые под постоянным давлением утратили способность к разумному мышлению и к современному восприятию, Заки и Мопол поддались атавизму лишь частично. Они по-прежнему могут разговаривать и управлять сложными механизмами, но больше это не вежливые, почти застенчивые рядовые матросы, с которыми она познакомилась, когда «Стремительный» под командованием капитана Крайдайки впервые поднялся с Земли и космос еще не взорвался вокруг корабля.

Отвлеченно она понимала, какой ужасный стресс привел их к такому состоянию. И, возможно, если бы предоставилась возможность убить Заки и Мопола, Пипоу нашла бы такое наказание слишком суровым.

С другой стороны, стерилизации для них мало.

Несмотря на то что дельфины и люди относятся к общей культуре и у них общие предки среди земных млекопитающих, они на многое смотрят по-разному. Пипоу больше раздражало похищение, чем насилие. Она была скорее рассержена, чем травмирована. Полностью избежать их пыла ей не удавалось, но с помощью различных трюков — играя на взаимной ревности или изображая недомогание — ей удавалось на долгие периоды избавляться от нежеланного внимания.

Но если я узнаю, что они убили Каа, я съем их внутренности на ленч.

Проходили дни, и ее нетерпение росло. Время Пипоу приближалось. *Мой контрацептивный имплант скоро выдохнется. Заки и его приятель мечтают населить Джиджо своими*

потомками, но я не хотела бы подвергать планету такому проклятию.

И она решила попытаться бежать. Но как это сделать?

Иногда она заплывала в узкий пролив между двумя островами, куда привели ее похитители, и лениво плыла, прислушиваясь. Однажды Пипоу показалось, что она услышала что-то отдаленно знакомое — слабое щелканье далекой стаи дельфинов. Но оно исчезло, и Пипоу решила, что ей послышалось. Заки и Мопол несколько дней вели сани на предельной скорости, она была привязана к саням. Только потом остановились они у этого незнакомого архипелага и сняли с нее повязку, которая делала ее невосприимчивой к звукам. И теперь она понятия не имеет, как вернуться к берегу, у которого поселилась группа Маканай.

Сбежав от этих двух придурков, я, возможно, до конца жизни обреку себя на одиночество.

Ну хорошо, ты стремилась к жизни исследователя. Может существовать участь и похуже этого прекрасного мира, вкусной экзотической рыбы, когда проголодаешься, купания в незнакомых приливах и вслушивания в ритмы, которых не слышал ни один дельфин.

В ее фантазиях была ядовитая красота, и от этого Пипоу чувствовала себя одинокой. Ей было грустно.

В океане звучало эхо гнева, двигателей и странных шумов.

Конечно, все дело в перспективе. На шумной Земле эти волны казались бы необыкновенно тихими. Земные моря насыщены звуками транспорта, большая часть этих звуков связана с неодельфинами, которые постепенно приняли на себя управление семью десятыми земной поверхности. Они занимались добычей ископаемых в глубинах, разведением рыб, присмотром за священными глубокомысленными простаками, которых именуют китами, и все большая ответственность ложилась на возвышенных финов, использующих катера, подводные лодки и другое оборудование. Вопреки непрерывным попыткам уменьшить шум, родная планета оставалась очень шумным местом.

Джиджо по сравнению с ней кажется детским садом. Естественные звукопроводящие термальные слои доносят звуки прибоя, обрушивающегося на далекие берега, и постоянные стоны мелких тектонических подвижек на океанском дне. Собственная подводная фауна Джиджо испускает мириады фырка-

ний, щелканий, свистов. Здесь рыбоподобные существа возникли в ходе эволюции или были завезены колонистами, такими как древние буйуры. Некоторые отдаленные громыхания намекают даже на существование огромных животных, медленно и лениво передвигающихся в глубине... возможно, думающих свои долгие медлительные думы.

Дни переходили в недели, и Пипоу научилась различать органические ритмы Джиджо, подчеркнутые оглушительным грохотом, когда самцы отправлялись на прогулку в санях, разгоняя стаи рыб или несясь вдоль береговой линии с красными огнями индикаторов. При таких темпах машина долго не выдержит, думала Пипоу, хотя продолжала надеяться, что один из них раньше сломает себе шею.

Если она уплывет, Заки и Мопол легко выследят ее с санями или без них. Даже когда они оставляли груды мертвой рыбы гнить на плавучих водорослях, а потом пьянели от разложившихся туловищ, эти двое никогда не становились настолько неосмотрительными, чтобы позволить ей украсть сани. Один из них постоянно лежал на санях. И поскольку у дельфинов в сон по очереди погружается только одно полушарие, их совершенно невозможно застать врасплох.

Но вот, пробыв в плену уже два месяца, Пипоу уловила поблизости нечто новое.

Впервые она услышала это, когда ныряла в глубину в поисках вкусного местного краба с мягким панцирем. Похитители забавлялись в километре от нее, ведя сани по сужающимся кругам вокруг испуганной стаи серебристых рыбоидов. Но когда Пипоу ушла ниже пограничного термального слоя, отделяющего теплую поверхностную воду от холодной воды на глубине, шум саней неожиданно стал почти не слышен.

Благословенная тишина вдобавок к кулинарным наслаждениям. В последнее время Пипоу часто ныряла.

Однако на этот раз погружение в глубину не только избавило ее от шума саней. Оно принесло также какой-то *новый* звук. Отдаленный рокот, канализированный колеблющейся средой. С растущим возбуждением Пипоу узнала шум двигателя! Но таких ритмов она не слышала ни на Земле, ни в других местах.

Удивленная, она быстро вынырнула, заполнила легкие свежим воздухом и снова нырнула, чтобы вслушиваться дальше.

Глубоководное течение отлично переносит звук, поняла она, *не рассеивая его, а фокусируя. И в то же время скрывает звуковые колебания. Даже сенсоры саней не могут их уловить.*

К несчастью, это означает также, что она не может сказать, как далеко источник звука.

Если бы у меня был дыхательный аппарат... если бы не нужно было подниматься на поверхность за воздухом... я могла бы далеко проплыть, прячась за этим термальным барьером. А так, когда я вынырну, чтобы вдохнуть, они легко обнаружат меня с помощью дальнего сканирования.

Некоторое время Пипоу слушала и наконец приняла решение.

Кажется, оно приближается... но медленно. Источник все еще далеко. Если сделаю попытку сейчас, далеко не уйду. Они меня настигнут.

Однако она не должна позволить Мополу и Заки уловить новый звук. Если придется ждать, нужно их отвлечь, дожидаясь удобного случая.

Есть только один способ добиться этого.

Пипоу поморщилась. Поднявшись на поверхность, она выразила отвращение с помощью вульгарной полухайку тринари:

Пусть солнце выжжет ваши спины,
Пусть жесткий песок оцарапает вам брюхо,
Пока вы не почувствуете дикий зуд...
Как от хорошего триппера!

МАКАНАЙ

Послав приказ с помощью устройства нервной связи, Маканай сложила инструменты своей упряжи в углубление и сделала знак, что осмотр окончен.

Вождь кикви, маленький самец с пурпурным жаберным кольцом вокруг головы, на метр погрузился под воду, расставив все четыре перепончатые руки в жесте благословения и благодарности. Потом повернулся и повел свое племя назад, к ближайшему острову, где у них было поселение. Маканай чувствовала удовлетворение, глядя вслед строю маленьких амфибий, размахивающих копьями с каменными наконечниками.

Кто бы мог подумать, что мы, дельфины, самая молодая зарегистрированная в пяти галактиках разумная раса, сами станем патронами всего лишь несколько столетий спустя после того, как люди начали возвышать нас.

Учитывая все обстоятельства, кикви на Джиджо развивались очень хорошо. Вскоре после того, как их выпустили на коралловый атолл недалеко от берега, они начали размножаться.

В нормальных условиях какая-нибудь из старших рас нашла бы предлог, чтобы отобрать кикви у дельфинов и самой ввести такой перспективный предразумный вид в одно из богатых древних семейств, которые правят кислорододышащими цивилизациями пяти галактик. Но здесь, на Джиджо, дела обстоят по-другому. Они отрезаны от межзвездной галактической культуры с ее обширным, сбивающим с толку комплексом ритуалов, по сравнению с которым древнекитайский императорский двор кажется песочницей для малышей. В положении отрезанного от всех есть свои преимущества и недостатки.

С одной стороны, Маканай не находится под постоянным стрессом, убегая от огромных боевых флотов чужаков, чьи приспособления и устройства недоступны пониманию землян.

С другой стороны, больше нельзя посещать симфонии, оперы или пузырчатые танцы.

Больше никогда не придется ей сносить насмешливое высокомерное отношение патронов, которые считают дельфинов чуть более умными, чем обычные животные.

Но не проведет она больше ни одного ленивого воскресенья в своем уютном жилище в космополитическом Подводном Мельбурне, где за ее окнами в коралловых садах плавают стада разноцветных рыбок, а она тем временем жует пирожки с лососем и смотрит по телевизору «Двенадцатую ночь» — вся труппа состоит исключительно из дельфинов.

Маканай заброшена на необитаемую планету и скорее всего проведет на ней весь остаток жизни, присматривая за двумя небольшими группами колонистов и надеясь, что они будут в безопасности до наступления новой эры. Века, когда обе группы смогут продолжить свой путь Возвышения.

Если считать, что удастся наладить добычу металла, то кикви, очевидно, неплохо вписались в новое место. Конечно, их следует научить племенным табу против уничтожения

на охоте какого-нибудь вида местной фауны, чтобы их присутствие не стало проклятием нового мира. Но умные маленькие амфибии уже проявляют определенное понимание, выражая эту концепцию на своем собственном эмфатическом полуязыке:

##Редкое драгоценно!##
##Не есть/охотиться на редких/драгоценных/рыб/зверей!##
##Есть/охотиться только на тех, которых много!##

Маканай чувствовала свою долю участия в этом. Два года назад, когда «Стремительный» собирался покинуть ядовитый Китруп, прячась в корпусе разбитого таннанинского боевого корабля, Маканай взяла на себя ответственность заманить проходящее мимо племя кикви с помощью их же записанных призывов, и группа любопытных кикви прошла через главный шлюз «Стремительного» непосредственно перед тем, как окружающая вода закипела от выхлопов оживших двигателей корабля. То, что тогда казалось простым актом жалости, превратилось в нечто вроде любовной связи, так как дружелюбные маленькие амфибии вскоре стали любимцами всего экипажа. И может быть, заслужили право жить в более подходящем месте, чем этот несчастный Китруп. Приятно, что «Стремительный» совершил в своей безнадежной трагической миссии хоть одно доброе дело.

А что касается дельфинов, кто может усомниться в том, что им хорошо в теплом море Джиджо? Как только узнаешь, какие рыбоиды съедобны, а каких следует избегать, жизнь превращается в выбор предпочтительного блюда, затем всплеск и отдых. Конечно, ей не хватает голозвукового устройства, с его громким воспроизведением китовых песен и барочных хоралов. Но здесь она получает удовольствие, слушая океан, чья звуковая чистота почти так же прекрасна, как его вибрирующая текстура.

Почти!..

Реагируя на слабое ощущение, Маканай повернула свою чувствительную к звукам челюсть справа налево.

Вот оно! Она снова это услышала. Отдаленное громыхание, которое в подводной какофонии Земли могло бы остаться незамеченным. Но здесь оно явно выделяется на фоне нормального шума течений и приливов.

Ее пациенты — несколько десятков дельфинов, которых стресс-атавизм низвел до детской невинности, — называют такие шумы *буджум*. Или используют восходящую трель на дельфиньем праймале — ту самую, которая обозначает неведомых чудовищ глубин. Иногда эти далекие шумы как будто действительно намекают на существование огромных живых существ, грохочущих низким басом, самодовольно уверенных, что все обширное море принадлежит им. А может, это просто шум разлаженного двигателя какого-нибудь брошенного корабля, бесцельно блуждающего в океанской безмерности.

Оставив за собой атолл кикви, Маканай поплыла к подводному куполу, в котором они с Брукидой и несколькими сохранившими разум санитарами устроили базу, откуда можно следить за подопечными. Приятно будет хоть ненадолго уйти от непогоды. Прошлой ночью пришлось обходиться без обычных удобств: она присматривала за пациентами во время бури. Тревожное испытание.

Мы, современные неодельфины, избалованны. Потребуются годы, чтобы мы снова привыкли жить на природе, без жалоб принимая то, что она посылает нам, не строя амбициозных планов ее завоевания.

Эта человеческая сторона в нас должна угаснуть.

ПИПОУ

На следующее утро она предприняла попытку к бегству.

Заки спал с похмелья на большом пласте водорослей, а Мопол уплыл на санях, гоняясь за несчастными пингвиноподобными морскими птицами, которые пытались кормить своих птенцов поблизости от наветренного берега острова. Казалось, это подходящая возможность, но главная причина, по которой Пипоу выбрала именно этот момент, была простой. Поднырнув под пограничный термальный слой, Пипоу установила, что отдаленный рокот ослабел, он словно свернул в сторону, затихая с каждым часом.

Теперь или никогда.

Пипоу надеялась сначала украсть что-нибудь с саней. Инструментальную упряжь, например, или дыхательную трубку, и не только из практических соображений. В нормальной жизни мало кто из неодельфинов проводит целый день, не пользуясь киберинструментами, которые контролируются

нервной связью с полушариями мозга. Но уже несколько месяцев два ее «мужа» не позволяют ей ни к чему подсоединяться. И невральный клапан за левым глазом зудел от того, что им не пользуются.

К несчастью, Мопал почти всегда спит на платформе саней, оставляя ее только для еды и испражнений.

Он будет очень несчастен, когда сани наконец выйдут из строя, подумала Пипоу, и эта мысль слегка утешила ее.

Итак, решение принято, кости Ифни брошены. Пипоу пустилась в путь с теми способностями и оборудованием, какими снабдила ее природа. Совершенно нагая, устремилась она в неведомое море.

Для Пипоу побег начинался совсем не так, как в человеческих романах или голофантазиях. В таких историях героине труднее всего приходилось в начале, когда нужно было уйти. Но тут Пипоу не мешают ни стены, ни запертые комнаты, ни собаки, ни проволочная изгородь. «Охранники» позволяют ей уходить и приходить, когда вздумается. В таком случае проблема не в начале, а в том, чтобы выиграть как можно больше времени, прежде чем Мопол и Заки поймут, что она убежала.

Сначала ей помогало скрыться погружение под пограничный термальный слой. Обнаружить ее можно, только когда она выныривает, чтобы перевести дыхание. Но долго так плыть она не может. Дельфины вида tursiops не приспособлены к жизни глубоко под водой, и в глубине ее скорость втрое ниже той, что она способна развить на поверхности.

Поэтому, когда остров еще был виден сзади на горизонте, Пипоу прекратила красться в глубине и предприняла серьезную попытку убежать — с помощью мощных изгибов тела и ударов плавниками она устремилась в сторону солнца, изредка ныряя поглубже, чтобы уточнить направление к далекому грохоту.

Было восхитительно скользить по вершинам волн, извлекая из организма все, на что он способен. Пипоу вспомнила, как в последний раз неслась так — рядом с ней был Каа, и тогда воды Джиджо казались теплыми, сладкими и полными возможностей.

Хотя она старалась свести к минимуму звуковые низкочастотные пощелкивания, но все же позволила себе несколько всплесков, проверяя препятствия впереди и играя с окружающей водой, воспринимая отражения звука от вызванной

солнцем конвекции, позволяя звукам окутывать себя, словно колеблющимися воспоминаниями. Звуковые сигналы Пипоу оставались мягкими и тихими — не громче колебаний, создаваемых ее бьющим хвостом, но постепенно рисунок их становился все сложней: мозг Пипоу приспособился к ритму движения. Вскоре возвращающиеся волны ее собственных звуков стали смешиваться с отражениями звуков течений и приливов, создавая звуковые образы.

Большинство этих образов оставались очень неясными, какие видишь, когда плывешь на краю сна. Но иногда несколько изображений сливались, образуя нечто большее. Сложное эхо словно изгибалось и поворачивало, когда изгибалась и поворачивала она сама. Такое впечатление, будто рядом плывет призрачный спутник, плывет там, где зрением воспринимаются только солнечные лучи и пустое море.

Каа, подумала Пипоу, узнав пыл, с каким призрак режет носом волну.

Дельфину не обязательно умереть, чтобы вернуться призраком... хотя это помогает. Иногда для этого нужна только яркость духа, а дух у Каа, несомненно, был очень ярким.

А может, близкий звуковой призрак рожден исключительно воображением Пипоу.

На самом деле дельфинья логика не видит противоречия между этими двумя объяснениями. Сущность Каа может действительно находиться здесь — и не находиться — в одно и то же время. Но реальность это или мираж, Пипоу была рада, что ее возлюбленный снова рядом с ней, там, где ему и полагается быть.

Как я по тебе соскучилась, подумала она.

Англик — неподходящий язык для фантомов. Вообще человеческая грамматика для них не годится. Возможно, именно поэтому бедные двуногие так редко общаются со своими утраченными любимыми.

Гость Пипоу ответил более двусмысленным, истинно дельфиньим способом:

Пока цветут водоросли
Пока под лунными лучами
раскрываются их цветы
Я буду плыть рядом с тобой

Пипоу была удовлетворена этим. Какое-то время ей казалось, что рядом с ней плывет настоящий спутник, ее люби-

мый, подбадривая ее, разделяя ее скорость. Вода перед ней раздавалась, ласкала бока, как настоящий возлюбленный.

Но вдруг вмешался новый звук. Далекий рев двигателя развеял все иллюзии.

Пипоу неохотно затихла, заставив смолкнуть звуковые отражения, окружившие ее дыхало. Исчезли отражения, исчез и ее призрачный товарищ. Вода словно почернела, и Пипоу сосредоточилась, прислушиваясь.

Вот оно.

За ней, доносится сзади. Звуки двигателя, слишком знакомые, и быстро приближаются по поверхности моря.

Теперь они знают, поняла Пипоу. *Заки и Мопол знают, что я убежала, и идут за мной.*

Больше она не стала тратить времени. Поплыла еще быстрей, чем раньше. Теперь скрытность больше не нужна. Остается соревнование в скорости, выносливости и удаче.

ТКЕТТ

Ему потребовались день и ночь, чтобы приблизиться к источнику таинственных колебаний, ведя сани на предельной скорости. Маканай приказала Ткетту не перенапрягать двигатель, поскольку никаких запасных частей у них нет.

Будь осторожен, — говорила пожилая дельфинья самка-врач, давая разрешение на эту экспедицию. — *Узнай, что это такое... может быть, это брошенный космический корабль, который вернули к жизни Суесси и инженеры. Если это так, не приближайся к нему. Немедленно возвращайся с сообщением. Мы обсудим, что делать дальше.*

Ткетт не собирался нарушать приказ. Во всяком случае, не буквально. Но если эти грохочущие звуки действительно издает корабль, возникает множество возможностей. Что, если удастся в него забраться и взять на себя управление?

Даже если он не может летать, то может плавать в океане. Я мог бы использовать его для подводных исследований и посетить Великую Середину.

Великая Середина — это гигантская подводная впадина, куда буйуры сбросили большинство остатков своей могучей цивилизации, собираясь покинуть Джиджо, чтобы вернуть планете статус невозделанной. Упаковав все то, что они собирались взять с собой, последние обитатели планеты с помощью титанических машин снесли свои города, а все зда-

ния и машины сбросили в бездну, где медленное тектоническое движение увлечет обломки внутрь, переплавит и преобразует в новые руды. А когда-нибудь в будущем, когда Джиджо будет открыта для законного поселения, этими рудами воспользуются новые обитатели.

Для археолога Середина — это возможность всей жизни.

Я так много узнаю о буйурах! Мы сможем обследовать целые классы их орудий, каких не видел ни один землянин. Буйуры были богаты и могущественны. Они могли позволить себе все достижения цивилизаций пяти галактик, тогда как новички земляне вынуждены довольствоваться только остатками. Даже то, что выбросили буйуры — их игрушки и сломанные машины, — представит Земному Совету бесценные данные.

Ткетт не был дураком. Он хорошо знал, что думают о нем Маканай и Брукида.

Они считают меня спятившим, потому что я надеюсь вернуться домой. Потому что верю, что мы еще увидим Землю, почувствуем вкус ее воды в своих челюстях и снова услышим звуки прибоя Рангароа.

Или прочитаем лекцию в университете. Или погрузимся в богатство информации земной сети, со скоростью света обмениваясь мыслями с плодородной цивилизацией. Или будем вести дискуссии с теми, кто разделяет твои интеллектуальные пристрастия.

Он записался в состав «Стремительного», чтобы сопровождать капитана Крайдайки и дельфиний элитный экипаж в величайшем приключении, какое предстояло когда-либо группе китообразных. Это последняя проверка новой разумной расы. Но теперь Крайдайки исчез, вероятно, он мертв, а новый командир «Стремительного» изгнал Ткетта с корабля в момент самого острого кризиса. Маканай может смириться с тем, что ее отнесли к «несущественной» части экипажа, но Ткетт кипел от негодования, плавая в теплом, отвратительно спокойном море, в то время как его товарищи по-прежнему смотрят в лицо невообразимым опасностям среди окровавленных звезд.

Сзади послышался голос и помешал Ткетту еще больше погрузиться в жалость к самому себе:

#Дай мне дай мне ДАЙ МНЕ
#удовольствие толчка рыла
#удовольствие доброй драки!#

Этот резкий звук доносился с тыльного помещения саней, и Ткетт от неожиданности забил плавниками. Так легко оказалось забыть о молчаливом пассажире. Чиссис говорила редко, да и то исключительно на примитивном протоязыке — дельфиньем праймале.

Ткетт подавил раздражение. В конце концов, Чиссис больна. Как и у нескольких других членов экипажа, ее современное сознание не выдержало давления длительного испытания «Стремительного» и нашло убежище в более древних путях мысли. Надо быть снисходительным, хотя Ткетт не мог себе представить, как можно отказаться от наслаждения рациональностью, каким бы настойчивым ни казался призыв Сна Китов.

Немного погодя Ткетт осознал, что его спутница не просто бессмысленно болтает. Должно быть, Чиссис поняла смысл его сонарных щелканий. И, очевидно, разделяет его негодование по поводу решения Джиллиан Баскин оставить их на Джиджо.

— Ты тоже хотела бы оставаться в космосе? — спросил он. — Хотя и не можешь больше сидеть за приборной панелью? И даже зная, что боевые корабли Джофура и другие страшилища окружили «Стремительный», готовясь к нападению?

Он говорил на подводном англике. Большинство регрессировавших его не понимали. Но Чиссис испустила с платформы в задней части саней звуковой поток, похожий на грохот двигателя, поток вызывающий:

#Бей джофуров! Бей акул!
#БЕЙ ИХ!#

И, сопровождая этот вопль, донесся сонарный поток, который испускали жировые слои лба Чиссис, создавая вокруг Ткетта облако иллюзий. Он на мгновение увидел Чиссис в пускающем пузыри носу торпеды класса «минога». Чиссис вела торпеду к огромному кораблю чужаков, окруженному полями, которые выводят из строя цифровые управляющие системы. Она ведет свой смертоносный снаряд с инстинктом и природной способностью, унаследованными дельфинами от предков.

Утрата речи, очевидно, не лишила «регрессировавших» ни храбрости, ни изобретательности. Ткетт рассмеялся. Джиллиан Баскин допустила большую ошибку, оставив здесь Чиссис.

Очевидно, чтобы иметь сердце воина, совсем не обязателен ум инженера.

— Неудивительно, что Маканай позволила тебе сопровождать меня, — произнес Ткетт. — Ты оказываешь дурное влияние на остальных, верно?

Настала ее очередь рассмеяться, и смех ее звучал точно, как его. Воинственный призыв, единственное, что оставили мастера Возвышения. Глубокий крик китообразных, бросающих вызов трезвой Вселенной, которая многое воспринимает слишком серьезно:

#Быстрее быстрее БЫСТРЕЕ!
#Двигатели зовут нас...
#Предлагают прокатиться...#

Этот крик затронул что-то глубоко запрятанное в Ткетте, и дельфин невольно хлестнул хвостом. Без колебаний он увеличил скорость и понесся навстречу загадочному объекту, чья песня заполнила море.

ПИПОУ

Она чувствовала, что Заки и Мопол догоняют ее. Может быть, они придурки, но знают, чего хотят, и умеют вести сани на предельной скорости, не теряя ее из виду. Поняв, что она убежала, они погнались за ней на санях, пользуясь сонарами дальнего обзора, которыми снабжена машина. И каждый звук их мотора она ощущает, словно легкий укус в спину. Теперь они точно знают, где она. И шум должен устрашить ее.

И он подействовал. *Не знаю, сколько я еще выдержу,* думала Пипоу, в то время как тело ее горело от усталости. Каждый изгиб спины, каждый прыжок вперед требовал все большего и большего напряжения. Больше никаких радостных ощущений, шелковая поверхность волн стала цепкой, она лишала Пипоу с таким трудом завоеванной инерции движения. Снова и снова приходилось ускоряться.

Казалось, по сравнению с водой жестокий вакуум космоса предоставлял большие возможности. Что приобретаешь, то у тебя сохраняется. Даже мертвый остается на траектории, вечно стремясь вперед. Космические путешествия способствуют развитию концепции «прогресса». Старомодным дельфи-

нам эта концепция казалась нелепой, да и современным трудно к ней привыкнуть.

Должно быть, я очень близка к звуку, что бы его ни производило. И могла бы сказать точно, если бы эти проклятые паразиты сзади выключили свой сонар и дали мне возможность спокойно прислушаться!

Конечно, этот гудящий грохот должен лишить ее ориентации. Теперь Пипоу улавливала только отдельные звуковые глифы цели, и то лишь тогда, когда ныряла под звуконепроницаемый термальный слой. А это она делала как можно реже, потому что погружения замедляли ее продвижение вперед.

Звук двигателя саней приближался. Теперь они слишком близко. В любой момент Заки и Мопол могут пронестись мимо нее, потом начнут приближаться по спирали, загоняя ее, словно беспомощное морское существо, а сами будут фыркать и наслаждаться своим мачо, своим ощущением силы.

Придется подчиниться... придется перенести их наказание... терпеть их укусы и шлепки, пока они не поверят, что я стала покорной коровой.

Но все это расстраивало Пипоу не так, как вывод, который она сделала из своего вторичного пленения.

Видимо, это означает, что мне придется убить одного из них.

Этого она надеялась избежать. И в старину убийства среди дельфинов случались редко, а инженеры-генетики постарались создать у них врожденное отвращение к убийству. Пипоу хотела избежать такого исхода. Достаточно будет просто убежать.

Она не знала, как это сделает. Пока не знала.

Я все еще офицер земного космического флота, хотя они и считают себя дикими животными. Трудно ли мне будет это сделать?

Отчасти она понимала, что фантазирует. Возможно, таким способом подсознание пытается рационализировать предстоящую капитуляцию. Можно сдаваться немедленно, прежде чем истощение отнимет остаток сил.

Нет! Нужно продолжать двигаться.

Пипоу застонала, удваивая усилия, устремившись вперед с помощью мощных ударов хвостового плавника. Каждое мгновение продолжающейся погони означает для нее еще немного свободы. Немного достоинства.

Конечно, так не может продолжаться вечно. Хотя возбуждение и негодование заставляли делать все новые и новые

броски, скорость постепенно падала: организм тратил последние резервы. Дрожа, Пипоу перешла на легкое скольжение, хватая воздух измученными легкими.

Плохо. Я ее слышу... ту подводную штуку, которую ищу... она недалеко от меня.

Но Заки и Мопол ближе...

Пипоу потребовалось несколько мгновений, чтобы понять, что термальный барьер заглушает звуки существа внизу. Если она слышит его сейчас, пусть слабо, значит, оно...

Пипоу задрожала. Она почувствовала, как взбухает вода вокруг нее, словно ее раздвигает какое-то огромное существо. И тут же поняла, в чем дело. Одновременно она услышала сзади торжествующий крик Заки.

Оно прямо подо мной. Эта штука! Проходит внизу, во тьме.

У нее было лишь несколько мгновений на принятие решения. Судя по давлению воды, штука эта огромная и находится глубоко внизу. Но Пипоу не способна сейчас нырять: каждый вдох причиняет ей боль.

Она услышала и почувствовала, как мимо пролетели сани, видела на спине машины двух своих мучителей; они улыбались, проносясь в опасной близости. Инстинкт заставлял ее повернуть и бежать либо погрузиться под воду, пока выдерживают легкие. Но все это ей не поможет, поэтому она осталась на месте.

Они еще немного будут наслаждаться своей победой, подумала Пипоу, надеясь, что они настолько самоуверенны, что не станут применять сканер. Да и вообще, что она может сделать на таком расстоянии?

Трудно поверить, что они до сих пор не уловили никаких сигналов от гиганта внизу. Тупые самцы. Все их усилия сосредоточены на погоне за ней.

Заки и Мопол дважды обошли ее по кругу, каждый раз подходя все ближе, насмехаясь и болтая.

Пипоу по-прежнему с трудом вдыхала воздух, чувствуя себя истощенной. Но больше ждать нельзя. И когда они начали приближаться в третий раз, она сделала последний вдох, изогнула спину и носом вперед погрузилась в глубину.

В последнее мгновение она хвостом махнула преследователям. Она надеялась, что этот ее жест они будут вспоминать с сожалением и чувством вины.

Тьма поглотила свет, Пипоу продолжала уходить вглубь, пока позволяет скромный запас воздуха. Скоро ее окружила

полная темнота. Но теперь, миновав пограничный слой, она больше не нуждалась в освещении. Ее ведут звуки, глухой гул чего-то огромного, самодовольно и плавно движущегося сквозь мир, никогда не знавший солнечного света.

ТКЕТТ

У него было несколько причин желать заполучить космический корабль, даже такой, который не способен летать. Например, такой корабль давал возможность посетить Великую Середину и исследовать ее чудеса. Частично управляемый корабль мог также оказаться полезным шести расам Джиджо, которые, как говорили, терпят поражение в кровопролитной войне с агрессорами джофурами.

Ткетт также полагал, что такая машина поможет отыскать и спасти Пипоу.

Прекрасная молодая самка-медик, одна из помощниц Маканай, была похищена вскоре после отлета «Стремительного». Никто уже не надеялся отыскать ее, поскольку океан просторен и у двух дельфиньих дебилов, Заки и Мопола, было множество возможностей, чтобы спрятать ее. Но расследование показало, что преступники бежали на санях. С другой стороны, корабль — даже развалина, пролежавшая полмиллиона лет на океанском дне, — способен покрыть гораздо большую территорию и слушать своими большими подводными сонафонами, уловив красноречивые шумы Пипоу и ее похитителей. Возможно даже найти в воде следы земной ДНК. Ткетт слышал, что такая техника продается на галактических рынках, однако стоит очень дорого. Но кто знает, какие чудеса буйуры считали на своих кораблях самым обычным делом?

К несчастью, след становился то отчетливей, то слабел. Иногда Ткетту казалось, что шум совсем рядом — это водные слои так причудливо передавали звуки. Но потом звуки совершенно исчезали.

Ткетт испытывал раздражение, но готов был попытаться еще раз. И когда Чиссис возбужденно принялась выкрикивать на праймале, что *большой зверь* бродит на юго-западе, он с готовностью повернул сани в том направлении.

И скоро был вознагражден. На контрольной панели загорелись индикаторы, по невральному каналу, соединяющему сани с клапаном, имплантированным за левым глазом Ткет-

та, пошли сигналы. Вдобавок к шуму, другие аномалии свидетельствовали, что где-то прямо впереди и примерно в ста метрах внизу движется огромная масса.

— Вероятно, нам стоит посмотреть, что это такое, — сказал Ткетт пассажирке, которая защелкала в знак согласия.

#Ищи ищи ищи ЧУДИЩЕ!#

И Чиссис рассмеялась, радуясь своему уму. Однако несколько минут спустя, когда они погружались в пучину моря, вслушиваясь и всматриваясь в то, что освещали лучи прожекторов, она прекратила щелкать и молчала, как могила.

Великие Спящие! Ткетт удивленно и благоговейно смотрел на возникший перед ними предмет. Не похоже ни на один корабль, который ему приходилось видеть. Гладкие металлические борта словно уходили в бесконечность, гигантская машина тяжело двигалась по дну, поднимая муть тысячами блестящих кристаллических ног.

И словно уловив их появление, медленно раскрывался огромный шлюз — Ткетт надеялся, что их встречают доброжелательно.

Это совсем не восстановленный космический корабль. Ткетт начал догадываться, что набрел на нечто совершенно иное.

ПИПОУ

Грудная клетка разрывалась.

Легкие Пипоу заполнились бьющейся болью, она заставляла себя уходить все глубже, гораздо глубже, чем позволяет рассудок, хотя от усталости она едва не теряла сознание.

Море в глубине совершенно черное. Глаза не различают ничего. Но зрение под водой не самое главное чувство. Сонарные щелчки, которые она испускает, делаются все быстрей; Пипоу с помощью чувствительной челюсти улавливала их отражения.

Какое огромное... подумала она, уловив первые отраженные звуки.

Отражения звуков начали соединяться, и Пипоу содрогнулась.

Не похоже на металл. Форма... скорее искусственная, чем...

По спине пробежал холодок ужаса: она поняла, что своими очертаниями эта штука впереди напоминает огромное жи-

вое существо! Гигантская масса плавников и бьющихся щупалец, похожая на чудовища из тех сказок, которые по вечерам рассказывают дельфиньим детям, чтобы удержать их на лежбищах вблизи больших земных портовых городов. То, что находилось перед Пипоу и плыло над дном каньона, казалось гораздо больше и страшнее гигантских спрутов, которые сражаются с кашалотами, самыми могучими среди китообразных.

Но Пипоу, изгибая спину, ударяя плавниками, продолжала погружаться. Ее охватило непреодолимое любопытство. И вообще она ближе к этому существу, чем к поверхности, где ее ждут Заки и Мопол.

Могу и узнать, что это такое.

Любопытство — это единственное, ради чего еще стоит жить.

Когда к ней протянулось несколько щупалец, в ее сознании оставался только вопрос о смерти.

Интересно, что я встречу по ту сторону.

МАКАНАЙ

Дельфины, ее пациенты, все одновременно с криками очнулись от послеобеденной сиесты.

Маканай и ее помощники присоединились к Брукиде, который был на дежурстве; они быстрыми кругами плавали вокруг испуганных регрессировавших, мешая им в панике уплыть в открытое море. Пациенты медленно успокаивались, приходя в себя от общего кошмара.

На Земле так бывало нередко: подсознательные щелканья двух или нескольких спящих дельфинов иногда налагались друг на друга и взаимодействовали, создавая ложное эхо. Призрак чего-то ужасного. То, что китообразные спят только одним полушарием, не помогает. Напротив. Это каким-то образом лишь усиливает диссонанс, делая иллюзорные звуковые образы еще страшнее.

Большинство пациентов разучились говорить и способны издавать только испуганный писк на праймале. Но был с десяток пограничных случаев, эти пациенты, возможно, даже со временем вернут себе способность речи. И вот один из этих пациентов нервно простонал что-то о *Ткетте* и *городе заклинаний*.

Другой нервно щелкал, снова и снова повторяя имя Пипоу.

ТКЕТТ

По крайней мере в этой машине есть внутри воздух, подумал он. *Мы можем здесь выжить и кое-что узнать.*

Больше того, огромное металлическое сооружение — крупнее бывают только самые гигантские космические корабли, — казалось, проявляет услужливость. Как только сани вошли в просторный шлюз, металлические стены перед ними расступились. Пол опустился, образовав бассейн. Таким образом Ткетт и Чиссис смогли выйти из тесной рубки и поплавать вокруг. Приятно оказаться на просторе, хотя Ткетт опасался, что допустил ошибку, войдя в корабль.

Маканай приказала осмотреть объект снаружи и сразу вернуться с докладом. Но ведь они рассчитывали найти один из древних маленьких космических кораблей, которые инженеры «Стремительного» восстановили из груды обломков на дне моря. Как только Ткетт увидел огромное цилиндрическое сооружение, движущееся по морскому дну на мириаде гусеничных лап, блестящих, словно хрустальные стержни, он понял, что ничто на Джиджо не удержит его от проникновения внутрь.

Раздвинулась еще одна стена, обнаружив уходящий вперед ровный канал — вода внизу, воздух вверху; преобразуясь на глазах, канал манил к себе дельфинов. Каждая панель с блестящей прозрачностью шкуры осьминога меняла цвет, словно каждый оттенок цвета передавал какой-то смысл. Чиссис нервно била хвостом: сквозь щели в стенах начали появляться разные предметы. Время от времени на длинном подвижном стебле высовывалось нечто вроде кинокамеры и смотрело на них, когда они проплывали мимо.

Даже буйуры не могли выбросить такое чудо, думал Ткетт, наслаждаясь своей фантазией: он привозит это диво домой на Землю. В то же время инструменты его упряжи задрожали, отвечая на нервные импульсы: это мозг дельфина посылал сигналы. Никакого оружия — на случай, если здешние хозяева проявят враждебность, — у него нет.

Коридор наконец привел в просторное помещение с такими изогнутыми стенами и потолком, что трудно было определить его истинные размеры. Внутрь торчали бесчисленные выпуклости и шпили, половина из них погружена в воду, остальные подвешены в воздухе. Все они соединены кабелями и нитями, сверкающими, как паутина, в солнечный день

покрытая росой. На многих ветвях висят сверкающие шары, кубы или додекаэдры, похожие на геометрические плоды, — размером от полуметра до двойной длины дельфиньего рыла.

Чиссис испустила вопль, окрашенный страхом и благоговением:

#коралл который кусает! коралл кусает кусает!
#Смотри, существа, пронзенные кораллом!#

Поняв, что она имеет в виду, Ткетт ахнул. Висячие «плоды» прозрачны. И в них существа, которые движутся... дергаются, прыгают, бегают, размахивают руками и ногами в своих тесных помещениях.

Приспособительное оптическое устройство правого глаза дельфина зажужжало, увеличивая изображение ограниченных хрустальными стенами помещений. В то же время из его лба понесся поток нервных сонарных пощелкиваний, бесполезный в воздухе, словно пытаясь отыскать смысл этой загадки.

Не могу поверить!

Он узнал волосатое существо в прозрачной клетке.

Ифни! Это хун. Миниатюрный хун!

Быстро просканировав окружение, он обнаружил представителей других видов... четырехлапых урсов с нервно подергивающимися длинными шеями, похожими на мускулистых змей... миниатюрных трейки, которые подобно своим джофурским кузинам напоминают высокие заостренные груды пончиков... и крошечные версии колесных г'кеков, бешено вращающих свои колеса, как будто они действительно куда-то движутся. В сущности, здесь были представлены все шесть рас Джиджо — беглые кланы, незаконно поселившиеся на этой планете за последние две тысячи лет. Всех их можно было увидеть здесь, и все они были представлены уменьшенными копиями.

По спине Ткетта пробежал холодок, когда он увидел несколько сфер с крошечными стройными двуногими фигурами. Люди с планеты Земля — размером с летучую мышь, представители расы, которая много столетий сражалась против одиночества и невежества, едва не уничтожив при этом свой мир, пока не повзрослела настолько, что смогла повести к истинному разуму остальные земные кланы. Перед изумленными глазами Ткетта представители расы патронов были сведены к прыгающим и кувыркающимся карликам в стенах свисающей хрустальной сферы.

ПИПОУ

Смерть не может быть такой земной... и не может причинять боль таким знакомым способом. Возвращаясь к сознанию, Пипоу ни на минуту не усомнилась в том, где находится. Это прежний космос жизни и боли.

Пипоу помнила морское чудовище, этого длинного гиганта из плавников, щупалец и фосфоресцирующих чешуек — более километра длиной и почти такой же ширины; размахивая крыльями подобно скату-манте, это чудовище скользило над морским дном. И когда оно протянуло к ней свои щупальца, Пипоу и не подумала убегать к поверхности, где ее ждет рабство. Слишком поразили ее образы — и звуковые, и зрительные — этого истинного левиафана.

Щупальце оказалось мягче, чем она ожидала, оно подхватило несопротивляющееся тело и потащило к раскрывающейся клювообразной пасти. Когда ее тащили между двумя челюстями с острыми краями, Пипоу позволила тьме окончательно поглотить себя — за мгновение до конца. И последней ее мыслью была хайку тринари:

Высокомерие получает ответ
Когда каждого из нас призывают
Снова вернуться в пищевую цепь!

Но, как оказалось, она продолжала жить. Ожидая, что превратится в измельченную пищу для огромных внутренностей, она вместо этого обнаружила себя в другом мире.

Вначале мир расплывался. Совершенно очевидно, что она лежит в небольшом бассейне. Потребовалось несколько мгновений, чтобы зрение сфокусировалось. Между тем из изумленных сонарных щелканий образовалось отражение, которое, непрошеное, окружило Пипоу философией тринари.

В поворотах жизненного цикла,
Приводимого в движение настойчивостью Солнца и Луны,
Однажды весной буря может перебросить тебя
За рифы, в которых нет пролива,
И ты окажешься в неведомой лагуне,
Где плавает ядовитая колючая рыба
И насмехается над тобой, заброшенной и одинокой...

Неподходящее стихотворение-мысль, и Пипоу резко оборвала его, чтобы такая жестокая соническая воображаемая поэзия не вызвала у нее панику. Туман тринари очень цепок. Его удается рассеять только отчаянными усилиями, и он оставляет ощущение страшного предупреждения.

Поднявшись на поверхность, Пипоу высунула голову из воды и осмотрела бассейн, окруженный буйной густой растительностью. Во все стороны тянулись густые джунгли; поверх потолок грубой структуры, он накрывает джунгли и их маленьких обитателей — от летающих насекомоподобных до карабкающихся по деревьям существ, которые украдкой выглядывают из-за скрывающих их листьев и теней.

Среда обитания, сообразила Пипоу. Существа, живущие здесь, конкурируют друг с другом, охотятся друг на друга, умирают и составляют знакомый бесконечный цикл синергии. Самые большие космические корабли часто включают экологические самовосстанавливающиеся системы, естественным образом поставляющие кислород и пищу.

Но это не космический корабль. Не может им быть. Огромное сооружение, которое я видела, не может летать. Это морское чудовище, приспособленное к подводному миру. И оно должно быть живым!

Но не может ли гигантское животное содержать в себе живую экологию, подобную бактериальным культурам, которые помогают самой Пипоу переваривать пищу?

Что теперь? Я должна каким-то образом принять в этом участие? Или просто начинаю участвовать в необычном процессе поглощения пищи?

Она решительно оттолкнулась плавниками. Дельфин без инструментов не очень подвижен в подобной среде. Ее обезьяньи кузены — люди и шимпанзе — чувствовали бы себя лучше. Но Пипоу была настроена исследовать этот мир, пока есть силы.

Из маленького бассейна вел пролив. Может, за поворотом скрывается что-то интересное.

ТКЕТТ

Одна из колючих ветвей начала сгибаться, приближаясь к водной поверхности, где ждали они с Чиссис. На конце ее в одной из сфер находилось двуногое существо. Это урс. Изгибая шею, он всматривался блестящими черными глазами.

Ткетт кое-что знал об этом виде. Например, урсы не выносят воду в открытой жидкой форме. Самки урсов размером со взрослого человека, но эта казалась меньше маленьких самцов, от носа до хвоста в ней не больше двадцати сантиметров. В цивилизациях пяти галактик урсы известны как замечательные инженеры. Людям не нравится их запах (чувство это взаимно), но отношения между двумя звездными кланами всегда были сердечными. Среди преследователей землян урсов не было.

Ткетт не знал, почему группа урсов несколько столетий назад явилась на эту планету, основав тайную и незаконную колонию. Ведь Институт Миграции объявил планету заповедной. Как одна из шести рас, урсы теперь скачут по прериям Джиджо, пасут стада и работают с металлом в своих кузницах, где используется тепло вулканических бассейнов лавы. И то, что один из урсов оказался здесь, под поверхностью моря, пугало Ткетта и ставило его в тупик.

Существо, казалось, не подозревает о присутствии дельфинов, наблюдающих за ними снизу. По некоторым внутренним отражениям Ткетт догадался, что прозрачность шара односторонняя. Видны были беглые сцены-отражения на противоположной внутренней стене. Ткетт разглядел холмистую местность, поросшую раскачивающейся травой. Скакали урсы так, будто никакие стены их не ограничивали.

Сфера опустилась ниже, и Ткетт увидел, что она забита бесконечным количеством микроскопических нитей, пересекающих крошечное помещение. Многие нити заканчивались в теле самки урса, особенно в подошвах ее плоских копыт.

Имитаторы сопротивления! Ткетт понял принцип, хотя никогда не видел такого его применения. На Земле проводились подобные эксперименты. Люди и шимпы надевали скафандры и шлемы и заходили в помещение, в котором пол состоял из миллионов игл, и каждая игла контролировалась компьютером. И когда посетитель шел по вымышленной местности — изображение ее он видел в очках своего шлема, иглы поднимались и опускались, имитируя какую-то грубую поверхность под ногами. Очевидно, все эти маленькие помещения действуют по тому же принципу, но гораздо более усовершенствованному и сложному. Огромное количество нитей касалось всех участков поверхности тела, позволяя чувствовать, как ветер ерошит шерсть урса или как ощущается в

руке грубая поверхность инструмента... возможно, даже восхитительные ощущения совокупления.

К Ткетту и Чиссис спустилось еще множество стеблей, на конце каждого — виртуально-реальные плоды с одним существом. Были представлены все разумные расы Джиджо, хотя и уменьшенные в размерах. Чиссис особенно возбудилась, увидев миниатюрных людей, бегающих, отдыхающих или занятых какими-то непонятными делами. Ни один из них, казалось, не знал, что за ним наблюдают.

Все это вызывало неприятное и пугающее ощущение, однако сами субъекты не казались смущенными или испуганными. Напротив, они были энергичны, деятельны, заинтересованы тем, чем занимались. Возможно, они даже не знали истины о своем странном существовании.

Чиссис фырканьем выразила свою тревогу, и Ткетт с ней согласился. Что-то странное в том, как эти микросреды демонстрируются им по очереди, словно разум или разумы, контролирующие весь огромный аппарат, что-то объясняют или хотят начать общение.

Цель — произвести на нас впечатление?

Ткетт немного подумал и неожиданно понял, что все это должно обозначать.

...присутствуют все разумные расы Джиджо...

На самом деле это уже не так. Теперь на планете есть еще одна разновидность мыслящих существ, самая молодая разумная раса из официально зарегистрированных цивилизацией пяти галактик.

Неодельфины.

Конечно, регрессировавшие, подобно бедной Чиссис, разумны лишь отчасти. И Ткетт не питал иллюзий относительно того, что думает доктор Маканай о его собственном душевном состоянии.

Тем не менее по мере того как стебель за стеблем представлял свой плод двум дельфинам, демонстрируя миниатюрные существа внутри — все занятые и, очевидно, вполне довольные своим существованием, — Ткет начинал чувствовать, что его заманивают, его уговаривают.

— Великий Ифни... — вслух произнес он, пораженный тем, что предлагает гигантская машина. — Она хочет, чтобы мы во все это влились!

ПИПОУ

Следующий бассейн, в котором она оказалась, окружала деревня из маленьких сплетенных из травы хижин.

Слово «маленький» не вполне подходит для их описания. Существа, появившиеся из хижин и кишевшие на берегу, смотрели на Пипоу широко раскрытыми глазами, расположенными в головах меньше трети нормального размера.

В основном это были люди и хуны... а также несколько трейков и глейверов... все расы, чьи родичи нормального размера живут всего в нескольких сотнях километров отсюда, на западном континенте Джиджо, известном под названием Склон.

Эти лилипуты поразили Пипоу; сами же они еще больше были удивлены ее появлением и смотрели на нее испуганно. *Я для них словно кит*, поняла она, заметив, что многие потрясают копьями и другим оружием.

Они показывали на ее длинное серое тело, и до нее доносились взволнованные разговоры. Это означает, что их мозг достаточного размера для обладания речью. Пипоу заметила, что головы существ непропорционально велики, отчего эти люди похожи на детей... пока не разглядишь волосатые, покрытые шрамами торсы мужчин или женские груди, набухшие от молока для голодных младенцев. С каждым мгновением шум становился все громче и возбужденней.

Пипоу заговорила, начав с англика, языка вновь возвышенных, который широко используется на Земле. Ее генетически модифицированное дыхало произносило звуки отчетливо и членораздельно.

— Привет, др-р-рузья! Как поживаете?

Она получила ответ, но не тот, на который надеялась. Толпа на берегу торопливо попятилась, испуская испуганные крики. Пипоу показалось, что она разобрала несколько слов на устаревшем диалекте галактического семь, поэтому попробовала этот язык.

Приветствую! Я принесла вам новости о мирном прибытии и дружелюбных намерениях!

На этот раз собравшиеся едва не сошли с ума, возбужденно прыгая и кувыркаясь, хотя вначале трудно было понять, выражение ли это радости или негодования.

Неожиданно толпа расступилась и стихла, от ряда хижин приближалась новая фигура. Это был хун ростом выше остальных карликов. На нем был сложный головной убор, а его раскрашенный горловой мешок под подбородком дрожал и вибрировал, испуская гулкие звуки. Его сопровождали два помощника — люди, — один из которых бил в барабан. Остальные жители деревни повели себя удивительно. Все они опустились на колени и закрыли уши. Вскоре Пипоу различила усиливающийся гомон.

Они гудят. Думаю, они пытаются не слышать, что говорит этот важный парень!

На краю бассейна хун поднял руки и начал петь на необычном варианте галактического шесть.

Духи неба, я призываю вас вашим именем... Катаранга!

Духи воды, я прошу вашей помощи... Дупуссиен!

Моим знанием ваших тайных имен я приказываю вам собраться и окружить чудовище. Защитите народ Истинного Пути!

Так продолжалось некоторое время. Вначале Пипоу растерялась, она словно смотрела документальный фильм о каком-то древнем человеческом племени или о проб'шерах с планеты Хорст. Но потом начала замечать кое-что странное. Из джунглей, окружающих деревню, на гудящих крыльях вылетали насекомоподобные существа. Вначале несколько, потом все больше и больше. Они кружили вокруг поющего шамана, образуя рой в форме спирали.

Тем временем боками Пипоу ощутила водную рябь: собирались еще какие-то существа — на этот раз водные — и направлялись к ближайшей к шаману точке берега.

Не могу в это поверить, подумала Пипоу. Одно дело, когда первобытный шаман пытается вызвать силы природы. Совсем другое — чувствовать, что эти силы отвечают, и отвечают быстро, недвусмысленно зловещим угрожающим поведением.

Представители обоих роев, летающего и плавающего, начали делать стремительные вылазки в сторону Пипоу. Спинными плавниками она ощутила острые болезненные уколы, такие же уколы чувствовались и внизу, на животе.

Они нападают на меня!

Осознание этого вывело ее из ошеломленного состояния.

Пора убираться отсюда, подумала она, когда все больше крошечных существ начало кидаться на нее со всех направлений.

Пипоу развернулась, послав к берегу волну, которая заставила шамана прервать пение и с криком спасаться бегством. И резким толчком на большой скорости начала уплывать.

ТКЕТТ

Когда он уже подумал, что увидел достаточно, один из хрустальных плодов наклонился особенно низко, к самой поверхности воды, и остановился на уровне глаз Ткетта и Чиссис. Стены плода задрожали... и раздвинулись!

Обитатель, крошечный г'кек с колесами на оси по обе стороны от заостренного туловища, подкатил к щели и посмотрел на дельфинов глазами на четырех стебельках. Стебельки начали раскачиваться, когда он смотрел на Ткетта. Потом голосом высоким, но твердым, существо заговорило на галактическом семь, правда, с сильным акцентом.

Мы знаем, что в мире появилась новая раса поселенцев. Но представьте себе наше удивление, когда мы узнали, что новички плавают и нашли нас раньше, чем мы нашли их! Великое Яйцо еще не посылало призывный зов. И специальный робот-коллектор не был послан на берег, чтобы отобрать образцы. Как умно с вашей стороны прибыть вовремя. Ведь остались лишь дни или недели до того предсказанного момента, когда эта Вселенная расколется!

Чиссис нервно задышала, заполняя стерильное помещение быстрым щелканьем, а Ткетт сильно ударил по воде узкой челюстью.

— Я... понятия не имею, о чем ты говоришь, — запинаясь, ответил он.

Глазные стебельки миниатюрного г'кека переплелись. У Ткетта сложилось впечатление, что существо советуется с кем-то. Затем оно подкатилось еще ближе, расплело стебельки и помахало ими Ткетту.

Если тебе нужно объяснение, ты его получишь.

ПИПОУ

Внутри гиганта тянулись один за другим окруженные растительностью бассейны, соединенные настоящим лабиринтом водных путей. Вскоре Пипоу совершенно заблудилась и

начала сомневаться, сумеет ли найти обратную дорогу к пасти чудовища.

Большинство природных зон представляло собой густые джунгли, хотя встречались скалы и пространства, похожие на травянистые степи. Пипоу миновала также несколько деревень с крошечными обитателями. В одном месте в листве виднелось множество рамп и мостиков, все это напоминало фантастического размера американские горки, размещенные среди ветвей. По дорожкам этого удивительного сооружения из дерева скользили на своих колесах многочисленные г'кеки.

Пипоу старалась проплывать мимо деревень незаметно, но ей редко удавалось избегать внимания. Однажды ее преследовал отряд воинов, они ехали на спинах существ, похожих на черепах, стреляли крошечными стрелами и выкрикивали проклятия на странном жаргоне, который она едва понимала. В другой раз к ней устремился роскошно и ярко разодетый воин-урс, он слетел с берега на летающем ящере, который великолепно размахивал крыльями и из пасти которого вырывались крошечные, но пугающие языки пламени. Пипоу торопливо уплыла, и воин продолжал кричать ей вслед, вызывая «морское чудовище» на битву.

Казалось, она очутилась в мире, населенном существами столь же подозрительными, сколь миниатюрными. Несколько раз встречала шаманов и жрецов, стоящих на берегу, жестикулирующих и ритмично выкрикивающих что-то. Они призывали стаи пчелоподобных насекомых, которые начинали жалить Пипоу, и ей приходилось поскорей уплывать. Пипоу окончательно упала духом... и вскоре приплыла в просторный бассейн, по которому плавало множество маленьких лодок под ярко раскрашенными парусами.

К ее удивлению, на этот раз владельцы лодок при виде ее начинали кричать удивленно и радостно, без страха или гнева! С растущей надеждой она последовала за их приглашением к берегу, где под укреплениями великолепного маленького замка на деревянный причал вышла ей навстречу целая делегация.

Предводитель, человек в серой одежде и высокой заостренной шапке, улыбался, делая приветственные жесты, и заговорил на старинном варианте англика:

Многие забыли сказания Первых. Но мы узнали тебя, благородный дельфин! Мы помним о тебе из сказаний, передаваемых

с начала времен. Как удивительно, что ты явился к нам как раз сейчас, когда приближается Время Перемен. Именем Духовных Предводителей мы предлагаем тебе наше гостеприимство и множество слов власти!

Пипоу обдумывала все увиденное и услышанное.

Слова? Что ж, слова могут послужить неплохим началом.

Ей пришлось несколько раз выдуть воздух, прежде чем истратить достаточно нервной энергии, чтобы появилась возможность заговорить.

— Ну хорошо. Не можете ли начать с того, чтобы во имя Ифни рассказать мне, что здесь происходит?

ДАРИТЕЛИ ЧУДЕС

Время Перемен пришло. Мирам предстоит разойтись.

Галактики, недавно связанные кратчайшими путями времени и пространства, скоро рассеются. Древняя цивилизация — включая все планеты, с которых вы пришли, — перестанет существовать. Больше она не будет господствовать в этой части космоса.

Изолированное, это звездное королевство, состоящее из миллиардов звезд и ранее известное под названием галактика четыре, скоро найдет свою новую судьбу, начнет новый яркий век. Было предсказано, что Джиджо даст семена великолепной культуры, не похожей ни на что предшествовавшее. Шесть... теперь уже семь разумных рас, тайно пришедших на эту планету, все беглецы. Они таились, подобно преступникам, на запретном берегу. И они расцветут так, как не в силах показать никакое самое яркое воображение. Они станут основателями великого и удивительного. Предтечами звездных рас, которые населят этот плодородный звездный водоворот.

Но каким будет это общество? Простой копией шумного, непрерывно пререкающегося, яростного конгломерата, существующего в «цивилизованном» мире? Основанного на так называемых науках? На физике, кибернетике и биологии? Мы знаем, что одержимость этими науками ведет к бездуховности. Культура, лишенная юмора, управляемая упрощенцами, которые обо всем судят на основании соотношения цена/прибыль и которые не знают истинных ценностей!

Должно быть нечто гораздо лучшее.

Вспомни, как смотрят на мир недавно возвышенные разумные расы — смотрят с детским удивлением! Что, если можно навсегда удержать это восприятие?

Для тех, кто впервые овладел речью, она сама по себе великолепна и обладает могучей силой. Искусство слов включает в себя все, что может когда-либо понадобиться! Не забывая о прежних животных обычаях, молодые расы используют вновь обретенную способность к самовыражению способами, которые не доступны старшим, более «мудрым» разумам.

Особенно хороши в этом отношении люди, которые провели долгие века в одиночестве на изолированной Земле. У них есть множество названий для этой системы удивительных причин и следствий, традиций, которые возникли во множестве земных племен. Но почти все эти системы имеют общие особенности:

— представление, что мир населен духами, живущими в каждом камне, ручье или дереве;

— готовность воспринимать все события, даже сильные бури и передвижения планет, как имеющие *личное* отношение к наблюдателю;

— убеждение, что на природу могут воздействовать те, кто обладает особыми силами зрения, голоса или мозга, и эти способности возвышают их обладателя над простыми смертными;

— глубокая вера в силу слов, с помощью которых можно управлять миром.

«Магия» — вот слово, которым люди обозначили такой способ восприятия Вселенной.

Мы считаем, что это лучший способ, который порождает драматичность, приключения, яркость и романтику.

Но магия может существовать во множестве форм. И по-прежнему идут споры об отдельных деталях...

РАЗЛИЧНЫЕ ВЗГЛЯДЫ НА ИСКУШЕНИЕ

Вначале Ткетту это объяснение показалось странным и непонятным. Какое отношение имеет оно к необычной подводной машине, чьи внутренности заполнены хрустальными плодами, содержащими разумные существа, каждое из кото-

рых словно получает огромное удовольствие от того, что способно воспринимать только оно?

Тем не менее, как археолог, он обладал определенными знаниями прошлого земных племен, и постепенно в его сознании возникло понимание.

— Вы... вы используете технологию, чтобы дать каждому индивиду его личный мир! Н-н-но в этом есть нечто гораздо большее, верно? Вы хотите сказать, что каждый хун, или человек, или трейк внутри этих хрустальных шаров обладает способностью создавать чары? Они не только манипулируют воображаемыми объектами, не только видят иллюзии... они выкрикивают заклинания и видят, как они осуществляются?

Ткетт несколько раз мигнул, стараясь свыкнуться с этой мыслью.

— Возьмем эту женщину. — И он носом показал на ближайший куб, в котором среди густого облака щупалец сопротивления улыбалась женщина-человек. — Если у нее есть враг, она может слепить глиняную фигурку, воткнуть в нее булавку и произнести заклинание боли?

Маленький г'кек покрутил колеса и ответил приподнятым голосом:

— Ты совершенно прав, о проницательный дельфин! Конечно, ей приходится проявлять творчество. Полезны талант и сильная воля. И она должна твердо придерживаться традиций своего имитируемого племени.

— То есть правила произвольны.

Глаза на стебельках грациозно качнулись.

— Произвольны, но изящны и постоянны. И есть еще одно совершенно обязательное требование. Прежде всего пользователь должен безусловно верить в магию.

Пипоу мигала, глядя на миниатюрного колдуна, стоящего в тени сказочного замка.

— Ты хочешь сказать, что жители этого мира могут с помощью только слов командовать птицами, насекомыми и другими животными?

Она много раз сама была свидетельницей этого, но слышать объяснение тем не менее было странно.

Человек в сером кивнул, говоря быстро и серьезно:

— Особые слова! Сила тайных имен. Условия, которые должен сохранять в тайне каждый пользователь.

— Но...

— Прежде всего большинство животных повинуется только тем, у кого врожденный талант. Индивидам, обладающим большой силой воли. Если бы они подчинялись любому, в основе колдовства были бы страх и зависть. Если *каждый* будет способен это сделать, оно вскоре утратит всякую ценность. Чудо бледнеет, когда становится повседневным.

Говорят, в древней цивилизации именно такой была технология. Вспомни, что произошло вскоре после того, как люди научились летать. Скоро *все* летали в небе, и люди воспринимали это чудо как нечто само собой разумеющееся. Как это трагично! Здесь такого не случается. Мы храним чудеса как редкостный и ценный источник.

Пипоу фыркнула.

— Но все это... — Она слегка ударила по воде челюстями, забрызгав джунгли и крутые утесы за ними. — От всего этого несет технологией! Например, этот нелепый огнедышащий дракон. Очевидный результат биоинженерии! Кто-то создал это существо как... как...

— Как эксперимент? — Одетый в серое маг снисходительно кивнул. Борода его затряслась, и он продолжил горячо говорить своим писклявым голосом:

— Это никогда не было тайной! С того времени, как среди шести рас Джиджо были отобраны наши предки, мы знали, что наша цель — помочь буйурам усовершенствовать их главный план.

Ткетт пораженно отпрянул, забил плавниками в воде. Он удивленно смотрел на многоглазое существо, которое только что объяснило ему суть странного музея миниатюр.

— Б-б-б-буйуры! Они покинули Джиджо миллион лет назад. Как они могли знать о человеческой культуре, тем более создать такую сложную...

— Разумеется, ответ очень прост, — ответил маленький г'кек, глядя несколькими глазами на стебельках из своей раздвинувшейся хрустальной оболочки. — Наши буйуры никогда нас не покидали! С того времени, как первый корабль с беженцами опустился на Джиджо, они незаметно наблюдают и управляют процессом, готовясь к предсказанному дню, когда силы природы перережут все нити связи между четвертой галактикой и остальными.

— Но...

— После великой эвакуации звездных кланов из галактики четыре — пол-эпохи назад — в этом в будущем изолированном звездном королевстве не осталось никаких техноразумных. Оно будет принадлежать нашим потомкам, живущим в культуре, совершенно не похожей на ту страшную культуру, к которой принадлежали наши предки.

Ткетт, конечно, слышал о буйурах — одном из наиболее могущественных народов цивилизации пяти галактик, к тому же обладавшим редким среди межзвездных кланов свойством — чувством юмора... хотя и очень необычным. Говорят, они любили долгие шутки, такие, которые требовалось планировать и осуществлять веками.

Может быть, потому что буйуры считали галактическую цивилизацию скучной и застойной? (Большинство землян с этим согласились бы.) Очевидно, они предвидели конвульсии и перемены, которые сегодня разрывают звездные линии, и миллион лет назад начали готовиться к беспрецедентной возможности по-своему сформировать совершенно новую ветвь будущего.

Пипоу кивнула, начиная хотя бы отчасти понимать.

— Этот левиафан... это огромное органическое существо... не единственный экспериментальный контейнер, бродящий под водой? Есть и другие! Их много?

— Много, — подтвердил маленький седовласый человек-колдун. — Плавучие помещения существуют во множестве форм, и в каждом размещается своя колония разумных существ. И каждое поселение дает своим обитателям возможность вести жизнь, насыщенную магией, хотя способы этой магии очень различаются.

Например, здесь мы, разумные, ведем физически активную жизнь в совершенно реальной среде. Изменились дикие животные, которые нас окружают. Ты ведь знаешь, что буйуры были великими мастерами генной инженерии? В этом экспериментальном царстве каждое насекомое, каждая рыба, каждый цветок знают свое уникальное и тайное *имя*. Узнавая и правильно используя эти имена, маг может располагать огромной властью.

Ткетт слушал, как жизнерадостный г'кек объясняет суть сложного эксперимента, проводимого в царстве хрустальных плодов.

— В нашем поселении каждый из нас живет в своем собственном мире — богатом, разнообразном, предлагающем многочисленные физические возможности, хотя в основном это компьютерная имитация. В пределах такой эрзац-реальности каждый из нас может быть главным жрецом общества или племени. Хрустальные плоды могут быть соединены, и тогда встречаются равные и делятся своим опытом. Это очень яркая и богатая жизнь, в ней гораздо больше стимулов и удовольствий, чем в старом так называемом мире инженерии.

Это мир, в котором вера сама по себе может быть силой, а желания способны осуществляться.

Пипоу смотрела, как серый колдун гладит бороду, объясняя размах эксперимента буйуров.

— В десятках поселений испробовано множество стилей, способов и разновидностей. В некоторых подчеркнута «ощутимая» реальность, в других физические формы полностью исключены и персонажи представляют собой электронные личности в полностью компьютеризированном мире.

Запрограммированные личности. Пипоу узнала эту концепцию. *Дома ее пробовали, но так и не осуществили, хотя утверждалось, что с точки зрения логики это возможно.*

— У всех этих экспериментов есть конечная цель, — объяснял человек, стоя на причале, словно посвящая прозелита, готового к обращению. — Мы стремимся найти наилучший способ организации общества, которое будет процветать на звездных линиях четвертой галактики, когда произойдет полное отделение и исчезнут все прежние гиперпространственные пути. Когда этот звездный остров, состоящий из ста миллиардов звезд, будет в безопасности от вмешательства старой цивилизации, настанет время начать нашу собственную. Цивилизацию, основанную на совершенно новом великолепном принципе.

Анализируя результаты эксперимента в каждом поселении, благородные буйуры совершенно точно будут знать, как организовать это новое царство магии и чудес. И тогда наступит истинно дивный век.

Слушая это, Пипоу покачала головой:

— Ты не похож на древнего средневекового колдуна. Думаю, ты что-то совсем другое, замаскированное. Ты буйур?

* * *

Г'кек поклонился в своем хрустальном шаре.

— Отличная догадка, мой друг дельфин. Хотя, конечно, истина гораздо сложнее. Настоящий буйур весит больше тонны и слегка напоминает земную лягушку!

— Тем не менее ты... — настаивал Ткетт.

— Я имею честь служить посредником...

— ...убедить вас, дельфинов, новых и очень перспективных обитателей Джиджо, присоединиться к нам. Для вас это величайшая возможность яркой жизни, полной приключений, и судьбы, насыщенной чудесами!

Маленький колдун улыбнулся, и Пипоу догадалась, что окружающие ничего не слышали или не поняли. Может быть, они заткнули уши, чтобы защититься от силы слов мага. Или здесь очень редко пользуются англиком. Может быть, это «язык силы».

Пипоу поняла также, что ее одновременно испытывают и предлагают ей сделать выбор.

В этом мире наше существование очень неопределенно. Маканай не уверена, что маленькая стая наших регрессировавших переживет следующую зиму, даже с помощью других колонистов с суши. Да и у шести рас хватает своих трудностей, они отражают нападение пришельцев с Джофура.

Приходится признать, что предложение очень соблазнительно. Пережив несколько недавних бурь на Джиджо, Пипоу понимала, насколько привлекательна перспектива для уцелевших членов экипажа «Стремительного» поселиться в уютном подводном жилище — предпочтительно с большими пространствами открытой воды — и позволить буйурской технологии уменьшить их до размеров, пригодных для новой жизни. Все равно хуже трехлетнего ада в тесных помещениях бедного «Стремительного» не будет.

Предположительно, в будущем, когда эксперимент завершится, их потомкам вернут их истинный размер — после многих поколений, проведенных среди чар и заклинаний.

Это должно у нас хорошо получиться, думала Пипоу. *Мы, дельфины, мастера артистического словесного выражения. В конце концов, что такое тринари, как не наш собственный способ словами убеждать мир? Уговаривать его воспринять яр-*

кие звуковые эхо и сноподобные образы? Убеждать видеть смысл так, как видим его мы, китообразные?

До Пипоу дошла вся соблазнительность этого предложения.

Какая у нас альтернатива? Предположим, мы найдем способ вернуться к цивилизации, зачем нам возвращаться домой? Нас ждет тяжелая участь — в лучшем случае трудная работа, когда требуется отдать полжизни, чтобы овладеть навыками, полезными в технологическом обществе.

Реальная жизнь и вполовину не так хороша, как в рассказах, которые мы читаем в учебниках. Всякий рано или поздно узнает, что мир полон разочарований — Вселенная, в которой добро редко бывает красивым, а зло не обязательно представлено горящими красными глазами. Сложное общество, полное компромиссов и способов извлечения выгоды, различных комитетов и политических противников, всегда обладающих гораздо большей властью, чем они, по твоему мнению, заслуживают.

Кто не предпочтет место, где космос можно уговорить дать тебе все, что ты хочешь? И где достаточно пожелать, чтобы желание осуществилось?

— У нас уже есть два добровольца вашей почитаемой расы, — сказал г'кек, заставив Ткетта удивленно вздрогнуть. Взмахнув глазными стебельками, колесное существо вызвало появление над водной поверхностью голограммы.

Ткетт сразу увидел двух больших самцов дельфинов, спокойно лежащих в сетчатых гамаках; над ними суетились крошечные механизмы, натягивая сеть из какого-то прозрачного материала. Чиссис, до этого задумчиво молчавшая, неожиданно узнала эту пару и закричала на праймале:

#Пойманы! Пойманы в сеть, как они того и заслуживают! #Глупый Заки — противный Мопол!#

— Ифни! — воскликнул Ткетт. — Кажется, ты прав. Но что с ними делают?

— Они уже приняли наше предложение, — уклончиво ответил посредник. — Скоро эти двое будут жить в мире голографических и сенсуальных наслаждений на борту другой экспериментальной станции. Их будущее обеспечено, и позволь заверить тебя — они будут счастливы.

— Ты уверен, что эти двое не на борту этого корабля, близко от меня? — нервно спросила Пипоу, глядя, как Заки

и Мопол превращаются в крошечное изображение после волшебной фразы и взмаха руки мага.

— Нет. Твои спутники последовали за призывом из соседней экспериментальной клетки — их чувствам она представлялась гигантом, напоминающим ваших земных голубых китов. После того как их приняли на борт, предварительный осмотр показал, что им лучше будет жить в мире чистой фантазии. Они с готовностью приняли наше предложение.

Пипоу кивнула, шокированная не только полным отсутствием собственных эмоций — положительных или отрицательных, — вызванных окончательным избавлением от мучителей. Они ушли из ее жизни, и это было все, что ее интересовало. Пусть Ифни решит, как рассматривать их будущее — как пожизненное заключение или как своего рода рай.

Что ж, теперь по крайней мере в их распоряжении любая самка, какую только пожелают, подумала она. *Я счастливо от них избавилась.*

Но сейчас важнее сосредоточиться на других проблемах.

— А что вы запланировали для меня?

Серый волшебник убеждающе развел руки.

— Ничего пугающего или обременительного, о достопочтенный друг дельфин! В данный момент мы просто просим тебя сделать выбор! Присоединишься ли ты к нам? Мы никого не заставляем. Но как можно отказываться? Если тебя не устраивает один стиль жизни, выбери другой! Выбирай любой из многочисленных зачарованных миров и будь уверен, что твои потомки займут достойное место среди создателей чудес, которые установят новый порядок среди миллионов солнц.

Ткетт видел последствия, далеко выходящие за рамки самого предложения. План буйуров — его размах, поразительные масштабы их замысла — на время лишил его дара речи.

Они собираются запустить целую галактическую цивилизацию, основанную на том, что считают идеальным образом жизни. Очень скоро, после того как так называемое «Время Перемен» оборвет старые межгалактические связи, буйуры освободятся от всяких ограничений закона и обычаев, которые правили кислорододышащими цивилизациями в течение последнего миллиарда лет.

И тогда с этой планеты поднимется новая волна кораблей, с экипажами из представителей семи рас Джиджо, ими будут командовать смелые капитаны, колдуны и короли... помесь тем старой сайенс фикшн и фэнтези... они устремятся навстречу приключениям! В течение нескольких столетий они будут сражаться с опасностями, развеивать угрозы, открывать и возвышать новые виды. Постепенно люди, урсы, трейки и остальные станут почитаемыми лидерами в галактике, вечно заполненной высокой драмой.

В этом царстве самый страшный ужас будет вызывать скука. Спокойствие станет самым тяжелым преступлением. Об этом позаботятся его подлинные хозяева буйуры.

Подобно великому волшебнику из страны Оз, манипулирующему рычагами из-за занавеса, буйуры с помощью своей высочайшей технологии будут поставлять чудеса. Вам нужны драконы? Они с помощью генной инженерии создадут их. Тайные фабрики будут создавать морских чудовищ и кислотнодышащих чужаков, всегда готовых к битве.

Это будет галактика, управляемая волшебниками, мастерами спецэффектов! Вечный парк чудес, обитатели которого пользуются волшебными заклинаниями, вместо того чтобы изобретать и собирать то, что им нужно. Колдуны и монархи заменят скучных законодателей, порыв вытеснит расчет, а списки тайных имен встанут на место физики.

И потомки наши не станут задавать слишком много вопросов и не посмеют отдернуть занавес, чтобы выставить волшебника из страны Оз на всеобщее обозрение. Те, кто попытается это сделать, не будут иметь потомков!

Окруженные искусными махинациями, люди со временем забудут о существовании законов природы.

Они будут процветать в ярких вымышленных королевствах, вечно выступать в героические походы, триумфально возвращаться из них или храбро умирать... но никогда не станут спрашивать почему.

Ткетт размышлял об этом, заполняя окружающую воду всплесками и сонарным щелканьем. Чиссис, которая большую часть сложного объяснения г'кека не поняла, раскачивалась поблизости в такт мыслям Ткетта.

Наконец он решил, что понял подлинный смысл предложения.

Ткетт подплыл к хрустальному кубу, подняв один глаз так, что он стал вровень с миниатюрным представителем могучих буйуров.

— Думаю, я понял, что здесь происходит, — сказал он.

— Да? — оживленно спросил маленький г'кек. — И каково твое мудрое мнение, о друг дельфин? Что ты думаешь о нашем великом плане?

Ткетт высоко поднял голову, взбив воду и испустив громкий хохот из дыхала. В то же время его щелкающий лоб выпустил сардоническую хайку тринари:

> Иногда болезненные натуры
> создают своими узкими мозгами
> истинно глупые шутки!

Некоторые аспекты предложения очень неприятны, как, например, самодовольное и вечное превосходство буйуров в грядущем мире. Однако Пипоу испытывала искушение.

В конце концов, что ждет нас здесь, на Джиджо? Рабство у джофуров? Или убежище в благословенной тупости, которое обещают мудрецы, если мы последуем так называемым Путем Искупления? Разве это предложение — не чудесный выход, позволяющий отказаться от выбора между двумя этими в равной степени нежелательными судьбами?

Она попыталась забыть о своих опасениях, сосредоточившись на преимуществах плана буйуров. А их, этих преимуществ, много. Например, жизнь в космосе, где скрытая технология исправляет ошибки природы. Разве не жестоко со стороны Творца создать Вселенную, в которой не исполняются самые пылкие желания? Вселенную, в которой на молитвы получают ответ только в глубине души? Ведь план буйуров усовершенствует эту Вселенную для миллиардов и триллионов. Для всех обитателей галактических цивилизаций. Трудно охватить великодушие таких размеров.

Она сопоставила это честолюбивое предложение с культурой, которая ожидает выживших членов экипажа «Стремительного», если им удастся вернуться домой, в четыре галактики, где мириады соперничающих раздражительных и капризных рас бесконечно ссорятся друг с другом. Слишком полагаясь на древнюю Библиотеку развитых технологий, они редко создают что-нибудь истинно новое. И самое главное —

в этом мире стремления индивида всегда подчиняются потребностям нации, расы, клана или философии.

И с этой точки зрения будущее, предлагаемое буйурами, выглядит предпочтительней.

Какая-то часть сознания продолжала настаивать: *Это наша единственная возможность. Что, если мы найдем альтернативу этому превращению в односторонних...*

Пипоу яростно отбросила это сомнение, убрала в самые далекие отделы сознания.

— Я хотела бы узнать больше, — сказала она серому колдуну. — Как насчет моих товарищей? Остальных дельфинов, живущих на Джиджо? Разве они вам не нужны?

— Нужны, чтобы создать генетически разнообразную колонию, — согласился представитель буйуров. — Если ты согласишься присоединиться к нам, мы попросим тебя вначале попытаться убедить остальных.

— Просто из любопытства: а что будет, если я откажусь?

Колдун пожал плечами.

— Твоя жизнь будет продолжаться, как раньше, так, словно ты никогда с нами не встречалась. Мы полностью сотрем из твоей памяти воспоминания об этом посещении, и тебя отправят домой. Позже, когда у нас будет возможность усилить наше предложение, мы пошлем в вашу стаю своих представителей. Но ты услышишь наше предложение словно в первый раз.

— Понятно. И опять — у тех, кто откажется, воспоминания будут стерты... до следующего вашего возвращения. Похоже, вы оставляете за собой большие преимущества в наборе новообращенных.

— Может быть. Тем не менее мы никого не заставляем присоединиться к нам вопреки своему желанию. — Маленький человек улыбнулся. — Так каков твой ответ? Поможешь передать послание твоим товарищам? Мы чувствуем, что ты нас понимаешь и симпатизируешь нашим попыткам создать лучший мир. Поможешь обогатить Великое Блюдо Объединенных Рас деликатесным дельфиньим привкусом?

Пипоу кивнула:

— Я передам ваше послание остальным.

— Отлично! На самом деле ты уже начала, даже не выходя за пределы нашего поселения. Могу тебе сообщить, что двое

твоих соотечественников находятся на борту одного из соседних судов... кажется, эти двое с трудом способны оценить чудеса предлагаемой нами жизни.

— Неужели Заки и Мопол! — Пипоу оттолкнулась спинными плавниками и нервно защелкала. Она не хочет иметь с ними ничего общего.

— Нет, нет, — успокоил ее волшебник. — Пожалуйста, подожди немного спокойно, мы откроем канал между судами, и ты сама увидишь.

ТКЕТТ

— Здравствуй, Пипоу, — обратился он к возникшему впереди изображению. — Я рад, что ты хорошо выглядишь. Мы все очень беспокоились о тебе. Но, увидев Мопола и Заки, я понял, что ты должна быть где-то поблизости.

На голограмме видна была стройная молодая самка дельфина; выглядела она действительно прекрасно, хотя и казалась слегка уставшей; ее бассейн окружали джунгли, на берегу виднелся миниатюрный замок. Ткетт мог бы многое сказать о стиле «эксперимента» на борту именно этого корабля, просто наблюдая за толпой собравшихся на берегу туземцев. Некоторые были одеты как рыцари в доспехах, они сидели верхом на конях, а крестьяне в живописных нарядах снимали шляпы, приветствуя проезжающих дам и господ. Совсем другой подход, чем тот, что в *этом* корабле со свисающими хрустальными плодами — полупрозрачными обиталищами, в котором каждый погружен в виртуальную реальность.

Но базовый принцип тот же самый.

Привет, Ткетт, — ответила Пипоу. — *Это Чиссис с тобой? У вас обоих все в порядке?*

— Вполне, я думаю. Хотя чувствую себя героем какого-то глупого патерналистского розы...

Разве это не замечательно? — прервала Пипоу, не давая Ткетту закончить. — *Мечтатели многие века создавали свои утопии. Но эта действительно р-р-работает!*

Ткетт удивленно смотрел на нее, не в силах поверить собственным ушам.

— Неужели? — спросил он. — А как же свободная воля?

Буйуры предоставят все, что тебе нужно.

— А как же истина?

Существует много истин, Ткетт. Бесчисленное количество субъективных интерпретаций, которые расцветут в будущем, заполненном потрясающим разнообразием.

— Вот именно — субъективных! Это древнее и п-п-п-презренное искажение слова «истина», как тебе отлично известно. Разнообразие замечательно, конечно. Действительно, может существовать много культур, много форм искусства, даже много стилей мудрости. Но *истина* в том, чтобы найти то, что реально, что в данных условиях повторяется и поддается проверке, нравится тебе это или нет.

Пипоу пренебрежительно фыркнула.

А в чем же здесь забава?

— Жизнь предназначена не для забавы и не для того, чтобы получать что хочешь. — Ткетт чувствовал, что у него выворачивает внутренности и в пищеводе появляется горькая желчь. — Пипоу, есть такое понятие — взросление! Это значит постигать, как на самом деле устроен мир, вопреки тому, что ты о нем думаешь. Объективность означает, что я принимаю утверждение: Вселенная не вращается вокруг меня.

Иными словами, жизнь — это ограничения.

— Которые преодолеваются с помощью знаний! С помощью новых инструментов и умений.

Инструментов, сделанных из мертвой материи, сконструированных компьютерами, произведенных в огромных количествах и проданных в магазинах.

— Да! Комитеты, группы, организации и предприятия — все это состоит из индивидов, которым приходится ежедневно подавлять свое эго, чтобы сотрудничать с другими людьми, и идти при этом на бесчисленные компромиссы. В детских фантазиях все совсем по-другому. Не это мы храним в глубине души, Пипоу. Я это знаю! Но именно взрослые и приводят мир в движение.

— И что плохого в том, чтобы купить чудо в магазине? Мы принимаем как должное чудеса, за которые наши предки отдали бы свои плавники. Разве не этого они хотели для нас? Ты предпочитаешь мир, в котором все лучшее предназначено для колдунов и королей?

Ткетт почувствовал резкий толчок в бок. Боль заставила его повернуться, хотя он был по-прежнему очень сердит и слегка сбит с толку.

— В чем дело? — резко спросил он у Чиссис, хотя знал, что маленькая самка не сможет ему ответить.

Она попятилась от его мощного корпуса и гнева и приняла положение покорности, опустив рыло. Но из ее лба послышался краткий всплеск ядовитого праймала:

#дурак дурак дурак дурак
#дурак продолжает говорить по-человечески
#а море старается научить#

Ткетт замигал. Чиссис выразила свою мысль очень ясно. Похоже на детское стихотворение-дразнилку тринари, которой его научила в детстве мать.

С огромным трудом взяв себя в руки, он заставил себя задуматься.

А море старается научить...

Это обычный для дельфинов оборот речи, означающий, что нужно заглянуть под поверхность, открыть скрытое значение.

Ткетт снова повернулся к голограмме, сожалея, что она создана существами, слишком полагающимися на зрение и не обращающими внимание на тонкости звуковой трансмиссии.

Подумай об этом, Ткетт, продолжала Пипоу, словно их разговор и не прерывался. *Дома мы, дельфины, самая молодая разумная раса бедного презираемого клана, и нам постоянно угрожает опасность быть завоеванными или уничтоженными. Теперь же нам предлагают положение наверху нового пантеона, выше только сами буйуры.*

Больше того, мы как раз для этого подходим! Подумай о том, как чувства дельфинов способны расширить возможности колдовства. Наши основанные на звуках сны и картины воображения. Наше любопытство и бесстрашное стремление к приключениям. И это только намек на возможности, которые могут перед нами открыться...

Ткетт сосредоточился на изменчивом фоне. На меняющихся импульсах, стонах и щелканьях, которые создают среду речи каждого дельфина. Вначале кажется, что Пипоу испускает самую обычную смесь сонарных и создаваемых дыхалом призвуков.

Потом он различил одну-единственную фразу на праймале... вплетенную в логическую ткань разумной речи:

#спи об этом спи об этом спи об этом спи об этом#

Вначале смысл фразы ускользал от него. Казалось, он подкрепляет остальные аргументы Пипоу. Так зачем делать из него секрет?

Но тут он догадался о другом значении.

О чем-то таком, о чем не подумали даже могущественные буйуры.

ПИПОУ

Отплытие из подводного поселения было гораздо веселым и живописным, чем прибытие.

Над головой летали драконы, изрыгая языки пламени, но воспринимались они очень дружелюбно. Целые флоты кораблей, начиная от каноэ и кончая украшенными драгоценными камнями галерами, на которых трудились потные гребцы, сопровождали ее из бассейна в бассейн. На берегу местные колдуны разыгрывали в ее честь грандиозные спектакли — к испугу и благоговейному восторгу зрителей. А Пипоу плыла мимо рыбьих стай, чья чешуя казалась неестественно яркой.

Смешение культур шести рас создало необыкновенное разнообразие, и каждая деревня поражала уникальностью своего архитектурного стиля. Создавалось общее впечатление гордости и яростного соперничества. Однако сегодня все распри, все раздоры, героические поиски и благородные кампании — все это было забыто, чтобы можно было посмотреть на нее.

— Видишь, как мы предчувствуем успех твоей миссии, — заметил серый колдун, когда они достигли последнего помещения. В космическом корабле здесь много места занял бы шлюз, холодный и металлический. Но здесь, когда открылась огромная пасть, неожиданно впуская ветер и солнечный свет, почувствовалась жизнь.

Очень любезно с их стороны, что они поднялись на поверхность, избавив меня от неудобств подъема из бездны.

— Передай другим дельфинам, что их ждет радость! — крикнул вслед Пипоу маленький маг, когда она через раскрытые

челюсти выплывала к свету. — Расскажи им о яркости и приключениях! Скоро дни экспериментов кончатся, и все это примет полный размер, и вся Вселенная будет нашим домом!

Пипоу растопырила плавники, тормозя, и оглянулась на маленькую фигуру с широко распростертыми руками; послушные живые существа образовали вокруг ее головы светящийся нимб.

— Обязательно скажу, — заверила она.

Пипоу повернулась и углубилась в холодное море, устремляясь к утренней встрече.

ТКЕТТ

Он пришел в себя и с удивлением обнаружил, что плывет на полной скорости, прыгая и ныряя под широкие океанские волны, ритмично и мощно работая плавниками.

В других обстоятельствах пробуждение в стремительном движении могло бы сбить с толку. Но с обоих боков Ткетта плыли два дельфина, абсолютно синхронно повторяя каждый его прыжок и нырок. Это позволяло ему буквально спать на плаву.

Как долго это продолжается?

Он не знал. Похоже, час или два. А может, и дольше.

За собой Ткетт слышал низкое гудение двигателя саней, следовавших за тремя дельфинами на автопилоте.

Почему мы не пользуемся санями? удивился он. В крайнем случае три дельфина входят в рубку. И тогда они быстрее добрались бы до Маканай и доложили...

Он вынырнул, выдыхая затхлый воздух и вдыхая свежий, совершая каждое движение с безупречным совершенством, в то время как мозг его работал в необычном смятении.

...доложили бы, что Монол и Заки мертвы.

Мы нашли Пипоу живой и здоровой, она плыла в открытом океане.

А что касается звуков «двигателя», который мы должны были исследовать...

Ткетт был почему-то уверен, что за этим скрывается какая-то история. История, которую позже объяснит Пипоу. Когда решит, что настало время.

Нечто удивительное, процитировал он, сам не понимая откуда. Словно ниоткуда устремлялся поток энергии, готовя

Ткетта к восприятию, когда Пипоу сообщит дельфинам хорошую новость.

Он сам не понимал, откуда знает это, но был уверен, что за ними следуют не только сани.

— Добро пожаловать в мир живых, — приветствовала его Пипоу на сжатом подводном англике после очередного выныривания.

— Спасибо... что-то я не очень соображаю.

— Что ж, неудивительно. Ты очень долго полуспал. Можно сказать, что ты *полупроспал* нечто очень важное.

Что-то в ее словах зажгло в нем яркую искру — подействовало, как отключенный предохранитель, нарушив плавное скольжение Ткетта в воде. Он вошел в воду под неверным углом и болезненно ударился мордой. Потребовались немалые усилия, чтобы снова занять место между двумя самками и двинуться в ритме группы.

Я... спал. Я проспал.

Вернее, проспала только половина его.

И он начинал постепенно понимать, почему это так важно.

В цивилизации пяти галактик очень мало разумных, живущих в воде, думал он, потянув за одну из ниточек, соткавших покрывало его спокойствия. *Думаю, буйуры никогда и не догадывались...*

В черепе слева направо прокатилась волна боли, словно часть мозга, до сих пор затекшая, внезапно ожила.

Буйуры!

Мгновенно хлынули воспоминания. Хлынули неровным потоком.

Начиная свой эксперимент, они не рассчитывали на расу водоплавающих. Они слишком много времени провели на океанском дне. У них не было возможности изучить нас. Подготовиться к встрече.

И в особенности они не учли, как работает мозг китообразных.

Дышащее воздухом животное, живущее в воде, сталкивается с особой проблемой. Даже после миллиона лет эволюции в водной среде дельфинам постоянно грозит опасность утонуть. Поэтому сон для них далеко не простая задача.

Они решили эту задачу так: полушария мозга дельфина спят по очереди.

Подобно людям, дельфины обладают сложной внутренней жизнью, их психика состоит из множества временных или постоянных подличностей, которые должны уживаться друг с другом в пределах одной личности. Этот союз стал еще более проблематичным, когда люди — генные инженеры — стали превращать невозделанных дельфинов в разумную расу. В противопоставлении полушарий сосредоточено особенно много трудностей и проблем, включая сложнейшие беседы и согласования двух половинок.

Но иногда это оказывается преимуществом.

То полушарие, которое знало о буйурах — оно спало, когда на другое полушарие была наложена амнезия, — обладало гораздо меньшими языковыми способностями. Поэтому вначале удалось выразить в словесном виде только некоторые концепции. Ткетту приходилось повторять зрительные и звуковые образы, объединяя и экстраполируя их, поддерживая сложный обмен вопросами между двумя половинами самого себя.

Это дало ему более глубокое проникновение в проблему и позволило по-настоящему оценить таких, как Чиссис.

Я был бесчувственным ублюдком, понял Ткетт.

Эта мысль выразилась в виде невысказанного извинения в сонарных эхо. И когда в следующий раз они одновременно взвились в воздух, Чиссис коснулась его боком. В этом прикосновении было прощение.

— Итак, — заметила Пипоу, когда прошло достаточно времени и мысли Ткетта обрели четкость, — мы договорились, что скажем Маканай?

Ткетт собрался с решимостью.

— Мы расскажем ей все... и еще кое-что!

Чиссис согласилась с этим.

#Скажите им скажите им
#Насмешники над чудищами
#Обещают все что угодно
#Но отбирают свободу!#

Ткетт фыркнул. Какая элегантность тринари в этом всплеске праймала, созданном маленькой самкой, она напоминает

экспрессивность поэта и исследователя; такой была Чиссис до того, как три года в аду на борту «Стремительного» привели ее к регрессу. Кажется, один уголок начинает поворачиваться в противоположном направлении. Может быть, это только вопрос времени и постепенно все члены экипажа вернутся к полному разуму... и ко всем тревогам, которые связаны с этой радостью.

— Что ж, — заметила Пипоу, — с какой-то точки зрения буйуры предлагают нам даже больше свободы. Наши потомки имели бы обширный круг личных выборов. У них было бы больше возможностей осуществить свои желания. Больше мечтаний осуществилось бы.

— Но в виде фантазий и эскапизма, — отозвался Ткетт. — Буйуры превратили бы всех в эготистов... в солипсистов! В реальном мире приходится расти постепенно и учиться общаться с окружающими. Встраиваться в культуру. Уметь быть членом команды, становиться партнером. Ифни, какие усилия требуются для хорошего *брака!* Очень тяжелая работа и множество компромиссов, и все это приводит к результатам, которые каждый в отдельности не мог себе даже представить!

Пипоу коротко удивленно свистнула.

— Ай да Ткетт! Мне кажется, ты в своем пуританском, с плотно закрытыми клапанами стиле — романтик.

Чиссис присоединилась к мягкому дразнящему смеху Пипоу, так что он стереофонически доносился с обеих сторон. Человек в таком положении покраснел бы. Но дельфины не могут скрыть свои эмоции друг от друга и редко пытаются это сделать.

— Серьезно, — продолжал Ткетт. — Я буду сражаться с буйурами, потому что они намерены бесконечно держать нас в детском манеже, лишая права взрослеть и самим постигать устройство Вселенной. Магия, возможно, романтичней науки. Но наука *честна*... и она действует.

— А ты, Пипоу? Ты почему?

Последовала долгая пауза. Потом Пипоу ответила с поразительной злостью:

— Терпеть не могу все это королевско-волшебное дерьмо! Неужели кто-то должен править, потому что его отец был помпезным правителем? Неужели все птицы, рыбы и звери должны повиноваться тебе только потому, что ты знаешь тайные слова и не желаешь делиться ими с остальными? Или

потому, что у тебя громкий голос, а твой эготизм сильней, чем у остальных?

— На Земле мы боролись за то, чтобы освободиться от таких нелепых представлений... или люди по крайней мере боролись. Они никогда не помогли бы нам, дельфинам, подняться к звездам, если бы предварительно не порвали с такими дурацкими представлениями.

— Хочешь знать, почему я буду сражаться с буйурами, Ткетт? Потому что там место для Мопола и Заки. Один из них сейчас воображает себя суперменом, а другой — морским царем.

Три дельфина плыли молча, а Ткетт размышлял, что означает их решение. По всей вероятности, сопротивление окажется тщетным. Ведь буйуры невообразимо могущественны, да и готовились полмиллиона лет. И предложение их заставляет померкнуть все предыдущие искушения. Среди шести рас на берегу — да и в маленькой колонии дельфинов — многие предпочтут принять это предложение и станут помогать принудительно делать новый мир полным волшебных чудес.

У нас никогда не было такого врага, понял Ткетт. *Такого, который пользуется нашей величайшей слабостью, предлагая осуществить все наши мечты.*

Конечно, одну возможность они не стали обсуждать. Может быть, они видели только поверхностный слой гораздо более сложного плана... может быть, исключительно длинного и абсолютно несмешного розыгрыша.

Не важно, думал Ткетт. *В любом случае нам нужно сражаться, иначе мы никогда не станем достаточно сильными и мудрыми, чтобы «понять» шутку. И никогда не сможем отплатить буйурам чем-то подобным. Не сможем, если они будут контролировать нас тайными рычагами, как волшебник из страны Оз.*

На какое-то время их охватило настроение мрачной безнадежности. Все молчали, но сонарные пощелкивания всех троих объединялись и растворялись вдалеке. Возвращавшееся эхо словно приносило подтверждение моря о серьезности их положения.

Никаких шансов. Но все равно — удачи!

Наконец маленькая Чиссис прервала мрачное молчание: весь последний час она напряженно сочиняла собственный философский глиф тринари.

В каком-то смысле это было предуведомление: она готова вернуться к трудностям разумности.

В то же время глиф представлял собой ее манифест. Оказывается, у нее была другая причина бороться с буйурами. Причина, которую не выразили Пипоу и Ткетт, хотя у них она вызвала глубокий отклик.

И неясные туманы мечты,
И ослепительно яркое сияние дня
Предоставляют сокровища ищущему,
Дают возможность бесценных вдохновений.

Одно дает открытое, честное знание
И мастерство, творящее чудеса.
Но другое (столь же необходимое)
Переполняет душу и заставляет биться сердце.

Зачем нам их эрзац-магия?
Зачем нам их вымышленные чудеса?
Бог и Ифни создали космос.
Он полон чудес... давайте жить ради них!

Пипоу восхищенно вздохнула:

— Я не могла бы сказать лучше. К черту старых уродливых лягушек! Мы создадим свою магию!

Они устали, и солнце уже уходило за горизонт, когда увидели вдали очертания берега и уловили дельфинью болтовню. Но трое продолжали быстрое движение в шелковых водах Джиджо.

Несмотря на все свидетельства логики и чувств, день по-прежнему казался утром.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Я редко пишу две научно ориентированные «космические» книги подряд. Есть так много возможностей, так много декораций для рассказов, и мне нравится чередовать более «взрослые» романы с такими, где действие происходит на земле в почти вероятном будущем. Тем не менее моя серия романов о Возвышении, действие которых происходит в далеком будущем, оказалась достаточно популярна, что заставило меня недавно написать трилогию: «Риф Яркости», «Край бесконечности», «Небесные просторы». Вместе с тремя более ранними романами — «Прыжок в Солнце», «Звездный прилив» и «Война за Возвышение» — они рассказывают о многочисленных приключениях в гордом незабываемом стиле космической оперы... хотя я надеюсь, что к энергии и фантастическому порыву примешиваются и некоторые мысли.

На одном уровне в этих книгах рассматриваются моральные, научные и эмоциональные следствия «Возвышения» — попытки с помощью генетической инженерии ввести высших животных в нашу цивилизацию, придав им человеческие мыслительные способности. Этой концепции касались многие другие авторы (например, Г.Д. Уэллс, Пьер Буль, Мэри Шелли и Кордвайнер Смит), но все они подходили с одной стороны, полагая, что этот процесс приводит к печальным результатам: люди, наделяющие животных этим даром, сами безумны и заканчивают установлением грубых взаимоотношений «хозяин-раб» со своими созданиями.

Конечно, таков один из возможных (и презренных) исходов. В этих произведениях здоровая мораль. Но такой подход полностью выработан, поэтому я выбрал другой. Что, если когда-нибудь человек, ведя животных к разуму — а я

верю, что когда-нибудь это осуществится, — будет руководствоваться моралью современного либерального общества? Исполненные возвышенной гипертерпимостью и насыщенной чувством вины тревогой, неужели мы сможем погубить своих клиентов *добротой?* Гораздо важнее то, что этот новый вид разумных существ столкнется с собственными реальными проблемами, даже если с ним будут хорошо обращаться. Приспособление будет тяжелым. Чтобы вызвать симпатию к тяжелой борьбе новых существ, совсем не обязательно изображать их рабство.

Когда я обдумывал концепцию Возвышения, мне пришло в голову, какой она может показаться чуждым существам, которые многие эпохи уже странствуют меж звезд, встречая бесчисленные предразумные жизненные формы и давая каждой из них толчок, создавая новые поколения звездных путешественников, которые то же самое проделают с другими, и так далее. В результате возникла поразившая меня картина гигантской галактической культуры. Такая культура имеет огромные преимущества, но, возможно, склонна к своего рода культурному консерватизму — одержимости прошлым. Теперь предположим, что с этой обширной древней культурой сталкивается молодой клан землян, не только людей, но также дельфинов и шимпов. Как встретят новичков? Как будут с ними обращаться? И как будем реагировать мы?

В очень многих фантастических сюжетах предполагается необъяснимое состояние нарушения равновесия; люди неожиданно сталкиваются с чужаками, которые находятся как раз на нужном уровне развития, чтобы стать интересными соперниками или чужаками. Но на самом деле обычным состоянием будет состояние *равновесия* — равновесия закона и, может быть, смерти. Мы можем оказаться Первой Расой, как рассматривается в моем рассказе «Хрустальная сфера», или поздними пришельцами, как изображено в серии «Возвышение». Но в любом случае мы вряд ли встретимся с чужаками как с равными.

Моим вторым мотивом при создании этой серии была экология. То, что мы сейчас делаем на Земле, заставляет меня опасаться, что в галактике уже могут существовать районы «лесных пожаров» — экологических катастроф. Обычный фантастический сюжет изображает смелых поселенцев, кричащих: «Давайте завоюем Вселенную!» Дикий фронтир — весь-

ма многообещающий образ, но безрассудное распространение может в считанные годы создать экопустыни. Если так уже случалось в прошлом, это могло бы объяснить, почему ученые не слышат в галактике ничьих голосов. Такого развития события можно было бы избежать, если бы что-то регулировало порядок освоения планет колонистами, заставляя их учитывать долговременные последствия. Вселенная Возвышения представляет одну возможность, как это могло бы происходить. Несмотря на всю свою непостижимость и временами отвратительность, мои галакты на первое место ставят сохранение планет, поселений и потенциала новой разумной жизни. В результате возникает шумная, драчливая Вселенная, однако заполненная многообразием, которого в противном случае не было бы.

Конечно, очень интересной была задача проникновения в головы шимпов и неодельфинов. Концепция Возвышения предоставляет автору почти неограниченные возможности. Если характеры кажутся излишне человеческими, то это естественный результат генетического и культурного воздействия, которое потребовалось, чтобы сделать их членами земной культуры. Но с этой безопасной почвы я продолжал свои исследования, обратившись к более древним и естественным инстинктам приматов и китообразных, одновременно облагораживающим и таким, которые могут привести в смущение гордого человека — так призрак древней дочеловечности иногда тревожит мужчин и женщин современной эры. В неодельфинах я в особенности старался объединить последние научные данные о моделях познания, свойственных китообразным, с моими собственными воображаемыми экстраполяциями их «культурной» и эмоциональной жизни.

Наконец, подобно любому хорошему сюжету, каждый роман о Возвышении имеет дело с борьбой добра и зла — или с неясной областью между этими двумя понятиями. Одна из концепций, которые я рассматривал в последнее время, заключается в коварном и высокомерном, но одновременно очень распространенном предположении, что *слова* важнее *действий*.

Столетиями идет спор между теми, кто верит, что идеи в своей сути опасны и пагубны, и теми, с другой стороны, кто считает, что мы можем вырастить из смелых детей зрелых взрослых, способных критически воспринимать и оценивать каждую идею с ее достоинствами и недостатками. Даже се-

годня существуют политические течения, которые полагают, что некая элита (правая или левая) должна защищать массы от опасных образов и впечатлений. Те же самые люди часто учат, что «подумать о чем-то то же самое, что сделать это».

Очевидна связь с этим возрождения «волшебства» в фантастической литературе. Главные герои, обладающие магическими способностями, всегда лучше, сильнее и могущественнее других — не потому, что заслужили этот статус с помощью подготовки, стараний, споров, но потому, что некая истинно волшебная сила или власть поставила их выше остальных. В таких фантастических обществах сила либо наследуется, либо коренится во всепоглощающем эго сверхчеловека, в его способности все подчинять своей воле. С презрением отвергаются или забываются объединенные усилия профессионалов, которые принесли в этом столетии подлинные чудеса науки и свободы. Те, кто способен создавать волшебные слова, изображаются более могущественными, чем те, кто способен на дела, особенно если эти слова тайные, могущественные и, конечно, не подлежащие передаче простым невежественным крестьянам. Такой тип литературы отвергает принцип равенства западной цивилизации, обращаясь к более древним традициям, которые восхваляли и оправдывали власть элиты над народом.

В моем рассказе «Искушение» — ответвлении от сюжета «Края бесконечности» — мы сталкиваемся с древним зловредным представлением, с вечным искушением мысли, осуществляющей желания. Дельфины приходят к выводу, что можно объединить науку и искусство. Мы можем объединить честность с экстравагантным самовыражением. Мы не ограниченные существа.

Но до настоящего времени огромный вред причиняют те, кто считает, что главное — принуждение.

Не все субъективно. Главное — то, что в реальности. Главное — это истина. Это по-прежнему слово, обладающее глубоким смыслом.

Дэвид Брин

РОБЕРТ СИЛВЕРБЕРГ
ВЕЧНЫЙ РИМ

«Земля обетованная» (1989)
«Сказки Венийского леса» (1989)
«Аванпост Империи» (1991)
«Дорогой Рима» (1994)
«Ожидание конца» (1998)

Произведения из серии «Вечный Рим» основаны на принципе альтернативной истории. Автор предлагает сценарий, согласно которому древние евреи остались в Египте, а не ушли из него под водительством Моисея, как об этом рассказывается в Книге Исхода. Поскольку из этого следует, что евреям не удалось осесть в Палестине, то Иисус из Назарета так и не родился, христианство не возникло, а Рим остался языческим. История Рима в этом альтернативном варианте, во всяком случае, на отрезке от основания города и до четвертого века в основном идентична истории нашего Рима.

Империя возникает при Августе, расширяется при Траяне, Адриане и Марке Аврелии. В дальнейшем наступает ухудшение положения государства в третьем веке в период военной диктатуры, а при Константине Великом Империя распадается на западную и восточную части.

После Константина, который в нашей Вселенной сделал христианство официальной религией Империи, история идет другим путем. Империя, вместо того чтобы ослабеть в ре-

---

«Getting to Know the Dragon». ©Agberg, Ltd, 1999. ©Перевод. В.П. Ковалевский и Н.П. Штуцер, 200[illegible]

зультате распрей между наследниками Константина, как это случилось в нашей истории, и политических дрязг, связанных с изменением шкалы моральных ценностей, вызванных внедрением христианства, наоборот, развивается и растет территориально в течение пятого столетия и окончательно укрепляется в период, который у нас называется Темными веками, отбивает агрессию варваров и становится мировой империей, простирающейся от Британии до рубежей Индии и Китая. У Империи нет серьезных соперников, хотя временами между ее западной и восточной половинами возникает напряженность. Империи ацтеков и инков в Новом Свете остаются независимыми и мощными, несмотря на неудавшуюся попытку Рима завоевать их и основать Новый Рим по другую сторону Атлантического океана.

Время, описываемое в рассказах «Вечного Рима», начинается с 753 года до н.э. (традиционная дата основания Рима), а поэтому наш 1999 год соответствует 2752 году по альтернативному летосчислению. Из уже написанных произведений серии самое раннее по хронологии — «Ожидание конца», действие которого относится к 1951 году альтернативной истории, или к 1198 г. н.э. В нем рассказывается о западной половине Империи в период декаданса, когда на ее территорию вторгаются и побеждают войска грекоязычной восточной половины.

Имперские годы с 2250 по 2550-й, соответствующие нашим XVI, XVII и XVIII векам, характеризуются Ренессансом, который получает первый импульс при великом Императоре Траяне VII, когда начался период великих географических открытий и происходит бурное развитие торговых связей со странами Азии. Рост экономики, вызванный появлением новых торговых путей, неизбежно приводит к промышленной революции и распадению имперского центра на регионы, население которых говорит на диалектах, уже близких к настоящим языкам (галльский, испанский, британский, «римский» — итальянский и другие). Отсюда проистекает постепенное ослабление центральной власти, характерное для этапа «процветающего декаданса». Попытка воссоединить почти независимые европейские провинции была сделана в 2563 году альтернативной истории (1810 г. н.э.) человеком наполеоновского склада — графом Валерианом Аполлинером. Она оказалась успешной, и на время Империя во главе с «тене-

вой» фигурой Аполлинера кажется ожившей. Убийство Аполлинера означает гибель имперской системы. После восемнадцати столетий правления Цезарей возникает широкое общественное движение, ставящее целью покончить с ленивой и утопающей в роскоши аристократией и вернуться к древним республиканским традициям правления, уничтоженным Августом. Следующая из уже написанных вещей — «Дорогой Рима» — рассказывает о свержении последнего Императора в 2603 году (1850 г. н.э.), убийстве большинства членов императорской семьи и установлении Второй Республики под эгидой авторитарного и консервативного Кая Юния Сцеволы, который принимает титул Первого Пожизненного Консула.

Следующая повесть — «Сказки Венийского леса» — относится ко времени на пятьдесят лет позже падения Цезарей. В ней фигурирует последний выживший член императорской семьи — старик, живущий в тихом лесном убежище вблизи города, который мы называем Веной.

Затем наше повествование переносится в 2723 год (1970 г. н.э.) в рассказе «Земля обетованная». Здесь харизматический египетский еврей Моше пытается построить космический корабль, чтобы вывезти свой народ в другой мир. Попытка запустить корабль кончается катастрофой. Моше убивают, но рассказ кончается тем, что мы становимся свидетелями появления новой мессианской религии. Ее героем становится Моше, которого почитают как Сына Божия.

Предлагаемый читателям рассказ относится к 2503 году (1750 г. н.э.). Он заполняет пробел в серии, описывая Империю в последние годы Второго декаданса, когда Император Деметрий II собирается вступить на трон, и некий историк вспоминает начавшийся при Траяне VII четверть тысячелетия назад период Ренессанса как золотой век.

Роберт Силверберг

ЗНАКОМЯСЬ С ДРАКОНОМ

Я добрался до театра в девять часов утра, почти за полчаса до назначенного мне времени, так как слишком хорошо знал о том, как жесток бывает Цезарь Деметрий в отношении непунктуальных людей. Но Цезарь, видимо, умудрился прибыть еще раньше. Я обнаружил Лабения — его личного телохранителя и главного собутыльника, — удобно расположившегося у входа в театр. Когда я подошел, Лабений скривился и сказал:

— Чего копался-то? Цезарь давно тебя ждет.

— Я пришел на полчаса раньше, — ответил я кисло. Нет смысла быть тактичным с такой личностью, как Лабений, или Поликрат, как мне следовало бы называть его теперь, когда Цезарь наградил нас новыми — греческими — именами. — А где он?

Лабений показал на открытые ворота и, подняв средний палец вверх, молча трижды ткнул им куда-то в небо. Я прохромал мимо него, не произнеся ни единого слова, и прошел сквозь ворота внутрь театра.

К моему разочарованию, я увидел фигуру Цезаря Деметрия на самом верху театра, в последнем ряду. Его тонкий силуэт резко выделялся на сверкающей голубизне утреннего неба. Прошло меньше шести недель с тех пор, как я повредил колено, охотясь с Цезарем на вепря где-то в глубине острова. Я и сейчас еще хожу на костылях, и ходьба, не говоря уже о карабкании по лестницам, была для меня делом весьма затруднительным. Но что поделаешь: вон он — стоит там на самой верхотуре.

— Итак, ты соизволил наконец явиться, Пизандр, — крикнул он. — Давно пора. А ну-ка побыстрее! У меня тут есть кое-что интересное, и я хотел бы показать тебе это.

Пизандр! Прошлым летом Цезарь внезапно решил облагодетельствовать нас новыми греческими именами. Юлий, Луций и Марк потеряли свои честные римские именования и стали Эритеем, Идуменеем и Диомедом. Я, который был Тиберием Ульпием Драко, стал теперь Пизандром! Это последний крик моды при дворе Цезаря, который обретается по указу его отца Императора — вот тут в Сицилии. За этими греческими именами, как мы все считаем, должны будут последовать прически по греческим фасонам, греческие полупрозрачные одежды, липкие помады и введение в обязательном порядке мужеложства. Что поделаешь, Цезари развлекаются, как им заблагорассудится. Я даже не стал бы возражать, если б он дал мне какое-нибудь более героическое имя — Агамемнон, или Одиссей, или еще что-то в этом роде. Но Пизандр?! Пизандр из Ларанды был автором потрясающего эпического произведения по мировой истории — «Героические браки богов», так что со стороны Цезаря было бы вполне резонно назвать меня в его честь, раз я тоже историк. Был и еще один, куда более «ранний», Пизандр из Камира, который написал самую древнюю из известных нам версий подвигов Геркулеса. Но кроме того, был еще Пизандр — жирный и порочный афинский политикан, которого с безжалостным ехидством вывел в своей пьесе «Гиперболы» Аристофан. А мне случайно известно, что Цезарь особенно любит именно эту пьесу. Поскольку два первых Пизандра — деятели античности, известные только узким специалистам вроде меня, то я склонен подозревать, что, выбирая мне греческое имя, Цезарь имел в виду именно этот персонаж из произведения Аристофана. Я не толст, не порочен, но Цезарь обожает тыкать в наши души такими вот шуточками.

Это из той же оперы, что заставлять калеку карабкаться на самый верх театра. И я, спотыкаясь, начал преодолевать ступеньку за ступенькой крутую каменную лестницу, пролет за пролетом, пролет за пролетом, пока наконец не возник на самом верху и в самом верхнем ряду. Деметрий пристально всматривался вдаль, наслаждаясь изумительным видом Этны, возвышавшейся на западе, одетой в снежную шапку, на самой верхушке покрытой пятнами пепла, и с плюмажем чер-

ного дыма, поднимавшегося из кипящего чрева горы. От вида, открывшегося из верхнего ряда громадного театра Таормины, буквально дух захватывало, но мой дух уже и без того был перехвачен ковырянием по лестнице, так что у меня не было настроения восхищаться блистательным видом, расстилавшимся перед нами.

Цезарь опирался на каменный стол, стоявший на открытой площадке последнего ряда, где торговцы вином обычно во время антракта расставляли свои глиняные кувшины. На столе лежал невероятно большой свиток.

— Это моя карта перепланировки острова, Пизандр. Подойди посмотри и скажи, что ты об этом думаешь.

Это была огромная карта Сицилии, занимавшая почти весь стол. Можно сказать, в масштабе чуть ли не один к одному. Я сразу увидел большие красные круги числом около полудюжины, так и бросавшиеся в глаза. Всего этого я никак не ожидал, так как официальной причиной сегодняшней утренней встречи было обсуждение плана Цезаря по ремонту театра Таормины. К числу моих интересов относится и некоторое знание архитектуры. Но нет, нет, ремонт театра явно не был единственной заботой Цезаря.

— Это прекрасный остров, — произнес он, — но его экономика уже несколько десятилетий находится в застое. Я хочу дать ей толчок с помощью самой грандиозной строительной программы, равной которой Сицилия никогда не знавала. Например, Пизандр, вот тут — в нашей крошечной и симпатичной Таормине — ощущается острая необходимость в настоящем дворце для нашей фамилии. Вилла, в которой я живу все последние три года, очень мило расположена, но она, можно сказать, слишком скромна для резиденции наследника трона. Воистину так. Скромна. Тридцать или сорок комнат на самом краю скалистого утеса, нависшего над городом, открывают безукоризненный вид на море и вулкан. — Тут Цезарь постучал пальцем по красному кругу в верхнем правом углу карты, который охватывал место, занимаемое Таорминой в северо-восточной части Сицилии. — Предположим, мы превратим виллу в настоящий дворец, расширив ее и распространив на территорию обрывистого склона утеса. Подойди-ка сюда, я тебе покажу, что я имею в виду.

И я захромал за ним. Он подвел меня к той точке верхнего ряда театра, откуда открывался вид на портик виллы, и

принялся рассказывать о каскаде нескольких уровней дворца, состоящих из фантастических консольных платформ и гигантских смелых опор, благодаря которым территория дворца охватывала весь обрывистый склон вплоть до берега Ионического моря, лежащего далеко внизу.

— В этом случае мне будет гораздо удобнее добираться до пляжа, понимаешь? Что, если мы соорудим вот там — вдоль стены дворца — подъемник с укрепленной на нем кабиной, подвешенной на канатах? Тогда, вместо того чтобы пользоваться дорогой, я смогу спускаться на пляж, просто не выходя из дворца!

Я выпучил глаза, буквально не веря своим ушам. Такая конструкция, если она даже и может быть построена, потребует лет пятидесяти работы и обойдется в миллиард сестерций по меньшей мере. А может быть, и в десяток миллиардов.

Но и это было не все. Куда там!

— Затем, Пизандр, нам нужно будет придумать что-то со зданиями, предназначенными для приемов членов императорской семьи в Панормосе. — Его палец медленно полз на запад вдоль северного побережья Сицилии прямо к большому порту. — Панормос — это место, где любит останавливаться мой отец, когда приезжает сюда. Месту этому, однако, уже около шестисот лет и с удобствами там плоховато. Я хотел бы его снести до основания и на его месте построить точную копию дворца на Палатинском холме, дополнив его копией римского Форума, который расположится чуть ниже по склону. Отцу это должно понравиться: он чувствовал бы себя во время визита в Сицилию почти как дома в Риме. Есть еще идея обзавестись славным местечком в глубине острова, примерно там, где мы обычно охотимся. Для этого можно использовать старый дворец Максимиана Геркулеса, что неподалеку от Этны, но фактически он уже разваливается. Мы могли бы возвести на этом месте совершенно новый дворец, в византийском стиле, но сделать это надо осторожно, чтобы сохранить, разумеется, его великолепные мозаики... А затем...

Я слушал, совершенно окаменев от изумления. Идея Деметрия по оживлению сицилийской экономики сводилась к строительству по всему острову множества совершенно невероятных дворцов для императорской семьи. В Агридженто

на южном берегу острова, например, куда члены этой семейки любили приезжать, чтобы полюбоваться находившимися там греческими храмами, и в расположенной неподалеку Силенунте Деметрий решил возвести точный дубликат знаменитой виллы Адриана на Тибре. Это чудо должно было стать чем-то вроде своеобразного туристского кемпинга. Правда, вилла Адриана — это что-то вроде небольшого городка, и для строительства в Агридженто ее двойника потребовалась бы целая армия мастеров и не меньше сотни лет. А на западной окраине острова Деметрий мечтал построить замок в грубом и примитивном гомеровском стиле (вернее, в том, что он считал гомеровским), так чтобы этот замок романтически прижимался бы к горной цитадели Эриче. Затем, в Сиракузах... Ну, то, что он собирался построить в Сиракузах, должно было разорить всю Империю. Разумеется, огромный новый дворец, затем маяк, побольше Александрийского, и еще Парфенон — вдвое больше настоящего. Потом там намечалась еще дюжина египетских пирамид, тоже более крупных размеров, и бронзовый Колосс на берегу, вроде того, что когда-то стоял в Родосе, и еще... Но я не могу перечислить вам весь список — боюсь, как бы меня не задушили слезы.

— Ну, Пизандр, что скажешь? Разве в мировой истории можно найти нечто подобное этой строительной программе?

Его лицо буквально сияло. Он очень красивый мужчина, наш Деметрий Цезарь, а в этот момент, преображенный своей идиотской идеей, он выглядел прямо-таки Аполлоном. Безумным Аполлоном. Так какова должна была быть моя реакция на то, что он только что вылил на меня? На то, что я считал собачьей чушью? Сказать, что я сомневаюсь, что в сокровищнице его отца хватит золота на финансирование такого идиотского проекта? Или что мы все помрем задолго до того, как строительство будет закончено? Отец Деметрия — Император Людовик, — когда назначил меня на службу своему сыну, предупредил насчет невероятно вспыльчивого характера последнего. Одно неверное слово, и я полечу вниз по этим крутым ступеням, по которым я только что с таким трудом взобрался наверх.

Однако мне известно, как следует вести себя с членами императорского дома, когда они разговаривают с тобой. Тактично, но не слишком елейно, я произнес:

— Этот проект наполняет душу восторгом, Цезарь. Я с трудом могу представить себе что-либо подобное.

— Точно! Никогда еще не было ничего подобного ему, не правда ли? Я войду в историю! Ни Александр, ни Сардана пал, ни сам Август Цезарь даже не пытались создать программу общественных работ такого масштаба... И ты, конечно, будешь главным архитектором этого проекта, Пизандр.

Если бы он лягнул меня в живот, я бы так не поразился.

— Я, Цезарь? Ты оказываешь мне слишком большую честь! В мои годы... Исторические исследования — вот главное мое занятие, мой господин. Конечно, я немного разбираюсь в архитектуре, но я никак не могу считать себя...

— Хватит! Зато я могу! Мне тут не нужна притворная скромность, ты понял, Драко! — Он вдруг почему-то стал обращаться ко мне по-прежнему. Мне это показалось весьма многозначительным. — Всем известно, какой ты знающий и ответственный человек. Ты маскируешься образом ученого только потому, как мне кажется, что так безопаснее. Но мне прекрасно известны твои реальные возможности и, когда я стану Императором, я намерен использовать их в полном объеме. Черта, присущая истинно великим Императорам, — окружать себя людьми, которые сами тоже велики, воодушевлять их и максимально использовать потенциальные возможности таких людей. А я уверен, что буду великим Императором. Как ты понял, через десять лет, через двадцать, или когда там еще, настанет моя очередь. Но я уже сейчас начинаю подбирать ключевых людей в свою команду. И ты будешь одним из них. — Он подмигнул. — Постарайся поскорее подлечить свою ногу, Драко. Я намереваюсь положить начало своему проекту строительством дворца в Таормине и хочу, чтобы ты его спроектировал, а это значит — нам с тобой придется поползать по этому утесу, отыскивая самые подходящие места. И я вовсе не желаю, чтобы ты тащился за мной со своими костылями. А не кажется ли тебе, Пизандр, что сегодня эта гора особенно прекрасна?

Не успел я три раза вздохнуть, как я уже опять успел превратиться в Пизандра!

Деметрий свернул свой свиток. Я было подумал, что пришло время обсудить проблему ремонта театра, но тут же понял, что Цезарь, ум которого воспламенен величием плана перестройки почти каждого крупного города в Сицилии, вовсе

не собирается расходовать свои таланты на такую мелочь, как перенос засорившихся сточных труб, проложенных рядом с театром. Так, вероятно, поступил бы Бог, если б ему предложили выслушать чьи-то жалобы на нездоровье, скажем, на сломанное колено, тогда как его божественный интеллект занят совершенствованием новой болезни, с помощью которой он намерен извести одиннадцать миллионов желтокожих обитателей далекого Китая в конце текущего месяца.

Поэтому мы просто полюбовались видом на гору. Затем, когда я понял, что больше не нужен, то повернулся и, не упоминая о театральной проблеме, с прежней болью проделал путь вниз по лестнице. Когда я достиг земли, то услышал, что Цезарь снова окликает меня. На одно страшное мгновение я представил себе, что он снова хочет меня видеть и мне придется опять тащиться наверх. Но он просто пожелал мне счастливого пути. Цезарь Деметрий, конечно, спятил, но он вовсе не так уж жесток.

— Император ему никогда этого не разрешит, — сказал Спикуло, когда мы сидели в тот вечер за вином.

— Еще как разрешит! Он готов удовлетворить малейшее желание своего безумного сыночка. И самое большое — тоже.

Спикуло — мой старейший друг. Его имя ему очень подходит — такой маленький и колючий. Оба мы по происхождению испанцы. Оба вместе ходили в школу в Таррако. Когда я поселился в Риме и поступил на службу к Императору, так же поступил и он. Спикуло последовал за мной и в Сицилию. Я верю ему так, как не верю больше никому. Но вслух мы говорим друг другу самые ужасные вещи.

— Ну, для этого надо еще начать, — сказал Спикуло. — А кроме того, он никогда ничего не кончает. Ты же прекрасно знаешь, каков наш Цезарь. Шесть месяцев спустя после того, как здесь выроют первую яму для фундамента дворца, он решит, что начинать надо не здесь, а со строительства Парфенона в Сиракузах. Он возведет там три первые колонны и отправится в Панормос. А еще через месяц перепрыгнет еще куда-нибудь.

— Вот как? — говорю я. — И тогда какое мне дело до остального? Это ему придется выглядеть дураком, если он

так примется за дело, а вовсе не мне. Я же всего-навсего только архитектор.

Спикуло прямо глаза вытаращил.

— Что такое? Ты что же, собираешься принять участие в этой истории, а?

— Цезарь возжелал воспользоваться моими услугами.

— И ты оказался таким кретином, что будешь делать все то, что он тебе прикажет, какой бы дуростью это ни обернулось? Угробить пять или десять лет своей жизни на идиотский проект сумасшедшего принца, чтобы похоронить весь этот богом забытый остров под горами мрамора? Позволить связать свое имя с его дурацким именем на вечные времена в качестве исполнителя задумок абсолютного психа? — Голос Спикуло вдруг зазвучал резким насмешливым фальцетом: — «Тиберий Ульпий Драко — величайший ученый нашего времени, по глупости забросил все свои ценнейшие научные изыскания, дабы отдать оставшиеся годы жизни исполнению плохо продуманной серии идиотских претенциозных проектов, ни один из которых никогда не был завершен, и наконец, в одно прекрасное утро был найден распростертым у подножия Большой Сиракузской пирамиды, откуда он спрыгнул, желая покончить жизнь самоубийством...» Нет, Драко! Не делай этого. Просто покачай головой и уйди.

— Ты говоришь так, будто у меня есть выбор.

Он поглядел на меня. Затем встал и захромал по патио к балкону. Спикуло с рождения калека — ему тогда вывернули левую ногу, так что ступня смотрит куда-то в сторону. Мое охотничье приключение его не на шутку рассердило, ибо я тоже стал хромать, что стало привлекать еще большее внимание прохожих к увечью Спикуло, когда мы с ним рядышком ковыляем по улицам. Гротескная парочка, выглядящая так, будто мы собрались на какую-то конференцию нищих.

Довольно долго Спикуло стоял там молча, свирепо пожирая меня взглядом. Была ночь, ярко светила луна, заливая сверкающим светом виллы богачей, сверху донизу покрывавшие склоны холмов Таормины. Так как молчание наше слишком затянулось, я, к собственному удивлению, обнаружил, что увлекся изучением очертаний фигуры Спикуло, напоминавшей большой черный треугольник, освещенный сзади ярким белым светом. Широкие мощные плечи, суживающийся к тонкой талии торс и жалкие кривые ножки. Все это

венчала большая, похожая на огромный валун голова, дерзко посаженная на плечах. Если б сейчас у меня под руками были принадлежности для рисования, я бы тут же принялся делать набросок. Впрочем, я рисовал Спикуло и прежде. Много раз.

Наконец он очень тихо произнес:

— Ты меня удивляешь, Драко. Что ты имеешь в виду, говоря, что у тебя нет выбора? Просто уйди в отставку и уезжай в Рим. Император в тебе нуждается. Он отыщет другую няньку для своего сыночка-идиота. Ты же не думаешь, Драко, что Деметрий швырнет тебя в тюрьму, если ты откажешься от придуманной им работы? Или казнит, или сделает еще что-нибудь подобное?

— Ты не понял, — ответил я. — Я сам хочу получить эту работу.

— Даже если это сон кретина, описавшегося во сне? Может быть, горячка Цезаря заразительна?

Я улыбнулся.

— Конечно, я понимаю, насколько глупо все это выглядит со стороны. Но это не значит, что я не хочу попытаться осуществить то, о чем идет речь.

— Ах! — воскликнул Спикуло, до которого наконец дошло. — Ах вон оно что! Сидящий в тебе инженер жаждет водрузить гору Пелион на Оссу* только ради того, чтобы убедиться, что он способен проделать такой фокус! Ох, Драко, значит, Деметрий вовсе не такой сумасшедший, каким кажется, а? Тебя-то он понял распрекраснейшим образом! Есть только один человек в мире, у которого хватит глупости взяться за такую кретинскую работу, и именно он и оказался в Таормине в нужное время.

— Это скорее водружение Оссы на Пелион, чем наоборот, — сказал я. — Но ты прав. Да, Спикуло, конечно, я соблазнился. А потому какое мне дело, что идея безумна? И если всему этому суждено остаться незавершенным, так что? Во всяком случае, дело будет начато. Будут сделаны чертежи. Будут заложены фундаменты. И, надеюсь, ты не думаешь, что я в самом деле хочу посмотреть, как будут строить египетскую пирамиду? Или как построить дворец, который

* Пелион — горная цепь к востоку от горы Оссы в Фессалии (Греция). Согласно греческой мифологии, гиганты пытались взгромоздить Олимп и Оссу на Пелион. — *Примеч. пер.*

будет спускаться вниз по обрыву утеса на тысячу футов? Для меня это просто шанс, который выпадает раз в жизни.

— А как же твое жизнеописание Траяна VII? Ведь только позавчера ты, захлебываясь, говорил о документах, которые тебе должны переслать из архивов Севильи. Чуть ли не всю ночь напролет ты рассуждал о тех новых открытиях, которые скрываются там. Неужели ты бросишь это все из-за новой игрушки?

— Нет, конечно. Почему, собственно, один проект должен обязательно помешать другому? Я прекрасно могу работать над книгой по вечерам, а днем проектировать дворцы. И еще надеюсь продолжить рисование, писать стихи и сочинять музыку. Я думаю, ты просто недооцениваешь меня, мой старый друг.

— Что ж, пусть никто не скажет, что и ты виновен в том же грехе в отношении других.

Я пропустил это мимо ушей.

— Я приведу тебе еще один довод, а потом давай не будем возвращаться к этому вопросу, ладно? Людовику уже больше шестидесяти, да и здоровье у него не в лучшем состоянии. Когда он умрет, Деметрий станет Императором, вне зависимости от того, нравится это кому-нибудь или нет. И мы с тобой вернемся в Рим, где я превращусь в ключевую фигуру его администрации, и все научные и исследовательские ресурсы столицы окажутся в моем распоряжении. Если, конечно, я по недомыслию не отойду от Цезаря, пока он является только наследником трона, швырнув ему в физиономию его проект, чего ты, видимо, от меня добиваешься. Поэтому я беру эту работу. Смотрю на нее, как на инвестиции в будущую прибыль, выражаясь языком экономики.

— Как логично ты все излагаешь, Драко!

— Спасибо.

— Ну а предположим, Деметрий становится Императором, каковым благодаря черному юмору богов он действительно может стать в недалеком будущем. Разве не может быть так, что он захочет держать тебя в Сицилии, поручив завершать его великое деяние — заполнять этот остров подержанным архитектурным великолепием, и не возьмет тебя в Рим ко двору, дабы не мешать твоей священной для него деятельности? И что в этом случае ты будешь делать весь остаток жизни? Шастать по этому богом забытому острову, на-

блюдая за ходом строительства никому не нужных и бесполезных сооружений?..

Я решил, что с меня хватит.

— Послушай, Спикуло. Я готов пойти на такой риск. Цезарь уже сказал мне буквально следующее: когда он станет Императором, то будет использовать мои знания и способности куда более полно, чем это когда-либо делал его отец.

— И ты поверил в это?

— Он говорил искренне.

— О Драко, Драко! Я начинаю думать, что ты безумнее самого Цезаря!

Конечно, это был чистейший азарт. И я это прекрасно понимал. И Спикуло, вполне возможно, ничуть не ошибался, когда говорил, что я еще более безумен, чем бедняга Деметрий. Цезарь, в конце концов, не виноват, что он таким уродился. В его семье безумие — настоящее безумие — существует уже более столетия в виде серьезной умственной нестабильности: какой-то мозговой дефект вызывает у них непредсказуемые вспышки капризов и неуверенности.

Я же, наоборот, встречаю каждый новый день жизни с совершенно четкими представлениями о том, что буду делать. Я трудолюбив, надежен, обладаю превосходно отлаженным интеллектом, способным справиться с любой задачей, которую я перед ним поставлю. Это не бахвальство. Мои значительные достижения — факт, который невозможно опровергнуть. Я строил храмы и дворцы, я писал огромные картины и создавал великолепные статуи, я творил героические поэмы и исторические труды, я даже разработал чертежи летательной машины и уверен, что когда-нибудь построю ее и успешно испытаю. Есть еще много такого, что я храню в своем уме и надеюсь когда-нибудь осуществить. Есть совершенно секретные соображения, которые я записываю с помощью кода в своих блокнотах, пишу специально неразборчиво, левой рукой, пишу о вещах, которые могли бы изменить мир. Когда-нибудь я доведу эти вещи до совершенства. А сейчас я даже не готов намекнуть о них, потому и шифрую (как будто хоть кто-то может в них разобраться, даже если б я записал свои идеи так, чтобы их можно было прочесть!).

Можно, конечно, сказать, что своим интеллектом я обязан особой милости богов, и я не стану дискутировать с этой благочестивой идеей, но без хорошей наследственности тут тоже не обошлось. Мои огромные возможности — подарок предков, точно так же, как умственное убожество Цезаря Деметрия — «дар» его пращуров. В моих жилах течет кровь одного из наших величайших Императоров — провидца Траяна VII, который вполне мог бы носить титул Optimus Princeps — «Лучший из принцепсов». А кто предки Деметрия? Людовик! Марк Антоний! Валенс Акила! Что ж, они вовсе не из числа слабаков, в разные времена занимавших троны, но разве они не вели Империю по пути упадка и декаданса?

Разумеется, такова уж судьба нашей Империи — то и дело входить в периоды декаданса, но счастливый рок предопределил ей всегда обретать свежие источники возвышения и обновления именно в тот момент, когда такого рода ресурсы были остро необходимы. Вот почему наш Рим уже на протяжении 2000 лет является важнейшей мировой силой, и вот почему так будет и дальше: снова и снова, до конца времен, вечно, пока будет существовать наш мир, наша Империя обречена возрождаться в новом великолепии.

Смотрите. Восемнадцать столетий назад начался сложнейший период полного хаоса, и именно тогда Август дал нам имперскую форму правления, каковая служила нам верой и правдой и продолжает действовать и до сих пор. А когда кровь первых цезарей стала жижеть и к власти потянулись такие люди, как Калигула и Нерон, суля Риму самые разрушительные последствия, тут же явилось и лекарство в образе первого Траяна, а затем и Адриана, за которыми последовали столь же энергичные Антоний Пий и Марк Аврелий.

Еще один период смут и беспорядков закончился благополучно с помощью Диоклетиана, чья работа была завершена великим Константином, а когда мы снова с роковой неизбежностью через семьсот лет вошли в период, названный историками Великим Декадансом и Рим с легкостью пал перед нашими грекоязычными братьями с Востока, среди римлян с той же неизбежностью возникла фигура Флавия Ромула, который снова принес нам свободу. А вскоре на трон взошел Траян VII, при котором наши корабли поплыли по всем океанам, доставляя в Рим неисчислимые богатства, что привело

к длительному периоду экспансии, известному нам под названием Ренессанса. Теперь, увы, мы снова в упадке, наше время с успехом можно назвать Вторым Большим Декадансом. В общем, подобные циклы могут повторяться бесконечно.

Мне нравится думать о себе, как о человеке эпохи Ренессанса, последнем человеке такого масштаба, рожденным по какому-то печальному и несправедливому стечению обстоятельств двумя столетиями позже своего времени и принужденном жить в этом кретинском декадентском веке. Это приятная фантазия и, по моим представлениям, есть немало доказательств, что она верна.

В том, что наш век — век упадка, сомнений нет. Один из важнейших признаков декадентства — любовь к беспредельной и безграничной экстравагантности, и нам незачем искать лучшего примера, чем тупой и наглый план Цезаря Деметрия перестроить всю Сицилию, превратив ее в монумент, увековечивающий его личное величие. Тот факт, что здания, каковые он повелевает мне возвести, почти без исключения являются копиями зданий, построенных в давние и менее претенциозные времена, только подчеркивает правильность моего тезиса.

К тому же мы переживаем развал центральной власти. Не только такие отдаленные провинции, как Сицилия или Персия, начинают действовать самостоятельно, причем заходят в своем самоуправстве очень далеко, но и Галлия, Испания, Далмация и Паннония, то есть практически чуть ли не задний двор Рима, следуют их примеру, демонстрируя независимость. А тут еще новые языки: куда делась наша чистая прекрасная латынь — становой хребет Империи? Она деградировала и стала основой для возникновения целой мозаики новых местных диалектов! Теперь любое захудалое местечко стремится обзавестись собственным говором. Мы — испанцы — говорим по-испански, у длинноносых галлов появилась носовая хрюкающая штучка, которую они называют галльским языком, тевтонские провинции вообще отвернулись от латинских корней и обзавелись примитивным, похожим на рыгание диалектом, который они именуют германским. И так далее. Да и у нас в Италии можно наблюдать, как настоящая латынь отступает перед бастардом, называемым «романским», который, правда, музыкален для слуха,

но отошел от глубины и грамматического изящества латыни, которые делали ее царицей языков мира. И если латынь вообще исчезнет (как это уже случилось с греческим языком на Востоке), то как сможет выходец из Испании общаться с человеком из Британии, или с тевтоном, или с галлом, или с далматинцем, или с кем угодно еще?

Так как же не называть наше время декадентским, если в обществе бушуют подобные разрушительные центробежные силы?

Но можно ли всерьез говорить о том, что я — человек из эпохи Ренессанса, увязший в нашем жалком времени? На такой вопрос ответить не так-то просто. Обычно мы употребляем словосочетание «человек эпохи Ренессанса», имея в виду человека с невероятно глубокими и широкими интересами. В таком случае подобное определение ко мне полностью подходит. Но чувствовал бы я себя в своей тарелке, находясь в бесшабашном времени Траяна VII? Я обладаю широтой взглядов, свойственной эпохе Ренессанса, это так. Но обладаю ли я тем ярким, огненным, «ренессансным» темпераментом, или же я на самом деле застенчив, уныл и мелочен, как и все люди, окружающие меня? Не следует забывать, что люди Ренессанса были одновременно людьми Средневековья. Мог ли бы я таскаться по улицам со шпагой, сквернословить, как наемник-легионер, затевая ссоры при малейшей провокации? Имел бы я двадцать любовниц и пятьдесят сыновей-бастардов? И мечтал ли бы о том, чтобы оказаться на палубе крохотного судна, с потрескивающими бимсами, уплывающего куда-то за горизонт?

Нет, на таких людей я, надо думать, не слишком похож. У них были широко распахнутые души. Да и мир им казался тогда гораздо ярче и таинственнее, чем кажется нам, и они отзывались на его зов с романтической нетерпеливостью и бешеной энергией, каковые в наши времена даже представить себе невозможно. Да, я ухватился за предложение Цезаря, потому что оно пробудило во мне ту каплю лихорадочного романтизма, что течет в моих жилах и заставляет меня ощущать свою кровную связь с моим знаменитым предком Траяном VII, Траяном Драконом, опоясавшим весь мир своим беспримерным плаванием. Но что мне делать в нашем мире? Открывать новые миры, как это делал Траян? О нет,

нет! Я буду строить египетские пирамиды, и греческие храмы, и виллы Адриана!

И все это уже делалось когда-то, делалось очень неплохо и нет никакой надобности делать то же самое вторично. А стало быть, не являюсь ли я таким же декадентом, как и прочие мои современники?

А иногда я задумываюсь о том, что бы делал сам Великий Траян, родись он в наше время, во времена Людовика Августа и его полоумного сына? Люди, обладающие широкой душой, сильно рискуют во времена, когда миром правят слабодушные. Мне самому пришлось приложить немало хитроумия, дабы вписаться в это время, обеспечить себе безопасность и свободу, но еще вопрос, обладал ли бы подобными способностями Траян? Не начал бы он шататься по городам с шумом и скандалами, как истинный сын Ренессанса, пока не пришло бы время расправиться с ним по-тихому в каком-нибудь темном закоулке, как с человеком, позорящим императорскую семью и отчасти все государство? Может, и нет. Возможно, как я предпочитаю думать, он пронесся бы как пылающая стрела сквозь эту пошлую тьму и, как он сделал это в собственное время, бросил бы свой сверкающий отблеск на весь мир.

Во всяком случае, вот он я — бесспорно мудрый человек, крепкий умом и телом, добровольно связавший себя с безумным проектом юного Цезаря только потому, что не сумел устоять перед техническими проблемами, которые открылись моему взору в этом проекте. Великолепный романтический жест или жалкий жест безумца? Очень вероятно, что Спикуло был все же прав, назвав меня большим психом, чем сам Деметрий. Любой нормальный разумный человек бежал бы от подобного предприятия, громко визжа от ужаса!

Не надо быть Кумской Сивиллой, чтобы предвидеть, что пройдет немало времени, прежде чем Деметрий снова заговорит со мной о своем проекте. Цезарь вечно порхает от одного увлечения к другому — это форма его заболевания. Через два дня после нашего разговора в театре он покинул Таормину для небольшого отдыха среди песчаных барханов Африки. Пробыл он там больше месяца. Поскольку мы с ним не сделали ровным счетом ничего, даже не осмотрели места строительства будущего дворца на обрыве утеса, не говоря

уж о таких мелочах, как планировка, выбор дизайна и определение бюджета, то я выбросил все это дело из головы до возвращения Цезаря. Думаю, что в глубине души я питал надежду, что он обо всем позабудет ко времени возвращения в Сицилию.

Я воспользовался его отсутствием, чтобы продолжить свою работу, которая в эти дни занимала меня больше всего: жизнеописание Траяна VII.

По правде говоря, я этим исследованием увлеченно занимался уже почти восемь лет. В данный момент меня к нему вновь привлекли два обстоятельства. Одним было открытие в пыльных глубинах Морского архива Севильи кипы забытых дневников, которые предположительно могли принадлежать самому Траяну и велись во время его знаменитого путешествия. Вторым был несчастный случай со мной во время охоты на вепря, который на какое-то время приковал меня к костылям. Период вынужденного безделья дал мне возможность, хочешь не хочешь, снова вернуться к роли ученого.

До сих пор никто еще не отважился взяться за глубокое исследование невероятной карьеры Траяна. Это может показаться странным, учитывая нашу национальную традицию в области исторических трудов, которая восходит к туманным временам Невиса и Энния в период Республики и, конечно, Саллюстия, Ливия, Тацита и Светония в более поздние годы и Аммиана Марселина после них, Друсила из Александрии, Марка Андроника, а из более поздних — Луция Аэлия Антипатра, знаменитого хроникера, описавшего захват Рима византийцами во времена Максимилиана VI.

Но что-то надломилось в исторической литературе после того, как Флавий Ромул снова свел вместе две половины Империи в «2198 году от основания Рима». Может, причина в том, что во времена великих деятелей, а эпоха Флавия и двух следовавших за ним правителей была именно таким временем, все слишком заняты творением истории, так что писать ее просто некому. Именно в это я когда-то безоговорочно верил. А вот когда я сломал колено, то понял, что в любое время, каким бы напряженным и энергичным оно ни было, всегда есть кто-то, кто в силу определенных событий — болезней, изгнания и так далее — имеет достаточно свободного времени и вполне способен взять в руки перо.

И мне стало казаться более правдоподобным предположение, что во времена Флавия Ромула, Кая Флавия или Траяна Дракона публикация любых трудов о деяниях этих могущественных Императоров могла оказаться не слишком полезным для здоровья делом. Точно так же, как великолепный обзор жизни первых двенадцати Цезарей (я имею в виду едкую и великолепную книгу) был написан в период сравнительно мягкого правления первого Траяна, а не таких монстров, как Калигула, Нерон или Домициан, которые только что не сожгли своим дыханием всю страну. Так что со стороны историков периода царствования трех могучих монархов — выходцев из Испании было бы просто глупо писать что-либо, кроме чисто фактографических хроник общественных событий и принятых законов. Анализировать жизнь Цезаря — значит критиковать его. А это не всегда безопасно.

Каковы бы ни были причины, ни одной значительной книги о жизни потрясающего Флавия Ромула до нас не дошло. Сохранились лишь фактографические хроники и бесстыдно подхалимские панегирики. Об истинной натуре сменивших его Императоров тоже известно весьма мало. О Кае Юлии Флавии почти ничего не известно, только сухие сведения, например, о месте рождения (как и Флавий Ромул, он происходил из Таррако в Испании, то есть из моего родного города) или о тех постах, которые он занимал до того, как взошел на трон. Что же до третьего великого испанца — Траяна VII (его прозвище было сходно с моим — Драко, только его он получил не по наследству, а заработал славными делами, гремевшими по всему миру: Дракон), то у нас тоже есть лишь перечень его самых славных и главных дел.

То, что никто в течение последовавших за его смертью двух столетий, не брался за его жизнеописание, нисколько не удивительно. Конечно, писать об уже умершем Цезаре более безопасно, это верно, но откуда мог появиться человек, достойный взяться за такое дело? Блистательный период Ренессанса слишком быстро сменился зарей промышленной революции. В это дымное и скучноватое время на первый план вышло умение «делать деньги», которое значительно опередило все, включая науку и искусство. А теперь у нас на дворе стоит новый декаданс, когда один слабак за другим примеряет имперскую корону, а сама Империя распадается на конгломерат областей, у которых почти полностью отсут-

ствует чувство лояльности к центральной власти. И все силенки, которые наши правители способны собрать, уходят на такие дурацкие дела, как строительство гигантских гробниц в стиле фараонов, но где-нибудь в Сицилии. Кто же в такой век может воспеть величие Траяна VII?

Что же, я могу!

В доказательство я готов привести довольно толстый манускрипт. Я воспользовался своим положением на императорской службе, чтобы рыться в полуподвалах римского Капитолия, вскрывал шкафы, находившиеся за семью печатями в течение двадцати столетий, вытаскивал на дневной свет официальные документы, само существование которых было давным-давно забыто. Я заглядывал в личные архивы, связанные с сенатскими слушаниями. Никому до этого не было дела, никто и глазом не моргнул. Я читал личные воспоминания высших судейских чинов. Рылся в докладах правительственных сборщиков налогов, налоговых инспекторов, рыночных надсмотрщиков, которые при всей своей незначительности и скуке являются поистине драгоценными: из их содержания можно извлечь чистое золото. И вот из всего этого я добыл своего Траяна Дракона и его время... Я перенес их в нашу реальность, я оживил их — во всяком случае, в моем уме и на страницах еще не оконченной книги.

Какая же это была мощная фигура! Все годы своего долгого правления он был абсолютным воплощением силы, провидения, целеустремленности и энергии. Он стоял в одном ряду с нашими величайшими Императорами — с Августом, с первым Траяном, Адрианом, Константином, Максимилианом III — победителем варваров и со своим земляком и предшественником Флавием Ромулом. Долгие годы я провел, знакомясь с ним — знакомясь с Драконом, — и контакт с его великой душой, длившийся столь долго, насытил мои дни красотой и чистосердечием.

Так что же я узнал о нем, об этом великом Императоре, об этом Драконе Рима, о моем далеком предке?

Во-первых, что он был незаконнорожденным. Я прошелся частым гребнем по всем записям о браках и рождениях в Таррако и прилегающих к нему местностях Испании за период 2215–2227 годов от основания Рима, чего вполне достаточно, и хотя я обнаружил целый ряд Драко в архивах нало-

говых инспекторов за эти же годы: Децимуса Драко, Нумериуса Драко, Сальвиниуса Драко и других, но ни один из них не был, по-видимому, официально женат и не родил наследника, которого он обязательно занес бы в списки родившихся. Стало быть, родители Траяна так и остаются неизвестными. Все, что я могу утверждать, так это то, что был такой Траян Драко, уроженец Таррако, который вступил на военную службу в Третий испанский легион в 2241 году. В те времена в армию обычно вступали лет восемнадцати, а значит, наиболее вероятная дата рождения — 2223 год. Однако, зная Драко так хорошо, как знаю я, я бы осмелился предположить, что в армию он попал моложе — лет в шестнадцать, а может, и в пятнадцать.

В те времена Империя юридически находилась под владычеством греков, но Испания, подобно большинству западных провинций, была практически независима. Константинопольским Императором в те дни был Лев XI, человек, превыше всего интересовавшийся пополнением своего дворца драгоценными произведениями искусства Древней Греции, а уж никак не тем, что происходит у него в западных провинциях. Номинально эти территории управлялись западным Императором — дальним кузеном Льва — по имени Никифорус Контакузен. Эти западные императоры периода владычества греков были лишь ленивыми марионетками, причем Никифорус — последний из их череды — отличался особой ленью, был даже хуже своих предшественников. Говорят, что в Риме его вообще никто не видел, так как все дни он проводил в комфортабельном поместье где-то под Неаполисом.

С гордостью хочу отметить, что восстание на Западе началось с Испании, а еще конкретнее — в моем родном городе Таррако. Отважный и динамичный Флавий Ромул, сын пастуха, который, по всей вероятности, был даже неграмотным, собрал целую армию таких же, как он сам, оборванцев, сверг правительство своей провинции и объявил себя Императором. Произошло это в 2193 году, когда Флавию было лет 25–30.

Никифорус — Император Запада — предпочел рассматривать испанское восстание как местный мятеж, и очень возможно, что слухи о нем даже не дошли до слуха Льва XI в Константинополе. Однако соседняя провинция Лузитания

вскоре принесла присягу на верность вожаку мятежников, к ней присоединились остров Британия и Галлия, так что очень быстро все провинции Запада одна за другой нарушили свои клятвы верности беспомощному правительству Рима, и, наконец, Флавий победоносно вошел в столицу, занял Императорский дворец и послал отряд на юг, чтобы арестовать Никифоруса, которого он тут же отправил в ссылку в Египет.

К 2198 году Византийская Империя тоже пала. Лев XI совершил унизительное паломничество из Константинополя в Равенну, чтобы подписать договор о признании Флавия Ромула не только Императором Запада, но и монархом Востока. Флавий правил еще тридцать лет. Не удовлетворившись объединением двух частей Империи, он обессмертил себя вторым удивительным предприятием — совершил плавание вокруг южной оконечности Африки и доплыл до берегов Индии, а может, и до неизвестных земель, лежавших еще дальше. Он стал первым из Императоров-мореходов, подав благородный пример еще более знаменитому мореплавателю — Траяну VII, родившемуся два столетия спустя.

Мы — римляне — совершали славные сухопутные путешествия на Дальний Восток, в Персию и даже в Индию еще во времена первого Августа. Да и в период господства Восточной Империи византийцы нередко ходили под парусами вдоль западного побережья Африки в Аравию, а иногда даже в Индию. Но все это были лишь отдельные редкие экспедиции. Флавий же Ромул хотел наладить постоянные торговые связи с азиатскими землями. В свое знаменитое плавание он взял более тысячи римлян, которые доплыли с ним до Индии, и оставил их там, чтобы они основывали свои торговые поселения. С тех пор мы находимся в постоянном контакте с темнокожими народами этих далеких стран. И не только с ними. То ли Флавий, то ли один из его капитанов плавали из Индии в еще более далекие страны — Китай и Чипанго, где живут желтокожие люди. Вот таким образом и стали складываться коммерческие отношения, благодаря которым к нам стали поступать шелка и благовония, драгоценности и пряности, нефриты и слоновая кость из этих таинственных стран, их корица, их изумруды, их рубины, их перец, сапфиры, кардамон, краски и духи.

Амбиции Флавия Ромула были воистину безграничны. Он мечтал о плаваниях на Запад к континентам Нового Света на

другом берегу океана. За сотни лет до его царствования непоседливый Император Сатурнин предпринял дурацкую попытку завоевать Перу и Мексику — две великие Империи Нового Света, затратил на это гигантские денежные средства и потерпел сокрушительное поражение. Неудача этого предприятия так ослабила нас в военном и экономическом отношении, что двумя поколениями позже греки без всякого труда смогли установить контроль над всей Римской Империей. Из этого печального прецедента Флавий извлек важный урок: нам никогда не разбить эти бешеные народы Нового Света, но торговые контакты с ними установить желательно. Эту мечту он пытался осуществить чуть ли не с первых дней своего правления.

На троне его сменил другой испанец из Таррако — Кай Юлий Флавий — человек более благородного происхождения, нежели Флавий Ромул. Вполне возможно, что именно состояние этой семьи гарантировало успех восстания Флавия. Кай Флавий был в своем роде сильным человеком и хорошим Императором, но он правил в промежутке между такими мощными фигурами, как Флавий Ромул и Траян Драко, а потому представляется нам не новатором, а скорее деятелем, который упрочил уже достигнутое. На троне он пробыл с 2238 по 2253 год, продолжил политику своего предшественника, стимулируя морские путешествия, причем отдавал первенство Новому Свету, а не Африке и Индии. Кроме того, он старался крепить единство обеих частей Империи, чему Флавий Ромул уделял сравнительно мало внимания.

Именно в царствование Кая Флавия Траян Драко начинает приобретать известность. Его первые военные подвиги, видимо, связаны с Африкой, где он еще совсем молодым участвует в подавлении мятежа, вспыхнувшего в Александрии, а затем в борьбе с разбойниками в пустынях, лежащих к югу от Карфагена, за что и получает свое первое воинское звание.

Чем Траян привлек внимание Кая Флавия, не совсем ясно. Вполне возможно, что этим он обязан своим испанским происхождением. В 2248 году мы уже видим Траяна командиром преторианской гвардии. Ему тогда было около двадцати пяти лет. Вскоре он получает звание трибуна, а потом и Консула, а в 2283 году, за год до смерти, Кай Флавий официально усыновляет Траяна и провозглашает его своим наследником.

Когда Траян Драко вскоре после этого надевает пурпур и под именем Траяна VII вступает на трон, впечатление такое, будто сам Флавий Ромул вновь появился на свет. На место надменного аристократа Кая Флавия приходит второй раз простой испанский мужик, исполненный той же невероятной жизненной энергии, которая катапультировала в величие Флавия Ромула; и снова весь мир, разинув рот, разглядывает его, а он громогласно хохочет.

Да, Траян — это действительно второй Флавий Ромул, только многократно увеличенный в масштабе. Они оба были крупными мужчинами, но Траян — просто гигант. Я — его отдаленный потомок — и то весьма высок. Волосы он носил длинные, они черной гривой падали ему на плечи и спину. Брови густые и смелые, глаза сверкают, как у орла, голос гремит так, что его слышно от Капитолийского холма до Яникула*. Он мог одним глотком осушить кувшин вина, а потом сидеть, не ощущая никаких вредных последствий. К восьмидесяти годам жизни он имел пять жен (но, спешу я отметить, не одновременно) и бесконечное число любовниц. У него было двадцать законных сыновей, десятый из которых был моим предком, и такое число бастардов, что и по сей день его ястребиное лицо можно увидеть на любой улице любого города Империи.

Он был не только любимцем женщин, но и питомцем искусств, особенно скульптуры и музыки, и наук. Такие области, как математика, астрономия и механика, за время почти двухсотлетнего господства ленивых греков над землями Западной Империи впали в состояние глубочайшего упадка. Траян всячески способствовал их возрождению. Он перестроил древнюю столицу из края в край, он наполнил ее новыми дворцами, университетами, театрами, равных которым тут еще не бывало. Вероятно, полагая, что этого недостаточно, он переехал в провинцию Паннонию, где в небольшом городе Вении, что на реке Данубий, основал свою вторую столицу, с огромным университетом, несколькими театрами и колоссальным зданием Сената, который нередко назывался одним из чудес света. По мысли Траяна, Вения, хоть там и

* Яникул — древний латинский город; по мере разрастания Рима вошел в его состав. — *Примеч. пер.*

мало солнца, и дождей больше, и холода сильнее, чем в солнечном Риме, по своему положению была чем-то вроде сердца Империи. Траян же не желал появления прежнего деления государства на западную и восточную части, хотя управлять такой огромной державой было трудно. Поставив столицу в самом центре страны, он получал возможность куда лучше присматривать за Галлией и Британией на западе, тевтонскими и готскими землями на севере, греческим миром на востоке, держа крепко в своих руках все бразды правления.

Сам Траян проводил в своей новой столице не так уж много времени, да и в Риме — тоже. Он постоянно перемещался с места на место, то заглядывая в Константинополь, чтобы напомнить азиатским грекам, кто у них император, то стрелой летел на север поохотиться на свирепых волосатых зверей в гиперборейских степях, то совершал поездки в Сирию и Египет, то ехал в свою родную Испанию, где превратил древний город Севилью в главный порт по организации плаваний в Новый Свет. Траян не ведал усталости. На двадцать пятый год своего правления, в 2278 году, он бесстрашно пустился в свое главное плавание, совершив свое величайшее деяние, благодаря которому его имя никогда не предадут забвению: путешествие вокруг света. Оно началось и окончилось в Севилье, как бы замкнув в единое кольцо все народы — цивилизованные и варварские, обитающие на земном шаре.

Существовал ли кто-нибудь до него, питавший столь же грандиозные замыслы? Ни в каких исторических материалах я не нахожу ничего похожего на мечту Траяна.

Никто, конечно, всерьез не сомневался, что Земля — это шар и что поэтому его можно объехать кругом. Здравый смысл подтверждает нам кривизну Земли, когда мы смотрим вдаль, а представление, что где-то там находится край земли, с которого неизбежно сваливаются смельчаки-мореходы, скрывшиеся за горизонтом, — все это всего лишь басни, сказки для маленьких детишек и ничего больше.

И нет никаких причин считать, что существуют какие-то непроходимые пламенные зоны в южных морях, как думали когда-то невежды: уже двадцать пять столетий прошло с тех пор, как корабли впервые обогнули Африку, и никто еще не видел никаких стен из огня.

Но даже самые отважные наши мореходы никогда не помышляли о плавании вдоль экватора, а уж попыток совершить это до Траяна, который повел свои корабли из Севильи, и подавно не было. Плавания в Аравию, Индию и даже Китай действительно имели место, плавания в Новый Свет — тоже. Сначала в Мексику, потом вдоль ее берега к югу до того узкого перешейка, который соединяет оба материка Нового Мира, а потом до самой Империи Перу. Мы даже знали о существовании второго Океана, который, возможно, даже больше, чем тот, что разделяет Европу и Новый Свет. На его восточный берег выходили империи Перу и Мексики, а на западном лежали Китай и Чипанго, а уж за ними — Индия. Но что находилось между ними — в самом центре этого Западного моря: империи, более мощные, чем Китай, Чипанго и Индия вместе взятые? И что если там лежит такая гигантская империя, которая способна затмить даже Императорский Рим?

Своей бессмертной славой Траян VII обязан несгибаемому упорству и страстной жажде познания, даже если она будет стоить ему жизни. Надо полагать, что он был абсолютно уверен в прочности своего положения на троне, если решился покинуть страну и вручить бразды правления своим приближенным на столь долгое время. А может, ему было решительно наплевать на возможность мятежей — так страстно желал он совершить свой подвиг.

Его пятилетнее путешествие вокруг света было, я полагаю, одним из самых замечательных событий мировой истории, сравнимым разве что с созданием Империи Августом и ее распространением почти на весь тогда известный мир при Траяне I и Адриане. И именно оно, больше чем все остальные дела Траяна Драко, подвигло меня предпринять исследование жизни Траяна. В этом плавании он не основал никаких империй, способных соперничать с Римом, но зато он видел множество островных княжеств и королевств, разбросанных в Западном океане, чьи богатства так изменили наш образ жизни. Более того, сам путь, открытый Траяном, через южную оконечность южного континента Нового Света дал нам надежную связь со странами Азии в любом направлении, что делало нас неуязвимыми как для свирепых перу-

анцев и мексиканцев, так и со стороны воинственных обитателей Чипанго и невообразимо многочисленных китайцев.

Но, хотя мы и знакомы с общими аспектами плавания Траяна, дневник, который он вел во время путешествия и который, надо думать, содержит массу крайне интересных деталей, оказался недоступен на целые столетия. Вот почему я пришел в такой восторг, когда один из моих информаторов, роясь в каком-то укромном уголке Севильского управления морскими делами, совершенно случайно нашел этот дневник, о чем он и сообщил мне в начале года. Все эти долгие годы дневник пролежал в связке документов, относившихся к гораздо более поздним временам и к тому же мало интересным — счета за ремонтные работы и ведомости выплат заработной платы. Дневник мне доставили сюда в Таормину со специальным императорским курьером, на что понадобилось целых шесть недель, ибо пакет добирался до меня по суше всю дорогу от Испании до Италии — не мог же я подвергнуть столь превеликую драгоценность риску перевозки морским путем. Потом дневник шел ко мне через весь полуостров до самого его южного выступа — Бруттиума, затем через пролив паромом до Мессины и уж, наконец, ко мне домой.

Но был ли это тот богатый деталями подробный рассказ, которого я ждал с таким нетерпением, или сухой перечень навигационных отметок, широт и долгот, склонений компасной стрелки и так далее?

Узнать это я мог только тогда, когда дневник окажется в моих руках. И, как это частенько бывает, именно в тот день, когда пакет прибыл, Цезарь Деметрий вернулся из своего месячного свидания с Африкой. У меня хватило времени только на то, чтобы сорвать печати с довольно объемистого пакета и провести большим пальцем по обрезу толстой пачки потемневших от времени листов пергамента, как вдруг явился посланец Цезаря и сообщил, что Деметрий требует моего немедленного прибытия во дворец.

Цезарь, как я уже говорил, человек крайне нетерпеливый. Я задержался только для того, чтобы бросить взгляд на первые слова текста, следовавшего за титульным листом, и ощутить, как замирает сердце, узнавшее характерный, с наклоном влево, четкий почерк Траяна Драко, возникший перед моим восхищенным взором. Я позволил себе еще один

беглый взгляд на открытую наугад, кажется, сотую страницу и увидел там абзац, говоривший о встрече с каким-то островным царьком. Да! Да! Это действительно был дневник плавания Императора!

Я отдал его мажордому моей виллы, сицилийцу по имени Панталоне, которому вполне можно было довериться, и довел до его сведения, что именно произойдет с ним, если за время моего отсутствия хоть одной страничке книги будет нанесен малейший ущерб.

А затем я направился во дворец Цезаря, расположенный на вершине холма, где и обнаружил самого Цезаря в саду, рассматривающим пару верблюдов, привезенных им из Африки. На Цезаре было надето нечто вроде одеяния жителей пустыни, снабженное капюшоном, а за поясом блестел изумительной красоты кривой меч. За пять недель отсутствия солнце так сожгло кожу на лице и на руках, что Цезаря легко было принять за араба.

— Пизандр! — завопил он, увидев меня. Я уже успел позабыть это дурацкое имя за время отсутствия Деметрия. Он широко улыбнулся, и его зубы сверкнули на темной коже лица, подобно путеводным звездам в глухую ночь.

Я произнес все положенные слова, выразив надежду, что путешествие было приятным, но он отмел все это в сторону одним мановением руки.

— Ты знаешь, о чем я думал, Пизандр, в каждую минуту моего путешествия? О нашем великом проекте, конечно! И знаешь, теперь я понял, что он еще далеко не доработан. Я решил... я думаю превратить Сицилию, когда стану Императором, в свою столицу! Зачем мне жить на холодном, продуваемом ветрами севере, когда я могу блаженствовать в непосредственной близости к Африке, к тем местам, которые, как я сейчас понял, я бесконечно полюбил! Так что мы с тобой должны построить здесь в Панормосе еще и здание Сената, и просторные виллы для всех высших чиновников моего двора, и библиотеку... Ты ведь знаешь, Пизандр, что на всем острове нет ничего, что заслуживало бы называться библиотекой? Но мы можем разделить пополам сокровища Александрийской библиотеки и одну половину перевезти сюда, как только будет готово здание, достойное хранить эти книги. И еще...

Но я избавлю вас от продолжения. Достаточно сказать, что безумие принца перешло в стадию безграничной гигантомании, и я стал ее первой жертвой, так как он тут же известил меня, что мы с ним не позднее сегодняшнего вечера отправимся в поездку по всему острову — из конца в конец — с целью поиска мест для строительства тех великолепных зданий, проекты которых взбрели ему в голову. Он собирался сделать для Сицилии то, что Август сделал в свое время для Рима, — превратить ее в чудо своего времени. Прежний план — начать проект строительством дворца в Таормине — был начисто позабыт. Сначала мы проедем от Таормины до Ликаты, расположенной на другом берегу, потом обратно — от Эричи до Сиракуз, останавливаясь в каждом селении между этими городами.

Так мы и сделали. Сицилия — остров большой, так что наша экспедиция заняла два с половиной месяца. Цезарь довольно приятный спутник: он может быть остроумен, он умен и весьма жизнерадостен, а то, что он псих, сказывается не всегда. Путешествовали мы со всеми удобствами, а мое еще не зажившее колено требовало, чтобы меня большую часть пути таскали в паланкине, что давало мне возможность ощутить себя каким-то античным потентатом вроде египетского фараона или Дария Персидского. Побочным эффектом этого неожиданно свалившегося на меня перерыва в моих исследованиях была невозможность в течение долгих недель возобновить знакомство с дневником Траяна VII, что буквально сводило меня с ума. Взять его с собой и по ночам изучать в своей спальне было слишком рискованно, ибо Цезарь был ревнив, и если бы он вошел ко мне без предупреждения и обнаружил, что я занят чем-то, что не имеет отношения к его проекту, он вполне мог бы вырвать у меня из рук дневник и швырнуть его в огонь. Поэтому я оставил дневник в Таормине, вручив его Спикуло, умоляя сохранить его даже ценой собственной жизни. И много ночей после этого, когда мы мотались туда и сюда по всему острову под все более раскаляющимся солнцем, ибо лето уже наступило, а Сицилия, как известно, лежит в южных широтах, я вертелся на моей постели, восстанавливая в воспаленном мозгу возможное содержание дневника и рисуя себе совершенно невероятные эпизоды путешествия Траяна, которые должны были вытеснить из моей головы реальность, заключавшуюся в том, что

Цезарь Деметрий в своем проклятущем самовосхищении помешал мне познакомиться с этим документом. При этом, конечно, я знал, что реальность, если мне дадут шанс открыть дневник, будет бесконечно удивительнее того, что я пытаюсь вообразить.

Когда я наконец вернулся в Таормину, забрал дневник у Спикуло и за трое потрясающих суток, вряд ли смежив глаза хоть на мгновение, прочел и перечел каждое словечко в дневнике Траяна, обнаружил в нем наряду с рассказами об удивительном, прекрасном и невероятном много вещей, которые действительно не мог себе вообразить, но читать о которых было далеко не так приятно.

Хотя дневник был написан на кухонной латыни Средневековья, текст не представлял для меня особой трудности. Император Траян был отличным писателем, чей стиль, грубоватый и простой, но одновременно очень живой, напомнил мне о Юлии Цезаре — другом великом вожде, владевшем пером не хуже, чем мечом. Траян, видимо, писал дневник лично для себя, и мысль, что этот отчет будет представлять общественный интерес, ему даже в голову не приходила. Иначе говоря, то, что дневник попал в архив и там сохранился, следует считать невероятной удачей.

Повествование начинается еще с верфей Севильи, где пять кораблей оснащались для экспедиции Траяна. Все они невелики, самый большой имел всего 120 тонн водоизмещения. Траян приводит длинный список того, что было погружено в их трюмы. Оружие: 60 арбалетов, 30 фитильных аркебуз (это оружие тогда еще только-только появилось), несколько тяжелых пушек, дротики, длинные копья, щиты. Наковальни, плавильные тигли, точильные камни, кузнечные мехи, фонари, инструменты для строительства укреплений на новооткрытых островах корабельными плотниками и каменщиками, лекарства, мази, бинты, 6 деревянных квадрантов, 6 металлических астролябий, 37 компасных стрелок, 6 пар измерительных компасов. Для торговли и обмена с принцами островных царств: фляжки с ртутью, медные бруски, хлопок в кипах, бархат, шелка, хлопчатые ткани, кружева, тысячи колокольчиков, рыболовные крючки, зеркала, ножи, бусы, гребни, медные и бронзовые браслеты и так далее. Все это перечислено с дотошностью писцов. Список этот добавил

новые черты к характеру Траяна Драко, о которых я и не подозревал.

И вот настал день отплытия. Вниз по реке Боэтис от Севильи до моря, потом быстрый переход до Канарских островов, где, однако, они не видели никаких гигантских псов, по которым были названы эти острова. И все же они обнаружили знаменитое Дождевое дерево, чей огромный раздувшийся ствол служил главным поставщиком влаги для жителей одного из островов. Полагаю, оно уже погибло, так как никто об этом дереве больше не сообщал.

Затем последовал бросок через море к берегам Нового Света, которому препятствовал почти полный штиль. Пересекли экватор. Исчезла с неба Полярная звезда. От жары плавился деготь в швах между досками, палубы раскалялись, как печи. Потом ветры усилились, и корабли быстро достигли берегов Южного континента в том месте, где он образует выступ в сторону Африки. Империя Перу тут власти не имеет. В этих местах живут смешливые голые люди, охотно питающиеся человеческим мясом. «Но только, — пишет Траян, — мясом врагов».

Траян вознамерился обогнуть этот материк — поразительное дело, особенно если учесть, что никому не было известно, как далеко он простирается на юг и какова природа там, куда придется заплыть кораблям. Вообще-то говоря, континент мог и не иметь южного окончания, так что морского пути на запад могло и не быть — просто бесконечная суша, тянущаяся вплоть до Южного полюса и блокирующая морской путь на запад. Кроме того, всегда существовала возможность наткнуться на сопротивление перуанских войск где-то в пути. И все же корабли поплыли на юг, заходя во все заливы в надежде, что именно тут и есть конец материка или же проход в море, лежащее по ту сторону суши.

Некоторые из заливов оказались устьями могучих рек, но дикие и воинственные племена, обитавшие вдоль рек, делали путешествие в глубь материка невозможным, да и сам Траян опасался, что огромные реки могут завести его на территории, контролируемые перуанцами, а вовсе не к морю, омывающему западный берег континента. И они плыли все на юг, все на юг, не упуская из глаз берег. Погода стояла жаркая. Но по мере продвижения к югу она стала портиться, небо скрывалось в тучах, задули ледяные ветры. Морепла-

ватели уже знали, что к югу от экватора времена года противоположны нашим, что их зима приходится на наше лето, так что наступившая перемена погоды не показалась им чем-то странным.

Плывя вдоль берега, они обнаружили странных черно-белых птиц, которые не умели летать, но зато прекрасно плавали. Птицы были жирны и годились в пищу. Пути на запад все не было. Берег был пустынен и гол, казалось, он никогда не кончится. Град и снег мучили моряков, горы плавучего льда носились по мрачному морю, холодный дождь льдинками замерзал в бородах. Люди стали роптать. И хотя среди них находился сам Император, они открыто начали поговаривать о возвращении домой. Траян подумал, что его жизнь под угрозой.

Вскоре, когда установилась зима, да такая суровая, каких никто из моряков никогда еще не видывал, вспыхнул мятеж. Капитаны двух судов объявили, что они отделяются от эскадры. «Они пригласили меня встретиться с ними и обсудить ситуацию, — пишет Траян. — Ясно, что их целью было убить меня. Я послал на первый мятежный корабль пятерых верных людей, которые должны были передать капитану мое послание, а вторая лодка с двадцатью солдатами причалила к судну тайно. Когда первая группа поднялась на борт и мятежный капитан вышел на палубу, чтобы с ними поздороваться, мои посланцы его тут же убили. Сейчас же на борт поднялись и солдаты из второй лодки». Так был подавлен этот мятеж. Троих зачинщиков немедленно казнили, а одиннадцать участников высадили на берег сурового островка, где не росло ни единой былинки. Я, конечно, не думал, что Траян Драко отнесется к мятежникам мягко, но то, с каким спокойствием он говорит о том, что обрек этих людей на страшную неминуемую смерть, буквально бросило меня в дрожь.

Путешественники снова поплыли вперед. В холодных землях юга они открыли расу нагих гигантов, достигавших, по словам Траяна, восьмифутового роста, и захватили пару в плен, надеясь доставить в Рим живыми. «Они ревели, как быки, и призывали на помощь демонов, которым поклонялись. Мы посадили их в цепях на разные корабли, но они отказались брать пищу из наших рук и вскоре погибли».

Сквозь бури и зимнюю мглу плыли они на юг, но пути на запад все не было. Даже Траян стал подумывать, что ему придется отказаться от своей мечты. Море стало почти непроходимым из-за плавучих льдов, но тут мореплаватели наткнулись на еще одну колонию жирных бескрылых птиц, разбили на берегу лагерь, в котором и провели три месяца, что сильно истощило их запасы продовольствия. Когда погода стала улучшаться, хотя она и оставалась негостеприимной, они все же решили продолжить плыть на юг. Наконец они все же приплыли к тому, что сейчас называется проливом Траяна. Он расположен почти у самой южной оконечности материка. Траян послал одного из капитанов на разведку, и тот нашел, что пролив очень узок, но достаточно глубок для кораблей, что в нем очень высокие приливы и что вода на всем протяжении соленая. Это была не река, а путь к Западному морю!

Плавание по проливу было тягостным, суда двигались среди острых скал, в густом, почти непроницаемом для глаз тумане, по воде, которая то поднималась, то опадала, кипя пеной от одной стены пролива до другой. Однако на берегах уже появились деревья, горели огни костров. Наконец мореходы вышли в открытое море. «Небо было необычайно синим, облака курчавыми, как барашки, волны походили скорее на слабую рябь, сверкающую под огненным солнцем, чем на настоящие волны». Картина была такая мирная, что Траян дал новому океану название «Тихий» по причине его спокойствия.

План Траяна заключался в том, чтобы все время плыть на запад, так как при выходе в неисследованное море ему представлялось, что и Китай, и Чипанго расположены довольно близко от Южного материка Нового Света. На север плыть ему не хотелось, так как это должно было привести его к территориям зловещих перуанцев, а пять суденышек не могли противостоять мощной Империи.

Однако плыть сразу на запад оказалось невозможным из-за дующих здесь постоянных ветров и морских течений восточного направления. Поэтому Траян сначала направился на север, плывя в виду берегов и бдительно высматривая, не появятся ли признаки присутствия перуанцев. Солнце яростно палило с безоблачного неба, дождей не было вовсе. Когда корабли снова повернули на запад, оказалось, что в море

не видно никаких островов и перед ними расстилаются лишь неоглядные просторы морской воды. По ночам загорались незнакомые звезды. Особенно ярким было созвездие из пяти очень ярких звезд, образующих крест. Оставшиеся запасы пищи быстро сокращались. Попытки ловить морскую рыбу провалились, и люди ели щепу с бревен и крыс, которых в трюмах развелось невероятное множество. Выдачу воды сократили до одного глотка в день. Теперь уже приходилось опасаться не мятежа, а поголовной смерти от голода.

Наконец корабли подошли к группе небольших островов. На них ничего не росло, кроме искривленных колючих кустарников. Но люди там все же жили: 15—20 человек — голых и разрисованных цветными полосами.

«Они встретили нас градом камней и стрел. Двое наших погибли. У нас не было другого выбора, как уничтожить их поголовно. А затем, так как у них не было никаких запасов еды, кроме нескольких жалких рыбешек и крабов, пойманных сегодня утром, а ничего похожего на еду не было ни на берегу, ни в море, мы зажарили тела убитых и съели их, иначе нам бы пришлось всем погибнуть от голода».

Не могу сказать, сколько раз я прочел и снова перечитал эти строки в надежде найти там еще что-то, кроме того, что там было сказано. Но каждый раз они оставались теми же.

На четвертый месяц плавания через Тихий океан появились новые острова, на этот раз куда более благодатные, где местные туземцы выращивали что-то вроде фиников, из которых они пекли хлеб и делали вино и масло. Росли у них еще ямс, бананы, кокосы и другие тропические растения, с которыми мы теперь так хорошо знакомы. Некоторые островитяне были настроены дружелюбно, но большинство — нет. Дневник Траяна становится коллекцией жестокостей. «Мы убили их всех, мы сожгли их деревню, чтобы дать урок их соседям. Их имущество мы погрузили на свои корабли». Такими фразами дневник просто пестрит. И ни одного слова сожаления. Такое впечатление, что вкус человеческого мяса превратил их самих в страшных чудовищ.

За этими островами снова огромные пространства пустоты. Теперь Траян уже понял, что «Тихий» — гигантский океан, чьи размеры просто невообразимы, что по сравнению с ним море, разделяющее Европу и Новый Свет, — просто озеро. После еще нескольких рвущих сердце недель плавания

по безлюдным просторам появилась большая островная группа, которую они назвали Августинскими. Семь тысяч больших и маленьких островов образовывали огромную дугу длиной чуть ли не в тысячу километров. «К нам явился вождь — великолепная фигура, с лицом, украшенным татуировкой, в хлопчатой рубахе, обшитой шелком. В руке он держал дротик, за поясом был кинжал из бронзы с золотой инкрустацией. Был и щит, тоже сверкавший желтым металлом. Еще на вожде горели золотые серьги и такие же браслеты». Его подданные натащили пряностей: кардамона, корицы, имбиря, орехов, муската — в обмен на всякие побрякушки, которые римляне привезли с собой. И еще рубины, алмазы и золотые самородки. «Моя цель достигнута, — пишет Траян, — в центре огромного океана мы нашли сказочную Империю».

Которую они и начали захватывать самыми варварскими методами. Хотя в начале отношения римлян с туземцами Августинских островов были вполне дружелюбны, римляне показывали им песочные часы, компасы, забавляли пушечной пальбой и даже любительскими поединками гладиаторов, где воины в броне сражались с другими, вооруженными лишь сетями и трезубцами. Но потом дела пошли хуже. Некоторые матросы Траяна, напившись пальмового вина, стали хватать туземок и насиловать их с таким бешенством, какое пробуждается в мужчине, уже целый год не прикасавшемся к женской груди. Женщины, повествует Траян, сначала ничуть не возражали, но моряки действовали так грубо и так жестоко, что посыпались жалобы, начались ссоры, так как мужчины-туземцы встали на защиту своих женщин (некоторым из них еще не было и десяти лет), и в конце концов произошла настоящая кровавая бойня, достигшая кульминации, когда был убит доблестный вождь острова.

Этот раздел дневника читать просто невозможно. С одной стороны, он содержит множество чрезвычайно увлекательных сведений, касающихся обычаев островитян, как, например, о приношении старухами в жертву свиней, когда старухи пляшут, воют в камышовые дудки, а потом раскрашивают жертвенной кровью лбы мужчинам, или о том, что мужчины всех возрастов протыкают свои половые органы золотыми или оловянными брусочками толщиной с гусиное перо. Все это написано столь живо и сопровождается таким

множеством ярких деталей, что ты начинаешь чувствовать себя пришельцем из другого мира. Но тут же мы находим рассказы об убийствах туземцев, о бессовестных истреблениях их по самым незначительным поводам, о плаваниях от одного острова к другому, где римлян встречают с миром, но затем очень быстро начинаются насилия над женщинами, убийства и грабежи.

И кажется, что Траяна все это нисколько не трогает. Страницу за страницей он заполняет подобными ужасами, причем описывает их тем же самым холодным и спокойным стилем, как будто они совершенно естественны и являются неизбежным следствием столкновения двух разных культур. Мои собственные чувства растерянности и ужаса, испытанные при чтении, отчетливо показывают мне, насколько наше время отлично от времени Траяна и как мало у меня оснований считать себя человеком эпохи Ренессанса. Траян рассматривал жестокость своих людей как, в лучшем случае, достойную сожаления необходимость. Я же смотрю на нее как на нечто чудовищное. И прихожу к выводу, что одна из важнейших и глубочайших причин упадка нашей цивилизации лежит в нашем презрении к насилиям такого рода. Мы все еще римляне, мы все еще не приемлем беспорядка, мы все еще не утратили своего воинского искусства, но когда Траян Драко с олимпийским спокойствием рассуждает о применении пушек против луков и стрел, или о предании целых деревень огню за мелкое воровство, или об удовлетворении похоти его мореходами путем использования маленьких девочек, так как им просто лень отыскивать старших сестер этих малышек, я чувствую, что мне есть что сказать в защиту нашего декаданса.

На протяжении всех трех дней и трех ночей, пока я читал дневник, я не видел никого — ни Спикуло, ни Цезаря, ни женщин, с которыми я делил скуку лет, проведенных в Сицилии. Я читал до тех пор, пока не начинала кружиться голова, но остановиться не мог, хоть иногда и приходил в ужас от прочитанного. Теперь, когда безлюдная часть океана осталась позади, на горизонте все время возникали новые группы островов, уже не относившихся к Августинским, а лежавшие западнее или южнее их. Их было множество, ибо хотя в том океане и нет континентов, но зато существуют длинные островные цепи и острова, которые иногда превосходят Сицилию или Британию по величине. И снова шли

рассказы об изукрашенных золотом и павлиньими перьями лодках, в которых сидели вожди островов, привозившие богатейшие дары, или о рогатых рыбах и устрицах величиной с овцу, или о деревьях, чьи листья, упав на землю, тут же встают на крошечные ножки и торопливо убегают прочь, или о королях, которые зовутся раджами и с которыми можно разговаривать только с помощью трубок, вставленных в стены дворцов. Острова пряностей, острова золота, острова жемчугов — чудо за чудом, — и все они были захвачены и прикованы никому не известным Императором прочными цепями к великому Вечному Риму.

Наконец эти странные островные государства уступили место более знакомым странам, ибо на горизонте уже маячила Азия и берега Китая. Здесь Траян сделал долгую остановку, обменивался дарами с китайскими властителями и даже позаимствовал у них тех китайских мастеров в искусстве книгопечатания, изготовления пороха и производстве тончайшего фарфора, чьи навыки и умение, когда эти мастера прибыли в Рим, дали такой мощный толчок новой эре процветания и развития, которую мы именуем Ренессансом.

Траян посетил также Индию и Аравию, где тоже грузил на корабли сокровища, а затем спустился глубоко на юг вдоль побережья Африки и поднялся на север вдоль ее противоположного берега. Это был тот самый путь, которым пользовались наши более ранние мореходы, но он плыл им с востока.

Когда Траян обогнул южную оконечность Африки, он понял, что цель достигнута, шар земной он обогнул, и тотчас поспешил вернуться в Европу. Первой он увидел юго-западную оконечность Лузитании, потом поплыл вдоль южного берега Испании и, наконец, все пять его кораблей вошли в устье реки Баэтис и достигли точки отплытия — города Севильи. «Эти моряки воистину достойны вечной славы, — заключает Траян. — Они совершили куда более значительный подвиг, нежели древние аргонавты, отплывшие с Язоном на поиски Золотого Руна. Наши славные корабли пересекли Океан, плывя к Южному полюсу, потом повернули на запад и следовали этим путем так долго, что прибыли на Восток, а оттуда опять на запад, но не плывя назад, а все время вперед, пока не обошли весь земной шар, чудесным образом приплыв в родную Испанию, в тот самый порт, откуда ушли в плавание, — в Севилью».

А потом идет совершенно удивительно примечание. Траян делал записи в своем дневнике ежедневно. По его расчетам, дата его возвращения в Севилью приходилась на 9 января 2282 года. Однако, когда Траян сошел на берег, ему сказали, что это 10-й день января. Плывя все время на запад и обогнув земной шар, моряки где-то потеряли один день. Это событие оставалось тайной до тех пор, пока астроном Макробий Александрийский не указал, что время солнечных восходов изменяется на 4 минуты с каждым градусом долготы, так что сумма этих изменений на все 360 градусов составляет 1440 минут, или целый день. Это явилось отличным доказательством, если допустить, что нашелся кто-то, посмевший усомниться в словах Траяна, что его флот обогнул весь земной шар и достиг странных островов в неизведанном море. Сделав это, он открыл крышку ларца с дивными дивами, которыми великий Император пользовался на протяжении тех двадцати лет державного правления, что выпали ему на долю вплоть до смерти, случившейся на восьмидесятом году его долгой жизни.

И что же? Вы полагаете, что я, получив доступ к ключевому документу царствования Траяна VII, немедленно бросился к столу, чтобы закончить описание его невероятной жизни?

Нет и нет! И вот почему.

Через четыре дня после того, как я кончил читать дневник и моя голова все еще гудела от того, что я из него узнал, из Италии прибыл вестник, сообщивший, что Император Людовик Август умер в Риме от апоплексического удара, а его сын Деметрий сменил его на троне под именем Императора Деметрия II Августа.

Случилось так, что, когда это известие было получено, я находился у Цезаря. Он не высказал ни горя по поводу смерти отца, ни радости по поводу своего внезапного возвышения и вхождения во власть. Он просто слегка улыбнулся, уголок его губ чуть дрогнул, и он сказал мне:

— Что ж, Драко, похоже, нам придется укладывать вещички для новой поездки, хотя мы с тобой еще не отдохнули от предыдущей.

Я никогда не верил, впрочем, как все прочие, что Деметрий когда-нибудь станет Императором. Все надеялись, что Людовик отыщет предлог, дабы обойти это. Например, оты-

щет неизвестного нам незаконного сына, проживавшего все эти годы в Вавилоне или в Лондоне, вызовет его сюда и передаст ему первенство. В конце концов, разве не Людовик, который не желал быть свидетелем кривляний своего сыночка, отправил того в Сицилию три года назад, запретив ему ступать на материк, но разрешив удовлетворять в ссылке любые свои прихоти?

Теперь ссылка кончилась. И в ту же секунду пришел конец и проекту Цезаря облагодетельствовать Сицилию.

Похоже было, что такого плана вообще никогда не существовало.

— Ты будешь заседать среди моих министров, Драко, — сказал мне новый Император. — Я предполагаю сделать тебя Консулом в первый же год своего правления. Обязанности прочих Консулов я возьму на себя. А еще ты получишь портфель Министра Общественных Работ, так как столица наша, вне всякого сомнения, нуждается в украшении. В уме я уже разработал проект нового дворца, да и обветшалый Капитолий, надо полагать, нуждается в обновлении. Кроме того, мне кажется, что существуют несколько весьма любопытных заморских богов, которые с удовольствием обрели бы себе храмы, возведенные в их честь, а затем...

Если бы я был Траяном Драко, я в эту минуту наверняка прикончил бы этого психа Деметрия и сел бы на его трон как ради Рима, так и ради себя самого. Но я всего лишь Тиберий Ульпий Драко, а не Траян с похожим прозвищем. Так что Деметрий стал Императором, а все остальное вы знаете не хуже меня.

Что же касается моей книги о Траяне Драконе... что ж, может, я и завершу ее когда-нибудь, если у Императора иссякнет запас проектов, которые я должен для него разрабатывать. Я, правда, сомневаюсь, что такое может случиться, а если и случится, то не уверен, что именно такую книгу я хотел бы дать нашей широкой публике теперь, когда дневник о кругосветном плавании уже прочтен. Если бы я должен был написать об этом грандиозном событии, венчающем карьеру моего предка, то осмелился бы я сказать о нем всю правду? Думаю, нет. И я ощущаю облегчение от того, что моя неоконченная рукопись книги все еще покоится в ящике стола. Главной целью моего исследования было выяснение истинной натуры моего царственного родича — Дракона. Но я, видимо, копнул слишком глубоко и познакомился с ним ближе, чем следовало.

ДЭН СИММОНС
ПЕСНИ ГИПЕРИОНА

«Гиперион» (1989)
«Падение Гипериона» (1990)
«Эндимион» (1996)
«Восход Эндимиона» (1997)

Четыре книги «Гипериона» охватывают более тринадцати столетий, десятки тысяч световых лет, свыше трех тысяч страниц, расцвет и упадок двух великих межзвездных цивилизаций и больше мыслей, чем можно натрясти с саженца познания. Иными словами, это — космическая опера.

Как сказал обозреватель газеты «Нью-Йорк таймс», «Да, «Восход Эндимиона», как и три предыдущие книги, — полнокровный роман действия, насыщенный стычками и космическими баталиями по всем стандартам «космической оперы», но отличающийся тем, что на карту поставлено ни больше ни меньше, чем спасение человеческой души».

Спасение человеческой души — в том смысле, что нужно найти самую суть того, что делает нас людьми. Эта тема вплетена во все мотивы космических баталий, темных веков, новых сообществ и прихода нового мессии.

В «Гиперионе» мы встречаемся с семью паломниками на пути сквозь миры Великой Сети к Долине Гробниц Времени на планете Гиперион. Воистину по Чосеру, шестеро паром-

---

«Orphans of the Helix». ©Dan Simmons, 1999. ©Перевод. М.Б. Левин, 2001.

ников (седьмой долго не протянул) рассказывают друг другу поучительные истории, поясняя причины, побудившие их отправиться в паломничество. Они идут через Травяное море, преодолевая препятствия, к Шрайку — полумифическому смертоносному существу из Гробниц Времени, частично машине, частично — божеству, ангелу мщения: сплошь колючки и шипы, когти и зубы. Интрига в том, что лишь один из паломников получит от Шрайка то, о чем попросит, остальные погибнут. Из их историй мы узнаем о Техно-Центре, об Искусственном Интеллекте, вышедшем из-под контроля людей с разрушенной (или похищенной) Старой Земли; о войне между Гегемонией и адаптировавшимися к космосу Бродягами, некогда бывшими людьми, об открытии — и отвержении — отцом иезуитом гибрида-симбионта, называемого крестоформом, симбионта, способного производить воскрешения. Книга завершается прибытием паломников в Долину Гробниц Времени.

«Падение Гипериона» начинается там, где закончился «Гиперион», но техника повествования и структура текста уже иные: они следуют Джону Китсу в его темах личностей — и видов, — которые не хотят уступать свое место в ходе вещей, когда эволюция говорит им, что пора уходить. Паломники из первой книги выясняют, что судьбы их не так просты, как им думалось: Гробницы Времени открылись, таинственные послания и посланцы из будущего показывают им, что битва за душу человека продолжается много столетий; Шрайк сеет опустошение, но никого не убивает и не выполняет ничьей просьбы; сложное межзвездное сообщество Гегемонии с Великой Сетью рассыпается под ударами межзвездной войны, как муравьиная куча, — хотя так и неясно, идет эта война между Гегемонией и Бродягами или Человечеством и Техно-Центром. Одна из паломниц, Ламия Брон, беременна от своего любовника — кибрида Джона Китса, сотворенного Техно-Центром, и ходят слухи, что родить она должна Ту-Кто-Учит, грядущую мессию. Другой паломник, воин Федман Кассад, уходит в будущее, чтобы в битве со Шрайком встретить свою судьбу. Третий, Сол Вайнтрауб, спас свою дочь, но должен теперь идти с ней сквозь Гробницы Времени к их общей судьбе, вплетенной в мозаику будущего. Четвертый паломник, Консул Гегемонии, улетает на своем корабле, в ИскИне которого живет сущность Джона Китса, чтобы

исследовать развалины Гегемонии. Пятый, священник, умирает, и вместо него крестоформ воскрешает погибшего отца-иезуита, который становится папой обновленной католической церкви. Последний выживший паломник, семисотлетний поэт Мартин Силен, рассказавший всю эту историю, нисколько не изменился — он все так же похабен и язвителен.

Действие «Эндимиона» начинается через 274 года после падения Порталов. Все пошло к чертям, как это обычно и бывает в так называемых Темных Веках между эпохами империй, но Империя Пасема — империя так называемой возрожденной католической церкви — простирает свое господство почти на все миры бывшей Гегемонии. Церковь — и Империя — управляют гражданами, сохраняя за собой монополию на воскрешение. Мало кто знает, что Церковь вступила в Фаустову сделку с глубоко скрывшимся ныне Техно-Центром, чтобы с помощью симбионтов-крестоформов возвращать своих чад к жизни и послушанию. И тут на сцене появляется мессия одиннадцати лет от роду — девочка Энея, дочь Ламии Брон, сбежавшая на три столетия вперед сквозь Гробницы Времен. Теперь вся Священная Империя Пасема охотится за ней, а Церкви и Техно-Центру абсолютно необходимо ее уничтожить. Все еще живой — и столь же похабный и язвительный — поэт Мартин Силен поручает Раулю Эндимиону — бывшему солдату, приговоренному к казни, — спасти девочку и доставить ее туда, куда она пожелает, на корабле Консула. Почти весь «Эндимион» — сплошная погоня сквозь человеческую вселенную. Пасем преследует беглецов, Рауль, Энея и синекожий андроид А. Беттик спасают свою жизнь, а заодно и будущее человечества. Их преследует созданная Техно-Центром, выпущенная на волю Церковью чудовищная женщина Радаманта Немез, рядом с которой Шрайк смотрится учителем воскресной школы. В финале «Эндимиона» Рауль, Энея и раненый А. Беттик добираются до Старой Земли — не погибшей, как выяснилось, а похищенной, перемещенной в Малое Магелланово Облако теми, кого знают лишь под именами Львы, Тигры и Медведи. Итак, все трое — Энея, Рауль и А. Беттик — остались в Таллиесин-Уэсте у Фрэнка Ллойда Райта — старого архитектора, и юная Энея сделалась его ученицей.

События «Восхода Эндимиона» начинаются четыре года спустя. Энея, которой исполнилось шестнадцать, знает, что

должна вернуться в Империю Пасема и стать там Той-Кто-Учит. Рауль, ее друг и защитник, этого не хочет. Идея мученической гибели — особенно для его любимой Энеи — абсолютно его не привлекает. Энея посылает Рауля первым через Портал, но за время его путешествия, занявшего для Рауля чуть больше месяца, Энея стала старше на пять лет — следствие эффекта сокращения времени для Рауля, проделавшего часть пути на старом корабле Консула. Когда Рауль вновь встречает Энею, она уже взрослая женщина, которая вполне свыклась с ролью Той-Кто-Учит. За ней по-прежнему охотится Империя Пасема. По-прежнему ищет ее смерти Церковь. Кроме страшной Радаманты Немез, еще три столь же неимоверно могущественных и чудовищных создания рвутся убить ее. А Рауль и Энея, встретившись на планете Тянь-Шань, становятся любовниками. Но Раулю, повествователю последних двух книг, это не приносит безмятежного счастья: его преследует мысль о том, что Энея, его возлюбленная, как и было предсказано, должна стать мессией. Рауль — не самый умный персонаж в этом повествовании, но он непоколебимо верен и постоянен в любви, и ему хватает ума понять, какова бывает судьба мессий.

«Восход Эндимиона» завершается трагедией, пыткой, смертью и разлукой, за которыми — не чудом, но неизбежно — наступает великое просветление и воссоединение Рауля с Энеей. Империя Пасема убила ее — но невольно вызвала собственное падение в Момент Сопричастности Энеи, когда все люди на всех планетах увидели проблеск истинной сущности Священной Империи, Церкви, крестоформа и паразитического Техно-Центра; но за «пять пропавших лет», пока Рауль странствовал, Энея с помощью Шрайка ушла во времени вперед и провела год одиннадцать месяцев неделю и шесть часов на Старой Земле с Раулем. Земля была эвакуирована, вычищена, обновлена и возвращена на свое законное место в Солнечной системе Львами, Тиграми и Медведями.

Мартин Силен, поэт и постоянный персонаж всех книг, умирает через несколько часов после венчания Рауля и Энеи. Последние слова поэта обращены к кораблю Консула, который тоже прошел через тысячу лет и четыре толстые книги: «До встречи в аду, Корабль».

В финале «Восхода Эндимиона» все тот же загадочный Шрайк стоит на страже над могилой Мартина Силена на Ста-

рой Земле. Благодаря самопожертвованию Энеи люди освободились, чтобы «постичь язык мертвых», и обрели способность странствовать, то есть телепортироваться самостоятельно куда угодно. Рауль с Энеей улетают на древнем ковре-самолете — улетают, чтобы провести свой медовый месяц на пустой и девственной Старой Земле — «нашей древней планете... нашей новой планете... нашей первой и будущей и чудеснейшей из планет».

Дэн Симмонс

СИРОТЫ СПИРАЛИ

Огромный спин-корабль транслировался из пространства Хоукинга в море переливов красно-белого сияния двойной звезды. 684 300 человек из Спектральной Спирали Амуа находились в криогенной фуге, пять ИскИнов, командующих кораблем, держали совет. Они столкнулись с необычным явлением, четверо из пяти решили, что необходимо вывести огромный спин-корабль из пространства Хоукинга, и теперь оживленные дебаты — занявшие несколько микросекунд — шли о том, что делать дальше.

Спин-корабль был изумительно красив в дальнем свете двух звезд, окрасивших в красные и белые цвета километровый корпус. На трех тысячах модулей глубокого сна, собранных по тридцать на сотне осей, сливавшихся во вращении, словно лопасти гигантского вентилятора, играли яркие блики, и все три тысячи модулей казались огромным драгоценным камнем, сверкающим красными и белыми блестками. Энейцы сконструировали корабль так, что оси колес были слегка наклонены вдоль длинного центрального корпуса корабля: первые тридцать осей назад, а вторая группа осей выносила тридцатимодульные плечи вперед, так что модули глубокого сна миновали друг друга с микросекундным зазором, сливаясь в сплошные круги, и корабль на полном вращении был похож именно на то, о чем говорило его название, — на спираль. Наблюдатель, удаленный на сотни километров, увидел бы что-то похожее на вращающуюся двойную спираль ДНК, сверкающую в свете двойного солнца.

Все пятеро ИскИнов решили, что лучше всего обратиться к модулям. Сначала сменили ориентацию ступицы огромных

колес, и постепенно сверкающая спираль превратилась в три тысячи замедляющихся углерод-углеродных связей, на конце каждой из которых постепенно показывался модуль. Потом плечи модулей остановились, притянулись к длинному кораблю, и каждый лег в свое гнездо, как яйцо в контейнер для перевозки.

«Спираль», похожая уже не на свое имя, а на длинную тонкую стрелу с выступающим треугольным наконечником центра управления и хвостовым оперением двигателей Хоукинга и термоядерных реакторов, накрыла вошедшие модули восемью слоями защиты. Все ИскИны согласились, что надо продвигаться к белой звезде G8, замедляясь на четырехстах g и выставив защитное поле класса двадцать. Видимой угрозы в системах двойной звезды обнаружено не было, но красный гигант, расположенный поблизости, испускал, как и полагалось гиганту, большое количество пыли. Тот из ИскИнов, который более других гордился своими навигационными навыками и осторожностью, предупредил, что траектория подхода к звезде G8 не должна касаться лепестка L_1 Роша из-за наличия там массивных ударных волн гелиосферы, и все пятеро стали рассчитывать кривую торможения, обходящую основные возмущения гелиосферы. С ударными волнами излучения вполне справились бы даже защитные поля класса три, но имея на борту 684 300 человеческих душ, никто из ИскИнов не хотел идти даже на малейший риск.

Следующее решение было единодушным и неизбежным: учитывая причину отклонения от курса и приближения к системе G8, придется будить людей. Сайгё — ИскИн, занимавшийся штатным расписанием, списками дежурств, психологическими профилями и в силу этого хорошо знавший всех 684 300 мужчин, женщин и детей, — несколько секунд проглядывал списки, выбирая девятерых.

Дем Лиа проснулась без унылой одури, как обычно бывало в старых криогенных устройствах. Чувствуя себя отдохнувшей и посвежевшей, она села в колыбели глубокого сна, и манипулятор протянул ей традиционный стакан апельсинового сока.

— Что-то срочное? — спросила она, и голос ее был так же свеж, как после обычного утреннего пробуждения.

— Ничего, что угрожало бы кораблю или нашей цели, — ответил Сайгё, ИскИн. — Некоторая любопытная аномалия. Старая радиопередача из системы, которая может послужить источником пополнения запасов. Системы навигации и жизнеобеспечения функционируют нормально. Все люди в хорошем состоянии. Опасности для корабля нет.

— Как далеко мы переместились от последней изученной системы? — спросила Дем Лиа, допивая сок и натягивая костюм с изумрудной полосой на рукаве, а за ним тюрбан. Традиционно ее народ носил халаты жителей пустыни, и каждый халат был того из цветов Спирали Амуа, который выбирала себе семья, но халат — неудобная одежда для спин-корабля, где невесомость — частое явление.

— Шесть тысяч триста световых лет.

Дем Лиа моргнула.

— Сколько лет с последнего пробуждения? — тихо спросила она. — Сколько лет полного времени полета корабля? Сколько лет реального времени?

— Девять лет корабельного и сто два года реального времени с момента последнего пробуждения, — ответил Сайгё. — Полного времени полета — тридцать шесть лет. Полное реальное время полета по отношению к пространству людей — четыреста один год три месяца неделя и пять дней.

Дем Лиа поскребла себе шею.

— Скольких из нас вы пробуждаете?

— Девятерых.

Она кивнула, завершая разговор, бросила беглый взгляд на две сотни саркофагов, где спали ее друзья и родственники, и направилась по центральному движущемуся тротуару на центральный пост, куда должны были подойти остальные восемь.

Энеане выполнили заказ народа Спектральной Спирали Амуа и сконструировали центральный пост в виде мостика древнего морского корабля Старой Земли эпохи до Хиджры. Дем Лиа с удовольствием отметила, что защитное поле постоянно держится на уровне одного g. Сам мостик двадцати пяти метров в ширину был уставлен различными пультами управления, а в середине стоял стол — разумеется, круглый, — где и собирались пробужденные, попивая кофе и обмениваясь привычными шутками по поводу сновидений

глубокого сна. По всему периметру мостика открывались в космос большие иллюминаторы. Дем Лиа постояла немного, разглядывая незнакомые узоры созвездий. Просветы между бесконечными завитками «Спирали» чернели фильтрами, озаренными плазменным факелом термоядерного двигателя и, конечно, самой двойной звездой — отчетливо различимыми белым карликом и красным гигантом. Окна, конечно, были ненастоящие — всего лишь голографические изображения, которые можно менять — увеличивать, уменьшать, затемнять, — но сейчас иллюзия была полной.

Дем Лиа повернулась к восьмерым собравшимся. Она познакомилась со всеми за два года обучения у энейцев, но близко не знала никого. Все они входили в группу из тысячи человек, избранную для возможного пробуждения в момент перехода. Сидевшие за столом представились, и Дем Лиа поглядела на цветные ленты у каждого.

Четверо мужчин, пять женщин. У одной из женщин тоже изумрудная ленточка — а значит, неизвестно, кто будет командовать: Лиа или она. Конечно, так или иначе это определит голосование, но поскольку изумрудная лента — лента поэзии — означает для людей Спектральной Спирали созвучие с природой, способность командовать, контакт с техникой и сохранение вымирающих видов (а все 684 300 беженцев Амуа в такой дали от человеческой вселенной могли считаться вымирающим видом), предполагалось, что при экстренном пробуждении командующего выбирают из зеленых.

Кроме еще одной изумрудно-зеленой — рыжеволосой женщины по имени Рес Сандре, — присутствовали: мужчина с красной лентой, Патек Георг Дем Мио; молодая женщина с белой лентой по имени Ден Соа, которую Дем Лиа помнила по дипломатическим имитационным тренировкам; мужчина с угольно-черной лентой Джон Микайл Дем Алем, женщина постарше с желтой лентой Оам Раи, выдающийся оператор систем корабля, седоволосый мужчина с синей лентой по имени Петер Делен Дем Тае, специалист по психологии, приятная женщина с фиолетовой лентой — кажется, астроном — по имени Кем Лои, и мужчина с оранжевой лентой — врач, с которым Дем Лиа случалось несколько раз говорить. Его звали Самел Риа Кем Али, и все называли его доктор Сэм.

После представлений наступила пауза. Люди залюбовались видом из окон, где белый карлик G8 почти пропадал в сиянии величественного плазменного хвоста «Спирали».

Наконец Патек — красный — произнес:

— Хорошо. Корабль, объяснение.

Из вездесущих динамиков послышался спокойный голос Сайгё:

— Приближалось время начала поиска планет земного типа, когда датчики и астрономическая система заинтересовались этой двойной звездой.

— Двойной звездой? — переспросила фиолетовая. — Разумеется, не системой красного гиганта?

Пассажиры «Спектральной Спирали Амуа» очень четко задали параметры мира, который корабль должен был отыскать для них: солнце класса G2, планета земного типа, не менее девяти баллов по старой шкале Сольмева, синие океаны, приятный климат — словом, рай. Поиск был рассчитан на тысячи лет и десятки тысяч парсеков. И люди были уверены, что найдут.

— В системе красного гиганта нет планет, — достаточно охотно согласился ИскИн. — Мы считаем, что прежде в качестве центральной звезды у системы был желто-белый карлик класса G2.

— Солнце, — тихо заметил Петер Делен, синий, сидящий справа от Дем Лиа.

— Да, — согласился Сайгё. — Очень похоже на Солнце Старой Земли. По нашей оценке, оно стало нестабильным по основной реакции горения водорода где-то около трех с половиной миллионов стандартных лет назад, расширилось до красного гиганта и поглотило все планеты в системе.

— Каков диаметр красного гиганта? — спросила Рес Сандре, вторая женщина с зеленой лентой.

— Примерно одна и три десятых астрономической единицы, — ответил ИскИн.

— А внешних планет нет? — задала вопрос Кем Лои. В ведении фиолетовых на «Спирали» были сложные системы, шахматы, самые запутанные аспекты человеческих взаимоотношений и астрономия. — Теоретически, должны быть какие-то газовые гиганты или каменные планеты, если звезда расширилась лишь ненамного дальше орбиты Старой Земли или Гипериона.

— Возможно, имелись только малые планетоиды, и их унесло постоянным потоком излучаемых тяжелых частиц, — предположил Патек Георг, прагматик с красной лентой.

— Здесь, наверное, не образовывались планеты, — печально возразила Ден Соа, дипломат с белой лентой. — Зато при расширении солнца не погибла никакая жизнь.

— Сайгё, — спросила Дем Лиа, — почему мы приближаемся к белой звезде? Покажи нам ее параметры, будь добр.

Над столом повисли картинки, диаграммы, траектории и столбцы данных.

— Что это? — удивилась Оам Раи, пожилая женщина с желтой лентой.

— Орбитальный лес Бродяг, — ответил ей Джон Микайл Дем Алем. — Столько времени... Такой долгий путь... И нас опередил какой-то древний корабль-сеятель Бродяг времен их Хиджры.

— Опередил нас — в чем? — уточнила Рес Сандра, вторая зеленая. — Сайгё, в этой системе нет планет?

— Нет, мэм, — ответил ИскИн.

— Вы собираетесь пополнить запасы в их орбитальном лесу? — поинтересовалась Дем Лиа. Согласно плану, они должны были избегать любые планеты или поселения энейцев, Священной Империи или Бродяг, обнаруженные на долгом пути от пределов человеческой вселенной.

— Этот орбитальный лес исключительно богат, — сообщил ИскИн Сайгё, — но истинной причиной, заставившей экипаж разбудить вас и приступить к торможению, было то, что кто-то, живущий в этом орбитальном лесу или вблизи него, передал сигнал бедствия на полосе частот ранней Гегемонии. Сигнал очень слаб, но мы засекли его за двести двадцать восемь световых лет.

Все смолкли. «Спираль» отправилась в странствие через восемьдесят лет после Момента Сопричастности Энеи — поворотного события в человеческой истории, обозначившего для многих и многих начало новой эры. До Момента Сопричастности почти три столетия человеческой вселенной правила Священная Империя Пасема. Власть принадлежала Церкви. Гегемония, триста лет Империи, четыреста лет реального времени полета... Если эти Бродяги были участниками первой Хиджры со Старой Земли, они уже не менее полутора тысяч лет не имели контакта с человечеством.

— Интересно, — протянул Петер Делен Дем Тае. Синий цвет его ленты означал глубокие знания в области психоло-

гии и антропологии. — Сайгё, воспроизведи, пожалуйста, сигнал бедствия.

Послышалась серия щелчков, свистов и бульканий и среди них, кажется, два отфильтрованных электроникой слова. Древний акцент — английский язык Великой Сети времен ранней Гегемонии.

— Что он сказал? — спросила Дем Лиа. — Я не смогла разобрать.

— На помощь, — пояснил Сайгё. Голос ИскИна с легким азиатским акцентом всегда звучал приятно-весело, но сейчас он был серьезен.

Девять собравшихся в молчании переглянулись. Их цель была оставить позади человеческую вселенную, вселенную энейцев, ради того, чтобы культура Спектральной Спирали Амуа нашла свой путь развития, свою судьбу, свободную от вмешательства последователей Энеи. Но Бродяги — другая ветвь рода человеческого, решившая направить свою эволюцию по пути адаптации к космосу, с Бродягами путешествовали их союзники тамплиеры, которые, зная тайны генетики, могли выращивать орбитальные кольца лесов и даже сферические деревья, полностью окружавшие солнца.

— Сколько, по твоей оценке, Бродяг проживает в этом орбитальном лесу? — спросила Ден Соа, которой с ее навыками белой ленты наверняка в случае контакта придется быть дипломатом.

— Семьсот миллионов на дуге тридцать градусов, как показывает наше разрешение, на этой стороне солнца. Если они расселились по всей или почти всей окружности, то оценка численности — несколько миллиардов.

— Какие-нибудь следы акерателов или зелпенов? — спросил Георг Патек. Все главные орбитальные леса или древесные сферы пытались сотрудничать с этими двумя расами, которые объединились с Бродягами и тамплиерами в период Падения Гегемонии.

— Никаких, — сообщил Сайгё. — Но обратите внимание на лес в центральном иллюминаторе, вид издали. Мы на расстоянии шестидесяти трех астрономических единиц... увеличение в десять тысяч раз.

Все повернулись к центральному иллюминатору. Казалось, орбитальный лес находится всего в нескольких тысячах километров от корабля. Зеленые листья, коричневые ветви, из-

вивающийся главный ствол — все это играло красками в свете звезды G8 и плавно уходило в темноту.

— Здесь что-то не так, — сказала Дем Лиа.

— Аномалия, которая вместе с сигналом бедствия заставила нас вывести вас из глубокого сна, — пояснил Сайгё. Его голос снова звучал спокойно. — Орбитальное лесное кольцо не является биоконструктором Бродяг или тамплиеров.

Доктор Самел Риа Кем Али тихо присвистнул:

— Орбитальный лес, созданный инопланетянами. А живут в нем Бродяги — потомки людей.

— И еще кое-что. Мы обнаружили это после входа в систему, — сказал Сайгё. Левый иллюминатор внезапно заполнило изображение корабля — космического судна, такого огромного, что даже представить себе невозможно. Внизу экрана возникло для масштаба изображение «Спирали». Длина «Спирали» составляла один километр. Корпус большого корабля был по меньшей мере в тысячу раз длиннее. Чудовище — широкое, массивное, разлапистое и уродливое, угольно-черное, похожее на насекомое — соединило в себе худшие черты эволюции и промышленного производства. В середине открывалась пасть со стальными зубами — щель, обрамленная бесконечными рядами челюстей, клинков и бритвенно-острых роторов.

— Как бритва Господня, — сказал Патек Георг Дем Мио, пытаясь холодной иронией скрыть дрожь в голосе.

— Ни хрена себе бритва Господня, — тихо ответил Джон Микайл Дем Алем. Одной из его специализаций как черного было жизнеобеспечение, и он вырос, работая на огромных фермах на Витус-Грей-Балиане Б. — Это же утилизатор отходов из преисподней!

— Где он? — начала было Дем Лиа, но Сайгё уже высветил над столом график, показывающий траекторию их движения к лесному кольцу. Отвратительный корабль-машина заходил выше эклиптики, примерно в двадцати восьми астрономических единицах от «Спирали», и направлялся прямо к орбитальному лесу, хотя не так резко, как «Спираль». Из графика было ясно — при данной скорости движения машина выйдет к кольцу через девять стандартных дней.

— Вот это и могло быть причиной сигнала бедствия, — заметила Рес Сандре, вторая из зеленых.

— Если бы оно надвигалось на меня и мою планету, я бы орала так, что меня бы услышали за двести двадцать восемь световых лет, — заметила Ден Соа, молодая с белой лентой.

— Если мы начали принимать этот слабый сигнал где-то за двести двадцать восемь световых лет отсюда, — рассудил Патек Георг, — значит, либо эта штука входит в систему *очень* медленно, либо...

— Либо она была здесь раньше, — закончила Дем Лиа. Она велела ИскИну задраить иллюминаторы. — Вы свободны, — сказала она Сайгё и повернулась к собравшимся: — Так что — будем распределять роли, обязанности и приоритеты и принимать первые решения?

Восемь человек за круглым столом молча кивнули в ответ.

Человеку, чуждому культуре Спектральной Спирали, было бы трудно понять смысл следующих пяти минут. Полный консенсус был достигнут за первые две, но лишь малая часть дискуссии проходила вербально. Сочетание языка рук, поз, кратких фраз и безмолвных кивков, развитое за четыре столетия, отлично помогало принимать совместные решения. Отцы и деды этих людей знали необходимость приказов и подчинения — полмиллиона человек погибли в короткой, но кровавой войне с силами Священной Империи на Витус-Грей-Балиане Б, и еще сто тысяч погибли, когда убегающие имперские мародеры пролетели через их систему тридцать лет спустя. Тем не менее люди Спектральной Спирали предпочитали совместно выбирать того, кто отдает приказы, и только так принимали решения.

В первые две минуты были согласованы назначения и выработаны детали распределения обязанностей.

Командовать доверили Дем Лиа. При необходимости ее единственный голос мог отменять общие решения. Вторая из зеленых, Рес Сандре, предпочитала управлять навигацией и инженерной частью, работая с молчаливым ИскИном по имени Басё. Она должна была использовать время выхода из пространства Хоукинга для пополнения запасов.

Мужчина с красной лентой, Патек Георг, принял обязанности начальника службы безопасности — и это никого не удивило. В его ведение входили управление корабельными системами защиты и организация безопасности при любых

контактах с бродягами. Решения Патека о применении оружия корабля могла отменять только Дем Лиа.

Молодая женщина с белой лентой, Ден Соа, взяла на себя дипломатию и связь, но попросила, чтобы эти обязанности разделил с ней Петер Делен Дем Тае: его образование включало теоретическую экзобиопсихологию.

Доктор Сэм должен был следить за здоровьем всех и каждого на борту и в случае контакта изучать эволюционную биологию Бродяг и тамплиеров.

Мужчина с черной лентой, Джон Микайл Дем Алем, принял на себя командование жизнеобеспечением — наблюдение и управление системами «Спирали» вместе с назначенными на это ИскИнами. Кроме того, в его обязанности входило создание соответствующей среды в том случае, если встреча с Бродягами состоится на борту корабля.

Оам Раи, самая старшая, мастер шахмат, согласилась координировать главные системы корабля и быть советником Дем Лиа.

Кем Лои, астроном, взяла на себя обязанности дальней разведки, но явно рвалась в свободное время изучить систему двойной звезды.

— Кто-нибудь обратил внимание, какого старого друга напоминает эта белая звезда? — спросила она.

— Тау Кита, — без раздумий ответила Рес Сандре.

Кем Лои кивнула:

— И еще мы заметили аномалию в размещении лесного кольца.

Аномалию заметили все. Бродяги предпочитали звезды класса G2, где можно выращивать орбитальные леса на расстоянии около одной астрономической единицы от солнца. Здесь же кольцо отстояло от солнца не далее чем на 0,36 АЕ.

— Почти то же расстояние от солнца, что и у ТКЦ, — заметил Патек Георг. ТКЦ — Тау Кита Центр — имя, под которым эта планета была известна уже более тысячи лет, — был некогда центром и столицей Гегемонии. Под властью Пасема он утратил былое величие и превратился в ничем не примечательную захолустную планетку. Так было до тех пор, пока местный кардинал не попытался выступить против Папы в последние дни Империи. Тогда почти все вновь отстроенные города сровняли с землей. Восемьдесят лет спустя, когда «Спираль» покинула человеческую вселенную, энеане при-

ступили к восстановлению древней столицы, отстраивая классические здания в обширных имениях и превращая развалины в Аркадию. Для энеан.

Распределив и приняв обязанности, люди Спектральной Спирали приступили к обсуждению следующего вопроса — возможности пробуждения своих близких из криогенного сна. Поскольку семьи Спектральной Спирали строились на основе триады — мужчина и две женщины или наоборот — и почти у всех были на борту дети, вопрос оказался сложным. Джон Микайл говорил о ресурсах жизнеобеспечения — которые были на минимуме. В итоге все сошлись на том, что разбудить следует только мужа и жену Ден Соа — молодая дипломатка с белой лентой признала, что ей будет неспокойно без двух ее возлюбленных, и группа согласилась сделать для нее исключение. Разумеется, предполагалось, что партнеры Ден Соа не будут показываться на мостике без крайней необходимости. Ден Соа приняла эти условия. Позвали Сайгё и велели ему немедленно разбудить брачных партнеров Ден Соа. Детей у них не было.

Теперь оставался самый главный вопрос.

— Мы действительно хотим приблизиться к этому кольцу и ввязаться в неприятности Бродяг? — спросил Патек Георг. — Разумеется, если их сигнал бедствия еще не потерял смысл.

— Они по-прежнему передают на старых частотах, — сказала Ден Соа, копаясь в системах связи корабля. Она посмотрела на что-то, видимое ей виртуальным зрением. — И эта чудовищная машина по-прежнему следует своим курсом.

— Однако мы не должны забывать, — произнес мужчина с красной лентой, — что наша цель — избегать контакта с потенциально враждебными форпостами человечества на пути из исследованного космоса.

Рес Сандре, зеленая, отвечающая теперь за инженерную часть, улыбнулась:

— Полагаю, ставя себе эту цель, мы не рассчитывали встретить людей — или бывших людей — за восемь тысяч световых лет от известной границы человеческой вселенной.

— Тем не менее это все равно может навлечь беду на всех, — не уступал Патек Георг.

Истинный смысл слов шефа СБ поняли все. Специализацией красных в Спектральной Спирали была храбрость, политические дискуссии и искусство, но их обучали еще и со-

чувствию к другим живым существам. А значит, говоря о беде для всех, он имел в виду не только 684 291 спящего в корабле, но и самих Бродяг и тамплиеров. Сироты Старой Земли — ветвь человечества, вступившая на путь автономного развития, — уже более тысячи лет были вне истории человечества. Контакт — даже самый мимолетный — мог губительно сказаться на культуре Бродяг.

— Мы хотим приблизиться и посмотреть... и заодно пополнить запасы, если получится, — сказала Дем Лиа. Ее интонация была дружеской, но не допускающей возражений. — Сайгё, при самой крутой траектории, которую допускают защитные поля, сколько у нас времени до рандеву за пять тысяч километров от лесного кольца?

— Тридцать семь часов.

— Что дает нам чуть больше семи суток преимущества перед этой чудовищной машиной.

— Дьявол! — выругался доктор Сэм. — Эту машину могли построить сами Бродяги, чтобы защитить себя при переходе через ударные поля гелиосферы по пути в систему красного гиганта. Этакий кошмарненький троллейбус.

— Вряд ли, — возразила юная Ден Соа, не уловив в его голосе иронии.

— Так... Бродяги нас уже заметили, — сказал Патек Георг, подключаясь к датчикам своего пульта. — Сайгё, пожалуйста, еще раз те же окна. С тем же увеличением.

Внезапно зал озарился сиянием звезд и солнца, по стенам побежали блики от кольцевого дерева, напоминавшего бобовый стебель из сказки про Джека и великанов. Оно уходило из виду, загибаясь вокруг яркой белой звезды. Но теперь к картинке добавилось еще кое-что.

— Это в реальном времени? — прошептала Дем Лиа.

— Да, — ответил Сайгё. — Бродяги заметили наш термоядерный выхлоп, когда мы вошли в систему. Теперь они идут навстречу.

Тысячи, десятки тысяч дрожащих световых полосок отделились от дерева и искорками двинулись прочь от сплетения огромных листьев, ветвей, ствола, удерживающего атмосферу. И шли они в сторону «Спирали».

— Нельзя ли чуть-чуть увеличение? — попросила Дем Лиа.

Она обращалась к Сайгё, но отреагировала Кем Лои, которая уже подключилась к оптической сети корабля.

Световые бабочки. Крылья длиной сто, двести, пятьсот километров ловят солнечный ветер. Мчатся по магнитным силовым линиям, уходя от маленькой яркой звезды. Их — этих ангелов или демонов света — не десятки, но сотни тысяч. По самой минимальной оценке — сотни тысяч.

— Будем надеяться, они настроены дружелюбно, — сказал Патек Георг.

— Будем надеяться, нам удастся вступить с ними в контакт, — прошептала молодая Ден Соа. — То есть... за эти полторы тысячи лет эволюция могла их завести куда угодно.

Дем Лиа стукнула рукой по столу — негромко, но решительно.

— Сейчас предлагаю оставить дискуссии и приготовиться к встрече через...

— Через двадцать семь часов шесть минут, если Бродяги выходят из системы нам навстречу, — закончил Сайгё.

— Рес Сандре, — мягко проговорила Дем Лиа, — почему бы тебе и твоим навигационным ИскИнам не приступить к подготовке последнего отрезка тормозного пути — просчитать все так, чтобы не сжечь ненароком пару десятков тысяч Бродяг? Для дипломатического контакта это было бы не слишком удачным началом.

— Но если они вышли к нам с враждебными намерениями, — возразил Патек Георг, — термоядерный выхлоп послужит, возможно, самым лучшим оружием против...

Дем Лиа не позволила ему договорить. В ее голосе звучала спокойная решимость.

— Вопрос о войне против этой цивилизации Бродяг не ставится до тех пор, пока не прояснятся их намерения. Патек, можешь осмотреть все защитные системы корабля, но дальнейшие совместные обсуждения наступательных действий отменяются, пока мы с тобой не поговорим наедине.

Патек Георг склонил голову.

— Вопросы или замечания есть? — спросила Дем Лиа.

Ни вопросов, ни замечаний не было.

Девять человек встали из-за стола и разошлись по своим делам.

Чуть более чем двадцать четыре часа спустя Дем Лиа, которой практически не удалось поспать, стояла одна в сиянии белой звезды G8, висевшей в нескольких ярдах от ее плеча.

Переплетение ветвей было так близко, что можно было почти коснуться дерева, охватить своей непомерно гигантской рукой; на уровне груди Дем Лиа трепетали крыльями сотни тысяч световых бабочек, слетающихся к «Спирали», уже убравшей тормозной термоядерный выхлоп. Дем Лиа стояла в черной пустоте, и кольцевое дерево висело у нее вокруг пояса, а огромная сфера созвездий и туманных галактик уходила вверх, вдаль, в стороны.

Неожиданно рядом с ней возник Сайгё. Древний монах сидел в своей обычной виртуальной позе: скрестив ноги, он парил над эклиптикой в нескольких ярдах от Дем Лиа. Он был бос, без рубашки, и круглый живот еще более усиливал добродушную жизнерадостность, исходящую от круглого лица, раскосых глаз и румяных щек.

— Как красиво они летят в солнечном свете, — тихо сказала Дем Лиа.

Сайгё кивнул:

— Обратите внимание, что они и в самом деле балансируют на ударных волнах, идущих вдоль магнитных силовых линий. Вот почему у них такие скачки скорости.

— Я слышала об этом, но еще ни разу не видела, — произнесла Дем Лиа. — Ты не мог бы...

Солнечная система мгновенно превратилась в лабиринт силовых линий магнитного поля, исходящих от звезды G8, сначала закругляясь, потом выпрямляясь и расходясь, как лучи лазерной защиты. Сложный узор магнитных полей высветился красным. Синие линии обозначили неисчислимые пути космических лучей, заливающих систему и всю галактику, пересекающих линии магнитного поля и закручивающихся вдоль них штопором, как лососи, пробивающиеся против течения, чтобы отложить икру в брюхе звезды. Дем Лиа заметила, что силовые линии, исходящие из северного и южного полюса звезды, переплетаются друг с другом и запутываются, отклоняя космические лучи, которые иначе легко прошли бы к гладким околополярным полям. На ум ей пришла другая метафора — сперматозоиды, рвущиеся к пылающей яйцеклетке, отбрасываемые злобным солнечным ветром и прибоем магнитных волн, отшвыриваемые ударными волнами, пробегающими по силовым линиям, будто кто-то встряхивает провод или щелкает бичом.

— Штормит, — заметила Дем Лиа, видя, как очень многие Бродяги скользят, взлетают и вращаются вдоль фронтов ионных ударных волн, магнитных силовых линий и космических лучей, а солнечный ветер бьется взад-вперед, сталкиваясь с фронтами более быстрых волн, когда создаются мгновенные цунами, устремляющиеся от солнца и вновь возвращающиеся обратно, подобно гигантскому прибою, набегающему на огненный пляж звезды G8.

Бродяги с легкостью улавливали все столкновения и пересечения красных линий магнитного поля, желтых ионных потоков, синих шнуров космических лучей и кружащего многоцветья сталкивающихся фронтов ударных волн. Дем Лиа поглядела туда, где взбухающая гелиосфера красного гиганта встречалась с кипящей гелиосферой яркого белого карлика: буря цвета и света была словно сияющий красочный океан, и волны разбивались на тысячи брызг об утесы столь же яркого, полыхающего континента огненной энергии. Величественно.

— Вернемся к обычному изображению, — сказала Дем Лиа, и тут же вновь возникли звезды, кольцевое дерево, порхающие, словно бабочки, Бродяги и замедляющая движение «Спираль». Изображения Бродяг были даны в другом масштабе, чтобы их можно было разглядеть. — Сайгё, — попросила Дем Лиа, — пригласи, пожалуйста, всех остальных ИскИнов.

Улыбчивый монах поднял брови.

— Всех сразу?

— Да.

Они появились быстро, но не мгновенно — сначала одна виртуальная фигура, потом вторая...

Первой возникла благородная Мурасаки — маленькая, ниже даже миниатюрной Дем Лиа, и при виде ее древнего одеяния — халата-кимоно — у командующей захватило дыхание. «И такую красоту на Старой Земле воспринимали как должное», — подумала Дем Лиа. Мурасаки вежливо поклонилась, не вынимая миниатюрные ручки из рукавов халата. Личико ее было выкрашено почти в белый цвет, глаза и губы густо подведены, а длинные черные волосы убраны так затейливо, что Дем Лиа, предпочитавшая короткую стрижку, даже представить себе не могла, сколько труда надо затратить на расчесывание и укладку такой массы волос.

Секунду спустя на свободное место по другую сторону виртуальной «Спирали» уверенно шагнул Иккю. Этот ИскИн выбрал себе личность постарше: давно умерший поэт дзэн выглядел на семьдесят, ростом был повыше других японцев, совершенно лысый, с глубокими морщинами заботы на лбу и морщинками смеха вокруг живых глаз. Еще до полета Дем Лиа в базе данных по истории прочитала об этом монахе, поэте, музыканте и каллиграфе пятнадцатого столетия: кажется, когда историческому Иккю исполнилось семьдесят, он влюбился в слепую певицу на сорок лет его моложе и привел в ужас молодых монахов, когда перевез возлюбленную к себе в храм. Дем Лиа он нравился.

Следующим был Басё. Великий поэт хайку являлся в виде долговязого японского крестьянина семнадцатого столетия, одетого в коническую шляпу и сандалии своего сословия. Под ногтями у него всегда была земля.

Изящно вошел в круг Рёкан. Этот был одет в красивые одежды небесного цвета с золотой оторочкой. Длинные волосы забраны в хвост.

— Я попросила вас собраться здесь из-за сложностей предстоящей встречи с Бродягами, — решительно начала Дем Лиа. — В судовом журнале я прочла, что один из вас возражал против выхода из пространства Хоукинга в ответ на сигнал бедствия.

— Это был я, — ответил Басё. Он говорил на современном английском языке Священной Империи, но голос его звучал низко и рокочуще, как у древнего самурая.

— Почему? — спросила Лиа.

Басё махнул рукой.

— В согласованных приоритетах такое событие предусмотрено не было. Я считал, что оно создает слишком большую потенциальную опасность и слишком малую потенциальную выгоду для нашей реальной цели: поиска планеты для колонизации.

Дем Лиа указала на рой Бродяг, приближающихся к кораблю. До них было всего несколько тысяч километров. На всех старых радиочастотах Бродяги почти все стандартные сутки декларировали свои мирные намерения.

— Ты по-прежнему считаешь, что это слишком рискованно? — спросила она высокого ИскИна.

— Да.

Дем Лиа кивнула, слегка поморщившись. Если ИскИны в важном вопросе не могли достигнуть согласия, это всегда внушало тревогу, но именно поэтому энеане оставили их автономными после распада Техно-Центра. И вот почему для голосования ИскИнов должно было быть пять.

— Все остальные считают, что риск приемлем?

Мурасаки ответила низким грудным голосом, очень тихо, почти шепотом:

— Мы нашли отличную возможность пополнить запасы пищи и воды, а о прочих последствиях более надлежит беспокоиться вам, нежели нам. Выходя из пространства Хоукинга, мы не видели большого корабля в пределах системы. В противном случае мы могли бы принять иное решение.

— Это человеческая культура Бродяг с заметной долей присутствия тамплиеров. Вряд ли они имели контакт с остальным человечеством со времен эпохи ранней Гегемонии, — с энтузиазмом произнес Иккю. — Не исключено, что это самый дальний форпост древней Хиджры. Всего человечества. Изумительная возможность с научной точки зрения.

Дем Лиа нетерпеливо кивнула:

— Через несколько часов состоится встреча. Радиоконтакт уже был. Вы слышали — они говорят, что хотят приветствовать нас и говорить с нами. Мы в ответ тоже были вежливы. Диалекты у нас не настолько разошлись, чтобы кристаллы трансляторов не справились с переводом. Но как нам знать, на самом ли деле они идут с миром?

Рёкан откашлялся.

— Необходимо помнить, что более тысячи лет все войны с Бродягами провоцировались — сначала Гегемонией, потом Священной Империей. Самые первые колонии Бродяг в глубоком космосе были весьма мирные, а эта — дальняя колония — вряд ли была втянута в какой-либо конфликт.

Сайгё, удобно усевшийся в пустоте, хмыкнул:

— Не надо забывать, что во время настоящих войн с Империей Пасема эти миролюбивые, адаптировавшиеся к космосу люди научились для собственной защиты использовать военные корабли с модифицированными двигателями Хоукинга, плазменное оружие и даже кое-какое трофейное оружие эскадры «Гидеон». — Он взмахнул рукой. — Этих приближающихся Бродяг мы просканировали, и оружия у них нет — даже деревянного копья.

Дем Лиа кивнула:

— Кем Лои показала мне свидетельства, что их кораблисеятели оторвались от кольца уже давно — может быть, всего через несколько лет или месяцев после прибытия. В этой системе нет астероидов, а облако Оорта рассеяно намного дальше, чем они могут долететь. Вполне возможно, что у них нет ни металла, ни промышленности.

— Мэм, — с озабоченным видом сказал Басё, — откуда нам знать? Бродяги настолько изменили свои тела, что научились генерировать из силовых полей крылья размахом в сотни километров. Если они подойдут к кораблю на достаточно близкое расстояние, то — теоретически — смогут использовать комбинированное воздействие плазмы этих крыльев для разрушения защитного поля и нападения на корабль.

— Забиты насмерть ангельскими крыльями, — тихо сказала Дем Лиа себе под нос. — Веселенькая смерть.

ИскИны промолчали.

— Кто непосредственно работает с Патеком Георгом над оборонительной стратегией? — спросила Дем Лиа в наступившей тишине.

— Я, — ответил Рёкан.

Дем Лиа это знала, но все равно подумала: «Слава Богу, что не Басё!» Патек Георг и без того параноик.

— Каковы будут рекомендации Патека относительно нашей встречи, которая произойдет через несколько минут? — спросила она, не выдавая своих мыслей.

ИскИн колебался едва заметную долю секунды. ИскИнам свойственно чувство преданности к тому, с кем они работают, но, кроме того, они вполне осознают приоритет избранного командира корабля.

— Патек Георг собирается рекомендовать стокилометровую буферную зону с внешним ограничивающим полем класса двадцать, — тихо сказал Рёкан. — Все лучевое оружие приведено в боевую готовность и нацелено на триста девять тысяч двести пять приближающихся Бродяг.

Дем Лиа чуть приподняла брови.

— И сколько времени займет у наших систем атака на триста с чем-то тысяч целей?

— Две целых шесть десятых секунды.

Дем Лиа покачала головой.

— Рёкан, будь добр, скажи Патеку Георгу, что мы с тобой переговорили и что я хочу выставить защитное поле не на сто километров от корабля, а ровно на один. Один километр от корабля. Пусть это будет поле класса двадцать — Бродяги увидят его силу, и это будет хорошо. Но лучевое оружие не должно быть наведено на Бродяг. Я полагаю, они так же хорошо видят наши сканирующие прицелы. Вы, Рёкан, вместе с Патеком Георгом можете гонять столько учебных боевых имитаций, сколько сочтете нужным, но не подавайте энергии на оружие и не наводите прицел, пока я не дам команду.

Рёкан поклонился. Басё переступил с ноги на ногу, но ничего не сказал.

Высокородная дама Мурасаки шевельнула перед собой веером.

— Ты доверяешь, — тихо сказала она.

Дем Лиа не улыбнулась.

— Не до конца. До конца я никогда не доверяю. Рёкан, я прошу вас с Патеком Георгом настроить систему защитных полей так, что, если хоть один Бродяга попытается взломать поле фокусированной плазмой своих крыльев, оно немедленно должно перейти в аварийное состояние класса тридцать пять и расшириться на пятьсот километров.

Рёкан кивнул. Иккю слегка улыбнулся:

— Очень уж быстрый будет полет для огромной массы Бродяг, мэм. Вряд ли их личные энергетические системы смогут поддержать жизнеобеспечение при таком ударе, и они точно не смогут затормозить еще половину АЕ, если не больше.

Дем Лиа кивнула:

— Это их трудности. Надеюсь, до этого не дойдет. Спасибо всем, что уделили мне внимание.

Шесть человеческих фигур мгновенно исчезли.

Встреча была мирной и полезной.

Первый вопрос, который задали Бродяги двадцать часов назад, был таков:

— Вы — Пасем?

Сначала этот вопрос удивил Дем Лиа и всех остальных — они считали, что Бродяги лишились контакта с человеческой вселенной задолго до возникновения Священной Империи. Но потом Джон Микайл Дем Алем, мужчина с черной лентой, догадался:

— Момент Сопричастности. Конечно, все дело — в Моменте Сопричастности.

Девять человек переглянулись в молчании. Все понимали, что Момент Сопричастности Энеи во время ее мучений и смерти в руках Священной Империи и Техно-Центра дошел до каждого в человеческой вселенной. Все просто. Гештальтный резонанс Связующей Бездны, передавшей мысли и воспоминания умирающей Энеи, все ее знания по нитям квантовой ткани вселенной, той ткани, что резонирует в ответ на эмоции, объединяя на миг всех, чьи предки некогда жили на Старой Земле. Да, но здесь? Так далеко? За тысячи световых лет?

Внезапно Дем Лиа поняла, насколько это глупая мысль. Момент Сопричастности Энеи, случившийся почти пятьсот лет назад, должен был разойтись по всей вселенной вдоль квантовой ткани Связующей Бездны, касаясь чужих рас и культур настолько далеких, что до них не достанет никакая человеческая техника передвижения и связи, добавляя первый сознательно прозвучавший человеческий голос к эмпатической беседе мыслящих и чувствующих, ведущейся уже двенадцать миллиардов лет. Почти все эти виды вымерли или развились во что-то совсем иное, как говорили Дем Лиа энеане, но их эмпатическая память по-прежнему звучит в Связующей Бездне.

Ну конечно же, все так — пятьсот лет назад эти Бродяги пережили Момент Сопричастности.

— Нет, мы не Пасем, — радировала обратно «Спираль». — Империя Пасема почти полностью разрушена четыреста стандартных лет назад.

— Есть у вас на борту последователи Энеи? — был следующий вопрос Бродяг.

Девять человек на капитанском мостике тяжко вздохнули. Наверное, Бродяги отчаянно ждали апостола энеан, пророка, того, кто принесет им священную ДНК Энеи, чтобы они тоже стали энеанами.

— Нет, — ответило радио «Спирали». — Последователей Энеи нет.

Они попытались объяснить, что такое Спектральная Спираль Амуа и как энеане помогли построить ее и приспособить к долгому полету.

После долгого молчания радио принесло вопрос:

— Есть на борту кто-нибудь, кто был знаком с Энеей или ее возлюбленным, Раулем Эндимионом?

И снова все девять человек недоуменно переглянулись. Ответил Сайгё, сидевший в позе лотоса неподалеку от круглого стола.

— Никто из тех, кто находится на борту, не был знаком с Энеей, — сказал он тихо. — Из спектральной семьи, которая прятала и лечила Эндимиона, когда он заболел на Витус-Грей-Балиане Б, двое брачных партнеров были убиты на войне с Пасемом — одна из матерей, Дем Риа, и биологический отец, Алем Микайл Дем Алем. Сын этой триады, Бин Риа Дем Лоа Алем, тоже погиб под бомбами Пасема. Дочь Алема Микайла от предыдущего брака исчезла и считается погибшей. Выжившая женщина триады, Дем Лоа, приняла причастие и стала энеанкой вскоре после Момента Сопричастности. Она покинула Витус-Грей-Балиан Б и не вернулась.

Дем Лиа и ее коллеги ждали, зная, что ИскИн не стал бы так много говорить, если бы не было продолжения.

Сайгё кивнул.

— Оказалось, что дочь, Сес Амбре, считавшаяся погибшей в резне гражданского населения Спектральной Спирали, устроенной Пасемом на базе Бомбасино, была на самом деле вывезена с планеты в числе более чем тысячи детей и подростков. Их должны были воспитать на планете Святая Тереза — последнем оплоте Священной Империи — и возродить как христиан Пасема. Сес Амбре получила крестоформ и попала под надзор религиозных стражников на девять лет, пока эта планета не была освобождена энеанами и Дем Лоа не узнала, что ее дочь жива.

— Они воссоединились? — спросила юная Ден Соа; в глазах у нее стояли слезы. — Сес Амбре освободилась от крестоформа?

— Да, они воссоединились, — сообщил Сайгё. — Дем Лоа прибыла, как только узнала, что ее дочь жива. Сес Амбре согласилась, чтобы энеане освободили ее от крестоформа, но сказала, что отказывается принять причастие кровью Энеи от мачехи по триаде и самой стать энеанкой. В ее деле говорится, что она хотела вернуться на Витус-Грей-Балиан Б и увидеть останки культуры, из которой некогда была похищена. Она там жила и работала учительницей почти шестьде-

сят стандартных лет. И приняла синюю ленту своей бывшей семьи.

— Отказалась от крестоформа, но не стала энеанкой, — произнесла вполголоса Кем Лои, астроном, словно не в силах поверить.

— Она на борту в глубоком сне, — сказала Дем Лиа.

— Да, — подтвердил Сайгё.

— Сколько ей было лет на момент нашего отлета? — спросил Патек Георг.

— Девяносто пять стандартных лет, — сообщил ИскИн и улыбнулся. — Но она, как и все мы, воспользовалась услугами энеанской медицины задолго до старта. Ее физическое состояние и умственные способности на уровне женщины шестидесяти лет.

Дем Лиа потерла щеку.

— Сайгё, разбуди, пожалуйста, гражданку Сес Амбре. Ден Соа, не могла бы ты быть рядом при ее пробуждении и объяснить ей ситуацию до прибытия Бродяг? Кажется, им интереснее познакомиться с человеком, знавшим мужа Энеи, чем узнать подробнее о Спектральной Спирали.

— *Будущего* мужа с точки зрения времени, — поправил черный, Джон Микайл, отличавшийся некоторой педантичностью. — Рауль Эндимион еще не был мужем Энеи во время своего пребывания на Витус-Грей-Балиане Б.

— Для меня будет честью остаться с Сес Амбре до встречи с Бродягами, — сияя улыбкой, сказала Ден Соа.

Бродяги остановились на расстоянии в пятьсот километров от корабля, и три их посла прибыли на борт. По радио выяснилось, что эти трое способны выдержать гравитацию в 0,1 g без особого дискомфорта, и потому в пузыре солярия чуть позади и вверху центрального поста установили защитное поле на этот уровень, закрепили стулья и включили освещение. Люди Спирали полагали, что разговор проще будет вести, имея хоть какое-то понятие о верхе и низе. Ден Соа добавила, что зелень солярия может создать Бродягам ощущение уюта. Корабль с легкостью вырастил шлюз вверху огромного пузыря, и ожидающие смотрели, как к нему приближаются двое крылатых Бродяг и небольшая фигурка в прозрачном скафандре. Бродяги, привыкшие к атмосфере кольца, дышали стопроцентным кислородом, так что корабль

позаботился о создании для них нужных условий. Когда вошли Бродяги, Дем Лиа ощутила небольшую эйфорию. «Интересно, — подумала она, — только ли это от чистого кислорода или еще от новизны обстоятельств?»

Бродяги, усевшись в приготовленные для них кресла, принялись изучать пятерых собеседников из Спектральной Спирали: Дем Лиа, Ден Соа, Патека Георга, психолога Петера Делена Дем Тае и Сес Амбре — приятную женщину с коротко стриженными седыми волосами, аккуратно сложившую руки на коленях. Бывшая учительница настояла на полной форме одежды — синее платье и синий капюшон, — и только несколько нашитых в стратегических точках пластин не давали ее одежде развеваться и надуваться при каждом движении.

В делегацию Бродяг вошли три абсолютно разных существа. Слева, в тщательно сконструированном кресле для низкой гравитации, сидел полностью адаптированный к космосу Бродяга. Он представился как Далекий Ездок. Ездок был почти четырех метров ростом, и рядом с ним Дем Лиа казалась себе еще ниже, чем на самом деле. Люди Спектральной Спирали вообще были приземисты и коренасты — не столько из-за долгой жизни на планете с высокой гравитацией, сколько из-за генетического наследия основателей. Адаптированный к космосу Бродяга во многом выглядел совсем не почеловечески. Руки и ноги у него были как палки, приделанные к тонкому туловищу. Пальцы — сантиметров двадцать, не меньше. Каждый квадратный сантиметр тела — казавшегося почти голым под облегающим слоем потоохладителя — был покрыт генерируемым им самим силовым полем (вполне обычной, лишь усовершенствованной аурой человеческого тела), и это поле позволяло Бродяге жить в глубоком вакууме. Гребни над плечами служили антеннами для раскрытия крыльев силового поля, ловивших солнечный ветер и магнитные поля. Лицо Далекого Ездока по сравнению с обычными людьми было генетически сильно изменено: глаза — черные щели за выпуклыми моргающими мембранами, вместо ушей — сетки по бокам головы, наводившие на мысль о радиоприемнике, рот — узкая безгубая щель. Для общения использовались радиожелезы в шее.

Делегация Спектральной Спирали знала об этой особенности Бродяг, и у каждого был небольшой наушник, который мог не только принимать передачу Далекого Ездока, но

и давал возможность связаться с ИскИнами на кодированной частоте.

Второй Бродяга был лишь частично приспособлен к космосу, зато куда более похож на человека. Три метра ростом, тонкий, чем-то напоминающий паука. Постоянного силового поля эктоплазменной кожи у него не было; безволосый, узколицый, узкоглазый, с резкими чертами лица. Он говорил на английском времен ранней Сети с едва заметным акцентом. Представился он как глава ветви и историк Кил Редт, и было очевидно, что он и будет на переговорах главным представителем, если не руководителем всей группы.

Слева от главы ветви сидела женщина-тамплиер — молодая, лысая, с тонкими, слегка азиатскими чертами лица и с обычными для тамплиеров большими глазами. Одета она была в традиционный балахон с капюшоном. Она представилась как Истинный Глас Древа Рита Кастин, и голос у нее был тихий и необычно музыкальный.

Когда люди Спирали представились, Дем Лиа заметила, что Бродяги и женщина-тамплиер глядят на Сес Амбре, а та дружелюбно улыбается в ответ.

— Как вы добрались так далеко в таком корабле? — спросил глава ветви Кил Редт.

Дем Лиа рассказала о решении основать новую колонию Спектральной Спирали Амуа подальше от космоса энеан и людей. Далее последовали неизбежные вопросы об истоках культуры Спектральной Спирали Амуа, и Дем Лиа рассказала эту историю как можно более сжато.

— Если я вас правильно поняла, — сказала, выслушав ее, Истинный Глас Древа Рита Кастин, — вся ваша социальная структура построена на опере — музыкально-зрелищном представлении, которое было исполнено единственный раз более шестисот стандартных лет тому назад.

— Не *вся* социальная структура, — ответила Ден Соа. — Культуры, конечно, растут и приспосабливаются к меняющимся условиям и императивам. Но философский фундамент и структура нашей культуры содержались в этом единственном представлении философа-композитора-поэта-голографа Хэлпула Амуа.

— И что думал этот... поэт об обществе, построенном на его единственной мультимедийной опере? — поинтересовался глава ветви.

Вопрос был щекотливый, но Дем Лиа ответила с улыбкой:

— Мы никогда этого не узнаем. Гражданин Амуа случайно погиб в горах где-то через месяц после исполнения его симфонической поэмы. Первые общины Спектральной Спирали появились только спустя двадцать стандартных лет.

— Вы обожествляете этого человека? — спросил глава ветви Кил Редт.

— Нет, — ответила Сес Амбре. — Никто из народа Спектральной Спирали не обожествляет Хэлпула Амуа, хотя мы взяли его имя для названия нашего общества. Но мы почитаем те ценности и цели человеческого потенциала, которые он вложил в свое искусство в том единственном представлении, и пытаемся жить в соответствии с ними.

Кил Редт кивнул — кажется, ответ его удовлетворил.

Тихий голос Сайгё шепнул в ухо Дем Лиа:

— Они передают изображение и звук по направленному лучу, который принимают Бродяги снаружи и транслируют на кольцевое дерево.

Дем Лиа обвела взглядом всех троих и остановилась на Далеком Ездоке, полностью адаптированном к космосу. Его человеческие глаза были почти невидимы за выпуклыми поляризованными мигающими мембранами, делающими его похожим на насекомое. Сайгё проследил за ее взглядом и шепнул:

— Да, это он передает.

Дем Лиа поднесла пальцы к губам, чтобы не был заметен произносимый горлом звук.

— Вы расшифровали их луч?

— Да, — ответил Сайгё. — Очень примитивно. Они передают только образы и звуки этой встречи. Ни подканалов данных, ни ответа от ближайших Бродяг или орбитального дерева.

Дем Лиа еле заметно кивнула. Поскольку «Спираль» тоже полностью записывала встречу, фиксируя инфракрасное излучение, магнитно-резонансный анализ мозговой деятельности и многие другие параметры, она не могла винить Бродяг за ведение записи. Внезапно она покраснела. Инфракрасный диапазон. Физическое сканирование в узкой полосе. Удаленный нейро-ядерно-магнитный резонанс. Конечно же, адаптированный к космосу Бродяга видел все эти зонды — этот человек, если он все еще человек, жил в среде, где

виден солнечный ветер, ощущаются магнитные силовые линии и даже заметны отдельные ионы, пролетающие рядом с ним и сквозь него в глубоком вакууме. Она неслышно приказала:

— Отключить все датчики, кроме голокамер.

Молчание Сайгё означало согласие.

Дем Лиа увидела, как Далекий Ездок вдруг моргнул, будто отключили бьющий в глаза слепящий свет, потом посмотрел на Дем Лиа и едва заметно кивнул. Непривычная щель его рта, запечатанная от мира слоем силового поля и чистой эктоплазмы кожи, дернулась — это могла быть улыбка.

Тем временем молодая женщина-тамплиер, Рита Кастин, говорила:

— ...так что, как видите, мы застали лишь самое начало Великой Сети и покинули человеческую вселенную примерно тогда, когда образовывалась Гегемония. Мы ушли из системы Центавра несколько позже завершения первой Хиджры. Периодически наши корабли-сеятели выходили в реальное пространство — на выходе к нам примыкали тамплиеры с Рощи Богов, так что до нас доходили слухи, а иногда и информация из первых рук о том, во что превращается межзвездное сообщество Великой Сети. Мы продолжали свой путь вовне.

— Зачем так далеко? — спросил Патек Георг.

Ответил глава ветви:

— Очень просто: корабль засбоил. Он столетиями держал нас в глубоком криогенном сне, и его программы игнорировали системы, где можно было бы построить орбитальное дерево. Наконец, когда корабль понял свою ошибку — у нас уже умерли тысяча двести человек в колыбелях сна, не рассчитанных на такое долгое путешествие, — он забеспокоился и стал выходить из пространства Хоукинга возле каждой системы, но там оказывался обычный ассортимент звезд, либо не способных поддерживать наши древесные кольца, либо смертельных для Бродяг. Из записей корабля мы знаем, что он чуть не высадил нас возле системы черной дыры, собирающейся проглотить своего красного гиганта.

— Диск аккреции наверняка был интересным зрелищем, — чуть улыбнулась Ден Соа.

Глава ветви тоже улыбнулся тонкими губами.

— Да, пару недель или месяцев мы могли бы полюбоваться, пока бы не погибли. Но корабль, если можно так сказать, собравшись с мыслями, сделал еще один скачок и нашел эту двойную систему с гелиосферой белой звезды, пригодной для нашего обитания, и уже созданным древесным кольцом.

— Как давно это случилось? — спросила Дем Лиа.

— Примерно тысячу двести тридцать лет назад, — передал по радио Далекий Ездок.

Женщина-тамплиер наклонилась вперед и стала рассказывать дальше:

— Первое, что мы обнаружили, — что это орбитальное дерево не имеет никакого отношения к биогенетике, которую мы разработали на Роще Богов для строительства наших прекрасных и таинственных звездных деревьев. ДНК по строению и функциям была настолько чужой, что попытка вмешаться в ее работу могла бы погубить все кольцо.

— Вы могли начать создавать свой лес внутри и вокруг этого, — сказала Сес Амбре. — Или попытаться построить звездную сферу, как другие Бродяги.

Рита Кастин, Истинный Глас Древа, кивнула:

— Мы только начали это делать — и развивать центры роста протогенов за несколько сотен километров от того места, где поставили корабль-сеятель в листьях и ветвях чужого дерева, как вдруг... — Она запнулась, будто подыскивая слова.

— Появился Разрушитель, — передал Далекий Ездок.

— Разрушитель — это тот корабль, который мы видели на подходе к вашему кольцу? — уточнил Патек Георг.

— Такой же, — передал Далекий Ездок. Будто выплюнул эти слова.

— Такое же порождение ада, — добавил глава ветви.

— Он уничтожил ваш корабль-сеятель, — сказала Дем Лиа. — Вот почему у Бродяг нет металла, и вот почему вокруг чужого леса не выращено дерево тамплиеров.

Далекий Ездок покачал головой:

— Он *сожрал* корабль-сеятель и еще двадцать восемь тысяч километров самого лесного кольца — каждый лист, плод, хранилище кислорода, водяное щупальце, даже центры роста протогенов.

— Тогда у нас было куда меньше адаптированных к космосу Бродяг, чем сейчас, — сказала Рита Кастин. — Адаптиро-

ванные пытались спасти остальных, но много тысяч погибло при первом приходе Разрушителя... Пожирателя... Машины. У нас для него много имен.

— Корабль ада, — сказал глава ветви, и Дем Лиа поняла, что он говорит буквально, будто из ненависти к этой машине выросла религия.

— Как часто он появляется? — спросила Ден Соа.

— Каждые пятьдесят семь лет, — ответила женщина-тамплиер. — Минута в минуту.

— Из системы красного гиганта? — уточнила Ден Соа.

— Да, — передал Далекий Ездок. — Из звезды ада.

— Если вам известна его траектория, — сказала Дем Лиа, — разве вы не можете вычислить, какие секции вашего лесного кольца он собирается... опустошить, поглотить? Разве нельзя их не колонизировать или хотя бы эвакуировать? В конце концов, большая часть дерева должна быть не населенной... его площадь в полмиллиона раз больше Старой Земли или Гипериона.

Кил Редт снова продемонстрировал улыбку.

— Очень скоро — где-то через семь-восемь стандартных суток — Разрушитель при всей своей массе не только завершит торможение, но и выполнит сложные маневры, которые приведут его к населенной части кольца. Всегда к населенной части. Сто четыре года назад траектория привела его к скоплению резервуаров кислорода, где построили себе дом более двадцати миллионов не до конца адаптированных к космосу Бродяг. Там у них были транспортные трубы, мосты, башни, платформы городов и искусственно выращенные модули жизнеобеспечения, которые строились уже более шестисот стандартных лет.

— Все уничтожено, — скорбно произнесла Рита Кастин. — Сожрано. Сжато.

— Много людей погибло? — спокойно спросила Дем Лиа.

Далекий Ездок покачал головой и передал:

— Миллионы полностью адаптированных вывезли дышащих кислородом. Погибло меньше сотни.

— Вы пытались установить связь с этой... машиной? — поинтересовался Петер Делен Дем Тае.

— Много сотен лет, — слегка дрожащим голосом ответила Рита Кастин. — По радио, по направленному пучку, по немногим сохранившимся голопередатчикам; народ Далекого

Ездока даже использовал поля своих крыльев — тысячи полей — для передачи сообщений простым математическим кодом.

Пятеро людей Спирали ждали продолжения.

— Ничего, — безжизненно произнес глава ветви. — Он прилетает, выбирает обитаемую секцию кольца и пожирает. Ответа не было никогда.

— Мы считаем, что он полностью автоматизированный и очень древний, — сказала Рита Кастин. — Может быть, ему миллион лет. Он все еще работает по программе, по которой было построено кольцо. Он убирает огромные секции кольца, стволы, ветви, тубулы с миллионами галлонов выработанной деревом воды... потом возвращается в систему красной звезды и после перерыва появляется снова.

— Мы раньше думали, что в системе красного гиганта осталась планета, — передал Далекий Ездок. — Планета, которая от нас все время скрыта на дальней стороне этого солнца зла. Которая вырастила орбитальное дерево как источник питания для себя еще до того, как звезда стала красным гигантом, и продолжает собирать урожай, невзирая на все ужасы, которые мы при этом испытываем. Теперь мы так не думаем. Такой планеты нет. Теперь мы считаем, что Разрушитель действует сам по себе, по древней слепой программе, убирая секции кольца и уничтожая наши поселения без всякой причины. Кто бы там ни жил в этой системе красного гиганта, она давным-давно покинута.

Дем Лиа пожалела, что здесь нет Кем Лои, астронома. Но она знала, что Кем Лои наблюдает с центрального поста.

— На подлете к двойной системе мы ни одной планеты не видели, — сказала она. — Кажется очень маловероятным, чтобы какой-нибудь пригодный для жизни мир пережил превращение звезды класса G2 в красный гигант.

— И тем не менее Разрушитель каждый раз проходит очень близко от этой страшной звезды, — возразил глава ветви. — Может быть, там осталась какая-то искусственная среда — космическая база, полый астероид. Среда, обитателям которой это древесное кольцо нужно для выживания. Но это не оправдывает бойни.

— Если они могли построить такую машину, то могли просто покинуть систему, когда состояние звезды стало угро-

жающим, — задумчиво протянул Патек Георг и посмотрел на Далекого Ездока. — Вы пытались уничтожить машину?

На лице Далекого Странника мелькнула улыбка — широкая, как у ящерицы.

— Много раз. Десятки тысяч Бродяг погибли. У машины энергетическая защита, испепеляющая нас примерно за сто тысяч километров.

— Может быть, обыкновенная метеоритная защита, — предположила Дем Лиа.

Улыбка Далекого Ездока сделалась пугающе широкой.

— Даже если так, она оказалась очень эффективным орудием убийства. В последней атаке погиб мой отец.

— Вы пытались долететь до системы красного гиганта? — спросил Петер Делен.

— У нас не осталось звездолетов, — ответила женщина-темплиер.

— А на крыльях? — предложил Петер, явно прикидывая в уме, сколько времени мог бы занять такой полет. Годы — пусть даже десятки лет при скоростях солнечных парусов, — но вполне в пределах жизни Бродяги.

Узкая с длинными пальцами ладонь Далекого Ездока резко разрубила воздух.

— Слишком велики возмущения гелиосферы. И все равно мы пытались сотни раз — в эти экспедиции уходили десятки, а не вернулся никто. Шесть ваших стандартных лет назад в такой экспедиции погиб мой брат.

— А сам Далекий Ездок был тяжело ранен, — тихо закончила Рита Кастин. — Полетели шестьдесят восемь лучших космических ездоков — вернулись двое. Все, что осталось у нас от медицинской науки, понадобилось для спасения жизни Далекого Ездока, и еще два года он провел в питающем модуле.

Дем Лиа прокашлялась.

— Какой помощи вы хотите от нас?

Двое Бродяг и женщина-тамплиер подались вперед. От имени всех заговорил глава ветви Кил Редт:

— Если, как вы считаете, как убедились мы, в системе красного гиганта не осталось обитаемого мира — убить Разрушителя. Аннигилировать этот жатвенный комбайн. Спасти нас от бессмысленной, извечной и бесконечной бойни. Мы вознаградим вас так щедро, как только сможем: провизия,

плоды и столько воды, сколько нужно вам на ваш путь, передовая генетическая технология, наше знание ближайших систем — все, что вы захотите.

Люди Спектральной Спирали переглянулись. Наконец Дем Лиа сказала:

— Если вам здесь удобно, мы попросим извинить нас и пойдем немного посовещаемся. С вами с удовольствием останется Сес Амбре и будет говорить о том, о чем вы захотите.

Глава ветви развел руками:

— Нам вполне удобно. И мы будем более чем польщены возможностью побеседовать с достопочтенной мадам Амбре — той, которая видела мужа Энеи.

Дем Лиа заметила, что молодая женщина-тамплиер, Рита Кастин, весьма заинтересовалась этой перспективой.

— А потом вы сообщите нам ваше решение? — передал Далекий Ездок.

От его воскового тела, огромных наглазных щитков и общего впечатления чуждости у Дем Лиа пробегал холодок по коже. Это создание питалось светом, вбирая достаточно энергии, чтобы разворачивать электромагнитные солнечные крылья длиной в сотни километров, утилизировать выдыхаемый воздух и отходы и жить в среде абсолютного холода, убийственной жары, смертельной радиации и глубокого вакуума. Далеко же ушло человечество от первых африканских гоминидов на Старой Земле.

«А если мы скажем «нет», — подумала Дем Лиа, — триста с чем-то тысяч разгневанных Бродяг, адаптированных к космосу — вот таких, как он, — могут обрушиться на наш корабль, как разъяренные гавайцы, извергающие свой гнев на капитана Кука за то, что он поймал их за выдергиванием гвоздей из корпуса корабля. Добрый капитан не только погиб страшной смертью, но был освежеван, выпотрошен, обжарен и сварен по кусочкам». Но Дем Лиа уже понимала, что этого не будет. Бродяги не нападут на «Спираль». Вся ее интуиция в этом убеждала. «А если нападут, — подумала она, — наше оружие их испарит за две целых и шесть десятых секунды».

При этой мысли ей стало слегка нехорошо, и чувство вины преследовало ее, когда она прощалась с делегацией и направлялась к лифту на капитанский мостик.

* * *

— Ты видела его? — спросила с придыханием Истинный Глас Древа Рита Кастин. — Мужа Энеи?

Сес Амбре улыбнулась:

— Мне было тогда четырнадцать стандартных лет. Давно это было. Он странствовал с планеты на планету и остановился на несколько дней у триады моих вторых родителей, потому что заболел — камень в почке, — а потом имперские солдаты держали его под арестом, пока не смогли прислать кого-то его допросить. Мои родители помогли ему сбежать. Я видела его всего несколько дней и много лет назад. — Она вновь улыбнулась. — И если помните, он тогда не был мужем Энеи. Он еще не принял ее ДНК, даже не понял еще, что означают ее кровь и учение для человеческого вида.

— Но ты его *видела*, — настаивал глава ветви Кил Редт.

— Да. Он был в бреду и страдал от боли, прикованный к постели моих родителей наручниками имперских солдат.

Рита Кастин подалась ближе.

— Была у него какая-нибудь... *аура?*

— О да, — усмехнулась Сес Амбре. — Пока мои родители не вымыли его губкой. Он путешествовал в суровых условиях много дней.

Бродяги и женщина-тамплиер разочарованно откинулись назад.

Сес Амбре наклонилась вперед и тронула Риту Кастин за колено.

— Прошу прощения за неудачную остроту — я знаю, какую важную роль сыграл Рауль Эндимион в нашей общей истории, но это было очень давно, все сильно перепуталось, а я в те времена на Витус-Грей-Балиане Б была упрямым подростком, девчонкой, которая только и думала, как сбежать из своей общины и принять крестоформ в каком-нибудь крупном имперском городе.

Теперь все трое заметно подались назад. На двух лицах можно было прочесть явное ошеломление.

— Ты *хотела* принять в себя этого... этого *паразита?*

В Момент Сопричастности Энеи каждый человек в любом уголке Вселенной увидел — узнал — ощутил полный *гештальт* той реальности, которая кроется за «крестоформом бессмертия» — паразитической массы узлов ИскИнов, создающей Техно-Центр в реальном космосе, использующей нейроны и синапсы каждого тела-хозяина как хочет, часто

убивая хозяина-человека и используя готовую нейронную сеть в минуты ее наивысшего творческого подъема — в последние секунды нейронного расцвета перед смертью. Потом Церковь использовала технологию Техно-Центра для воскрешения человеческого тела с помощью крестоформа, который становился все сильнее и разветвленнее с каждой смертью и воскрешением.

Сес Амбре пожала плечами:

— В то время он обещал бессмертие. И шанс выбраться из пыльной деревушки и попасть в реальный мир — в мир Священной Империи.

Трое представителей Бродяг молча смотрели на нее.

Сес Амбре подняла руки к вороту балахона и раздвинула его, показав шрам, оставшийся после того, как энеане удалили крестоформ.

— Меня вывезли на одну из последних планет Империи и вживили мне крестоформ на девять лет, — сказала она так тихо, что три посланца с трудом расслышали ее. — И почти все это время было после Момента Сопричастности Энеи, после того, как всем открылись планы Техно-Центра поработить нас с помощью этой мерзости.

Истинный Глас Древа Рита Кастин взяла Сес Амбре за руку.

— Но ты отказалась стать энеанкой после освобождения. Ты примкнула к тому, что осталось от твоей прежней культуры.

Сес Амбре улыбнулась. В глазах у нее стояли слезы, и глаза эти теперь казались куда старше.

— Да. Я чувствовала, что я в долгу перед своим народом — за то, что предала их в критическую минуту. Кто-то должен был нести дальше культуру Спектральной Спирали. Очень многие погибли в войнах. Еще больше людей мы потеряли, когда энеане открыли нам путь единения с ними. Трудно отказаться от возможности стать подобным богу.

Далекий Ездок хмыкнул, и это звучало как сильные помехи.

— Это наш самый большой страх после Разрушителя. На орбитальном дереве не осталось в живых никого, кто испытал Момент Сопричастности, но его подробности — радостное эмпатическое озарение и сила Связующей Бездны, знание Энеи о том, что ее последователи смогут странствовать — свободно странствовать! — повсюду в космосе... Да, Церковь

Энеи разрасталась, пока четверть населения не отвергла наследие Бродяг или тамплиеров и не сделалась энеанами.

Сес Амбре снова улыбнулась и потерла щеку.

— Очевидно, что энеане эту систему не посещали. И вы, конечно, помните: Энея настаивала, что нет никакой Церкви Энеи, нет ни почитания, ни блаженства, ни обожания. Это был главный пункт ее мыслей в Момент Сопричастности.

— Мы знаем, — ответила Рита Кастин. — Но культуры, лишенные выбора и знания, часто обращаются к религии. И вероятность того, что у вас на борту есть кто-то из энеан, была одной из причин, по которой мы с такой радостью и ожиданием приветствовали ваш корабль.

— Энеане на кораблях не летают, — тихо заметила Сес Амбре.

Три ее собеседника кивнули.

— Когда — и если настанет день, — передал Далекий Ездок, — решать будет каждый Бродяга и тамплиер согласно своей совести. Что до меня, я всегда буду летать на великих волнах солнечного ветра.

Тут вернулись Дем Лиа и три человека, удалившиеся с ней.

— Мы решили помочь вам, — сказала она. — Но надо спешить.

Ни за что на свете не стала бы Дем Лиа или кто-нибудь из восьми других людей и пяти ИскИнов рисковать «Спиралью» в непосредственном сражении с Разрушителем, Жнецом или как там еще называли Бродяги свою Немезиду. Не случайно три тысячи модулей жизнеобеспечения, где спали в криогенной фуге 684 300 пионеров Спектральной Спирали, имели форму яйца. Эта культура в буквальном смысле сложила все яйца в одну корзину и уж никак не собиралась бросать эту корзину в бой. И без того Басё и еще несколько ИскИнов нервничали из-за близости надвигающегося корабля. Космическая битва могла происходить на расстоянии до двадцати восьми АЕ — хотя лучам обычных лазеров или пучкам заряженных частиц, чтобы преодолеть этот путь, потребовалось бы сто девяносто шесть минут, у кораблей Гегемонии, Империи и Бродяг были гиперкинетические ракеты, которые уходили в пространство Хоукинга и выныривали оттуда, уничтожая корабли противника раньше, чем радар мог бы сообщить об их приближении. Поскольку Жнец полз по своему

маршруту на субсветовой скорости, у него вряд ли могло быть оружие класса С-плюс, но «вряд ли» — как раз то самое определение, которое рушило планы и судьбы полководцев с незапамятных времен.

По просьбе инженеров Спектральной Спирали энеане перестроили корабль до полной модулярности. Когда «Спираль» достигнет мира своей утопии, вращающегося около идеальной звезды, секции освободятся, превращаясь в зонды и самолеты, посадочные модули и батисферы, космические станции и обитаемые базы. Каждый из трех тысяч модулей жизнеобеспечения был способен к самостоятельной посадке и основанию колонии, хотя в принципе посадка планировалась группами после тщательного и детального изучения новой планеты. Когда «Спираль» выпустит все свои модули, зонды, шаттлы, капитанский мостик и главный двигатель, на орбите останутся разве что двигатели Хоукинга с поддерживающими программами да роботы, чтобы содержать их в готовности сотни, если не тысячи лет.

— Мы возьмем разведывательный зонд для исследования этого Разрушителя, — сообщила Дем Лиа. Это был один из малых модулей, больше рассчитанный на чистый вакуум, чем на вход в атмосферу, хотя и способный к некоторому изменению формы. Зато по сравнению с мирными субкомпонентами «Спирали» зонд был вооружен на славу.

— Вы позволите нам лететь с вами? — спросил глава ветви Кил Редт. — Из нашего народа нет никого, кто приблизился бы меньше чем на тысячу километров к этой машине и остался в живых.

— С радостью, — ответила Дем Лиа. — Зонд вмещает тридцать — сорок человек, а из нас на нем летят всего трое. Мы будем поддерживать искусственную гравитацию на уровне 0,1 и соответственно переоборудуем сиденья.

Больше всего зонд походил на древний военный корабль с реактивным двигателем... Он летел в направлении Пожирателя с постоянным ускорением в 250 g, внутреннее поле компенсировало чудовищные перегрузки, внешние защитные поля выставлены на максимум. Вела корабль Дем Лиа. Ден Соа пыталась связаться с гигантским кораблем всеми доступными средствами, посылая сообщения о мирных намерениях по всем каналам — от примитивных радиочастот до тахионных пуч-

ков. Ответа не было. Патек Георг Дем Мио погрузился в виртуальные связи защиты/контратаки, пассажиры зонда смотрели за его действиями. Сайгё решил сопровождать людей, и его массивная голограмма сидела, скрестив ноги, на столе возле главного иллюминатора. Дем Лиа проложила курс так, чтобы траектория не была нацелена на чудовищную машину — на случай, если у нее простая противометеоритная защита. На этом курсе они должны были разойтись с кораблем на десятки тысяч километров над плоскостью эклиптики.

— Радар корабля нас сопровождает, — сообщил Патек Георг, когда зонд проходил в шестистах тысячах километрах от Пожирателя, плавно тормозя. — Радар пассивный. Орудийного сопровождения не замечено. Вряд ли он зондирует нас чем-нибудь, кроме простейшего радара. Ему неизвестно, есть ли на нашем зонде какие-либо формы жизни.

Дем Лиа кивнула.

— Сайгё, — спокойно сказала она, — на двухстах тысячах километрах разверни нас, будь добр, чтобы мы пошли ему наперерез.

Коренастый монах кивнул.

Несколько позже вспомогательные и главные двигатели зонда изменили настройку, звезды в иллюминаторах ушли вбок, и главное окно заполнило изображение огромной машины — увеличенное так, словно зонд был всего в пятистах километрах от корабля. Теперь все смотрели на невероятно нескладное сооружение, построенное только для полетов в вакууме, снабженное металлическими зубами и вращающимися лопастями, встроенными в похожие на челюсти держатели. Все остальное напоминало обломки древней космической базы, надстраиваемой тысячелетие за тысячелетием и покрытой бородавками, наростами, коростой, вздутыми мешками, опухолями и жилами.

— Дистанция сто восемьдесят три тысячи километров, сокращается, — сказал Патек Георг.

— Смотрите, до чего же он почернелый! — шепнула Ден Соа.

— И истрепанный, — передал Далекий Ездок. — Из нашего народа никто его так близко не видел. Смотрите, какие кратеры на отложениях углерода. Как древняя черная луна, которую миллион лет долбили метеориты.

— Ничего, ее починили, — мрачно заметил глава ветви. — Она действует.

— Дистанция сто двадцать тысяч километров, сокращается, — доложил Патек Георг. — К радару наблюдения присоединился радар захвата.

— Оборонительные меры? — спокойно спросила Дем Лиа.

Ответил Сайгё:

— Установлено защитное поле класса двенадцать. Рассеиватели активизированы. Плазменные экраны на максимуме. Гиперкинетические ракеты готовы. Ракеты снаряжены и под боевым управлением.

Это означало только, что Патек Георг и Дем Лиа должны лишь дать команду к запуску, или — если все пассажиры-люди погибнут — это сделает Сайгё.

— Дистанция сто пять тысяч километров, сокращается, — доложил Патек Георг. — Разность относительных скоростей — сто метров в секунду. Нас ведут дополнительные радары захвата.

— Других радиопередач нет? — напряженно спросила Дем Лиа.

— Не обнаружено, — отозвалась Ден Соа от своей виртуальной консоли. — Эта машина кажется глухонемой, если не считать примитивных радаров. Признаков жизни на борту никаких. Сигналы внутренней связи показывают наличие чего-то вроде интеллекта... но не настоящего ИскИна. Больше похоже на компьютеры. Много сетей физических компьютеров.

— *Физических* компьютеров? — ошеломленно переспросила Дем Лиа. — То есть кремний, чипы... вся эта технология каменного века?

— Или чуть лучше, — подтвердила Ден Соа. — Мы считываем сигналы магнитно-ячеечной памяти, но ничего свыше этого.

— Сто тысяч километров... — начал Патек Георг, и сам прервал свой доклад: — Машина открыла по нам огонь.

Не прошло и секунды, как вспыхнули внешние защитные поля.

— С десяток обычных ракет и несколько примитивных лазерных пушек, — сообщил Патек Георг, глядя в свое виртуальное окно. — Очень слабых. Поле класса один вполне бы справилось.

Снова мигнуло защитное поле.

— Та же комбинация, — доложил Патек Георг. — Энергия выставлена чуть пониже.

— Не будем слишком самоуверенными, — предостерегла Дем Лиа, — но выясним все его средства защиты.

Ден Соа посмотрела на нее в шоке:

— Вы собираетесь *атаковать?*

— Мы посмотрим, *можем* ли мы атаковать, — пояснила Дем Лиа. — Патек, Сайгё, пожалуйста, наведите одну из наших лазерных пушек на верхний конец вон того протуберанца. — Она показала на почерневший изрытый выступ в форме плавника, который мог быть радиатором высотой в два километра. — И одну гиперкинетическую ракету.

— Командир! — возмутилась Ден Соа.

Дем Лиа повернулась к молодой женщине и приложила палец к губам.

— Ракету со снятой плазменной боеголовкой навести на передний нижний край этой машины, вон туда, где сочленение этого выроста.

Патек Георг повторил команду ИскИну. Появились и были подтверждены фактические координаты цели.

Лазер ударил почти мгновенно, пробив семидесятиметровую дыру в плавнике радиатора.

— Корабль выставил защитное поле класса ноль целых шесть десятых, — доложил Патек Георг. — Кажется, это для него предел.

Гиперкинетическая ракета прошла сквозь защитное поле, как нож сквозь масло, и ударила мгновением позже, пробив шестидесятиметровый слой почерневшего металла и вырвавшись сквозь пожирающее отверстие жатвенной машины. Все смотрели на безмолвное столкновение, почти гипнотизирующее облако испарившегося металла и фонтан осколков из выходной раны. Огромная машина не среагировала.

— Оставь мы на ней боеголовку да нацель прямо в корпус, — сказала себе под нос Дем Лиа, — сейчас была бы тысяча километров взрыва.

Глава ветви Кил Редт резко подался вперед. Несмотря на одну десятую нормальной гравитации, все кресла были снабжены системами привязки. На его кресле она сейчас включилась.

— Прошу вас, — заговорил Бродяга, сражаясь с лямками и воздушными мешками. — Уничтожьте его! Остановите!

Дем Лиа повернулась к Бродягам и женщине-тамплиеру.

— Рано, — сказала она. — Сначала мы должны вернуться на «Спираль».

— Продолжаем терять драгоценное время, — бесстрастно передал Далекий Ездок.

— Да, — согласилась Дем Лиа. — Но у нас есть еще шесть стандартных суток до того, как он начнет свою жатву.

И зонд, набирая скорость, улетел прочь от почерневшего, изрытого кратерами напуганного чудовища.

— Значит, вы не собираетесь его уничтожать? — с напором спросил глава ветви, когда зонд устремился к «Спирали».

— Не сейчас, — ответила Дем Лиа. — Может быть, он все еще необходим той расе, которая его построила.

Молодая Рита Кастин готова была расплакаться.

— Но ведь ваши приборы, которые куда лучше наших телескопов, сообщили вам, что планет в системе красного гиганта нет!

Дам Лиа кивнула:

— Однако вы сами упоминали о возможных обитаемых базах, искусственных планетоидах, пустых астероидах... а наше исследование не было ни тщательным, ни полным. Корабль входил в вашу систему, думая только о своей максимальной безопасности, а не о тщательном наблюдении за системой красного гиганта.

— И ради такой ничтожной вероятности, — ровным и напряженным голосом произнес Кил Редт, — вы рискуете столькими жизнями нашего народа?

В схеме субзвуковой связи Дем Лиа раздался голос Сайгё:

— ИскИны проанализировали сценарий концентрированного удара по «Спирали» нескольких миллионов крылатых Бродяг.

Дем Лиа ждала продолжения, по-прежнему глядя на главу ветви.

— Корабль может с ними справиться, — закончил доклад ИскИн, — но есть серьезная вероятность значительных повреждений.

Кил Редту Дем Лиа сказала:

— Мы полетим на «Спирали» в систему красного гиганта. И приглашаем лететь с нами вас троих.

— Сколько времени это займет? — спросил Далекий Ездок.

Дем Лиа вопросительно глянула на Сайгё.

— Девять дней на максимуме термоядерной тяги, — ответил ИскИн. — И это будет маневр на предельной мощности в перигелии, и не будет времени для исследования полей астероидов и обломков на наличие жизни.

Бродяги покачали головами. Рита Кастин надвинула капюшон на глаза.

— Есть другая возможность, — сказала Дем Лиа. И показала Сайгё на «Спираль», заполнившую главный экран. Тысячи крылатых Бродяг раздались, пропуская зонд сквозь защитное поле корабля.

Они собрались в солярии, чтобы принять решение. Все десять человек (жена и муж Ден Соа были приглашены принять участие в голосовании, но решили остаться внизу, в каютах экипажа), все пять ИскИнов и трое представителей народа орбитального дерева. Далекий Ездок продолжал узким пучком передавать изображение и звук тремстам тысячам ближайших Бродяг и миллиардам ждущих своей судьбы на далеком кольце.

— Ситуация такова, — сказала Дем Лиа в густо повисшем молчании. — Вы знаете, что наш корабль, «Спираль», оснащен двигателем Хоукинга, модифицированным энеанами. Наш сверхсветовой полет повреждает ткань Связующей Бездны, но в тысячу раз меньше, чем это делали старые корабли Гегемонии или Империи. Энеане позволили нам пуститься в это странствие. — Невысокая женщина с зеленой лентой, обвивающей тюрбан, замолчала и посмотрела на Бродяг и женщину-тамплиера. — Мы могли бы добраться до системы красного гиганта...

— Четыре часа на достижение релятивистских скоростей, потом прыжок, — пояснила Рес Сандре. — Примерно шесть часов на торможение возле звезды. Двое суток на поиски жизни. Те же десять часов на обратный путь.

— А это — даже в случае непредвиденных задержек — позволит «Спирали» вернуться раньше, чем Разрушитель начнет свою жатву. Если в системе красного гиганта жизни нет, мы с помощью зонда уничтожим этого жнеца-робота.

— Но?.. — с сарказмом и слишком уж человеческой улыбкой спросил глава ветви Кил Редт. И лицо у него было угрюмым.

— Но слишком опасно использовать двигатели Хоукинга возле такой близкой двойной звезды, — ровным голосом ответила Дем Лиа. — Такие короткие прыжки и без того невероятно трудны, а тут еще и газ с осколками, которые извергает красный гигант...

— Вы правы. Это было бы безумие, — передал Далекий Ездок по своему радио. — Мой род передает инженерные знания из поколения в поколение. Ни один командир сеятеля Бродяг не стал бы прыгать в эту двойную систему.

Дем Лиа кивнула:

— Басё, сколько времени займет исследование системы красного гиганта, если выжать максимум из наших плазменных двигателей?

— Трое с половиной суток на переход к системе, — ответил аскетического вида ИскИн. — Двое суток на поиски. Трое с половиной суток на возвращение.

— Никак быстрее не получится? — спросила Оам Раи (с желтой лентой). — Сократить зоны безопасности? Форсировать двигатели?

Ответил Сайгё:

— Девятидневный рейс — это если полностью исключить зоны безопасности и гнать двигатели на ста двенадцати процентах мощности. — Он грустно покачал лысой головой. — Быстрее никак.

— Но двигатель Хоукинга... — начала Дем Лиа, и все затаили дыхание, кроме Далекого Ездока, который в обычном смысле вообще не дышал. Временный командир «Спектральной Спирали» повернулась к ИскИнам: — Какова вероятность катастрофы при такой попытке?

Вперед шагнула Мурасаки.

— Оба перехода — в пространство Хоукинга и обратно — слишком близко к лепестку Роша двойной звезды. Вероятность полного разрушения «Спирали» мы оцениваем в два процента, повреждения отдельных систем корабля — в восемь процентов и конкретно повреждения сети модулей жизнеобеспечения — в шесть процентов.

Дем Лиа поглядела на Бродяг и женщину-тамплиера.

— Шесть процентов вероятности гибели сотен — тысяч — наших спящих родственников и друзей. Тех, кого мы клялись защищать до прибытия на место назначения. Двухпроцентный шанс гибели всей нашей культуры.

Далекий Ездок грустно кивнул.

— Я не знаю, какие чудеса сотворили ваши энеанские друзья с вашей техникой, — передал он, — но я сказал бы, что цифры сильно преуменьшены. В системах двойных звезд прыжки Хоукинга невозможны.

Тишина длилась. Наконец заговорила Дем Лиа:

— У нас такие варианты: уничтожить ради вас эту жатвенную машину, не зная, существует ли зависящая от нее жизнь — быть может, целый вид, как бы это ни было невероятно, — в системе красного гиганта. И этого мы не можем сделать. Наш моральный кодекс запрещает.

Очень тихо прозвучал голос Риты Кастин:

— Мы понимаем.

— Мы могли бы полететь на обычных двигателях и исследовать систему. Это значит, что вам придется в последний раз пережить ярость Разрушителя, но, если возле красного гиганта жизни нет, мы уничтожим его, когда вернемся на плазменном двигателе.

— Слабое утешение для тысяч или миллионов, которые лишатся своего дома в этот последний приход Разрушителя, — заметил глава ветви Кил Редт.

— Совсем не утешение, — согласилась Дем Лиа.

Далекий Ездок поднялся во весь свой четырехметровый рост, всплывая в десятикратно уменьшенной силе тяжести.

— Это не ваша проблема, — начал он. — Вы не должны рисковать всем своим народом. Мы благодарны вам...

Дем Лиа подняла руку, прерывая его посреди фразы:

— Сейчас мы будем голосовать. Голосовать о том, прыгать ли к красному гиганту на двигателе Хоукинга и вернуться раньше, чем Разрушитель начнет разрушение. Если там есть чужая раса, мы, возможно, сможем установить с ней связь за эти два дня. Может быть, они перепрограммируют свою машину. Мы все согласились с тем, что вероятность того, что она «съела» ваши корабли-сеятели на первом проходе случайно, исчезающе мала. Тот факт, что она ведет жатву только колонизированных вами зон — на лесном кольце площадью в полмиллиона Гиперионов, — заставляет предполагать, что ее программа такова, будто она устраняет аномальные выросты или вредителей.

Три дипломата кивнули.

— Когда мы голосуем, — сказала Дем Лиа, — решение должно быть единогласным. Один голос против означает, что мы не полетим на двигателе Хоукинга.

Сайгё, сидевший в позе лотоса на столе, встал и подошел к остальным ИскИнам.

— Для справки, — сказал он. — ИскИны проголосовали пять—ноль против попыток маневров на двигателе Хоукинга.

— Принято к сведению, — кивнула Дем Лиа. — Но для справки: в подобных решениях голоса ИскИнов не учитываются. Только люди Спектральной Спирали Амуа или их представители могут решать судьбу народа. — Она повернулась к людям. — Использовать двигатели Хоукинга? Да или нет? За последствия нашего решения нам отвечать перед тысячами других. Сес Амбре?

— Да.

Женщина в голубой одежде была так же ясна и спокойна, как ее глаза.

— Джон Микайл Дем Алем?

— Да, — ответил специалист по жизнеобеспечению с черной лентой. — Да.

— Оам Раи?

Женщина с желтой лентой колебалась. Никто лучше ее не мог понять, каков будет риск для систем корабля. Два процента вероятности уничтожения казались ей авантюрой. Она поднесла пальцы к губам.

— Мы решаем судьбу двух цивилизаций, — сказала она, явно обращаясь к себе самой. — Трех, быть может.

— Оам Раи? — повторила Дем Лиа.

— Да.

— Кем Лои? — обратилась Дем Лиа к астроному.

— Да, — ответила молодая женщина, и голос ее дрогнул.

— Патек Георг Дем Мио?

Специалист по безопасности, мужчина с красной лентой, усмехнулся:

— Да. Как говорит старая поговорка, кто не рискует, тот не побеждает.

— Ты говоришь от имени 684 288 спящих, которые не все могут быть так бесшабашны, — раздраженно осадила его Дем Лиа.

Усмешка Патека Георга не исчезла.

— Мой голос — да.

— Доктор Самел Риа Кем Али?

Врач был настолько же озабочен, насколько Патек весел.

— Я должен сказать... здесь столько неизвестного... — Он нервно огляделся. — Да. Мы должны узнать наверняка.

— Петер Делен Дем Тае? — обратилась Дем Лиа к психологу с синей лентой.

Старик грыз карандаш. Он поглядел на него, улыбнулся и положил карандаш на стол.

— Да.

— Рес Сандре?

Вторая женщина с зеленой лентой смотрела вызывающе, почти что зло. Дем Лиа приготовилась услышать ее вето и лекцию в его обоснование.

— Да, — сказала Рес Сандре. — Я считаю это моральным императивом.

Осталась самая младшая.

— Ден Соа?

Девушка прокашлялась.

— Да. Надо полететь и проверить.

Все глаза повернулись к командиру.

— Мой голос — да, — сказала Дем Лиа. — Сайгё, приготовься к максимальному ускорению в точку перехода в пространство Хоукинга. Кем Лои, ты, Рес Сандре и Оам Раи рассчитаете оптимальную точку выхода для поисков жизни в системе красного гиганта. Глава ветви Кил Редт, Далекий Ездок, Истинный Глас Древа Рита Кастин! Если вы хотите остаться, мы сейчас откроем для вас шлюз. Если хотите лететь с нами, мы вылетаем немедленно.

Глава ветви ответил от имени всех:

— Мы летим с вами, гражданка Дем Лиа.

Она кивнула:

— Далекий Ездок, вели своим людям освободить широкий проход. Мы взлетим над плоскостью эклиптики, но наш плазменный хвост будет хуже дыхания дракона.

Адаптированный к космосу Бродяга передал:

— Я уже это сделал. Многие ждут зрелища.

Дем Лиа слегка хмыкнула:

— Будем надеяться, спектакль не окажется более зрелищным, чем нам хотелось бы.

«Спираль» удачно совершила прыжок, получив лишь незначительные повреждения некоторых подсистем. С расстоя-

ния трех АЕ от поверхности красного гиганта люди повели наблюдение за системой. Оно было рассчитано на двое суток, но уже на первые дало результат.

Ни спрятанных планет, ни планетоидов, ни полых астероидов или перестроенных комет, ни космических баз — никаких признаков жизни. Около трех миллионов лет назад, когда звезда класса G2 эволюционировала, ядра гелия стали сжигать ее продукт горения во вторичных термоядерных реакциях в ядре, а в тонкой оболочке ядра продолжалась обычная термоядерная реакция водорода... И вот — краткосрочное возрождение звезды в виде красного гиганта. Очевидно, что вне досягаемости нового красного солнца не было ни обыкновенных планет, ни газовых гигантов. Внутренние планеты были захвачены расширяющейся звездой. Выбросы газов, пыли и жесткой радиации очистили систему от всего, что было больше железо-никелевых метеоритов.

— Вот, значит, как, — сказал Патек Георг.

— Дать ИскИнам указание начать полное ускорение к точке обратного прыжка? — спросила Рес Сандре.

Дипломатов-Бродяг перевели на мостик вместе со специализированными креслами. Никто не жаловался на гравитацию в одну десятую нормальной, поскольку все специалисты Спектральной Спирали — кроме Сес Амбре — подключились к креслам управления и работали в контакте с кораблем на различных уровнях. Во время поисков дипломаты хранили молчание и продолжали его хранить сейчас, только повернули головы к Дем Лиа, сидевшей у главного пульта.

Она потерла губу костяшками пальцев.

— Пока нет. — В своих поисках они обошли вокруг красного гиганта и находились теперь меньше чем в одной АЕ от его кипящей поверхности. — Сайгё, ты внутрь звезды заглядывал?

— Только зондировал, — ответил ИскИн. — Типичный красный гигант для этой стадии. Светимость примерно в два раза выше, чем у его спутника класса G8. Прозондировали ядро — сюрпризов нет. Ядра гелия явным образом связаны, несмотря на электромагнитное отталкивание.

— Какова температура поверхности? — спросила Дем Лиа.

— Примерно три тысячи по Кельвину, — ответил Сайгё. — Примерно в два раза ниже той, что была у звезды класса G2.

— Боже мой! — ахнула со своего кресла Кем Лои с фиолетовой лентой. — Ты думаешь...

— Пожалуйста, глубокую радиолокацию звезды, — попросила Дем Лиа.

Не прошло и двадцати минут, как появилась голограмма звезды с вращающейся вокруг нее планетой. Голос Сайгё объяснил:

— Одиночная твердая планета. Все еще на орбите. Примерно четыре пятых размера Старой Земли. Радар обнаруживает океанское дно и русла бывших рек.

— Она, очевидно, была землеподобной, пока солнце не испарило ее моря и реки. Помилуй, Господи, тех, кто там жил.

— Насколько она глубоко в тропосфере солнца? — спросила Дем Лиа.

— Менее ста пятидесяти тысяч километров, — ответил Сайгё.

Дем Лиа кивнула.

— Поднять защитные поля до максимума, — тихо произнесла она. — Заглянем к ним в гости.

«Это — как плыть под поверхностью настоящего моря», — подумала Дем Лиа, когда корабль приближался к твердой планете. Над ним кружилась и вихрилась атмосфера, смерчи магнитных полей вырывались из глубин и рассыпались, и защитные поля уже светились, несмотря на тридцать микромоноволоконных кабелей, выпущенных на шестьдесят тысяч километров из корабля для охлаждения.

Уже час висела «Спираль» над планетой, которая могла быть когда-то похожа на Старую Землю или Гиперион. Многочисленные датчики давали изображение поверхности сквозь вихревую красную мглу.

— Сгоревший уголек, — сказал Джон Микайл Дем Алем.

— Уголек, полный жизни, — сказала Кем Лои, не отрываясь от управления датчиками. Она вызвала на экран голограмму глубокой радиолокации. — Как соты в улье. Внутренние водные океаны. Не менее трех миллиардов разумных существ. Понятия не имею, гуманоидных или нет, но у них машины, транспортные механизмы и ульи, похожие на города. Вон причал, к которому каждые пятьдесят семь лет подходит эта большая жатка.

— Но очевидного контакта все еще нет? — спросила Дем Лиа. «Спираль» передавала обычные математические увертюры на всех частотах, спектрах и по всем средствам связи — от радио до тахионных пучков. Было даже нечто вроде ответа.

— Модулированные гравитационные волны, — объяснил Иккю. — Но не ответ на наши математические сообщения. Они принимают наши электромагнитные сигналы, но не понимают их, а мы не можем расшифровать их гравитонные импульсы.

— Сколько времени надо изучать модуляции, пока найдем общий алфавит? — спросила Дем Лиа.

На морщинистом лице Иккю отразилось страдание.

— Не меньше нескольких недель. Скорее даже месяцев, если не лет. — ИскИн поднял глаза навстречу разочарованным взглядам людей, Бродяг и женщины-тамплиера. — Извините, что так выходит, — сказал он. — Люди имели контакт только с двумя негуманоидными расами, и оба раза *они* нашли способ общения с *нами*. А эти... существа... они совсем чужие. Слишком мало общего.

— Нам нельзя здесь долго оставаться, — сказала Рес Сандре от своей инженерной сети. — Из ядра идет сильная магнитная буря. И мы уже не в состоянии с нужной скоростью рассеивать тепло. Надо уходить.

Внезапно Сес Амбре, сидевшая в кресле и ничем не занятая, встала, проплыла в пониженной гравитации в метре над полом и медленно опустилась на палубу в глубоком обмороке.

Доктор Сэм оказался около нее на секунду раньше Дем Лиа и Ден Соа.

— Всем оставаться на местах, — приказала Дем Лиа.

Удивительно синие глаза Сес Амбре раскрылись.

— Они такие... *другие*. Совсем не люди. Дышат кислородом, но совсем не такие, как сенешайские эмпаты... модулярные... с объединенными разумами... такие слоистые...

Дем Лиа взяла ее за плечи.

— Ты говорила *с ними?* — настойчиво спросила она. — Послала им образы?

Сес Амбре слабо кивнула.

— Направь им образ их жатвенной машины и Бродяг, — твердо сказала Дем Лиа. — Покажи, что натворила их машина в колонии Бродяг. Покажи им, что Бродяги — люди...

разумные существа. Поселенцы, но не вредители на этом орбитальном дереве.

Сес Амбре кивнула и снова закрыла глаза. Мгновение спустя — открыла их, всхлипывая.

— Они в таком... отчаянии, — шепнула она. — Машина не передает... изображений... только привозит еду, воздух и воду. Она запрограммирована... как ты и предполагала, Дем Лиа... удалять пораженные участки. Они... они в трауре... из-за погибших Бродяг. Они предлагают самоубийство... своего вида... если это искупит разрушение.

— Нет, нет, нет! — воскликнула Дем Лиа, сжимая ее руки. — Скажи им, что это не нужно. — Она встряхнула Сес Амбре за плечи. — Это будет трудно, Сес Амбре, но спроси их, можно ли перепрограммировать их жатвенную машину. Научить ее не трогать поселения Бродяг.

Сес Амбре закрыла глаза на несколько минут. В какой-то момент казалось, что она перестала дышать. Потом ее прекрасные глаза открылись снова.

— Можно. Они посылают новую программу.

— Мы принимаем модулированные гравитонные импульсы, — сказал Сайгё. — Переводу они по-прежнему не поддаются.

— Перевод не нужен, — ответила Дем Лиа, с трудом переводя дыхание. Она подняла Сес Амбре с палубы и помогла добраться до кресла. — Нам надо только их записать и передать Разрушителю, когда вернемся. — Она снова стиснула руку Сес Амбре. — Ты можешь передать им нашу благодарность и попрощаться?

Та улыбнулась:

— Я уже это сделала. Как могла.

— Сайгё, — сказала Дем Лиа. — Давай убираться отсюда ко всем чертям, и на полном ускорении — к точке перехода.

Обратный переход Хоукинга к звезде класса G8 «Спираль» совершила без особых происшествий. Разрушитель уже свернул к населенным областям лесного кольца, но Ден Соа еще во время торможения передала ему записанные гравитонные импульсы, огромный комбайн ответил неподдающимся расшифровке гравитонным рокотом и послушно сменил курс, направляясь к дальним и незаселенным областям кольца. Далекий Ездок по направленному лучу увидел и показал всем

ликование городов, платформ, модулей, ветвей и башен кольца, потом отключил вещание.

Все собрались в солярии. Никто из ИскИнов не присутствовал и не слушал, но люди, Бродяги и женщина-тамплиер сели в круг, и теперь все взгляды были обращены на Сес Амбре. Она сидела, закрыв глаза.

Ден Соа спросила очень тихо:

— Эти существа... на той планете... им пришлось построить лесное кольцо до расширения своей звезды. Они построили жатвенный корабль. Почему они просто... не улетели сами?

— Планета... их дом, — шепотом ответила Сес Амбре, все еще крепко зажмурившись. — Как дети... не хотят покидать дом... потому что снаружи темно. Темно... и пусто. Они любят... свой дом. — Она открыла глаза и устало улыбнулась.

— Почему ты нам не сказала, что ты — энеанка? — спросила ее Дем Лиа.

Сес Амбре решительно стиснула зубы.

— Я не энеанка. Моя мать, Дем Лоа, дала мне причастие крови Энеи — через свою кровь, конечно, — когда спасла меня из ада на Святой Терезе. Но я решила не пользоваться энеанскими способностями. Я решила не следовать за другими, а остаться с Амуа.

— Но ты телепатически связалась с... — начал Патек Георг.

Сес Амбре тут же перебила его, покачав головой:

— Это не телепатия. Это связь через... Связующую Бездну. Это значит — слышать голоса живых и мертвых через время и пространство с помощью чистой эмпатии. Воспоминания, которые не принадлежат никому. — Женщина девяноста пяти лет, которая внешне казалась всего лишь пожилой, приложила руку козырьком к глазам. — Это так... утомляет. Я столько лет старалась не слышать голоса... не участвовать в этой памяти. Вот почему так хорошо было спать в криогенной фуге.

— А другие энеанские способности? — спросила Дем Лиа так же спокойно. — Ты умеешь странствовать?

Сес Амбре покачала головой, все еще прикрывая рукой глаза.

— Я не хотела изучать секреты энеан, — сказала она, и в голосе ее звучала глубокая усталость.

— Но могла бы, если бы хотела, — с почтением проговорила Дем Лиа. — Ты можешь сделать один шаг — и оказаться на Витус-Грей-Балиане, или на Гиперионе, или на Тау Кита, или на Старой Земле, правда?

Сес Амбре опустила руку и свирепо глянула на нее:

— Но я этого не сделаю!

— И ты направишься с нами дальше к нашему месту назначения? — спросила вторая женщина с зеленой лентой, Рес Сандре. — К нашей последней колонии Спектральной Спирали?

— Да.

В этом единственном слове прозвучало и решение, и вызов.

— А как нам сказать остальным? — спросил Джон Микайл Дем Алем. — Присутствие в колонии энеанина... потенциального энеанина... это все меняет.

Дем Лиа встала.

— В последние минуты моих обязанностей как избранного вами командира я могла бы решить это приказом, граждане. Вместо этого я прошу голосования. Я чувствую, что сама Сес Амбре, и только Сес Амбре, должна решить, когда сказать нашим собратьям по семье Спектральной Спирали о ее... даре. В любой момент после нашего прибытия. — Она глянула на Сес Амбре. — Или не сказать никогда, если таково будет твое решение. — Дем Лиа повернулась к остальным. — И мы никогда не выдадим этой тайны. Только Сес Амбре имеет право сказать об этом. Кто за это, пусть скажет «да».

Единогласно.

Дем Лиа повернулась к Бродягам и женщине-тамплиеру.

— Сайгё меня заверил, что по вашему направленному лучу не передавалось ничего из того, что здесь было.

Далекий Ездок кивнул.

— А ваша запись контакта Сес Амбре с чужой расой через Связующую Бездну?

— Уничтожена, — передал четырехметровый Бродяга.

Сес Амбре шагнула к Бродягам.

— Но вы все еще хотите получить немножко моей крови... немного священной ДНК Энеи. Вы все еще хотите иметь эту возможность.

У главы ветви Кила Редта дрожали руки.

— Не нам решать вопрос обнародования известий или распространения священного дара... Должны тайно собраться

Семь Советов... Надо спросить у Церкви Энеи... Или... — Бродяга явно страдал при мысли о том, что миллионы или миллиарды его соотечественников навеки оставят орбитальное дерево, отправившись в человеческую вселенную или еще куда-нибудь. И их вселенная уже никогда не будет прежней. — Но мы трое не имеем права закрыть путь всем остальным.

— Мы не решаемся просить... — начала Истинный Глас Древа Рита Кастин.

Сес Амбре кивнула и махнула рукой доктору Самелу. Врач подал Рите Кастин немножко крови во флаконе небьющегося стекла.

— Мы ее давно набрали, — сказал он.

— Вы должны решиться, — обратилась к ним Сес Амбре. — Всегда есть путь. И всегда есть проклятие.

Кил Редт долго смотрел на этот флакон, потом взял его все еще трясущейся рукой и спрятал в потайной карман силового поля брони.

— Интересно будет посмотреть, что дальше, — сказал он.

Дем Лиа улыбнулась.

— На Старой Земле было такое интересное проклятие, — напомнила она. — Китайское. «Чтоб тебе жить во время перемен».

Сайгё вырастил шлюз, и трое дипломатов отбыли, полетели обратно к лесному кольцу, сопровождаемые сотнями тысяч других существ из света, ныряющих в солнечном ветре, плывущих по магнитным силовым линиям, как корабли, уносимые быстрыми течениями.

— Если никто не возражает, — улыбнулась Сес Амбре, — я вернусь в колыбель глубокого сна и включу поле. Длинные выдались у меня два дня.

Девять человек, пробужденные первыми, ждали, пока «Спираль» уйдет в пространство Хоукинга, чтобы вернуться в глубокий сон. Но они еще оставались вблизи звезды G8, уходя вверх и прочь от эклиптики и лесного кольца, закрывавшего теперь небольшое белое солнце, и Оам Раи показала в кормовой иллюминатор:

— Посмотрите!

Бродяги прощались с ними. Несколько миллиардов крыльев чистой энергии ловили солнечный свет.

В первый день в пространстве Хоукинга выяснилось, что корабль в отличной форме, спин-плечи и модули глубокого сна функционируют нормально, корабль вернулся на курс, и вообще все в порядке. Один за другим люди возвращались в колыбели — первой Ден Соа и ее супруги, потом остальные. Наконец осталась одна только Дем Лиа. Она уже сидела в колыбели, до погружения в сон оставалось несколько секунд.

— Сайгё! — позвала Дем Лиа, и по голосу было ясно, что она просит его явиться.

В воздухе возник образ приземистого и толстого буддийского монаха.

— Ты знал, что Сес Амбре — энеанка?

— Нет, Дем Лиа.

— Как такое возможно? Корабль хранит полный медицинский и генетический профиль каждого из нас. Ты должен был знать.

— Нет, Дем Лиа. Я заверяю тебя, что медицинский профиль гражданки Сес Амбре совершенно нормален по меркам Спектральной Спирали. Никаких признаков пост-гуманоидной ДНК энеан. В психологическом профиле также никаких следов.

Дем Лиа нахмурилась, потом спросила:

— Значит, подделанные биозаписи? Это могла сделать Сес Амбре или ее мать.

— Да, Дем Лиа.

Все еще опираясь на локоть, Дем Лиа сказала:

— Насколько тебе известно — насколько известно любому ИскИну, — есть еще энеане на борту «Спирали»?

— Насколько нам известно, нет, — серьезно ответил монах.

Дем Лиа улыбнулась.

— Энея учила, что у эволюции есть смысл и цель, — сказала она тихо скорее себе, чем собеседнику-ИскИну. — Она говорила о том дне, когда от жизни зазеленеет вся Вселенная. Она учила, что разнообразие — одна из лучших стратегий эволюции.

Сайгё кивнул, но ничего не сказал.

Дем Лиа опустила голову на подушку.

— Мы думали, что энеане из чистого великодушия помогли нам сохранить нашу культуру — наш корабль, далекую колонию. Я спорить могу, что энеане помогли тысячам малых культур уйти из человеческой вселенной в неизвестность.

Они хотят разнообразия — чтобы были и Бродяги, и все остальные. Они хотят, чтобы много нас несло их дар божественности.

Она поглядела на ИскИна, но на лице буддийского монаха была только обычная улыбка.

— Спокойной ночи, Сайгё. Следи за кораблем как следует, пока мы спим. — Она задвинула на место крышку колыбели, и устройство начало погружать ее в криогенную фугу.

— Да, Дем Лиа, — ответил монах уснувшей женщине.

«Спираль» продолжала свой путь в пространстве Хоукинга. Спин-плечи и модули жизнеобеспечения сплетали двойную спираль в потоке ложных цветов и четырехмерных пульсаций, сменивших звезды.

ИскИны убрали внутри корабля гравитацию, атмосферу, свет. Корабль летел в темноте.

Но вот три месяца спустя после посещения двойной системы зажужжали вентиляторы, замигали лампы и включилась гравитация защитных полей. Все 684 300 колонистов по-прежнему спали.

Внезапно в главном коридоре между мостиком и порталами первого кольца спин-плеч возникли три фигуры. Центральная из них была выше трех метров, в шипастой броне, четверорукая, обернутая хромированной режущей проволокой. Фасеточные глаза отсвечивали красным. Фигура появилась — и застыла неподвижно.

Слева стоял человек чуть моложе средних лет, с курчавыми седеющими волосами, темными глазами и приятным лицом. Он был очень смугл, одет в мягкую синюю хлопчатобумажную куртку, зеленые шорты и сандалии. Он кивнул женщине и направился на капитанский мостик.

Женщина была постарше — действительно старая, несмотря на энеанскую медицину, и одета была в простое платье ровного синего цвета. Она двинулась к порталам, проехала к третьему спин-плечу и прошла по коридору к модулю жизнеобеспечения. Остановившись у одной из колыбелей, она смахнула с прозрачной пластины саркофага лед и конденсат.

— Сес Амбре, — тихо произнесла Дем Лоа. Ее пальцы лежали на холодном пластике в сантиметрах от впалой щеки падчерицы по триединому браку. — Спи, моя милая. Спи.

На мостике высокого человека окружили виртуальные ИскИны.

— Добро пожаловать, Петир, сын Энеи и Эндимиона, — слегка поклонился Сайгё.

— Спасибо, Сайгё. Как вы тут?

Они ответили ему, но этот ответ нельзя было выразить в терминах языков или математики. Петир кивнул, слегка нахмурился и тронул Басё за плечо.

— В тебе слишком много противоречий, Басё? Ты хочешь их согласовать?

Высокий человек в конической шляпе и грязных сандалиях ответил:

— Да, Петир, если можно.

Человек стиснул плечи ИскИна в дружеском пожатии, и они оба закрыли на миг глаза.

Когда Петир отпустил Басё, довольное лицо крестьянина широко улыбалось.

— Спасибо, Петир.

Человек сел на край стола и сказал:

— Посмотрим теперь, куда это мы летим.

Перед ними появился четырехметровый голокуб. Звезды были знакомыми. Путь «Спирали» из человеческой вселенной был отмечен красным. Дальнейшая траектория вела дальше голубым пунктиром, уходящим к центру галактики.

Петир встал, коснулся голокуба и дотронулся до звездочки чуть справа от проложенного курса. Сектор мгновенно увеличился.

— Интересно бы проверить эту систему, — сказал человек, довольно улыбаясь. — Симпатичная звездочка класса G2. Четвертая планета примерно семь и шесть десятых балла по старой шкале Сольмева. Было бы выше, но там развились кое-какие очень мерзкие вирусы и свирепые звери. Очень свирепые.

— Шестьсот восемьдесят пять световых лет, — заметил Сайгё. — И еще сорок три световых года коррекции курса. Скоро.

Петир кивнул.

Мурасаки пошевелила веером перед раскрашенным лицом, заговорщицки улыбнувшись.

— А когда мы прибудем, Петир-сан, мерзкие вирусы как-то куда-то денутся?

Высокий пожал плечами:

— Многие, моя достопочтенная дама. Многие. — Он усмехнулся. — Но свирепые звери останутся. Берегите себя, друзья. И берегите наших друзей.

Петир подошел к трехметровому хромированному и шипастому кошмару в главном коридоре как раз когда навстречу ему зашуршало по покрытой ковром палубе легкое платье Дем Лоа.

— Все устроено? — спросил Петир.

Дем Лоа кивнула.

Сын Энеи и Рауля Эндимиона положил руки на стоящее между ними чудовище, поместив ладонь рядом с пятнадцатисантиметровым кривым шипом. И все трое исчезли без звука.

«Спираль» отключила искусственную гравитацию, откачала воздух в резервуары, выключила внутреннее освещение и полетела дальше в тишине, выполняя едва заметную коррекцию курса.

НЭНСИ КРЕСС
БОДРСТВУЮЩИЕ

«Испанские нищие» (1993)
«Нищие и властьимущие» (1994)
«Прогулки нищих» (1996)

В начале XXI века генная инженерия уже достигла значительного прогресса в таких вопросах, как внешность, интеллект и здоровье. Тогда же одной чикагской биотехнической компании удалось создать новую геномодель для воспитания Бодрствующих или не знающих сна. Девятнадцать подопытных младенцев бета-версии этой модели вообще не нуждались в сне, не спали никогда, добавив, таким образом, к своему «рабочему» времени по восемь часов в сутки. Кроме того, уничтожение сна сопровождалось и исчезновением сновидений, что делало детей более спокойными и легко адаптирующимися к перемене обстановки, нежели обычные «нормальные» дети.

В романе «Испанские нищие» миллиардер Роджер Кемден подвергает свою дочь Лейшу обработке с целью вызвать у нее эффект бодрствования. Но когда обработанная яйцеклетка имплантируется жене Кемдена, то в матке одновременно оказывается и другая яйцеклетка, оплодотворенная естественным путем. Лейша рождается вместе с сестрой-близняшкой, которая начисто лишена особенностей, присущих Лейше.

«Sleeping Dogs». ©Nancy Kress, 1999. ©Перевод. В.П. Ковалевский и Н.П. Штуцер, 2001.

Пока девочки растут, обнаруживается нечто такое, что полностью меняет мир Лейши и отношение нормальных людей к Бодрствующим. Оказывается, что ткани Бодрствующих регенерируют естественным путем. Лейша и другие такие же дети, число которых достигло многих тысяч, могут жить бесконечно долго. Это обстоятельство вызывает острую реакцию общества. У многих «нормальных» людей возникают чувства зависти, страха, злобы, отвращения, так как они боятся, что новая раса вытеснит их и их потомков в ходе эволюции. По мере того как Бодрствующие растут, богатеют, добиваются успеха и увеличивают свое влияние, возникает поляризация общества, которая усугубляется организацией «Убежища Бодрствующих» — хорошо защищенного анклава в штате Нью-Йорк, где они могут чувствовать себя в безопасности.

В романе анализируются последствия раскола общества на имущих и неимущих. Бодрствующие под руководством вдовой Дженнифер Шарифи предпринимают все более хитроумные меры безопасности, обеспечивающие им почти полную изоляцию. Одновременно они используют генную инженерию для укрепления позиций своих потомков. «Убежище», которое теперь находится на околоземной орбите, принимает решение отделиться от Соединенных Штатов. Только Лейша и еще несколько сторонников компромисса, включая ее сестру Алису, пытаются убедить мир, что никаких двух рас не существует, а есть лишь одна — общечеловеческая.

В «Нищих и властьимущих» действие происходит несколькими годами позже. В романе три главных действующих лица пытаются определить свое место в том «трехслойном» мире, в который превратились Соединенные Штаты. Билли Вашингтон — нищий и малограмотный, уже приближающийся к концу своей тяжелой жизни — все же обретает семью и любовь. Диана Ковингтон — из «имущих», которую генная инженерия наделила всеми достоинствами и талантами, за исключением вечного бодрствования, полностью лишена иллюзий и цели в жизни.

Дрю Арлен — художник огромного таланта, любовник Миранды Шарифи — внучки Дженнифер Шарифи. Миранда мечтает дать нищим своей страны свободу и независимость путем насильственного вмешательства в человеческую физиологию. Она добивается своего, хотя Диана и другие члены Агентства

по поддержанию генетического стандарта пытаются ей помешать. Результаты оказываются совершенно неожиданными даже для Миранды. Только один Билли находит ответ на центральный вопрос романа: кто должен контролировать новые радикальные технологии — ученые, правительство или люди, которые являются объектами внедрения этих технологий.

Действие романа «Прогулки нищих», завершающего трилогию, происходит на поколение позже. Соединенные Штаты стали еще более «балканизированной» страной. Большая часть населения, объединенная в своего рода племенные группы, ведет кочевой образ жизни. Племена самодостаточны и не нуждаются даже в закупке продовольствия. Все это — результат биологических изменений, осуществленных Бодрствующими, которые к этому времени уже покинули Землю. Генетически улучшенные «имущие» живут в защищенных анклавах, но сама их жизнь все больше лишается смысла и цели. Страна на грани полного распада и потери культурного, политического и экономического единства.

Джексон Араноу — врач, в котором не нуждаются пациенты, и его слабоумная сестра Тереза живут исключительно личными интересами и переживаниями. Однако неожиданно они оказываются вовлеченными в борьбу между Дженнифер Шарифи, только что вышедшей из тюрьмы, где она просидела двадцать семь лет за измену родине, и ее внучкой Мирандой. Война идет с применением искусственно выведенных вирусов, поражающих не столько тело, сколько рассудок. Фактически это борьба между двумя концепциями. Дженнифер одержима идеей обеспечения безопасности таких, как она, «имущих», тогда как Миранда стремится обеспечить «прогресс» человечества. Ни Джексон, ни Тереза не обладают беспощадной решимостью обеих Шарифи, но тем не менее именно брат и сестра становятся теми, кто находит выход для страны, которая так изменилась, что даже ее основные принципы теперь уже не годятся для повседневной жизни и их нужно заново выводить из новой реальности.

Нэнси Кресс

СПЯЩИЕ ПСЫ

Новые технологии будут столь же опасны, как и полная бесконтрольность в их применении. Но в отдаленном будущем социальные ограничения все равно отступят перед новыми технологиями.

Фримен Дайсон

— Это, знаешь ли, может иметь потрясающие последствия для нас, — говорит Папочка, когда фургон заворачивает в наши ворота, — невероятно важные.

Я одергиваю свитер, чтобы он потуже облегал меня. Холодный весенний воздух нахально забирается мне в рукав, где была здоровущая дырка. Фургон, покрытый грязью сверху донизу в результате прогулки в горы, плюхается в колдобину на подъездной дороге, а затем с трудом вылезает из нее. У водилы за ветровым стеклом морда такая, будто он клянет все на свете предпоследними словами, хоть мне их и не слышно. Зато прекрасно слышно, как вопит в доме Драгоценная. У нас вышла вся овсянка, да и молоко почти кончилось. Так что и в самом деле нам не помешало бы нечто, имеющее потрясающие последствия.

— Подавай вперед! Еще вперед!.. Стой! — орет Папочка. Но водила на него ноль внимания. Остановился где хотел, и задняя дверь фургона тут же открылась. Я обошла машину, сунулась к двери и заглянула внутрь.

Внутри смотреть было не на что, кроме здоровенной железной клетки, которыми пользуются для перевозки собак.

А в клетке на боку лежит сука. Не больно-то породистая, впрочем, по виду, может, даже и лабрадор, только неясно, где она обзавелась таким облезлым хвостом — разве что у немецкой овчарки. Глаза карие — совсем как у Драгоценной. И еще очень даже беременная.

— Не трогай ее, Кэрол Энн! Немедленно отойди от машины! Кто ее знает, какой у нее нрав! — кричит Донна и отталкивает меня в сторону. Потом лезет в фургон, даром что только что меня от него отпихивала, сует руку в клетку и начинает гладить суку, ласково причитая: — Ах ты, моя лапочка... ах ты, старушка моя... тебе у нас понравится, собаченька моя...

Донна ведь верит всему, что ей всучивает Папочка.

А я иду к кабине водилы фургона, туда, где большими оранжевыми буквами написано «Стенли Экспресс», и прибываю туда как раз вовремя, чтобы увидеть, как из нее вылезает научник из «Арроугена». Это я так решила, что он научник, — разве в водилы такого возьмут? Этакого коротышку мне еще видеть не доводилось — футов пять, да еще тощий-претощий. Одет в деловой костюм с манишкой и булавкой для галстука. Видок его мне не по душе, тем более что он на Папочку пялится, будто тот какой деревенский олух. И все же мне любопытно. Надо полагать, ученые-генетики могли бы своих ребятишек и подлиньше делать. А может, он в своей семье первый научник, так что его родители — самые обыкновенные люди вроде нас? Этим можно объяснить, почему он так хамит Папочке.

— ...понять, что тебе никак не удастся связаться с нами и получить техническую помощь. Так что задавай вопросы, если они у тебя есть, сейчас.

— Нет у меня вопросов, — отвечает Папочка, и так оно и есть. У него вообще никогда вопросов не бывает, он вечно приступает к делу и плывет, будто облачко в вышине в солнечный мартовский денек, пока на него не обрушится нежданный шторм. И Донна у нас тоже такая.

— Ты уверен, что нет вопросов? — спрашивает научник, и его голосишко чуть ли не вибрирует от негодования.

— Нет, сэр, — отвечает Папочка.

— У меня они зато есть, — вмешиваюсь я.

Научник из «Арроугена» смотрит на меня так, будто думал, что я вообще не умею еще разговаривать, хоть ростом я

и повыше его. Мне семнадцать, только выгляжу я куда моложе.

Тут Папочка говорит:

— Кэрол Энн, кажись, Драгоценная плачет. Не могла бы ты...

— Сейчас очередь Донны, — говорю я, хотя это и чистый смех, так как Донна никогда не нянчит Драгоценную, даром что на два года старше меня и работать должна больше. Дело тут не в том, что она Драгоценную не любит. Просто она детского плача слышать не может. Донна вообще не слышит того, чего слышать не хочет. В этом отношении она — копия Папочки.

И я говорю:

— А что, если помет суки, который у нее будет, окажется вовсе не той генетической обработки, которую вы нам наобещали? Раз уж мы не сможем вас отыскать, чтобы, значит, получить техническую помощь, так и для того, чтобы денежки назад выручить, не найдем тем более. Так?

А он смеется, черт бы его побрал.

— Это верно, юная леди. Но ваш родитель и я все это уже обговорили. И я вас заверяю, что щенята будут иметь то самое генетическое изменение, которое вы заказали.

— Большие? Сильные? И все кобели?

— Точно.

— И не будут спать? Никогда?

— Не больше, чем Лейша Кемден, Дженнифер Шарифи или Тони Индивидо.

Это он называет мне имена трех самых знаменитых Бодрствующих: двух богатейших девиц и одного политического краснобая. Репортеры из Новостей гоняются за ними, прямо проходу не дают. Все они всего на несколько лет старше Донны, но по виду — совсем взрослые. Обе женщины очень красивы и битком набиты деньгами. А парень — Тони Индивидо — называет себя активистом и треплется насчет «дискриминации, порожденной завистью и страхом», а также о «необходимости содействия эволюции человеческой расы». Мне он кажется противным, а там кто его знает, может, он и прав. Мне-то какое дело. По правде говоря, я о Бодрствующих не больно-то голову ломала до тех пор, пока Папочка не выдумал эту идею, которая может иметь для нас величайшие последствия.

И я говорю научнику из «Арроугена»:

— Эта сука, которой вы имплантировали яйцеклетки, она ведь беспородная? А как насчет зародышей?

— Тоже нет.

— А почему? Ведь породистые щенки стоят куда дороже?

— Зато куда легче проследить, откуда они. А твой папаша добивается наивысшей степени секретности. — Научник оскалился. Ему явно не по душе, когда его допрашивают.

— Но если животные, которые не спят, могут приносить такую прибыль, то почему никто не додумался их выводить и продавать?

Он, вероятно, мне бы и вообще не ответил — я для него всего лишь деревенская дуреха, кабы в эту минуту из-за фургона не вышла Донна, ведя суку на одном из наших старых поводков. Донна очень похожа на Мамочку, только, пожалуй, еще прелестней. А я помню каждую черточку Мамочкиного лица. Еще бы не помнить, когда после ее смерти прошло так мало времени. Драгоценной-то еще и двух годиков нет. Донна встряхивает своей рыжей гривой, улыбается и идет к нам. И эта зараза — карманный научник — тут же начинает сиять.

— Нет, юная леди, это, конечно, верно, что не знающие сна животные еще не произвели на рынке фурора. Да и с какой стати? Зачем вам корова или курица, которая не спит, а только ест больше благодаря повышенному обмену веществ, но без сопутствующего увеличения выхода мяса или молока? Конечно, есть исследователи, которые делали попытки в этом направлении, рассчитывая выяснить, даст ли полная ликвидация вызывающих сон медиаторов* те же побочные явления, что и у людей. Такими последствиями являются...

Он продолжает свой треп, обращаясь теперь уже исключительно к Донне, которая улыбается ему так, будто он самый завлекательный мужик в мире. А сама ни словечка не понимает. Папочка, естественно, тоже не слушает, а покачивается с носка на каблук, как делает всегда, когда его захватывает новая деловая идея. Он-то уверен, что это последнее предприятие сделает нас богачами. Он уже изобрел рекламный слоган — тайный, разумеется, так как подобные дела, пока их не одобрит Федеральное Агентство, считаются неза-

* Медиаторы — химические передатчики импульсов между нервными клетками. — *Примеч. пер.*

конными. «Бенсоновские генетически улучшенные псы. Не спят никогда, так что дрыхните на здоровье». В доме вопит Драгоценная, а два пса в загородке, оставшиеся от последнего вполне легального предприятия (БЕНСОНОВСКИЕ ГЕНЕТИЧЕСКИ УЛУЧШЕННЫЕ ПУШИСТЫЕ ПЕСИКИ ЧЕРТОВСКИ ХОРОШИ), лают как безумные. Это они новую суку почуяли.

И я отправляюсь к Драгоценной. Наш дом рушится: отваливается пластами старая краска, половицы покороблены, вода льет сквозь дырявую крышу, которую Папочка никак не удосужится починить. Но все же внутри тепло. Игрек-энергетические конусы стоят куда дешевле продуктов питания. Драгоценная стоит в своей колыбельке и вопит. Но в ту минуту, когда она замечает меня, вой прекращается, а она весело смеется, хотя я и знаю, что ребенок голоден. Я хватаю Драгоценную на руки, прижимаю к себе, она визжит от восторга и тоже жмется ко мне. Она такая же веселая, как Папочка и Донна, и такая же красивая. В семействе только я одна дурнушка. Я чувствую, как пахнут детством волосы у нее на затылке, и думаю, а осталась ли у нас какая-нибудь еда, чтобы хоть чем-то утолить ее голод. Было ведь что-то, чего Папочка не дал собакам, так как он их очень жалеет. Генетически улучшенные голубые большеглазые колли, которых ни один разумный человек в свою комнату ни за какие деньги не впустит. Они и на собак-то не похожи.

В глубинах буфета я нахожу чуточку риса, который тушу с сушеными яблоками. И когда я кормлю Драгоценную, то в окошко вижу, как фургон «Стенли Экспресс» выезжает из ворот и исчезает в горах.

Донна назвала суку Лейша по имени Бодрствующей с броскими золотыми волосами и зелеными глазами. Смысла в этом маловато, но вскоре мы все привыкли звать суку Лейшей. Она начала щениться ночью прямо у меня в постели. Я тут же разбудила Папочку и Донну. Папочка перенес Лейшу на кухню, а Донна притащила собственное одеяло, чтобы подложить под тяжело дышащую суку.

— Вот и второй... Наконец-то!.. Смотрите, вон головка... еще один кобелек...

Папочка пыхтит тяжелее Лейши. Он счастлив, таким я его еще никогда не видела. Видно, я тут одна, которая вспо-

минает о Мамочке, умершей как раз от родов. Появилось еще два щенка, тоже кобельки.

Во всяком случае, пока научник из «Арроугена» нас не обманул. Все щенки крупные, может, частично доберманы, а может, и доги. Пока такие маленькие, по ним не скажешь.

Еще один щен выдавливается наружу. Выходит послед. Лейша слишком измучена, чтобы его съесть. Два щенка коричневых с черным, два черных, а один вроде бы серый — цвета испорченного йогурта. Глаза у всех закрыты.

— Какие милашки, — взвизгивает Донна.

— Вылитые утоплые крысы, — говорю я. Она смотрит на меня с укором. Лейша повизгивает и ерзает по безнадежно испорченному одеялу.

— А Драгоценная-то как обрадуется, когда их увидит, — говорит Донна.

— Слушай, принцесса, — вмешивается Папочка. — Мы не можем позволить Драгоценной привязаться к этим щенкам. Они ведь у нас не останутся. — Он глядит на нас, склонив голову набок, будто принимает сверхважное решение. А глаза просто сияют.

— В них наше будущее.

У нас нет компьютера. Был когда-то, но после смерти Мамочки Папочка его продал. Он тогда сделал кучу вещей, в которых было маловато смысла. Его горе было глубоким, но длилось недолго. Вскоре в нем опять вспыхнул интерес к жизни. Но я все равно не хочу, чтоб он был другим. Во всяком случае, как правило, не хочу.

В библиотеке Колсвилла есть терминал общего пользования. Раз в месяц приятель нашего Папочки Дэнни Паттерсон отвозит одну из нас с гор в город за покупками. В кабине фургончика Дэнни помещаются только два человека. В этом месяце очередь моя.

«СОБСТВЕННОСТЬ ШТАТА ПЕНСИЛЬВАНИЯ, — высвечивается на экране, когда я вхожу в Сеть. — ВАШ ЗАПРОС, ПОЖАЛУЙСТА». Такое бедное графство не может позволить себе иметь терминал, работающий с голоса и голосом.

Я умею пользоваться Сетью. В пятнадцать я окончила компьютерный класс средней школы по компьютерному обеспечению, так что у меня есть права, и это важно, так как дол-

жен же кто-то ухаживать за Драгоценной. Донна к этому плохо приспособлена. Я печатаю запрос в единственном формате, который доступен общественному терминалу:

* Персональный поиск.
* Нужны: основные сведения. Последние разработки.
* Уровень: первый курс колледжа.
* Тема: отсутствие сна у собак.

Ответы я считываю прямо с экрана — распечатки стоят слишком дорого. Не так-то уж много я извлекаю из сообщения. Говорится, что исследования по отсутствию сна у собак занимают второе место после работ по постоянному бодрствованию у людей, так как обезьяны используются и как лабораторные животные, и как основные объекты бета-тестов. То, что известно об отсутствии сна у собак, указывает, что механизм сходен с механизмом, наблюдаемым у людей. Отмечаются те же побочные эффекты, что и при отсутствии сна у людей. Не знающие сна собаки психически более спокойны, едят больше, никогда не спят и имеют повышенную сопротивляемость к заболеваниям. Собаки, использованные в исследовательской работе, принадлежали к разным породам, главным образом мелким, так как те более удобны для содержания и выгула. Все подверглись уничтожению. Федеральное Агентство (ФДА) не выдавало разрешений на содержание собак с генетически вызванной бессонницей, а потому их изъятие из лабораторий для личных нужд является противозаконным деянием. Никаких заявлений о легализации торговли собаками с генетически вызванной бессонницей не поступало, так как наличие рыночного спроса на них не установлено.

Все это я и без них знала. Тогда я печатаю новый запрос:

* Персональный поиск.
* Нужно: основные сведения. Новейшие данные.
* Объем: 2000 слов.
* Тема: рыночный спрос на сторожевых собак в Пенсильвании.

На этот раз поиск длится дольше. Ответ: информации по данному вопросу не имеется. Роскошно. Толку чуть.

Продовольственные кредитные талоны я получаю в правительственном офисе. В лавке трачу много времени, выбирая нужное. Если я правильно распоряжусь талонами, то у меня останутся еще талоны, на них я хочу купить Драгоценной комбинезон из синтетической ткани, которая отталкивает грязь и не рвется. И еще я выбираю еду, чтобы она хорошо хранилась и не слишком быстро расходовалась: рис, овсянку, сою, синтетическое мясо. Беда в том, что собаки все это тоже любят.

Те же побочные явления, что и у Бодрствующих: собаки психически более спокойны, едят больше, никогда не спят и обладают более высокой сопротивляемостью к болезням. Едят больше — вот в чем проблема! Я обдумываю, куда бы спрятать продукты так, чтобы их хватило нам до конца месяца. Меня не интересует, что там думают Папочка и Донна, но для меня на первом месте стоит Драгоценная. Во всяком случае, перед Лейшей и ее щенками. Все-таки собаки — они не люди!

А вообще-то они милашки, надо признаться. Звать их — во всяком случае, до продажи — Тони, Кевин, Ричард, Джек и Билл. Так их прозвала Донна в честь Бодрствующих, которых часто показывают по телику. Тони Индивидо — краснобай, считающий, что Бодрствующие должны жить в своем собственном охраняемом городе отдельно от «нормальных». Кевин Бейкер — первый генетически не знающий сна. Ричард Келлер — дружок Лейши Кемден. Джек Беллигхэм — богатый инвестор, а Уильям Тейн — хитроумнейший гарвардский адвокат. Воображаю их чувства, узнай они, что какие-то дворняги названы их именами.

К тому времени, когда август перешел в жаркий сентябрь, щенки стали огромными. День и ночь они жевали все, что было в доме. Папочка наконец-то стал выгонять их днем из комнат в открытый загон. Донна принялась за их обучение. Она у нас здорово разбирается в животных. Однако щенки ничему учиться не желали.

— Не понимаю, — говорит она мне. — Они же умные. Погляди, как они здорово отыскивают еду, когда я ее прячу. И их вовсе не так легко отвлечь от поиска, во всяком случае, труднее, чем большинство обычных щенят, которых я тренировала.

— Ну так в чем дело? — спрашиваю я, хотя, если по правде, так меня это не очень интересует. Я уже почти потеряла веру в то, что «Бенсоновские геномодифицированные сторожевые псы» и в самом деле радикально изменят наше положение. Конец месяца не близок, а у нас осталась лишь чуточка риса и консервированных бобов, а у Драгоценной растут зубки. И она все время капризничает. Ей нужны лекарства, чтобы класть на десны, ей необходима настоящая кроватка, так как из колыбели она выросла, ей нужна новая одежда. Я сижу во дворе в тени сахарного клена и чувствую, что вот-вот взорвусь. Воздух жарок и тяжел. Ощущается приближение грозы, но она не сулит ни снижения температуры, ни повышения влажности. Звенят москиты. Я держу Драгоценную на коленях, а она изо всех сил пытается вырваться, чтобы добраться до зарослей сумаха, который вызывает у нее аллергию. Я чувствую, что мне глубоко плевать, если Тони, Кевин, Ричард, Джек и Билл так никогда и не научатся что-то там охранять.

А Донна все говорит:

— Просто не понимаю, что такое с этими щенками! Они достаточно умны, чтобы учиться.

— Это ты так говоришь. — А Драгоценная трется головкой о мое плечо, слюнявит его и хнычет.

— Они просто не слушаются. Они ведут себя не так, как вели собаки, которых я тренировала. Они... больше похожи на кошек...

— Донна, ты несешь чушь!

— Знаю. Но может, тот маленький научник заложил в них кошачьи гены?

— Это невозможно. Нельзя смешать... Драгоценная, перестань... — Она вцепилась в мои волосы и очень больно. Поднимаю руку и пытаюсь вытащить из ее крошечного кулачка прядь волос. Драгоценная издает вопль и кусает меня в плечо.

Я освобождаюсь и начинаю свирепо ее трясти. Теперь она вопит уже по-настоящему, закатывает глаза и багровеет. Только минут через пять мне удается ее успокоить. И тогда я поворачиваюсь к Донне.

— Плевать мне, что щенки ведут себя как кошки или даже слоны! Меня заботит лишь то, что они денег в дом не несут! Нам столько всего необходимо для одной-единственной цели —

выжить, что просто для удовольствия мы их держать не можем. Крыша в ванной протекает еще сильнее! Дом полон собачьего дерьма, а Папочка не желает выпускать их ночью во двор, боясь, что кто-нибудь обнаружит, что щенки не спят. А кто такой этот кто-то, мать его... Кроме Дэнни и его новой девки, мы уже месяц, как лица человеческого не видали!

Донна глядит на меня выпученными глазами.

— Что на тебя нашло, Кэрол Энн? Ты всегда такая спокойная и услужливая...

— А я по горло сыта и спокойствием, и услужливостью! Я по горло сыта собаками, которые гадят, лают и грызут наши вещи по двадцать четыре часа в сутки!

— ...с тех пор как тебе стукнуло восемнадцать, ты превратилась в какую-то трижды трахнутую суку!

Восемнадцать. День рождения был еще на прошлой неделе. Я забыла о нем и была уверена до последней минуты, что другие — тоже. А они вспомнили, да еще только затем, чтобы сообщить, что этот день превратил меня в суку!

Я отшвыриваю Драгоценную к Донне, да с такой силой, что та опять ревет. Донна смотрит на меня расширенными глазами, невинными, точно цветочки. Я ненавижу ее. Я ненавижу все: собак, нищету, собственный день рождения, а заодно и все прочее тоже. Все идет наперекосяк, и мне хочется одного — чтоб глаза мои на это все не глядели. Я плетусь по двору, я настолько вымотана, что даже не вижу, как во двор садится аэрокар. Я даже не подозреваю, что он уже сел, пока Донна молитвенным шепотом не говорит:

— ...ах ты, трижды трахнутый японский бог!..

Я в натуре никогда аэрокаров не видела — только по телику. Этот маленький — на двух человек. Игрек-энергетические конусы нарисованы на нем тоже серой краской, но другого оттенка. В нашем дворе он смотрится как пуля на разорванном и гниющем трупе. Из кара выходит мужик, и у Донны захватывает дух:

— Тони Индивидо!

Так оно и есть. Даже я узнаю его лицо благодаря телику. Он среднего роста, чуть полноват, не слишком красив. Его семья не имела средств, чтобы купить ему какие-либо другие достоинства, кроме бодрствования. Во всяком случае, так по телику говорили. Он вышагивает по двору к нам, а мы с Донной стоим вроде как столбы. Она толкает Драгоценную

ко мне и начинает разглаживать юбку. Драгоценная во все глаза таращится на кар, вдруг свалившийся с неба, и тут же перестает капризничать. Значит, вот что нам нужно: посадка аэрокаров каждые пять минут, чтобы отвлекать ее от зубной боли!

— Хелло... Не могу ли я поговорить с мистером Дэвидом Бенсоном?

Донна лучится улыбкой, и я вижу ответную реакцию в его глазах, хоть реагировать он явно не хочет. Бодрствующий мужчина — он все равно мужик.

— Дэвид Бенсон в данный момент отсутствует. Я его дочь, Донна. Чем могу быть полезна, мистер Индивидо?

— Вы тут из-за собак? — вмешиваюсь я.

— Кэрол Энн! — вскрикивает Донна. — Где твои манеры!

Тони Индивидо колеблется, но только одно мгновение.

— Верно. Я хочу поговорить с вашим отцом о собаках.

— Вы хотите купить собаку? — гну я свое.

Он глядит на меня, но теперь уже внимательнее.

Глаза у него серые, с мелким коричневым крапом. И я продолжаю, чтобы не допустить никаких осечек:

— Вы хотите купить собаку. Мой отец не будет ни с кем разговаривать о собаках, кроме как по этой причине.

Теперь улыбается Тони, ему, видно, такой разговор по душе.

— О'кей. Верно. Я хочу купить. Одну.

Тут Донна вопит:

— Но они же еще не обучены!

А он на нее и не смотрит. Тони Индивидо нужен обученный сторожевой пес, как третья нога. Бодрствующие имеют уйму всяких там игрек-полей, телохранителей, секретного оружия, чтобы защищать себя. Да и кто захочет причинить вред Тони Индивидо? Ему нужна эта собака, чтобы его умные друзья разобрали ее на части в какой-нибудь лаборатории и увидели, чем она отличается от других собак. Меня интересует одно: сколько он готов за нее заплатить. Я, может, из него косую вытяну. Сам он из «нищих» Бодрствующих (ага, есть и такие), но его подружка, кажись, сама Дженнифер Шарифи. Дочь арабского нефтяного принца и американская голографическая звезда. Богатейшая женщина во всем мире.

А может, пару косых? Кровать для Драгоценной, компьютер, новая одежда...

А Донна опять свое:

— Может, вы собачку сейчас купите, а заберете ее позже, когда я тренировку закончу? — Ей эта идея больше по душе.

— А как идут тренировки? — спрашивает Индивидо.

— Отлично, — вмешиваюсь я. Не хочу я давать ему повод снизить цену. Смотрю на Донну в упор, и она наконец кивает.

— Вот как? — говорит Индивидо.

— А почему бы им и не идти хорошо? — спрашивает Донна.

Голос Индивидо становится серьезным:

— Никакие особые причины мне не известны. Но именно об этом я и хотел поговорить с вашим отцом.

— Можете поговорить со мной. Папочка уехал охотиться в горы дня на два-три. — Я вру. — Но я передам ему любую информацию, которую вы захотите оставить.

Он не колебался ни минуты. Видно, Бодрствующие уже привыкли к юным девицам, готовым принять на себя ответственность куда большую, чем это делают окружающие их взрослые. Ведь самому старому Бодрствующему всего двадцать семь.

— То, что я хотел сказать вашему отцу, не является твердо установленным фактом. Скорее это общий, очень важный принцип. Вот он: высшие биологические системы невероятно сложны. Они перешли ту критическую черту, за которой поведение особи сложно, но предсказуемо. Они перешли в область, где поведение становится хаотичным и более чувствительным даже к ничтожным изменениям окружающей среды или других условий. Вы понимаете, что это означает?

— Ни слова, — говорит Донна и улыбается.

— Вроде бы, — говорю я, так как нечто в этом духе я слышала в курсе компьютерного обеспечения.

И тогда Индивидо сообщает нам то же, что говорил, но в упрощенном варианте:

— Это значит, что генетические изменения, которые работали в человеке одним образом, могут сработать в собаке совершенно иначе. Или они могут так же сработать в большинстве собак, а в ваших сработать иначе. Или в одних ваших собаках из одного и того же помета они сработают так, а в других — иначе. У них могут быть отклонения в генетиче-

ском плане, а может, оказались чуть другие условия in vitro* или другие условия среды.

— Но наши собаки не знают сна так же, как и вы — Бодрствующие, мистер Индивидо. Пойдемте посмотрим, — говорит Донна.

Но он смотрит на меня, и я говорю:

— Это означает, что нам надо быть очень осторожными.

— Да, — отвечает он. — Беда в том, что проблема собачьей бессонницы плохо исследована, и вам нечем руководствоваться.

Никаких просьб легализовать торговлю не знающими сна животными в ФДА не поступало, так как наличие рыночного спроса на них не установлено. Хотелось бы знать в таком случае, откуда Тони Индивидо узнал о нашем предприятии? Папочка никаких объявлений не давал. Да и не мог дать, поскольку денег на них у него нет, компьютера — тоже. Я ощущаю, что по спине у меня бегут холодные мурашки, а тут еще Драгоценная рвется из рук. Я ставлю ее на землю, и она, спотыкаясь, ковыляет к аэрокару.

— Вам нужно выбрать себе собачку, мистер Индивидо. Вот увидите, какие они очаровашки, и... — нудит Донна.

— А как вы о нас узнали? — требую я. — Кто вам сказал?

Он молчит.

— Вы намерены сообщить о Папочке властям? — Самое удивительное, что такая возможность мне только сейчас приходит в голову. Бодрствующие очень законопослушны. Может, потому что с них самих глаз не спускают.

— Нет, я не собираюсь выдавать его властям. Я прилетел только для того, чтобы посоветовать вам соблюдать осторожность.

— Но почему? Вам же дела нет, если наше предприятие пойдет прахом? — Я чуть было не сказала «как и все прочие», но удержалась. Не хочу я, чтобы он нас жалел!

— Ваш бизнес меня не волнует, — холодно отвечает Индивидо. — Но Бодрствующие хотят знать о генетических исследованиях все. И думаю, вам понятно почему. Даже о тех, которые ведутся подпольно. А как мы этого добиваемся, вас не касается. Я здесь для того, о чем вам сказал. Ну, и немного из любопытства.

Тут игриво вмешивается Донна:

* в пробирке (*лат.*).

— Значит, вам будет любопытно взглянуть на собачек и выбрать какую-нибудь.

Она берет его под руку и уводит в дом. Драгоценная пытается влезть по гладкой округлой стенке аэрокара, чего, разумеется, сделать не может. Еще минута, и она плюхается на свой задик прямо в грязь. Я бегу к ней, оставляя Тони Индивидо Донне и ее щенкам. Какая мне разница, какого щенка он выберет и приедет ли он за ним снова, чтобы забрать домой. Важно одно: заплатит ли он нам до отлета?

Что он и делает. Две с половиной косых, причем прямо оплаченными кредитными карточками, а не чеком. Я сжимаю карточки в руке, Донна пляшет и поет в кухне, а Драгоценная взобралась на свой высокий стульчик и громко гукает. Сумасшедший дом какой-то. Но сейчас это меня не колышет. Деньги действительно для нас имеют колоссальное значение.

А еще через две недели все кончается.

— Пойди-ка глянь на это, — кричит Папочка из кухни. Он сидит за кухонным столом перед нашим новеньким терминалом, отыскивая то, что он величает «объявлениями о будущем» в Теневой сети. Это Папочку его приятель Дэнни научил, тот самый, что с фургоном. Показал ему, что и как надо делать. Папочка мне не сказал, откуда Дэнни это все знает или что именно он продает и покупает по подпольным объявлениям. Мне известно, что с Теневой сетью возиться нелегко. Войти в нее нетрудно, но после входа она зависает, ежели ты не знаешь кодовых слов и процедур, которые все время меняются. «Теневая экономика» зовут ее в видеоновостях, а иногда еще «Призрачный рынок». Считается, что по Тенесети можно получить все, ежели знать как.

— Кэрол Энн! — кричит Папочка еще громче. — Подойди сюда!

— Я занята! — ору я со двора, где присматриваю за Драгоценной, которая с помощью столовой вилки копает ямку в земле. Она сидит в косых лучах осеннего солнца, потная и счастливая, как сам этот солнечный денек. Слышно, как совсем рядом, в лесочке, Донна отдает приказы собакам. Обучение идет плохо. Ей приходится тратить на них уйму времени.

— Я сказал иди сюда, Кэрол Энн, и требую, чтоб ты пришла! — кричит Папочка. Я встаю и иду в дом.

Как странно, когда в доме есть денежки, хоть и маленькие. Всю зиму и весну, когда я экономила чуть ли не каждую рисинку и фасолину, а Папочка просиживал штаны, пытаясь добыть денег на покупку зародышей для имплантации их в Лейшу, а у Донны было одно-единственное платье, так вот, всю эту долгую зиму мы все были в отличнейшем настроении. Веселы и исполнены надежд. Мы были добры и ласковы друг с другом. С тех же пор, как мы получили кредитные карточки Тони Индивидо, мы сделались нервными и напряженными. Может, я и была такая всегда, но Папочка и Донна — никогда. Ни тот, ни другая.

Теперь наши аппетиты выросли. Папочке приходится соображать, где разместить рекламу. Тенесеть рекомендует, как сделать это выгоднее и как получше обойти закон. Мы не можем допустить ошибок. Ведь Новости полны сообщений о том, как федеральные власти громят подпольные генетические лаборатории. Щенки не слушаются Донну, если она не дает им мяса (именно это она имела в виду, говоря о кошках). Они делают то, чего ты от них добиваешься, только если ты стоишь перед ними с плеткой или с куском мяса. Все мы на пределе.

Дело в том, что нам есть что терять.

— Скажи мне, что это значит! — рычит Папочка. Я наклоняюсь к экрану. Это рекомендация ФДА Конгрессу насчет производства геномодных животных. Фразы длинные и запутанные, напичканные множеством ученых слов. Ничего я в них не понимаю.

— Что-то о том, что новый закон должен разрешать или запрещать в генной инженерии, — объясняю я. — В резюме говорится: «Никакие геномоды, изменяющие внешность или главные функции организма, делающие это животное резко отличающимся от других животных этого рода, вида или даже породы...»

— Читать я и сам мастак, — сердито обрывает меня Папочка. — Извини, Кэрол Энн, мне просто нужен смысл этих слов. Вот ты мне и объясни. Предложение за предложением.

— Папочка, я не могу...

— Еще как можешь! Ты самая умная из нас и не думай, что я не знаю, что это тебе хорошо известно.

— Но...

— Пожалуйста, девочка. Помоги мне разобраться.

Что я и начинаю делать. Каждое предложение отдельно, ища значение слов, пытаясь извлечь смысл из их сочетаний. Это требует времени. Много времени, вплоть до того мгновения, когда раздается неописуемый вопль Драгоценной.

Полсекунды, и вот мы уже за дверью. Но Драгоценной нет. И тут же смолкают и ее крики.

Донна выбегает из леса, крича: «Ричард! Ричард!» — и мне требуется чуть ли не минута, чтобы сообразить — это она кличет пса. У нее совершенно безумные глаза. Мы стоим, будто застряли в вязкой воздушной стене, и только наши лица поворачиваются из стороны в сторону. Я не вижу Драгоценной. Не могу найти ее. И вдруг Донна, слух у которой не хуже, чем у собак, кидается в лес, что слева от дома.

Я услышала треск челюстей еще до того, как увидела самого Ричарда. Его челюсти трудятся над куском мяса, который Донна, должно быть, дала ему — награда за послушание. Он лежит на брюхе, мирно пожирая мясо, и движения его головы и тела по опавшей листве производят тихие шуршащие звуки. Я слышу эти шорохи, потому что лес внезапно превращается в самое тихое место на земле. С такой тишиной я уже никогда больше не встречусь.

Драгоценная лежит футах в восьми от Роджера у подножия небольшого холма, где течет крошечный ручеек. У нее сломана шея. Ее ладошки вымазаны кровью от куска мяса, который она пыталась отнять у Роджера. Может, она хотела откусить от него кусочек. А может, думала, что это такая игра — кто кого перетянет. Но Ричард не играл. Он отшвырнул Драгоценную прочь — следы его зубов отчетливо видны на ее маленькой ручонке. И Драгоценная покатилась по склону, приземлившись у подножия. Она ударилась головой, или свернула шейку, или еще как-то. Позже коронер сказал, что это был глупый несчастный случай. Если не считать руки, то на ней нет ни царапины, даже водой ручейка ее не забрызгало. Она лежит спокойно, в своем новеньком грязеупорном розовом комбинезончике, будто просто заснула.

А Папочка рвет тишину воплем — кажется, сам ад вырвался наружу. Я бегу к Драгоценной и поднимаю ее на руки.

Я даже почти не слышу, как в десятке футов от меня гремит ружейный выстрел. А других выстрелов — четырех в лесу, а потом еще одного, бессмысленного, в Лейшу — я вообще не слышу. Ни эха, ни визга. Ничего.

Не знаю я, что одних людей удерживает от распада, а других заставляет разваливаться на части. Должно быть, об этом говорил Тони Индивидо: поведение хаотично, оно определяется незначительными отклонениями в условиях среды. Не знаю. Ничего я не знаю.

А Папочка не удержался. Он начал пить сразу после похорон и уже не смог остановиться. Он не стал ни злым, ни слезливым. Он просто сидел за кухонным столом ночь за ночью, опустошая одну бутылку за другой. А днем ждал прихода ночи. Потом он перестал его ждать.

Донна оставалась с нами недолго. Разбираться, что к чему, она не стала. Несколько месяцев рыдала почти без передышки. А еще ей хотелось все время говорить о Драгоценной, а я этих разговоров слышать не могла. В конце концов она нашла того, кто мог, — государственного служащего в Колсвилле, который даже отыскал ей место официантки в хорошем ресторане. Посетителям Донна нравилась. И постепенно она перестала плакать. У нее появилось несколько знакомых, а там и дружок возник. Я ее редко видела. А когда мы встречались, нам трудно было смотреть друг дружке в глаза.

А я? Не знаю, выдержала ли я. Слишком уж я сдвинута, чтобы судить об этом.

— Ты ведь дочка Дейва, — говорит мне Дэнни, будто он не возил меня в своем фургоне в Колсвилл несколько лет подряд. Он принадлежит к числу людей, которые больше всего на свете боятся женских истерик. — Что я могу для тебя сделать, а?

— Я — Кэрол. Ты можешь позволить мне остаться и вести твое хозяйство.

Он глядит на меня так, будто у меня крыша поехала.

— Ну... э... Кэрол, я в толк не возьму... Я думал, ты ведешь хозяйство отца, он ведь наверняка нуждается в тебе, раз уж...

— Никто ему не нужен, — говорю я, — а ты в этом нуждаешься.

Я огляделась вокруг. Жена Дэнни ушла от него окончательно уже с месяц назад. Ей надоели его бесконечные девки, а последняя из них совершенно переполнила чашу ее терпения. С тех пор как она ушла, Дэнни не вымыл ни одной тарелки, ни одной тряпки и даже не протер столешницу. Его подружки, с которыми он встречался в баре «Придорожное гнездышко», никак не относились к типу домохозяек. Две кошки начисто отказались пользоваться своим песочным ящиком. Из-за запаха Дэнни держал все окна открытыми, но этого было мало. Больше того, вонь расходилась по всей округе, а косой дождь бил в окна и заливал загаженный кошками диван Дэнни. У всех людей есть порог выносливости к вони. У Дэнни он был необычайно высок, но все же я была готова спорить, что все-таки он существует.

— Я хорошая хозяйка, — говорю я. — И умею готовить. Папочка говорит, что сочтет за услугу, если ты позволишь мне здесь жить. Он понимает, что мне надо на время уйти от воспоминаний, которые хранят стены нашего дома.

Дэнни медленно кивает. Ему становится легче, что все это сойдет за услугу Папочке. И все же сомнения остаются.

— Тут вот какое дело, Кэрол... Ты же знаешь, какой у нас народ. Болтают всякое. А ты уже не ребенок. Не хочу я, чтобы все думали...

— Считаться следует только с Папочкой. А он все понимает. Кроме того, если ты собираешься продолжать водиться с подружками, то эти леди всем и все расскажут. И что я сплю в отдельной комнате, и что ты относишься ко мне как к дочке... и все это ради Папочки.

И Дэнни опять кивает. Ему нравится идея иметь подружек и одновременно чистый дом.

— Но я не могу платить тебе, Кэрол. Нынче времена трудные. Может, когда попозже...

— Не нужны мне деньги, Дэнни. Все, чего я прошу, это чтобы ты научил меня пользоваться Тенесетью. На твоем терминале, как ты уже Папочку научил. Для начала по два часа в день.

Ему это не нравится. Слишком много времени. Но как раз в эту минуту одна из кошек присаживается на столе и гадит прямо в тарелку с рисом, таким засохшим, что твер-

дые рисинки, видимо, показались кошке неотличимыми от наполнителя в кошачьих уборных.

— О'кей, — говорит Дэнни.

Всю зиму я работаю как проклятая. Я выкидываю диванчик Дэнни и все прочее, что не могу прокипятить. Я скребу полы, чиню, делаю новый диван для Дэнни из досок и одеял. Я готовлю и получаю продукты по продовольственным талонам Дэнни. Два раза в неделю я хожу к Папочке и занимаюсь у него тем же самым. Половину ночи я осваиваю то, чему днем меня обучил Дэнни, пока не устаю так, что уже не могу уснуть. Днем глаза у меня болят от чтения, причем не только от одних программ Тенесети. Часами я не вылезаю из научных разделов Сети. Когда одна из подружек Дэнни заявляет, что я «воображала», я понимаю — мой словарь изменился. Что ж, так тому и быть... все ведь изменилось.

К тому времени, когда крокусы начали вылезать из-под снега, Дэнни уже нечему меня учить. Фактически же я знаю гораздо больше, чем он мне дал, так как по Тенесети я нашла и других, готовых мне помочь. Есть целый класс пользователей Тенесетью, главным образом, молодежи, той, которой терять нечего. Для них самое оно — похвастаться своими познаниями. А я научилась тому, как вызывать их на откровенность.

Однако вся эта мелкота располагала лишь фактами. И Дэнни — тоже. А у меня в обмен — ничего, чистый ноль, так что я так и не могу получить через Тенесеть единственную вещь, которая мне нужна. И если я буду торчать здесь, то мне ее никогда не добыть.

Я пишу записки Папочке и Дэнни и начинаю спускаться с гор к шоссе.

Транспортная компания «Красная золотая рыбка» охраняется собаками.

Еще, конечно, имеет место проволока, символически указывающая на наличие игрек-энергетического барьера, окружающего всю территорию компании. Одной рукой я дотрагиваюсь до невидимой защиты. По ощущению она напоминает мне кирпичную стену. Но каждая защитная система, находящаяся под током, замечательна тем, что ток этот надо включить, а стало быть, его же можно и выключить. Вот

собак отключить труднее, разве что убить. А такие штуки, как пуля или кусок отравленного мяса, «пропихнутые» сквозь барьеры, образованные большинством игрек-энергетических полей, как правило, тут же включают сигналы тревоги. В Тенесети можно почерпнуть слухи о том, что Бодрствующие изобрели ракетные снаряды, способные пробивать игрек-энергетические барьеры, а также барьеры, способные таким снарядам противостоять и не пропускающие даже воздуха. Но это лишь слухи. Да и оружия Бодрствующие не продают. Они слишком умны, чтобы вооружать врагов.

Я стою в нескольких дюймах от ограды и любуюсь транспортной компанией «Красная золотая рыбка». Это здание без окон, построенное из пенобетона и стоящее среди множества рядов белых фургонов. Все они на каждом борту имеют изображение красной золотой рыбки. А раньше вместо золотой рыбки у них была синяя надпись «ПЕНСИЛЬВАНСКИЕ ПЕРЕВОЗКИ». А еще раньше там красовались голубые маргаритки Линии Цветочной доставки. А до этого на фургонах большими оранжевыми буквами было написано: «СТЕНЛИ ЭКСПРЕСС». Именно фургон «Стенли Экспресс» доставил Папочке Лейшу — беременную суку — для его нового делового предприятия.

Никаких сведений об этой сделке официально не существует. По Тенесети трудно проследить даже переход компаний из одних рук в другие. А уж сведения об их-клиентах — тем более. Или об их владельцах.

Я гляжу сквозь ограду уже вторую ночь, слежу осторожно, пока наконец у меня не остается сомнений в отношении собак. Все три — немецкие овчарки, самцы, не подвергшиеся кастрации. Вполне возможно, что они генетически модифицированы в отношении силы и слуха. Великолепно обучены, гораздо лучше, чем это могла бы сделать бедняжка Донна. Спят посменно. Модификации по интеллекту явно нет.

В генетическом смысле с собаками много чего можно сделать, но функционально они все равно остаются собаками. А есть вещи, которые недостижимы. Например, невозможно кардинально поднять собачий интеллект. Если попытаться этого достичь, то характер нейронных связей станет слишком сложен для управления собачьим мозгом. Тогда произойдет то же самое, что с информационным каналом, пере-

груженным информацией. Замыкание. Сигнал не проходит. Щенки сидят, не двигаясь с места, дрожат и повизгивают. Исправить ничего нельзя, так что остается одно — уничтожить. Когда ученые из Гарварда опубликовали статью об этом, которая появилась в Сети, выяснилось, что некоторые подпольные лаборатории в Огайо и Флориде знали об этом еще раньше. В Тенесети было даже объявление «Собаки с высочайшим Ай-Кью». Но дальше этого дело не пошло. Кто-то их тоже разыскивал, но, думаю, не разгневанный клиент. Думаю, копы.

Копы — главное связующее звено между Сетью и Тенесетью. Но не единственное.

Собаки транспортной компании «Красная золотая рыбка» патрулируют барьер каждые шесть минут. Они внимательны, настороженны и преданны. И все же они только собаки.

Как раз когда одна из них пробегает мимо меня, я переворачиваюсь на спину. Я надушена: этот запах получен в генетической лаборатории и используется для приманивания волков в «Ареалах дикой природы». Он разработан в Калифорнийском университете в Ла-Джолла, и патент принадлежит этой лаборатории. Но еще этот же препарат производится в подпольных лабораториях Айдахо и Миннесоты. Атрактант* можно заказать по Тенесети: 784КевинМарт, доступ 431CE7946 через Джамаль Таун, оплата наличными. Более детальные сведения дополнительно.

Сторожевой пес чувствует запах. Он кидает на меня косые взгляды, на то, как я валяюсь на спине, махая в воздухе поднятыми руками и ногами — поза покорности в волчьих стаях. И в собачьих тоже. Но я нахожусь по другую сторону ограды. Немного задержавшись, он обычной пробежкой продолжает свой обход по периметру ограды.

Проходит шесть минут, я все еще здесь.

В полночь псы сменяются. Я не знаю условного сигнала смены. Новый пес проходит те же самые стадии реагирования на меня: останавливается, потом уходит. Я слегка поворачиваюсь, шевелюсь, но руки и ноги, как и прежде, подняты в воздух. В 3 часа ночи я иду домой. Рабочие приходят начиная с четырех.

---

* Вещество, запах которого привлекателен для каких-то видов животных. — *Примеч.пер.*

В следующую ночь я опять тут. И в следующую. Днем я работаю. В компании домашних услуг. У клиентов я быстро начинаю пользоваться известностью. Очень здорово обучилась обращению с разного рода бытовой техникой для проведения различных домашних работ. Особенно хорошо у меня получается чинить приборы, сломанные другими домашними работницами.

На двадцатую ночь пес, дежуривший с четырех дня и до полуночи, останавливается у ограды и просовывает лапу сквозь игрек-энергетическое поле, довольно грубо пихает меня в зад. Это пес-альфа*, вожак стаи, самый крупный среди остальных, тот, что держит хвост выше других и лучше всех настораживает уши. Он рвет когтями мои утепленные брюки, а затем убегает патрулировать ограду.

Лежу тихо, жду, когда он вернется. Пес появляется через шесть минут. Снова пихает меня лапой, снова убегает.

К концу месяца он уже чуть ли не наполовину высовывается за пределы игрек-поля, о существовании которого он, видимо, даже не подозревает, и валяет меня по земле. Иногда пес очень груб, иногда просто резвится. На шее и на руках у меня царапины и следы укусов. Я стараюсь удерживать его подальше от своего лица, но когда это не удается, мне приходится, уходя на работу, делать специальный макияж. Когда пес оказывается наверху, щелкая зубами и притворно рыча, я отгоняю от себя воспоминания о Драгоценной.

Пес ведь в том не виноват. Работа его мозга прочно детерминирована. Во всякой стае есть одна собака, которую обижают все остальные. Такая уж функция у собаки-омега. Она самая презираемая, самая низшая по иерархии, и она служит для остальных псов объектом издевательств и унижений. Стае необходима эмоциональная разрядка, и не будь собаки-омега, они принуждены были бы драться между собой. Потребность в собаке-омега у них в генах заложена.

Иногда, когда пес-альфа хватает мою руку зубами и трясет ее, я кладу ему другую на шею. Я чувствую слабое гудение где-то под самой его кожей. Это проходит электронный сигнал, позволяющий псу проникать сквозь поле, если он

* В научных трудах по изучению иерархических отношений у стайных и стадных животных установлена определенная классификация. Животные групп альфа и бета — элитные классы, самый низший класс — омега. — *Примеч. пер.*

заденет последнее случайно, чтобы в таком случае не возник сигнал тревоги. И все, что будет в этот момент связано с собакой, тоже проникнет сквозь поле. Вы же не хотите, чтобы тревожные сирены выли каждый раз, когда хвост вашего сторожевого пса коснется игрек-поля или когда к высунувшемуся наружу хвосту прицепится репей.

На тридцать третий день я обхватываю руками шею вожака и вместе с ним волокусь сквозь игрек-поле, издавая запах волчицы. Внутри ограды он сильно бьет меня лапой в плечо и убегает, оставляя одну. Его никто не тренировал пускать посторонних внутрь. Но я из его стаи, я занимаю в ней определенное место и выполняю определенные функции. А это уже совсем другое дело.

Тенесеть без устали повторяет, что никаких архивов она не хранит. Но ведь сама сеть и есть, в определенном смысле, непрерывно пополняемый архив. Без посторонней помощи никто ведь не может запомнить каждую деталь каждой сделки. Особенно если вам нужно выяснить, с кем вы ни в коем случае не должны иметь дело вторично.

Внутри здания транспортной компании «Красная золотая рыбка» ничего не запирают. Но там нет и того, что я ищу. Здание без окон используется преимущественно для хранения грузов и ремонта фургонов. Административный офис мал, грязен и засунут в какой-то угол. Есть в нем и терминал, но я знаю, что в нем искать бесполезно. Вообще-то терминал с другими системами не связан, но правительство располагает теперь таким оборудованием, которое может снимать данные с терминалов, даже не подключенных к сетям. Лишь бы они были не обесточены. Тенесеть говорит, что у них можно приобрести даже такое оборудование. Я не верю этому. Не верю ничему, что связано с Тенесетью, до тех пор, пока не проверю, что я и сделала, когда искала волчий атрактант. К тому же мне известно, что архивы «Красной золотой рыбки» выполнены не на электронной аппаратуре.

Они на пластике, пишутся от руки на прочных голубых карточках, лежащих в голубой коробке, спрятанной в самой глубине шкафа. И они закодированы.

В офис вбегает собака-бета. Она сейчас отдыхает. Я позволяю псу немного повозиться со мной, после чего он сворачивается в клубок в углу и засыпает.

Я забираю с собой всю голубую коробку, с помощью псаальфа проникаю сквозь барьер и успеваю на последний автобус. В автобусе я засыпаю мертвым сном, самым крепким в моей жизни. Это моя награда.

В коробке пять голубых пластиковых карт, нумерованных цифрами 1, 2, 3, 4, 5. Может, это хронологические ряды, может, группировка по видам перевозок, может, черт его знает что. Каждая карта исписана мельчайшим бисерным почерком. Строчка за строчкой, строчка за строчкой — буквы, цифры, символы, причем все вплотную, без пробелов. Карта номер пять заполнена только на две трети.

Донна поражена, когда я со своим чемоданом появляюсь в ее ресторане в Колсвилле. Там она работает. Ресторан не имеет ничего общего с забегаловками, где автоматы выдают вам тарелки с синтетической едой. Здесь еда настоящая, а обслуживают официантки, среди которых и Донна. Она одета в черное форменное платье с голубым передничком. Волосы рыжие, собраны в пышный пучок. Как две капли воды похожа на Мамочку.

— Кэрол! Как с неба свалилась! А Папочка сказал, что ты чуть ли не насовсем уехала куда-то в Огайо!

— Уехала. И вернулась. Могу я немного пожить у тебя?

— Конечно, можешь, лапочка. И я познакомлю тебя со своим дружком Джимом. Я уверена, что вы оба...

— А нет ли у вас тут фирмы, занимающейся домашними услугами? Я работала горничной.

Донна хохочет.

— Это в Колсвилле-то? Ты шутишь. Но в столице штата... Знаешь, у нас теперь есть гравипоезд, он ежедневно ходит туда и обратно раз в сутки. Его только недавно пустили. Но, детка, ты выглядишь ужасно. С тобой ничего не случилось?

Я гляжу на нее. Вылитая Мамочка. И она так же мертва для меня, как мертва Мамочка. Донна начисто выбросила Драгоценную из головы. Она ничего не знает о глубоких черных провалах, в которые можно упасть, но из которых нет выхода. Она просто не знает о них.

— Я в порядке, — отвечаю я. — Скажи мне свой адрес и дай ключ. У тебя есть терминал, Донна?

— Арендую его вместе с квартирой, — говорит она с гордостью. — Хотя и почти не пользуюсь, разве что Новости

послушаю. Работай на здоровье, ребенок. Можешь пользоваться всем, что есть в квартире, кроме Джима...

Она громко хохочет, я пытаюсь улыбнуться, а потом иду в ее дом и первым делом чищу его до блеска.

Следующие три месяца я работаю как дьявол, подобно тому, как работала когда-то у Дэнни. Каждое утро сажусь на местный гравипоезд, еду до Города и занимаюсь своими домашними услугами. Мне там рады. Я умею обращаться с любой техникой, имеющей отношение к домашней уборке. Каждую ночь я сижу у терминала в гостиной Донны размером десять футов на десять, пытаясь не слышать того, как Донна и Джим занимаются любовью в спальне тоже размером десять на десять.

Я начинаю с трех бесплатных декодирующих программ. Я сообщаю им все данные с пяти голубых карт и пробую одну за другой. Ни одна не может извлечь из карт ровным счетом ни шиша.

Через месяц у меня на кредитной карточке накопилось достаточно, чтобы воспользоваться более совершенными, уже платными, программами. Ни одна из них не сработала.

— Чем ты занимаешься, сидя за этим терминалом все ночи напролет, детка? — спрашивает Донна. — Под твоими славными глазками уже появились черные круги. Может, ты хочешь сходить с нами и поразвлечься? У Джима есть милые развеселые друзья.

— Нет, спасибо, — говорю я. — Ты давно видела Папочку?

Ее лицо сразу стало замкнутым.

— Увижу завтра. Ты же знаешь, я к нему езжу по четвергам. Хочешь, поедем вместе?

Я отрицательно покачала головой и вернулась к терминалу. Донна тоже промолчала. Она ушла, а я еще долго ощущала запах ее духов — пряный и сладкий.

Самые лучшие программы декодирования — не те, которые можно купить. Они принадлежат людям, которые берут ваши данные и пропускают их через свои декодирующие алгоритмы. Все они дерут дорого, хотя с ними можно и поторговаться. Подобные фирмы принадлежат, разумеется, к Тенесети. Мне приходилось читать, что некоторые из них

пользуются программами, украденными у военных. Вполне возможно.

Вся проблема в том, чтобы выбрать лучшую фирму. У горняшек заработок не очень-то велик, даже если они именуются техниками по механизации домашних услуг.

Наконец я нахожу через Тенесеть фирму, именующую себя «Бент». Она, по-видимому, орудует на территории штатов Пенсильвания, Нью-Йорк и Огайо. Наша сделка имеет высокий уровень защиты, хотя фирма и принимает деньги прямо с кредитных карточек, а не чистоганом. Я даю им данные с голубых карт, а они опустошают мой банковский счет. Я его закрываю, но тут же открываю другой, уже в другом банке.

В эту ночь мне впервые за все время снится Драгоценная. Она сидит на своем высоком стульчике, в розовом комбинезоне, и весело хохочет. То, над чем или кем она смеется, находится у меня за спиной, но когда я пытаюсь обернуться и увидеть, что там такое, я каменею. Изо всех сил пробую повернуть хотя бы голову, но мышцы меня не слушаются. А Драгоценная хохочет.

Донна и Джим притащили кресло. На эту покупку они долго копили деньги. Оно ядовито-зеленого цвета и может испускать восемь различных запахов, включая сексуальные атрактанты. Минут десять обсуждается вопрос, куда лучше поставить это кресло.

— В этот уголок, радость моя, — воркует Донна.

— В спальне было бы лучше.

— Кэрол Энн, а как ты думаешь?

Я думаю, что более отвратительной мебели еще никогда не видела.

— Мне безразлично.

— Как и все остальное, — бурчит себе под нос Джим. Ему очень не по душе то, что я живу тут так долго, но он помалкивает, так как таково желание Донны.

— Ладно, в спальне так в спальне, — решает она, и они смотрят друг на друга так, что мне ясно: надо уходить куда-нибудь эдак на часок.

Я ухожу на три, бродить более или менее бесцельно по улицам. Когда «Бент» сообщит мне, кто те подонки, что продали Папочке собак, не знающих сна... Ружье Папочки — единственная вещь, которую он не продал, чтобы купить

виски. Я знаю это точно, так как сама перед отъездом зарыла его, предварительно хорошенько смазав, позади того места, где раньше был собачий загон. Патроны стоят недорого. Их можно заказать по Тенесети, никто и не подумает задавать вопросы, никто ничего нигде не запишет (это уж точно!).

Этого научника из «Арроугена» я узнала бы где угодно. Его внешность, его голос, его манеру свысока разговаривать с простыми людьми. Научники — это вам не копы. Не ходят с оружием. Я не больно хороший стрелок, но с этим ружьем им и быть не надо.

Конечно, я бы предпочла совсем другое. Я бы отвела его в какое-нибудь укромное местечко и обмазала бы кровью только что убитого кролика. А потом спустила бы свору собак, с недельку не кормленных.

Вот такие мысли и заполнили эти три часа. Они же заполняли ночи, недели и месяцы. Я гуляю, пока солнце не начинает садиться, а потом возвращаюсь к многоквартирному дому Донны. Около него стоят два полицейских аэрокара. Идет санитар, рядом катится автоматическая каталка.

— Джим! Что...

Каталка проезжает мимо. Ко мне подходит коп.

— Кто вы такая, мисс?

— Я тут живу! Он... Где моя сестра?

Донны в квартире нет. Она ушла на работу. Коп говорит, что за ней уже послали, она уже едет, она в полном порядке.

— Джим...

— Врач сказал, что он поправится. Его сильно избили. А теперь скажите, мисс, не пропало ли чего из квартиры.

Я оглядываю квартиру Донны. Все ящики выдвинуты, мебель перевернута, кровать разломана на куски. Притворяюсь, что внимательно вглядываюсь в этот бардак, но мне уже все ясно. Ничего не пропало, кроме пяти голубых пластиковых карт. А в следующий раз, когда я обращусь к фирме «Бент», в Тенесети мне сообщат, что ее уже не существует.

Значит, «Арроуген» вовсе не маленькая подпольная лаборатория. Похоже, это часть мощной организации, обладающей программами, позволяющими снимать данные с любого терминала. И с наемными охранниками. И с железным намерением защищать своих шоферов, своих ученых, свою анонимность.

— Мисс?

Бороться с такой организацией я не могу. И не сможет никто, даже правительство, иначе ФБР уже давно прихлопнуло бы ее как муху. При такой мощи и такой решительности... Разве что другая подобная ей организация...

— Мисс, я снова вас спрашиваю, не заметили ли вы какой пропажи?

— Нет, — говорю я. — Здесь все как было.

Тони Индивидо уже жил в Убежище, когда посетил нас той весной. Только мы тогда этого не знали. Нам было безразлично.

Убежище уже практически завершено, когда я туда добираюсь. Оно огромно, занимает чуть ли не половину одного сельского округа штата Нью-Йорк, обнесенную игрек-полем. Большинство Бодрствующих Соединенных Штатов теперь селятся здесь, где чувствуют себя в относительной безопасности. Они торгуют со всем миром информацией и изобретениями. Я не разбираюсь в их экономике и денежных сделках. Знаю, что среди их товаров преобладает информация, но есть и материальные ценности, о которых имеются сообщения в Сети. То, что рекламируется в Тенесети, — подделки.

Я стою у главных ворот Убежища в толпе туристов, которые сходят с непрерывно подъезжающих автобусов. Они что-то бормочут и кидают на ворота злобные взгляды.

— То ли от нас отгородились стеной, то ли нас от себя отгородили!

— Лучше им, мать их растак, сидеть за оградой, а то может и не поздоровиться!

— Монумент геномодифицированному нарциссизму!

Я смотрю на человека, произнесшего последнюю фразу. Он выглядит человеком, у которого вполне могут быть улучшенные гены: красив, отлично одет, но явно не Бодрствующий. А настроен так же злобно, как и остальные ненавистники, которые готовы тратить свои денежки только на то, чтобы приезжать сюда и таращиться на место, где полно людей, которых они на дух не переносят. Вот и понимай как хочешь.

Перед воротами установлен большой экран с эмблемой фирмы «Бодрствующие, Инк» — огромный широко открытый глаз. Мальчишки швыряют в него камни, и довольно

крупные, но экран даже не колышется. Он тоже защищен игрек-полем. С экрана раздаются не очень громкие слова, повторяющиеся снова и снова:

«Если вы желаете оставить свои пожелания нашей Корпорации или кому-то из живущих в Убежище, будьте добры высказать их отчетливо в один из пяти микрофонов, расположенных под экраном. Благодарю вас. Если вы желаете...»

Люди становятся в очередь, чтобы высказать пожелания, главным образом нецензурные. Я понимаю, как работает эта система. Некое «умное» устройство сортирует «пожелания», ставит на них кодовые символы, а затем отбирает те из них, которые следует куда-то передать. Если, конечно, таковые окажутся. Люди, имеющие дела с Убежищем, таким каналом связи не пользуются.

У меня к Убежищу вполне реальное дело.

Когда подходит моя очередь, я говорю тихо, чтобы эти полоумные, что стоят сзади меня, ничего не могли подслушать:

— Это послание Тони Индивидо от Кэрол Бенсон. Вы посетили наш дом в графстве Фуражир, Пенсильвания, в конце марта сего года, чтобы предупредить насчет геномодных собак, которых мой отец купил по Тенесети. Яйцеклетки, из которых они развились, были обработаны на бессонницу и имплантированы беспородной суке компанией «Арроуген». Вы были правы в отношении этих псов, и теперь мне надо поговорить с вами, хотя бы минуту. Пожалуйста, поговорите со мной. — А затем, когда собралась с силами и смогла выдавить из себя эти слова, добавила: — Моя маленькая сестренка была убита одной из не знающих сна собак.

Жду. Ничего не происходит. Стоящий сзади мужчина говорит:

— Я думаю, моя очередь наконец подошла. — Когда он повторяет это дважды, я отхожу.

Сколько времени нужно этой умной программе? А что, если Тони Индивидо нет в Убежище? Он, надо думать, иногда выходит? Был же он у нас?

Через пять минут экран вспыхивает. На нем появляется другое изображение: мое имя. Экран говорит: «Мисс Кэрол Бенсон просят подойти к лифту». А вот и он — небольшое углубление в воротах, похожее на кабину лифта с отделанными деревянными панелями стенками. Прежде чем публи-

ка успевает отреагировать, я стрелой влетаю в кабину. «Дверь» закрывается. Я ощупываю дверь и стенки. Все это лишь части силового поля с голографическим изображением деревянных панелей. И вся эта механика никуда не движется. Она просто открывается на противоположную «двери» сторону и на стенном экране появляется надпись: «Пожалуйста, мисс Бенсон, подождите минуту».

Я хочу дотронуться до двери в противоположном конце комнаты, чтобы узнать, настоящая ли она и закрыта ли. И узнать, нельзя ли мне по-настоящему попасть в Убежище, куда простых смертных не допускают. Не осмеливаюсь. Я же здесь нищенка.

Дверь открывается и входит женщина. Одна. Высокая, с длинными черными волосами. Одета в джинсы и свитер. В натуре она куда красивее и экзотичнее, чем в телике.

— Мисс Бенсон, я — Дженнифер Шарифи. Тони Индивидо мой партнер. Сам Тони прийти не может. Будьте добры, расскажите мне, что случилось с собаками, не знающими сна.

Она совсем не такая, как Тони Индивидо. Он был дружелюбен. Она холодна, как королева, разговаривающая с грязным мужланом. И все время почему-то откидывает назад свои длинные черные волосы, даже если они не падают ей на лицо. Она мне не нравится, но мне необходимо с ней говорить, и я отвечаю:

— Мой отец заказал зародышей по Тенесети в «Арроуген». Собаки были запрограммированы не...

— Все это я уже знаю, — перебивает меня Дженнифер Шарифи. — Тони рассказывал мне о поездке к вам. Что случилось после того?

Это что же? Она запоминает все, что ей говорит Тони? Очень может быть. Она геномодифицирована по всем способностям. Внезапно я вспоминаю историю, которую Мамочка рассказывала нам с Донной, когда мы были еще маленькими. «Спящая красавица». Феи при рождении наградили ее всем: красотой, умом, изяществом, талантами, богатством...

— Как умерла ваша сестра? — спрашивает Дженнифер Шарифи и снова откидывает свои длинные волосы. — Ее убил не знающий сна пес?

— Да. Нет. Не намеренно. Драгоценная — ей было всего два годика — приставала к нему, когда он ел, и он просто отшвырнул ее. Она упала на землю под углом, и ее шейка... — Закончить я не смогла.

— Действовали ли собаки и раньше против обычных собачьих реакций?

— Да. Моя сестра — другая сестра — никак не могла их обучить. Она говорила, что они больше похожи на кошек. Они... просто не желали учиться.

Она молчала так долго, что я снова заговорила:

— Мисс Шарифи, я пришла сюда, чтобы...

— Биологические системы очень сложны, — говорит она, — и различные виды не одинаковы в своих наследственных нейронных связях, даже когда структуры кажутся почти идентичными. Собака — не человеческое существо, и искусственное бодрствование не может действовать на нее и на человека одинаково.

— Это я уже знаю, — резко бросаю я. Это же самое говорил мне Тони Индивидо в прошлом марте, только выражался он проще. — Вы мне должны сказать, что убило мою сестру. Если знаете.

— Мы знаем, — отвечает она спокойно и четко. Но ее рука вновь поднимается к длинным черным волосам. — Мы следим за всеми научными исследованиями в мире, относящимися к бессоннице, даже если они еще не попали в Сеть. Один датский научный институт работает в области бессонницы у собачьих. Все дело в снах.

— В снах? — Этого я никак не ожидала.

— Да. Позвольте мне объяснить в терминах, которые будут вам понятны. — Минуту она обдумывает, и я вижу, что она не понимает, как все это выглядит со стороны. Или ей на это плевать.

— Одна из особенностей человеческого мозга — его способность с помощью воображения создавать другие реальности. Сегодня я не ела печенья. Но я могу вообразить то печенье, которого мне хочется, и испечь его завтра. Или дом, или концерт, или город. Это один способ, с помощью которого мозг создает альтернативные реальности. Другой способ — фантазировать вещи, которых в природе нет и быть не может. Ну, скажем, рассказы о магии. И еще один способ — сновидения ночью, во время сна. Вы меня понимаете?

Не такая уж я дура. Но я все же говорю:

— Да.

— Мы — Бодрствующие — не видим снов, это очевидно. Но мы вполне способны создавать альтернативные реальности другими способами. Фактически даже лучше, нежели вы. Поэтому данная способность мозга упражняется у нас в достаточных масштабах.

Теперь посмотрим на собак. Они произошли от волков, но сами они уже не волки. Они одомашнены людьми по меньшей мере двадцать тысяч лет назад. За это время... Вы что-нибудь слышите?

— Нет, — отвечаю я. Ее глаза перебегают от двери к стенному экрану и обратно. И она снова откидывает волосы.

Она чего-то ждет. И насторожена, как кошка. Тем не менее она продолжает:

— После того как собаки были одомашнены, в них стала развиваться способность поступать так, как поступают люди, и способность видеть альтернативную реальность. Разумеется, все это до какой-то степени, масштабы определить трудно. Собака не только помнит своего хозяина. Она не только поддается дрессировке и приобретает условные рефлексы по Павлову. Есть доказательства, полученные современными методами исследования деятельности мозга, что определенные участки головного мозга собаки активизируются в то время, когда она общается с человеком. Когда, например, человек ласкает собаку, она видит себя в альтернативной реальности вместе с человеком. Может быть, дома перед камином, может быть, играющей и катающейся по траве. Очень трудно представить себе это, но химические, электромагнитные и церебральные доказательства очень основательны и определенны.

Я киваю, я внимательно слушаю, мне кажется, что я все понимаю.

— Есть еще одно очень важное открытие, которое имеет непосредственное отношение к нашей проблеме. Те же самые функциональные реакции мозга имеют место во время фазы «быстрого» сна, когда собака видит сны. Это тоже имеет прямое отношение к созданию альтернативных реальностей, как я уже говорила.

Она смотрит на меня так, будто уверена, что я не понимаю ни слова. Я киваю. Я ее ненавижу, но должна доказывать ей, что все понимаю. Тони Индивидо таким не был.

— И теперь самое главное. У никогда не спящих собак фазы «быстрого» сна не бывает. А поскольку ее нет, то отсутствуют и сновидения. А когда собака не видит снов, то способность мозга создавать альтернативные реальности постепенно слабеет и наконец совершенно исчезает. Когда щенки появляются на свет, то эта функция мозга у них еще присутствует, но через несколько месяцев она пропадает. Без подпитки снами воображение, как люди называют это качество, исчезает. Без воображения связь с человеком слабеет и дремучие древние инстинкты берут в поведении собаки верх. Так что все дело в сновидениях. Их отсутствие убило вашу сестренку.

Я пытаюсь вдуматься.

— Вы хотите сказать... потому, что собака не может вообразить человека с собакой, которые занимаются не тем, что происходит в данную минуту... она не может обучаться... и поэтому ей не было дела до Драгоценной... она погибла потому, что щенок Лейши не видел снов?

— Что такое? — резко перебивает меня Дженнифер. — Кто не мог видеть сны?

Тут я вспоминаю, что она и Лейша Кемден, по имени которой Донна назвала суку, заклятые враги. Они по-разному видят будущее Бодрствующих. Дженнифер хочет собрать их всех в Убежище, а Лейша — чтобы они жили вне его, в реальном мире, вместе с нами — низшими животными.

— Собака... — заикаюсь я. — ...Моя сестра назвала щенков... Моя другая сестра, не я...

— Вот и все, что я хотела вам сказать, мисс Бенсон, — говорит Дженнифер Шарифи. Она резко встает. — Я надеюсь, что полученная вами информация объясняет все. Убежище соболезнует вашему горю. Если вы снова войдете в лифт...

— Нет, погодите! Вы не сказали главного из того, что мне нужно!

— Я сказала все, что могла. Прощайте.

— Но я должна знать, где находится компания, которая продала Папочке зародышей. Тогда они назывались «Арроуген», но сейчас я не могу отыскать их по Тенесети, они либо изменили название, либо закрылись... Но у меня в руках были архивы их транспортной компании... только они закодированы, и я не знаю человека, который мог бы их дешифровать...

— Такой информации я вам дать не могу. Прощайте, мисс Бенсон.

Я прыгаю на нее. Это ошибка. Я ударяюсь о невидимый барьер, который, по-видимому, был тут с самого начала. Я не ушиблась, но добраться до Дженнифер Шарифи не могу.

Она оборачивается.

— Если вы не войдете в лифт, мисс Бенсон, то силовое поле очень осторожно вытеснит вас в кабину. И не утруждайте себя писанием записок к Тони. Его здесь нет, а если б был, то сказал бы вам, что Убежище предназначено для выживания, а не для мести.

Она уходит. Игрек-поле теснит меня к лифту, который открывается в другую сторону, и я снова оказываюсь среди Аллеганских холмов.

Вечером того же дня, когда я сижу в автобусе, везущем меня домой, я слышу по Новостям, что активный деятель Бодрствующих Тони Индивидо только что арестован. ФБР подозревает его в киднеппинге, имевшем место четыре года назад. Индивидо похитил четырехлетнего мальчика по имени Тимми Да-Марцо. Ребенок был Бодрствующим, и его «нормальные» родители избивали его за то, что он не давал им ни одной ночи проспать спокойно. Тони укрыл мальчика у друзей, которые заботились о нем гораздо лучше родителей. Но теперь Тони схвачен и должен предстать перед судом. Он содержится без права на освобождение под залог в тюрьме округа Коневанго штата Пенсильвания.

Должны быть еще какие-то методы, пользуясь которыми, можно было бы без помощи Тенесети отыскать подпольную лабораторию по генной модификации. Мне они не известны. Я сделала все от меня зависящее, чтобы отыскать ее. Как могу я отказаться от поисков убийцы Драгоценной? Ведь если я откажусь...

За окнами автобуса дорога взбирается все выше и выше в горы. Уже июнь. Леса бушуют листвой, хотя она еще не стала темно-зеленой, сохранив молодую ярко-зеленую окраску со слабой примесью желтизны. Этот оттенок можно видеть лишь в течение недели или десяти дней в году. Обочи-

ны дороги вспыхивают маргаритками, лютиками и лилиями. Бегут ручьи, булькают родники.

Если я потеряю бушующий во мне гнев, от меня вообще ничего не останется.

На секунду я заглядываю во тьму такую бездонную и холодную, что у меня перехватывает дыхание. Но тьма уходит, а автобус продолжает взбираться по горной дороге.

Я вылезаю в Колсвилле и пешком иду еще выше в горы. Только к закату я добираюсь до места. Двор Папочки выглядит прежним. Сорняки, ржавчина, покосившееся крыльцо. Но на крыльце сидит не Папочка. Донна.

— Я так и думала, что ты явишься сюда, — говорит она, не вставая. — Или ты сначала заходила ко мне домой?

— Нет. — Она сидит в тени и я не вижу ее лица.

— А может, ты ходила в больницу, узнать, как себя чувствует Джим?

— Нет.

— Нет, — повторяет она. — Конечно, нет. Он тебя не интересует, не так ли?

Я пропускаю эти слова мимо ушей.

— А где Папочка?

— Спит. Нет, мертвецки пьян. Давай для разнообразия поговорим откровенно, Кэрол Энн.

Но ведь это Донна всегда отклонялась от истины! Кто всегда старался быть солнечным зайчиком в мире, где солнце светит одним богачам? Но я молчу.

Донна продолжает:

— Ведь именно ты виновата в том, что Джим так пострадал, верно? И в том, что моя квартира разгромлена. Это ты занималась чем-то, чем не следовало заниматься, и какой-то шишке это не понравилось.

— Тебя это не касается, Донна.

— Значит, не касается. — Она встает — там, в густой тени крыльца. — Не касается. Да кто ты такая, мразь долбаная, чтобы присваивать себе право указывать мне, где мое дело, а где — не мое? Сколько еще мне придется терять родственников из-за тебя?

Нет, это не Донна. Это кто-то чужой. Я взбираюсь по ступенькам и поворачиваю ее лицо к солнцу. Она не плачет, но в красных лучах заходящего солнца она вдруг начинает

трястись от ярости. И за миллион лет не могла бы я поверить, что она способна на такое.

— Ты, идиотка-потаскушка, ты понимаешь, что ты делаешь? Из-за тебя изуродовали Джима, и скоро ты сама попадешь в такую же историю! Или я, или Папочка! Что бы ты ни делала, это не вернет Драгоценную к жизни, ты этим даже справедливости не достигнешь, потому что справедливости вообще на свете нет! Ты что же — и этого не знаешь? Тебе с этими людьми не справиться. Все, что ты можешь, — это держаться от них подальше, а если случайно встретишься, то бежать куда глаза глядят, забыв все, что успела про них разузнать. А иначе они сломают все, что у тебя осталось в жизни.

— Донна, ты не понимаешь...

— Нет, это ты не понимаешь! Ты ничего не понимаешь в том, каков этот мир! Ты у нас считаешься умницей, а меня принимают за круглую дуру — серую и тупую. Бедная глупышка Донна! Но я знаю, ты не можешь сражаться с ними, не можешь их победить. Ты можешь только потерять еще больше, чем ты уже потеряла. А я не желаю терять ничего из того, что у меня осталось! И ты не имеешь права отнимать у меня это, Кэролл Энн. Обещай мне, обещай сейчас же, вот на этом месте, на могиле нашей Драгоценной, что ты бросишь все, что затеяла!

— Не могу.

— Нет, поклянись!

— Я сказала — не могу.

Мы смотрим друг на друга в свете почти уже умершего дня, и я знаю: никогда нам не понять наших чувств. Мы с самого рождения были слишком разными. Она живет в мире, где, если вас сильно ударят, вы поднимитесь и пойдете дальше. А я в этом мире не живу. И не хочу жить. И в этом-то и состоит разница между нами.

Первой ломается Донна.

— Ладно, Кэрол, — говорит она устало, видимо, даже не вникая в смысл своих слов. — Ладно.

— Мне очень жаль, — говорю я. И тоже не думаю этого.

Больше мы не разговариваем. Солнце зашло, где-то под горой лает собака.

Я возвращаюсь в большой город и снова поступаю работать в свою фирму домашних услуг. Когда возможно, я рабо-

таю в две смены — одна смена в домах, вторая — в офисе. Я так устаю, что не могу даже уснуть. Однажды ко мне приезжает Донна. Я кормлю ее ужином, веду ее в кино, а на следующий день она гравипоездом уезжает к себе. Все время она болтала, смеялась, обнимала меня. Мужчина из соседней квартиры смотрел на нее, как на звезду трехмерного кино.

Я живу по принципу: день-ночь, сутки прочь. Стараюсь ни о чем не думать. Ничего не жду. Даже не знаю, чего именно не жду. Дни темны, ночи бессонны.

А вот в стране все не так. Каждый день что-то случается. Подросток из Бодрствующих погибает в автомобильной аварии в Сиэтле. Врачи тщательно исследуют мертвое тело, особенно мозг. Они обнаруживают, что все ткани в прекрасном состоянии. Не просто в хорошем — ему ведь только семнадцать, — а в идеальном. У Бодрствующих ткани регенерируют. Бодрствующие не стареют. Неожиданный побочный эффект, говорят врачи.

В одном из округов штата Нью-Йорк принимается постановление, запрещающее включать Бодрствующих в состав присяжных. Говорится, что они нам «не равны».

Какой-то ученый в Иллинойсе публикует статью о воробьях, которым «привили» бессонницу. Обмен веществ у них получился такой, что они не успевают съесть столько, сколько необходимо для жизни. Они умирают, непрерывно кормясь, от голода.

Округ Поллукс в Пенсильвании принял закон, по которому Бодрствующим может быть отказано в праве найма квартиры. Они не спят слишком много, увеличивая тем самым расходы домовладельца на оплату услуг по ремонту и содержанию дома.

Какой-то институт в Бостоне доказал, что «бодрствующие» мыши не могут заражаться или быть источниками заражения многими опасными вирусами.

Проповедник, выступающий по телику, объявил Дженнифер Шарифи антихристом, посланным на Землю в качестве представителя абсолютного Зла перед наступлением Армагеддона.

«Нью-Йорк таймс» печатает передовую, содержание которой сводится к тому, что пора наконец успокоиться и прекратить вредную болтовню о Бодрствующих.

А в июле заключенные в тюрьме графства Коневанго убивают во время прогулки Тони Индивидо. Они забивают его насмерть обрезком свинцовой трубы.

Я узнаю об этом из одиннадцатичасовых Новостей, когда пью пиво и убираю собственную квартиру. Мой терминал — стандартный настенный экран, обрамленный черной пластмассовой рамой. Кадров, показывающих смерть, нет.

«...обещано тщательное расследование этого происшествия, имевшего место в двенадцать часов двадцать минут по стандартному восточному времени. Генеральный Инспектор Исправительной Службы Нью-Йорка...»

Если им известно точное время «происшествия», то почему они его не предотвратили?

Я стою, уставясь на экран, со стаканом пива в одной руке и пыльной тряпкой — в другой. Красный огонек, означающий вызов, мигает на черной раме терминала. Эти дешевые системы «не умеют» делить экран, поэтому я нажимаю кнопку приема, и тут же весь экран занимает символ Убежища.

«Послание Кэрол Э. Бенсон, — говорит приятный компьютерный голос, — от Дженнифер Шарифи из «Убежища, Инк.», штат Нью-Йорк. Послание защищено по категории класс 1-А. Оно не может быть записано ни на одну систему и будет воспроизведено лишь один раз. Вот оно: «Арроуген» сейчас действует под названием «Маунтвью Бионетикс», Сарахела, Пенсильвания. Главный исследователь — доктор Тайлер Роберт Уэллс. 409 Харперскрест-лейн. Конец послания».

Экран опустел.

«Если бы Тони сейчас был здесь, он сказал бы вам, что Убежище предназначено для выживания, а не для мести».

Теперь это уже не так.

Около получаса я вожусь с терминалом, но компьютерный голос был прав. Послание не записано. Не осталось никаких следов ни в моей системе, ни в других, более совершенных. Я единственная, слышавшая его.

Папочкино ружье оказывается там, где я его оставила, и в прежнем состоянии. И Папочка — тоже.

— Привет, Папочка!

Ему требуется время, чтобы сфокусировать взгляд.

— Кэрол Энн?

— Я самая.

— Рад видеть тебя. — Внезапно он улыбается, и я вдруг вижу его таким, каким он был когда-то, вижу его прежнюю живость и добродушие, но они тут же тонут в тяжелой сивушной вони. — Ты здесь? Надолго?

— Нет, — отвечаю я, — только до завтра.

— Тогда спокойной ночи. Спи крепко.

Сейчас еще только семь вечера.

— Конечно, Папочка. И ты тоже.

— Нет, я еще посижу чуток.

— Вот и умница, Папочка.

На следующее утро я ухожу в пять. Ружье разобрано и лежит в моей туристской сумке. На мне джинсы и прочные ботинки. В семь я уже в Колсвилле. Автобус на юг идет в восемь. Я выпиваю чашку кофе и просматриваю заголовки в киоске Новостей.

По делу Тони Индивидо подозреваемые не установлены. «Никто не проговорился», — заявляет начальник тюрьмы Коневанго (статья 1).

ФБР получило анонимный звонок насчет бомбы в Убежище (статья 2).

Смерть Индивидо — национальный позор страны (статья 3).

Сильнейший шторм на Юго-Востоке (статья 4).

Франция требует реформы Еврокредита (статья 5).

Ученые вывели геномодифицированную водоросль. Огромный потенциал для решения продовольственной проблемы, говорит лауреат Нобелевской премии (статья 6).

Я опускаю один кредит и нажимаю кнопку 6. Наружу выползает грязноватый оттиск, но времени читать его до отхода автобуса нет. Я сую листок в сумку и сплю всю дорогу до Сарахелы, Пенсильвания.

Квартал 409 по Харперскрест-лейн — хорошо защищен. Через его ворота я вижу улицы, уходящие к приречному парку. Дома высокие, узкие, стоят группами по четыре-пять строений, почти соприкасающихся друг с другом. Видны деревья, детские площадки, клумбы прекрасных генетически модифицированных цветов. Река, названия которой я не знаю, посверкивает голубым.

Это община, жители которой кооперируются друг с другом, где люди хоть и шапочно, но все знакомы. День, который я провожу болтаясь у ворот, позволяет мне установить название наиболее популярной фирмы по оказанию домаш-

них услуг. Фирма называется «Серебристый блеск». На следующий день я уже работаю в фирме. Там очень рады заполучить такого опытного техника.

Семья доктора Тайлера Уэллса приглашает такого техника каждый четверг. На второй неделе моей работы в фирме я меняюсь дежурством (один день за два!) с другой работницей, сказав ей, что среда мне необходима для визита к врачу. В шесть часов я уже в доме Тайлера Уэллса. Запускаю пылесос-автомат пропылесосить пол в кухне и промыть кухонную раковину органо-молекулярной очищающей пеной. На обеденном столе — четыре грязных прибора. Иду смотреть другие комнаты дома. Две детские комнаты — игрушки, брошенная одежда. Дети, видимо, ушли в школу.

Женский голос напевает в ванной комнате, примыкающей к спальне родителей.

Больше в доме ни души. Спускаюсь по лестнице. На полпути, на лестничной площадке, стоит скульптура греческого борца. Прямо над ней — окно с холодно-голубоватым стеклом. Я вижу, как он выходит из сарайчика, неся садовый совок и перчатки. Коротенький, тощенький, слегка облысевший доктор Тайлер Роберт Уэллс, ученый, работает в саду сам, без автоматов.

Я вытаскиваю ружье из чемоданчика с инструментами, собираю его и подхожу к окну. Когда доктор оказывается в перекрестье нитей прицела, я отдаю распоряжение чипу взять управление на себя, удерживая прицел на голове жертвы. На голове, в которой хранится знание, что геномодифицированные собаки убивают детей других родителей. Я кладу ружье на широкий подоконник, и оно следит за каждым движением Уэллса, поворачиваясь на шарнире, дающем ему круговой обзор. Я запрограммировала ружье на свой голос, действующий в радиусе пяти метров. Все что остается — это сказать: «Огонь!»

— Не надо! — говорит чей-то голос.

Я смотрю вверх, думая увидеть женщину из ванной, но она все еще поет где-то в дальних комнатах. Женский голос раздается снизу, где стоит гораздо более пожилая женщина в форме телохранителя. У нее пистолет того типа, который держат в руке.

— Кэрол, помолчи. Сначала выслушай меня.

Телохранительница не может знать моего имени. А я не должна терять время на выслушивание той чепухи, которую мне может предложить телохранительница. Она все равно опоздала и не сумеет помешать моей устной команде. Вот это только и важно. А вопрос о том, удастся ли мне скрыться, никогда мной не рассматривался.

— Не говори ружью кодовое слово, ведь доктора мы все равно возьмем. Мы — это правительство. Да, мы знаем, кто ты такая, с тех самых пор, как ты попыталась использовать фирму «Бент» для дешифровки архивов транспортной компании «Красная золотая рыбка». Мы пошли по этим следам и прихлопнули ее. Мы возьмем и Уэллса, обещаю тебе. Но если ты убьешь его сейчас, мы не получим нужную нам информацию. Не произноси кодового слова. Просто спускайся вниз, а я уничтожу программу ружья.

— Нет.

— Кэрол, если ты убьешь его, мы будем тебя судить. Мы будем обязаны это сделать. Если ты не убьешь, то я гарантирую, что тебя отпустят. И твоего отца — из-за тех купленных им зародышей — тоже.

— Нет.

— Я знаю все о твоей погибшей сестренке. Но наши шансы получить улики против Уэллса будут крепче, если он некоторое время побудет еще на свободе. Это очень важно для нашего дела.

— Огонь! — говорю я ружью и закрываю глаза.

Не происходит ровно ничего.

Я открываю глаза. Ружье все еще лежит на подоконнике, медленно поворачиваясь, чтобы следить за затылком Уэллса. Агент ФБР поднимается к нам по лестнице. Она кладет мне руку на плечо. Я чувствую в ее хватке присутствие биометалла. Глаза ее печальны.

— Я дала тебе шанс уйти. Теперь иди со мной и не дури.

— Что... Как...

— У нас есть контрполя, о которых ты, видимо, ничего не знаешь. Ты ведь взялась не за свое дело. Оружие непрерывно совершенствуется. А ты даже не профессионал.

Я позволяю ей тихонько увести меня из дома и посадить в аэрокар с надписью «Блайсдельские телохранители, Инк.». Никто даже внимания на нас не обратил. Когда мы покидали Харперскрест-лейн, то последние две вещи, которые я заме-

тила, были: доктор Уэллс, с восторгом склонившийся над своими цветочками, и собака колли, лежащая на ярко-зеленом геномодифицированном газоне в палисаднике соседнего дома. Крепко спящая собака.

Агент ФБР оказался вовсе не агентом ФБР. Она работает для какой-то организации, которая называется Федеральное Агентство Соединенных Штатов по контролю за генетическими стандартами — ФАКЗАГС. Это нечто новое, нечто, созданное из-за бума генетических исследований легальных и нелегальных. Агентство хочет предать меня суду. Оно вынуждено так поступить, утверждает мой адвокат. Но они не торопятся, чтобы выиграть время и пригвоздить мистера Уэллса и «Маунтвью Бионетикс», и «Бент», и все прочие компании, повязанные в этом деле с подпольными лабораториями. Бесспорно, правительство схватит мистера Уэллса, говорит мой адвокат. В этом мой федеральный агент была права.

Но она ошибалась в другом. И я, сидя день за днем на тюремной койке, думаю, как глубоко она ошибалась.

Ничто не имеет существенного значения. Ни для чего. Системы слишком сложны. Вы искусственно изменяете собак, делаете их Бодрствующими, и вы уничтожаете в них воображение. Вы искусственно изменяете людей, превращая их в Бодрствующих, и вы получаете суперменов, которые могут вообразить все что угодно и все что угодно изобрести. Но Тони Индивидо убит самым распоследним подонком, а Дженнифер Шарифи создает Убежище уже не для спасения, а для мести. Донна прячется от всего, что делает ее несчастной, но черная бездонная пропасть живет в ней так же, как она живет во мне. Папочка пережил смерть жены, но смерть дочери сломала его. Мышь, ставшая «бодрствующей», обретает мощную иммунную защиту, а такие же воробьи умирают от голода. У Бодрствующих регенерируют ткани, изменение в водорослях обещает покончить с мировым голодом. Собаки, у которых искусственно повышен интеллект, впадают в катотонию, а сторожевые псы, натасканные лучшими в мире кинологами, возвращаются к нравам и обычаям волчьих стай, если собака-омега пахнет как надо.

Ни один фактор не однозначен. В мире слишком много факторов. И, возможно, так было всегда.

Именно поэтому я позволю моему адвокату, которым является Бодрствующий по имени Льюис, защищать меня. Он хочет взяться за это дело, так как считает его «блестящим шансом установить важные конституционные прецеденты». Свободное от судебных заседаний время он проводит в Убежище.

Может быть, он вытащит меня, а может, и нет. И в том, и в другом случае я все равно не знаю, что будет со мной после суда. Ни со мной, ни с кем-либо еще. Я могу лишь попробовать убрать с моего пути какие-то небольшие препятствия: получить работу, помириться с Донной, поступить в колледж. Возможно, в один прекрасный день я поступлю работать в ФАКЗАГС. Все это, конечно, не вернет к жизни ни Драгоценную, ни кого-либо еще. Но может быть, это вызовет крошечные, совсем незаметные, но необходимые последствия.

ФРЕДЕРИК ПОЛ
РАССКАЗЫ О ХИЧИ

«Врата» (1977)
«За синим горизонтом событий» (1980)
«Свидание с хичи» (1984)
«Анналы хичи» (1987)
«Путь на Врата» (1990)

Когда первые колонисты прилетели на Венеру (об этом рассказано в повести «Торговцы на Венере», включенной в книгу «Путь на Врата»), они обнаружили, что поверхность планеты изрыта туннелями. Это была работа неких древних пришельцев из космоса, которых назвали хичи. Если не считать нескольких загадочных предметов, туннели были совершенно пусты. Все гадали, кто такие хичи, зачем они прилетали на Венеру и куда улетели, и никто не мог ответить на эти вопросы. (Некий шутник издал книгу в несколько сотен страниц под названием «Все, что мы знаем о хичи». Все страницы в книге были пустыми.) В своих исследованиях Солнечной системы хичи не ограничились Венерой. Они побывали и на Земле, но в то время самыми близкими к разумным существам оказались низкорослые волосатые приматы с крошечным мозгом, которых мы сегодня называем австралопитеками (Australopithecus robustus).

Но хичи перед исчезновением сделали еще кое-что. Они устроили на астероиде нечто вроде базы космических кораб-

---

«The Boy Who Would Live Forever». ©Frederik Pohl, 1999. ©Перевод. Д. Арсеньев, 2001.

лей. Когда астероид совершенно случайно был открыт людьми, он тоже оказался изрыт туннелями. Коридоры были пусты, как и на Венере, но хичи не оставили астероид совершенно пустым. Его поверхность была изрыта стартовыми ямами космических кораблей; в ямах находились сотни кораблей; и они действовали.

У космических кораблей хичи было много замечательных свойств и один очень существенный недостаток. Они летали быстрее света. Они были снабжены автоматической навигационной системой, так что летели в самые разные участки Галактики, предположительно те, которые больше других интересовали хичи. Но никто не знал, как выбрать нужный курс; как только вы заходили в корабль и включали двигатель, вы оказывались в пути — но куда, вы могли определить, только добравшись до цели. Покинутая база хичи, остатки сверхновой, планета, опустошенная какой-то разумной расой, — целью могло быть что угодно.

Но иногда — не слишком часто — в конце долгого полета вы оказывались в месте, где хичи оставили другие свои машины и инструменты. Это продукт технологии, намного превосходящей человеческую, и, соответственно, бесконечно ценный.

Для поисков этих кладов правительства Земли учредили Корпорацию «Врата» (описанную в романе «Врата» и его продолжениях). Смельчаков призывали прилететь на астероид Врата и попытать счастья — на свой страх и риск. Потому что курс, установленный хичи сотни тысяч лет назад, не всегда заканчивался в местах, которые способны выдержать хрупкие человеческие существа.

Опубликованный в 1977 году роман «Врата» завоевал почти все известные награды за лучшее фантастическое произведение, включая «Хьюго», «Небьюлу», мемориальную премию Кэмпбелла, а также национальные премии Франции и Югославии. Он был переведен на тридцать с лишним языков, на его основе созданы две видеоигры, а сейчас снимается кинофильм.

Фредерик Пол

ПАРЕНЬ, КОТОРЫЙ БУДЕТ ЖИТЬ ВЕЧНО

I

На семнадцатый день рождения Стэна пришелся Божий Гнев, какой случался примерно каждые шесть недель. Стэн был в квартире один, он нарезал овощи для обеда по случаю своего дня рождения, когда почувствовал знакомый внезапный, всепоглощающий, дезориентирующий, сексуально возбуждающий приступ головокружения, который все называли Гневом и причины появления которого никто не понимал. Крики и сирены на улице свидетельствовали, что другие тоже почувствовали это. Когда начался приступ, Стэн сумел уронить нож на пол, чтобы не порезаться, и с трудом сел на стул, пережидая беду.

Говорили, что приступы Гнева ужасны. Что ж, так оно и было. Когда приступ одновременно случается у всех на Земле — и не только на Земле: на кораблях в космосе, в колониях на Марсе и Венере, когда это происходит в один и тот же момент, количество несчастных случаев и жертв становится неизбежно огромным. Лично Стэн не возражал против таких приступов. Похоже на то, что неожиданно попадаешь в обширный одинокий эротический сон. Наверное, думал Стэн, так бывает, когда здорово наберешься. Эротическая часть сна не очень отличалась от видений, которые время от времени бывают у самого Стэна, а когда Гнев проходит, нет никакого похмелья.

Когда приступ кончился, Стэн встряхнулся, подобрал с пола упавшие предметы и включил местные теленовости, чтобы узнать, как сильно отразился Гнев на жизни города. Достаточно сильно. Пожары. Столкновения машин — агрессивные водители Стамбула рассчитывают на свои мгновенные рефлексы, избегая столкновений, и когда Гнев отнимает у них эти рефлексы, тут же начинаются аварии. На этот раз хуже всего было то, что произошло с нефтяным танкером, заходившим в Золотой Рог. На мостиках танкера и обоих буксиров все одновременно потеряли способность действовать, и танкер медленно и неотвратимо надвинулся на один из больших туристических кораблей, стоявших у причала Старого города, и мгновенно вспыхнул.

Подобно всем подросткам, Стэн легко переносил несчастья других. Он только надеялся, что всеобщее смятение не помешает отцу вовремя вернуться с обещанными шафраном и мидиями для жаркого. Покончив с овощами и положив их в холодную воду, он отобрал несколько старых дисков из своего драгоценного собрания — на этот раз Диззи Гиллеспи, Джек Тигарден и «Пять плюс три» Файрхауза — и сел в ожидании. Перелистывая страницы своих комиксов, Стэн гадал, останется ли на этот раз отец настолько трезв, что не забудет сделать ему подарок на день рождения.

Именно в этот момент появились полицейские.

Их было две, мужчина и женщина, и они подозрительно осмотрели убогое жилище.

— Здесь жил американский гражданин Уолтер Эвери? — спросила женщина, и прошедшее время в ее вопросе сразу все объяснило.

Факты сообщили быстро. Отец Стэна попал в статистику жертв Гнева. Он как раз переходил улицу, и под действием приступа его сбил шофер такси. Женщина сразу сказала, что найти виновного невозможно: Гнев, вы ведь понимаете. Шофер давно исчез. К тому же свидетели утверждали, что отец Стэна в тот момент был пьян. Конечно.

Мужчина-полицейский пожалел Стэна.

— По крайней мере он не мучился, — грубовато сказал он. — Умер сразу.

Женщина была нетерпелива.

— Итак, вы извещены, — сказала она. — Вам следует до полуночи забрать тело из морга, иначе придется платить за хранение за каждый лишний день. До свидания.

И они ушли.

II

Итак, ни шафрана, ни мидий для праздничного обеда не будет. Стэн отыскал несколько кусочков ветчины и бросил их в кастрюлю с овощами. Поставив кастрюлю на огонь, он сел, охватив голову руками, чтобы подумать, что значит быть американцем — ну, полуамериканцем — и сиротой в огромном городе Стамбуле.

Очевидными были два факта. Во-первых, долгожданный день, когда его отец протрезвеет, отвезет его в Америку и у них начнется новая жизнь, — этот день никогда не наступит. Из первого факта следовал второй: у Стэна нет и не будет денег, чтобы учиться в колледже и осуществить свою заветную мечту — полететь на астероид Врата и пережить множество удивительных приключений. У него нет и не будет ни одного шанса присоединиться к мужественным и колоритным старателям Врат, которые летают в разные концы Галактики. Ему никогда не открыть сокровищницы драгоценных предметов, оставленных исчезнувшим древним народом хичи. И поэтому ему не стать ни знаменитым, ни богатым.

Ничего из этого не стало для Стэна сюрпризом. Вера в то, что мечты сбудутся, постепенно рассеивалась с того момента, как он достиг возраста, когда появляется возможность критически воспринимать окружающее, — в двенадцать лет. Но все эти мечты казались хотя бы теоретически возможными. Теперь, по-видимому, даже такой возможности нет.

И только тут Стэн позволил себе заплакать.

Стэн приводил в порядок кухню после своего безвкусного праздничного обеда, когда в дверь постучал мистер Озден.

Мистеру Оздену лет семьдесят. На взгляд Стэна, ему могло быть и сто. Это сморщенный уродливый старик, с лысой макушкой, но с еще черными щетинистыми усами. Это был самый богатый человек из всех, кого знал Стэн. Ему принадлежал дом, в котором Стэн жил, два соседних дома, а также бордель, занимавший два этажа в одном из них. Мис-

тер Озден был глубоко религиозен и так предан заветам своей религии, что не допускал алкоголь в свои владения, за исключением борделя, да и то только для посетителей-немусульман.

— Глубочайшие соболезнования по поводу твоей потери, юный Стэнли, — гулко проговорил он своим удивительно громким голосом, автоматически разглядывая окружающее в поисках запрещенной бутылки виски. (Он никогда не находил алкоголь: для этого отец Стэна был слишком предусмотрителен.) — Ужасная трагедия, но кто может оспаривать пути Господа? Каковы твои планы, если я могу спросить?

Стэн уже подавал ему чай, как всегда делал отец.

— Пока еще не знаю, мистер Озден. Вероятно, мне нужно будет найти работу.

— Да, это так, — согласился мистер Озден. Положив в рот миндальное печенье, поданное в блюдце, он разглядывал мальчика. — Может, будешь работать в американском консульстве, как твой отец?

— Может быть. — Однако Стэн знал, что этого не произойдет. Разговор об этом уже был. Американцы не собираются нанимать переводчика моложе двадцати одного года.

— Это было бы замечательно, — провозгласил мистер Озден. — Особенно если произойдет быстро. Как ты знаешь, платить за квартиру нужно завтра, а еще нужно заплатить за прошлую неделю, а также и за предыдущую. Как ты думаешь, тебе хорошо будут платить в консульстве?

— Все в воле Божьей, — как можно набожней ответил Стэн. Старик кивнул, разглядывая мальчика. От этого взгляда Стэн почему-то почувствовал себя неловко.

— Если хочешь, — сказал наконец старик, показывая в улыбке дорогие зубы, — я поговорю о тебе со своим братом.

Стэн выпрямился: двоюродный брат мистер Озден работал у него содержателем борделя.

— Вы думаете, я смогу работать у него? Но что я буду делать?

— То, за что хорошо платят, — строго ответил мистер Озден. — Ты молод и, мне кажется, здоров. Если повезет, сможешь заработать хорошие деньги.

Что-то зашевелилось в животе и чреслах Стэна. Ощущение не очень приятное. Время от времени он видел, как проститутки, работающие у двоюродного брата мистера Озден,

загорают на плоской крыше, когда посетителей немного. С ними бывают один-два мальчика. Обычно они моложе его, преимущественно курды или выходцы из горной Анатолии. Но бывают также из Алжира и Марокко. Похоже, надолго они здесь не задерживаются. Стэн и его друг Тан часто развлекались, выкрикивая им оскорбления с безопасного расстояния. Ни один из этих мальчиков не казался особенно счастливым.

Прежде чем Стэн смог ответить, мистер Озден продолжил:

— Ты ведь знаешь, клиенты моего брата не только мужчины. К нему часто приходят женщины, богатые вдовы, туристки из Европы или с Востока, которые очень благодарны молодым людям, доставляющим им удовольствия, какие уже не могут доставить мужья. Они дают большие чаевые, и брат позволяет оставить себе почти половину; вдобавок он обеспечивает своих людей Временной медициной — пока они у него работают, а также комфортом и хорошей едой — за умеренную цену. Женщины, клиентки моего брата, часто бывают привлекательны. Конечно, — добавил он, понизив голос, — естественно, будут и мужчины. — Он встал, оставив чай и печенье почти нетронутыми. — Но, возможно, в консульстве тебе сделают лучшее предложение. Тебе все равно нужно как можно быстрей позвонить туда, чтобы сообщить о печальном происшествии с твоим отцом. Может быть даже, ему там еще не все заплатили, и тебе хватит, чтобы заплатить за квартиру. Завтра утром я снова зайду.

Когда Стэн позвонил в консульство, мистера Гудпастора на месте не было, но его пожилая секретарша была потрясена новостью.

— О Стэнли! Опять этот ужасный Гнев! Как я тебе сочувствую! Твой отец был... гм... очень хороший человек.

Стэн знал, что в общепринятом смысле это было справедливо лишь отчасти. Его отец был добрым, мягкосердечным, великодушным и очень ненадежным пьяницей, и единственной причиной того, что в консульстве ему предоставили работу, было то, что он американец, а американец не должен наниматься на работу к туркам. И когда Стэн почтительно спросил, не остались ли какие-нибудь невыплаченные отцу суммы, секретарша была сама тактичность.

— Боюсь, что нет, Стэнли. Ты знаешь, я отправляю все чеки от имени мистера Гудпастора. И уверена, что ничего не осталось. На самом деле, — смущенно добавила она, — боюсь, что все наоборот. Видишь ли, твой отец недавно получил несколько чеков авансом, так что перебрал свой счет. Но не волнуйся об этом, дорогой. Я уверена, никто с тебя не спросит.

Для Стэна ее слова не были новостью: он знал, что отец хронически нуждался в деньгах. Тем не менее это обострило его проблемы. Американцы, возможно, и не потребуют с него денег, но мистер Озден определенно потребует. Он уже потребовал. И он сделает все, чтобы эти деньги получить. Когда в последний раз жильца его дома выселили за неуплату, мистер Озден забрал себе все его вещи вплоть до последней нитки, чтобы продать их и покрыть долг.

Последнее соображение заставило Стэна оценивающе осмотреть крошечную квартиру. Мебель не в счет, потому что принадлежит мистеру Ozдену. То же самое — постельное белье и кухонная утварь. Скудный гардероб отца, конечно, заберут. Древний музыкальный плеер Стэна и стопка записей американского джаза, его собрание космических приключений — для бодрствования и для сна, его учебники, небольшое количество еды на полках — если взять все вместе, полученное вряд ли покроет долг. Единственная относительно ценная вещь — музыкальные инструменты: побитая труба и барабаны. Конечно, на барабаны мистер Озден не имеет права, поскольку они не принадлежат Стэну. Их принес его друг Тан, когда его родители заявили, что больше музыки в своем доме не потерпят.

Относительно этих вещей можно кое-что предпринять. Когда Стэн позвонил, ответила мать Тана. Услышав новость, она заплакала. Прошло немало времени, прежде чем миссис Кусмероглу сообщила Стэну, что Олтана нет дома. Он на работе, но она передаст ему печальную новость, и если они что-нибудь могут сделать...

Поговорив с миссис Кусмероглу, Стэн посмотрел на часы. У него достаточно времени, прежде чем идти в морг, поэтому он отдернул занавеску, за которой спал — лечь в постель отца он еще не готов, — и лег: вдруг захочется поплакать еще.

Но он не плакал. Он мгновенно уснул, что для него оказалось гораздо лучше. И несколько часов спустя его разбу-

дил Тан Кусмероглу. Стэн услышал крик муэдзина, призывавшего правоверных к молитве с маленького минарета на углу. Но возбужденный голос Тана почти заглушил этот крик. Тан тряс Стэна, пытаясь его разбудить.

— Давай, Стэн, проснись! Старый пердун на молитве, а я занял у босса фургон. Лучшего времени, чтобы вынести наше добро, не будет!

Это означало, что у них в лучшем случае есть десять минут. Стэн не стал спорить. Чтобы загрузить в фургон трубу, барабаны, драгоценные музыкальные диски и кое-какую мелочь, потребовалось даже меньше времени. Они уже отъезжали, когда Стэн вспомнил.

— Мне нужно в морг, — сказал он.

Тан отвел взгляд от туристического автобуса перед ними и грузовика, который пытался подрезать их сбоку, — отвел настолько, чтобы успеть искоса посмотреть на Стэна. У него было необычное выражение — сочувственное и одновременно слегка возбужденное, словно он задумал какое-то новое приключение.

— Я об этом думал, — провозгласил он. — Тебе не нужно туда идти.

— Но я должен опознать тело отца, так что придется идти.

— Нет, не придется. Что с тобой сделают, если ты не придешь? Ведь тебя заставят платить за погребение, а как ты это сделаешь? Никак. Не показывайся там.

Стэн просто спросил:

— Куда же мне деваться?

— К нам, придурок! Можешь пожить в моей комнате. Или, — с улыбкой добавил он, — в комнате моей сестры, если предпочитаешь, но сначала тебе нужно будет на ней жениться.

III

Все в семье Кусмероглу работали. Мистер Кусмероглу был младшим бухгалтером на фабрике, производившей на экспорт машины по корейской лицензии. Тан доставлял заказы из скобяной лавки. Его шестнадцатилетняя сестра Наслан работала в кондитерской одного из больших отелей у Босфора. Даже миссис Кусмероглу работала на дому, она собирала из бус браслеты, на которых написаны стихи из Корана, для

продажи туристам — когда не варила, не стирала и не чинила одежду всех членов семьи. Но Стэну не нужно было сообщать, что при всех усилиях они едва сводили концы с концами, а это означало только примитивную Базовую медицину и постоянный страх перед будущим. Теперь окончание школы для Стэна стало так же невозможно, как и для Тана. Так же невозможно было и долго жить за счет Кусмероглу. Нужно найти способ зарабатывать.

Но это нелегко. На постоянную работу Стэн рассчитывать не мог, даже если бы она существовала, потому что по турецким законам он — незарегистрированная личность. Конечно, он не один такой. В нищем Стамбуле таких миллионы. И вряд ли власти станут тратить время на его поиски — конечно, если он не допустит ошибку и не появится в каких-нибудь официальных сводках.

Однако есть и хорошее в его положении. Хорошо то, что сейчас только начало весны, которая еще не скоро станет летом. Это означает, что обычное двадцатипятимиллионное, в основном нищее население с каждой неделей вырастает на два или три, а может, даже на пять миллионов туристов. Это люди, которые, по определению, располагают деньгами и стараются потратить их на виды Стамбула, на еду, сувениры и жителей города.

— Ты можешь стать гидом, — провозгласил за обедом мистер Кусмероглу. — Ты бегло говоришь по-английски и по-турецки, Стэнли. У тебя хорошо получится.

— Гидом, — повторил Стэн. Из вежливости по отношению к хозяину повторил с благодарностью, но в глубине души не был убежден.

— Конечно, гидом, — одобрительно подхватил Тан. — Отец прав. Ты знаешь о Стамбуле все, что необходимо. Помнишь всю эту скучную историю, которую нам рассказывали в школе. Просто забудь об Оттоманском периоде и сосредоточься на Византии. Туристы хотят слышать только об этом. К тому же можно взять в библиотеке путеводитель.

Стэн сразу упомянул самое существенное затруднение.

— Но я не могу получить лицензию гида. Полиция...

— Тебя не потревожит, — решительно сказала мать Тана. — Держись только Топкари и Большого Базара. Когда увидишь американцев, которые не принадлежат к группе, просто по-дружески предложи им что-нибудь рассказать. Скажи им,

что ты американец и учишься здесь — это ведь почти правда, верно? А если полицейские начнут задавать вопросы, говори с ними только по-английски, объясни, что ищешь родителей, у которых твои документы. У тебя светлые волосы, голубые глаза — к тебе не станут привязываться.

— Но он одет не как американец, — вставила Наслан.

Мать задумчиво поджала губы, потом улыбнулась.

— Пожалуй, с этим мы справимся. Мы с тобой, Наслан, сошьем ему одежду. Тебе все равно пора научиться шить.

Бесконечные запасы вещей, забытых посетителями в отеле, где работала Наслан, составили основу, а женщины Кусмероглу эти вещи подогнали. Стэн стал образцовым американским студентом колледжа в туристической поездке: яркие цветные брюки, грязноватые беговые туфли, бейсболка далласских «Доджеров» и футболка, на которой спереди написано «Врата или разорение», а сзади «Я разорен». Толпы туристов оказались вполне пригодными для доения. Больше того. Американцы, на которых он сосредоточил свое внимание, все обладали деньгами и, казалось, не знали, на что их потратить. Как та пожилая супружеская пара из Ривердейла, штат Нью-Йорк, которую так поразили огромные числа турецкой валюты, что она отдала Стэну за то, что он помог найти чистый туалет, банкноту в миллиард лир, когда миллион или два было бы верхом щедрости. А когда Стэн указал на ошибку, престарелые супруги настояли на том, чтобы он взял эти деньги в награду за свою честность. Так что за первую же неделю Стэн заработал больше Тана и почти столько же, сколько Наслан в своем отеле. Он попытался отдать это все миссис Кусмероглу, но она взяла только половину.

— Молодому человеку хорошо иметь небольшой капитал.

А ее дочь добавила:

— Ведь однажды ты захочешь жениться.

Конечно, у Стэна не было подобных планов, хотя Наслан в своей легкомысленной шляпке и мини-юбке — это ее гостиничная униформа — выглядит очень хорошенькой. И пахнет она очень приятно. Это результат многочисленных почти пустых тюбиков парфюмерии, которые женщины — посетительницы отеля — оставляют в туалете: обязанностью Наслан было держать туалет безупречно чистым. На Стэна эти запа-

хи действовали. Когда Наслан садилась рядом с ним по вечерам и вся семья начинала смотреть ТВ, Стэн надеялся, что никто не замечает, как возбуждаются его чресла. Но это ведь вполне естественно. В конце концов, он мужчина, и ему уже семнадцать лет.

Но его также захватил новый статус человека, способного заработать значительные суммы. Стэн запоминал целые страницы путеводителя и добавлял к этому то, что услышал от профессиональных гидов, рядом с которыми старался держаться. Лучше всего это было делать в таких местах, как Большая мечеть или Святая София, где собирались вместе десятки групп, а шесть-семь гидов говорили одновременно на разных языках. Их рассказы обычно бывали интересней того, что писали в книгах, и гораздо непристойней.

Впрочем, это было рискованно. В узком переулке за огромными кухнями дворца Топкапи Стэн встретил группу гидов с лицензиями, и ему не понравилось, как они на него смотрят. Гиды ожидали возвращения своих групп с осмотра. И когда они достали карманные фоны, по-прежнему глядя на него, Стэн постарался как можно быстрей исчезнуть.

Но на самом деле он боялся не гидов и не полиции, а того, что его найдет мистер Озден. Стэн не знал, что сделает старик, если найдет его. И даже решил, что заплатит за квартиру из той пачки лир, которую держал под матрацем. На этом матраце он спал вместе с Таном. Но кто знает, какие законы он нарушил своим бегством? А мистер Озден об этом будет знать все, так что Стэн старался держаться подальше от своего прежнего жилища.

Стэн не только работал. Когда приходил домой вовремя, помогал миссис Кусмероглу готовить обед — она делала вид, что поражена его рудиментарными кулинарными навыками, — а потом они иногда вместе смотрели ТВ. Миссис Кусмероглу нравились многозначительные ток-шоу, на которых бандиты обсуждали смысл приступов Гнева Божьего, время от времени обрушивающегося на мир, или кипрский вопрос. Мистер Кусмероглу предпочитал музыку — хотя не такую, какую играли мальчики. Тан и Стэн высказывались за космические программы или спорт. Но дело редко доходило до голосования, потому что Наслан предпочитала американские ситкомы — на англоязычном канале, чтобы она могла улучшать свой английский, — счастливые богатые и красивые люди

наслаждаются жизнью в Лас-Вегасе, Малибу или Хемптоне, а Наслан говорит быстрее всех. Но все это не важно. Главное то, что они были семьей. Настоящей семьей. И для Стэна это было лучше всего, потому что у него сохранились лишь очень слабые воспоминания о том, что значит жить в семье.

Хотя Кусмероглу были очень добры к Стэну, их терпимость не доходила до того, чтобы разрешить принести домой барабаны и трубу. Поэтому раз или два в неделю Стэн и Тан тащили свои инструменты в школьный спортивный зал, где ночной сторож был родственником Тана и где никто не обращал внимания на шум после окончания занятий.

Но, конечно, это было уже не то. В двенадцать лет у них возник план. Вместе с курдским мальчиком, игравшим на скрипке, и маленькой девочкой на клавишных они создадут группу. Вчетвером они целыми днями спорили и наконец выбрали название «Стэн, Тан и банда». Начинать собирались с небольшого — с игры на праздниках по случаю дня рождения и, может быть, на свадьбах. Как только подрастут — перебраться в клубы. Заключить контракт на записи. Контракт должен быть крупным... Но потом курдского мальчика исключили из школы, потому что его отец вносил деньги на подпольное курдское движение, а мама девочки не разрешила ей проводить время со старшими мальчиками.

Но это не было страшным ударом. Потому что главная мечта Стэна и Тана была иной. Космос. Бесконечный фронтир. Там, где нет предела амбициям молодого человека.

Если бы каким-то образом удалось раздобыть достаточно денег, чтобы заплатить за дорогу, они отправились бы на Врата или в поселение на одной из планет. Стэну нравился Марс, где колонисты под пластиковыми куполами создают почти земную жизнь. Тан предпочитал поиски в древних тунелях хичи на Венере, где — кто знает? — еще можно найти старые артефакты, которые сделают их такими же богатыми, как старатели Врат. Неразрешимой проблемой оставались деньги, чтобы добраться до любого из этих мест. Но может, деньги и не понадобятся, потому что существуют другие возможности. Например, никакой старатель не сравнится по богатству с Робинеттом Броудхедом, а Броудхед постоянно снаряжает космические экспедиции. Как та, что и сейчас проделывает свой многолетний путь к облаку Оорта, где, как известно, находится какой-то загадочный объект хичи. И

добраться туда можно только в медленном человеческом ракетном корабле. Броудхед заплатил добровольцам, которые согласились проделать этот ужасный путь; может быть, он заплатит и другим. Когда Стэн и Тан вырастут. Если к тому времени еще не все будет исследовано.

Конечно, все это детские мечты. Стэн больше не надеялся, что они станут реальностью. Но продолжал мечтать.

Тем временем он работал гидом и жил в семье Кусмероглу, и это было совсем неплохо. За первый же месяц он заработал больше денег, чем когда-либо видел в своей жизни. И допустил ошибку, позволив Наслан подсмотреть, как он их пересчитывает. Она тут же сказала:

— Да ты богат, Стэнли! Не пора ли немного потратить?

Он подозрительно посмотрел на нее.

— На что?

— На приличную одежду, ради Бога! Послушай, в пятницу я выходная. Папа не позволит мне пропустить утреннюю молитву, но потом мы с тобой могли бы отправиться по магазинам.

Так что утром в пятницу Стэн и Наслан поехали автобусом в один из больших магазинов, и Стен приобрел свой первый взрослый гардероб. Все стоило гораздо больше, чем готов был заплатить Стэн, но Наслан умела отчаянно торговаться. Конечно, она заставляла его примерить шесть разных вариантов, прежде чем позволить выбрать. И когда у них руки были заняты свертками, а пачка банкнот стала вдове тоньше, когда они стояли на остановке в ожидании автобуса, рядом остановилась машина.

— Эй, ты! — послышался мужской голос.

Это была машина консульства, и на безупречно черной дверце золотом было написано «Соединенные Штаты Америки». Водитель высунулся и поманил Стэна.

— Ты ведь Стэн Эвери, сын Уолтера Эвери? Конечно, это ты. Послушай, тебя все время разыскивает мистер Гудпастор. Ради Бога, где ты скрываешься?

Стэн затравленно посмотрел на Наслан.

— Я... я живу у друзей.

За остановившейся машиной стоял десяток других, все водители отчаянно сигналили. Шофер сделал в их сторону неприличный жест, потом рявкнул Стэну:

— Я не могу здесь стоять! Послушай, у мистера Гудпастора есть для тебя кое-что. У тебя есть по крайней мере адрес?

Пока Стэн пытался придумать ответ, ловко вмешалась Наслан:

— Ты ведь не знаешь точно, по какому адресу окажешься, Стэн? Он собирается переехать в собственную квартиру, — сообщила она водителю. — Почему бы вам не послать ему сообщение по рабочему адресу? Это компания по доставке тканей «Эклек». Ее адрес — Зинцирликую, Кайя Алдеро Сок, номер 34 дробь 18. Сейчас запишу для вас. — И когда водитель наконец освободил проезд и уехал, она ласково сказала Стэну: — Кто знает, что им нужно? Может, хотят за что-нибудь получить с тебя деньги? Например, за похороны отца. А я нравлюсь десятнику той компании, и он позаботится, чтобы мы получили письмо. И никому не скажет, где мы.

Но когда Наслан принесла домой конверт, весь усаженный печатями консульства, в нем был не счет. К конверту была приложена записка от мистера Гудпастора.

Дорогой Стэнли!

Когда мы проверили файлы, выяснилось, что твой отец застраховал свою жизнь, и ты получатель страховки. Лицевой счет индексирован, так что в результате получается довольно значительная сумма. Надеюсь, это поможет тебе лучше устроить свою жизнь.

Стэн, держа записку в одной руке, конверт в другой, вопросительно посмотрел на мистера Кусмероглу.

— А что значит «индексирован»?

— Это значит, что сумма страховки увязана со стоимостью жизни, и поэтому возрастает вместе с инфляцией. Распечатай, Стэнли. Может быть, там много денег.

Но когда Стэн достал из конверта зеленый правительственный американский чек, указанная на нем сумма вызвала у него разочарование.

— Что ж, — сказал он, показывая чек семье и стараясь улыбаться, — что нам с этим делать? Купить всем пиццу?

Но у Наслан зрение оказалось острее. Она выхватила чек у него из руки.

— Глупый мальчишка, — полупрезрительно, со смехом сказала она, — разве ты не видишь? Это не лиры, это американские доллары! Стэн, ты богат! Можешь делать что хочешь. Купи себе Полную медицину. Женись. Начни бизнес. Можешь даже уехать в Америку и начать там новую жизнь!

— Или, — добавил Тан, — ты можешь оплатить дорогу на астероид Врата, Стэн.

Стэн посмотрел на него, потом на чек. Это правда. Денег вполне хватит, их даже больше, чем нужно.

Он не стал задумываться. Дрожащим голосом сказал:

— Мы сможем полететь оба, Тан. Полетим?

IV

На астероиде Врата Стэна прежде всего поразило то, что там нет верха: ведь он почти ничего не весил. И его организм нашел только один способ реагировать на такое положение: Стэна начало рвать. Приступ космической болезни застал Стэна врасплох, потому что ему никогда не приходилось испытывать морскую или воздушную болезнь. Просто до настоящего времени он ни разу не был на борту корабля или самолета. Поэтому внезапный приступ тошноты и головокружения и последующая обильная рвота потрясли его. Охранники в приемном отсеке не удивились.

— Свежее мясо, — сказал один из них другому, тому, который быстро передал Стэну бумажный пакет.

К счастью, не один Стэн оказался подвержен приступу. Двух других мужчин в его группе рвало так же сильно. Единственная женщина, болезненно-бледная, хрупкая и молодая — у нее было что-то очень неправильное в лице, словно его собирали наспех, так что левая сторона оказалась короче правой, — тоже явно чувствовала себя плохо, но отказалась принимать бумажный мешок. Единственным не пострадавшим оказался Тан. И именно ему пришлось нести все их вещи — барабаны, трубу, музыкальные записи и кое-что еще — и проходить через формальности регистрации. Потом Тан сумел протащить все их имущество и Стэна по бесконечным коридорам и лифтам Врат до отведенной для них комнаты. Стэн нашел достаточно сил, чтобы забраться в спальный гамак, закрыл глаза, и все исчезло.

Когда он проснулся, над ним висел Тан. Одной рукой он держался за петлю, в другой у него был резиновый тюбик с кофе.

— Не пролей, — предупредил он. — Слабый, но все же кофе. Сможешь удержать в себе?

Стэн смог. В сущности, он неожиданно обнаружил, что очень хочет есть. И чувство постоянного падения оказалось не таким уж неприятным, хотя по-прежнему было не очень уютно.

На Тана, казалось, ничего не действует.

— Пока ты спал, я был занят, старина Стэн, — оживленно объявил он. — Нашел место, где мы будем есть и где можно развлекаться. Кажется, на Вратах больше никого из Стамбула нет, но я нашел одного мусульманина. Его зовут Таршиш. Он шиит из Ирана, но кажется неплохим парнем. Он посмотрел в документы и говорит, что у нас денег на восемнадцать дней. За это время мы должны выбрать экспедицию. К несчастью, почему-то в последнее время экспедиций немного, но мы что-нибудь найдем. Придется. Если наши средства кончатся раньше, нас просто депортируют. — Но тут он улыбнулся. — Я говорил также с молодой женщиной, которая прилетела с нами. Думаю, можно привыкнуть к ее лицу. Если повезет, скоро узнаю ее гораздо ближе.

— Поздравляю, — ответил Стэн. Он осторожно попытался встать с гамака, ухватившись за петлю. И обнаружил, что невесомость переносится легко, но возникла другая проблема. — А ты нашел место, где можно пописать? — спросил он.

— Конечно. Покажу. А потом начнем изучать список ближайших экспедиций, потому что нет смысла болтаться здесь, если можно заработать состояние.

Стэн знал, что было время, когда всякий смелый и отчаянный доброволец, добравшись до Врат, мог выбирать любой из десятков загадочных кораблей хичи. Забираешься в выбранный корабль. Устанавливаешь странно выглядящее колесо прибора так, как тебе нравится, потому что никто не может сказать, как «правильно». Нажимаешь сосок двигателя. И — летишь быстрее света, и никто не знает, как это делается. Ты на пути к приключениям и богатству. Или к разочарованию и раздражению, если не найдешь ничего достойного. Или — очень часто — к ужасной смерти... но на такой риск приходится идти, если награда достаточно велика.

Но это было тогда. Сейчас все по-иному. За прошедшие годы почти двести кораблей, храбро пустившихся в путь, так и не вернулись. Несколько десятков оставшихся — преимущественно большие, трех- и пятиместные — теперь выполняют транспортные функции, перевозят колонистов на вновь открытые пригодные для жизни планеты, такие, как Валгалла или планета Пегги, или летят на Врата Два, где находится еще некоторое количество пригодных к полетам кораблей хичи. Когда парни заглянули в список полетов, они были разочарованы. Предлагалось три-четыре полета, но все в одноместных кораблях — бесполезно для двух молодых людей, решивших лететь вместе.

Они не ограничились просмотром списка на экране. Отправились к самому диспетчеру, толстому и грубому бразильцу по имени Гектор Монтефиоре. Чтобы добраться до кабинета Монтефиоре, нужно пробраться до самой внешней оболочки Врат, где в своих ямах сидят корабли в ожидании полета. Некоторые ямы пусты, внешние шлюзы закрыты, чтобы изолировать от космического вакуума; эти корабли находятся в полете. Наглядевшись досыта, Стэн и Тан отдернули занавес кабинета Монтефиоре и вошли.

Диспетчер лениво смотрел на экран развлечений и ел что-то — отнюдь не блюдо столовой Врат. Он несколько минут слушал, потом покачал головой.

— Уходите на..., парни, — посоветовал он. — Я вам ничем не могу помочь. Не я назначаю полеты, это делают шишки. Их решения компьютер выносит на экран, а я просто записываю имена добровольцев. Следующая большая экспедиция? Откуда мне знать?

Стэн собирался спорить. Тан утащил его. В коридоре Стэн рявкнул на друга:

— Он все равно что-то знает!

— Может быть, но нам не скажет. Можно попытаться подкупить его...

Стэн невесело рассмеялся.

— Чем?

— Верно, нечем. Ты прав, Стэн. Так что давай убираться отсюда.

Они вернулись в общественное место центрального веретена Врат — оно называется Голубой Ад, — чтобы за чашкой дорогого и слабого кофе Врат обдумать свои перспективы.

Конечно, в Голубом Аду можно купить не только кофе. Если можешь заплатить, есть хорошая еда, выпивка самых разных сортов, можно и поиграть — что и дало этому месту его название. Парни завистливо принюхивались к большим бифштексам, смотрели, как вертится магнитная рулетка. Стэн глубоко вздохнул.

Он потрогал Тана за плечо.

— Эй, парень! Мы на Вратах! Давай по крайней мере осмотримся!

Они так и поступили, почти забыв, что деньги уходят, а экспедиция, ради которой они прилетели сюда, не подвертывается. Они пошли в Центральный парк, где растут фруктовые деревья и кусты с ягодами — но срывать можно только за деньги. Осмотрели большой водяной резервуар Врат, принявший форму астероида, но напоминающий подземные озера Стамбула. И почтительно посетили музей Врат.

Все, что видел Стэн, было знакомо ему еще со времен рассказов о Вратах, которые он пожирал в детстве, но все в действительности оказалось не совсем таким. Музей был заполнен артефактами хичи, привезенными многочисленными экспедициями: молитвенными веерами, огненными жемчужинами, самыми разными приборами. Висели голографии планет, на которых побывали старатели; юноши восхищались видами планеты Пегги с ее обширными культивированными полями и прекрасными лесами; содрогались, глядя на Валгаллу — планету, пригодную для обитания, как провозгласили власти Врат, но скорее похожую на Сибирь, чем на рай.

С практической точки зрения самым интересным оказались голографии кораблей хичи — одно-, трех- и пятиместных. На некоторых кораблях были устройства, которые, казалось, ничего не делают, особенно конусы из металла хичи, которые никто не решался вскрыть. Многие корабли, особенно трех- и пятиместные, были бронированными. Почти во всех кораблях люди установили дополнительные приборы и устройства, а также полки для пищи, баки с кислородом, восстановители воздуха и все прочее, что позволяет старателю оставаться живым в полете, хотя если у хичи и было что-то в таком же роде, все это давно исчезло.

Гадая, как хичи умудрялись выживать в своих кораблях, они услышали, как сзади кашлянули. И, повернувшись, увидели

девушку с изуродованным лицом, которая прилетела с Земли вместе с ними. Ее звали Эстрелла Панкорбо. Теперь она была не такой бледной и казалась гораздо привлекательней. Стэн удивленно сказал:

— Ты выглядишь... гм... хорошо.

Конечно, если не считать лица, на которое словно кто-то сел.

Она внимательно посмотрела на него и наклонила голову, принимая комплимент.

— Спасибо, и с каждым днем все лучше. Я их одурачила, — загадочно сказала она, не поясняя, кто такие «они». Она не захотела продолжать разговор; сказала, что должна заниматься, и сразу начала разглядывать голограммы кораблей и делать заметки.

Юноши немного задержались, но потом отошли от нее: она ясно дала понять, что предпочитает остаться одна. Однако на Стэна она произвела сильное впечатление: он ведь после Наслан не был рядом с девушкой своего возраста.

По дороге Тан сказал:

— Интересно, как там наши дома.

Стэн кивнул — он легко мог понять тоску по дому. Он даже сам слегка испытывал ее, хотя у него не было настоящего опыта жизни в семье.

— Можно написать им, — предложил он.

Тан встряхнулся и улыбнулся Стэну.

— И заплатить за доставку? Это не для меня, Стэн. Да и вообще я не люблю писать письма. Давай лучше выпьем еще кофе.

V

Прошел этот день. За ним следующий. На экране появилось еще несколько одноместных полетов, но ничего лучше не показывалось, и даже эти сразу были заняты. Парни все больше времени проводили в Голубом Аду, думая, что станут делать, когда деньги кончатся, но не решаясь спросить об этом друг друга.

Советов им хватало. Старожилы Врат — у многих на руках браслеты из металла хичи, свидетельствующие, что они побывали в полетах, — охотно делились с ними своими знаниями. Самой дружелюбной оказалась подвижная англичанка

средних лет с искривленным лицом и непоколебимой уверенностью в том, какую именно экспедицию следует выбирать.

— Знаете, как выглядят контрольные колеса хичи? Вам нужна установка, при которой на первом колесе две красные полоски, а на втором совсем нет желтых, — поучала она.

— Почему? — спросил Тан, ловивший каждое ее слово.

— Потому что это безопасная установка. Ни одна экспедиция с такой установкой не затерялась. Поверьте мне, я знаю.

Когда она допила кофе, который выпросила у них, и ушла, Тан поджал губы.

— Возможно, что-то в этом есть, — сказал он.

— Ничего в этом нет, — отрезал Стэн. — Ты сосчитал ее браслеты? Девять! Она девять раз участвовала в полетах и не заработала даже на чашку кофе. Нет, Тан. Нам нужно что-нибудь менее безопасное, но более прибыльное.

Тан пожал плечами, обдумывая услышанное.

— Во всяком случае, — философски заметил он, — если бы они знали, что делать, то делали бы, а не рассказывали нам. Давай поедим.

— Хорошо, — согласился Стэн, но тут ему в голову пришла мысль. — К дьяволу еду! Я не голоден. К тому же у меня есть идея получше. Мы ведь притащили с собой инструменты, почему бы не поиграть?

Тан удивленно посмотрел на него.

— Здесь? Да нас вышвырнут.

— Может быть. А может, и нет, если мы вначале немного попрактикуемся. Здесь ведь не очень много развлечений, правда? Можем найти место, где никого не потревожим, и поупражняться. Как тебе Центральный парк?

Стэн оказался прав: в парке никого не было. Они выбрали угол со множеством петель и принялись играть.

У Стэна, как только он закрепился в стенной петле, проблем с трубой не было. Другое дело — барабаны Тана. Ему пришлось каждый барабан закрепить парой петель, и он жаловался, что без настоящего тяготения удары получаются не такими звучными. Тем не менее они умудрились сыграть «Когда святые маршируют», а «Жемчужные бусы» получились еще лучше. Стэн играл «Блюз больницы святого Джеймса», когда Тан прекратил барабанить и схватил его за руку.

— Смотри!

Огибая озеро, к ним спешил Таршиш. Как только он приблизился, Тан крикнул:

— Мы слишком шумим?

Таршиш ухватился за петлю, чтобы остановиться, и, отдуваясь, возбужденно воскликнул:

— Шумите? Нет! Только что пришла новость! Вы не слышали? Группа Хертера-Холла достигла объекта в Оорте, и он огромный, и принадлежит хичи, и по-прежнему действует!

Много лет Врата не знали такого возбуждения — огромный действующий корабль хичи, размером с океанский лайнер, причем невиданный раньше. Эта штука производила пищу! Пищу-CHON, как ее назвали, потому что она состоит из основных элементов комет облака Оорта: углерода, водорода, кислорода и азота. И старый механизм хичи — после сотен тысяч лет — продолжал производить пищу. И если людям из группы Хертер-Холл удастся перевести его на околоземную орбиту, если можно будет снабжать его кометами, которые попадают в ближние районы Солнечной системы, голода на Земле больше не будет!

Все оживленно гадали, сколько получит семейство Хертер-Холл и сколько получит Робинетт Броудхед как организатор экспедиции.

— Миллиарды! — почтительно сказал Стэн, а Тан презрительно взглянул на него.

— Только миллиарды? За такую вещь?

— Миллиарды американских долларов. Много миллиардов, так что Робинетт Броудхед сможет добавить их к тем, которые у него уже есть. Видишь, старина Тан, что значит счастливая находка?

Тан видел. И все другие тоже. Как только на экране появлялось предложение полета, его тут же перехватывали.

— Даже ни одного одноместного! Вообще ничего! — жаловался Тан. — А ведь с нашего счета ежедневно снимают деньги, хотя нам и записаться не на что.

И так продолжалось день за днем. Парни одержимо следили за списками полетов, но безуспешно. На экране появился одноместный, потом еще два — тоже одноместных, и все они были заняты, как только появились. Тан застонал, уви-

дев, что список команды третьего корабля заполнен, потому что в этом списке оказалось имя его друга Таршиша.

— Я надеялся, что мы полетим втроем! — сердито сказал он. — Он не стал дожидаться!

Стэн не мог винить Таршиша. Он даже подумывал о том, чтобы записаться на одноместный, оставив Тана на астероиде. Но не появлялись даже одноместные, и Стэну не пришлось бороться с угрызениями совести.

В противоположном направлении движение было менее оживленным. Два или три корабля вернулись из полетов, все одноместные и все неудачники. Потом вернулся гордый пятиместник, и этого сопровождал успех. Ну, в некоторой степени. Конечно, не ослепительная удача, но все же неплохо. Корабль долетел до лишенного атмосферы спутника гигантской газовой планеты, которую экипаж не смог идентифицировать. На планете были артефакты хичи. Люди видели купола из металла хичи, а рядом какие-то механизмы, похожие на тракторы, но они могли только смотреть. Дотронуться не удалось. Их корабль не располагал механизмами, позволяющими работать в вакууме. Но снимки, которые они сделали, позволили им получить достаточное вознаграждение, чтобы удалиться на пенсию соответственно в Цинциннати, Йоханнесбург, Мадрид, Ниццу и Мехико-сити, а их пятиместный корабль был открыт для всех желающих.

Не сразу, конечно. Англичанка с девятью браслетами поймала Стэна и Тана, когда они выходили из столовой. Она была крайне возбуждена.

— Это ваш лучший шанс, цыплята! Корабль приведут в порядок, снабдят запасом продовольствия и отправят назад за новыми открытиями — на этот раз с космическими скафандрами и всем необходимым оборудованием. О, на это потребуется время. Суток двадцать, не меньше. Но вы только дождитесь! И цвета подходящие, но мы ведь не хотим, чтобы все об этом знали, так что не болтайте! — И она заторопилась, рассказывая свою тайну всем желающим угостить ее чашкой кофе.

Конечно, ее тайна большего и не стоила, особенно для двух молодых людей, которые не могут ждать двадцать дней.

И тут без всякого предупреждения на экране появился пятиместный. Впрочем, ничего хорошего Стэну и Тану это не принесло. Предложение появилось, когда они спали, а к

тому времени как они его увидели, состав экипажа был уже заполнен.

И что еще обидней, каждый день появлялись свежие бюллетени о людях, которые действительно добились успеха, как, например, группа Хертер-Холл в облаке Оорта. Сейчас эта группа прикрепляла к корпусу корабля хичи ионные ракеты, чтобы передвинуть его ближе к Земле. Потом поступила еще одна новость: объект передвинуть нельзя. Каким-то образом он сопротивляется прилагаемым силам, но как именно, сказать невозможно. Потом появились подозрения, что на борту кто-то есть. А затем — о чудо из чудес! — они кого-то встретили. И это оказался человеческий мальчик. И он как будто полностью владел объектом хичи и привык поддерживать контакты между Пищевой фабрикой и еще большим и более сложным кораблем хичи. Огромным кораблем, набитым механизмами хичи, и все эти механизмы действуют!

Тан сходил с ума от зависти, Стэн чувствовал себя немногим лучше. Рявкая друг на друга, они сидели перед экраном, по очереди ходили в туалет и не ложились спать.

— Следующий! — поклялся Тан. — Трех- или пятиместный, мы записываемся!

Стэн согласился.

— Черт побери, обязательно! Может, не заработаем триллионы, как эти люди, или даже миллиарды, но все равно что-нибудь получим, и ничто нас не оторвет от экрана...

Но что-то все-таки оторвало.

Стэн, потрясенный, смолк на середине своей клятвы. Глаза ему жгло. Горло болезненно пересохло. В голове гремело, он с трудом мог дышать.

Снова Гнев Божий. Не такой, как раньше. Хуже. Стэн чувствовал, что все его тело горит, словно в лихорадке. Его тошнило. Тан чувствовал себя не лучше. Всхлипывая, прижав руки к вискам, свернувшись, как ребенок в чреве матери, он отплывал в воздухе, забыв о петлях. И дело не просто в тошноте. Вместе со знакомыми болезненными симптомами появилось отчаянное сексуальное стремление, ощущение страшного одиночества, не сфокусированный горький гнев...

И так происходило снова и снова...

А потом, без всякого предупреждения, кончилось.

Стэн схватил безвольно болтающуюся руку Тана и подтянул к петле.

— Боже! — сказал он, и Тан согласился:

— Вот это да! — И вдруг настойчиво добавил: — Стэн! Смотри!

Он смотрел на монитор программы полетов. Компьютеры Врат, на которые то, что сводило людей с ума, совершенно не действовало, продолжали выполнять свою рутинную программу. И на экране появилось кое-что новое:

Полет № 2402
Бронированный трехместный, немедленное отправление

— Берем! — закричал Тан.

— Конечно, — ответил Стэн, одновременно работая на клавиатуре. И через мгновение на экране появились их имена:

Полет № 2402
Бронированный трехместный, немедленное отправление
Стэнли Эвери
Олтан Кусмероглу

Юноши в восторге колотили друг друга по спинам.

— Мы сделали это! — кричал Тан.

— И как раз вовремя, — сказал Стэн, показывая на экран. — Ты только посмотри! — Секунду спустя на экране появилось еще одно имя:

Полет № 2402
Бронированный трехместный, немедленное отправление
Стэнли Эвери
Олтан Кусмероглу
Эстрелла Панкорбо
Экипаж набран

VI

Мечта осуществилась. Стэнли Эвери действительно находится в настоящем корабле хичи, действительно следует по стопам тех бессмертных героев Врат, первыми преодолев-

ших опасности межзвездных путешествий и вернувшихся с невообразимыми богатствами и славой, которая не умрет в веках...

— Или, — заметил Тан, когда Стэн поделился с ним своими мыслями, — мы направляемся к какой-нибудь очень неприятной смерти. Мне не очень нравится этот дерьмовый маленький корабль. Почему он бронированный?

Эстрелла Панкорбо, раскладывавшая у противоположной стены свои пожитки, подняла голову.

— Если мы хотим, чтобы полет прошел терпимо, — сказала она, — будет лучше, если в моем присутствии вы будете говорить только по-английски.

Тан поджал губы.

— А где в этом шкафу мы можем жить без тебя? — спросил он.

Стэн быстро вмешался.

— Она права, — сказал он Тану, а потом обратился к девушке: — Мы постараемся не забыть. Он только удивляется, почему наш корабль бронированный.

— Конечно, потому, что может летать к целям, которые в противном случае могли бы его повредить. Не бойтесь. Такие цели встречаются редко: этот трехместник летал уже четыре раза и ни разу не был в опасном месте. Разве вы не познакомились со спецификациями? Все данные о корабле есть в файле, — сказала Эстрелла.

Этот ответ не улучшил настроение Тана.

— Я не боюсь, Эстрелла, — рявкнул он обиженно и стал думать, как бы пообиднее ответить. И сразу нашел: — А почему у тебя такое лицо?

Она долго смотрела на него. Стэн заметил, что ее левое веко опускается ниже правого.

— Потому что на него наступил бык, — сказала она наконец и добавила: — Думаю, полет будет очень долгим.

Каким долгим будет полет — об этом они думали постоянно. Разыскания Эстреллы давали некоторую пищу для размышлений.

— Этот трехместник ни разу не летал дольше восемнадцати дней в каждом направлении, — сообщила она. — У нас припасов больше чем на шестьдесят. Конечно, — добавила

она, — никто не может верно разгадать значение цветов, но дольше не может быть. Мы узнаем, когда достигнем середины пути.

Да, узнают. Стэн знал об этом, как знали и все остальные. Все старатели Врат, когда не спали, постоянно поглядывали на забавную спираль, потому что в ней таилась тайна их жизни и смерти. Когда спираль меняла цвет, они достигали середины пути. И слабое тяготение, которое увлекало их к корме, меняло направление и теперь влекло к носу. И тогда наступало время подсчетов. Если истрачено не больше четверти запасов воздуха, воды и продовольствия, значит, хватит на оставшуюся половину пути и на возвращение. А если не хватит...

Они втроем жили, ели, спали в крошечном помещении, меньше маленькой ванной комнаты Стэна в доме мистера Озден. Находиться в такой близости с девушкой примерно своего возраста для Стэна оказалось тревожащим испытанием, а ведь они действительно оказались очень близки. И ничего с этим не могли поделать. Когда Тан отправлялся в туалет, Стэн отводил взгляд от Эстреллы, потому что звуки мочеиспускания были отчетливыми и громкими. Всем пришлось привыкнуть к запахам друг друга, и этих запахов оказалось множество. В корабле хичи не очень много места для физических упражнений, поэтому диета, предложенная властями Врат, состояла из большого количества клетчатки. Стэн старался испускать ветры незаметно; Тан даже не старался; всякий раз, пуская газы, он широко улыбался. Эстрелла делала вид, что не обращает внимания.

Самое интересное, что чем больше времени проводил Стэн, видя лицо Эстреллы, тем меньше замечал его обезображенность. На Тана это тоже подействовало. Раз или два, когда Эстреллы не было в непосредственной близости — она уходила в туалет или спала, — Тан шептал на ухо Стэну что-нибудь непристойное. По-турецки, конечно. На корабле вообще-то не было места, откуда нельзя было услышать, за исключением шлюпки, расположенной на дне, но там очень неудобно и мало кто мог там долго находиться.

Эстрелла большую часть времени читала на маленьком карманном экране, но на третий день позволила уговорить себя поиграть в карты. Когда Тан в третий раз проиграл, он подозрительно посмотрел на нее.

— Мне казалось, ты говорила, что не очень умеешь играть в покер, — проворчал он.

— Так и есть. Но это очень простая игра, — беззаботно ответила она, но потом поняла, что обидела его. И попыталась исправить положение. — Я хотела сказать, что удивлена тем, как хорошо ты овладел английским, Тан. Ты очень хорошо говоришь на нем.

Он пожал плечами.

— А как же иначе? С шести лет я ходил в школу с английским языком, пока в четырнадцать не пришлось начать работать. — Тем не менее он смягчился. И более жизнерадостно продолжал: — Там я встретил Стэна. Мы быстро подружились, потому что нас интересовало одно и то же. Еще совсем маленькими мы бежали к качелям и начинали раскачиваться, делая вид, будто мы в корабле с Врат, таком, как этот.

— И никто больше меня не удивился, что мы все-таки оказались здесь, — с улыбкой сказал Стэн. — А как жила ты, Эстрелла?

Она подобрала карты и некоторое время, не отвечая, разглядывала их. Потом коротко ответила:

— Я была мясником. Чей ход?

На седьмой день пути всем троим трудно было отвести взгляд от спирали. Ничего не менялось.

— Что ж, — оживленно сказала Эстрелла, — думаю, этот трехместник бьет собственный рекорд. Но у нас все равно неплохой запас, а завтра скорее всего будут изменения.

Но изменений не было ни на девятый день, ни на десятый. На одиннадцатый день Тан вздохнул, отбросил карты и сказал:

— Нужно посмотреть в лицо фактам. Мы можем навечно застрять в этой летающей крысиной норе.

Эстрелла потрепала его по руке.

— Слишком легко сдаешься, Тан.

Он огрызнулся:

— Что ты можешь знать? Так случалось и раньше. Разве ты не слышала рассказы о старом старателе — забыл, как его звали, — который вернулся домой только потому, что съел своих товарищей?

— Не ссорьтесь, — попросил Стэн.

Но Эстрелла тоже рассердилась.

— И зачем только я записалась с двумя турками — ну, одним турком и одним полутурком, которые согласны стать каннибалами? Вероятно, вы уже решили, кого съедите первым, Тан. Меня? Потому что вы сильней, а я самая маленькая? Так вот, позвольте вам сказать...

Неожиданно она замолчала. Ее изуродованное лицо выглядело удивленным, потом стало ангельским. Стэн тоже ощутил это: верх корабля неожиданно стал низом, а спираль ярко засветилась.

Наконец они достигли середины пути. Значит, они не умрут, во всяком случае, не таким определенным образом.

Поскольку они выживут, атмосфера сразу стала менее напряженной. Тан широко улыбнулся Эстрелле, а Стэну по-турецки прошептал:

— Может, мы и съедим друг друга, но более дружелюбным способом.

Эстрелла услышала его, и даже в это мгновение восторга лицо ее застыло.

— Тан, — сказала она, — я не понимаю по-турецки, но вид, с которым ты говоришь, я прекрасно понимаю. У тебя в обоих глазах колючки. Прибереги их для кого-нибудь другого. Я девственница. Я оставалась девственницей и в более трудных положениях, чем здесь, и намерена ею оставаться до замужества.

— Ад и дьяволы, — простонал Тан. — Мне казалось, что только мусульманские девушки держат свои колени сведенными, а не вольнодумные американки.

Эстрелла решила вести себя по-дружески.

— Ну вот ты и узнал кое-что новое об американских женщинах. По крайней мере о некоторых из них. Ну что, поиграем еще в карты или ляжем спать?

VII

Большую часть дня Тан был мрачен, но постепенно к нему вернулось хорошее настроение. В конце концов, они все вместе участвуют в великом приключении. Тан решил пересмотреть свое отношение к Эстрелле. Хорошо, она не будет любовницей. Значит, станет сестрой. А у Тана большой опыт жизни с сестрой.

Но в чем у Тана совсем не было опыта, так это в жизни в очень ограниченном пространстве, когда совершенно нечего делать.

— Надо было хотя бы прихватить наши проклятые инструменты, — сказал он Стэну, который в ответ пожал плечами.

— Нет места, — отозвался он.

Эстрелла подняла голову от своей тарелки.

— Можно поиграть в покер, — предложила она. Тан, поджав губы, покачал головой. — Ну, тогда просто поговорим. Я почти ничего о вас не знаю, парни. Олтан? Как ты жил в Стамбуле?

Тан отказывался демонстрировать бодрость.

— Я зарабатывал на жизнь тем, что водил фургон, — мрачно сказал он. — Жил с матерью, отцом и младшей сестрой Наслан. У меня было пять — на самом деле пять — подружек, и все они были очень добры ко мне и на все соглашались. Что еще рассказывать?

Эстрелла кивнула, словно ответ ее удовлетворил, и повернулась к Стэну.

— А ты?

Стэн постарался быть отзывчивым.

— Мой отец работал в американском консульстве шифровальщиком, это высокооплачиваемая работа, когда встретился с моей матерью. Она была турчанка, но христианка — методистка, как и он. Я родился в больнице посольства в Анкаре, то есть на американской территории. Таким образом, я американский гражданин, как и ты.

Это заставило ее улыбнуться.

— Совсем не как я.

— Ты имеешь в виду то, что моему отцу хорошо платили? Наверно, ты права, но так было, только когда я был маленьким. Мама умерла, когда мне было семь лет, а после этого... — Он пожал плечами, не закончив предложение. Не хотелось рассказывать о том, как отец постепенно превратился в пьяницу.

Тан, нетерпеливо слушавший, распрямился и оттолкнулся.

— Мне нужно пописать, — сказал он.

Стэн посмотрел ему вслед, потом снова на Эстреллу.

— А ты? — спросил он, перекрывая плещущие звуки из туалета. — Ты сказала, что была мясником.

Она погладила свою левую скулу, смещенную с центра.

— Да, до этого несчастного случая. В Монтане. Я тоже полукровка, Стэн. Отец мой был преимущественно баск. А мать — из племени навахо, с примесью хопи. Это была рослая и сильная женщина. У нас не было работы, поэтому мы перебрались в Монтану, чтобы работать в коралях. Ты знаешь ранчо бизонов в Америке?

— Да. Ну, не непосредственно. Читал о них, когда был маленький. Прежде чем мечтать о Вратах, я хотел стать ковбоем, сидеть по ночам у костра и пасти стада бизонов в прериях.

На этот раз она громко рассмеялась.

— Бизонов не пасут, Стэн. Они этого не допустят. Их отпускают на свободу, потому что трава прерий — это все, что им нужно. Потом, когда они набирают вес и готовы для бойни, их приманивают чем-то, что им нравится больше травы. Заманивают прямо в корали, обнесенные трехметровой оградой из стальных пластин, потому что через меньшую преграду бизон может перепрыгнуть. И они очень быстро бегают — сто километров в час. Одного за другим пастухи, как мои родители, заманивают бизонов в желобы бойни, а там пистолеро стреляют им в голову из большого ружья таким пистоном, который проходит через мозг и выходит, снова готовый к применению. Мертвого бизона конвейер привозит ко мне, и я разрезаю ему горло. Подцепляю к креплениям конвейера над головой, тушу поднимают, чтобы вытекла кровь, и перевозят в холодильник. А дальше она превращается в бифштексы и поджарку. В одном бизоне почти пятьдесят литров крови. Кровь собирается в баках внизу — та, что не попала на меня.

Тан вышел из туалета и, слушая, застегивался.

— Да, Эстрелла, — сказал он, возражая, — но ты говорила, что бык наступил на тебя и сломал тебе голову. Как может наступить мертвый бык?

— Этот не был мертвым, — коротко ответила она.

— Но если пистолеро выстрелил ему в голову...

— В тот раз он выстрелил ему в плечо. Бык был очень живой, когда подъехал ко мне, и очень сердитый.

— Похоже на очень неприятный несчастный случай, — заметил Стэн.

— Нет, это был совсем не случай. Пистолеро сделал это нарочно. У него тоже были колючки в глазах, Тан, и, когда я не легла с ним в постель, он преподал мне урок.

Двадцатый день. Двадцать первый день. Они больше не играли в карты, потому что не могли сосредоточиться. Почти не разговаривали. Они уже все сказали друг другу о своих надеждах, а о страхах никто вслух говорить не хотел. Нервы у всех были натянуты, как у игрока с выигрышным билетом в кармане, который должен явиться вовремя; он мчится по улице. Но все же недостаточно быстро. Наконец Эстрелла решительно сказала:

— Нет смысла нервничать. Нужно как можно больше спать.

Стэн понимал, что ее предложение разумно. Им потребуется много сил и внимания, когда они долетят туда. Чем бы это «туда» ни обернулось.

Но разумному совету оказалось очень трудно следовать. Как ни трудно было Стэну уснуть, еще труднее оказалось оставаться в таком состоянии. Он часто просыпался и считал минуты. Так прошел двадцать первый день и начался двадцать второй.

Тут никто из них уже не мог спать совсем. Каждые несколько секунд они поглядывали на часы. Яростно спорили о том, когда наступил поворотный пункт, а следовательно, в какой час и в какую минуту они прибудут...

А потом они прибыли. Они поняли это, когда увидели, что спираль погасла.

И тут же все приборы сошли с ума.

Их показания были совершенно нелепыми. Приборы утверждали, что трехместник погружен в разреженную плазму, более горячую, чем Солнце, пронизанную смертоносной радиацией всех разновидностей, и тут Стэн понял, почему их корабль бронированный.

Никакой планеты с забытыми сокровищами хичи, которые сделали бы их богатыми, здесь не было. Поблизости не было даже звезды.

— Убираемся отсюда! — заорал Тан, а Эстрелла закричала:

— Нет, сначала снимем показания! Фото! Надо провести наблюдения!

Но помимо того, что показали приборы, наблюдать было нечего. И когда Стэн положил руку на сосок двигателя, Эстрелла больше не возражала. Она только заплакала.

* * *

Полет назад длился не больше полета вперед, но им так не показалось. Им казалось, что он длится бесконечно. Они не могли дождаться его конца. А когда дождались, начали узнавать дурные новости.

Престарелая восточная женщина, поднявшаяся на борт их корабля, как только они сели, вполуха слушала их рассказ. Ее интересовали показания приборов, но она с отсутствующим видом ответила на несколько вопросов.

— Да, — сказала она, кивая, — вы побывали на месте взрыва сверхновой. Хичи очень интересовались звездами, которые готовы были взорваться; к ним ведет множество маршрутов. Но с того времени, конечно, некоторые из этих звезд взорвались. Как ваша. И от туманности остались только перегретые газы. Вам повезло, что ваш трехместник бронированный.

Эстрелла прикусила нижнюю губу.

— Как вы думаете, будет ли по крайней мере научная премия?

Женщина задумалась.

— Возможно. Спросите Гектора Монтефиоре. Но не очень большая. У нас уже очень много данных о таких объектах.

Трое молча смотрели друг на друга. Потом Стэн вымученно улыбнулся.

— Что ж, друзья, — сказал он, — как говорил мой отец: если падаешь с лошади, вставай и садись на нее снова.

Женщина уставилась на него.

— Какие лошади?

— Он имеет в виду, — объяснила Эстрелла, — что мы при первой же возможности снова полетим.

— О, — удивленно сказала женщина, — вы ведь были в полете и ничего не знаете. Вы ничего не слышали. Проблема управления полетами решена. И полетов больше не будет. Исследовательская программа Врат закрыта.

VIII

Закрыта! Врата закрыты? Больше никаких полетов? Никаких бесстрашных испуганных старателей, отправляющихся в загадочные полеты, чтобы собирать остатки знаний давным-

давно исчезнувших хичи — куда бы они ни исчезли, когда исчезли?

Все это опять дело рук Робинетта Броудхеда. Пока Эстрелла и парни были в полете, начались неприятности на Пищевой фабрике и на других кораблях хичи поблизости. Броудхед сам полетел туда, чтобы разобраться. И ему это удалось. И он не только увеличил свое и без того сказочное состояние до невероятных размеров, но и решил проблему управления полетом кораблей хичи.

А также превратил Врата в отсталую провинцию. Больше не будет полетов наобум бог знает куда. Вообще полетов не будет, пока умные головы, которые планировали полеты с Врат, не решат, что делать с новыми данными. А тем временем — ничего. Все остановилось. Десяткам будущих исследователей ничего иного не остается, как стиснуть зубы и набраться терпения.

В столовой Тан сердито смотрел в свою тарелку.

— И каковы же теперь наши планы? — спросил он.

Стэн проглотил ложку вегетарианской лазаньи.

— Придется ждать. Что еще мы можем сделать? Но так не может продолжаться вечно. Корабли по-прежнему здесь! Рано или поздно они полетят снова, и тогда, может быть, у нас появится шанс участвовать совсем в другом полете. Гораздо лучшем! Мы с самого начала будем знать, куда летим! Может быть, даже знать, что вернемся живыми!

Тан осмотрел зал, где собралось несколько десятков подавленных будущих исследователей.

— Может быть, — сказал он.

— По крайней мере мы не тратим наши деньги, — заметил Стэн. Корпорация «Врата» решила проявить человечность. До специального объявления плату за содержание брать не будут, так что по крайней мере их время не тратится.

— Ублюдки могут позволить себе это, — проворчал Тан.

Конечно, ублюдки могли себе это позволить. Ублюдки — это Корпорация «Врата», и ей принадлежат все открытые сокровища хичи. Сама Корпорация принадлежит консорциуму земных правительств — на бумаге, но столь же справедливо было бы сказать, что ей принадлежат все земные правительства. И после некоторого размышления Корпорация реши-

ла, что может уделить часть своих богатств Тану, Стэну и Эстрелле.

Они обнаружили это, когда за отсутствием чего-нибудь лучшего Тан и Стэн пили слабый, но относительно пригодный для питья кофе в Голубом Аду и смотрели, как другие старатели проигрывают свои более не нужные суточные. Эстрелла сидела рядом, как всегда, что-то изучая на карманном экране. На этот раз Стэн с удивлением заметил, что она изучает музыку. Читая, она помахивала в воздухе пальцем.

— Ты играешь? — удивленно спросил он.

Она покраснела.

— Немного. На флейте.

— Так почему не сказала? Мы могли бы втроем иногда поиграть. Что думаешь, Тан?

Тан не слушал. Он подтолкнул Стэна.

— Идут большие шишки. — В зал вплыл Гектор Монтефиоре в сопровождении еще троих постоянных служащих Врат. Они явно кого-то искали, и Стэн не обрадовался, заметив, что Монтефиоре направился к ним. Гектор Монтефиоре ему не нравился. Еще меньше ему понравилось, когда Монтефиоре похлопал его по плечу и потрепал Эстреллу по спине.

— Поздравляю, — сказал он. — Готовы отпраздновать?

— Что отпраздновать? — спросил Тан.

Толстяк удивленно посмотрел на него.

— Вашу научную премию, конечно. Вы не знали? Что ж, ради Бога, проверьте! Кто знает, может, тогда угостите меня выпивкой?

Однако он не стал ждать и с усмешкой ушел, а они втроем склонились к экрану Эстреллы, которая переключилась на сообщения администрации.

Да, вот они.

— Неплохо, — сказал Тан, увидев сумму.

Эстрелла покачала головой.

— Если разделить на троих, совсем немного, — практично сказала она. — И вы успокоитесь на таких маленьких деньгах?

— Мне этого достаточно, чтобы вернуться домой и купить фургон. Я смогу начать собственный бизнес, — сдержанно ответил Тан.

— Конечно, если хочешь. Но это не для меня. Я сюда прилетела не для того, чтобы потом провести всю жизнь в

однокомнатной квартире с Базовой медициной и без всякого будущего. К тому же Гектор говорит, что скоро полеты возобновятся.

Стэн задумчиво посмотрел на нее.

— Откуда ты знаешь, что говорит Гектор? — спросил он, сам удивленный тоном своего голоса. Кажется, он ревнует.

Эстрелла пожала плечами.

— Я ему нравлюсь, — сказала она, как будто это все объясняет.

— Ему все нравятся, — усмехнулся Тан. — Мальчики, девочки, ему все равно. Лишь бы была дыра, в которую можно просунуть.

Эстрелла какое-то время молча смотрела на него.

— Ну, в мою дыру он еще не просунул, — наконец заявила она. — Но давайте рассуждать разумно. Что вы хотите делать? Взять свою долю и отправиться домой? Или подождать чего-нибудь стоящего?

Они решили ждать. И пока ждали, слушали в новостях рассказы о новых открытиях Броудхеда.

И чего только не было в этих рассказах! Странные получеловеческие существа, которых в первый момент все с замиранием сердца приняли за хичи, но которые не были хичи. (Это были как будто потомки примитивных человекообразных, пойманных хичи на Земле многие тысячелетия назад и перевезенных на один из их космических кораблей для изучения.) Была горстка выживших — до определенной степени — пропавших без вести старателей с Врат, случайно попавших в это место и не способных его покинуть. Теперь они были более или менее мертвы, но в то же время более или менее живы, существуя в каких-то причудливых механизмах хичи. Был и полудикий человеческий мальчик по имени Вэн, потомок затерянных старателей. Именно он с помощью механизмов хичи вызывал приступы желания и гнева у всей Солнечной системы. Он стал источником Гнева Божия. И — последняя тайна, раскрытая Броудхедом — теперь он даже знал, куда девались хичи! Они скрылись в центре Галактики и по-прежнему находятся там! Они все там!

Одно диво за другим. Все только и говорили об этом — все, кроме Эстреллы, как казалось Стэну. По какой-то причине она все больше времени проводила с постоянными слу-

жащими Корпорации и все меньше со своими прежними товарищами. Стэн не одобрял этого.

— Ей не следует так поступать, — серьезно говорил он Тану. — Ничего хорошего ей это не принесет.

Тан хрипло рассмеялся.

— Все зависит от того, что считать хорошим. У Монтефиоре собственное представление на этот счет. Но не волнуйся об Эстрелле, — посоветовал он. — Она сумеет позаботиться о своей девственности.

Но Стэн волновался. Он говорил себе, что поступки Эстреллы не его дело, но продолжал думать о ней. А дни шли.

Вернулась из полета англичанка с девятью браслетами. На этот раз она завоевала не только десятый браслет, но и премию. Она побывала на планете, условия на которой не лучше, чем на Меркурии. В космическом костюме, который давал возможность дышать, но не защищал от пылающего жара, излучаемого стенами, она бродила по пустынным туннелям, оставленным хичи, бродила до полусмерти, пока не нашла — что-то. Никто не знал, что именно. Возможно, игра — нечто вроде трехмерной версии го; во всяком случае, полученная премия позволила ей с почетом вернуться в деревушку в Сассексе, откуда она прилетела, и жить там безбедно. Перед отлетом она даже угостила парней кофе и выслушала рассказ о поразительных событиях, случившихся, пока она была в полете.

— Ого! — сказала она с улыбкой человека, которому больше незачем тревожиться из-за таких вещей. — Похоже на большую забаву. Что ж, удачи вам всем! Не сдавайтесь. Никто не знает, может, и вам еще повезет.

Тан мрачно смотрел ей вслед, пока она ходила по кругу, угощая выпивкой тех, кто когда-то угощал ее.

— Сомневаюсь, — вполголоса сказал он.

— Ты сомневаешься с того времени, как мы здесь, — отозвался Стэн, хотя на самом деле он и сам начал сомневаться. Мог начаться серьезный спор, но тут появилась Эстрелла и поискала их взглядом.

Эстрелла не колебалась. Увидев парней, она сильно оттолкнулась от дверной рамы и полетела прямо к ним. Тан поймал ее, когда она подлетела, но она сама ухватилась за петлю и высвободилась. Ее изуродованное лицо было мрач-

но, но новость она принесла очень важную. Осмотревшись по сторонам, она прошептала:

— Скоро новый полет. Очень важный.

У Стэна дрогнуло сердце, но на Тана слова Эстреллы не подействовали.

— Один из полетов с гарантированным возвращением, большую часть прибыли забирает Корпорация?

— Да, — сказала Эстрелла, — и в то же время нет. Цель назначения известна, но больше о ней ничего не знают. Не знают, сколько продлится полет, поэтому полетит бронированный пятиместник с теми особыми приборами, назначения которых никто не понимает. Но Броудхед утверждает, что для этого полета они обязательны. Корабль загрузят припасами и материалами для очень долгого пути, так что полететь смогут только два человека. Одним из них буду я. Есть место еще для одного.

Она переводила взгляд с одного на другого, но больше смотрела на Стэна. Однако первым заговорил Тан.

— Не я, — заявил он. — Не хочу больше загадочных поездок в автобусе.

Стэн не обратил внимания на его слова.

— Ты говоришь, назначение известно?

Эстрелла набрала полную грудь воздуха.

— Корабль полетит туда, где скрылись хичи. Где они скрывались все это время. В ядро Галактики.

Стэн конвульсивно глотнул. Конечно, летишь на Врата в надежде на большую находку — но настолько большую? Не остатки механизмов хичи, не отбросы их цивилизации. Нет, теперь предстояло отправиться прямо к этим сверхъестественным существам.

И какая премия может быть за это?

Он не раздумывал. Услышал свои слова «Я лечу!» еще до того, как осознал, что принял решение. Потом повернулся к Тану.

— Послушай. Места только на двоих, поэтому забирай и мою часть премии. Возвращайся домой и живи хорошо. Купи Наслан самое красивое свадебное платье, какое она только найдет. — А потом добавил: — Но передай ей, чтобы не ждала меня.

IX

Пятиместник хичи обычно гораздо больше трехместника. Но не этот. В этом целый угол был занят странным непонятным прибором, который — утверждал Броудхед — необходим для проникновения в ядро. Еще несколько кубических метров пространства были заполнены вещами, которые следовало доставить хичи: отчеты об исследованиях старателей Врат, перечень находок, различные материалы о человечестве, а также послание хичи, которое должно объяснить, что такое человек. Прибавьте к этому припасы на год, и для Стэна и Эстреллы остается не так уж много места.

Что касается Эстреллы, то ей много места не нужно. Она не очень много двигалась. И не разговаривала со Стэном. Как только корабль вылетел, она забралась в свой гамак и почти все время оставалась в нем, выходя только для того, чтобы поесть или сходить в туалет. Когда Стэн спросил ее, все ли в порядке, она ответила: «Нет». А когда он спросил, не может ли чем-нибудь помочь, она отрицательно покачала головой и сказала: «Мне нужно справиться самой». А когда он спросил, в чем все-таки дело, она ответила: «Нужно, чтобы я снова понравилась себе». Вернулась в свой гамак и оставалась в нем. Целых три дня, пока Стэн гадал и нервничал.

На четвертый день Стэн проснулся и обнаружил, что Эстрелла разглядывает его. Она сидела на неудобном сиденье пилота хичи и, казалось, провела в таком положении много времени.

— Привет? — сказал он с вопросительным знаком в конце.

Еще несколько мгновений она задумчиво смотрела на него, потом вздохнула. Сказала:

— Прошу прощения. — И снова исчезла.

А когда спустя довольно много времени снова появилась, оказалось, что время она потратила на то, чтобы привести в порядок свою внешность. Она вымыла волосы и, еще влажные, расчесала их. На ней были свежие шорты и футболка. Эстрелла снова бросила на Стэна долгий необъяснимый взгляд.

Потом сказала:

— Стэн. Я хочу тебе кое-что сказать. Мы проведем вместе очень много времени. Думаю, будет лучше, если между нами не будет напряжения. Хочешь заняться со мной любовью?

Пораженный, Стэн ответил первое, что пришло ему в голову. А именно:

— Я никогда не занимался любовью с девственницей.

Она невесело рассмеялась.

— Это не проблема, Стэн. Я больше не девственница. Как, по-твоему, я попала в этот полет?

Предыдущий сексуальный опыт — когда Стэн с огромным трудом накопил денег на самую дешевую девушку из борделя мистера Оздена — не научил его искусству любви. Эстрелла знала об этом не больше него, но неопытность оказалась не единственной проблемой. Корабль хичи не приспособлен для занятий любовью. В первый же раз, как только он попробовал проникнуть в нее, они оторвались от петель и поплыли.

Но экспериментирование само по себе было приятно, и наконец они выработали наилучший способ: он проникал в нее сзади, Эстрелла обвивала его ноги своими ногами, а он в это время держал ее за талию обеими руками. Тогда все произошло очень быстро.

Потом, по-прежнему обнаженные, они прижимались друг к другу, обхватив руками, и молчали. Стэн обнаружил, что ему очень хорошо. Щекой он прижимался к ее уху, а носом — к все еще влажным и пахнущим потом волосам. Немного погодя, не отодвигаясь, она спросила:

— Мы будем друзьями, Стэн?

— О да! — ответил он. И они действительно стали друзьями.

Теперь, когда они стали друзьями, особенно совокупляющимися друзьями, переполненный пятиместник больше не казался им тесным. Они часто прикасались друг к другу: любовное похлопывание, случайные касания, когда проходишь мимо, быстрые поцелуи, поглаживание, которое обычно переходило в новое совокупление. Казалось, Эстрелле это нравится. Стэну очень нравилось.

И они много разговаривали. О том, каково будет в ядре. О хичи, которые могут там находиться (а могут и не находиться). О том, каково будет вернуться и получить невероятно огромную премию — ведь они будут первыми людьми, посетившими хичи.

— Это будут миллиарды! — восхищался Стэн. — Достаточно, чтобы купить имение на морском берегу, как у Ро-

бинетта Броудхеда, со слугами, достаточно для хорошей жизни — и у нас будет еще много времени, чтобы наслаждаться ею, потому что у нас будет Полная медицина.

— Полная медицина, — прошептала Эстрелла, разделяя его мечту.

— Абсолютно! Мы не будем старыми в сорок лет и мертвыми в пятьдесят пять. Мы будем жить очень-очень долго и, — он глотнул, сознавая, что делает важное признание, — мы будем жить вместе, Эстрелла. — Что, естественно, привело к новым нежным поцелуям и к совсем не такому нежному сексу.

У них нашлось о чем поговорить, включая страницы предыдущей жизни, пропущенные в прежних кратких рассказах. Когда Стэн рассказывал о смерти матери и о том, что эта смерть сделала с его отцом, Эстрелла взяла его руку и поцеловала. Ее очень заинтересовал его рассказ о жизни в Стамбуле и особенно о самом городе — о столетиях могучего христианского города Константинополя, о крестоносцах, разграбивших город, о Юстиниане и Теодоре и... конечно, о византийском дворе и Византии. Все это зачаровывало ее. Она ничего не знала ни о Византийской империи, ни о Риме с его императорами, завоеваниями и столетиями мирового господства. Для нее все это было захватывающими древними мифами и легендами, особенно интересными, потому что они были истинными. Насколько позволяла память Стэна.

А Стэн, разумеется, еще меньше знал о туземных жителях Америки, до их завоевания белым человеком и после этого завоевания. Это была совсем не школьная история Америки или история в рассказах отца. У ее племени — с материнской стороны, рассказывала Эстрелла — была собственная история. В прошлом индейцы даже строили грандиозные города, как Мачу Пикчу и величественные сооружения майя на юге или загадочные строения анасази. Но, продолжала она одновременно гордо и печально, так продолжалось только до появления европейцев, которые отбирали у индейцев не только земли, но часто и жизнь, оттесняли их в резервации на самых неплодородных землях; последовали бесконечные повторяющиеся сражения и окончательное поражение.

— Осталось не очень много, Стэн, — сказала она. — И единственное хорошее, что из этого вышло — но ведь на самом деле это не очень хорошо? — большинство янки сейчас так же бедны, как мы.

Это напомнило Стэну одну неразрешенную загадку.

— Но ведь ты не была так бедна? Я имею в виду лично. Когда произошел этот твой... несчастный случай. Я хочу сказать, что если бы такое произошло с Таном или с любым другим моим знакомым, никаких выплат бы не было. И уж никак нельзя было бы полететь на Врата. У тебя была Полная медицина или что-то в этом роде?

Она удивленно рассмеялась.

— У нас вообще не было медицины. Зато у меня был брат. — И она рассказала: всем известно, что брат убил бы того пистолеро. А муж сестры пистолеро работал бухгалтером бойни. И подправил книги, чтобы она получила выплату. Тем самым он спас бестолковую жизнь своему шурину. — Предполагалось, что это посмертная выплата, но я их всех перехитрила. Я выжила. А когда настолько оправилась, что могла путешествовать, взяла остаток денег и с их помощью попала на Врата.

Рассказывала она так печально, что Стэн не мог не поцеловать ее, а это вскоре привело к очень приятным занятиям любовью. А почему бы и нет? В конце концов, у них ведь нечто вроде свадебного путешествия, не правда ли?

Проходили дни, десять, двенадцать, двадцать. Они спали в объятиях друг друга и никогда не уставали от этого. Конечно, тело немного затекало. Но одноместные гамаки были сконструированы таким образом, чтобы вместить и рослого мускулистого масая, и тучного бенгальца, поэтому тощий Стэн и стройная Эстрелла вполне помещались в один из них и даже могли заниматься любовью. Иногда они вместе играли что-нибудь музыкальное — странное сочетание звуков, извлекаемых Стэном из трубы и Эстреллой — из флейты, которую она достала из сумки. Часто разговаривали. Иногда играли в карты или просто по-дружески молчали. А иногда Стэн проигрывал послание, предназначенное для хичи, — главную причину их присутствия в этом корабле, и, слушая, они гадали, какими могут быть эти хичи. Если они существуют в действительности.

Послание было торопливо составлено бог знает кем — несомненно, какими-то умниками из Корпорации, а Робинетт Броудхед при этом заглядывал им через плечо. Никакого текста в послании не было. Не имело смысла, поскольку хичи

все равно не знают ни одного земного языка. Звуковое послание было музыкальным: вначале полностью мрачная «Патетическая» симфония Чайковского, затем, чтобы показать разнообразие музыкальных вкусов человечества, игривая «Классическая симфония» Прокофьева.

Но в основном послание состояло из изображений. Пустые туннели хичи на Венере. Почти такие же пустые коридоры на Вратах, когда люди там появились впервые. Группа старателей, опасливо забирающихся в пятиместник. Еще одна группа — выходит после путешествия из трехместника, неся молитвенные веера и другие вещи хичи. Изображение колеса Галактики, вид сверху, со стрелкой, указывающей положение Земли в рукаве Ориона. Медленно вращающийся земной шар. Картины человеческих городов: Нью-Йорк, Токио, Лондон, Рим. Изображения людей за различными занятиями: люди пишут пейзажи, управляют трактором, смотрят в телескоп, в масках окружают постель роженицы, из которой на свет появляется новый ребенок. Потом то, чего ни Эстрелла, ни Стэн никогда не видели раньше. Серия снимков огромного плывущего в пространстве объекта, просторное веретенообразное помещение, стены из голубого металла хичи, посредине гигантский механизм на гусеницах. «Это Пищевая фабрика и та другая штука», — догадалась Эстрелла. Потом коридоры, а в них — у обоих перехватило дыхание — странные волосатые существа, похожие на людей. Должно быть, первобытные человекообразные, открытые Броудхедом. И, наконец, снова изображение Галактики — и с крошечным рисунком пятиместника хичи, который медленно движется от рукава Ориона к ядру. Наверно, это их корабль.

Когда все закончилось — в четвертый или пятый раз, Стэн задумчиво потер место, где недавно у него росли усы: Эстрелла заставила его их сбрить. Они смотрели, обнявшись. Он зевнул, отчего она тоже зевнула: обоим хотелось спать. Эстрелла слегка передвинулась, занимая более удобное положение, но не отдаляясь, и увидела, что Стэн смотрит на груды припасов.

— В чем дело, Стэн? — спросила Эстрелла.

Он задумчиво ответил:

— Похоже, полет будет долгим. Не знаю, бывал ли кто-нибудь так далеко.

Она попыталась его успокоить.

— Иногда полеты на небольшое расстояние занимают много времени, а иногда наоборот. С кораблями хичи никогда нельзя быть уверенным.

— Наверное, — ответил он, поворачивая голову и целуя ее так, как ей нравилось. Она довольно поерзала и протянула губы, а это гораздо лучше любых уверений.

Ибо Стэн был счастлив с Эстреллой. Он сонно думал об этом. До этой минуты он никогда в жизни не был счастливей. Зачем тревожиться, сколько времени займет путь, если ему хочется, чтобы путь никогда не кончался. И если полет продлится действительно долго, Стэн не расстроится.

Однако получилось не так.

Однажды, когда поцелуи уже перешли в ласки, но дело еще не дошло до раздевания друг друга, полет кончился и кончился очень неожиданно.

Спираль не сделала никакого предупреждения. Предупредил другой прибор, тот самый приземистый купол, цель которого оставалась неясной. Он начал гудеть и светиться, потом рычать, потом испустил высокий звук. Постепенно звук стал настолько высоким, что перестал восприниматься. Свечение все усиливалось. И тут ожила спираль, она засветилась настолько ярко, что ее белое сияние резало глаз, завертелись ярко-красные и хромово-желтые полоски. Приборы дрожали. А может, дрожал весь корабль. Стэн не мог сказать, потому что он дрожал сам, и это испугало его, как никогда в жизни. Сонливость сразу прошла. Они с Эстреллой вцепились друг в друга...

И тут без всякого предупреждения все прекратилось.

Эстрелла высвободилась и включила приборы для осмотра наружного пространства. За ними все затянуто светло-голубой дымкой. А перед ними — небо, полное невероятных звезд. Звезд так много, они такие яркие. А совсем рядом — огромный металлический додекаэдр, двенадцать симметричных сторон, и в середине каждой небольшое углубление. Корабль с головокружительной скоростью направился к одному из таких углублений и вошел в него. И прежде чем Стэн и Эстрелла смогли пошевелиться, люк открыли снаружи.

На них смотрело существо, похожее на волосатый оживший скелет.

— Мне кажется, это хичи, — прошептала Эстрелла.

Конечно, так оно и было. Так начался самый длинный, невероятно длинный день в жизни Стэна.

X

Ничто за семнадцать лет жизни Стэна не научило его, как приветствовать чужака с другой планеты. Поэтому он ухватился за воспоминания о детском чтении. Приподняв руки над головой, он торжественно произнес:

— Мы пришли с миром.

В старой фантастике это срабатывало. В реальности нет. Хичи в явной панике отступил. Из его странной формы рта донесся низкий гулкий звук, потом хичи повернулся и убежал.

— Черт, — в отчаянии сказал Стэн, глядя ему вслед. Эстрелла схватила его за руку.

— Мы его испугали, — сказала она.

— Еще бы. Я сам испугался до чертиков!

— Да, но мы должны были показать, что настроены дружественно. Может, начать проигрывать послание?

Неплохая мысль. У Стэна по крайней мере лучшей не было, но когда они собирались запустить послание, хичи вернулся. На этот раз он привел с собой всех своих друзей. С полдесятка существ, одетых в халаты со странными предметами в форме стручка, висящими между ног, — самого большого размера держатель для пениса? Какая-то опора? Стэн не мог угадать. Существа возбужденно болтали друг с другом, не теряя времени. Одно из них отвело руку Эстреллы от проигрывателя, пара других схватила Стэна. Существа оказались поразительно сильными. Они были вооружены — по-своему. У них были различные ножи — из ярко-голубого или золотого металла, некоторые в форме скальпелей, и все выглядят очень грозно. Особенно когда один из них поднес острие к правому глазу Стэна, словно собираясь вырвать глаз, и потащил к выходу.

— Не сопротивляйся! — крикнула Эстрелла, которую потащили в том же направлении.

Стэн не сопротивлялся. Он позволил втащить себя в просторное помещение — стены из голубого металла с красными прожилками, разбросанные вокруг непонятные машины и странная мебель. Перешагивая через порог, Стэн споткнулся: неожиданное возвращение тяжести застало его врасплох;

они снова оказались в поле тяготения, не таком сильном, как земное, может быть, но достаточном, чтобы едва не упасть на пленителя. Стэн едва успел отвернуть глаз от острия. Хичи с ножом предупреждающе крикнул, но Стэн не собирался доставлять ему неприятности. Даже когда их с Эстреллой подтащили к стене и приковали с распростертыми руками к чему-то вроде настенной вешалки. Или статуи. Или чего угодно, достаточно прочного, чтобы удержать их.

Суматоха все усиливалась. Появлялось много новых хичи, и все они возбужденно болтали. Одна группа исчезла в пятиместнике, другие своими острыми ножами принялись срезать с пленников одежду.

— Какого дьявола вы делаете? — закричал Стэн, но хичи не пытались его понять. И не переставали делать то, что делали. Каждый срезанный кусок, вплоть до белья, тут же внимательно осматривался и обнюхивался, потом его уносили для дальнейшего изучения.

В середине этого процесса Эстрелла неожиданно закричала: нож задел ее кожу на бедре. Хичи, работавший этим ножом, от удивления отскочил.

— Осторожней с ней! — закричал Стэн, но на него даже не оглянулись. Тот, который был с ножом, выкрикнул приказание; другой принес небольшую металлическую чашку и собрал в нее кровь из пореза.

— Как ты? — крикнул Стэн. Страх неожиданно сменился тревогой и гневом.

— Всего лишь царапина, — ответила Эстрелла, а потом с несчастным видом добавила: — Но мне нужно пописать.

Но сообщить об этой потребности пленителям не было никакой возможности. Даже если бы их интересовали нужды пленников; по-видимому, эти нужды их совсем не интересовали. Все больше хичи набивалось в помещение, они безостановочно разговаривали друг с другом. Когда появилось существо в более нарядной одежде, шелковистой, с золотыми полосками, на мгновение все смолкли, потом снова одновременно заговорили. У пришедшего был взъерошенный вид: такой бывает у человека, когда его неожиданно разбудили и сообщили плохую новость. Несколько мгновений он слушал, потом жестом велел всем замолчать. Потом произнес что-то похожее на приказ, поднес к узким губам свою костяную

руку скелета и заговорил в предмет, напоминающий большой перстень.

Теперь хичи начали выносить из пятиместника разные предметы: запасную одежду, пакеты с едой и — очень осторожно и почтительно — трубу Стэна. Когда трубу показали тому, с микрофоном в кольце, снова начались возбужденные толки. Тот на мгновение задумался, потом отдал новый приказ. Подбежал другой хичи с предметом, напоминающим стетоскоп, коснулся им трубы, прослушал со всех сторон и доложил начальнику о результатах.

Мгновение спустя из глубины пятиместника послышался возбужденный писк, и Стэн услышал начальные аккорды Шестой симфонии Чайковского.

— Слушай, Стэн, они включили послание! — радостно воскликнула Эстрелла. — Может, все еще будет хорошо!

Но хорошо не стало. Лучше не становилось. Если хичи что-нибудь и поняли в послании, что казалось маловероятным, это их не успокоило.

Стэн не знал, сколько времени они провисели распятыми, подвергаясь всевозможным осмотрам и исследованиям. Казалось, очень долго. Он боялся за себя, но еще больше тревожился за Эстреллу. Время от времени пытался ее успокоить. Она бодро отвечала:

— Все образуется, Стэн. — И потом совсем другим тоном: — О, будь все проклято!

Стэн видел, в чем ее затруднение. Хотя Эстрелла пыталась из всех сил сжимать колени, ее мочевой пузырь не выдержал. Вниз по ногам потекла моча. Она вызвала новый приступ возбуждения у хичи, и один из них подбежал с новой чашкой и собрал несколько капель для изучения.

И тут Стэн страшно рассердился, его рассердили страдания и смущение его возлюбленной, рассердили эти бессовестные бессердечные хичи, которые вызвали эти страдания; и так кончился первый час этого невероятно долгого-долгого дня Стэна.

И тут по совершенно непонятной для Стэна причине положение начало улучшаться. И улучшалось оно очень быстро.

Хичи в золотой одежде ушел по своим делам, которыми занимаются боссы хичи. Потом вернулся, важно отдуваясь и отдавая по всем направлениям приказы. Когда он подошел к

пленникам, Стэн и Эстрелла напряглись, ожидая новых испытаний. Но этого не произошло. Хичи протянул длинную костлявую руку с широко расставленными плоскими пальцами и потрепал Эстреллу по щеке.

Неужели какой-то успокоительный жест? По-видимому, так и есть. Стэн увидел, что остальные начинают снимать цепи, а босс тем временем продолжал успокаивающе говорить. Но Стэн не слушал. Слегка пошатываясь — цепи нарушили кровообращение, да и вес оказался меньше привычного, — он пошел к Эстрелле. Обнаженные, они обнялись, а хичи молча и благожелательно смотрели на них.

— Что теперь? — спросил Стэн в пространство. Он не ожидал получить ответ. И не получил, если не считать ответом того, что произошло следом. К ним подошли несколько хичи с обрывками их одежды, словно извиняясь или объясняя. Потом принесли груду одежды хичи и знаками показали, что они могут ее надеть.

Одежда совсем не подходила. Человек спереди гораздо шире скелетоподобного хичи. Тем не менее, прикрыв наготу перед этими существами, Стэн почувствовал себя лучше.

Однако он по-прежнему не понимал, что происходит. Не потому, что хичи не старались объяснить. Они говорили, жестикулировали, всячески пытались дать понять, но без общего языка ничего не могли добиться.

— По крайней мере мы больше не связаны, как рождественский поросенок, — с надеждой сказала Эстрелла, держа Стэна за руку. И правда. Им позволили свободно расхаживать по помещению, а деловитые хичи, бегущие по своим делам, уступали им дорогу.

— Интересно, позволят ли нам вернуться в корабль, — сказал Стэн, заглядывая внутрь. Группа хичи снова проигрывала послание, держа предмет, который мог быть и записывающим устройством. Один из хичи одобрительно похлопал стоящего у входа Стэна по плечу.

Стэн принял это за разрешение.

— Попробую, — сказал он и двинулся первым. Никто им не помешал, но Эстрелла ахнула, увидев, что сделали с их пятиместником. Большинство подвижных предметов было вынесено, и несколько хичи разглядывали удобства в голове корабля.

Эстрелла пришла в себя.

— Убирайтесь! — закричала она, размахивая руками, чтобы показать, что она имеет в виду. Хичи несколько мгновений совещались, потом послушались.

Ну, это совсем другое дело. Туалет был частично разобран, но все еще работал. Став немного чище, чувствуя себя гораздо увереннее, Стэн и Эстрелла занялись другими своими нуждами: они проголодались. Использовать приспособления для приготовления еды оказалось невозможно — от них почти ничего не осталось, но среди того, что не успели вынести из корабля, отыскался пакет с печеньем, которое можно есть сразу, и вода. За каждым их движением одобрительно и с интересом наблюдали хичи.

Потом подошел босс, неся предмет, похожий на переносной видеоэкран. Один из хичи к чему-то прикоснулся, и на экране появилось изображение.

Они увидели хичи, который что-то возбужденно говорил — хотя людям, разумеется, его слова были совершенно непонятны. За ним виднелась внутренность корабля хичи, но такого корабля Стэн никогда не видел. Корабль гораздо больше пятиместника, и единственный знакомый прибор в нем — тот куполообразный объект, который позволил им попасть в ядро.

Но тут хичи на экране сделал жест. Изображение расширилось, и они увидели еще кое-что знакомое.

— Боже! — прошептала Эстрелла. — Да ведь это Робинетт Броудхед!

Это действительно был Броудхед. Он широко улыбался, обмениваясь с хичи на экране рукопожатием. Хичи неуклюже пожимал протянутую руку.

Рядом со Стэном босс с энтузиазмом хлопал его по плечу расплющенной рукой. Казалось, это жест извинения, и после некоторого колебания Стэн на него ответил. Плечо хичи было теплым, но костлявым, а сам хичи, казалось, улыбается.

— Что ж, — удивленно сказала Эстрелла, — похоже, мы здесь снова все друзья. — Так закончился второй час этого длиннейшего из всех дней.

Хорошо иметь друзей, еще лучше иметь возможность есть, пить и облегчаться, но лучше всего чувствовать себя свободным. На самом деле Стэну очень хотелось немного поспать, но, по-видимому, сейчас это совершенно невозможно. Хичи

продолжали попытки объясниться с ними с помощью языка знаков, они по-прежнему не понимали. Когда босс принес трубу Стэна, Стэн понял, о чем его спрашивают.

— Это труба, — сообщил он. Повторил несколько раз, притрагиваясь к инструменту, потом сдался. — Давайте я вам покажу. — И выдул гамму, а потом несколько тактов из блюза «Сент-Луис» в версии Кэба Кэллоуэя. Все хичи отскочили, потом стали делать жесты, умоляя его больше не играть.

Стэн не стал настаивать.

— Мы устали, — сказал он, закрыл глаза и положил голову на сложенные руки. — Спать. Мы должны отдохнуть.

Теперь решила действовать Эстрелла. Поманив ближайшего хичи, она отвела его к входу в корабль, указала на гамаки для сна, теперь лишенные спальных мешков. После некоторого обсуждения хичи как будто уловили смысл. Они толпой ушли, а босс поманил Стэна и Эстреллу за собой. Они вышли из большого помещения — единственного, что пока увидели из всего мира хичи, — и прошли по короткому коридору. Стэн заметил, что стены коридора из знакомого металла хичи, но не голубые, а розовые. Остановились у входа в комнату. Ожидавший хичи показал им остатки их спальных мешков, затем показал внутрь. Там на полу лежали две груды чего-то. Постели? Очевидно. Хичи закрыл за ними дверь, и Эстрелла немедленно растянулась на одной из груд. Стэн последовал ее примеру. Похоже не на кровать, а на то, будто ложишься на груду сухой листвы. Но довольно удобно, а лучше всего то, что поверхность плоская и горизонтальная, и никто поблизости не болтает.

Стэн благодарно вытянулся и закрыл глаза...

Но только на мгновение.

Почти сразу он проснулся, потому что дверь снова открылась. Босс хичи что-то возбужденно болтал и настойчиво манил за собой.

— Дьявольщина, — выругался Стэн. Все здесь происходит слишком быстро. Тем не менее они оба встали и последовали за хичи. На этот раз идти пришлось дольше — сначала по розовому коридору, потом по золотому. Остановились в помещении, таком же, как то, в котором оказались с самого начала. Здесь болтали и возбужденно показывали на шлюз с полдюжины хичи.

— Кажется, они сообщают нам, что приближается корабль, — сказала Эстрелла.

— Отлично, — проворчал Стэн. — Но лучше дали бы нам еще немного поспать.

Долго ждать не пришлось. За дверью послышался слабый звук прикосновения металла к металлу. Один из хичи, наблюдавший за тем, как менялись цвета на чем-то возле двери, немного подождал, потом открыл дверь. Вошли двое хичи, возбужденно говоря что-то встречающим. А за ними — два человека.

Люди! Они тоже говорили, но говорили с хичи. На языке хичи. И тут один из этих двоих заметил Стэна и Эстреллу. Глаза его широко распахнулись.

— Боже! — недоверчиво воскликнул он. — А вы кто такие?

Самого этого человека звали Лон Альварес, он был одним из личных помощников Робинетта Броудхеда, и как только Стэн и Эстрелла назвали себя, он щелкнул пальцами.

— Конечно, ребята, которые улетели с Врат сразу после открытия. Полагаю, все считают вас мертвыми.

— Что ж, мы не мертвые, — ответила Эстрелла. — Только смертельно уставшие.

Но Стэн неожиданно почувствовал себя виноватым. Все считают их мертвыми? И Тану и Наслан тоже сказали, что они мертвы?

— А нельзя ли как-то связаться с Вратами? Если такая возможность есть, я бы сразу отправил письмо.

Удивившись, Лон Альварес с сомнением взглянул на Стэна.

— Кому письмо?

— Администрации Врат, конечно, — выпалил Стэн. — Там ведь ждут от нас сообщений.

Альварес посмотрел на хичи, потом снова на Стэна.

— Не думаю, что они ждут, мистер Эвери. Вы разве не знаете, что находитесь в черной дыре?

— В черной дыре? — Стэн смотрел на него, ничего не понимая. Эстрелла рядом с ним ахнула.

— Совершенно верно. Это и есть ядро. Большая черная дыра, в которой очень давно скрылись хичи, а внутри черной дыры время замедляется. — Он взглянул на Стэна, чтобы проверить, понимает ли тот, но смущенный взгляд Стэна

не очень его порадовал. Альварес вздохнул. — Это значит, что в черной дыре все происходит гораздо медленней. В этой дыре время замедляется в отношении сорок тысяч к одному, так что пока вы находились здесь, снаружи его прошло очень много. Сколько? Ну, когда мы улетали, прошло... дайте подумать... одиннадцать лет.

XI

Когда Стэн и Эстрелла больше не могли выдерживать, они забрались в странные постели хичи. Не разговаривали: были слишком испуганы, да к тому же поговорить нужно было о многом, но подходящего места для этого не было.

Эстрелла уснула сразу, но Стэн не мог спать. Голова его была слишком полна арифметики, и результаты его пугали. Этот человек сказал: сорок тысяч к одному. Но это означает, что каждая минута, проведенная здесь, у хичи, это месяц во внешнем мире. Час — пять лет! День — больше века, а неделя...

Но дальше сопротивляться усталости было невозможно. Стэн погрузился в тревожный, но недолгий сон. И во сне его преследовали кошмары. Однако когда он проснулся и протянул руку к постели Эстреллы, постель оказалась пуста. Эстреллы не было.

Стэн встал и отправился на поиски. Ему срочно нужно было найти ее. Еще более срочно вдвоем вернуться в свой пятиместник, если он все еще действует после того, что проделали с ним хичи, и лететь домой... прежде чем умрут все, кого он знал.

В коридоре Эстреллы не было, хотя откуда-то доносились голоса, много голосов. Не было ее и в том помещении, где они раньше находились, хотя там было множество хичи, чрезвычайно занятых. Впрочем Стэн не мог бы сказать, чем они заняты. Один из хичи сжалился над ним. Оживленно щебеча, постоянно хлопая Стэна по плечу, он отвел его в другое помещение. Оно оказалось самым большим и самым заполненным, и потоки хичи двигались в шлюз, заходя в корабль, и из шлюза, выходя из корабля. Хичи подвел Стэна к входу и слегка подтолкнул.

Такого огромного корабля Стэн никогда не видел, и этот корабль был полон хичи и людьми. Когда один из людей

поднял голову, Стэн понял, что это Эстрелла. И она разговаривала — по-настоящему разговаривала — с хичи. Она поманила Стэна и протянула ему сосуд с чем-то коричневым.

— Это кофе, Стэн, — довольно сказала она. — На этом корабле с иммигрантами большая кухня. Хочешь?

— Конечно, — ответил Стэн, уставившись на хичи. На этом существе нелепо выглядели техасское сомбреро, свитер с надписью «Добро пожаловать в Хьюстон» и нечто похожее на ковбойские сапоги. Хичи дружелюбно протянул руку.

— Рад снова вас видеть, мистер Эвери, — сказал он — по-английски! — Вы меня не помните? Я Привратник. Когда вы с мисс Панкорбо прибыли, я отвечал за все шлюзы. — И гордо добавил: — Я был в первой группе, отправившейся наружу, как только мы поняли, что происходит.

— Здравствуйте, — слабым голосом ответил Стэн. — Вы... гм... вы очень хорошо говорите по-английски.

Привратник пренебрежительно махнул костлявой рукой.

— Я провел на вашей планете четыре года, поэтому у меня было достаточно времени, чтобы изучить язык. А когда отправлялся корабль с иммигрантами, я на нем вернулся домой. — Кто-то заговорил с ним на языке хичи. Привратник кратко ответил, потом вздохнул. — Пора вернуться к работе. Так много новых людей! Мой помощник задыхается. К тому же мне не терпится увидеться с семьей. Для меня прошло много времени... хотя они даже не знают, что я улетал!

XII

Когда Стэн впоследствии старался вспомнить этот длинный, сорок-тысяч-дней-в-одном, день, его события и открытия начинали метаться в сознании, как сердитые пчелы, когда нападают на их улей. Сюрпризов было слишком много, и они были слишком велики. Новый корабль был построен людьми, хотя и с использованием технологии хичи. Люди на нем — это иммигранты, они прилетели в ядро на несколько дней или недель (или столетий!), а сам корабль тут же вернется за новой партией. Дверь — огромный плавучий шлюз, в котором сами Стэн и Эстрелла оказались в самом начале — теперь кишела людьми с предыдущих кораблей. Эти люди ожидали переправки на одну из планет хичи, открытых для колонизации. Названия планет время от времени появля-

лись на дисплее. Среди людей были влиятельные личности, представители Корпорации «Врата» и разных земных государств; они прилетели открывать человеческие посольства у хичи. Но были и простые люди, которым не нравилась жизнь на Земле; они ухватились за возможность начать новую жизнь в ядре.

— Как мы с тобой, Стэн, — сказала ему Эстрелла, когда он пытался с большим трудом все это усвоить. — Как все, кто прилетал на Врата, а теперь то, что им нужно, они хотят получить здесь. Хичи очень хотят встретиться с нами, Стэн. Здесь каждый человек будет жить как король. — А потом обеспокоенно добавила: — Пей кофе, милый. Думаю, они что-то в него добавили, чтобы разбудить нас. Тебе это необходимо.

Так оно и оказалось. Когда Стэн выпил вторую порцию кофе, усталость его исчезла, сознание прояснилось.

— Что значит — жить как король? — спросил он.

— То, что я сказала, Стэн, — терпеливо ответила Эстрелла — ну, не совсем терпеливо: она была возбуждена, глаза ее горели, Стэн никогда не видел ее такой. — Они нам рады, Стэн. Они хотят все узнать о человечестве. Их зачаровывает сама мысль о том, что у нас есть разные страны и культуры. Когда я рассказала Привратнику о том, как пасут бизонов, он умолял меня прилететь на его планету и рассказывать об этом — похоже, когда он был на Земле, ему об этом не говорили. Он говорит, что нам дадут дом, замечательный дом, и... и думаю, они ничего не знают о Стамбуле и вообще об истории человечества и с удовольствием послушают тебя...

Но Стэн покачал головой.

— У нас нет на это времени, — заявил он.

Эстрелла замолчала и уставилась на него из-под своего свисающего века.

— Почему? — спросила она, неожиданно отрезвев.

— Потому что мы полетим на возвращающемся корабле, Эстрелла. Мы должны вернуться, пока мы еще новость для всех — первые люди, вернувшиеся из ядра. Представляешь себе, сколько это стоит? Не только премия — ручаюсь, она огромная, — но мы ведь будем прославлены! И богаты. Полная медицина и все такое! — Он иссяк и всматривался в лицо Эстреллы, пытаясь разгадать его выражение. — Разве ты не понимаешь, что мы упускаем, Эстрелла?

Она задумчиво сказала:

— Полная медицина. Долгая богатая жизнь.

Он энергично кивнул.

— Точно! А время нас торопит. Нужно возвращаться!

Эстрелла взяла его руку и прижала к своей щеке. И просто спросила:

— Зачем?

Он, мигая, смотрел на нее.

— Что значит зачем?

— Но, Стэн, — рассудительно сказала она, — к чему нам торопиться? Зачем возвращаться за тем, что мы можем получить здесь?

— Наши друзья... — начал он, но она покачала головой. Поцеловала его руку, прежде чем выпустить ее, и заговорила:

— Ты знаешь, сколько времени прошло, дорогой? Наши друзья состарились, может, даже уже умерли. Ты ведь хотел жить долго-долго. Но вот сейчас мы это и делаем. — Она видела выражение его лица, ей стало жаль Стэна, и она обняла его. — К тому же, — продолжала она убедительно, — мы ведь летели так далеко. И раз уж оказались здесь, можем посмотреть, как все тут выглядит.

Стэн наконец обрел дар речи.

— Как долго?

— Не очень долго, если тебе так хочется. Неделю, две...

— Эстрелла! Это ведь будет... Тысячу лет или даже больше!

Она кивнула.

— А вот тогда, может, и стоит вернуться.

ГРЕГОРИ БЕНФОРД
СЕРИАЛ «ЦЕНТР ГАЛАКТИКИ»

«В океане ночи» (1977)
«Сквозь море солнц» (1984)
«Великая небесная река» (1987)
«Приливы» (1989)
«Бешеный залив» (1994)
«Путешествие сквозь сверкающую вечность» (1995)

Сериал состоит из шести романов, написанных в течение двадцати пяти лет. События, о которых в них рассказывается, охватывают период с 2000 года по 37 518 год — гигантский период! — и объединены общим фокусом — Центром нашей галактики, находящимся от нас в 28 000 световых лет, и действующими лицами, которые добираются туда, чтобы принять участие во всегалактических интригах.

Помимо этого, мне очень хотелось довести до читателя представление о невероятных масштабах времени и пространства, присущих нашей галактике. Мы всего лишь крохотные майские мошки, кружащиеся на фоне сцены, освещенной огнями звезд. Хорошая научная фантастика об этом не должна забывать.

Сюжет романа «В океане ночи», опубликованного в 1977 году, связан с открытием, что во всей галактике доминирует жизнь на компьютерной основе. Английский астронавт, работающий в программе НАСА — Найджел Уолмсли, — от-

---

«A Hunder for the Infinite». ©Abbenford Associates, 1999. ©Перевод. В.П. Ковальский и Н.П. Штуцер, 2001.

крывает, что «продвинутые счетные машины», как он их называет, унаследовали руины древних, естественно развивавшихся цивилизаций на Земле. До нас это дошло, когда были обнаружены обломки древнего космического корабля на Луне и когда блуждающая машина, принадлежащая древнему космическому сообществу, вторглась в Солнечную систему с целью ее изучения.

Роман «Сквозь море солнц» повествует о приключениях Уолмсли во время первой межзвездной экспедиции. Руководствуясь чувством чистого любопытства, люди стремятся узнать побольше о близлежащих звездных системах, где живут странные существа, обладающие загадочными свойствами. В частности, Уолмсли открывает, что «натуралы» — такие же органические существа, как и мы, — были уничтожены или изменены до неузнаваемости агрессивными машинными цивилизациями.

За время, которое длился этот полет, на Землю вторгаются существа, обитающие в океанической среде. Таков метод, с помощью которого машинные цивилизации разрушают продвинутые цивилизации «натуралов». Как только им становится известно о нашем существовании, они тут же решают сокрушить нас, подобно тому как они уничтожили других своих опасных соперников. Роман заканчивается тем, что незначительное число оставшихся в живых людей, включая Уолмсли, захватывают космический корабль. Они отправляются к Центру галактики, чтобы выяснить обстановку на месте.

В ядре нашей галактики, в нескольких световых годах от ее истинного центра, на каждый световой год приходится примерно по одному миллиону звезд. Вы только вообразите, что совсем рядом с вами горят несколько звезд, по яркости превосходящих Луну!

Еще хуже то, что главным средоточием интереса машинных цивилизаций является Центр галактики — губительные гамма-лучи, кипящие облака, невероятные энергетические процессы...

Действие романа «Великая небесная река» происходит на фоне этих необычных ландшафтов. Само название романа происходит от названия, данного древними племенами американских индейцев Млечному Пути. Центральным действующим лицом романа является человек по имени Кайлин. Вместе

с семейством Бишопов он бежит через руины брошенных городов, спасаясь от гибели. Определяющим элементом небесного свода является огромная Черная дыра — истинный Центр галактики, которую люди называют Пожирателем Всего Сущего, хотя и сами не знают, по какой причине.

Жуткий ландшафт символизирует то, что люди лишились покровительства Бога. Хотя экспедиция Уолмсли все же добралась до Центра галактики и даже успешно обосновалась там, создав свою довольно многочисленную цивилизацию, им не удалось избавить человечество от порабощения машинами. Их преследует таинственный мех — механизм — по имени Богомол, для которого люди — вид существ, обреченных на исчезновение, чья гибель неотвратима. Богомол хочет записать в своей памяти все, связанное с людьми, что кажется ему важным и интересным, обладателями чего являются еще оставшиеся немногочисленные человеческие сообщества. Еще никогда, с тех пор как люди поселились на гигантской космической станции «Канделябр», им не удавалось встать в равное положение с мехами.

Бишопы бегут в свой родной мир Сноуглейд в надежде найти там спасение и решить многочисленные загадки, касающиеся истинной природы мехов, живущих вблизи от Черной дыры. В четвертом романе «Приливы» они достигают другой планеты и заключают что-то вроде союза с другими видами органических существ, один из которых тоже находится под угрозой уничтожения безжалостными мехами. Здесь мы встречаемся и с другими видами мехов. Машины, которые воспроизводят себя, безусловно, должны пасть под воздействием законов естественного отбора, и им приходится узко специализироваться на использовании местных ресурсов. Они, по сути дела, повторяют всю биосферу: паразитов, хищников, дичь.

Бишопы рассчитывают справиться с ситуацией, пытаясь расшифровать загадочные послания от разума, заключенного в магнитных потоках, прорывающихся сквозь Центр галактики. Разум повествует им о каком-то месте, которое он называет Ведж*, где люди могут обрести надежное убежище и даже, возможно, найдут легендарную Галактическую Библиотеку, содержащую все сведения, касающиеся истории галактики.

* От англ. wedge — клин, призма. — *Примеч. пер.*

В пятом романе «Бешеный залив» мы оказываемся в огромном заливе, омывающем гигантскую Черную дыру, и обнаруживаем еще один «залив», разделяющий разумы, порожденные в разных областях. Наш — человеческий — разум связан с моралью и индивидуализмом. Эти черты присущи лишь органическим существам. В глазах других сознаний, не прошедших через фильтры Дарвиновских законов, они не имеют значения.

Если мы можем воспроизводить себя бесчисленное число раз, то к чему беспокоиться о судьбе какой-то отдельной копии? Какая цивилизация может возникнуть на базе подобных представлений? И что она будет думать о нас — «натуралах» — непрерывно совершающих ошибки, определяемые нашим биологическим предназначением?

Таким образом, в повествование постепенно вводится тема о взаимодействии между сознанием и «субстратом», о том, насколько велики различия между человеком и адаптирующимися машинами, и как это отражается на характере самих сознаний.

Со времени написания второго романа мы не встречались с Найджелом Уолмсли, хотя время от времени на страницах других романов нам попадались упоминания о том, что в давние годы он активно действовал где-то в области Центра галактики. Следы его истории попадаются то в описании руин, то в загадочных посланиях. Поиски и обретение «Веджа» снова рисуют нам людей, которые устояли в борьбе с мехами, уцелев в невероятно сложных переплетениях пространства-времени.

В «Путешествии сквозь сверкающую вечность», шестом романе, законченном в 1995 году, все главные действующие лица сводятся вместе. В «Ведже» они обнаруживают, что люди сами являются обладателями информации, о наличии которой они и не подозревали. Эта информация исключительно важна и может позволить остановить попытки мехов погубить органическую жизнь.

Прошло двадцать пять лет с того времени, как я написал «Океан ночи», и наше видение Центра галактики неузнаваемо изменилось. Некоторые главы, особенно двух первых книг, никак не соответствуют нашим современным представлениям. Да и в описаниях места действия немало ошибок.

Тема сериала решается в пользу человека как чего-то уникального и достойного спасения даже в той полностью враждебной ему галактике, которую я создал в своем воображении. Однако я подозреваю, что если органическая жизнь так глупа и так ранима, как это есть, видимо, на самом деле, то машины вполне могут унаследовать галактику и усядутся там, с удивлением и холодным безразличием глядя на нас.

В предлагаемом читателю дополнении к сериалу анализируется весьма важный вопрос, вставший перед людьми в самом начале периода их упадка, то есть примерно в 36 000 году. Кроме того, здесь рассматриваются некоторые аспекты ужасающих Богомолов, для которых в предыдущих романах не нашлось места.

Грегори Бенфорд

ТОСКА ПО БЕСКОНЕЧНОСТИ

Смерть вошла, переступая своими шестнадцатью конечностями. И если вообще возможно сохранить спокойствие, когда нечто угловатое и зловещее вытаскивает вас из вашего потайного убежища, причем это нечто ужасно шипастое и твердое, а его похожие на пушечные стволы лапы крепко сжимают ваше горло, то тогда Ахмихи был спокоен.

Он был Экзом* Ноевой Семблии** уже в течение нескольких десятилетий и знал этот закоулок «Канделябра» не хуже, чем язык знаком с зубами. Или, вернее сказать, как ветры знают мир, ибо «Канделябр» огромен и пустынен. Но эту штуковину из тусклого скользкого металла, которая сейчас опасно нависала над ним, он видел впервые в жизни.

Он чувствовал, что его поднимают, его крутят в воздухе. Жуткая, почему-то ему казалось — желтая, боль взорвалась в его сенсорике, в той пограничной электронно-телесной чувственной сфере, которая обволакивала все его существо. За этой цветной болью скрывалось настойчиво звенящее послание, только выраженное не словами, а каким-то образом имплантированное в его уплывающее представление об окружающем мире.

Я хочу «говорить»... передать линейное значение.

— Ладно, а ты... кто? — Он попытался говорить беспечно, но этого, пожалуй, не получилось. Его голос прервался сухим всхлипом.

---

* От англ. executive — руководитель, исполнитель. — *Примеч. пер.*

** От испорченного англ. assembly — общество, ассамблея. — *Примеч. пер.*

Я антологическое сознание. Я перегружаю свою голографическую речь в твою сенсорную систему.

— Чертовски мило с твоей стороны.

Похожая на пушечный ствол нога-лапа лениво крутанула его в воздухе, как будто он был каким-то украшением, болтающимся на подвеске. И он увидел — там внизу, на втором этаже — троих своих людей, валявшихся мертвыми прямо на полу. Ему пришлось сделать усилие, чтобы отвернуться от них и бросить взгляд на некогда гордую красоту, которая теперь превратилась в изувеченные полуразвалины. В этой части Цитадели очень ценились башенки, наружные галереи, золоченые ограды, железные гнутые решетки, к которым так подходила какая-то византийская тишина. Всему этому исполнилось уже свыше тысячи лет, все в свое время выращивалось в биотехнических плавильных печах — незапланированная красота, частенько созданная по ошибке. Битва, которая, как он видел, уже окончилась, была невероятно жестокой. Эллиптические струпья оранжевой ржавчины говорили о судьбе его людей, зажаренных прямо в постелях и размазанных по стенам. Белые груды расчлененных трупов громоздились в углах, создавая впечатление куч искусственного снега. Стена, игравшая роль телеэкрана, продолжала действовать, пытаясь развлечь тех, кто давно уже был мертв. Грубые сварные швы, обнажившиеся под недавними ударами снарядов вражеских катапульт, превращавших людей в кровавые обрубки, говорили о древних ремонтных работах.

Я остановил атаку. Вмешался, чтобы спасти тебя.

— Сколько моих людей осталось... в живых?

Я насчитал 453... нет, 452... один умер две ксены назад.

— Если ты их отпустишь...

Это будет твоя награда, если ты удовлетворишь мое желание поговорить с тобой. Больше того, ты тоже сможешь уйти с ними.

Ахмихи позволил слабой искре надежды разгореться.

Последняя атака мехов на «Канделябр» снесла все оборонительные сооружения. Его Ноева Семблия вела арьергардные бои, пока остальные Семьи пытались скрыться. Звуковые дезинтеграторы подавили оружие защитников «Канделябра», действовавшее на принципах кинетической энергии, а микротермиты накинулись на добычу и стали пожирать все и

вся. Другим Семблиям удалось скрыться. До сих пор только Ноева удерживала позиции, но теперь последний акт сыгран.

«Канделябр» был лакомым кусочком для мехов. Он вращался на орбите вблизи разрастающегося диска Черной дыры, где индукционные сети «Канделябра» перехватывали энергию падающих в дыру масс материи, с помощью которой можно было деформировать пространство-время.

В долгой войне людей и мехов чисто физические ресурсы стали поводом для многочисленных столкновений. Даже в далекие и славные дни, когда человечество достигло Центра галактики, построить радиант* — огромный «Канделябр» — так близко от губительных излучений и леденящих ливней элементарных частиц, рядом с Черной дырой, было предприятием невероятно сложным и рискованным. Но тогда человечество было юным, заносчивым и непокорным, оно только что завершило свой долгий-долгий перелет из Солнечной системы в Центр галактики.

Теперь же, когда эти славные дни давно миновали, Ахмихи ощущал себя лишь слабым подопытным кроликом, помещенным под изучающие взоры множества сканеров. Его собственная сенсорика сообщала ему, что в данный момент ее обрабатывают в лучах инфракрасного и микроволнового спектров. Будто чьи-то холодные пальцы проникали в церебральные слои. Он покорно ждал неминуемой смерти.

Хотел бы я показать тебе, как я работаю. Ну, гляди.

Что-то сжало сенсорику Ахмихи, как если бы человек стал ощупывать крохотную мышь, и он вдруг оказался на плоской широкой обсидиановой равнине, на которой были расставлены... существа.

Все они явно когда-то были людьми. Теперь же это были странные исковерканные сооружения, из которых торчали чудовищные члены, ветки деревьев, металлические штыри, куски живой плоти. Некоторые пели, будто ветер стучал листами жести. Загоготала чья-то оскаленная пасть с зелеными зубами, из куба потянулся вонючий пар, в судорожном ритме забилась кроваво-красная жидкость.

Сначала ему показалось, что перед ним статуя женщины. Но из ее разорванного рта со свистом вырвался вздох. Под полупрозрачной белой кожей запульсировали безумные черно-синие энергетические токи. Через тонкую, как бумага,

* Радиант (*физ.*) — источник тепла, света или другого излучения. — *Примеч. пер.*

кожу Ахмихи каким-то шестым чувством ощущал толстые волокна ее мускулов, кости, хрящи и желтые сухожилия, подобно ремням стягивающие это неуклюжее, дергающееся существо... а оно вдруг двинулось... пошло... Ее голова вращалась, потом наклонилась. Огромные розовые глаза настойчиво искали его. Чернильно-черная полоса между ног вдруг зажужжала и стала набухать, зажила своей какой-то жидкостной жизнью, резкий запах ее тела наполнил его ноздри, она призывно оскалилась...

— Нет! — Ахмихи рванулся изо всех сил и внезапно ощутил, что это место находится на колоссальном расстоянии от него. Он вернулся обратно, он, как и раньше, свисает с пушечной лапы.

— Что это было?

Дворец Человека. Выставка произведений искусства. Скромность требует, чтобы я добавил: все это мои ранние работы. Я надеюсь достичь гораздо большего. А ты — трудный медиум.

— Ты используешь... нас?

Я, к примеру, пытался в том произведении искусства, который ты видел, выразить чувство совокупления. В духовном мире людей я обнаружил определенную связь: очень часто пережитый страх затем индуцирует похоть, осуществляя тем самым определенную триггерную функцию. Страх вызывает у вас ощущение вашей смертности, а похоть как бы возвращает временное ощущение прочности и бессмертия.

Ахмихи знал, что этот Богомол относится к особому, высшему разряду мехов, гораздо более развитому, нежели те, с которыми приходилось иметь дело его Семблии. Для Богомола жизнь людей — множество фрагментов, складывающихся в кривую, которая ведет... куда? Поэтому себе Богомол представляется художником, изучающим человеческие траектории с точностью ученого баллистика.

Времени на размышления не было. Богомол охвачен холодной и бескровной страстью к своему извращенному искусству. Возьми это за исходную точку и используй.

Ты, как и другие, явившиеся сюда в составе самых первых сил, разделяешь важнейшее из всех ограничений: вы не можете перестраивать себя по собственному желанию. Правда, вам есть чем гордиться, ибо вы созданы на основе Первичных Законов, на которых покоится все Бытие. Но вы ре-

ализуете в аппаратном обеспечении то, что должно реализовываться в программном. Это крайне неблагоприятное наследие. Тем не менее оно является почвой для постижения эстетических истин.

— Если бы вы могли оставить нас в покое...

Без сомнения, тебе известно, что конкуренция из-за расходов в этой, самой богатой энергией области галактики, должна быть особенно... значительной. Мой вид тоже страдает от собственного непреодолимого стремления к выживанию, к пространственной экспансии.

— Если бы вы сунулись сюда в то время, когда «Канделябр» был полностью заряжен энергией, вы сейчас уже валялись бы тут, разорванные на мелкие кусочки!

Так глупо я бы вряд ли поступил. Да и в любом случае уничтожить антологическое сознание невозможно. Истинное физическое место обитания моего сознания дисперсно. Мои эстетические чувства, в то время как я пребываю вот в этом облике, все же в основном сосредоточены во Дворце Человека, который я построил во многих световых годах отсюда. Ты только что побывал там.

— Где? — Ему надо было удержать это неуклюжее существо из кремния и углеродистой стали в напряжении. А его люди в это время смогут ускользнуть...

Совсем рядом с Истинным Центром и его дисковидной машиной. Ты сможешь еще раз посетить его в должное время, если тебе повезет и я выберу тебя для сохранения.

— Как покойника?

Я нахожу вас — приматов — замечательными медиумами.

— А почему бы тебе не оставлять нас живыми, чтобы иметь возможность беседовать с нами?

Ахмихи тут же пожалел, что задал этот вопрос, так как Богомол немедленно заставил подняться один из трупов, валявшихся на полу нижней комнаты. Это была Леона — мать троих детей, воевавшая бок о бок с мужчинами. Теперь это был дрожащий костлявый труп, почерневший от оружия Сверлильщиков.

Я знаю, ты очень ненадежный медиум, тебе за это требуется плата. Я сумею заставить тебя служить передатчиком моих ощущений, хотя этот метод сопровождается утомительными звуками. Кроме того, ты почти наверняка погибнешь из-за него. Но если ты предпочитаешь...

Она качалась на своих сломанных ногах и, казалось, внимательно вглядывалась в лицо Ахмихи. Ее губы со свистом выдавливали отдельные слова, которые звучали без всякого выражения, будто внутри у нее работали кузнечные мехи, приводимые в движение кем-то посторонним.

— Я... ощущаю... себя... подключенной... медиум... сильно... ограничен... в передаче... новых... ощущений.

— Убей ее, ради Бога! — Ахмихи колотил кулаком по клешне, которая крепко удерживала его на весу.

— Я... мертва... как человек... но... я... осталась... медиумом.

Ахмихи отвернулся от Леоны.

— Неужели тебе не понятно, каково ей сейчас, какие муки она переносит?

Мой уровень не позволяет мне понимать боль, как тебе должно быть известно. В лучшем случае, мы ощущаем ее как противоречие во внутреннем состоянии, которое невозможно устранить.

— Тяжеленько тебе, должно быть, приходится!

Обращаясь с Леоной подобно тому, как чревовещатель обращается с куклой, Богомол заставлял ее выделывать курбеты, петь, плясать, выбивая каблуками чудовищную чечетку, причем сломанные кости ее ног прорывали кожу, покрытую высохшей коркой крови. Из пробитой грудной клетки сочилась какая-то жидкость.

— Черт бы тебя побрал! Лучше уж позабавься с моей сенсорикой! Отпусти ее!

Данный способ коммуникации — часть произведения искусства, которое я собираюсь создать. Черты ужаса, черты ненависти, поток электрических импульсов и биохимических реакций твоего мозга, выражающих чувство безнадежности или готовности к возмущению, — все это части артистично воспринятого мимолетного момента умирания.

— Извини, я, должно быть, не вник в глубину твоего замысла. Леона... Она действительно мертва?

— Да... эта... женщина... была... полностью... переписана... — Леона свистнула. — ...Я... с удовольствием... скосил... этот... колос...

— Но в этом виде... она ужасна!

Если говорить об этой частично оживленной форме, то я могу согласиться с тобой. Но при правильно выбранном

способе переработки могут, знаешь ли, выявиться скрытые элементы. Может быть, когда я займусь выбраковкой уже скошенных, я смогу добавить ее к своей коллекции. В ней явно могут открыться определенные тематические возможности.

Ахмихи потряс головой, чтобы хоть немного остудить ее. Его мышцы сводила судорога, уж больно долго его удерживали на весу, слишком уж долго он пребывал в состоянии странного, тошнотворного страха.

— Она не заслужила такое!

А я вот ощущаю, что в моих композициях, которые ты видел во Дворце Человека, чего-то недостает. Что ты о них скажешь?

Ахмихи с трудом подавил приступ смеха, а потом подумал, не начинается ли у него истерика.

— Так, значит, это были произведения искусства? И ты ждешь моих критических замечаний? Да еще сейчас?

Тяжелое дыхание Леоны:

— Я... чувствую... упустил... самое... важное... Красота... она... уходит... из моих... работ.

— Красота не относится к числу тех вещей, которые можно эксплуатировать.

— Даже... сквозь... маленькое... темное... окошко... твоей... сенсорики... ты что-то... ощущаешь... устройство мира... а я нет... Видимо, можно... получить преимущества... даже от таких... грубых ограничений.

Куда же он гнет? Что там мерещится впереди?

— Так в чем все-таки проблема?

— Я чувствую... гораздо больше... но не могу... разделить... с тобой... твои фильтры...

— Может, ты знаешь слишком много?

Ахмихи подумал, а не броситься ли ему на Леону, чтобы разом покончить со всем этим. Ни один человек-техник не мог бы спасти разум мертвого человека, «скошенного» механами человека... Но зачем механам нужны сознания людей? Это никому не известно. До сих пор, конечно. Ахмихи слышал немало легенд о Богомолах, об их интересе к людям, но о Дворце Человека ему слышать не доводилось.

— Я... проникал в нервные системы... я направлял их... к безумию... к самоубийству... — Леону схватила судорога, она скорчилась и рухнула навзничь. Глаза слепо уставились в пото-

лок, потом перешли на Ахмихи. — ...Не целое полотно... но чего-то... не хватает...

Ахмихи попробовал дотянуться до верхней балки, но из этого ничего не получилось. Фосфоресцирующий свет «Канделябра» померк, Леона терялась в тени. Невероятно страдая, она все же поднялась на ноги.

— Я пытался... так трудно... вы эфемериды... невозможно понять.

Ахмихи изо всех сил старался понять.

— Слушай... а может быть, тебе стоило бы стать одним из нас?

В первый раз за все время этого безумного разговора Богомол удивленно замолк. Он позволил Леоне свернуться на полу в клубок — тряпичная кукла, небрежно отброшенная в сторону.

Полезное соображение. Обрубить часть себя, заключить в узкий круг, без возможности убежать из него. Да!

Ахмихи ощутил внезапное давление, будто каменная стена с грохотом обрушилась на его сенсорику. Не было ни малейшей надежды прожить еще хотя бы несколько мгновений, и сухой холод этой мысли наполнил его душу отчаянием.

СКОШЕННЫЕ КОЛОСЬЯ

— Я зашел за угол, и оно действительно оказалось там, более похожее на предмет меблировки, нежели на мехов. Оно ткнуло в меня чем-то.

— Последнее, что я увидел, было нечто, похожее на самодвижущиеся тележки, в которых мы возим руду. Оно кувыркалось, будто под ним что-то взорвалось, и я подумал, как мне здорово повезло, что я оказался под защитой сверхпрочного стекла.

— В моей памяти все еще стояло воспоминание о чем-то твердом и синем, случайно попавшем в мое поле зрения, причем оно было такого оттенка, которого я еще никогда не видал.

— Она упала, и я наклонился, чтобы помочь ей встать, и увидел, что у нее нет головы, и что та тварь, которая эту

голову держала в лапах, сидя на полу, теперь прыгает прямо на меня.

— Оно выпустило что-то вроде силиконовой нити, которая обвилась вокруг меня — а я-то думал, что оно дохлое, что попало в ловушку или еще что, — а потом ударило меня в бок с силой конвейерного транспортера.

Ноева Семблия бежала, оставив «Канделябр» на разграбление мехов. Их Экз, Ахмихи, вырвался из плена Богомола, но его сенсорика чуть ли не выла от полного расстройства. Каждая нервная клетка его тела вибрировала в своем собственном безумном ритме. Голос звучал будто жестяное ведро, в котором подпрыгивают камни. Было похоже, что симфонией его тела управляет сошедший с ума дирижер.

Но через несколько часов он немного оправился. О своем общении с Богомолом Ахмихи никогда и нигде не рассказывал. Он привел свою Семблию к космическому кораблю, который хотя и был поврежден, но все же мог служить перевозочным средством. Мехи их не атаковали, так что более трехсот человек бежали из беспомощно мотающейся в космосе развалины, в которую превратилась их дивная космическая станция.

Это был один из последних космических полетов эры «Канделябра». После многих военных поражений человечество бежало в глубокий космос, ища убежища в ностальгической простоте планет. Как показала дальнейшая история, это нельзя было назвать особо мудрым решением, ибо Центр галактики не слишком-то нежен в своих процессах созидания и развития миров. Там в объеме каждого кубического светового года горит свыше миллиона солнц. За несколько миллионов лет медленные изменения расстояний между этими солнцами могут привести если не к столкновению между ними, то к перехвату планет одной звездной системы другой. Только хорошо стабилизированные миры имеют шанс сохраниться в таких условиях. Однако даже они подвержены здесь процессам «выветривания», которые в более спокойных окраинах гигантской спиральной галактики неизвестны.

Ноева Семблия воспользовалась гравитационными вихрями, крутящимися по периметру Черной дыры, чтобы избежать преследования мехов. Это обошлось людям во много жизней, а корабли прокалились так, что еле-еле смогли до-

хромать до относительно пригодной для обитания планеты, прозванной Изидой какой-то другой Семблией, которая еще тысячу лет назад отправилась отсюда на поиски других, более зеленых планет, расположенных подальше от Истинного Центра галактики. Изида была засушлива и продута ветрами, но зато она, видимо, не представляла интереса для мехов. Это было весьма важное преимущество. Ноева Семблия совершила спиральный спуск на планету, и люди начали строить жизнь заново. Но и на этом отрезке пути их ожидало немало трудностей.

Оружие мехов может быть весьма коварным, особенно если речь идет о биологических изобретениях. Опасения Семблии оказались вполне обоснованными. Как говорится, от полученного удара можно почувствовать себя даже лучше, но хорошо тебе все равно не будет.

Целый год, который продолжалось их путешествие, Ахмихи медленно умирал. Он страшно задыхался, его легкие были изъедены мельчайшими паразитами, жившими на мехах. Их называли наносами*. Проститься с ним перед смертью пришла только жена. Люди из Семблии боялись даже переписать личность Ахмихи в Аспект, ибо он явно был заражен мехами, причем столь сильно, что мог пострадать и его разум. Сгорая в лихорадке, он что-то бормотал о своем договоре с почти мифическим Богомолом, но никто так и не понял, каковы же были условия этого договора. Изменения в Ахмихи носили очень глубокий характер и, возможно, именно поэтому в истории, которую он пытался поведать, не содержалось ничего важного.

Тем более что его записывали год назад, так что не все из его личности будет потеряно. В те отчаянные времена навыки и знания умерших приходилось хранить в чипах, которые крепились на задней стороне черепа у каждого члена Семблии. В чипах хранилось наследие многих древних, занесенных в Аспект или в менее важное хранилище — «Лица и Профили». Так что Ахмихи предстояло сохраниться лишь частично, но его потомки все же могли воспользоваться большей частью накопленного им опыта.

Никто так и не заметил, как крошечное насекомоподобное существо выползло изо рта Ахмихи. Оно тихонько подлетело к его жене Джалии и ужалило ее. Та ударом ладони

* От нано — одна миллиардная часть чего-либо. — *Примеч. пер.*

сшибла насекомое на пол, считая, что оно ничем не отличается от других паразитов, которые разлетались по кораблю из гидропонической секции.

Что же касается летуна, то он ввел в кровь Джалии комплект микроустройств, одно из которых раскодировало яйцеклетку женщины. Затем оно растворилось, чтобы избежать обнаружения. Ноева Семблия сожгла труп Ахмихи, дабы предотвратить возможное осквернение его тела мехами, особенно если нанопаразитам удалось проникнуть на корабль.

Видимо, молитвы их были услышаны. Маленький отряд людей, надо думать, не представлял особого интереса для мехов, и они не стали тратить время и силы на его преследование.

Джалия родила сына — целое сокровище в эпоху, когда численность людей сокращалась. Генное сканирование не обнаружило ничего из ряда вон выходящего. Она назвала мальчика Парижем, так как в традициях Ноевой Семблии было пользоваться названиями городов Земли при выборе имен детей — Киев, Акрон, Фейрхоуп, — невзирая на то что сама Земля уже успела стать легендой, в которую многие и не верили.

Когда мальчику исполнилось пять, началось его интенсивное обучение. До того он был самым обыкновенным ребёнком, весело резвившимся на полусожженных засухой полях, где собирался скудный урожай. Он был крепок, хорошо сложен и очень молчалив.

Когда Париж начал учиться, он сразу же сделал открытие. Оказывается, другие ощущали мир иначе, чем он.

Каждую секунду многие миллионы битов информации проникали в него через его органы чувств. Но из этого потока, из этого водопада информации сознательно он мог усвоить лишь примерно сорок битов в секунду. Он читал документы быстрее, чем писал или чем люди разговаривали, но все равно большая часть информационного потока оставалась незадействованной.

Независимо от того, входила в него информация или исходила, его тело было рассчитано примерно на одну и ту же скорость ее движения. Но все пути ее передачи в мозг были болезненно забиты. Его можно было сравнить со светом прожектора, который передвигается по темной сцене, высвечивая лица актеров, а все остальное оставляя в густой тьме.

Сознание Парижа стояло на вершине огромной горы, сложенной из абсолютно невостребованной информации.

Даже осмысление этого факта — и то шло вяло и медленно. Парижу требовалось куда больше времени на то, чтобы объяснить себе, о чем именно он думает, чем просто подумать об этом. Его мозг пропускал десять миллиардов битов информации в секунду, во много раз больше, чем он воспринимал и усваивал из окружающей его среды.

Его сенсорика принимала почти столько же входных сигналов, сколько команд передавалось его телу от мозга. Но почти ничего из этих процессов не могло быть выражено в словах. Осознание, речь — все это было безнадежно застопорено. Но в таком же положении находились и другие существа: люди были вовсе не одиноки.

Париж уже хорошо понимал, какую важную роль для них играет РАССКАЗ... и для него тоже. Заговоры, герои и негодяи, за и против, мелкие ролишки и большие роли, напряжение и разрядка, все это было столь же важно для человека, как прямой путь рот—желудок—анус, ибо РАССКАЗ — путь к ментальному пищеварению.

И не зная всего этого, каждый из них рассказывал свои собственные истории, рассказывал ежесекундно, непрерывно. Их тела выдавали их мириадами изменений лица, пыхтением, пожиманием плеч, неконтролируемыми жестами. Целые окорока, здоровенные куски его личности выходили наружу неподвластно мозговому контролю, ибо подсознание само говорило с помощью его тела, и эта речь была не слышна органам сознательного контроля, была спрятана от них.

Для мальчика это был шок. Значит, другие люди знают о нем больше, чем он сам знает о себе. Ощущая мегабиты информации, просачивающиеся сквозь его тело, они могут читать его, как открытую книгу!

Это оскорбляло его стыдливость. Должно быть, такой немой язык возник на заре человеческой эволюции, решил Париж, когда было важнее узнать, о чем думает чужак, нежели о чем он говорит на своем грубом и бедном протоязыке.

И смех, это вино языка, как кто-то сказал ему, тоже был признанием сознания в своей ограниченности. Поняв это, Париж стал чаще смеяться.

А потом, даже носясь в безоглядной радости с приятелями по утоптанной игровой площадке, он стал ощущать ка-

кое-то раздвоение. Часть его как бы наблюдала за происходящим со стороны. То, что он переживал — все эти миллиарды битов в секунду, все это было лишь имитацией того, что он ощущал. И это была правда, так сказать, на желудочном уровне.

А что еще хуже, так это то, что имитация отставала на полсекунды от мира, который его окружал. Он проверил догадку, исследовав, как быстро его тело реагирует на боль или на удовольствие. И точно — его тело отшатывалось от боли раньше, чем сознание говорило ему, что сейчас его колют в ягодицу булавкой.

Его сенсорика выкидывала множество всяких штучек. В его зрении, например, существовало «слепое пятно», которое, как он понял, появилось из-за того места, где нервы подключаются к задней части глаза. Брошенный и превратившийся в развалины «Канделябр» казался ему крупнее, когда висел над горизонтом Изиды, чем когда стоял высоко в небе. Когда Париж мчался со всех ног по рассохшейся от зноя равнине, а потом резко останавливался, чтобы полюбоваться тонкими волокнами облаков у себя над головой, его глаза какое-то время уверяли его, что облака продолжают лететь мимо... благодаря кинетической памяти. Его мозг интерпретировал ее как неопровержимое наблюдение реальности.

А все потому, что эволюция так сформировала систему «глаза—мозг», чтобы вещи, находящиеся выше, казались более далекими и труднодостижимыми, а люди, которые на них смотрят, видели бы их меньшими по размерам. И оставила ощущение продолжающегося бега, чтобы включить работу мозга постепенно.

Он сидел в классе и смотрел на своих хихикающих одноклассников. Какими странными казались они ему. Однако лучшее понимание самого себя позволило ему улучшить и свои контакты с ребятами. Они любили его, им нравилась естественность его поведения, которую кое-кто принимал за стремление к лидерству. Но на самом деле это было нечто совсем иное, пока еще не наблюдавшееся в человеческом обществе. Он это чувствовал, но не мог подобрать верное название. На самом деле такого слова и не было.

Постепенно Париж пришел к выводу, что их мир — и его тоже — неоднозначен. Понял он это гораздо раньше сверстников. Запахи, прикосновения, вкусы, все это несло на себе

груз происхождения — много тысячелетий назад и бесчисленное число световых лет отсюда.

А потом он подошел и к своему главному открытию: всем правит подсознание. Он понял это, когда заметил: он счастлив, когда не контролирует себя, когда сознание не руководит его поступками. Экстаз, радость, даже просто чувство удовлетворения — все это плоды действий, произведенных без специального обдумывания.

— Я больше, чем просто «я». Я — это «мы».

Когда его работа шла хорошо, когда работали все, даже дети, его «мы» ощущало свою необходимость. Когда дела шли хорошо, они как бы шли сами по себе, своим путем. Он возился с грузовыми тележками, пахал поля, готовил вкусную еду, и все это как бы лилось потоком, почти бездумно.

И даже когда он пользовался своими «Лицами и Профилями», занимаясь какими-нибудь поделками, он мог задействовать их личные особенности, не прибегая к собственному сознанию. Это были как бы фрагментарные слепки с древних реально существовавших персоналий, которые сейчас использовали какую-то часть той его сферы, что занималась получением и переработкой информации. И когда он работал, то на это время он терял ощущения резкого запаха степей Изиды, шороха ветра и колючих прикосновений трав. «Лица» особенно нуждались в том, чтобы эти сенсорные впечатления были отфильтрованы, иначе они сами могли бы превратиться во что-то вроде безликой шелухи, в своего рода сухие фактологические учебники и справочники. А так он чувствовал, как они сидят в нем, где-то за его глазными яблоками, и с наслаждением поглощают крохи нового для них мира, время от времени разражаясь довольными восклицаниями. Когда же он спал, они получали возможность приподнять его веки и с его помощью улавливать мимолетные отблески его мира, что давало им пищу для новых размышлений. А ловя звуки посредством его барабанных перепонок, они могли выполнять обязанности часовых — очень нужная предосторожность. И вот из этой довольно жиденькой похлебки они извлекали дополнительный опыт. Это обстоятельство изолировало его от окружающей обстановки и гарантировало крепкий сон.

Но это было далеко не все.

В нем сидело что-то еще, какая-то тень, какое-то «мы», которое невозможно ощутить обычными чувствами, нечто, больше похожее на призрак. Казалось, оно внимательно следит за ним, в то же время тщательно избегая его собственного внутреннего взгляда. И все же он чувствовал, как эта тревожащая его пустота посылает ему сигналы, извещая о своем присутствии.

Это пугало его. Париж стал искать что-то, что могло укрепить его уверенность в себе. Испробовал спорт, секс, театральное искусство, но все без толку. Пришлось копнуть глубже.

Религия Семблии — течения внутри ее были столь многочисленны и разнообразны, что иногда просто противоречили друг другу — все же имела нечто общее — идею о состоянии религиозного экстаза, освобождения от всего сущего, тогда как на долю разума оставались такие вещи, как молитвы, литургии, гимны, ритуалы, бормотание заклинаний. Однажды, сидя в Часовне, усталый до изнеможения Париж попробовал соединить скудный диапазон частот языка с монотонным речитативом, бесконечно повторяя полученную фразу в уме. И вдруг обнаружил, что его «мы» свободно. Так он изобрел медитацию.

Детство ушло, и у Парижа прорезался настоящий талант художника. Его работы были странны, а главное — недолговечны: ледяные скульптуры, которые таяли, скульптуры из песка, который удерживался постоянно слабеющими силовыми полями. Стихи он писал стилосом на бумаге из давленых растительных волокон, используя красящие пигменты, добытые из овощей. А потом со странным удовлетворением смотрел, как эти листочки сгорают в огне.

— Мимолетность, непосредственность впечатления, — отвечал он, когда его спрашивали о его работах, — вот главное, что я хочу передать.

Понимали его только немногие, но зато немало из тех, кто толпами стекался поглазеть на работы Парижа, уходили, унося странные ощущения от того, что заставил их пережить художник.

Искусство представлялось ему чем-то совершенно естественным. В конце концов, размышлял он, на заре истории человечества, там — на мифической Земле, должен же был оказаться какой-нибудь примитивный предок, который

обнаружил, что камень в полете описывает необычайно простую и изящную параболу, а потому сумел определить лучше других то место, куда камень должен упасть. Такой человек должен был питаться лучше и чаще и, вероятно, имел больше детей, нежели его соседи. Нервные клетки должны были подкрепить такое поведение этого предка и его потомков, привив им чувство наслаждения от зрелища очаровательной параболы.

Вот он и есть потомок этого воображаемого предка. Хотя он живет в 28 000 световых лет от тех пыльных равнин, где искусство впервые вошло в гены человека, он все еще продолжает пользоваться ментальными процессами, которые в свое время были так идеально настроены применительно к условиям той древней планеты. Он разделял со своими предками представление о том, что естественность — высшее проявление Прекрасного, но в то же время он остро ощущал тоску по каждому уходящему в небытие мгновению. Это тоже было чисто человеческим ощущением, но что-то сидевшее в нем воспринимало это ощущение мимолетности как контраст, как противоречие. Он не знал почему, но был совершенно уверен, что это ощущение тоже отделяет его от других.

Так пришла к нему первая слава, которая оказалась далеко не последней.

Очень скоро он понял, что хотя решение о поступке принимается как бы двумя «я» или «мы», но общество считает ответственным только одно. Социальный лозунг таков: я принимаю на себя ответственность за действия моего «мы». Париж много размышлял по этому поводу.

Будучи юным, он встретил любовь и воспринял ее как соглашение: «Любимая, мое «мы» принимает тебя». Он понял, что истинная духовность происходит от «я знаю свое «мы», а мужество из — «я верю в свое «мы».

Сознание — недокормленное и не слишком хорошо информированное — было моделью самого себя, созданной мозгом. Это была имитация несравненно более живописного и разностороннего подсознания.

Ощущать мир непосредственно, без всякой цензуры — какая дивная мечта! Париж обретал эту способность лишь время от времени, и в эти моменты он чувствовал настоящий шок от умопомрачительной полноты истинного мира. Потребность в языке исчезала подобно капле воды под лучами

свирепого солнца. Все, что он должен был сделать, это указать на что-то пальцем и сказать: «там!»

И все же где-то там — позади глазных яблок — находился тот фантом, тот наблюдатель, которого нельзя было наблюдать. Правда, он ничего не контролировал. Париж знал, что тот сидит в нем, но постепенно научился его игнорировать.

Или, вернее, его собственное «я» согласилось абстрагироваться и принять наблюдателя, но его «мы» этого так и не сделало. Но никакой возможности контролировать тень, похожую на пустоту, не было.

Во сне его «я» вообще ничего не могло контролировать. В каждодневной жизни, как Париж узнал, его тело не умело лгать. Диапазон его передач был слишком велик, оно посылало сигналы от «мы» в широком подсознательном потоке. И наоборот, обладая малой скоростью переработки информации, его «разумное» «я» могло лгать легко, больше того, оно не могло не лгать, хотя бы по ошибке. А вот его «мы» лгать не умело.

Понимание этого превратило Париж в лидера, хоть он таковым вовсе не хотел быть. Он был слишком занят тем, чтобы побольше узнать о том, что значит быть человеком.

Однажды вечером, когда Париж нес дежурство в одном из отдаленных поселений, расположенном на самом рубеже их владений, он поймал мышь и попытался разговаривать с ней. Поскольку и он, и она состояли из плоти и крови и когда-то имели общих предков, так как этот грызун тоже происходил с Земли и был привезен сюда первой экспедицией по причинам, не известным никому, кроме самих первопоселенцев, то Париж полагал, что контакт с мышью возможен. Мышь внимательно изучала его лицо через разделявшую их пропасть между уровнями переработки информации, и сенсорика Парижа оказалась неспособной получить хотя бы что-то от этого существа.

Но каким-то образом Париж все же понял, что в ее крохотном мозгу были потаенные сходства с мозгом Парижа. Почему же отсутствуют попытки коммуникации со стороны мехов? Было о чем подумать.

Загадок было много, а жизнь шла своим чередом. На Изиду вернулись мехи.

С Гремучкой Париж встретился, когда играл в мяч с несколькими своими сверстниками. Они гонялись друг за другом, пытаясь перехватить мяч — игра, которая будила в них чувства, родственные ощущениям охотников — чувства, казалось бы, давно погребенные в далеком прошлом. Они настолько увлеклись игрой, что Гремучка смогла подобраться к ним незамеченной на расстояние нескольких сот метров.

Игра шла вблизи развалин огромной Кублы, оставшейся еще от тех людей, которые поселились на Изиде тысячу лет назад, а затем покинули ее. Купол Кублы, предназначенный для развлечений, еще и сейчас мог создавать резонансные иллюзии, если его стимулировать. Париж подумал, что это одна из таких зрительных иллюзий, когда увидел это быстро скользящее тело, с какими-то трубками, которые вращались, пытаясь сфокусироваться на юношах.

Гремучка успела уничтожить шестерых, до того как Париж добрался до своего дальнобойного кинетического оружия. Оно безнадежно устарело, но только такие ружья и выдавались молодежи для тренировок. Париж выстрелил в Гремучку и даже попал, но тут же увидел, как упал стоявший рядом с ним друг, что отвлекло его внимание. Вообще-то Парижу уже приходилось встречаться со смертью, но не в таком виде. Он замешкался, и только по чистой случайности Гремучка не уничтожила его. Пули двух других юношей покончили с кольчатым чудовищем. Париж понял, что совершил ошибку, и дал себе слово, что больше это не повторится. Эмоции, терзавшие его, когда он помогал вывозить тела убитых, больше всего походили на лихорадку — болезнь, которая долго дает о себе знать.

Таково было начало. Ты начинаешь думать о том, что вот другие люди убиты, а ты, конечно, нет. Когда тебя ранят в первый раз, главный шок произойдет не от боли, а от внезапно пришедшего понимания, что смерть может подобраться так близко даже к тебе.

После этого должно было пройти немало времени, чтобы он понял: с ним не может случиться ничего такого, что бы уже не происходило с людьми всех уже миновавших поколений. Они перенесли это, значит, может перенести и он. В конце концов, смерть самое легкое из всех плохих событий.

Над аркой, открывавшей вход на широкую общественную площадь, накрытую прозрачным куполом, сквозь который

было видно, как кружится безумный вихрь Центра галактики, была выбита надпись, которую Париж переписал себе для памяти, так как она наполнила его странным ощущением свободы, когда он понял смысл написанного.

«Клянусь, мне все равно: ведь человек может умереть всего лишь однажды. Наша жизнь и смерть в руках Господа, и все будет так, как решит Он. Ибо тот, кто умрет в году нынешнем, освобожден от необходимости умереть в году следующем».

А спустя еще немного он пришел к выводу, что ничто с тобой не случится, пока это событие не подойдет к тебе вплотную, так что до этого ты должен жить так, чтобы извлечь из жизни как можно больше. Жить хорошо — это значит хорошо прожить каждый ушедший в прошлое момент. Трусость — настоящая трусость, а не мгновенная паника — происходит из-за неспособности запретить своему воображению оценивать каждую из приближающихся к тебе вероятностей. Обуздать воображение и жить каждой стремительно бегущей секундой, без прошлого и без будущего, вот в чем заключается главный секрет. Овладев им, ты будешь полноценно жить каждую секунду, перетекая в следующую, не испытывая ненужной боли.

Его «мы» поняло это, а его «я» приняло как аксиому.

СКОШЕННЫЕ КОЛОСЬЯ

— Они швырнули меня в ту яму, куда сбрасываются отходы мехов — преимущественно нечто похожее на сальную упаковочную паклю, и я понял, что кровь из носу, но я должен выбраться оттуда.

— А все мехи скучились возле ямы, будто выполняли какой-то ритуал, и сначала повесили меня вверх ногами, стреляя мне в живот и наблюдая, как кровь хлещет из меня, стекая по грудям прямо в рот, так что я ощущала ее тепло в этом холодном воздухе.

— Что-то просвистело мимо меня, потом раздался мокрый удар.

— Должно быть, несколько из этих нанопаразитов попали в мой хлеб еще до того, как жаркий кислый вкус возник у меня в глотке и я стал давиться и задыхаться.

— Он уколол меня своей антенной, что явилось большой неожиданностью, ибо я считал, что он один из тех мехов, которые пользуются только микроволновыми вибраторами.

— Это случилось в самом конце кампании, я жутко устал и прилег, чтобы соснуть хоть несколько минут, но эта медлительная тварь подобралась ко мне, а я не обратил на нее никакого внимания.

— Мы бежали изо всех сил, надеясь уйти подальше отсюда.

— Она бежала первой и прыгнула очень чисто, легко преодолев расстояние. Я попытался сделать то же самое, но мои обмотки порвались, я потерял равновесие, будь оно трижды проклято.

В шейном отделе позвоночника он носил вживленный чип — Аспект одного из самых великих людей прошлого, которого звали Артуром. Артур служил ему советником.

К этому времени Париж уже выступал на заседаниях Семблии, хотя и был совсем еще молодым. Артур всегда высказывался за сдержанность в отношениях с мехами, приводя в подкрепление своей позиции различные эпизоды из древней истории человечества. Когда Париж осведомился у Артура об истинных трудностях, о которых тот распространялся, говоря о Древних Временах, когда люди впервые добрались до Центра галактики, Артур раздраженно ответил:

— *Скажем так: это вовсе не походило на приглашение на чай к королеве.*

Артур то и дело пользовался подобными архаическими выражениями Древних Времен и никто не знал, что именно они означают, но на это Артур внимания не обращал. У него их был приличный запас. Например:

— *что мичман, что вешалка — одно слово — вешалка для треуголки.*

А когда выбросы плазмы бросали золотые завитки почти по всему видимому сектору ночного неба, он сказал:

— *любая достаточно продвинутая технология в Центре галактики наверняка может показаться природным феноменом.*

И, конечно, был прав. Конструкции мехов заплывали в разреженном эфире космоса на несколько световых лет от Центра. Никто не знал, что они делают в Центре, если исключить очевидное: здесь было изобилие энергии и мощных потоков элементарных частиц, столь необходимых для функ-

ционирования мехов. И дело было вовсе не в том, что они обладали повышенной выносливостью по отношению к здешнему жуткому «климату», но, видимо, у них была еще и какая-то грандиозная цель.

Артур щедро одаривал своего собеседника байками о том, как величественна была эра первого появления людей в галактическом Центре, что вызывало у Парижа постоянное раздражение. И все же советы, извлеченные из Аспекта, были весьма полезны, особенно когда приходилось иметь дело с бродячими мехами, которые сейчас сильно осложнили жизнь Семблии.

Мехи прибывали на Изиду во все больших количествах и, не стесняясь, выражали в самой наглой форме свое презрение к беспородным людишкам. Высохшие трупы животных и людей — для мехов между ними разницы не было — свисали на резиновых подвесках с ног мехов, волочась и дрыгаясь в воздухе не только при ходьбе, но даже от ветра. Кое-кто считал, что это еще один способ терроризировать людей, но Париж полагал, что в мехах говорит своеобразное чувство юмора или нечто близкое к нему, хотя людям подобные выходки нисколько не казались смешными.

Итак, мехи явились: Долгоносы, Копейщики, Копальщики, Ползуны, Гремучки, Бабы-Яги, Глушилки, Метелки, Волокуши. Человечество платило жизнями за каждое название, за каждое слово, которое откладывалось в сенсорике и давало возможность пополнить каталог привычек и слабых мест мехов.

С тлеющего неба, никогда не знавшего, что такое настоящая ночь, так как десятки близких звезд почти касались друг друга своими пылающими коронами, создавая впечатление сплошной светящейся туманности и грозной беспредельности, с этого неба спускались корабли мехов, похожие на стаи саранчи.

Париж участвовал в этой жуткой, растянувшейся на целый год битве, в ходе которой были уничтожены почти все главные подразделения мехов на Изиде. В этот-то год у него и появилась на лице волчья улыбка, а сам он казался составленным из одних острых углов да туго натянутых железных нервов. Он прославил себя у статуи Уолмсли — так называлась гора с изваянной в ней скульптурой. Прямо у подножия этого мемориала в горе была выдолблена деревушка и не-

сколько отдельных жилищ — такой огромной была гора. Именно там Париж предугадал будущий маневр мехов, предугадал еще до того, как они приступили к его осуществлению, и выиграл решающее сражение.

Нельзя сказать, что люди, служившие под его началом, считали его мягкосердечным. Его отчужденность стала к этому времени почти легендарной. «Крутой сукин сын, без ботиночного рожка даже не пукнет» — подслушал он в разговоре о себе и принял как комплимент.

Он пришел к выводу, что машина — это человек, но только вывернутый наизнанку. Она могла с высокой точностью описать все детали, но из потока данных у нее никак не складывалась сумма, она не могла извлечь опыт из бесконечной информационной реки. Важнейшая же тайна людей лежала в наличии у них фильтров, в способности игнорировать то, что они считали несущественным.

Париж не ощущал градусов по Кельвину, или литров в секунду, или килограммов. Зато он ощущал жару, холод, движение, тяжесть, знал любовь, ненависть, страх, голод. И все это не подлежало точному измерению. Лежало вне области, где царили цифры.

Победа людей над мехами на Изиде была делом временным. И это понимали все.

Поэтому Семблия, чья численность уже достигла нескольких миллионов человек как благодаря иммиграции, так и высоким темпам естественного прироста, решила отпраздновать долголетнюю историю своего существования, которой она очень гордилась. Возможно, это был последний шанс людей организовать подобное торжество.

Объединив усилия всего населения Изиды, они воскресили Старину Броза — личность столь совершенную, что кое-кто рассматривал ее призрачное естество как доказательство существования жизни после смерти. Старина Броз посоветовал Семблии нанести мехам упреждающий удар в глубоком космосе, где те обитали. Только перенеся войну на их собственную территорию, человечество могло обеспечить свое выживание. Париж был полностью согласен с этим. «План должен основываться на неожиданности», — сказал Старина Броз и неизвестно чему рассмеялся. Париж взял на себя руководство. К этому времени у него было уже множество сторонников, юные женщины влюблялись в него, но он не по-

зволял себе отвлекаться от главного. Что-то импонировало ему в создавшейся тяжелой ситуации. Он использовал преклонение Семблии перед Стариной Брозом, чтобы добиться своего, хотя сам абсолютно не верил теологической болтовне, на которой основывалось доверие Семблии к цифровым «воскресениям» и к гипотезе о возможности существования жизни после смерти в неком аналитическом раю.

Это обстоятельство поставило перед Парижем тот вопрос, который задавали себе многие: зачем нужна человечеству религия?

Он понимал, что дело тут не в том, как представляли себе мир другие члены Ноевой Семблии. Но какая-то часть его внутреннего «я» настаивала: «Докажи выгоду, и ты объяснишь поведение». Почему он автоматически мыслит в рамках этого правила, он и сам не знал, но он ощутил, как его внутренний теневой наблюдатель шевельнулся.

Для Семблии религия была чем-то вроде социального цемента. В своей крайней, экстремистской форме она могла подвигнуть верующих на участие в крестовых походах. А может, это основывалось на теории и практическом решении важнейшей проблемы всего человечества — смерти? Тогда сила теологии в людях, окружающих его, проистекает только из того, что они разделяют страшную и неотвратимую угрозу? Он представлял себе, как идея войны начнет распространяться все шире и шире, ибо и в себе самом он ощущал ту же жгучую необходимость разрядить напряженность, вызванную страхом близкой смерти.

А из внешнего мира религия не получала подпитки: Бог не отвечал на людские вопли. Чудеса редки и — увы! — невоспроизводимы. Так почему же религия не только сохраняется, но даже крепнет?

Его механистические объяснения, резкие и исполненные иронии и скепсиса, какими они и должны быть у молодого человека, все же никак не могли вскрыть истинную сущность религии. Оставались важнейшие проблемы: происхождение Вселенной и законов природы. Наука еле-еле прикоснулась к ним, сведя все к одной большой загадке: почему существует нечто со своими законами, а не огромное Ничто? Существование хаоса столь же естественно, как и точная звенящая гармония, выявленная научными исследованиями. Если Разум, извлеченный человечеством из Материи, сделал воз-

можным самопознание Вселенной, то есть помог ей выполнить ее домашнее задание, то Религия провозгласила эту цель, эту эволюцию. Но тогда почему нет религии у мехов?

Столь абстрактные способы исследования глубинных религиозных импульсов, свойственных человечеству, не смогли объяснить Парижу рвущую сердце нужду в вере. Что-то он упускал.

Это обстоятельство больше любых ритуалов и затеянных Семблией празднеств победы над мехами содействовало формированию у Парижа представления о непостижимости человеческой натуры.

В ЗАКРОМАХ

— Моя первая мысль была такова: я нахожусь здесь, и меня превратили во что-то вроде цветочного горшка.

— Я распался на мелкие, разбросанные повсюду кусочки, но при этом сохранил способность думать, хотя только вот такими обрывками фраз.

— И это была *боль*, но потом они уменьшили ее количество, и я мог выносить ее немного дольше, хотя рука все еще продолжала оставаться вывернутой.

— Оно написало мое имя на моем лице, и я подумал, что это нужно для моей идентификации, но потом я увидел свою голограмму, стоявшую рядом с моим именем, написанным на затылке, причем в очень неудобном положении, которого я, кстати, не ощущал, пока эта тварь, похожая на женщину, не начала карабкаться мне на шею.

— Околопочечный жир был неплох, но то, что меня стали топить в слизи, было хуже, и когда я закашлялся, она вылетела у меня изо рта, оставив ощущение, будто у меня внутри что-то гниет.

— После того как моя кожа покрылась волдырями, потемнела и покоричневела, и стала слезать как пленка, холод, запущенный мне под кожу чуть ниже, потек по мне раскаленным маслом.

— Я кричал, но эта тварь с множеством ног не желала остановиться.

* * *

Он встретил Богомола во время патрулирования. Париж был один.

Это было нечто сверкающее, игра света на гранях скалистого выступа довольно далекого холма. Чтобы понять, что это такое, нужно было в первую очередь избавиться от этих слепящих вспышек света. Париж ощущал запах и вкус этой твари лучше, чем видел ее. Поскольку он выполнял простое задание по транспортировке грузов и имел в своем распоряжении только несколько самоходных тележек, вооружен Париж был плохо.

Он стоял, соблюдая полную неподвижность, и чувствовал, как тварь скользит в его направлении. Бегство было бессмысленно.

В легендах их клана сохранились упоминания об этом классе мехов. Они встречались очень редко, передвигались огромными прыжками, оставляя за собой развалины домов, изломанные жизни и трупы. О них ходили рассказы как о призрачных многоногих силуэтах, иногда возникавших на фоне туманного горизонта. Все, что осталось в памяти Семей и Семблий, — это ощущение неодолимого и непонятного ужаса, обрывки воспоминаний и рассказов выживших, сохранившихся в Аспектах тысячелетней давности.

Нужен доступ. Слышу эхо сигналов некоего существа, которое я встречал в далеком прошлом. Ты узнаешь меня?

— Нет.

Хотя что-то зазвенело и шевельнулось где-то на задворках его мозга, но ужас тут же заморозил эти ощущения. Затем на помощь пришел опыт долгих тренировок, и Париж ощутил, что в его сердце разгорается ледяной огонь гнева. Он попытался оценить возможность нанесения этой твари серьезного повреждения. Она тут же отразила вопросы, заданные его сенсорикой, и адресовала ему несколько сильных разрядов и изображение толстых слоев льда.

Ты ведешь короткую, но насыщенную жизнь в этих диких краях. Твоя первичная форма создана из гораздо более древней логики, нежели я встречал до сих пор.

Париж увидел фрагмент многоногой твари, быстро передвигающейся у подножия далекого холма. Очень тщательно и осторожно определил расстояние до нее.

Твой филюм* смеющихся и видящих сны позвоночных способен преподносить неожиданные сюрпризы. А ты — самый сложный образчик такой категории. Тебе удалось накопить множество подобных черт. Я с нетерпением жду, когда смогу скосить их и начать изучение.

— Получив от меня?

Разумеется. А ты... не догадывался?

— Не догадывался о чем?

Богомол замешкался, что у создания, обладавшего такими огромными компьютерными возможностями, говорило о многом.

Понятно. Мы, которые вечно воссоздаем себя, хотя и в разных формах, не разделяем вашей заинтересованности в артефактах. Хотя они и кажутся вечными, но я, например, уже пережил несколько горных кряжей. Артефакты — недолговечные инструменты, которые быстро изнашиваются и превращаются в мусор.

— Вроде меня?

В каком-то смысле да, но по-своему. Итак, ты интуитивно понимаешь...

В медленно формулируемом вопросе Богомола Париж ощутил какой-то второй смысл... Но какая-то часть его насторожилась. Он отказался идти по навязываемому пути. Нет, так дело не пойдет.

Вместо этого он настроил свое единственное оружие на вектор последнего мысленного послания Богомола и дал очередь. Богомол вспыхнул и исчез.

Мы еще соединимся с тобой, о бренный сосуд!

Секунды бежали. Ни единой морщинки в сенсорике. И никакого наказания.

Отдача от залпа встряхнула его, что, в общем, было хорошо. Сердце бешено колотилось. Что-то в нем радовалось этому освобождающему поступку, в то время как другая часть примолкла и явно не знала, что ей делать. Париж чувствовал душевный подъем от сознания, что избежал постыдного поражения, которое его «мы» не смогло бы предотвратить. Но что хотел сказать ему Богомол своей последней фразой?

Не долго думая, Париж возобновил свое путешествие. Страх и гордость смешивались в нем, но вскоре он начисто позабыл о случившемся.

* Единица биологической классификации. — *Примеч. пер.*

На Изиду прибывали все новые Семьи и Семблии, что немало содействовало укреплению этого аванпоста. Но даже на фоне быстрых перемен в галактическом Центре были заметны те изменения, которые произошли на Изиде за те три крошечных столетия, пока жизнь людей текла мирно.

Продолжительность жизни мехов исчислялась тысячелетиями, и соответственно они планировали свои действия. Наномехи все еще отравляли жизнь жителям Изиды. Построенные людьми Цитадели ветшали от сурового климата и колючей пыли песчаных штормов, которые несли на себе мириады нанопаразитов, рождавшихся прямо в струях нескончаемых ветров.

Против засоления атмосферы были созданы специальные защитные сооружения, размещенные в ближнем космосе. Мехи лишились возможности швырять в Изиду астероидами, ни один их корабль не мог прорваться через ее магнитосферу. Париж добровольно вызвался пройти обучение всем этим видам оборонительного искусства. Ему нравилось ощущать прилив счастья в невесомости, наблюдать игру мощных динамичных сил или наблюдать прекращение действия законов Ньютона в освобожденной от трения пустоте.

Изида манила к себе своеобразной красотой своих засушливых ландшафтов. На восходе солнца ее сухие долины еще тонули во мгле, но снежные пики сверкающих гор, окутанных покровом облаков, уже горели, как угли, красно-оранжевыми переливами. Вершины гор рассекали облачную пелену, оставляя кильватерный след, как гордые корабли. Иногда там громоздились грозовые тучи. Освещаемые яркими вспышками молний, они напоминали бутоны распускающихся белых роз.

Не менее потрясающими выглядели с высоты и деяния человеческих рук. Сверкающие созвездия Цитаделей по ночам связывала светящаяся сеть шоссейных дорог. Сердце Парижа наполнялось гордостью за достижения разума человечества, может быть, и терпящего поражение, но все еще способного решать задачи дизайна целых планет. А сколько сделано тут только за первые сто лет его жизни! Париж лично участвовал в создании искусственных морей, озерных продолговатых бассейнов и гигантских квадратов возделанных полей — дивного порядка, отвоеванного с огромным трудом у сухих долин.

Позже Париж нашел себе женщину, которая любила его, несмотря на все его странности, несмотря на любовь к одиночеству и тишине. У них родились дети, которые не проявляли никакого интереса к искусству. А потом у детей родились свои дети, и Париж ощутил в них свое продолжение. Однако иногда в нем шевелилось нечто, чему он не находил названия, ибо оно пряталось в миллиардах битов информации, которые текли мимо прекрасно освещенного театра сознания Парижа.

Он помог народившемуся и быстро растущему военному флоту Изиды обезопасить «червоточину» в своей Солнечной системе. Они обнаружили ее в черном молекулярном облаке, которое силами инерции прибило к звезде Изиды несколько столетий назад. Чтобы подтянуть его поближе к планете, потребовалось около двадцати лет жизни Парижа, но он ничуть об этом не жалел. Входное отверстие «червоточины» открывало новые возможности для людей. А до этого ими пользовались только мехи.

Его труды оказались как раз ко времени.

После многих десятилетий, отданных верному служению Семблии, после создания поразительного количества его странных кратковременных произведений искусства в небе планеты Парижа вновь загорелись огни колоссальных сооружений мехов, размерами превосходивших луны.

Прибыли огромные мехи, готовые уничтожить все семь планет этой Солнечной системы, материал которых понадобился им для строительства их непонятных сооружений. Одна из фракций Семблии ратовала за переговорный процесс, другие члены ее требовали поскорее завершить строительство кораблей, которые увезут их всех прочь, покуда мехи не добрались до Изиды и не начали ее разбирать прямо под ногами жителей.

Париж возражал. Он уговаривал Семблию нанести ответный удар. «Надо уничтожить нечто такое, что ценится мехами, — кричал он. — Только тогда они начнут нас уважать и согласятся выслушать!»

Но, говоря это, он чувствовал, что в нем зреет нечто совсем другое.

Та тень, которая сидела в нем, стараясь укрыться от взгляда его внутреннего «я», вдруг ожила и начала двигаться, медленно, но очень целеустремленно. В его мозгу вдруг стали

появляться координаты и схемы путей, необходимых для того, чтобы отряд безумно смелых пилотов добрался бы до колоссального, непрерывно растущего диска в Истинном Центре галактики. Вскоре ручеек данных превратился в мощный бурный поток, начинавшийся из источника, который не поддавался определению. Может, это был глубоко законспирированный Аспект? Но нет, другая часть его сознания отвергла такое предположение.

Париж печально улыбнулся, желая ослабить напряжение, которым сопровождались подобные размышления, и вдруг на какое-то мимолетное мгновение увидел себя в бесконечном, телескопически суживающемся туннеле, увидел себя как члена филюма этих гогочущих и видящих сны позвоночных.

В ЗАКРОМАХ

— Тварь с множеством ног сказала мне, что я теперь — памятник моему народу.

— А еще там была группа из пяти маленьких и одного большого, но с удивительно смешными ногами, и они все стали вскрывать меня, чтобы поглядеть, что там внутри.

— Моя мать тоже была там, из нее росли части каких-то животных, но когда я попробовал добраться до нее, они и меня сделали таким же.

— Меня продолжали держать в боевом скафандре, заставив принять позу, будто я прилег отдохнуть, но там были еще эти безногие личинки, которые все вылезали из нарывов на моей коже и ползали по всему телу.

— Они сказали, что я не почувствую того, что войдет в меня через мои глаза, но солгали.

— Я думал, что они забыли про меня и позволят мне лежать на полу, пока они будут работать над другими, а меня решат использовать на запчасти.

— Я мог видеть вполне прилично, но когда посмотрел вниз, то своего тела не обнаружил. Только голова, надетая на пику, которую они таскают с собой, как я считаю, для того, чтобы в бою пугать членов моей Семблии, потому что я

буду умолять и вопить от боли все время. Хотя у меня и нет легких.

Галактический Центр был коллекцией всякого космического мусора, вихрем крутившегося на дне этого гигантской гравитационной мульды. Ее завывающие мятущиеся внешние окраины надежно охранялись кораблями мехов.

Но черви сделали ее проходимой. Самая первая человеческая экспедиция через входное отверстие «червоточины» оказалась вполне успешной. Выход же из «червоточины» находился значительно ближе к Истинному Центру. Сам Париж пролетел по ней и несколько раз влетал и вылетал из «червоточины», точно мышь, которая боязливо выбегает из норки, чтобы тут же спрятаться обратно. Да они и в самом деле были мышами — паразитами, прячущимися в стенах.

Корабли людей пролетели сквозь «червоточину», а затем встретились на конвергентных асимптотах. Париж потребовал для себя руководящую роль в экспедиции и получил ее. К этому времени он был уже опытным пилотом, способным войти на колоссальной скорости в «червоточину» под нужным углом, а потом ловко пролететь по ней, проделывая весьма сложные маневры.

«Червоточины» — окаменелые следы первой расщепившейся секунды существования Вселенной. Они удерживаются в открытом состоянии слоями отрицательной энергии, чередующимися с прослойками антидавления, рожденными в родовых конвульсиях, что создало слоистую структуру, напоминающую по строению луковицу. Этот ценный вид природных ресурсов был собран — кем? — и перенесен сюда миллиарды лет назад, чтобы служить в качестве транспортных артерий.

Квантовая пена шипит и пенится у входов в «червоточины», взметая фонтаны раскаленных красок. Эти «столбы» имеют колоссальную плотность, но главная опасность поджидает пилотов на самой кромке, где перепады давления буквально рвут материю, превращая ее в смертельно опасную плазму. Удар о стены этого постоянно меняющего местоположение продолговатого входа фатален, что на своем печальном опыте доказали многие погибшие пилоты.

Само устье «червоточины» представляет собой эллипсоид, обрамленный квантовым пламенем. Париж вел узкий, по-

хожий на карандаш корабль со сравнительно слабой термоизоляцией и низким уровнем амортизационной безопасности. Несмотря на это, он не испытывал чувства страха, а лишь угрюмую уверенность в будущем. Под перепадами давления, что походили на чередование приливов и отливов, его корабль трещал, молнии извивались, как золотые и фиолетовые змеи... а он вылетал из другого конца «червоточины», но уже в сотне световых лет от входа в нее.

Голубовато-зеленая звезда величественно приветствовала появление человеческой флотилии, играя своей пышной короной. Неподалеку крутился на орбите сложный комплекс мехов, его охранял их военный корабль. Совершив мгновенный разворот, верткие маленькие корабли людей вытянулись в кильватерную колонну и рванулись к устью другой «червоточины». Пятьдесят мужчин и восемьдесят шесть женщин погибли, картируя путь, которым надлежало следовать будущим пилотам, добывая коды, позволившие нынешней экспедиции проникать сквозь сторожевые комплексы мехов. Правда, маскировка, к которой они прибегали, могла выдержать лишь очень поверхностную инспекцию. Малейшая задержка — и мгновенная гибель.

Второй транзит состоялся через очень крупную «червоточину», которая вывела их на очень низкую орбиту вблизи раскаленного красного карлика. Коды, полученные с таким трудом, могли сработать еще несколько раз, пока комплексы мехов не спохватятся. А пока кораблям приходилось нырять в первое попавшееся устье «червоточины», которое окажется поблизости.

«Червоточины» были похожи на улицы с односторонним движением. Корабли с большими перегрузками врывались в устье, а затем путешествовали сквозь горловину, которая могла быть короткой, как палец, или длинной, как диаметр планеты. Сам гиперпространственный прыжок мог доставить вас к совершенно бесполезной Солнечной системе или в такое поганое местечко, где человека сразу поджарило бы, как на сковородке.

В незапамятные времена, вероятно, пользуясь силами притяжения между звездами, кто-то — весьма возможно, это были те, кто сотворил первых мехов, — создал сложнейшую систему галактического Центра. Меньшие устья, масса которых могла равняться массе горной цепи, позволяли проход

только очень узким кораблям. Именно такие использовались Парижем и остальными восемнадцатью волонтерами, когда они выскочили у самого комплекса мехов. Медлить было нельзя: каждый важный пункт в этой транспортной сети хорошо охранялся, так что быстрота была единственным оружием людей.

Вылетаешь из устья одной «червоточины», нацеливаешься на маленькое устье другой... и пошел! Извилистые, как змеи, блестящие стены дыры с гулом пролетают мимо, а Париж смотрит на дисплей, стараясь не думать о том, что ждет его впереди.

Сходящиеся на конус, отсвечивающие серым, стены горловины содрогаются. Каждая пасть «червоточины» информирует другие о том, что она только что «проглотила», и эта информация пробегает в виде судороги по напряженным стенам «червоточины». Волны накатывающихся стрессов заставляют горловину осциллировать, она сжимается, превращаясь на время в нечто похожее на перемычку в связке сосисок. Если корабль Парижа попадет в такую перемычку и она быстро сожмет его, то из выходного отверстия он выйдет в виде султана розоватого ионизированного газа.

Проделав множество чрезвычайно сложных расчетов, касающихся «червоточин», математики разработали теоретическую схему наиболее подходящих маршрутов для кораблей Парижа. Между Изидой и космосом вблизи Истинного Центра лежало около дюжины гиперпространственных прыжков. Плохо было то, что у некоторых «червоточин» было по нескольку устьев, так что узкая горловина бросала кораблям вызов — выбор следовало сделать, не снижая скоростей.

Когда корабли вынырнули из очередной дыры, в необозримой мгле плавали звезды и планеты потрясающей светящейся красоты. За сверкающей туманностью ощущалось присутствие радианта Истинного Центра. Удивительный контраст — пролететь расстояния, которые невозможно себе представить, и при этом пролететь их в консервной банке размером чуть побольше ящика.

Раз-раз, и они снова прыгнули, скрылись из виду и прыгнули опять.

В этих местах было не до вежливости. Когда к ним приблизился сторожевой корабль мехов, желавший произвести рутинную проверку, они его тут же уничтожили снарядами,

управляемыми кинетической энергией. Мехи никогда не пользовались такими грубыми методами, так что за собой люди оставили здесь ясные следы, говорившие, что «паразиты» прошли этой дорогой.

Они снова вынырнули и оказались в ярком свете белых карликов, собранных в правильный шестиугольник. Париж подумал, зачем мехам понадобилось создавать такое созвездие, ведь по правилам звездной механики оно не могло существовать долго. Впрочем, как и в случае многих других привычек и особенностей поведения мехов, найти объяснение было невозможно. Даже обширные запасы воспоминаний Артура не содержали в себе ничего подобного.

Впереди простирался галактический диск во всем своем ослепительном великолепии. Полосы спекшейся пыли окаймляли звезды лазурными, малиновыми и изумрудными ореолами. Этот перекресток «червоточин» давал выбор между пятью возможными ходами: тремя черными сферами, носившимися на орбите подобно смертельно опасным пантерам, и двумя кубами, ярко сиявшими белым светом и квантовой радиацией, окаймлявшей устье.

Похожие на тонкие карандаши корабли людей рванулись к плоской морде белого «червя». Столбы, созданные переплетением антиэнергии и плотности, поддерживающие устье в открытом состоянии, находились на самом краю, так что приливоотливные волны напряжений отсутствовали. Один миг, внезапное ощущение тошноты, и вот они уже рядом с Истинным Центром.

Внутренний диск пылал ядовито-малиновым и злобно-багровым огнем. Гигантские воронки магнитного поля засасывали и втягивали в себя облака межзвездной пыли. Зловещие циклоны, суживаясь, уходили вниз к огромному, вечно расширяющемуся диску.

Повсюду виднелись висящие на орбитах циклопические сооружения мехов, весь звездный купол буквально кишел следами их активности. Колоссальные раскаленные решетки и рефлекторы перехватывали радиацию, возникавшую от трения частиц и магнитных излучений диска. Урожай первичной энергии протонов вливался в голодные пасти «червоточин» и, по-видимому, перебрасывался к далеким мирам, нуждающимся в острых копьях света. Зачем? Для переделки планет мехами? Для разрушения миров? Для сотворения новых лун?

Корабли стремительно развернулись в сторону еще одного широко разинутого рта «червя»... Открывшийся перед Парижем вид чуть не лишил его способности дышать.

Магнитные потоки вздымались, как башни, они были так огромны, что их невозможно было охватить взглядом. Внутри их возникали светящиеся коридоры, в которых сверкали разряды бешеных энергий. Аркады, сотканные из «нитей» магнитных линий, перебрасывались через пространства в десятки световых лет, их гигантские кривые спускались к раскаленному добела Истинному Центру. А там материя кипела, пенилась и вдруг начинала бить дразнящими фонтанами.

В Истинном Центре уже погибли три миллиона солнц, пытаясь насытить голодное брюхо гравитации. Арки были явно рукотворные, предназначенные для сбора радиационной энергии в радиусе световых лет. Они сами поддерживали свое существование на протяжении сотен световых лет, тонкие и нежные, словно девичьи волосы, вздымающиеся от дуновения слабого ветерка.

Неужели в этих условиях может существовать разум? Ведь ходили какие-то слухи, ничем не подтвержденные. Насчет изумрудной пряжи, которую прядут на рубиновых веретенах. Париж был поражен зрелищем пластов, которые, образуя лабиринты, спускались вниз, исчезая из глаз и оставаясь недоступными для понимания смертных.

Резкое увеличение скорости вжало его в спинку гидравлического кресла. Откуда-то из-за спины ударил жестокий ослепляющий свет.

Они взорвали «червя»! — раздался крик коммуникатора.

Он круто тормознул и взял влево — прямо в облако пыли и обломков. Видимо, мехи отлично знали, как следует обращаться с подпорками из антиэнергии и плотности, находившимися в устье «червоточины», и запустили этот процесс, чтобы поймать «паразитов». Теперь люди потеряли возможность отхода назад.

Корабли метнулись к огромному черному пятну, которое манило их обещанием хоть и плохонького, но все же убежища. Теперь они были совсем рядом с краем расширяющегося диска Черной дыры. Вокруг них кипела смерть звезд, оркестрованная струнами магнитных перепадов. Что в свою очередь, как считал Париж, происходит по команде кого-то, с кем он ни в коем случае не желал встретиться. Интересно,

это все еще область господства мехов или он вторгся туда, где и мехи считаются паразитами?

Здесь звездам вспарывали чрева процессами столь сложными, что Париж был бессилен что-либо понять. Их измельчали, плавили и превращали в шипящие комки. Они вспыхивали в мрачных, вращающихся на орбитах массах обломков и пыли, светясь как кроваво-красные спичечные головки в глубине грязного угольного подвала.

И среди всего этого плавали самые удивительные, никогда не виданные Парижем звезды. Каждая из них была полузакрыта висящей перед ней полукруглой маской. Маска образовывалась за счет поглощения инфракрасных излучений, причем экран возникал на строго фиксированном расстоянии от звезды. Экраны парили в космосе, сила тяжести уравновешивалась силой наружного давления самого света. Половину светового излучения звезды маска возвращала ей обратно, так сказать, отдавая жар жаровне и посылая ослепительные дуги смертельных излучений прямо в корону звезды.

Свет свободно лился с одной половины звезды, тогда как на другой половине маска как бы закупоривала светоиспускание. В результате звезду толкало в сторону маски, но так как последняя всегда держалась силой притяжения на фиксированном расстоянии от звезды, несчастная, посылая солнечные лучи только в одном направлении, была обречена постоянно откатываться все дальше и дальше.

Магнитные «нити» гнали целые стада таких звезд — медленно, но неодолимо. Гнали к диску, рассчитывая насытить аппетит неутолимой Черной дыры.

Париж и его спутники зависли в узком проливе, откуда открывался отличный вид вниз на все это великолепие. Темнота доминировала в ядре, но сила трения нагревала падающие к нему газы и пыль. Штормы накатывались на берега диска, добела раскаленные торнадо закручивали бешеные воронки. Ядовитый светящийся жар рвался наружу, иногда высвечивая колоссальные темные массы, блуждающие на своих обреченных орбитах. Гравитационные силы гнали эти потоки к диску, заставляя их исчезать где-то внутри.

Но и среди этого бешеного смертельного потока торжествовала жизнь. Если ее можно было так назвать.

Париж всматривался в лежавшую перед ним феерическую картину, отыскивая тех полумашин-полузверей, которые здесь

кормились, жили и здесь же умирали. О них говорилось в записях тысячелетней давности. Вот оно!

Терпеливо снося давление горячих фотонов, паслось огромное жвачное. Для этих фотоядных диск Черной дыры был источником пищи. Прямо над этим раскаленным диском в густой массе вечно парящих облаков и кормились призрачные стада.

Вектор вон туда! — пришла команда. Это было направление, ведущее их к цели, но мехи уже двигались к похожим на веретена кораблям людей.

Полотнища фотоядных колыхались в электромагнитных ветрах, роскошествуя в этой пропитанной смертью среде. Некоторые из них, видимо, предпочитали определенные диапазоны электромагнитного спектра, причем каждый вид отличался ему одному свойственным блеском и формой. Они разворачивали большие рецепторные плоскости, чтобы удерживать нужную орбиту и угол перемещения в этом вечном безбрежном дне.

Корабли людей скользили между огромными крыльями блестящих полотнищ фотоядов. Стада последних «катались» на электромагнитных ветрах и течениях, образуя очень сложные динамичные системы. Конечно, это были машины, возможно, происходившие от кораблей-роботов, исследовавших Центр миллиарды лет назад. Более же сложные машины, развившиеся в этой изобилующей пищей среде, вероятно, рыскали на темных путях, лежавших дальше от Центра.

Снаряд разорвал пылевой покров и ударил в один из кораблей. Другой пронзил нескольких фотоядов, и они погибли во вспышках пламени.

Корабли нырнули в тень и стали ждать. Бежало время.

Нечто невиданных очертаний отделилось от грани густого пылевого облака. По-своему оно обладало гротескной элегантностью, но такую форму не могло бы породить никакое человеческое воображение. Яркое, функционально светящееся, оно ленивыми спиралями спускалось по гравитационным градиентам. Под полотнищами фотоядов Париж различал вращающееся сияние. Должно быть, «нити» магнитных потоков, подумал он. Его мысли нарушил Аспект Артура.

Я бывал тут, уже в своем аспектном виде, в те далекие и славные дни, когда нам разрешалось проникать сюда. Я советую тебе спрятаться, ибо приближающийся к вам стороже-

вой корабль мехов настолько смертельно опасен, что даже я не могу точно оценить степень этой опасности.

— Неужели у тебя такая крепкая память?

Это было всего лишь 2437 лет назад. Конечно, когда меня копировали, то были допущены некоторые ошибки, это верно, но чувство страха — самый надежный стабилизатор памяти. А я был жутко перепуган, когда моя носительница отправилась в полет в эти края. Она принадлежала к числу трех, которые выжили, а ведь в начале их было больше тысячи.

— Я не знал...

Интуиция явно подвела его. Другие узкие корабли людей с гулом пронеслись мимо, посылая панические сигналы, которые он с трудом разбирал. Тот эффектный корабль мехов продолжал спускаться к ним. Он был, правда, еще во многих сотнях километров, но неуклонно приближался и по масштабам космических сражений уже находился в опасной близости.

Здесь нас наверняка ждет смерть. Когда чувствуешь, что проигрываешь, меняй правила игры.

Париж кивнул и послал закодированный сигнал остальным. На максимальной скорости он поднырнул под сияющие полотнища фотоядов, огромные крылья которых грациозно изгибались под воздействием фотонового бриза. Штормов эти стада боялись. Раскаленные добела смерчи крутились и отрывались от диска. Когда на нем расцветали огненные бутоны, среди мирно кормящихся стад поднимался протестующий ропот. В случае опасной погоды между слоями стад пролетали некие телеметрические устройства, которые, должно быть, помогали удержать ситуацию под контролем. Они перекликались друг с другом в этом вечном свирепом жару с помощью световых сигналов.

Париж видел, как погибло одно стадо. Огромные светящиеся полотнища были сорваны с места. Многих швырнуло в рваные массы молекулярных облаков, которым вскоре предстояло закипеть и испариться. Другие, беспомощно крутясь, падали вниз. Еще задолго до того, как они достигали сверкающего диска, жуткий жар растворял их ткани. Они вспыхивали — последний энергетический всплеск.

Сейчас, находясь в пузыре сенсорики своего корабля, Париж ощущал на себе чье-то пристальное внимание. Чьи-то линзы следовали за ним: добыча?

Толпилась стая фотоядных, привлеченная магнитными потоками, идущими вдоль оси галактики. Среди них скользили голубовато-стальные гаммаяды, питающиеся жестким гамма-излучением, исходящим от расширяющегося диска. Артур заметил:

Эти иногда поднимаются над диском очень высоко, насколько я помню, чтобы охотиться на кремниевых тварей, обитающих в темных пылевых облаках. Большая часть здешних экологических особенностей была в мое время практически неизвестна, и людям запрещалось проникать в такие области до того, как они будут как следует исследованы. Мы искали Ведж — место, где нашли убежище самые ранние переселенцы с Земли, среди которых был и легендарный Уолмсли. Мы хотели отыскать Галактическую Библиотеку, о которой много говорилось. Это сокровище могло бы...

— Ладно, ближе к делу.

Он остановил ленивые воспоминания Артура, заблокировав их. Время уходить. Но куда? В магнитную трубу? И какие меры предосторожности могут быть приняты?

Вместе с другими кораблями корабль Парижа свернул в сторону нитевидных образований. Однако это одновременно чуть не привело их к столкновению с огромным металлоядным чудищем, оснащенным парусовидным плавником. Оно увидело их и рванулось в погоню.

Условия навигации здесь были проще. Далеко под ними, суживаясь до величины устья глубочайшего провала, находилась ось Пожирателя Всего Сущего — Черная дыра, уже поглотившая три миллиона звездных масс: булавочный укол в центре черного пятна на вращающемся, раскаленном добела диске.

Металлояд спускался следом за ними, ломая тонкие плоскости потребителей желто-золотистого света. Корабли людей рассеялись, без всякого успеха обстреливая чудище. Его преимуществом была прочность, их — быстрота.

— Но как, черт побери, нам справиться с этой штуковиной?

Металлояды питаются гораздо менее совершенными фотоядами. Их древние программы, улучшенные в процессе естественного отбора, заставляют их продолжать охоту на слабейших. Тех, которые оказались на малопродуктивных орбитах, ловить легче. Кроме того, они предпочитают вкус тех,

чьи рецепторные плоскости потускнели от сочных рассеянных элементов, извергнутых раскаленным диском — там внизу. Металлояды угадывают жертвы по крапчатой и тусклой окраске. Каждое мгновение миллионы таких незначительных смертей формируют мехосферу...

— Но нам необходимо как-то избавиться от него!

Я подумаю. А пока — ноги в руки, и пошел!

Париж бросал свой корабль то вправо, то влево, используя весь свой опыт, чтобы взять верх над врагом. Другие оказались менее счастливы — он услышал крики трех погибших пилотов где-то в непосредственной близости.

Эти милые проводнички живут, чтобы поглощать свет, и испускают микроволны, но некоторые из них, вот как тот, что гоняется сейчас за маленькими кораблями людей, развили у себя вкус к металлам. Металлояды. Они даже сложили свои зеркальные крылья, стали грубее по форме и быстрее, научились резко менять ускорение.

Высший филюм заметил тебя.

— Да, и приближается с огромной быстротой.

Растения используют лишь один процент энергии, падающей на них. Фотояды потребляют десять процентов, но эволюция мехов улучшила этот показатель. Замечательно. В некотором смысле, я думаю.

— А ну-ка, вырази это покороче и не голосом. — Аспект всегда и с большим удовольствием расширял разговорные рамки.

Артур выдал целую очередь сжато сформулированных древних знаний. В процессе атомного распада, сказал он, внутри фотоядов происходит переваривание остатков других машин. Будучи точно настроен, их пищеварительный аппарат способен выдавать наружу слитки химически чистых сплавов.

Важнейшими ресурсами здесь являются свет и масса. Фотояды поглощают свет, а хищные металлояды поглощают их самих, но с еще большим удовольствием — человеческие корабли, хотя для них это экзотический вариант. Вот и сейчас один такой издает гигагерцы радостных воплей, нырнув за нами в магнитные поля «нитей».

— А что, эти магнитные сущности обладают сознанием?

Да, хотя и не в том смысле, который вкладывают в эти слова кратко живущие люди. Их можно сравнить с богатыми,

но не используемыми библиотеками. У меня возникла идея. Их мыслительные процессы могут быть подвергнуты воздействию.

— Каким образом?

Их мыслительный процесс запускается с помощью электродинамических потенциалов. Мы их раздражаем, я почти уверен в этом.

Париж видел, как стремительно нагоняет их металлояд. А следом столь же неотвратимо приближается спиралевидный сторожевой корабль мехов.

Оставшиеся корабли людей выполнили сложный маневр, включавший серию разворотов и пикирование, причем все это в условиях усиливающейся радиационной активности, исходящей от раскаленного диска. А вокруг подобно пылающей слоновой кости светились магнитные «нити».

Разумеется, любитель металлов с легкостью проглотил бы корабли Парижа, но его легкие крылья, распустившиеся для виража, затрудняли ему возможность маневрирования, ставя в невыгодное положение в сравнении с верткими кораблями людей. Они проворно проскочили между «нитями» магнитных внутренностей. За ними следовал корабль мехов.

— Как долго будут раскачиваться эти магнитные существа, прежде чем начнут реагировать?

Если опыт хоть чему-нибудь учит, то скоро. Я советую пропустить металлояда вперед. И немедленно!

— Гляди, как бы он не исхитрился схватить нас!

Артур ответил множеством быстро повторенных «да». Его страх перед тем, что происходило с ними, постепенно передавался Парижу. Хорошие имитации, подумал он, видимо, обладают способностью бояться за свое существование.

Серо-стальная туша металлояда уже висела над ними. У хищников всегда есть паразиты, лизоблюды, питающиеся падалью. Так и здесь. На полированной «коже» металлояда виднелись твари, похожие на устриц и морских уточек, а также просто бесформенные наросты оранжево-коричневого и грязно-желтого цвета, которые питались случайными крошками или очищали металлояда от вредных для него элементов — обломков и пыли, каковые могли бы повредить даже самым мощным механизмам, если хватит времени.

Металлояд заложил крутой вираж, надеясь схватить корабли, идущие вдоль магнитных «нитей», но вязкое давление силовых полей сдержало его инерцию.

Париж подпустил его совсем близко, пытаясь оценить характер па, исполняемых существами, населяющими этот колоссальный танцевальный зал. В танце, определяемом давлением фотонов, свет играл роль жидкости, он поднимался снизу вверх, от обжигающих штормов, бушующих там — внизу в колоссальном, перемалывающем материю диске. Этот богатый помол поддерживал существование жизни в сферическом объеме пространства, равном многим сотням кубических световых лет. Колоссальное неиссякаемое кормовое угодье.

Появились электродинамические помехи. Их гул затруднял связь с другими кораблями, выглядевшими почти неразличимыми пылинками. Огромная масса металлояда громоздилась где-то совсем рядом. От нее тянулись вперед гибкие клешни.

Оглушительный разряд. Медленная молния по дуге пробежала вдоль переплетения «нитей». Лимонно-желтая лента аннигиляции ушла куда-то вниз.

— Нас тут поджарят! — крикнул Париж. Однако Артур, который частично обрел спокойствие, возразил:

Мы тут мелочь, есть ставки и покрупнее. Этот трескучий огонь перехватят более крупные проводники.

Еще один раскатистый удар. Металлояд изогнулся, скорчился и погиб в танцующем бледном пламени.

Магнитным «нитям» требовалось немало времени для принятия решения, но сами решения были куда как основательны. Индукция — штука вязкая, но от нее никуда не уйдешь. Только теперь Париж понял замысел Артура.

Как только разряд уничтожил металлояда, потенциалы стали отыскивать другую проводящую поверхность, обладавшую наибольшей латентной разницей. Законы электродинамики нащупали самый большой из имевшихся проводников и замкнулись на сторожевом корабле мехов.

Получив разряд, сторожевик вспыхнул. Рубиново-красные и сине-зеленые факелы затанцевали во тьме.

Радостные возгласы донеслись со всех оставшихся кораблей. Дивное создание медленно падало вниз. Большие поверхности металлояда и сторожевика мехов перехватили электрический ток, генерируемый магнитными «нитями».

— Я... Ты и в самом деле понимал то, о чем говорил? — устало спросил Париж.

Не совсем. Я действовал согласно знаниям, сохранившимся в архивах моей памяти, но теория далеко не всегда приводит к верному решению. Хотя, возможно, тут сработала и моя интуиция, если допустить, что она...

В словах Аспекта Париж ощутил слабый привкус гордости. Корабли людей снова набирали скорость, торопясь уйти из сферы действия призрачных «нитей». Запас разрядов огромного вольтажа мог оказаться неограниченным.

Неподалеку от края сверкающего диска, никак не реагируя на царящие здесь штормы и смерчи, вращалось странное, покрытое пятнами серое цилиндрическое тело.

Вот оно! Цилиндр явно был делом рук мехов.

— Дворец Человека, — произнес Париж, сам не зная почему.

В ЗАКРОМАХ

— Мне приснился этот страшный сон, и я проснулся. Оказалось, что это была реальность.

— Должно быть, нас в этом темном, ровном помещении, почему-то закруглявшемся где-то наверху, были многие тысячи. Я мог смотреть вверх моим единственным глазом и видел, что и потолок заполнен нами, рассаженными в специально подготовленные места.

— Я весь покрыт сетью вен — длинных, толстых и синих. Но есть мне все равно хочется.

— Моя мать тоже здесь, всего лишь в нескольких метрах от меня, но я узнал ее только по рыданиям, которые очень похожи на ее плач, а больше ничем эта тварь на мать не похожа.

— Мне удалось высвободить руку и выдавить себе один глаз, так что я не должен был больше видеть ее, но они починили мне глаза и сказали, что все это — часть моей экспрессии и теперь я должен смотреть все время, ибо они отрезали мне веки и к тому же перестали выключать свет.

— Мне не жарко, но все равно это Ад, и мы шепчемся друг с другом об этом, а также о том, что он будет существовать вечно и во веки веков, да святится имя Твое, аминь.

Это была обитель, выдержанная в тонах белого мела и красной крови, обитель ромбовидных глаз и хриплых песен.

Париж и одиннадцать пилотов, оставшихся в живых, нашли шлюз, взломали его и вошли в громадное помещение внутри вращающегося цилиндра. Париж шел мимо предметов, на которые нельзя было смотреть долго, и не мог понять смысла увиденного.

Струи непонятных запахов, бормотание голосов, слова, похожие на щебет сошедших с ума птиц.

Некоторые из предметов уже даже не напоминали людей, они скорее походили на согнутые трубы, изготовленные из отливающей воском плоти. Другие походили на движущиеся комки маслянистой желчи. Какой-то мужчина стоял на одной руке, его живот напоминал мехи аккордеона, а когда он двигался, то по всему телу у него образовывались овальные щели, из которых наружу выплывал желтый туман, а изо рта выходили разделенные долгими паузами тоскливые слова: «Я... есть... священный... замысел...» Потом следовал полузадушенный вздох и: «Помогите... мне... станьте... такими же... как... я...»

Откуда-то несло вонью, как из отхожего места. Прямо в глаза Парижа уставилась женщина. Она молчала, но по ее коже с тихим журчанием стекали струйки мочи. Рядом с ней стояла маленькая девочка, изображающая концертный рояль, веревочные розовые струны которого яростно краснели, когда начинали говорить разом.

Двенадцать пилотов были ошеломлены и не находили слов. Кое-кто из них обнаружил деформированные почти до полной неузнаваемости варианты людей, с которыми они были когда-то знакомы. Встречались и люди из далекой древности и из мест, которые никому не были известны.

Париж обнаружил проход, уставленный содрогающимися парами, занимавшимися сексуальными актами с помощью органов, которые природа вовсе не предусмотрела для подобной цели — вроде патрубков со скользящими в них вкладышами. Были там и существа, которые щупали и гладили самих себя во все возрастающем темпе, пока не впадали в полное безумие, визжали и орали вновь прорезавшимися ртами, затем утихали, но лишь затем, чтобы возобновить все те же действия во все убыстряющемся ритме.

Одного из жителей Изиды вырвало.

— Мы обязаны спасти их, — сказал он Парижу, когда тот подошел помочь ему.

— Да, сэр, — согласилась женщина-пилот. Выжившие люди жались друг к другу, подталкиваемые неизбывным ужасом.

Уродливая скульптура, изображавшая кишечник, из которого росли зеленые листья, с трудом выдавила из себя слова: «Нет... я... не... хочу...»

Париж чувствовал, что страхи и тревоги последних часов уходят прочь и их сменяет какое-то непреклонное чувство, которое он никак не может облечь в слова и выдавить их из глотки. Он покачал головой. Женщина начала было спорить, говоря, что им следует отобрать те статуи, которые были изуродованы меньше и позже других, и постараться устранить сделанные в них изменения.

Наконец-то он нашел нужные слова:

— Они хотят уйти. Послушайте их.

Из длинного прохода, казалось, уходившего в бесконечность, слышались бормотание, стоны, корпускулярная симфония страданий и поражений, которая своими ритмами и невнятными каденциями невольно вызывала видение длинного черного туннеля, полного руин и бедствий, которые стали уделом человечества здесь, в Центре галактики, многие тысячелетия назад.

Париж молчал. Вслушивался. В мозгу со скрипом шевелились извилины... Им было неподъемно тяжело. Но они постигали.

Скульптуры Богомола отражали совершенно искаженное представление о человеке. Богомол стремился выразить суть каких-то отдельных мгновений, воспоминания о которых мелькнули в ограбленных им умах гибнущих людей, но то, что он получал, не было и не могло быть точной копией их сущности. Эта сущность лежала в том, что было извлечено ими из потока, мчавшегося со скоростью миллиарды битов информации в секунду. А в судорожное мгновение, в длящуюся долю секунды боль смерти, люди кромсали свою Вселенную электрохимическими клинками, отсекая от себя только крошечную частичку своего «я».

Смерть была для людей как бы матерью, дарящей им красоту. Да и боги их разве не были в конечном счете отражением той неуверенности, с которой смертные шагали по жизни?

Для Парижа формула $e^{i\pi} + 1 = 0$ еще в детстве звучала как бессмертная музыкальная фраза разума, связывающая между

собой несколько постоянных величин в единое целое с помощью математического анализа: *0, 1, e, π, i...* Для Парижа простая линия этого уравнения была прекрасна.

А для цифрового сознания восприятие данного уравнения было бы совершенно иным, оно не воспринималось бы ими как грандиозный открытый и живописный ландшафт. Не лучше, не хуже, а просто иначе.

Но передать эту мысль Богомолу он никогда не сумеет.

Так же, как не сумеет выразить ярость, таящуюся в его крови, свою ненависть к той тени, которая каким-то образом проникла в его сознание и так портила ему жизнь.

В каком-то смысле, однако, эта ярость была куда мудрее простого гнева. Париж сам удивлялся себе: дышал медленно, спокойно и не ощущал ничего, кроме гранитной уверенности в своей правоте.

И Париж принялся спокойно и размеренно убивать скульптуры. Его спутники стояли, потеряв дар речи от изумления, и во все глаза смотрели на то, что он делал. Их реакция его не интересовала. Он двигался быстро, уничтожая статуи выстрелами, и эта работа поглощала его внимание целиком, без остатка.

Он даже не слышал тихого плача.

Время шло, но Париж не замечал того, что оно уходит, он просто вдруг обнаружил, что его спутники без всякого предварительного обсуждения принялись делать то же, что делал он. Да и вообще никто не проронил ни слова.

Теперь вопли скульптур звучали совсем иначе — это были свежие радостные голоса, голоса людей, понявших, что их ожидает.

На завершение этой работы потребовалось немало времени.

Богомол ожидал их снаружи цилиндра, как это в глубине души и предчувствовал Париж.

Я не мог предугадать того, как поступишь ты и твои товарищи.

— Вот и ладно. — Узкий, похожий на карандаш корабль Парижа уже успел покинуть длинный серый цилиндр, превратившийся теперь в памятник безумию.

Я разрешил вам сделать это, так как те работы были уже закончены. А ты — работа, которой я занимаюсь сейчас, и я надеюсь — самая лучшая.

— У меня всегда была слабость к комплиментам. — Париж чувствовал, как меняется состав его крови, как понижается в ней содержание кислорода и глюкозы, уходящих из тела для питания уже изменившегося мозга. Там — внизу — светился огромный диск, пылающее колесо, вращающееся на радость аудитории из множества тесно сгрудившихся звезд.

Юмор — это еще одна черта человеческого характера, который мне удалось освоить.

— Вот это новость! — Париж направил свой корабль вниз, могучее ускорение вжало его в спинку пилотского кресла. — Как это по-человечески! Ведь у нас каждый считает, что у него прекрасное чувство юмора.

Я ожидаю, что узнаю от тебя еще много нового.

— Сейчас?

Ты созрел. Твои свежие, чисто человеческие реакции на мое искусство будут для меня бесценны.

— Если ты позволишь мне жить, тебе придется подождать еще парочку столетий, за время которых ты сможешь подкопить еще больше опыта, прежде чем я умру.

Это правда. Тем более что пока ты одарил меня многим. Я понял, что существуют причины, позволяющие завидовать человеческой ограниченности.

— Но теперь, когда я познакомился с твоим искусством, в моей жизни произойдут большие перемены.

Правда? Неужели оно так сильно действует даже на тебя, на представителя совсем иной культуры? Как это может быть?

Ему следует соблюдать величайшую осторожность.

— Произведения такой глубины требуют времени для своего постижения. Их сразу невозможно переварить.

Ты употребил метафору, имеющую отношение к химическому процессу. Это чисто человеческая черта — вовлекать в разговор самые низкоэффективные части своего организма. Тем не менее ты указал на возможную выгоду для меня, если я разрешу тебе жить и дальше.

— Мне необходимо время, чтобы впитать в себя это.

Париж чувствовал, как резервы энергии его тела приносятся в жертву процессу перестройки его внутренней сути. Впервые он понял себя тогда, когда стал убивать существа, выставленные в цилиндре. Какая-то часть его — «мы» — теперь знала все. А его «я» с трудом выговорило:

— Мне кажется, что тебе очень многого пока не удалось понять.

Я могу это исправить, теперь же.

— Вот этого-то ты сделать как раз и не сможешь. Таким путем познать нас нельзя.

Похожий разговор у меня был с твоим отцом. Это он предложил мне войти в тебя.

— Нас нельзя понять, делая срезы и кромсая ножами.

Существует весьма основательное предположение, что цифровое сознание может понять любые другие типы сознаний с любой степенью точности.

— Беда чужаков заключается в том, что они чужаки.

Париж чувствовал, как в него проникают ловкие пальцы огромного холодного разума, он ощущал, как растворяется в нем. Скоро, скоро он превратится в пустую скорлупу. Он станет частью Богомола, добавкой, которая поможет перебросить мостик к голограммной логике мехов. Чувствовал, как перестраивается его нейронная сеть. И как убыстряется ее работа.

Искусство в космосе встречается повсеместно. Мне особенно нравились твои скульптуры изо льда, которые таяли от жары, пока зрители любовались ими. А как бы мне хотелось понять твои гобелены, казалось, сотканные из смутных ощущений, боли и непостижимых тревожащих эмоций. Талант, появление которого невозможно предвидеть.

— Этого никогда не случится. Ты мог бы усвоить это, если бы разрешил мне прожить отведенное мне природой время.

В этом что-то есть. Мне придется потратить время на обдумывание этой проблемы. А пока прекрати спуск вниз к диску.

Он получил свой шанс! Сознанию Богомола придется выйти из Парижа, чтобы проконсультироваться с другими своими частями, поскольку его сознание — антологическое. Это даст Парижу несколько коротких секунд для действия. И он решительно надавил на акселератор.

— Можешь не торопиться.

Какое-то время, показавшееся ему нескончаемым, он провел наедине с мучительным гулом терпящего насилие корабля и бившими снаружи гейзерами, каждый из которых был больше, чем мир.

Я вернулся. Решил скосить тебя сейчас же.

— Жаль это слышать, — отозвался весело Париж. Мертвые могут позволить себе быть вежливыми.

Я хочу, чтобы ты рассказал, зачем уничтожил мои работы. Впрочем, это я все равно скоро выясню.

— Не думаю, что ты способен это понять.

Париж вел корабль к диску сквозь гейзеры бурлящей и шипящей плазмы.

Его «я» ощущало какие-то резкие движения внутри его «мы», и несмотря на нарастающие звуки тревоги, которые издавал корабль, он почувствовал огромное облегчение.

Вжатый в кресло все возрастающим ускорением, он вспоминал все, что видел, все места, где побывал, и прощался со всем этим.

Ты ошибся в расчете траектории.

— Черта с два я ошибся.

Надо с толком прожить каждый ускользающий момент. Эта мантра* работала на него, и сейчас он нуждался в ней больше, чем когда бы то ни было. Трусость — настоящая трусость, а не минутная паника — рождается неумением обуздать воображение и не дать ему рассматривать все варианты возможных последствий случившегося. Взнуздать воображение и жить каждой секундой, пока она не улетит, пока нет ни прошлого, ни будущего... Париж знал, что, живя так, он сумеет перейти из той секунды в другую, не испытывая ненужной боли.

Измени курс. Твой корабль не сможет выдержать искривлений, которые грозят тому, кто летит так близко к диску. Твоя расчетная кривая приведет к тому...

— К моему концу. Я знаю. И не важно, каков он.

Аспект Артура вопил. Париж сунул его в нишу, успокоил и отключил сенсорные связи. Зачем ненужная жестокость...

И вдруг Артур крикнул тонко и пронзительно, как бы отвечая на то, о чем когда-то думал Париж. Это был прощальный салют Артура:

Если Разум вывел людей из Материи, дав Вселенной возможность познать себя и тем самым выполнить свое домашнее задание...

— Тогда, может быть, мы именно по этой причине находимся здесь, — прошептал Париж.

* Мантра (*инд.*) — заклинание, молитва. — *Примеч. пер.*

Единственной возможностью лишить Богомола знаний, которые ни один человек, кроме Парижа, не мог бы ему сообщать, было стереть часть своего внутреннего «я» и не допустить его до контакта с цифровым сознанием.

Он промчался над вскипающей поверхностью раскаленной добела субстанции, обреченной стать его могилой. Прямо впереди лежало место, откуда даже Богомол не мог извлечь его — самая страшная из пропастей, самая безысходная точка, призывавшая его к себе через необозримые пространства золотого света. Нет, даже Богомолу его отсюда не извлечь.

Париж усмехнулся и, прощаясь с миром, резко нажал на акселератор.

ЭНН МАККЭФРИ
КОРАБЛЬ, КОТОРЫЙ ПЕЛ

«Корабль, который пел» (1970)
«Партнерство» (в соавторстве с Маргарет Сейл, 1992)
«Корабль-досмотрщик» (в соавторстве с Мерседес Лаки, 1992)
«Город, который воевал» (в соавторстве с С.М. Стирлингом, 1993)
«Корабль, который победил» (с соавторстве с Джуди Линн Най, 1994)

«Она родилась с сильными физическими отклонениями и, если бы не прошла энцефалографической экспертизы, которую обязаны проходить все новорожденные, подлежала немедленному уничтожению. Всегда существует возможность, что, хотя члены изуродованы, мозг остается совершенным, а если уши почти не слышат, а глаза не видят, то мозг может работать как часы.

Энцефалограмма оказалась вполне благоприятной, даже более чем, и эту новость тут же сообщили родителям, которые с болью в сердце и слезами на глазах ждали решения. А оно должно было быть бесповоротным и очень жестким: или ребенку назначается эвтаназия, или ему разрешается жить в виде заключенного в металлическую капсулу Мозга, который в дальнейшем станет направляющим механизмом во множестве очень странных профессий. В качестве такового ребе-

---

«The Ship That Returned» ©Anne McCaffrey, 1999. ©Перевод. В.П. Ковалевский и Н.П. Штуцер, 2001.

нок не будет знать болезней, будет в течение многих столетий обитать в комфортабельной капсуле, служа нуждам Центральных Миров и выполняя для них важные и интересные задания.

Итак, она осталась жить и обрела имя Хельва».

Так начинался первый роман о Хельве — «Корабль, который пел». В нем рассказывалась история о том, как Хельва становится мозгом космического корабля и как ее первый корабельный партнер Дженнан Захир Селан трагически погибает, когда они начинают смелую операцию по спасению членов небольшой религиозной секты с планеты, которая должна превратиться в пепел, так как ее солнце вот-вот станет Новой. В романе повествуется и о дальнейшем путешествии Хельвы, о том, как она пытается победить глубокую депрессию, охватившую ее после гибели Дженнана, и о том, как она ищет себе нового партнера, который был бы столь же совместим с нею, как Дженнан. Ниал Пароллан — умница, насмешник, воинствующий нонконформист и страстный любитель женщин, становится ее броном — человеческим придатком, мускулами корабля, — и они вдвоем отправляются на поиски приключений, которые становятся в дальнейшем источником новых хроник, написанных уже в сотрудничестве с другими авторами.

Энн Маккэфри

КОРАБЛЬ, КОТОРЫЙ ВЕРНУЛСЯ

Хельва перебирала свой обширный архив музыкальных записей, стараясь отыскать в нем что-то, что совпадало бы с ее нынешним состоянием духа, как вдруг ее внешние сенсорные датчики настойчиво потребовали внимания к себе. Хельва насторожилась. По курсу далеко впереди тянулись ионные «следы» множества мелких, средних и больших космических кораблей. Они прошли здесь несколько дней назад, но она все еще свободно улавливала «вонь» грязных эмиссий их двигателей. Хельва с удивительной точностью определяла даже индивидуальный «почерк» каждого из кораблей. Она почти автоматически поставила радары по левому борту на предельную дальность, но на экране появились лишь несколько слабеньких вспышек света. Мощности приборов явно не хватало.

— Пожалуй, далековато от обычных космических транспортных линий, — пробормотала Хельва.

— Это точно, — отозвался Ниал.

Она улыбнулась с нежностью. Голографическая программа значительно улучшилась с тех пор, как она подчистила ее в последний раз. В кресле пилота сидел Ниал Пароллан собственной персоной, его сильная правая рука тянулась к клавишам на панели управления давлением, а левая свободно покоилась на подлокотнике кресла. Он был одет в черный корабельный мундир, который особенно любил, ибо отличался немалым тщеславием. «Черный цвет мне сейчас идет больше, когда мои волосы побелели». И он горделиво встряхивал густой гривой серебристых волос, закидывая голову назад и бросая самодовольные взгляды в сторону Хельвы.

— Где мы сейчас находимся, Ниал? Я как-то перестала следить за этим.

— Ха! Где-нибудь в заоблачных краях разинь и глупцов...

— Хорошо бы еще знать, где точно находятся эти края, — подыграла она ему. Как все-таки приятно снова слышать его голос!

— Мне кажется... — Наступила пауза — программа определяла точные координаты. — Мы находимся в секторе Цефей-три.

— Ого! И в самом деле. Но что тут делать большой корабельной флотилии? Это же почти пустая область космоса.

— Сейчас принесу Атлас, — отозвался Ниал. Именно так он и должен был ответить по программе.

Со стороны Хельвы было безумной прихотью изготовить голограмму человека, который умер уже два месяца назад, но с точки зрения психологии так было куда лучше: от такой реанимации она явно успокоилась. Присутствие Ниала поможет ей обуздывать свое горе до тех пор, пока она не доставит его мертвое тело на Базу Регул. Тогда она узнает, есть ли у них там новые броны, из которых она сможет отобрать себе нового «мобильного партнера».

Семьдесят восемь лет, пять месяцев и двадцать дней, проведенных рядом с такой яркой личностью, как Ниал, значат очень много. И вычеркнуть их разом просто невозможно. И поскольку у нее были технические возможности сделать его в некотором роде живым, то она так и поступила. Разумеется, у нее накопился огромный объем воспоминаний об их повседневной жизни, что и сделало эту задачу осуществимой. Естественно, через какое-то время она сотрет разработанную программу, но сделает это не раньше того, как перестанет нуждаться в Ниале, чтобы сдерживать приступы тоски. Такие потери и такие эмоции уже бывали в ее жизни. Достаточно вспомнить то, как потеряла она своего первого партнера Дженнана. Она провела с ним только пять лет, но ведь это вполне могло стать прологом общения, которое длилось бы целую жизнь.

В те времена Ниал Пароллан был агентом — связующим звеном между Хельвой, Главным Мозгом Центральных Миров и Международной Ассоциацией Корабельных Бронов на Базе Регул. После довольно длинной серии относительно коротких и лишь минимально удачных партнерств с другими бронами, она с радостью приняла Ниала в качестве своей

мобильной «половины». Вместе с ним они исколесили всю галактику из конца в конец. Ниал очень хитроумно и ловко провел операцию по уплате Центральным Мирам огромной задолженности Хельвы за воспитание и обучение. И тогда они стали свободными бродягами, берущимися за выполнение лишь таких дел, которые им были интересны, а не бесправными исполнителями чужих распоряжений и желаний. Они, например, отказались от полета к Туманности Лошадиной Головы, куда когда-то она так мечтала отправиться вместе с Дженнаном.

Корабль-Мозг НХ-834 уже настолько пресытился приключениями, что не желал отправляться к черту на кулички лишь для того, чтобы обогатиться острыми ощущениями.

— Давай попробуем рассмотреть их поближе, а, Ниал?

— Шикарная мысль, особенно для такого тоскливого дня, верно? — Хотя пальцы Ниала и пробежали по клавишам панели пилота, но на самом деле именно Хельва произвела необходимые расчеты и отдала распоряжение изменить курс корабля. Впрочем, и в нормальной обстановке это входило в ее обязанности. Для этого в Ниале нужды не было, но Хельве всегда доставляло удовольствие давать ему разные поручения. Иногда он сразу же начинал скандалить, говоря, что она вечно навязывает дела, которых он выполнять *не желает*. А она рявкала в ответ, что чуточка *настоящей* работы никому еще не вредила. Конечно, когда Ниал начал физически слабеть, то такого рода перебранки потеряли смысл, хотя по давней привычке они иногда и возникали.

Ниал, когда он стал партнером НХ-834, только недавно вступил в четвертый десяток. Стало быть, он прожил с ней хорошую и относительно долгую для существа с мягкой оболочкой жизнь.

— Да, я из крепкой породы, — сказала голограмма, несказанно удивив этим Хельву. Что это? Неужели она разговаривает сама с собой? Впрочем, по программе она должна ответить.

— С таким хорошим уходом ты можешь протянуть еще несколько столетий, — ответила она так, как отвечала много раз при жизни Ниала.

Хельва изменила курс на девяносто градусов в соответствии с показаниями курсовой панели.

— Давай, давай, нечего лентяйничать, девочка. — Ниал развернул пилотское кресло так, чтобы оказаться лицом к консоли, скрывавшей титановую капсулу с Хельвой.

Она хотела было продолжить рутинную процедуру, но вдруг решила, что не вредно было бы побольше узнать о самом «вторжении».

— А почему ты называешь это вторжением? — спросил Ниал.

— Такое большое число кораблей, вдобавок идущих одним курсом? Чем же это может быть, как не вторжением? Торговцы ведь конвоями не ходят. Во всяком случае, в этих местах. А у кочевников есть свои установившиеся маршруты, которых они строго придерживаются. Причем эти маршруты проходят преимущественно в более заселенных секторах. И если я верно определила коэффициенты предельного напряжения...

— Ну, в этом-то вы наверняка не ошиблись, моя прекрасная юная леди...

— Эти корабли под завязку набиты топливом, что превышает все допустимые спецификации. И они заражают своими грязными выбросами все пространство космоса вдоль своего маршрута. Этого допустить нельзя.

— А мы никому не позволим гадить в нашем родном космосе, верно? — Правая бровь голографического изображения саркастически изогнулась, в точности повторяя забавную привычку Ниала. — И машин, жрущих топливо, тоже не допустим... Может, послать сообщение всем, кого это касается?

Хельва уже отыскала Атлас, содержащий новейшие данные по этому сектору космоса.

— Здесь есть только одна обитаемая планета, куда они могут направляться. Это Равель... — Неожиданность заставила забиться ее сердце. — Нет, только подумать!

— Равель? — Недурная все-таки программа получилась — так быстро произвела поиск и нашла нужные сведения! Хельва внутренне поморщилась, уже предвидя, какова будет ответная реакция голограммы. — Равелем называлась звезда, которая стала Новой и которая убила твоего брона Дженнана, не так ли? — спросил Ниал, хотя этот факт был ему отлично известен.

— Мне не нужны напоминатели, — ответила Хельва сварливо.

— Мой вечный соперник! — с наигранным легкомыслием отозвался Ниал, как он поступал всегда в подобных случаях. Он крутанул кресло, которое описало полный оборот, так

что его усмехающееся и ничуть не выражающее раскаяния лицо снова оказалось обращенным к консоли Хельвы.

— Чушь! Он мертв уже больше столетия!

— Мертв, но не забыт.

Хельва промолчала. Она знала — Ниал прав. Он всегда прав, невзирая на то что сам уже мертв. Может, и в самом деле не такая уж блестящая идея — дать ему возможность препираться с ней? Но ведь он и при жизни говорил ей то же самое... и делал это слишком часто, иначе такая фраза не появилась бы в программе.

Как бы она хотела, чтобы диагностики указали ей главнейшую причину внезапного одряхления Ниала, дабы она могла хоть чуточку отсрочить его смерть. Чем-то. Любым путем.

— Выстарился я, любимая, — сказал Ниал ей однажды во время одного из их частых разговоров, когда оказалось, что он уже не может утаить от нее сжимающей свои тиски усталости. — Да разве можно ждать чего-то другого от формы жизни, для которой дегенерация — естественная норма. Я считаю, что я еще счастливчик, так как протянул очень долго. И этим я обязан только твоим заботам и уходу в течение последних семидесяти лет.

— Семидесяти восьми, — поправила она его тогда.

— Мне жаль бросать тебя одну, моя ненаглядная, — сказал он, поглядывая на консоль, где она была замурована, и прижимаясь к ней щекой. — Из всех женщин, которые были в моей жизни, ты — самая замечательная.

— Это потому, что я единственная, которой ты *не смог обладать,* — сказала она.

— Но ты не можешь сказать, что я не старался добиться этого, — пробормотала голограмма с характерным смешком Ниала.

Хельва ответила ему тем же. Воспоминания такого рода и разговор о них вслух теперь уже не казались ей такой уж прекрасной идеей. Скоро она совсем запутается — где память, а где результаты программирования.

И *почему* она все-таки отказалась от искусственного тела, которое Ниал купил специально для нее, тем самым поставив их банковский баланс на грань катастрофы, снизив его чуть ли не до нуля, а главное, вызвав этим поступком ощущение почти неизбежного разрыва между ними? Ниал так жаждал физического контакта с нею. «Эрзаца», как она гру-

бо называла это в пылу споров. А в глазах Ниала этот «протез» был ею, поскольку именно она оживляла бы искусственное тело. Да, Ниал действительно жаждал обладать ею. Он передал фирме «Протезы Сорга» голограмму — статую, которую он создал лично еще до того, как стал броном Хельвы. При изготовлении статуи Ниал использовал генетическую информацию, извлеченную из медицинской карты Хельвы, а также голограммы ее родителей и ее братьев и сестер. Пока он не рассказал об этом Хельве, она и не знала, что у ее родителей были и другие дети, причем совершенно нормальные в физическом отношении. Но ведь в людях, заключенных в титановые капсулы, отнюдь не поощрялось любопытство в отношении их семей. Они были люди-ракушки, что делало их совершенно особыми существами. Ниал поклялся ей самой страшной клятвой, что нисколько не преувеличил ее потенциальную привлекательность — статуя изображала необыкновенно красивую женщину. Он действительно получил все это из генетической карты. Больше того, все исходные материалы он представил на ее собственный суд.

— Может, ты тут и не совсем такая, девочка, — говорил он ей своим обычным легкомысленным тоном, — но ты и впрямь блондинка, голубоглазая и должна была стать высокой и стройной. Именно тот тип, который я обожаю. Твой отец — красивый мужчина, и я сделал тебя похожим на него, так как девчонки нередко похожи на красивых отцов. Надо сказать, впрочем, что мама у тебя тоже была шикарной дамочкой. Красивы и все твои братья и сестры, так что я ничего не выдумал, а просто позволил себе кое-что экстраполировать.

— Просто предпочитаешь блондинок, так что прекрати вешать мне лапшу на уши.

— Да разве я себе могу такое позволить, а? — ответила ей голограмма, и Хельва круто заставила себя вернуться к действительности, а также к тому факту, от которого все время старалась уйти: Ниал Пароллан, которого она так любила, — мертв. То, что она называла его «смертной оболочкой», лежало, охраняемое полем стасиса, в его личной каюте. Он умер спокойно — совсем не так, как жил — кипя, пенясь и всегда слегка переигрывая, избыточно театрально. Только что ее сенсоры еще ощущали медленное угасание физиологических процессов, но еще мгновение — и то, что было неуловимой личностью Ниала Пароллана, исчезло, отправив-

шись туда, куда уходят людские души или духовные сущности людей.

Она, которая не умела плакать, была просто потрясена. Только позже Хельва поняла, что несколько дней провела в прострации, пытаясь убедить себя в том, что Ниала и в самом деле больше нет. Она повторяла себе без конца, что у них была долгая и прекрасная совместная жизнь и что это обстоятельство отличает эту потерю от потери Дженнана, с которым она пробыла всего лишь несколько коротких лет. У Дженнана не было никакого шанса прожить полную, долгую и продуктивную жизнь. А Ниал жил такой жизнью. И не надо ей жадничать, не надо требовать от судьбы продолжения этой жизни, особенно учитывая то обстоятельство, что последние годы Ниал уже не мог наслаждаться тем образом жизни, которым раньше он пользовался жадно, полно, с отчаянным нонконформистским напором. Да, за последнюю сотню лет она научилась справляться со своими горестями. Но в тот момент она отчетливо поняла, что не сумеет в одиночестве закончить этот траурный перелет к Регулу. Ниал настаивал на своем праве быть похороненным рядом с другими героями Службы, раз он служил с ними и особенно с нею все эти долгие десятилетия. Когда он впервые высказал ей эту мысль, они были куда ближе к Регулу, чем сейчас. И она намерена выполнить его желание.

В представимой близости от Хельвы не было ни одного корабля-мозга, с которым можно было бы вступить в контакт и воспользоваться им в качестве эскорта. Ей с Ниалом дали задание исследовать ряд совершенно неизвестных звездных систем. Да, ей было крайне тяжело возвращаться к Базе со своим первым эскортом тогда — давным-давно, — везя тело Дженнана, погибшего у Равеля. Разумеется, сейчас почти не было шанса, что она пойдет на самоубийство. Она же прошла специальное тестирование после того, как вернулась на Базу со своим первым похоронным грузом. И все же идея создать голографическую факсимильную программу прочно вошла в ее сознание. Значит, это все же было неосознанное стремление оттянуть признание самого факта смерти Ниала? Разумеется, она могла позволить себе такую психологическую аберрацию, если это можно назвать аберрацией. И ей вовсе не обязательно сообщать об этой выходке на Базу. Они там должны радоваться уже тому, что она готова взять себе нового партнера. Опытный корабль-мозг — высочайшая ценность

для выполнения деликатных и важных заданий, а она — одна из самых лучших. Недаром же ее корабль перемонтирован и буквально набит всевозможной техникой, предназначенной для подобных кораблей и космических станций. Вроде этого проклятого искусственного тела, которое купил Ниал и которым она так и не воспользовалась. Просто не могла. Не могла заставить себя жить в Сорговском протезе! Ох, да знала она о Тиа и о том, что эта девушка была счастлива, получив возможность покидать капсулу и передвигаться. Чудненькое слово — «передвигаться»! Боже, какие споры и ссоры возникали у них с Ниалом по поводу протезирования вообще!

— Но ты-то снабдила бы меня искусственной рукой или ногой, если бы мне случилось их потерять, а? — Это был один из любимых аргументов Ниала.

— С тем чтобы мог ходить или действовать рукой — да, но это совсем другое дело.

— Это потому, что ты знаешь, что именно я использовал бы у тебя в первую очередь, а? — Он стоял почти вплотную к ее панели, так близко, что она видела, как гнев зажигает румянец на его щеках. Казалось, он вот-вот плюнет в ответ на ее непреклонность. — А кроме того, тебе ведь совсем не нужен мой... хм... мой короткий пальчик?

— Я полагаю, что в любом случае они *этого* не протезируют! — ощерилась она.

— Давай биться об заклад! — Ниал отошел от нее к своему пилотскому креслу и растянулся в нем, злобно поглядывая на ее консоль. — Твоя беда, девка, в том, что ты просто заплесневела в своем бочонке. Сидишь там загипсованная... А чего лишилась, не понимаешь. — Он горько усмехнулся.

Поскольку Хельва считала себя спокойной и трезво мыслящей, это обвинение ее укололо. И до сих пор жгло. В конце-то концов, может, ее мозг действительно так состарился, что она не в состоянии оценить физическую свободу? Но она не могла даже представить себе, что эту пустую оболочку она — Хельва — будет использовать для чего-то, будет ею манипулировать... И далеко не все корабли, с которыми она разговаривала о протезах Сорга, считали их достаточной компенсацией или преимуществом по сравнению с жизнью в капсуле. А ведь некоторые из них были новичками. Конечно, Тиа — АИ (Алекс/Ипатия)-1033 когда-то в детстве бегала

и не знала никакой «раковины», так что это совсем другое дело.

Вполне возможно, что ей — Хельве — следовало бы, как орал ей как-то на пределе своих голосовых связок Ниал, пройти полную переориентацию, изменить характер, «повысить свой моральный уровень». Ведь для корабля-мозга она отнюдь еще не стара. Ну почему она никак не могла принять протезирование, раз Ниал так страстно этого хотел? Они с Ниалом были такими давнишними партнерами, что вряд ли что-то изменилось бы кардинально в их отношениях, если бы она пошла на эту последнюю уступку.

Она-то ведь никогда не думала о себе как о какой-то механической весталке-девственнице. Это был лишь один из оскорбительных эпитетов, которыми швырялся Ниал. Просто она была *приучена* видеть себя такой, какой была на самом деле, и это въелось так глубоко, что лишиться своей «раковины» казалось ей необоримым стыдом. «Пользоваться искусственным телом было вовсе не адекватно тому, что у тебя отнимут «раковину», — орал на нее Ниал. Ее ограбили, лишили множества чувственных ощущений, а она твердит о выходе из «ракушки»! Не из «ракушки» она выходит, а сходит с ума! Но Хельва не могла, физически не могла уступить Ниалу в этом. Уступить. Оказать услугу. Слишком уж невыразительное слово, им не объяснить того ощущения, которое приходит к тебе, когда ты соглашаешься на это глупое и такое типично мужское требование. Что ж, она отказалась. И теперь жалеет об этом. Но если бы Ниал был сейчас жив, то согласилась бы она или нет? Вряд ли, ибо только факт его смерти вызывает в ней сожаление об отказе.

— И желательно до того, как я стану импотентом, миленькая. — Опять голос голограммы.

— Если бы ты только знал, Ниал, как я жалею... — пробормотала она.

Информация, накопленная сенсорными датчиками, начала широким потоком поступать на экраны. Хельва даже не помнила, запрашивала ли она спектрографический анализ ионных «следов». Такой запрос лежал в русле ее повседневных процедур, так что вполне вероятно, что, будучи заморочена всем этим самоанализом и болтовней с голограммой, она дала этот запрос автоматически.

— Так... так... вооружены и готовы кинуться за шкурой неубитого медведя.

— Ага! — отозвалась голограмма. — А кто медведь?

— Знаешь, те религиозные фанатики с Хлои... Они пользовались меховыми молитвенными ковриками. Аналогия очевидна. — Хельву позабавила точность ее сравнения. — Помнится, эта публика с удовольствием отправилась...

— С удовольствием? — Голос Ниала от негодования даже охрип. — Эта компашка слова-то такого отродясь не слыхала! Так что же все-таки может стать добычей в этом секторе космоса? — спросил он.

— А теперь выслушай меня, дружище. Эти самые фанатики... Они живут как раз на единственной пригодной для обитания планете этого региона, которую, будучи почитателями идеи искупления грехов наказанием, какими я застала их еще в тот первый раз, они нарекли тоже Равелем.

— Без сомнения, все эти штучки-дрючки типа покаяния служат им вечным напоминанием о прегрешениях, — насмешливо отозвался Ниал.

Хельва продолжала анализировать новые данные.

— Получила идентификацию наших пришельцев. Это пираты. — Материалы ее архива позволили сравнить полученные только что данные с данными об эмиссии двигателей флотилии кольнари. Мелкие суда — вернее всего яхты, кое-какие из средних кораблей были переоборудованы для пиратских нужд, а два крупных корабля прежде служили крейсерами.

Голограмма Ниала снова раскрутила кресло и уставилась на Хельву.

— Кольнари? Это те мерзавцы, что атаковали космическую станцию твоего мозговитого дружка Симеона?

— Те самые. Далеко не все фанатики были захвачены в плен, когда военные силы Центральных Миров попытались ликвидировать эту погань.

— Ну и отвратительные же дьяволы, эти кольнари! — Теперь тон голограммы был совершенно серьезен. — В одной из последних информаций с Регула сообщалось, что два подразделения, а возможно, и все четыре, просто испарились куда-то. А ведь и одного из них хватит, чтобы ограбить и до нитки ободрать Равель. При их-то modus operandi*! — Голограмма в полном отчаянии хлопнула ладошами по подлокотникам кресла.

— Не понимаю, как они выжили! Ведь в конечном счете вирус которым заразил их доктор Чаундра, — самый виру-

* Modus operandi (*лат.*) — метод действий.

лентный из известных. — Хельва вздохнула. — Кольнари смерть косила рядами.

Кольнари — диссидентская небольшая группка, настолько адаптировавшаяся к невероятно тяжелым условиям своей родной планеты, что их стали считать особым подвидом человечества. Известны своей уникальной способностью выживать в тяжелейших условиях, адаптироваться и побеждать любые заболевания, совершенно смертельные для остальных людей. У них невероятно маленькая продолжительность жизни. Их дети становились мужчинами еще в том возрасте, когда в других условиях их еще и подростками трудно было бы назвать. И они были чертовски опасны. Они нападали на всех, до кого могли дотянуться. На планеты, на космические платформы, грузовозы, торговые конвои, используя пленников как рабов, переделывая корабли в пиратские боевые. После почти успешного рейда на космическую станцию-мозг 900 Центральные Миры уверовали, что они уничтожили большую часть отрядов этих бродяг, но судам было приказано быть настороже и уничтожать оставшихся бандитов при первой же встрече.

— Ха! — фыркнул Ниал. — Адаптироваться к какому-нибудь дико ядовитому вирусу для этих кольнари задачка простенькая, плевое дело, особенно учитывая их сумасшедший метаболизм и вообще полностью извращенную природу.

— Боюсь, что ты недалек от истины. Кто, кроме них, может быть настолько безумен, чтобы ходить на кораблях, находящихся в таком состоянии? Даже настоящие кочевники, и те относятся к грязной эмиссии не с таким пренебрежением, — сказала Хельва.

— Конечно, не относятся, особенно если они намерены сохранять свой образ жизни и не намерены потихоньку смыться из своей звездной системы! Я надеюсь, что у тебя хватило благоразумия последовать за кольнари, соблюдая все меры предосторожности? — спросил Ниал, и в голосе его прозвучала нотка беспокойства. — Ты ведь для них желанная добыча.

Хельва испытала нечто вроде мозговой дрожи, припомнив, как вождь кольнари Беладин т'Марид чуть было не расправился с мозгом космической станции Симеоном. Странно все-таки, что Ниал решил ей об этом напомнить. Она, конечно, знала, что созданная ею программа хороша, но... Интересно, а способна ли она сама по зрелом размышлении

поверить в гипотезу возможности переселения душ? Или что данная голограмма есть не что иное, как призрак настоящего Ниала?

— Сейчас я ничуть не более способна бросить этих идиотов с Равеля на произвол кольнари, чем когда-то — оставить их родичей на произвол той проклятой Новой! Знаешь, во всей этой истории есть какая-то... ну, поэтическая справедливость, что ли, — сказала она со вздохом. — Вот смотри: прошло почти сто лет с тех пор, как я начала вывозить обитателей с той планеты, которую солнце уже собиралось поджарить. Центральным Мирам потребовалось какое-то время, чтобы найти звездную систему, пригодную для обитания, где поселенцы будут в безопасности от Новых и, да, и от зла, обитающего в душах обыкновенных людей. Надо надеяться, что поселенцам все же удалось обзавестись современным оружием, способным гарантировать им спокойную жизнь. Уж если не против вспышек Новых, то хоть против хищников. Ага! Атлас говорит, что солнце у них стабильное. И есть или было нечто вроде космического маяка для ориентировки прибывающих новообращенных.

— Ха! — Голограмма издала звук, означающий недовольство. — А нет ли какой-нибудь спутниковой системы?

— Не упомянута. За последние сорок лет никаких контактов с Равелем практически не было. Что ж, я, пожалуй, готова нарушить их медитации или то, чем они там заняты. На планете нет никого, кроме женщин. И я не могу позволить кольнари наложить свои грязные лапы на этих ни в чем не повинных религиозных девственниц. Верно, Ниал?

— А по мне, так очень даже забавно было бы взглянуть, — отозвался нераскаянный грешник.

— Заткнись, похотливый садист! — Она постаралась, чтобы осуждение звучало сурово. А может, вообще выключить программу? Нет, она ей пока необходима, ибо в программе заключены опыт и знания, накопленные за семьдесят восемь лет... Ее и его.

— Никогда не был садистом, дорогая Хельва, — ответил он горделиво и тут же озорно усмехнулся. — Я еще соглашусь на гедонизм, но ни одна из моих женщин никогда не возражала против форм, в которые облекалось мое внимание. Разумеется, за исключением тебя. Между прочим, а как ты думаешь, не послать ли нам весточку, адресованную любым

станциям и кораблям Центральных Миров, насчет неотвратимой опасности, которая угрожает Равелю гибелью?

— Я собиралась и... — Хельва смолкла, отправляя по лазерному лучу заключительную фразу извещения — «Вниманию всех, кто видит нас», — ...и оно уже отправлено.

Впервые Хельва почувствовала какое-то странное облегчение от того, что будет общаться с представителями религиозной секты без вмешательства мужчины. Конечно же, ей придется приостановить действие программы, ибо, по-видимому, Ниал вполне способен говорить без непосредственно обращенных к нему ключевых фраз. Весьма вероятно, что на этот раз ей будет гораздо легче убедить религиозных дам искать защиту в каких-то убежищах, которые найдутся на планете. Возможно, тот факт, что она уже спасла их один раз, сыграет решающую роль, и члены секты решат рассредоточиться по поверхности планеты к тому времени, когда кольнари приступят к высадке. Любой ценой она заставит их! Она просто не допустит, чтобы они стали жертвами жестокости и распущенности кольнари. К тому же Равель все равно лежит на пути к Регулу. Так, небольшой крюк. Она чувствовала себя сейчас, когда у нее появилось важное дело, когда она вышла из мрачных раздумий по поводу смерти Ниала, не только лучше, она просто ожила под воздействием необходимости принимать решения и выполнять их. Она необходима Равелю, как был необходим отец Дженнана на Парсее. Настоящие трагедии происходят тогда, когда те, *кто может помочь,* оказываются не там, где в них *нуждаются.* А она здесь! И в ней нуждаются! По трубкам, снабжающим ее мозг питательными веществами, к ней возвращались душевная бодрость и сила.

— Чувствуешь себя в форме? — небрежно спросила голограмма. — Молодчина! Делай, что должна, и порядок! Между прочим, информация говорит, что на планете множество поселений, или, как их там называют, монастырей. Численность населения существенно возросла в сравнении со временами Хлои. — Он вздохнул. — Исследования геоэкологического плана почти не проводились, так что установить точно, где именно можно спрятать беженцев, — невозможно. Впрочем, планета покрыта густой зеленью.

— Густые леса, лесистые горы и долины... Убежища найти можно, если удастся уговорить жителей рассредоточиться. Этим кольнари даже с воздуха будет трудно определить

места скопления людей. Разумеется, если местные жители сохранят присутствие духа, — отозвалась Хельва, заряжаясь надеждой. — Им ведь надо совсем немного — залечь и лежать тихо, пока не появится наш флот.

— То-то и оно! — В тоне голограммы явно слышался цинизм. — Это в том случае, если у флота поблизости окажется несколько эскадр, да ежели он их успеет быстро собрать, да если еще решит, что жалкая горсточка религиозных отщепенцев вообще заслуживает спасения. Мне не приходилось слышать об их обычаях и вере... Внутренний Марианский Круг, которому они поклоняются, — это что за штука такая?

— В данном случае «Марианский» — прилагательное, восходящее к женскому имени «Мария», то есть мать Иисуса.

— Ого! А что же означает «Внутренний Круг»?

— Не знаю... да и вряд ли это важно. Главное — предупредить их.

— А может, там уже некого предупреждать? — предположил Ниал. — Слушай, ты ведь сказала, что численность населения Равеля резко возросла в сравнении с Хлоей? Но как же религиозный орден, основанный на идее целомудрия, может увеличивать свою численность?

— Возможно, новообращенные, — предположила Хельва. Она и сама частенько задумывалась над тем, как подобные религиозные меньшинства продолжают исповедовать веру, почитающую размножение смертным грехом. — Сорок лет назад они получили подкрепление.

— Фу! — Ниал легко отмахнулся от этого соображения. — Даже если они обращают в свою веру малолеток, то как могут современные поселенцы в свои пятьдесят с лишком бегать так быстро, чтобы ускользнуть от легконогих кольнари?

— Партеногенез? — предположила Хельва.

— Что ж, по крайней мере это тоже смахивает на непорочное зачатие, — отозвался Ниал и похабно хихикнул.

— И, во всяком случае, не противоречит легенде о деве Марии.

Ниал фыркнул:

— Просто это был первый зарегистрированный в истории случай экзогенеза*.

— Что, впрочем, ничуть не умалило воздействия мессии на людей — мужчин и женщин.

---

* Экзогенез (*фант.*) — зарождение вне. В данном случае — вне тела матери. — *Примеч. пер.*

— С этим не спорю.

— Спасибо и на этом.

— Ближе к делу, о женщина, — сказал он, ерзая в своем кресле. — Сначала мы должны выяснить, есть ли там кого спасать. И существуют ли там какие-нибудь безопасные местечки, куда кольнари не смогут добраться до прибытия нашего Флота. А если такие убежища есть, то придется заставить колонистов укрыться. Не хотелось бы мне иметь эту банду кольнари в качестве своих злейших врагов. И, пожалуй, в качестве не самых злейших — тоже.

Хельва продолжала читать файл по кольнари.

— Вполне возможно, они ищут место для создания новой базы. Центральные Миры стерилизовали их родную планету.

— Тогда мы тем более не должны позволить им захватить Равель, который кажется мне довольно симпатичной планеткой. Не могу допустить, чтобы такие собаки стали нашими соседями...

— Между прочим, на Равеле есть какая-то местная порода собачьих. Ты что — опять обгоняешь меня по быстроте чтения? — воскликнула удивленно Хельва, так как список равельской фауны только-только появился на ее экране.

— Большая часть планет типа М, на которых нам довелось побывать, имеет каких-нибудь животных, близких к собачьим. А вот с кошачьими дело обстоит иначе. — И Ниал бросил на Хельву косой взгляд. Он сам любил собак, но она еще давно решила, что ей больше по душе независимость кошачьих. Они с огромным удовольствием горячо обсуждали достоинства обоих видов во время своих долгих межзвездных полетов.

— Да, на планете есть хищники. Больше того, наш Внутренний Круг не располагает оружием и не охотится. Они вегетарианцы. — И он снова широко ухмыльнулся Хельве.

— Вот, стало быть, каков здешний органический материал? — с утрированным простодушием продолжала предложенную игру Хельва.

— Это именно тот девственный органический материал, который обожают кольнари, — ответил Ниал, потирая руки и усмехаясь неприличному намеку, вложенному в его слова.

Хельва пропустила намек мимо ушей.

— Климат умеренный. Приятное отличие от Хлои, где большую часть года царили морозы.

— Как? И никаких температурных перепадов, дабы умерщвлять плоть и душу?

— Нет. И очень приличная экологическая обстановка, которую они ничем не портят. Они даже не стали одомашнивать местных животных и никак их не используют. Правда, все эти данные имеют сорокалетнюю давность и относятся к последнему посещению планеты. Колонисты живут в гармонии с природой и стараются ее не нарушать.

— Что, разумеется, делает их беззащитными, когда кто-то пытается вмешаться в их жизнь. А сейчас им угрожает как раз это. И в эту минуту, когда все уже сказано и сделано, мне вовсе не хотелось бы видеть, как этих женщин мучают и лишают цветка девственности вонючие кольнари прямо на овощных грядках.

— А мы этого и не допустим, — с необузданной яростью выкрикнула Хельва. Она уповала, что не столкнется ни с недоверием, ни с религиозным фатализмом, с которым ей пришлось иметь дело в первый раз и который был косвенной причиной гибели Дженнана.

— Если откровенно, девочка, то не знаю, смогу ли я быть тебе полезен. Ты ведь знаешь мою репутацию среди женщин... — начала голограмма.

— Говорить буду я, — резко оборвала его Хельва.

Он откинулся на спинку кресла, медленно покачиваясь на шарнирах.

— Боюсь, как бы они не включили тебя в свой Внутренний Круг на роль Спасителя.

— Чушь! Из первоначальной группы в живых уже никого не может быть. Они ведь не признавали никаких мер по продлению жизни.

— Заменяли лекарства молитвой, что ли?

— Нет, просто избегали всего «нечистого». В этом они полностью сходятся с кольнари.

Ниал склонил голову набок.

— А не может ли статься, что они воспримут кольнари как своего рода испытание, посланное им тем Универсальным Божеством, коему они поклоняются? — Ниал нахмурился и помолчал. — Мария ведь никогда не была Богом? Я хочу сказать — богиней. Короче, не будут ли они рассматривать кольнари как посланцев, призванных испытать их веру?

— Надеюсь, что нет. У нас что-нибудь осталось из записей Симеона?

— Полагаю, ты имеешь в виду сцены изнасилования? — спросил Ниал и его пальцы пробежали по клавишам. — Не решишься же ты показать подобные картинки таким девственным...

— Раз увиденное заменяет тысячи слов, — процитировала Хельва. — Если нам предстоит совершить облет планеты столько же раз, как тогда с Дженнаном, мне лучше сразу преподать жителям сильный и впечатляющий урок. И я запишу голограмму, чтобы они могли рассмотреть все в деталях, — добавила она, так как весьма гордилась, что у нее так ловко получилось голографическое программирование.

— Если тебе удастся сделать программу хотя бы вполовину так же хорошо, как мою, она обязательно сработает, дорогая.

Это замечание буквально потрясло Хельву. Она тут же распорядилась выдать ей голографическую программу Ниала в максимальном увеличении. Увы, просто голограмма... на входе достаточно отчетливо виден источник света... Но откуда же Ниал знает, что он — всего лишь голограмма? Потом она вспомнила ту программу, которую готовила вместе с ним для Астрады-3, когда Ниалу понадобилось вторично проиграть для скептически настроенной аудитории некое историческое событие. Да, это был именно его вклад.

— Не могу найти точных данных о численности населения, — сказала она, несколько раз просканировав всю информацию по Равелю.

— Вполне вероятно, они не проводят настоящих переписей. Ну а какие-нибудь защитные космические объекты имеются?

— Нет, есть только спутник, дающий сигнал предупреждения при приближении чужих космических кораблей, — ответила она с раздражением.

— Интересно, а сколь далеко от них находится ближайшая обитаемая система, которая могла бы хоть услыхать такой сигнал, не говоря уж о том, чтобы принять какие-нибудь меры? — поинтересовался Ниал. — Вероятно, ничего там нет, кроме обычного идиотского предупреждения! — И он заговорил безжизненным тоном автоответчика: — «это... планета... посещение... которой... запрещено... продолжайте... следовать... своим... курсом». — И тут же фальшивым фальцетом религиозного проповедника: — «А если будете непослушны, наш Флот вас отшлепает!»

Хельва ответила ожидаемым Ниалом смешком.

— Ну, наша-то информация повлечет за собой быстрые действия. Никто не имеет права игнорировать послания корабля-мозга.

— Именно то, что надо! — живо поддержал ее Ниал и стукнул кулаком по столу, подкрепляя свое мнение.

Конечно, никакого звука от удара не последовало. Надо будет продумать эту деталь... после того, как она спасет переселенок с Хлои... или хлоисток... или равелианок Внутреннего Круга... от неотвратимого нашествия кольнари. Ей необходима уверенность, что они усвоят, как опасны и кровожадны эти мерзавцы, и согласятся рассредоточиться по планете.

Корабль Хельвы стремительно пожирал пространство, летя по следам флотилии кольнари. Грязные элементы эмиссии становились все более ощутимы по мере того, как корабли пиратов и корабль Хельвы сближались. Она должна обогнать кольнари где-то часов через двадцать. И прибыть на Равель за четыре-пять дней до них. После достижения гелиопаузы ей придется начать торможение, но ведь то же самое предстоит сделать и кольнари.

— Не забудь про маскировку, — напомнил Ниал, поднимаясь с пилотского кресла. Он встал и начал потягиваться, причем делал это с таким вкусом, что Хельве показалось, будто она слышит потрескивание его суставов. Она вспомнила, что эта привычка Ниала и была одной из причин, по которым она не дала голограмме звукового сопровождения, кроме голоса. Потягиваться — пожалуйста, но без того жуткого хруста, который производил Ниал, распрямляя суставы пальцев. — А я, пожалуй, немножко вздремну до начала нашей вечеринки.

— Отличная мысль. А я, пока ты отдыхаешь, поработаю над голограммой. Потом позову тебя, чтобы навел критику.

Голограмма Ниала пересекла отсек и вышла в коридорчик, откуда, должно быть, проследовала вниз к каюте Ниала. Неужели он так и не поймет, что дверь туда заварена, что в каюте под защитой поля стасиса лежит одинокий труп Ниала?

Хельва чуть не забыла про механизм маскировки, который искривлял световые волны вокруг корабля и его сенсорных датчиков. Этот механизм ей довелось применить лишь один раз, а в дальнейшем он служил только предлогом на-

поминать Ниалу о наличии на борту корабля-мозга уймы никчемной аппаратуры, которая к тому же стоит бешеных денег. Получается, однако, так, что эта техника ей снова пригодится. Корабли ее типа не несли вооружения, способного обеспечить защиту, и внезапное исчезновение давало несравненно больший эффект, нежели мощнейшая или прочнейшая броня.

Пока Хельва придирчиво отбирала записи, касающиеся оккупации кольнари станции-900, в памяти неожиданно всплыла история ее первого знакомства с жительницами Хлои. Если бы история могла повторяться, ее брон не погиб бы, хотя смерть Дженнана была непреднамеренной. И вообще сейчас у нее в запасе имелось куда больше разных хитростей, чем тогда, когда она была совсем юным и неопытным кораблем-мозгом.

А пока она неслась в пространстве и задолго до того, как сенсоры кольнари могли засечь ее приближение, пустила в ход маскировку. Правда, их корабли тоже превратились для ее сенсоров из трехмерных изображений в крошечные световые вспышки, но разница в сигналах позволила Хельве во время полета мимо флотилии получить немало новой информации. Начать с того, что силы кольнари были больше, чем она предполагала, исходя из данных об эмиссии. Ни один из этих судов, судя по «почерку», не принимал участия в рейде на станцию ее друга Симеона, что, впрочем, вряд ли могло стать источником особой радости.

Флот кольнари представлял собой невообразимый коктейль из яхт — больших и маленьких, — видимо, призов, захваченных в прежних нападениях. Их была ровно дюжина, и были они битком набиты людьми — куда выше оптимальной загрузки. Кое-кому из кольнари пришлось забиться даже в спасательные люки, других физических возможностей для размещения просто не оставалось. Условия жизни на борту этих кораблей были, надо думать, чудовищны, даже если системы жизнеобеспечения хоть как-то справлялись с подобной перенаселенностью. Три средних грузовых корабля тоже были забиты под завязку взрослыми кольнари и их детьми. Два судна типа миноносцев, хотя и выслужили свой срок, несли на себе большое количество мин и другого вооружения. Два грузовых корабля имели в общей сложности по пять беспилотных устройств, что должно было значительно снизить общую скорость флотилии. Четыре беспилотных устройства не

содержали ничего, кроме взрывчатки, ракет и запасных частей. На пятом же, видимо, хранились запасы пищи, так как отражаемые ими сигналы радара говорили, что металла на них мало. Всего конвой насчитывал девятнадцать судов. Внушительная армада, вполне способная сломить сопротивление обитателей Равеля. Вероятно, это обстоятельство и определило выбор Равеля в качестве цели.

Используя лазерный пульсатор, Хельва передала дополнения к своей предыдущей информации. До ближайшего патруля Флота, кому информация предназначалась в первую очередь, это послание будет добираться, несмотря на скорость передачи, не меньше десяти суток. Адмиралтейство поклялось, что оно уничтожит без остатка все пиратские банды кольнари. Так что сейчас какой-нибудь амбициозный командир патруля вполне мог воспользоваться шансом получить повышение, аккуратненько выполнив клятву начальства. Даже один современный военный корабль с легкостью распотрошил бы вшивую банду этих оборванцев, набитых в древние консервные банки, еле-еле ползущие по космическим просторам. Но надо признать, что кольнари будут сражаться до тех пор, пока жив хоть один мальчишка, способный держать в руках оружие или нажимать на кнопку пуска ракеты. А ракет у них хватает. Даже женщины кольнари, и те — отчаянные бойцы. Впрочем, проанализировав все имеющиеся данные о кольнари, можно было прийти к выводу, что большинство женщин — рабыни, захваченные в рейдах и принужденные рожать пополнение рядов их владык.

Хельва неслась вперед, глубоко сожалея, что у нее так мало информации о переселенках с Хлои. Теоретически жизнь на новой планете в тесном общении с природой чудесна, но ведь практика — дело совсем другое. Первые религиозные группы поселенцев на Дафнисе и Хлое узнали об этом из первых, так сказать, рук и обошлось им такое знание довольно дорогой ценой.

Она закончила разработку голограммы, касавшейся самых отвратительных обычаев кольнари, включая их почерк во время вторжения на мирную планету Бетель. Трехмерная запись этих событий была обнаружена в обломках одного корабля и использована в качестве улики на суде по делу о нападении кольнари на станцию-900, когда судили захваченных там в плен кольнари. Это был тот самый краткий и впечатляющий урок, который Хельва должна была дать равелианкам. Она несколько

отредактировала записи, добавила кое-что «от лектора», а затем ввела программу во внешние сенсоры корабля.

Программа должна была предотвратить пустую потерю времени на бесполезные споры и уговоры. Хельва хотела, чтобы каждая живущая на Равеле женщина надежно спряталась бы в хорошее убежище на все время пребывания кольнари на их планете.

Хельва не стала будить Ниала. К чему его беспокоить, когда он спит как убитый... Нет, не его, конечно, а голограмму... Его всегда было так трудно будить, хотя разбуженный, он немедленно переходил от сна к бодрствованию. Время у Хельвы было, и она перевела корабль в медленный орбитальный режим, переходя из затененного полушария в освещенное и регистрируя различные свидетельства наличия жизни на планете. А их оказалось на удивление много. И притом, что она наверняка учла не все поселения. Но как могли эти заядлые адепты целомудрия увеличить численность населения планеты вчетверо по сравнению с первопоселенцами? «Плодитесь и размножайтесь» с их точки зрения, конечно, библейское наказание, но все равно даже с учетом последнего транспорта их единоверцев, прибывшего сюда сорок лет назад, людей тут куда больше, чем должно быть. Вот если бы это были кролики... Ну а если кролики целомудренны? Ладно, придется ей посетить елико возможно больше этих... как они их называют... монастырей, что ли? И как можно скорее. А может, у них тут есть какой-никакой способ связи между монастырями? Ведь на главном континенте их разделяют достаточно обширные пространства. Пока ей придется не обращать внимания на мелкие островные поселки и сосредоточить внимание только на более крупных и соблазнительных для кольнари поселениях, которые будут атакованы в первую очередь.

Чуть ли не в центре континента Хельва обнаружила то, что она сочла за посадочное поле: несколько акров выжженной земли, выложенных узором грубых бетонных плит, на которые садились шаттлы и корабли, выгружая привезенные товары и людей. Ряды временных бараков, сильно пострадавших от непогоды и нуждающихся в ремонте, окаймляли две стороны посадочного поля, доказывая со всей очевидностью, что когда-то люди тут были и какое-то время работали. Были здесь и свидетельства наличия энергии низкого на-

пряжения, да и местная растительность еще не успела отвоевать обратно посадочную полосу, хотя за сорок-то лет сорняки уже должны были пустить тут свои корни. Башня, построенная из каких-то блоков и стоявшая на стыке двух рядов бараков, успела покоситься. С той высоты, на которой находилась Хельва, хорошо были видны четыре дороги, идущие на север, юг, восток и запад от заброшенного посадочного поля. Видны были и более узкие дороги и тропы, отходившие от главных, — второстепенные артерии, вернее всего грунтовые, ведущие к более мелким монастырям. Хотя пути были грунтовые, но пышная растительность явно не торопилась их отвоевать. Четкие границы отделяли дорожное полотно от кустарников на обочинах. Наверняка здесь пользовались какими-то химикатами для предотвращения наступления леса.

— Интересно, а как они решали, кому именно и куда именно идти? — пробормотала Хельва, начисто позабыв, что время подпирает и ее ждут несравненно более важные проблемы.

— Следовали, должно быть, Божьему промыслу, — ответил Ниал. Оказывается, он давно уж сидел в своем кресле. Вечно он тут как тут.

Хельва и не думала запускать звуковую часть программы, но раз уж Ниал был здесь, она обрадовалась, услышав чей-то голос после долгого молчания, длившегося почти весь полет до планеты.

— Если тут всего четыре главных направления для поисков, то дело заметно облегчается.

— Прокладка этих дорог потребовала большого времени, иначе они не были бы так хорошо видны. Ведь последний раз по ним ходили сорок лет назад.

— Верно. Ну а теперь... раз-два-три-четыре-пять-я-иду-искать... какую из четырех выберем мы? «Ведь Запад есть Запад, Восток есть Восток и с места они не сойдут», — сказал Ниал, по-прежнему пребывая в смешливом состоянии духа.

— А как там насчет Юга и Севера?

— Так, может, вот таким путем? — сказал он, широко расставив руки, которые не указывали ни в каких главных направлениях компасной розетки.

— Ладно, пойдем на север, а там резко свернем, — решила Хельва.

— И дальше все кругами, все кругами! — В голосе Ниала звучали ленивые насмешливые нотки.

— И по горам, и по долам. Все верно.

— И гордый пурпур гор над плодоносным долом... — процитировал Ниал.

— Кажется, ты тут что-то поднаврал, а?

— Знаешь, я действительно позабыл эту строчку... — хмуро признал он.

— Говорят, первое, что поражает старость, это память...

— Большое спасибо. Постараюсь не забыть.

Замаскированная, на небольшой высоте летела Хельва над северной дорогой, регистрируя каждую ответвляющуюся дорожку. Теперь она поняла, что работа предстоит колоссальная, если она хочет спасти хотя бы половину жительниц планеты. И все же, решила она, это обстоятельство никак не должно помешать ей идти по намеченному пути. А между тем на континент медленно наползала ночь.

— Ага! — Ниал призывал ее заглянуть в иллюминатор. — Огни! Левый борт, три градуса.

— Да, но на мой вкус тут слишком много леса, чтобы садиться.

— Наверно, мне лучше сразу смотаться, если ты найдешь место для посадки? Но если я тебе пригожусь...

— Нет, тебе нельзя, но я рада, что ты сам это предложил. Мне придется им показывать тот фильм, чтобы их как следует расшевелить.

— Могла бы по этому поводу и протезы надеть, — сказал Ниал с ехидцей и широко усмехнулся Хельве.

Она весьма многозначительно промолчала, и он тихонько хихикнул. Кто знает, может, ей и придется прибегнуть к этому, если при дневном свете ей не удастся найти поселение, около которого она приземлится. Она могла бы и парить в воздухе... но ей надо иметь нечто, на что можно было бы проецировать голографическое изображение, чтобы добиться наибольшего эффекта.

— Ночное время я использую для разведки — узнаю, сколько поселений мне придется посетить.

— Хорошая мысль. А я буду записывать их точные координаты. Тебе они могут понадобиться, особенно если к нам в помощь и в утешение придет наш Флот.

К утру список монастырей достиг трехсот. Некоторые были малы и прятались в лесах, но и на равнинах, и на холмах

было немало таких, которые насчитывали по нескольку сот жителей. Все населенные пункты были окружены стенами, на которые подавался ток. Стены и сопутствовавшие им рвы образовывали четкую границу между освоенными и дикими землями. Самый большой населенный пункт находился при слиянии двух рек.

— Если у них существуют административные центры, то этот наверняка из их числа, — сказала Хельва. — Утром мы прямо туда и отправимся. А пока я хотела бы взглянуть вон на тот островной комплекс.

— Как скажешь, любимая, — отозвался Ниал с редким для него добродушием.

Итак, она — они — явились во всем своем блеске над самой большой конгрегацией равелианских хлоисток на планете, едва лишь солнце взошло из-за гор, окружавших котловину, в которой лежал этот городок.

— Совсем неплохо выглядит, как ты полагаешь? — заметил Ниал. — Чистота и порядок. Судя по всему, у каждой отдельное жилье. А мне казалось, ты говорила, будто это орден монашеского типа?

Структура поселка, а скорее городка, удивила Хельву. Сетка улиц имела место в центре, тогда как огороды и даже поля занимали периферию, причем все это находилось в пределах невысокой стены, такой же, как и в других монастырях. На всех главных направлениях компаса в стене имелись ворота, но их вряд ли можно было назвать неприступными: боевые топоры кольнари разнесли бы их в щепки несколькими ударами. Сенсоры Хельвы указывали на наличие тока, но он, видимо, подавался только на стену. Кого же жители были намерены отпугнуть с помощью стен? Явно то были существа не очень высокие, не слишком большие и не такие уж сильные. Странно. Большие здания, расположенные среди полей, должно быть, играли роль зернохранилищ или складов. Хельва не обнаружила никаких пастбищ, хотя время было весеннее, если судить по нежной зелени полей, лежавших в пределах территории, обнесенной стеной.

Четыре главные улицы, что вели к воротам, были так широки, что вполне заслуживали называться проспектами. Они были обсажены деревьями и начинались от большого здания, возвышавшегося в самом центре города и поднимавшегося над всеми остальными строениями. Отчасти оно походило на церковь, а перед входом в него лежала обширная площадь,

видимо, место собраний всех жительниц. За церковью шли ряды более низких домов, скорее всего административного характера. Все говорило о более высокой степени социальной организации, нежели у жительниц Хлои. Хельва подумала: а может, они и в самом деле чему-то научились за это время?

— Эй, погляди-ка, Хельва, — крикнул Ниал, указывая на изящную башенку главного здания. — Это все же не колокольня — колоколов не видно, но на крыше что-то установлено.

Их появление было замечено. Проспекты, более узкие улицы и даже проулки между отдельными домами заполнялись людьми, лица которых были обращены к небу. Большинство бежало к площади перед церковью, если, конечно, таково было назначение этого здания.

— Кто рано встает, тому Бог подает, — заметила Хельва.

— Рано ложатся дрыхнуть — ток подается только на стену, в домах электричества нет, стало быть, и вставать надо с рассветом, — высказался каким-то разудалым тоном Ниал. И тут же вернулся к практическим проблемам: — Там тебе перед входом оставили достаточно места для посадки.

— Похоже на то, но оно довольно быстро заполняется публикой, — отозвалась Хельва. Они летели как бы с задворков здания, и теперь, сделав крутой разворот, она увидела, что вся площадь забита коленопреклоненными людьми. Зато на полях было пусто.

— Чем больше раздавишь, тем меньше останется нам спасать, — радостно констатировал Ниал.

— Уж лучше бы ты помолчал!

— Ишь ты! Собрались тут все и глазеют! А ну-ка наподдай им! — Молящиеся замерли с поднятыми кверху лицами. Хельва видела их удивленно открытые рты, которые выглядели как большие черные литеры «О». Однако страха в их поведении не ощущалось. И вдруг, будто по сигналу, молящиеся встали и быстро, но без паники, отошли назад, оставив площадь пустой.

— Не бойтесь, — мягко сказала Хельва, используя внешнюю систему звуковой связи и не обращая внимания на громкий хохот Ниала, от души забавлявшегося происходящим.

— Да они и не думают бояться! Возможно, тебе следует внести кое-какие изменения в твою программу!

— Мне необходимо с вами поговорить!

— А почему бы тебе не повисеть над ними?

Хельва убедилась, что внутренняя звуковая система отключена от внешней и резко произнесла:

— Заткнись и дай мне возможность действовать, Ниал!

— Напомни им, что именно ты спасла их от огня адского на Хлое, дорогуша, — продолжал Ниал.

— Это и есть моя следующая фраза! — едко ответила она. — Меня зовут Хельва.

— Эй, Хельва, а ведь это ты стоишь на крыше того дома!

Осторожно спускаясь по вертикали, Хельва оказалась на одном уровне со шпилем башни. То был вовсе не шпиль, а макет ее самой — макет того, когда-то новенького корабля-мозга со стабилизатором и всякой всячиной.

— Ну и как ты себя чувствуешь после канонизации? — спросил Ниал, но в его голосе она услышала отчетливую нотку гордости за нее. — Думаю, ты успешно провернешь свой номер, дорогая.

Зрелище макета подействовало на Хельву куда сильнее, чем она хотела бы показать Ниалу. Она осторожно завершила спуск. Одним из позднейших усовершенствований корабля была вертикальная рубка и ведущий к ней пандус, заменившие прежний неуклюжий лифт, находившийся на корме.

— А вот и делегация встречающих в составе одного человека, — заметил Ниал, когда на одном из кормовых экранов возникла высокая фигура. Все присутствовавшие на площади повернулись к ней, низко склоняя головы в знак уважения и послушания.

— Как тебя зовут еще, о корабль-Хельва? — спросила она, отбрасывая назад капюшон и открывая серьезное лицо женщины средних лет.

— А ведь она совсем не плоха, — пробормотал Ниал. — И в чем-нибудь женственном смотрелась бы еще лучше.

Хельва согласилась с ним — и в самом деле, у этой пожилой дамы было необыкновенно красивое лицо. Жаль, что она занялась религией, а не семьей, мужем и прочим в таком духе. Длинная ряса, которую она носила, представляла собой нечто бесформенное и, надо полагать, сотканное или спряденное из местных растительных волокон. Назначение рясы было узко утилитарное.

— Я — Корабль НХ-834, который раньше был Кораблем ДХ-834.

Женщина кивнула и склонила стан в глубоком поклоне.

— Первый гейм наш! — шепнул Ниал.

— Мы возносим смиренные моления за упокой души Дженнана, — произнесла женщина сильным мелодичным голосом, а зрители в унисон пробормотали: «Да славится имя его!»

— Его память священна, — вполне искренне ответила Хельва. — Могу ли и я узнать твое имя?

— Я — Хельвана, — отозвалась та, снова низко склоняясь в поклоне.

— О мой Бог, ты же удостоилась сана святой, — заржал Ниал, непочтительно корчась от смеха в своем пилотском кресле. — У тебя небось и собственная каста жриц имеется! Ух ты!

Почему-то его отношение задело Хельву столь сильно, что она чуть было не стерла его программу. Здравый смысл все же победил. Если она для этих людей и в самом деле что-то вроде святой, то она нуждается в непочтительном Ниале больше, чем когда-либо. Для балансировки, так сказать.

— Ты главная у своего народа?

— Я та, которая избрана, — ответила женщина. — Многие десятилетия мы надеялись, что ты окажешь нам великую честь своим появлением.

— Я снова являюсь к вам с дурными вестями, — быстро продолжила Хельва, опасаясь, что она сейчас утонет в славословии и в пустых разглагольствованиях.

— Того, что ты пришла, — нам уже достаточно. Чего ты хочешь, о Корабль, который поет?

— Что ж, они тебя сами загоняют в угол, — скалясь как идиот, сообщил ей Ниал.

— К этой планете приближается враг... о Хельвана. — Хельве с большим трудом удалось произнести этот титул или имя. — Я уже послала за помощью, но она придет недостаточно скоро, чтобы предотвратить высадку и помешать той жестокости, с которой эти люди, а их зовут кольнари, обрушатся на беззащитное население.

Смешок — громкий, горловой — поразил Хельву. Однако на лицах своих слушателей она тоже увидела усмешки.

— Тут нечему смеяться, Хельвана. У меня есть документальные подтверждения того, как они расправляются с сопротивляющимися. Как они... мучают женщин... — Она не смогла выговорить слово «насилуют» в присутствии девушек, которые только-только перешли во второй десяток. — Я должна просить вас удалиться в укрытия, которые вам могут дать

леса и горы до того времени, пока не прибудет наш Флот. Я должна доставить это предупреждение всем, кому смогу, чтобы спасти как можно больше людей...

Женщина по имени Хельвана подняла руку в жесте вежливой просьбы о внимании.

— Воспитательницы птиц пошлют свои стаи и предупредят наших сестер. О Корабль, который поет, не знаешь ли ты, когда высадятся наши враги?

— Я опередила их не больше чем на четыре дня, — ответила Хельва, удивленная спокойствием собеседницы. И с облегчением заметила, что довольно большая группа женщин покидает площадь. Должно быть, чтобы заняться обязанностями воспитательниц птиц, в чем бы они ни состояли. — Вам следует собрать все имущество, которое вам дорого, и немедля уйти в леса и горы.

— Четыре дня более чем достаточно для того, чтоб запустить дела на полный ход, о Корабль, который поет.

Голос Хельваны звучал так, будто она ничуть не встревожилась, а ей, черт побери, было о чем волноваться.

— Ты не понимаешь, Хельвана... Эти люди — пираты, они жестоки. Они не щадят своих жертв.

— Покажи им сцены изнасилования, — шепнул Ниал.

— Вот что они натворили на мирной планете Бетель, — сказала Хельва и задействовала наружный проектор, используя белую стену церкви в качестве экрана.

— В этом нет необходимости, — вмешалась Хельвана. — Выключи это. Пожалуйста. — И поскольку большая часть аудитории была явно шокирована первой же сценой, где закованные в боевые доспехи воины кольнари гигантскими прыжками мчатся на кричащих от ужаса бетелианок, Хельва поняла, что надо подчиниться. — Не следует нас запугивать. Для этого нет никаких оснований.

— Нет, есть, Хельвана. Эти мужчины...

— Не могу ли я поговорить с тобой с глазу на глаз, о Корабль, который поет?

— Знаешь, я не стал бы противоречить этой даме, — тихонько вмешался Ниал. — Она, как говорится, весьма крутая.

— Можно, конечно, — ответила Хельва и тут же шепнула Ниалу: — Убирайся!

— Немедля, — отозвался Ниал, вставая и быстрым шагом покидая отсек.

Хельвана была настолько высока, что ей пришлось слегка наклониться, чтобы не задеть головой притолоку шлюза. С минуту она спокойно рассматривала помещение рубки. В уголках красивых губ пряталась легкая улыбка. Затем, к удивлению Хельвы, она низко и благоговейно поклонилась центральной консоли, за которой пряталась титановая «раковина» Хельвы.

— Иногда мне снилось, что я заслужу эту великую честь, о Корабль, который поет! — сказала Хельвана и голос ее дрогнул от наплыва чувств.

— Пожалуйста, сядь в гостиной, что справа от тебя, — предложила Хельва.

Хельвана бросила еще один долгий взгляд на приподнятую конструкцию мостика — излюбленное место Ниала — и повернулась к так называемой гостиной. С уверенной грацией, несмотря на тяжелые складки рясы, путавшейся у нее в ногах, и на неуклюжие сапоги, скрежетавшие по металлическому полу рубки, она приблизилась к первому диванчику этой секции. Отвесив еще один благоговейный поклон, она села, продолжая смотреть на консоль Хельвы.

— Я должна сказать тебе, о Корабль, который поет, что та жалкая колония религиозных женщин, которых ты спасла от Новой Равеля, извлекла серьезные уроки из главной ошибки, сделанной в те времена.

— Рада слышать это, — прервала ее Хельва, — но ты должна...

Изящная рука поднялась из рукава с большим обшлагом.

— Нам было о чем подумать, если мы хотели, чтобы Марианский Круг выжил при столкновении с вашей цивилизацией.

— Вот как? — Хельва пришла к выводу, что пришло время внимательно выслушать гостью.

— Наш спутник будет посылать свое запрограммированное сообщение, как и ты, безусловно, послала свое? — продолжала Хельвана и в ее голосе послышался отчетливый вопросительный знак.

— Я послала несколько. Они содержали те факты относительно агрессоров, которые мне удалось собрать. Но, Хельвана, ты должна понять...

Снова поднялась рука, и снова Хельва смолкла. В конце концов, у нее есть еще четыре дня.

— Моя бабушка...

Вот уж этого она никак не ожидала!

— ...была одной из тех, кого ты тогда спасла. Мудрые христовы сестры старого обряда сменили ее, а их в свою очередь сменили более молодые, пока наконец нам не удалось найти планету, которая подходила бы для нашего ордена. А за время ожидания было накоплено много мудрости.

— Но ведь не о том же, как отбивать нападения кровожадных...

И снова поднялась рука, и снова послушно смолкла Хельва.

— На Хлое мы были еще детьми, к тому же невежественными. Мы оставались невеждами и тогда, когда знание могло бы спасти и нас самих, и благословенного Дженнана. Но уже моя бабка многому научилась, равно как и ее ближайшее окружение. Благодаря молитвам и научным исследованиям мы нашли эту планету и определили, что она пригодна. Стабильность местного солнца была, разумеется, нашим главным условием, — продолжала Хельвана, сопровождая свои слова грациозным жестом руки. — Изыскания на Равеле показали, что он вполне может удовлетворить наши скромные нужды и обеспечить тот образ жизни, который мы себе избрали... если нам удастся преодолеть его... природу. Планета обладала определенными опасностями. — Лицо Хельваны вдруг приобрело отрешенное выражение, будто она погрузилась в далекие воспоминания, но она тут же взяла себя в руки и, покачав головой, вернулась к более современным проблемам. — Мы были противниками техники, но в конце концов нам пришлось немного поступиться своими взглядами, и мы и сейчас продолжаем ею пользоваться. Мы до сих пор поддерживаем порядок на посадочной площадке как знак уважения к технологии, победившей яростную природу. Однако стоит лишь прикоснуться к выключателю — и появление любых нежелательных гостей будет предотвращено.

Хельвана говорила куда более разумно, чем та взбесившаяся идиотка — Мать Игуменья на Хлое. Но ведь для защиты безграничных равнин Равеля нужна целая армия. И куда более хорошо вооруженная, чем может похвалиться здешняя публика.

— Мы культивируем не только поля и огороды, но и растительный и животный мир тоже. На Равеле есть хищники...

— Но ничего такого, что могло бы осилить вооруженного для битвы воина кольнари.

Хельвана улыбнулась.

— И сколько же их — этих вооруженных воинов?

Наконец-то первый разумный вопрос!

— Пять или шесть полков, по моим расчетам.

Красивые брови изумленно выгнулись.

— А сколько бойцов в полку?

Хельва ответила.

— Так много?

— Да, так много. И они почти неуязвимы в своих боевых доспехах. Разве что у вас где-нибудь среди грядок спрятаны ракеты, способные пронизывать сверхпрочную броню.

— Нет, ничего способного пронзать доспехи у нас нет, — беспечно отозвалась Хельвана, сделав некоторый акцент на слове «пронзать». — Но защитить себя мы сумеем.

— Даже и не думай о рукопашной схватке, Хельвана! — воскликнула Хельва.

— О... — рассыпался очаровательный контральтовый смех. — Мы вообще не имеем обыкновения драться с кем-либо.

— Тогда как же ты планируешь расправиться с кольнари?

— Смею ли я просить о разрешении сделать тебе сюрприз?

— Разумеется, если это не повлечет за собой неизбежной гибели твоих несчастных сестер и тебя самой.

— Не повлечет.

— Кстати, я кое о чем вспомнила, Хельвана. На площади я видела много детей, девушек, еле вышедших из первого десятилетия, женщин среднего возраста вроде тебя, а также старух. — Хельва быстро просматривала свои записи, отыскивая то, что вызвало ее удивление, когда она смотрела на аудиторию, собравшуюся на площади.

— Ах это... — мило улыбаясь, сказала Хельвана. — Еще моя бабка решила, что наша община должна расти...

— Партеногенез?

— Нет, это противоречило бы нашим принципам. Мы завезли сюда большое количество оплодотворенных женских яйцеклеток, взятых у Верующих, чтобы обеспечить себя необходимым разнообразием генетического материала. Надо быть уверенными, что наша община сможет просуществовать несколько веков.

— Очень умно, — похвалила Хельва.

— Это еще далеко не последнее доказательство нашей мудрости, о Корабль, который поет.

Внешние сенсоры Хельвы восприняли чье-то слабое покашливание и она увидела целую вереницу девушек, стоящих у входа в шлюз.

— Мне кажется, они пришли поговорить с тобой, Хельвана, — сказал Корабль. — Заходите, девицы.

Лица девушек то вспыхивали от возбуждения, то бледнели от избытка почтения. Они низко кланялись тому месту на консоли, за которым скрывалась Хельва, причем делали это точно так же, как Хельвана немного раньше. Неужели вся эта чертова планета знает, где она живет, подумала Хельва.

— Птицы улетели, Хельвана. Некоторые ближайшие монастыри уже прислали ответы.

Явно довольная Хельвана кивнула.

— Запишите сообщения, а когда все монастыри ответят, дайте мне знать.

Девушки торопливо вышли, но не раньше чем отвесили почтительные поклоны Хельве.

— Вы тренируете птиц как вестников?

— Мы решили, что так будет лучше, поскольку расстояния между нашими общинами большие, а решения, в случае необходимости, должны приниматься быстро.

— А что... Хельваны... в каждом монастыре свои?

— Нет, я единственная. Мне эту честь оказали все остальные главы общин.

— И как долго будет длиться твое служение... если я верно употребляю этот термин?

— Я служу только тебе, — с великим достоинством ответила Хельвана. — И когда пойму, что уже слишком стара, чтобы обеспечить разумное руководство, на мое место будет избрана другая из числа тех, кто хорошо знаком с канонами и обычаями нашего Круга.

— Ну хорошо. Все это прекрасно, но давай вернемся к главному. Есть ли у вас убежища, где можно переждать время до прихода Флота?

— Равель — наша защита, — ответила Хельвана с уверенной улыбкой.

— Тогда просвети меня, потому что я не могу не волноваться за ваше благополучие.

— Тебе следует поближе познакомиться с Равелем.

— Уж не хочешь ли ты сказать, что вы обучили хищных зверей защищать вас?

— Нет, нас будет защищать сама планета.

— Ладно, если ваше оружие секретно, я обещаю никому не сообщать о нем, но знай: кольнари — самые лучшие и самые безжалостные воины из всех гуманоидов. Они...

— Против других гуманоидов, очевидно...

— У них есть оружие... — Хельва уже начала уставать от бессмысленной самоуверенности этой женщины, которая не желает понимать масштабы угрозы. — Оно может превратить ваш город в пепел и угли.

— С воздуха? — И тут в голосе Хельваны впервые послышался страх.

— Вам повезло, — сухо отозвалась Хельва. — Стратегия кольнари основана на применении грозного сухопутного войска. Разумеется, ваша система оповещения через спутник будет уничтожена прямо в космосе, как только кольнари ее заметят, но тот отряд, который сюда направляется, не имеет кораблей для атаки с воздуха, хотя нельзя исключить, что им удалось переоборудовать для этого какую-нибудь яхту. И все их корабли битком набиты бойцами, так что я сомневаюсь в наличии у них ракет воздух — земля. Впрочем, кто их знает, может, и есть. Но я полагаю, что они считают элемент неожиданности важнейшим условием для действий сухопутных десантных отрядов.

Хельвана скрестила на груди руки и уже спокойнее сказала:

— Тогда они не причинят нам вреда.

— Послушай, эти корабли под завязку набиты солдатами, которые считают планету своей добычей и намерены использовать ее в своих интересах, а они уж точно вам не понравятся. Оружия у вас нет...

— Оно нам ни к чему.

— Это ты так считаешь, но ведь тебе не приходилось видеть, как происходит захват планет воинами кольнари. Разреши, я покажу тебе, как они захватили...

Хельвана подняла руку.

— Бог нам защита.

— Он ничем вам не сможет помочь. Выслушай меня, вам необходимо принять меры предосторожности...

— Они уже приняты.

— Как?

— Самой планетой.

— Мы все время ходим по замкнутому кругу! — воскликнула, теряя терпение, Хельва. — Опять та же самая Хлоя,

только сценарий немного другой. — Она позволила себе выразить тоном голоса всю степень своего недовольства. — Только на этот раз вас поджарит не солнце, а...

— Нет! — Хельвана подняла руку так властно, что Хельва замолчала. — Ты же должна была заметить, что все наши монастыри — большие и маленькие — обведены стенами.

— Они не годятся против кольнари, закованных в боевые доспехи!

— Да они и близко не подойдут к нашим стенам. Мы ведь тоже редко выходим за их пределы, так как именно растительность Равеля представляет для людей грозную опасность. Даже хищники осмеливаются выходить из своих нор только холодными ночами, когда планета засыпает.

— Повтори еще раз...

Вежливая улыбка Хельваны чуть не превратилась в самодовольную усмешку. Она склонила голову набок и бросила на Хельву косой взгляд.

— Что могут кольнари знать о нашей планете?

— Только то, что есть в Галактическом Атласе.

— Можно мне взглянуть на этот раздел?

Хельва вывела нужную информацию на большой экран в гостиной, и Хельвана быстро пробежала ее. Когда чтение было закончено, она снова усмехнулась.

— Никаких важных деталей нет. Как и было договорено.

— Хотелось бы мне быть столь же уверенной, — отозвалась Хельва.

Хельвана поднялась.

— В прошлый раз нас хотело истребить собственное солнце. Однако на этот раз планета будет на нашей стороне. Еще вопрос: поскольку в Атласе упомянут космопорт, как ты думаешь, не там ли высадятся кольнари? Чтобы оттуда двинуться дальше?

Хельва припомнила эту разношерстную флотилию изношенных кораблей.

— Кораблей столько, что они все могут разместиться на территории поля. Хотя, по моему мнению, — добавила она мрачно, — отдельные командиры кольнари вполне способны на партизанские действия. — Она помолчала, прикидывая, а не спрятаны ли в тех полуразрушенных бараках какие-либо механизмы или оружие, которые могут быть использованы в нужный момент. Затем с горечью вспомнила, что если ка-

кие-нибудь корабли кольнари и начнут партизанские действия, то их результат вскоре станет хорошо известен. — Некоторые корабли почти негодны для космоса, из одного кислород прямо-таки хлещет. Ты должна понимать, что для них это последняя возможность переселиться на новую планету. Они будут драться вне зависимости от того, какие силы вы на них бросите. Надо еще помнить, что, по их мнению, захватить вашу планету это им «раз плюнуть».

— Ну... — Хельвана помолчала, губы ее передернуло странное судорожное движение. Потом она сказала: — Тут плевком не отделаешься. Ни в коем случае не отделаешься.

— У них обширный арсенал самых современных вооружений, — напомнила Хельва своей гостье. — И я не исключала бы и возможности воздушной блокады, чтобы сломить ваш дух.

Тут уж Хельвана хмыкнула совершенно открыто.

— Что? Бомбить наши поля и поселки? Если их цель — перебраться сюда, то вряд ли стоит разрушать уже построенное жилье и уничтожать запасы пищи.

— Ты не знаешь кольнари так, как знаю их я. Не относись к ним легкомысленно.

— Уверяю тебя, я так к ним не отношусь, — ответила женщина, на лице которой вдруг возникло суровое и печальное выражение. — Наши дома и поля действительно могут стать целями для бомбежки?

— Возможно. Но также возможно, что, не ожидая сопротивления, они просто высадятся и пойдут маршем...

— О, я так надеюсь на это, — сказала Хельвана, и ее лицо просветлело, на нем возникло нечто, говорившее о жажде победы. Потом это выражение исчезло, сменившись глубокой задумчивостью и даже неприязнью к себе самой. — Мы здесь на Равеле не испытываем радости, беря чью-то жизнь.

— Даже с целью спасения собственной?

— Твое прибытие и предупреждение для нас бесценны, — сказала Хельвана, снова вставая.

— У меня нет оружия, и я ничем больше не могу помочь, — ответила Хельва, которой не удалось скрыть усталости и гнева.

Женщина обернулась к ней и склонила голову.

— Это нам известно. Ты обязана позаботиться о собственной безопасности. Я плохо знаю, что происходит в других частях Вселенной, а твои картинки говорят, что это не такое

уж симпатичное место для жизни, поэтому ты очень рискуешь. Ты предупредила нас. Теперь мы в безопасности. Иди же и ты, о Корабль, который поет, и обрети себе защиту.

— Пойми, я не могу вас покинуть! — Голос Хельвы поднялся почти до крика, и она услышала его эхо снаружи, что заставило небольшие группы женщин, стоявших на площади, обернуться в ее сторону.

— Раз ты не можешь защищать себя, — ответила Хельвана, и по ее тону Хельва поняла, что она и в самом деле подвергается большому риску, — то тебе следует удалиться. У меня еще много дел.

— Что ж, рада это слышать, — с яростью в душе ответила ей Хельва. У выхода женщина обернулась и снова согнула талию в глубоком поклоне, после чего быстро зашагала по пандусу. Едва ступив на землю, она принялась раздавать поручения, и все, получившие их, бросались выполнять, так что площадь немедленно опустела. Сама Хельвана исчезла в дверях церкви или административного здания.

— Ну и ну! — Ниал выглянул из коридорчика, ведущего к его каюте. — Дамочка с норовом.

— Она ничуть не лучше той надутой спесью аскетки на Хлое! — Голос Хельвы охрип от злости. — Получается, что самая здесь уязвимая — это я!

— А что она тут несла о растительности? И закрой люк, родная, я вовсе не хочу, чтобы сюда кто-нибудь заглянул и узрел м-а-а-алень... — Он по-клоунски раскланялся и проглотил неоконченное слово.

— Так что там о растительности? — с раздражением спросила Хельва, убрав пандус и с треском захлопнув дверь в шлюз.

— Я бы сказал, что она опасна, а электрический ток на стенах должен задерживать ее наступление. Помнишь те дороги? Какие у них четкие границы? А ведь ими не пользуются. А для связи у них птицы... Разве это не говорит тебе, что местные тетки от стен своих монастырей далеко не отходят?

Хельва обдумала его слова.

— И это оружие против кольнари? — В ее голосе слышалось недоверие и разочарование.

— Мы можем использовать маскировку и понаблюдать, — предложил Ниал, наклоняя голову, будто указывая на нечто, избежавшее ее внимания. — Эта леди показалась мне

чертовски уверенной в своих... в местных формах защиты. Да и мы сами так мало повидали на Равеле, разве не так?

Хельва ощупала окрестность своими внешними сенсорами. Ничего, кроме птиц, возвращающихся назад и садившихся на что-то, похожее, как ей сначала показалось, на множество дымовых труб. На самом деле это были своего рода голубятни. Наконец она приняла решение.

— Я хочу попытать удачу еще в нескольких поселениях, — сказала она. Уверившись, что не нанесет никому вреда, она медленно по вертикали поднялась вверх. Площадь была так хорошо утоптана, что только несколько маленьких пылевых вихрей свидетельствовали о взлете.

Они попытали счастья в девяти монастырях — средних, маленьких и одном большом, но всюду глава поселения, очень почтительная во всем остальном, говорила, что на этот раз Корабль, который поет, не должна беспокоить себя из-за равелианок. С ее стороны было так великодушно предупредить их о приближении испытания! Хельва пыталась показать им свои записи, но после первых же испуганных взглядов они поворачивались к экрану спиной, закрывали ладонями глаза и категорически отказывались смотреть на предъявляемые им доказательства.

— Не думаю, что ты терпишь поражение из-за собственного неумения, — добродушно оценил ситуацию Ниал, беззвучно барабаня пальцами по подлокотнику. — Они и в самом деле абсолютно убеждены в собственной безопасности. Хотя мы-то знаем, что никакое сияние святости еще ни разу не помогло ни одному святому, и уж конечно, не поможет их сестрам, ежели те попадут в лапы кольнари. На тот случай, ежели ты слишком взволнована, чтобы наблюдать, сообщаю: стены находятся под повышенным напряжением.

— А где источники энергоснабжения? Ведь кольнари определят их немедленно при первой же рутинной воздушной рекогносцировке. — Хельва разволновалась еще сильнее. В тот первый раз само «разбухание» солнца служило доказательством реальности опасности даже для самых тупоголовых фанатичек. А что сейчас может послужить таким доказательством? И какого черта она снова связалась с этой сворой идиоток?

Хельва пыталась добиться своего снова и снова, но получила абсолютно одинаковую реакцию во всех девяноста семи

посещенных монастырях. На пути к девяносто восьмому они увидели на небе яркую вспышку, означавшую, что кольнари только что уничтожили спутник.

— Что ж, с их стороны очень мило послать нам предупреждение. Теперь самое времечко замаскироваться, Хельва, — сказал Ниал, и его пальцы продолжили свой бесшумный танец по подлокотникам кресла.

— Я уже сделала это, когда мы летели между двумя проклятущими упорствующими монастырями, — ответила она, направляясь к жалкому посадочному полю. Надо думать, оно никуда не делось, а в этом чудовищном растительном мире не было ни единого другого просвета, где бы кольнари могли посадить свои корабли. В этом Хельва была почти уверена.

На рассвете они с Ниалом уже были рядом с площадкой, зависнув над одним из холмов, окружавших котловину с полем.

— Ага! — проговорил Ниал, склоняясь над панелью управления, чтобы лучше видеть экран. Он включил все наружные «глаза», сузив их поле зрения так, чтобы они сконцентрировались на показе одного небольшого участка. Сначала Хельва чуть не взбесилась от такой самодеятельности, но потом поняла, что именно заинтересовало Ниала.

Посадочная площадка, еще недавно такая ровная и гладкая, теперь вырастила омерзительный растительный ковер — жирный, слизистый, чем-то похожий на гной тускло-желтого и грязно-зеленого цвета. В высоту он не превышал нескольких сантиметров. Сверху ковер, безусловно, выглядел как ровная и гладкая поверхность.

— Не скажу, что это моя любимая расцветка для прогулки по травке, Хельва, — сказал Ниал тихо и зловеще. — Давайка не будем спускаться, а лучше зависнем повыше в нашей уютной маскировочке.

— Отличная мысль, — отозвалась Хельва. Левым зрительным сенсором, расположенным в носовой части корабля, она уже заметила, как щупальца какого-то куста тянутся прямо к ней, яростно рассекая воздух в тщетной попытке ухватиться за корабль. Она тут же увеличила расстояние между собой и почвой. — Очень интересно. Жуткая хищная погань.

Ниал принялся потирать руки. На лице застыло жесткое выражение.

— Так этим мерзавцам и надо! Будем надеяться, что отвратный метаболизм кольнари не окажет угнетающего дей-

ствия на эту пакость. Они так злы, что способны отравить все, что не успеет отравить их первыми.

— Полагаю, тут они встретят достойных противников, — ответила Хельва, которой очень хотелось верить своим словам.

Первые два корабля кольнари, которые пошли на посадку, были самыми крупными и хорошо вооруженными крейсерами. Они сели точно в самой середине влажного зеленого газона. И сейчас же из их люков стали выбегать пешие, отлично вооруженные и закованные в броню солдаты. Артиллеристы немедленно развернули портативные ракетные установки. Они вовсе не стали, как это предполагала Хельва, захватывать бараки-развалюхи, которые уже покрывали шартрезно-зеленые лозы. И дело было вовсе не в том, что кольнари слишком разборчивы в отношении цветов. Или просто подозрительны. Ведь их родной мир славился своим внешним безобразием.

Пехотные подразделения стройными рядами уже шагали к дорогам, отходящим от поля, топча стальными сапогами кусты и кустарнички, достигавшие солдатских колен. Зелень задерживала движение кольнари, которые и не подозревали, что это совсем недавняя добавка к взлетной полосе. Каждая рота разделялась на четыре взвода, которые немедленно направлялись к одной из главных дорог. Еще три корабля сели на окраине поля, из них тоже выбегали отряды бойцов, присоединявшихся к авангарду, оставляя небольшие группы у поворотов на боковые ответвления. Затем — очень быстро, одна за другой, начали беспорядочно садиться яхты. У нескольких посадка была такой жесткой, что они зарылись носами в землю. Их тут же оплели щупальца и ветки растений, мгновенно превращавшиеся в толстые ветви, намертво приковывавшие корабли к полотну поля. Если бы это не были кольнари, поставившие целью захват в плен и порабощение равелианок, Хельва, может быть, смягчилась и предупредила бы тех безоружных и незащищенных доспехами людей, которые рекой лились из шлюзовых камер, а затем, кашляя и задыхаясь, валились на землю, протягивая руки к небу, будто взывая к Богу, силу которого они только что изведали. И погибали от удушья. А туземная растительность Равеля, ни на мгновение не останавливаясь, тут же начала их с энтузиазмом поглощать, поедать еще живые тела — если судить

по содроганию покрытых зеленью бесформенных обрубков и по крикам и воплям людей, умирающих в страшных мучениях. Жаждущие добычи щупальца проникали в открытые люки, отрезая дорогу тем, кто, увидев происходящее, пытался скрыться в глубинах кораблей.

Без сомнения, даже у самых опытных капитанов не было времени, чтобы предупредить остальные суда армады, которые продолжали садиться на первые попавшиеся на глаза свободные участки поля. Никто даже не подумал остаться в воздухе. Все «пассажиры» мечтали лишь об одном — поскорее оказаться на земле, а потому никто и не обращал внимания на то, что происходило с теми, кто высадился раньше.

— Да, ничего не скажешь, на них обрушилась заслуженная кара, — пробормотал Ниал. — Сама планета восстала против агрессоров.

А зелень меж тем продолжала ползти, извиваться, дергаться, содрогаться, проникать повсюду, ломать шпангоуты у самых старых и самых хрупких кораблей.

— После всех тех мерзостей и пыток, которые они обрушивали на ни в чем не повинных людей... — Голос Ниала внезапно оборвался. Он отключил все экраны, передававшие детали страшной «зеленой» бойни.

Хельва молча взлетела и направилась к ближайшей грунтовой дороге. Она, как оказалось, вела к главному населенному пункту. Хельву интересовал вопрос: как равелианская флора разделалась с пехотными полками, закованными в сталь. Уничтожение пехотинцев, из которых ни один не достиг даже самого крохотного и самого близкого поселка, потребовало немногим больше времени. Да, им так и не удалось дойти до монастыря хотя бы на расстояние окрика.

— Видимо, эти сорняки выделяют какую-то кислоту огромной коррозийной силы. Глянь-ка на вон те шрамы, а лучше сказать дыры, на поверхности стальных доспехов, которые остались от прикосновения к ним веток и побегов, — показал Ниал, изумленно качая головой. — Непонятно, как с ними справляются девицы, ежели зелень может творить такое с доспехами космической пехоты?

— Это меня мало интересует, пока побеги действуют столь эффективно, как мы только что удостоверились.

Слишком поздно сообразив, с какой опасностью они встретились, храбрецы кольнари обратили свое оружие против зе-

леных демонов, облепивших их с ног до головы. Возможно, кто-то из тех, кто умер последним на летном поле, умудрился послать пехоте свое сообщение. Но в этой битве оружие кольнари не столько сражало врагов, сколько множило их ряды. Любая попытка сжечь растения или взорвать их вела к тому, что они распадались на мелкие частицы, каждая из которых начинала тут же расти и развиваться, множа численность атакующих сил.

Воинов кольнари в их тяжеленных стальных сапогах стреноживали, и они, упав, превращались в желто-зеленые обрубки, бьющиеся в последних судорогах. В антигравитационные ранцы, видимо, проникали тонкие побеги, вызывая короткие замыкания.

Уже не опасаясь оружия кольнари, Хельва сняла маскировку и зафиксировала на пленку детали разгрома, особо останавливаясь на том, что происходит с флорой, если ее рубят в лапшу. При этом она оставалась на безопасном расстоянии от кровавой бойни (может, лучше назвать ее ядовито-зеленой?), дабы исключить возможность любого контакта. Хельва только мимолетно подумала о том, как было бы любопытно раздобыть листик или веточку и сохранить их для последующего анализа в какой-нибудь особо секретной лаборатории Центральных Миров.

— Никогда не видел ничего подобного, — говорил Ниал, покачивая головой. — Мы знаем, что существуют планеты с крайне неблагоприятными условиями для жизни на поверхности, но чтобы экологией можно было управлять, приручать ее и использовать в своих интересах в крайних ситуациях! Да, такая информация заслуживает особого хранения. — Ниал откинулся на спинку кресла, сложил ладони и начал с энтузиазмом их тереть, явно испытывая глубочайшее удовлетворение от неожиданного поражения кольнари. — Что ни говори, а этим девицам удалось кое-что узнать из области практики организации непротивления злу насилием!

— То, что мы видели, трудно назвать непротивлением, — раздраженно ответила Хельва. — Они просто дали природе планеты действовать по ее вкусу. Ты должен знать, что где-то в глубине этики здешней религии наверняка имеется шиболет* запрета на убийство.

* Слово, по произношению которого, согласно Библии, древние иудеи отличали своих от чужих. Своего рода национальный пароль. — *Примеч. пер.*

— Ха! Никогда не считал кольнари людьми, — ответил Ниал. — А кроме того, даже отпетые фанатики имеют не меньше прав на защиту своей жизни, чем любые другие формы жизни.

— А они ничего и не делали. Делала сама планета. Вот в чем вся прелесть того, что произошло.

— Ах как это верно! — Голос Ниала вдруг приобрел явный оттенок ханжества. — Блаженны кроткие, ибо унаследуют они царство Божие на Земле... или в данном случае — на Равеле. Прекрасный поступок, леди, просто прекрасный! — И он бесшумно зааплодировал. — Будем же и дальше совершенствовать наши достоинства. Вернее — ваши.

— Я уверена, что в результате они были уверены заранее, но для верности наблюдали за ним, — сказала Хельва и тут же включила бортовую систему дальнего наблюдения. На экране появилась небольшая стая птиц, круживших над недавним полем битвы. Потом они разлетелись в разные стороны, да так быстро, что даже Хельва не сумела засечь направления полета.

Когда Хельва опять села на площади, Хельвана и еще четырнадцать женщин уже поджидали ее. Все были одеты в длинные черные одеяния и черные же шапочки, туго обтягивающие головы.

— Мы пришли оплакивать Цезаря, а не восхвалять его, — процитировал Ниал.

— Убирайся отсюда, Марк Антоний, — ответила, как бы предвидя дальнейшее, Хельва.

— Иду. Иду! Не стану я присутствовать на сем печальном обряде.

— Ничего, ты обрядился достаточно для собственного, — бросила она вслед его исчезающей фигуре, а затем открыла шлюзовую дверь и выдвинула пандус.

Депутация вошла. Каждая из входивших отвешивала низкий поклон Хельве, пока все они наконец не расположились в гостиной. Лица женщин были серьезны и печальны, а у некоторых глаза покраснели от слез. Видимо, кое-кто из них отличался особым мягкосердечием. Но какой был смысл лить слезы по кольнари, особенно если всем присутствующим была прекрасно известна их вероятная судьба в случае победы захватчиков, Хельва при всем желании не могла понять. Впро-

чем, она ведь не была религиозной. Она заговорила первой, не желая утонуть в пышных славословиях и словах благодарности за свое второе, но совершенно случайное участие в их «спасении», тем более что на этот раз на ее долю выпала роль пассивного наблюдателя, а вовсе не орудия победы.

— Я должна извиниться, Хельвана, что с самого начала не доверилась вашей изобретательности и искусству. И в самом деле кроткие унаследовали эту землю.

Хельва искренне надеялась, что никто, кроме нее, не услышал приглушенного смешка, раздавшегося в коридорчике.

— Мы горько сожалеем, что нам пришлось доказывать свою неуязвимость на Равеле, — ответила тихо и печально Хельвана. — Мы будем молиться за их отлетевшие души.

— Я искренне сомневаюсь, что кольнари обладали ими, — ответила Хельвана, и резкость ее слов вызвала среди более молодых женщин возгласы несогласия. — С моей стороны жестоко так говорить, но мне собственными глазами довелось видеть те формы, в которые они облекали свои завоевания. Я не жалею, что кольнари уничтожены. Да и вам не следовало бы лить по ним горькие слезы и вообще горевать по поводу этого инцидента. Наша Вселенная стала только чище. В конце концов, никто из вас... — она на мгновение запнулась, — ...не сделал ничего. Ваша планета имела возможность взять на себя заботу о непрошеных гостях и сделала это.

Наступила неловкая пауза, во время которой верующие пытались примириться с неожиданно жесткими понятиями своего «спасителя». А Хельва продолжала в полной тишине:

— Сколько времени вам потребуется для приведения в порядок посадочного поля и дорог?

— Возможно, этого вообще не придется делать, — ответила Хельвана, обменявшись взглядом с подругами. — У нас есть средства связи для общения с другими монастырями и нет необходимости собираться вместе в одно время. Каждая община полностью самодостаточна, так что теперь нужды в космопорте нет.

— Но ведь ваши стены будут продолжать функционировать?

Губы Хельваны тронула слабая улыбка.

— Да, — сказала она, — они необходимы, чтобы держать в узде флору Равеля.

— Но ведь растительные формы, которые обладают столь быстрым... — Хельва поколебалась, не желая огорчать мяг-

косердечных женщин грубым словом «размножение», — ...вероятно, захотят сохранить обретенную ими свободу?

— То, что нуждается в исправлении, будет восстановлено. Это долгий и трудоемкий процесс, а у нас и без того много дел, если иметь в виду нашу каждодневную обязательную рутину, — сказала Хельвана.

Одна из ее спутниц дотронулась до рукава Хельваны.

— Да, конечно. Разумеется, мы прежде всего должны выразить тебе нашу вечную благодарность, — спокойно проговорила Хельвана. — Мы опять у тебя в долгу, о Корабль, который поет, и снова ничем не можем отблагодарить тебя за неоценимую опеку.

— Ну а если я скажу, что лишь случайно оказалась в этих местах, ты поверишь мне? — мягко спросила Хельва.

— Тогда мы будем надеяться, что не причинили тебе большого неудобства и не стали виновниками большого опоздания, — ответила та.

— Нет, не причинили, — сказала Хельва уже гораздо вежливее. Ей, как ни странно, вовсе не хотелось терять свою репутацию у монашек. — Я не опоздаю к месту своего назначения. — Поскольку на Регуле ее вообще не ждали, то лжи в этих словах не было. Теперь ей оставалось сделать еще несколько существенных заявлений. — Я попрошу Флот отменить состояние общей боевой тревоги, о чем распорядилась раньше. Объявлю об уничтожении...

Все взволновались, но Хельвана подняла руку и возгласы недовольства тут же смолкли.

— Пусть смерть не будет частью твоего послания. Просто сообщи, что с чрезвычайным положением мы разобрались сами, — сказала Хельвана с величайшим достоинством.

— Именно так и будет сказано, — серьезно отозвалась Хельва, хотя и знала, что Флот ей все равно придется проинформировать о том, что кольнари перестали существовать полностью и навсегда. — Если разрешите, то мне было бы спокойнее, если бы ваш спутниковый маяк был заменен. Прежний ваши незваные гости сбили с неба, так что нужна замена, дабы вас больше никто не беспокоил. — Сама Хельва отлично понимала, что, как только судьба кольнари станет известна, никто и никогда не захочет посетить Равель. — Могу ли я оказать вам эту помощь?

— На Веге-3 есть небольшая община нашего Круга, — ответила Хельвана. — Если бы ты была так добра и сообщила

им, что... требуется заменить маяк, они взяли бы на себя и издержки, и установку. Мы не хотим затруднять тебя подобными мелочами.

— Для меня это не составило бы труда, но я проинформирую ваших сестер на Веге о вашей просьбе и о том, что вы пребываете в безопасности. Никто из нас никому ничего не должен, о мудрейшая и преславная Хельвана. Я снова окажусь здесь, если в том окажется нужда, как то уже было на Хлое. И довольно об этом.

— Да будет так, — ответила Хельвана, склоняя голову в знак покорности, тогда как остальные сестры что-то прошептали, видимо, в знак одобрения. Затем вся делегация последовала за Хельваной к двери шлюза, где Хельвана остановилась, строго наблюдая за знаками почтения, оказываемого другими женщинами консоли Хельвы. На эту церемонию ушло немало времени, так что последняя уже стала раздражаться. Она даже изменила режим снабжения своего организма питательными веществами с учетом недавнего стресса.

После того как Хельвана отвесила свой глубочайший поклон, она почему-то задержалась еще на минуту.

— Мы будем молиться за твоего умершего партнера, — сказала она, кивком головы указывая в сторону кабины Ниала. — И в утешение Бог да пошлет тебе нового спутника, который достойно займет место Ниала Пароллана.

Она вышла, оставив Хельву в состоянии полнейшего изумления, таком глубоком, что она даже на какое-то время лишилась дара речи.

— Это ж надо — молиться за меня! — рявкнул Ниал, входя в главный отсек.

Хельва с треском захлопнула дверь шлюза.

— И откуда только они выкопали эти сплетни? — продолжал Ниал. — Давай-ка поскорее сматываться с этой планеты! От таких баб у меня мурашки по всему телу бегут. Нет уж, хватит с меня!

Хельве удалось взять себя в руки, и в воздух она поднялась, соблюдая все меры предосторожности. Площадь была пуста, если не считать Хельвану и членов депутации, которые стояли вблизи церковной стены, образуя правильный треугольник на ступенях лестницы, ведущей к паперти. Вершиной треугольника, конечно, была Хельвана.

С помощью кормовых сенсоров Хельва отлично видела запрокинутые лица верующих, наблюдавших взлет корабля,

уходящего в небо, с которого он недавно спустился, чтобы оказать им поддержку в трудную минуту.

— А знаешь, они все равно никогда не поверят, что ты просто оказалась по соседству, — сказал Ниал со странной усмешкой. — Особенно та — мудрейшая. Ни за что не поверит!

— Но ведь это действительно так, — ответила Хельва, которую сейчас больше всего интересовал вопрос: откуда Хельвана знает о смерти Ниала? Ведь эта женщина побывала только в шлюзе корабля да в гостиной. И что еще больше поразило Хельву, так это то, что благословение Хельваны и в самом деле внесло успокоение в ее душу.

Выбравшись за пределы звездной системы, Хельва послала во все стороны света сообщение, что чрезвычайная ситуация позади и что она может с уверенностью доложить о полном уничтожении флота кольнари. Более детальные сведения будут предоставлены Регулу по ее прибытии туда. Времени прибытия она не указала, хотя на пути туда ей уже довелось повстречаться с несколькими патрулями, спешившими на помощь Равелю еще по ее первому вызову. Она понимала, что они разочарованы потерей шанса заработать славу и повышение по службе, сразившись с последними пиратами кольнари, но вынуждена была сообщить им, что равелианки не относятся к числу людей, которые рады гостям. И никогда не будут к ним относиться. Она просмотрела и отредактировала свои записи о страшной гибели кольнари. Таким образом, она как бы, с одной стороны, выполнила обещание, данное Хельване, с другой — снабдила Разведуправление Флота ценной информацией. Однако она и не подозревала, что ее сдержанность лишь укрепит ее и без того блестящую репутацию.

Предназначенный для нее почетный эскорт встретил Хельву за пять дней до прибытия на Базу Регул. Два эскадрона. И с коммодором на борту флагманского корабля типа «Нова».

— Коммодор Халиман докладывает, мэм, что прибыл для сопровождения вас и Ниала Пароллана. — Так гласило послание, сопровождаемое изображением радостно улыбающегося коммодора на мостике боевого крейсера. Он огляделся, ища взглядом брона Пароллана.

— Я привезла тело моего партнера разведчика Ниала Пароллана, коммодор, — сказала она гораздо спокойнее, чем ожидала. Может, это результат молитвы Хельваны?

— Я не знал... — Коммодор был опечален и удивлен. Хельвана услышала, как среди собравшихся на мостике пробежал шумок. — Примите мое сочувствие и мои глубокие сожаления. Для вас это огромная потеря. Он погиб в бою с кольнари?

— Ниал Пароллан умер спокойно, во сне. Диагноз — отказ большинства жизненных функций организма в связи с глубокой старостью, — ответила Хельва. И тут же продолжала, боясь вопросов о месте и времени смерти (стасис не хранит свидетельств такого рода): — Он хотел быть похороненным с церемониями, положенными ему по рангу и выслуге лет, коммодор, — сказала она, внутренне улыбаясь желанию Ниала получить награду за то, что много лет был заключен с ней на одном корабле.

— Это его право, мэм. Мы начнем подготовку немедленно... если вы не возражаете.

— Конечно, — сказала она с легким вздохом. В конечном счете замысел этой голограммы вовсе не так уж плох. Он дал ей время привыкнуть к смерти Ниала. Смерть, где твое жало? Могила, где твоя победа?

— Мы глубоко соболезнуем, — сказал коммодор и отдал честь с особым воинским шиком. Она увидела, как офицеры, стоящие за спиной коммодора, замерли по стойке «смирно», салютуя ей. — Корабль НХ-834 внес колоссальный вклад в дело Службы.

— Ниал был бесценным партнером, — ответила Хельва. — Извините меня, если я снова погружусь в молчание. — Она вовсе не собиралась извращать факты своей недавней истории, но считала, что некоторые ее детали должны храниться только в ее памяти.

— Не думай, что это снимет тебя с крючка и освободит от необходимости объяснить детали разгрома кольнари, моя кошечка, — произнес Ниал. Он вдруг возник у стены вне пределов видимости экрана, который Хельва задействовала, начав разговор с коммодором. — И найдется ли в твоем докладе место для описания моих героических деяний во время событий на Равеле?

— А как же! Не пущу же я тебя в могилу, не украсив всеми наградами, которые ты заслужил? К тому же ты прекрасно справился с доверенным тебе заданием на Равеле: ни разу не показался им на глаза!

— Ну, судя по всему, не так уж хорошо, — ответил Ниал с плутовской улыбкой и грозя ей пальцем.

— Если ты имеешь в виду то странное замечание Хельваны, то можешь забыть о нем спокойно. Просто случайная догадка, ибо она знала, что мой брон должен болтаться где-то поблизости.

— Но она же знала мое имя!

— Кто знает, может, она умеет вызывать мертвых? А ты ведь мертвец, сам понимаешь. И не пора ли тебе отправиться обратно?

— Это еще зачем? Пропустить собственные похороны? Да как у тебя хватает духу говорить такое! — И он в волнении прижал руку к сердцу.

Она засмеялась.

— Надо было сообразить, что тебе пришлись по душе проделки Тома Сойера!

Он тоже рассмеялся.

— А почему бы и нет, раз уж ты наделила меня способностью видеть и слышать? Мне всегда хотелось знать, что думает обо мне народ.

— Ну на похоронах-то ты вряд ли услышишь о себе правду. О мертвых плохо говорить не принято, как ты знаешь. А кроме того, я вовсе не жажду, чтобы какой-нибудь тип из психушки копался в моих синапсах, стремясь выяснить, не повредила ли я свой мозг, составляя твою голографическую программу.

— Никто меня не увидит, клянусь тебе, моя ласточка!

Хельва намеревалась стереть программу начисто, включая даже петабайты, в которых она хранилась, сразу же по прибытии на Базу. Теперь она передумала. Ниал имеет право увидеть весь церемониал, весь — и медленный марш вслед за похоронными дрогами, и аэропланы, которые вместо салюта покачивают крыльями, и ружейные залпы, и бесконечный реквием, сопровождающий дорогого усопшего до самого кладбища. Сейчас она уже не оплакивала нежданную смерть своего любимого партнера, она отмечала долгую и плодотворную жизнь дорогого друга, которого она никогда не забудет.

Когда похоронный наряд прибыл за смертными останками, поле стасиса гроба заменило то, в котором Хельва хранила тело Ниала весь долгий путь домой. Все официальные лица Регула явились без проволочек, начиная от нынешнего

Главы Администрации Центральных Миров со всеми его адъютантами в парадных мундирах до Губернатора в ее элегантном черном платье и наимоднейшей шляпке. Состоялся парад из представителей всех силовых ведомств, а также бронов, бывших сейчас на Базе, одетых в свои коричневые тренировочные мундиры. Служба была долгой. Будь она еще дольше, Хельва, возможно, сама бы поверила всем парадным преувеличениям, высказанным о человеке, с которым они прощались и который в данную минуту сидел в пилотском кресле, с огромным удовольствием любуясь пышным зрелищем. Хельва запомнит это как лучшую часть всего представления.

— Я не пропустил бы это зрелище даже за проклятую Туманность Лошадиной Головы, куда мы с тобой так и не добрались, — несколько раз восклицал Ниал. Поскольку Хельва стояла так, что в ее рубку нельзя было заглянуть ни тем, кто был на земле, ни тем, кто находился на высокой платформе для особо важных лиц, то Ниал мог шляться по всему мостику, делая смешные замечания и предаваясь всякого рода воспоминаниям.

Хельва же занималась тем, чем занималась уже не раз, тем, чего ожидали от Корабля, который поет. Она позволила небесному своду резонировать от горьких звуков гимна, повествующих о бренности жизни и о вечности тишины. Но на этот раз в ее голосе слышался триумф, и когда последняя нота реквиема смолкла над кладбищем, а все присутствующие склонили головы, Хельва стерла голографическую программу Ниала.

Ее оставили одну, пока Хельва сама не решила, что с нее довольно одиночества. Наверное, ей следовало бы отложить уничтожение программы Ниала еще на несколько дней, но конец приходит всему, пришел он и похоронам. И Хельва связалась с Главным Штабом.

— Это НХ-834, которой нужен новый брон, — сказала она. — Кроме того, я прошу назначить время для моего собеседования с Флотом по поводу событий на Равеле. Я надеюсь, эта беседа будет записана для Архива. Прошу также об отправке срочного сообщения монастырю Марианского Круга на Веге-3, в котором они извещаются о том, что Равель нуждается в замене сигнального спутника. Старый разрушен кольнари.

— Нового брона? — повторил женский голос с удивлением. Вероятно, мозг этой дамы зашкалило от неожиданного общения с НХ-834.

— Да, нового брона! — Хельве пришлось повторить и все другие требования. — Усвоили? Отлично. Действуйте. И когда известите бараки бронов, сразу же продиктуйте мне список дел, которые могут представить интерес для корабля с моим опытом.

— Слушаюсь, НХ-834, слушаюсь! — Наступила пауза, во время которой до Хельвы доносились лишь взволнованные междометия, а потом все смолкло, так что ей оставалось лишь гадать о смысле речи взволнованной дамы. Неожиданность всегда дает вам известные преимущества.

Она засмеялась, испытав чистое наслаждение от зрелища бараков бронов, которые прямо-таки гудели от голосов молодых людей, спешно натягивающих брюки, обрывающих пуговицы, приглаживающих волосы и так далее. Эта сцена напомнила ей то счастливое время, когда множество молодых женщин и мужчин, твердо намеренных выиграть драгоценный приз, рвались из всех сил, чтобы первыми вступить на борт корабля.

Они еще не достигли пандуса, когда она вдруг увидела некий слабо светящийся объект. Его очертания были смутны, но это, без сомнения, был Ниал Пароллан, направляющийся прямо к ее консоли, чтобы приложиться щекой к скрывающей Хельву панели.

— Не причиняй следующему столько горя, сколько ты причинила мне, хорошо, любимая? — Он уже начал поворачиваться, его очертания стали еще более расплывчатыми. — Ну а если ты все же воспользуешься протезом Сорга для кого-нибудь из них, помни, я его доконаю. Запомнила?

Ей показалось, что она все еще бормотала какой-то ответ, но он уже плыл, медленно покачиваясь, куда-то в сторону главного экрана, но уж точно, что не в сторону шлюза. Как раз в то мгновение, когда она услышала топот ног бронов, Ниал исчез, небрежно махнув рукой и растворившись в металле корабля, который одновременно был ею самой.

— Разрешите подняться на борт, мэм? — раздался чей-то задыхающийся голос.

ГРЕГ БИР
ПУТЬ

«Эпоха» (1985 г.)
«Вечность» (1988 г.)
«Наследие» (1995 г.)

В давние-давние времена, нам неизвестные, в неведомых нам местах Эпоху пронзил, словно игла с тянущейся за нею нитью, Путь — бесконечный тоннель, по которому странствовали торговцы и искатели приключений. Создателями Пути, искусственной вселенной диаметром в пятьдесят километров, а в длину — бесконечной, были люди, обитавшие на космическом корабле-астероиде под названием «Пушинка». Путешествие между звездами, казавшееся бесконечным, им наскучило, а Путь, давший возможность открывать другие времена и другие вселенные, сделал достижение цели ненужным.

Из книги «Вечность» нам известно, что Путь был уничтожен; однако менее очевидно то обстоятельство, что нигде в пределах доступного людям пространства он не кончается.

Еще до того, как строительство Пути было завершено, его обнаружили и атаковали ярты, существа, нисколько не похожие на людей. Их целью было явиться к божеству, которое они называли Нисходящий Разум, а для этого требовалось поглотить и понять все на свете. Ярты едва не уничтожили создателей Пути, но тем удалось их сдержать, хотя пришлось потратить немало времени, да и цена была высока.

«The Way of All Ghosts». ©Greg Bear, 1999. ©Перевод. О. Мартынов, 2001

Однако людей «Пушинки» ждали и еще более странные встречи. Сплетение реальностей непостижимо для разума — как для человеческого, так и для яртского.

Один из путешественников, Олми Ап Шеннен, прожил несколько сот лет и за это время успел сделаться живой легендой, был забыт, затем обретен и вновь превращен в легенду. Об Олми рассказывают столько всего, что подлинная история его жизни и мифология тесно сплелись и отличить одно от другого невозможно.

События нашего рассказа разворачиваются в ранние годы Олми Ап Шеннена. Он пережил лишь одно перевоплощение (об этом говорится в книге «Наследие»). В уплату за воспоминания его наделили стремлением возвратиться в вечную смерть.

Грег Бир

ПУТЬ ВСЕХ ПРИЗРАКОВ
ЛЕГЕНДА С «ПУШИНКИ»

Посвящается Вильяму Хоупу Ходжсону

1

«Колебания вероятностей были беспорядочны, однако все они неизменно проходили через нулевую отметку, и открыватели врат, их оборудование и весь задействованный персонал в радиусе нескольких сот метров от врат были поглощены небытием, которое можно описать лишь в терминах математики. Стало трудно вообще вспоминать о том, что они когда-то существовали; записи об их жизни испортились или подверглись изменениям, несмотря на то что находились в миллионах километров от места происшествия. Мы вскрыли геометрическую кровь богов. Однако мы знали, что должны продолжать. Мы были вынуждены продолжать».

Из показаний мастера-открывателя врат Рая Орниса на секретных слушаниях Бесконечного Шестиединого Узла по вопросу о целесообразности открывания врат в Хаос и Порядок.

Призрак последней возлюбленной нашел Олми Ап Шеннена в старейшем колумбарии Александрии, что во втором отсеке «Пушинки».

Олми стоял посреди зала, окруженный многоярусными рядами небольших золотых шаров. Это были урны, по большей части содержавшие лишь образец праха усопшего. Они

поднимались к стеклянному потолку, удерживаемые внутри нежно-желтых колонн — силовых полей. Олми протянул руку и тронул гладкую серебряную пластину в нижней части колонны. Одно за другим, будто под резцом гравера, стали появляться имена мертвых.

Он убрал руку, когда в списке появилось имя «Илмо, Пол Йан». Здесь отдавали дань памяти солдатам из тех мест, где Олми вырос. В этой колонне было пять имен, знакомых ему еще со школы, — все пятеро погибли в схватке с яртами возле точки 3х9, в трех миллиардах километров Пути отсюда. Все пятеро исчезли без следа. Урны были пусты.

Деталей он не знал. Их и не нужно было знать. Погибшие служили «Пушинке» так же верно, как и сам Олми, но они никогда не вернутся.

Олми провел семьдесят три года, застряв на планете Ламаркия — служил Шестиединому, отрезанный от «Пушинки» и от Пути, который тянулся из седьмого отсека астероида. На Ламаркии он растил детей, любил и хоронил жен — прожил долгую и памятную жизнь в примитивных условиях необычнейшей планеты. Спасение, возвращение на Путь и почти мгновенное превращение из умирающего старика в пышущего здоровьем юношу потрясли его глубже, чем явление любого древнего призрака.

Строительство Осевого Города, расположенного в уникальном месте — в геодезическом центре Пути, — за бурные годы, предшествовавшие спасению Олми и его воскрешению из мертвых, завершилось. Город продвинулся «к северу» по Пути на четыреста тысяч километров, далеко от люка седьмого отсека. В гешельских районах Осевого Города ментальные модели многих умерших теперь помещались в Память Города — техногенное посмертие, не сильно отличающееся от небесного рая древних мечтаний. Использование той же технологии теперь позволяло создавать и временные частичные копии личности, предназначенные для реализации индивидуальных проектов. Иногда их называли призраками. Олми и раньше слышал о копиях, выполняющих задание оригинала, — большая часть разума призраков дублировала разум оригинала, только способность принимать решения была у них ограничена. Однако собственными глазами он такого еще не видел.

Призрак возник неподалеку от Олми, справа, и пару секунд мерцал, то становясь полупрозрачным, то превращаясь

в негатив, чтобы его не приняли за живого человека, а потом стал выглядеть, как существо из плоти и крови. Олми подскочил от неожиданности, а разглядев призрака подробнее, тряхнул головой и слабо улыбнулся.

— Мой оригинал будет рад найти вас в добром здравии, — сказала копия. — У вас потерянный вид, сер Олми.

Олми никак не мог сообразить, какую форму речи следует избрать при общении с призраком. Обращаться уважительно, как к оригиналу, женщине весьма влиятельной? Или, может, как к служащему?

— Я часто здесь бываю. Старые знакомства...

Копия приняла соболезнующий вид.

— Бедный Олми. Никак нигде не найдешь себе места?

Это замечание Олми пропустил мимо ушей. Он нашел глазами источник изображения — оно создавалось проектором величиной с кулак, парящим на расстоянии нескольких метров от него.

— Я прибыла по поручению моего оригинала, материальной представительницы Нейи Таур Ринн. Осознаете ли вы, что я — не она?

— Я не дурак, — отрезал Олми. Опять он попал с этой женщиной в неловкое положение!

Призрак уставился на него в упор (разумеется, это было просто изображение, и на самом деле оно никуда не смотрело).

— Председательствующий министр Пути, Йанош Ап Кеслер, поручил мне найти вас. Мой оригинал был против. Надеюсь, вы понимаете.

Олми сложил руки за спиной. Копия продемонстрировала ряд идентификационных символов: Управление председательствующего министра, Управление Шестиединого Узла по обороне Пути, Управление по обеспечению Пути... Целая свора бюрократов, подумалось Олми, а Управление обеспечения сейчас, пожалуй, сильнее, да и высокомернее всех.

— Что Йаношу от меня нужно? — резковато спросил он.

Призрак поднял руки перед собой и стал с каждым пунктом ударять по ладони указательным пальцем.

— Вы поддержали его в занятии поста председательствующего министра седьмого отсека и Пути. Вы стали символом защиты интересов партии гешелей.

— Я этого не хотел, — сказал Олми.

Это Йанош, ярый прогрессист и гешель, отправил его на Ламаркию — а потом он же вернул его обратно и снабдил

новым телом. Сам Олми никогда не мог определить, к какому лагерю принадлежит: к консерваторам надеритам, яростно сопротивлявшимся всем выдающимся достижениям последнего века, или к энергичным новаторам гешелям. Клан Нейи Таур Ринн принадлежал к старой радикальной фракции, он одним из первых переехал в Осевой Город.

— Сер Кеслер выиграл перевыборы на пост председательствующего министра Пути, а также исполняет обязанности мэра трех районов Осевого Города.

— Мне это известно.

— Разумеется. Председательствующий министр передает вам приветствие и выражает надежду на то, что вы сойдетесь с ним во взглядах.

— Конечно, сойдусь, — кротко ответил Олми. — Я не лезу в политику и ни с кем не расхожусь во взглядах. Отплатить Йаношу за все, что он для меня сделал, я не могу, но ведь и я ему послужил, как следовало.

Он не любил, когда его ловили на крючок, и не мог понять, с чего бы Йаношу присылать за ним Нейю. Председательствующий министр был неплохо осведомлен в вопросах его личной жизни. Может быть, даже слишком неплохо.

— Йаношу известно, что я ушел в постоянное увольнение. — Удержаться Олми не мог. — Простите за грубость, но мне любопытно: вы и вправду считаете, что вы — Нейя Таур Ринн?

Призрак улыбнулся.

— Я являюсь высокоуровневой частичной копией, получившей от оригинала второстепенные полномочия, — сказал он.

Нет, сказала она... впрочем, решил Олми, не важно.

— Это я знаю, но вы-то сами кем себя чувствуете?

— По крайней мере вы достаточно живы, чтобы проявлять любопытство.

— Ваш оригинал считал любопытство одним из моих пороков.

— Нездоровое любопытство, — ответил призрак, ему явно было неудобно. — Мне бы не удалось поддерживать тесные отношения с человеком, который хочет *быть мертвым*.

— Вы купались в лучах моей славы, пока я вам не надоел, — сказал Олми и тут же пожалел о своих словах. Чтобы погасить вспышку эмоций, ему пришлось вспомнить былые навыки.

— Отвечаю на твой вопрос — да, я чувствую все то же, что чувствовал бы мой оригинал. А моему оригиналу видеть

тебя здесь было бы омерзительно. Ты-то как себя чувствуешь, сер Олми? Приходить сюда, — призрак обвел рукой ярусы урн, — гулять среди мертвецов — мелодраматично, не правда ли?

Олми одновременно и злило, и привлекало то, что призрак сможет запомнить их встречу и рассказать о ней оригиналу, женщине, которой он восхищался всем сердцем — всем, что от него осталось.

— Вас привлекала история моей жизни.

— Меня привлекала твоя сила, — ответила она. — А твое намерение жить лишь воспоминаниями причиняло мне боль.

— К вам я был близок.

— А больше — ни к кому...

— Не так уж часто я сюда прихожу. — Олми передернул плечами и отступил на шаг назад. — Все мои лучшие воспоминания остались на той планете, куда мне не вернуться. Настоящая любовь, настоящая жизнь... Совсем не похоже на нынешнюю «Пушинку». — Он прищурился. Изображение было сфокусировано идеально, но что-то в нем было фальшивое — какой-то лоск, аккуратность, какой не бывало у Нейи. — Вы не помогли мне.

Копия взглянула ласковей.

— Не могу согласиться с твоими обвинениями, но твое горе не радует меня... моего оригинала.

— Я не говорил, что у меня горе. Странно, но я ощущаю покой. Зачем Йанош вас прислал? Почему вы согласились ко мне прийти?

Копия потянулась к Олми. Ее ладонь прошла сквозь его плечо, и тут же она извинилась за подобное нарушение этикета.

— Ради тебя самого и ради моего оригинала — прошу тебя, переговори хотя бы с нашими сотрудниками. Председательствующему министру необходимо твое участие в экспедиции. — Она собралась с духом и продолжила: — В «Редуте» проблемы.

Услышать это название было для него потрясением. Разговор внезапно сделался более чем рискованным.

Олми покачал головой:

— Я отказываюсь признавать, что мне известно о существовании какого-либо «Редута».

— Ты знаешь больше, чем я. Меня уверили в том, что все это правда. Управление по обороне сообщило Управлению по обеспечению Пути, что теперь мы все под угрозой.

— Мне бы не хотелось продолжать этот разговор в общественном месте.

Копию, кажется, ободрили его слова, и изображение придвинулось поближе.

— Здесь тихо и пусто. Никто нас не слышит.

Олми уставился на высокий стеклянный потолок.

— За нами не наблюдают, — продолжала настаивать копия. — Узел и Управление по обороне уверены, что к тому участку Пути приближаются ярты. Мне сказали, что если они его возьмут и получат контроль над «Редутом», вся «Пушинка» может обратиться в пепел, а Путь сгорит, как обрывок бечевки. Мой оригинал напуган. И я, какая сейчас есть, тоже напугана. Олми, тебя это хоть в малейшей степени беспокоит?

Олми обвел взглядом ряды урн... Столетия истории «Пушинки», забытые воспоминания — все это должно было теперь обратиться в несколько щепоток пепла, а может, и того не останется.

— Йанош уверен, что ты сможешь помочь. — В голосе копии звенели эмоции. — Перед тобой возможность объединить живых и найти место для себя самого.

— А вам-то что? Вашему оригиналу?

— Мой оригинал по-прежнему считает тебя героем. Я по-прежнему надеюсь, что сумею послужить Шестиединому так же, как ты.

— Лучше берите пример с кого-нибудь живого, — криво усмехнулся Олми. — Я тут чужой. Я заржавел.

— Неправда. Тебе сделали новое тело. Ты молод и силен, к тому же у тебя богатый опыт... — Кажется, она хотела сказать что-то еще, но не решилась.

Изображение дернулось и вдруг погасло. Звук тоже пропал, и Олми услышал лишь обрывок фразы:

— Йанош говорит, что никогда не терял веры в тебя...

Пол колумбария дрогнул. Кажется, нерушимость «Пушинки» была под угрозой! То ли в породе астероида произошло землетрясение, то ли случился внешний удар, то ли что-то произошло с Путем... Олми ухватился за колонну. Золотые шары дрожали и звенели, словно сотни колокольчиков.

Где-то вдалеке завыли сирены.

Копия вновь появилась, на губах у нее застыла ласковая улыбка.

— Я потеряла контакт со своим оригиналом. Связь с Памятью Города прервана по неясной причине.

Она была восхитительна, но физического влечения он к ней не испытывал.

— Не знаю, будет ли связь восстановлена, и если да, то в какие сроки. В Осевом Городе произошла поломка.

Внезапно изображение превратилось в странную мозаику, потом задергалось. Копия протянула к Олми свои призрачные руки.

— Мой оригинал... — Ее лицо исказилось от страха, словно она была из плоти и крови. — Она умерла. *Я умерла.* О Господи, Олми!..

Олми пытался понять, что это может значить в рамках новых жестких гешельских правил жизни и смерти — ведь Нейя была из гешелей.

— Что случилось? Чем помочь?

— Мое тело исчезло. — Изображение беспорядочно мерцало. — Произошел крупный сбой системы. Мое существование не имеет легального основания.

— Что там с полными записями жизни? Подсоединись к ним. — Олми заходил вокруг дергавшегося изображения, будто бы мог его удержать, не дать ему погаснуть.

— Я все откладывала... Вот дура-то! Я еще не вложила свою запись в Память Города.

Олми попытался ее коснуться — конечно, не получилось. Он никак не мог поверить в ее слова, но сирены продолжали выть, а астероид снова вздрогнул, на этот раз, правда, не сильно.

— Мне некуда идти. Олми, пожалуйста, Олми! Не дай мне просто выключиться! — Копия Нейи Таур Ринн выпрямилась, пытаясь успокоиться. — У меня осталось всего несколько секунд до...

Внезапно Олми почувствовал, что его тянет навстречу мигающему изображению. Ему хотелось знать, на что похожа настоящая смерть, окончательная смерть. Он снова двинулся к копии, будто пытаясь ее обнять. Она покачала головой, изображение замерцало еще сильнее.

— Так странно... терять...

Договорить она не успела. Изображение погасло. Олми держал в объятиях молчащую пустоту.

Сирены не смолкали, их было слышно по всей Александрии. Олми медленно опустил руки. Он остался один. Про-

ектор, негромко попискивая, кружил в воздухе: связь с источником прервалась, и что делать дальше, устройство не знало.

Олми вздрогнул, и волосы у него встали дыбом — такого чувства, почти религиозного трепета, он не испытывал со времен своей жизни на Ламаркии.

Вдруг он понял, что идет в конец зала, и свернул направо, к большой металлической двери, за которой был выход. Сквозь дымку, окутывавшую второй отсек, и марево вокруг раскаленной плавильной трубы виднелся южный люк осевой шахты. Олми вытер мокрые глаза тыльной стороной ладони.

Плавильная труба в двух третях расстояния до люка была опоясана ярким кольцом аварийных маяков.

Олми продолжал дрожать, и это его злило. Он однажды уже умирал, но новое тело все равно боялось смерти.

А в самой глубине души — и это его злило еще больше — остался клочок старой верности. Верности народу, верности кораблю, что открывает врата бесконечного Пути. Верности женщине, решившей, что быть с ним рядом слишком больно. «Нейя!» — простонал Олми. Может быть, она ошиблась. Может быть, копия не имела полного доступа к информации, может быть, все не так уж плохо, как казалось.

Да нет, все очень и очень плохо. Никогда еще на его памяти «Пушинку» так не трясло.

Вместе с толпой растерянных, встревоженных горожан Олми побежал к рельсовой станции, что находилась в трех кварталах. Выходы к лифтам северного люка были перекрыты — временно запретили переходить из отсека в отсек. Информации не поступало.

Олми показал охраннице возле люка идентификационные значки у себя на запястье, та торопливо сканировала их, переслала своему начальству и, получив разрешение, пропустила его в лифт. Олми быстро поднялся к шахте.

Здесь, согласно приказу из Управления председательствующего министра, ждали правительственного корабля. Олми расспрашивал солдат и охранников, но никто ничего не знал. Официальных объявлений ни по одной из гражданских сетей до сих пор не было. На корабле, похожем на наконечник стрелы, Олми и еще пятеро сотрудников пересекли четыре следующих отсека, выходя из атмосферы в вакуум и протискиваясь сквозь люки в разделяющих отсеки огромных вогну-

тых стенах. Следов повреждений ни в одном из отсеков заметно не было.

Возле южного люка шестого отсека Олми сел на специальную машину, способную двигаться вдоль оси Пути. Со скоростью многих тысяч миль в час машина помчалась по своим необычным рельсам по направлению к точке 4x5, к находившемуся в четырехстах тысячах километров от «Пушинки» Осевому Городу.

До Осевого Города оставалось всего несколько минут, когда машина затормозила, а передний смотровой порт потемнел. Пилот доложил, что поблизости находится мощный источник радиации. В северные районы Города врезался некий предмет, двигавшийся по Пути с релятивистской скоростью.

Олми легко догадался, что бы это могло быть.

2

Встретиться с председательствующим министром Олми удалось только на следующий день. Пока что ремонтники сумели восстановить лишь один район города, Центральный, в нем можно было жить; из остальных, в том числе из Главного Осевого, шла эвакуация. Основной удар пришелся именно на Главный Осевой. Погибли десятки тысяч человек — и гешелей, и надеритов, причем надериты, отказывавшиеся участвовать в программе записи моделей тел и памяти в Городскую Память, оказались совершенно беззащитны перед лицом катастрофы.

Некоторых гешелей ждало повторное воплощение, но тысячи и тысячи человек погибли безвозвратно. Городская Память была повреждена. Даже если бы Нейя позаботилась вовремя записаться, возможно, она все равно умерла бы.

Кабинеты сотрудников председательствующего министра Пути и работников правительства Осевого Города перенесли в последний оставшийся район — Центральный. Там Йанош и принял Олми.

— Ее звали Дейрдре Енох. — Председательствующий министр парил в воздухе, по грудь закованный в синий блестящий медицинский аппарат. При взрыве ему сломало обе ноги, он получил серьезные внутренние повреждения. На время, пока не будут выращены и имплантированы новые органы, председательствующий министр превратился в киборга. —

Пятьдесят лет назад она открыла нелегальные врата в точке 3x9, неподалеку от того места, где мы в свое время отразили последнюю атаку яртов. Помогал ей мастер-открыватель врат, сознательно нарушивший приказ Узла и Гильдии. Нам стало известно об этом через шесть месяцев после того, как Енох тайно переправила в небольшой исследовательский центр восемьдесят своих коллег — или сто двадцать, мы до сих пор точно не знаем — всего через несколько дней после открывания врат. Но сделать мы ничего не могли.

Олми положил руку на поручень, шедший вдоль прозрачных стен кабинета, и спокойно смотрел на Кеслера. Его ирония была слишком очевидна.

— Я что-то слышал об этом, так, слухи всякие. Управление по обеспечению...

У Кеслера начался приступ, его лицо исказилось от боли, но медицинский аппарат ее тут же приглушил. Министр продолжил:

— К черту управление по обеспечению. К черту всю эту грызню. — Он выдавил кривую улыбку. — В прошлый раз, на Ламаркии, проблема была из-за отступника-надерита.

Олми кивнул.

— На этот раз — из-за гешеля. Хуже того, из-за члена Гильдии открывателей. Вот уж не думал, что управлять этим чертовым кораблем будет настолько сложно. Теперь я почти понимаю, почему ты тоскуешь по Ламаркии.

— Там не легче было.

— Да, но народу меньше. — Йанош развернул аппарат и пересек комнату. — Мы, собственно, не знаем, что именно произошло. Непосредственная геометрия вокруг врат нарушилась. Противоречия между физикой Пути и Вселенной, открытой Енох, были слишком велики. Врата превратились в брешь, которую невозможно заткнуть. К тому времени как это случилось, большинство ученых из команды Енох отступили на главную станцию, там была защитная пирамида — Енох назвала ее «Редут».

— Она открыла хаос? — спросил Олми.

С Пути открывался доступ во множество вселенных. Некоторые были пусты, мертвы и относительно безвредны; другие — смертельно опасны, полны булькающей, пузырящейся массы нестабильных констант, ограничивающих реальность вокруг наблюдателя или исследовательского автомата. В та-

кие вселенные врата с Пути открывались лишь дважды, и хорошо в этих случаях было лишь то, что они немедленно захлопывались и открыть их снова было невозможно.

— Нет, не хаос. — Кеслер сглотнул. — Чертов аппарат... Плохо работает.

— Вам бы лучше отдохнуть.

— Некогда. Гильдия открывателей сообщила, что Енох искала прочно структурированный мир, сверхпорядок. То, что она нашла, опаснее любого хаоса. Возможно, ее врата вели во вселенную бескрайнего изобилия. Не просто в порядок — в творение. Всякая вселенная в некотором роде представляет собой сплетение информационных связей, но во вселенной Енох для распространения информации не оказалось никаких ограничений. Ни конечной скорости света, ни разграничений между какими-либо аналогами континуума Белла... совершенно другая физика, в общем.

Олми нахмурил брови, пытаясь найти в его словах хоть какой-нибудь смысл.

— Я не очень-то разбираюсь в физике Пути...

— Спроси своего любимого Конрада Коженовского, — отрезал Кеслер.

Олми на провокацию не поддался. Кеслер пробормотал извинения, на его лице снова появилась маска боли — жалкая пародия на нетерпение.

— В попытках спасти ее людей и закрыть врата мы потеряли три экспедиции. Последнюю — шесть месяцев назад. Вокруг главной станции выросли формы жизни, питающиеся из бреши, — огромные такие, что и представить себе нельзя. Никто в них разобраться не может. Люди из последней экспедиции — те, кто выжил, — сумели примерно в тысяче километров от бреши поставить заграждение. Мы думали, что это даст нам несколько лет на обдумывание следующего шага. Однако заграждение разрушено. Подойти достаточно близко, чтобы понять, что случилось, нам не удалось. В этом районе находятся ключевые оборонительные сооружения, не позволяющие противнику применить поток Пути против нас. — Кеслер опустил взгляд. Внизу, в двадцати четырех километрах под прозрачным полом кабинета, виднелся сегмент Пути. — Ярты сумели направить вдоль потока релятивистский снаряд с массой покоя чуть больше грамма. Перехватить его нам не удалось. Вчера, в двенадцать ровно, он попал в Осевой Город.

Олми уже знал подробности: ярты использовали дробинку меньше миллиметра в диаметре, разогнанную почти до скорости света. Если бы не защитные и контрольные механизмы шестого отсека, весь Осевой Город был бы уничтожен. В то время, когда копия Нейи Таур Ринн разговаривала с Олми, ее оригинал выполнял в Главном Осевом задание своего начальника, Йаноша.

— Мы передвигаем Город к «югу» с максимально возможной скоростью и ведем эвакуацию, — продолжил Кеслер. — Ярты приближаются к бреши. Неизвестно, как они могут ее использовать. Может, и никак — но рисковать мы не имеем права.

Олми удивленно помотал головой.

— Вы сказали, что сделать ничего нельзя. Зачем же меня вызвали?

— Я не говорил, что нельзя сделать совсем ничего. — Глаза Кеслера блеснули. — Некоторые открыватели полагают, что сумели бы запечатать брешь кольцевыми вратами.

— Тогда мы будем отрезаны от остальной части Пути.

— Хуже того. Если это сделать, за несколько дней или недель Путь будет полностью разрушен, а мы — навсегда заперты на «Пушинке». Столь отчаянной ситуации у нас еще не бывало. — Он опять криво улыбнулся, было видно, что ему больно. — Откровенно говоря, это не я тебя выбрал. Я не уверен, что на тебя по-прежнему можно полагаться; кроме того, дело слишком сложное, чтобы кто-либо мог действовать в одиночку.

Так, значит, Нейя сказала неправду.

— А кто меня выбрал?

— Открыватель врат. Ты на него произвел благоприятное впечатление, когда он сопровождал тебя по Пути несколько десятков лет назад. Тот, что открыл врата на Ламаркию.

— Фредерик Рай Орнис?

Кеслер кивнул.

— Насколько мне известно, он обладает в Гильдии наибольшей властью.

Олми глубоко вздохнул и произнес:

— Я не такой, каким кажусь, Йанош. Я старый человек, я видел, как умирали мои женщины и мои друзья. Мне не хватает моих сыновей. Лучше бы вы оставили меня на Ламаркии.

Кеслер закрыл глаза. Настройка медицинского аппарата сбилась, на лице председательствующего министра проявилось напряженное выражение.

— Тот Олми, которого я знал, ни за что не отказался бы от подобной возможности.

— Я слишком много повидал с тех пор.

Йанош придвинулся к нему и тихо сказал:

— Оба мы много повидали. Брешь... Открыватели говорят, что удивительнее места на свете нет. Все законы физики там пошли прахом. Изменились понятия времени и причинно-следственной связи. Рай и ад пляшут, взявшись за руки. Это видели только люди в «Редуте» — если, конечно, они еще существуют каким-либо понятным для нас образом. С тех пор как возникла брешь, связи с ними нет.

Олми внимательно слушал, и угольки у него в сердце медленно разгорались.

— Возможно, все кончилось. Возможно, весь великий эксперимент подошел к концу. Мы готовы пережать Путь, отрезать себя от бреши...

— Дальше. — Олми заложил руки за спину.

— Три человека сумели покинуть «Редут» прежде, чем брешь стала слишком велика. Один сошел с ума — вылечить его было невозможно — и умер. Другого заперли и обследуют со всей возможной тщательностью. Однако болезнь этого человека — или этого *существа* — тоже неизлечима. Третья... Она жива и относительно невредима, только стала... как бы это сказать... чужда условностей, слегка — или не слегка — погрузилась в мистику. Но мне сообщают, что она по-прежнему в своем уме. Если ты не против, она будет тебя сопровождать. — По тону Йаноша было понятно, что возражений он не примет. — И еще у нас два добровольца, оба — подмастерья-открыватели врат, отклоненные Гильдией. Всех троих выбрал Фредерик Рай Орнис. Причины он объяснит.

Олми покачал головой.

— Женщина-мистик, открыватели, отклоненные Гильдией... Что мне делать с такой компанией?

Йанош мрачно улыбнулся.

— Если все пойдет наперекосяк, убей их. И себя убей. Если вам не удастся пережать Путь и брешь сохранится, вернуться вам не позволят. Третья экспедиция, которую я отправил, до «Редута» не добралась. Их затянуло в брешь. —

Его лицо опять исказилось от боли. — Олми, ты веришь в призраков?

— В каких призраков?

— В настоящих.

— Нет.

— А я, кажется, верю. Кое-кто из членов спасательных экспедиций вернулся. Несколько их версий. Мы полагаем, что нам удалось их уничтожить.

— Несколько версий?

— Что-то вроде копий. Они были отправлены обратно вдоль собственных мировых линий, словно эхо; как это было сделано — никто не понимает. Они вернулись к тем, кого любили — к родственникам, друзьям. Если появятся еще такие, все, что мы считаем реальностью, будет под угрозой. И этих-то непросто было сохранить в тайне.

Олми скептически поднял бровь. Интересно, подумал он, а сам-то Йанош в своем уме?

— Я свое отслужил. И даже больше. С чего бы мне опять идти на службу?

— Черт побери, Олми, если не из любви к «Пушинке» — ладно, допустим, тебе до нее теперь нет дела, — тогда вот почему: ты ведь *хочешь умереть*. — Кеслер фыркнул, на лице у него, помимо боли, застыло тихое отвращение. — Ты хочешь умереть с тех самых пор, как я вытащил тебя с Ламаркии. Если доберешься до «Редута», скорее всего твое желание исполнится. Считай, что это подарок от меня тебе... или тому, кем ты когда-то был.

3

— Был бы у тебя улучшенный мозг, дело пошло бы куда быстрее. — Джар Флинч ткнул пальцем чуть ли не в лицо Олми.

Фредерик Рай Орнис улыбнулся. Все трое, плечом к плечу, шли вдоль большого пустого зала, направляясь к защищенной от подслушивания комнате, затерянной в глубине старого здания александрийского Оборонно-тактического училища «Пушинки».

Рай Орнис физически совсем не постарел — с виду он был все тем же длинноногим, похожим на богомола парнем, но на смену неуклюжести пришла страшноватая грация, а

юношеская болтливость превратилась в болезненное немногословие.

Олми отмахнулся.

— Я просмотрел нужные файлы и, пожалуй, неплохо их изучил. У меня возникли вопросы относительно выбранных для меня спутников. Эти подмастерья-открыватели... Гильдия их отклонила. Почему?

Флинч улыбнулся.

— Больно уж они яркие.

— Рай Орнис такой же.

— Гильдия изменилась, — сказал Рай Орнис. — Требования повысились.

— Да, — кивнул Флинч, — за то время, что я работаю учителем в Гильдии, она изменилась. Теперь там плохо переносят... творческий подход. Отступничество учеников Енох их напугало. А брешь пугает нас всех. Расп и Карн молоды, любят все новое. Никто не отрицает, что они великолепны, но вписываться в систему и играть свою роль они не желают. Поэтому Гильдия отказала им в получении окончательной сертификации.

— Почему вы их выбрали для этого задания?

— Их выбрал Рай Орнис, — сказал Флинч.

— Мы обсуждали этот вопрос, — ответил Рай Орнис.

— Я своего согласия не высказывал. Когда я их увижу?

— Только в вихрелете. Они еще проходят аварийное закаливание. — Флинч кинул взгляд на Рая Орниса. — Их подвергли жесткой программе тренировок.

Олми все меньше и меньше хотелось иметь дело и с Гильдией, и с избранниками Рая Орниса.

— В файлах сказана лишь половина всего. Дейрдре Енох не была открывателем, даже не пыталась получить квалификацию. Она была обычным учителем. Как случилось, что она приобрела такую важность для Гильдии?

Флинч покачал головой.

— Ни она, ни я не получали квалификации, но мы оба считаемся одними из лучших учителей. Для некоторых подмастерьев она стала лидером. Они считали ее великим философом.

— Пророком, — негромко добавил Рай Орнис.

— Учиться в Гильдии тяжело, — продолжил Флинч. — Иные говорят, что это похоже на пытку. Одного только ма-

тематического закаливания хватает, чтобы уровень выбраковки превысил девяносто процентов. Дейрдре Енох была консультантом по ментальному равновесию и компенсации, причем хорошим консультантом... В течение последних двадцати лет она работала со многими людьми, впоследствии занявшими высокие посты в Управлении по обеспечению Пути. И не теряла с ними контактов. Она убедила многих своих учеников...

— В том, что человеческая природа порочна, — мрачно бросил Олми.

Флинч покачал головой.

— В том, что законы нашей вселенной неадекватны. Неполны. Что есть способ стать более хорошими людьми и, конечно, более хорошими открывателями врат. Она полагала, что нас портят беспорядок, конкуренция и смерть.

— Ей были известны теории высокого уровня, предположения, о которых говорят между собой только мастера-открыватели, — подхватил Рай Орнис. — Она слышала разговоры о мирах, где все правила совершенно другие.

— О вратах в совершенный порядок?

— Да, в теории этот вопрос обсуждался. Попыток открыть такие врата никто никогда не предпринимал. Нам ничего не известно о каких-либо пределах, ограничивающих разнообразие вселенных. Енох предположила, что правильно настроенные врата могли бы обеспечить доступ практически в любой мир, какой только способен представить себе хороший открыватель.

Олми поморщился.

— Она думала, что порядок компенсирует конкуренцию и смерть? Хотела устроить смертельную схватку между порядком и беспорядком?

Рай Орнис издал невнятный звук, а Флинч кивнул.

— Существует причина, по которой ничего подобного в файлах нет. Ни один открыватель говорить об этом не станет и даже не признается, что ему известен кто-либо причастный к принятию этого решения. Гильдия оказалась в весьма неловком положении. Удивительно, что ты знаешь, какие вопросы задавать. Но лучше бы тебе расспросить Рая Орниса...

Однако Олми не отстал от него.

— По твоим словам, вы с Енох занимали одинаковые посты. Лучше я расспрошу тебя.

Флинч жестом показал, что надо свернуть налево. Впереди зажглись огни, в конце небольшого зала была открытая дверь.

— Дейрдре Енох читала много старых религиозных текстов. И ее последователи тоже. Полагаю, что они заблудились в собственных мечтах. Они верили, что тот, кто омоется в потоке чистого порядка, окунется в мир неограниченного творения, станет лучше. Защищеннее, крепче... Наверное, она им что-то в этом духе говорила.

— Фонтан юности? — Олми продолжал морщиться.

— Открыватели редко думают о временном бессмертии, — ответил Рай Орнис. — Открывая врата, мы на миг видим вечность. Сто врат — сто разных вечностей. Возвращение — лишь промежуток между вечностями. Те, кто слушал Енох, полагали, что станут лучше, искуснее. Сделаются менее испорчены конкурентной эволюцией. — Улыбка на его костлявом, как у скелета, лице смотрелась неприятно. — Освободятся от первородного греха.

Олми перестал морщиться и взглянул на отвернувшегося от Рая Орниса Флинча — между этими двоими, казалось, существовала какая-то неприязнь.

— Ясно. Я понял.

— Правда? — с сомнением спросил Флинч.

Возможно, мастер-открыватель мог сказать и больше, но лучше было его не заставлять.

Прозвучал звонок, и они вошли в комнату для совещаний.

Там уже сидела Лисса Пласс — она единственная вышла из «Редута» живая и в своем уме. Она была гешелем-радикалом и десятки лет назад сама разработала для себя внешность, похожую на свою настоящую. Пласс выглядела широкой в кости; классически красивые черты лица не скрывали внутренней силы, однако она позволила себе становиться старше и не стерла следов времени, проведенного в экспедиции, и полученной травмы. Олми заметил, что у нее с собой была древняя — еще бумажная — книжка, Библия.

Флинч представил их друг другу. Пласс выглядела гордой и уязвленной.

— Начнем с того, что нам известно, — сказал Флинч и включил видеозапись, сделанную вихрелетом, на котором спаслась Пласс.

Над столом возникло изображение: огромная труба Пути, о которую бились, рассыпаясь сверкающими брызгами, силовые поля, смерчи космического мусора; брешь, пересекавшая Путь посередине, была похожа на раскаленный добела, слепящий кусок проволоки.

Пласс не смотрела на изображение. Олми внимательно следил за ней. На мгновение ему показалось, будто вокруг женщины закружилась полупрозрачная тень. Никто больше не увидел или не подал виду, что заметил что-то такое, но Пласс сжала губы и стала пристально глядеть на Олми.

— Я рад, что вы оба согласились сюда прийти, — сказал Рай Орнис, когда запись закончилась.

Пласс взглянула на него и снова перевела взгляд на Олми, внимательно изучая его лицо.

— Я не могу здесь оставаться. Поэтому и возвращаюсь. На «Пушинке» я чужая.

— Сер Пласс посещают привидения, — сказал Флинч. — Сер Олми знает про некоторых из ваших гостей.

— Мой муж, — ответила, сглотнув, Пласс. — Пока что — только мой муж. Больше никого.

— Он там, в «Редуте»? — спросил Олми.

— Не много вам сообщили полезного, да? — сказала она едко. — Будто хотят, чтобы у нас ничего не получилось.

— Он погиб?

— В «Редуте» его нет, не знаю, назвали ли бы вы это смертью. Можно мне рассказать, что это значит и что мы на самом деле сотворили?

Рай Орнис развел руками.

— Пожалуйста.

— Мне по наследству достались записи, относящиеся ко временам еще до запуска «Пушинки». Мои предки имели доступ в духовный мир. Все они видели призраков. Старых призраков, не тех, что теперь используются вместо слуг. Кое-кто писал об этом в своих дневниках. — Она коснулась нижней губы. — Полагаю, одним из этих призраков был мой муж. Я поняла. В моей мировой линии еще до моего рождения все видели одного и того же призрака — моего мужа. А теперь и я его вижу.

— Трудно представить себе призрака такого рода, — промолвил Олми.

Пласс подняла взгляд к потолку и положила руку на Библию.

— К чему бы мы ни подключились — будь то мир чистого порядка или еще что-нибудь, — оно *просачивается* в Путь и в «Пушинку». Словно гусеница, лезет вверх по нашим жизням, хватает события и... ползет обратно, может быть, даже вперед во времени. Нас заставляют молчать. Я молчу... но муж, когда возвращается, рассказывает мне кое-что. А другие, слышат ли они... сообщения? Послания из «Редута»?

Рай Орнис покачал головой, но Олми показалось, что он имеет в виду не просто отрицание.

— Что случилось, когда врата превратились в брешь?

— Мой муж, — Пласс побледнела, — был возле врат, вместе с мастером-открывателем Томом Исой Данной.

— Один из лучших, — вставил Рай Орнис

— Врата в порядок были вторыми. Сначала открыли колодец в устойчивый мир, служивший нам сырьевой базой.

— Так всегда делают на дальних станциях, — пояснил Флинч.

— Когда открыли вторые врата, меня не было, — продолжала Пласс, глядя то на Флинча, то на Олми. Ни тот, ни другой ей, похоже, не нравился. — Я находилась на вспомогательной станции, примерно в километре от врат и в двух — от «Редута». Там уже была атмосферная оболочка и немного почвы. Мы с мужем высадили быстрорастущий сад. Когда сообщили об открывании вторых врат, муж был с Исой Данной. Сер Енох приехала на тракторе и сказала, что все хорошо. Мы — небольшая группа ученых — устроили праздник, открыли несколько бутылок шампанского. Через два часа пришло сообщение о каких-то неполадках. Мы вышли из домиков — как раз опускался разведчик с главного вихрелета. Енох опять отправилась к вторым вратам, к Исе Данне, и мой муж тоже должен был быть там.

— Что вы видели?

— Сначала ничего. Мы сидели в домиках и следили за происходящим по мониторам. Иса Данна с помощниками работали, разговаривали, смеялись. Иса Данна был так спокоен, он просто светился гениальностью. Вторые врата выглядели нормально — колодец, купол... Но прошло несколько часов, и люди вокруг врат стали похожи на пьяных. Все сразу. Из врат появилось что-то, что их опьянило. Они говорили о какой-то тени.

Пласс посмотрела на Олми, и он понял, что раньше, до всего этого, она была очень красива. Впрочем, ее красота проглядывала и сейчас.

— Мы увидели, что врата затягивает какая-то дымка. Помощники открывателей, ученики Исы Данны, находившиеся в домиках, сказали, что врата вышли из-под контроля. Они это почувствовали через свои ключи, подчиненные ключу мастера.

Ключами назывались аппараты для создания порталов в другие времена, другие вселенные, «за пределы» Пути. Выглядели они обычно как небольшие шары на рукояти.

— Сколько там было открывателей? — спросил Олми.

— Два мастера, семь подмастерьев.

Олми повернулся к Раю Орнису. Тот поднял руку, призывая к терпению.

— Со стороны врат пришел небольшой грузовик. Его мотало из стороны в сторону, а люди в нем кричали и хохотали. Потом все, кто собрался вокруг грузовика — в домиках почти никого не осталось, — тоже стали кричать. Яра, помощница, схватила меня — я была к ней ближе всех — и сказала, что надо залезать в разведчик и возвращаться на вихрелет. Она сказала, что никогда не испытывала такого чувства. По ее словам, они ошиблись и открыли врата в хаос. Я о таком никогда раньше не слышала, но она, похоже, считала, что если мы немедленно не покинем станцию, то погибнем. Нас было четверо: двое мужчин, Яра и я. Больше до разведчика никто не добрался. Вокруг все было скрыто тенями. Все были как пьяные, смеялись, орали... — Пласс замолчала и несколько раз глубоко вздохнула, пытаясь успокоиться. — Мы поднялись и направились к вихрелету. Остальное есть в записях. Последнее, что я видела, — «Редут», окруженный каким-то вихрем, похожим на чернила, расплывающиеся в воде.

Флинч было заговорил, но Пласс прервала его:

— Двое других на вихрелете, мужчины, оба попали под поражение. Они вышли из дымки, окружавшей грузовик, и Яра помогла им забраться в разведчик. Яра... ее никто, кроме меня, не помнит.

Флинч несколько мгновений подождал и сказал:

— Когда разведчик долетел до вихрелета, на борту были только двое — вы и еще один человек, неопознанный. Второго мужчины там не было, а помощника открывателя врат по имени Яра никогда не существовало.

— Они были, были.

— Не важно, — нетерпеливо сказал Рай Орнис. — Иса Данна слишком хороший мастер, чтобы открыть врата в хаос. Он знал указывающие на это признаки и ни в коем случае не завершил бы открывание. Но при сцеплении или подчинении качества могут перейти в свою противоположность, если открыватель потеряет контроль над процессом.

— Врата в порядок — а подчиненные ключи ведут себя так, будто дело пахнет хаосом? — спросил Олми, пытаясь уловить все детали.

Рай Орнис не хотел вдаваться в дальнейшие подробности.

— В нашей мировой линии их больше нет. Сер Пласс помнит, что с Енох и Исой Данной было сто двадцать человек, из них два мастера-открывателя и семь помощников. На «Пушинке» имеются досье лишь на восемьдесят человек, в том числе — на одного мастера и двоих помощников.

— Я осталась жива. Вы меня помните, — с отчаянием в голосе сказала Пласс.

— Вы есть в наших записях. Вы живы, — подтвердил Рай Орнис. — Но почему — мы не знаем.

— А что с другим выжившим? — спросил Олми.

— Нам неизвестно, кто это был.

— Покажите ему другого, покажите Номер 2. Пусть видит, что бывает, если остаешься жив, но не возвращаешься, — сказала Пласс.

— Переходим к следующему пункту нашей программы, — сказал Рай Орнис. — Если, конечно, ты готов, сер Олми.

— Может, я никогда не буду готов, сер Рай Орнис, — ответил Олми.

4

Вихрелет, лежавший в доке, словно в люльке, выглядел совсем новеньким и очень быстрым. Олми прошел вдоль борта, с трудом сдерживая желание пробежаться пальцами по блестящей обшивке.

Он все еще думал о встрече с Номером 2.

Люк шахты между шестым и седьмым отсеками, где находился док, был затянут светящимся темно-лиловым туманом. Это было купольное поле, что принимало южные разгибатели Осевого Города, предназначенные для поддержки оставшихся районов во время эвакуации и ремонтных работ. Олми

повернулся к оси и стал смотреть, как рабочие и роботы подключают силовые решетки и устанавливают тяжелые стальные буферы.

Отвлек его заведующий доком, небольшого роста человечек с мальчишеским лицом. На его лысой голове красовался вытатуированный зеленым и коричневым цветами сложный кельтский узор. Заведующий протянул Олми бумажный сертификат.

— Через час будем откачивать воздух. Надеюсь, к тому времени все подойдут. Хочу проверить и опечатать вихрелет.

Олми приложил к сертификату свою печатку. С этого момента командование от группы обеспечения шахты и Гильдии конструкторов передавалось Управлению по обороне Пути.

— Двое уже тут, — заметил заведующий. — Девушки-близнецы. У них с собой ключи, маленькие, никогда таких не видал.

— Похоже, все в сборе, — сказал Олми.

— Провожающих не будет?

— Некогда им. — Олми улыбнулся.

— Понятное дело.

Открывателей врат обычно можно узнать по какому-то особому взгляду, по особой ауре. Расп и Карн были еще почти дети — они родились (или, правильнее сказать, были изготовлены) пятнадцать лет назад и принадлежали к гешелям-радикалам; четверо их сородителей также были открывателями.

Расп и Карн подошли к вихрелету и представились. Близняшки смахивали на мальчиков: тонкие, с молочно-белой кожей, длинными пальцами и небольшими головками, поросшими мягкими серебристыми волосами. Их голоса, высокие и звонкие, звучали одинаково. У Карн были темные глаза, у Расп — зеленые, а в остальном они были совершенно идентичны. Олми не почувствовал вокруг них ореола авторитета, обычного для опытных открывателей.

Заведующий доком набрал код, и в днище вихрелета открылся вход — светящийся зеленый круг. Близнецы важно проследовали внутрь.

Пласс явилась еще через несколько минут, одетая в синий официальный костюм; похоже, что недавно она плакала. Женщина поздоровалась с Олми — ее голос звучал довольно резко — и спросила, словно увидела его впервые:

— Вы солдат?

— Я работал в Управлении по обороне Пути.

Осторожные серые глаза, бледное припухшее лицо, широкое и довольно приятное, темные короткие волосы... Сегодня Пласс была похожа на многочисленных матрон времен детских лет Олми — вежливых, но непоколебимых.

— Сер Флинч сказал, что вы — тот человек, что умер на Ламаркии. Я слышала об этом. Вы ведь по рождению надерит?

— По рождению.

— Такие вот у нас приключения, — фыркнула Пласс. — Все благодаря благоразумию сера Коженовского. — Она взглянула куда-то вдаль, а потом, склонив голову набок, пристально посмотрела на Олми. — Я не питаю по этому поводу никаких положительных эмоций. Вам сообщили, что я несколько не в себе и у меня бывают странные мысли?

— Мне сообщили, что ваши исследования оказали на вас значительное влияние. — Олми было несколько неудобно заново знакомиться с уже знакомой женщиной.

Из люка вихрелета выглянули Расп и Карн.

— Она не в себе, мы — слишком юны и неопытны, — сказала Расп. Карн засмеялась — ее смех был неожиданно звонок и приятен. — А вы, сер Олми, однажды уже умерли. Ну и команда!

— Полагаю, все знают, на что идут, — сказала Пласс.

— Не надо ничего полагать, — ответил Олми.

Они вошли в вихрелет. Заведующий доком глядел им вслед с неприятным интересом. Олми обернулся к нему.

— Принимаю командование кораблем. Благодарю за внимание и заботу.

— Это наш долг, — сказал заведующий. — Машину только вчера доставили. На ней еще никто не летал, просто девственница, сер Олми. У нее даже названия еще нет.

— Назовем ее «Забава»! — прозвенела изнутри Расп.

Олми крепко пожал заведующему руку и влез в вихрелет. С негромким «би-и-ип» люк закрылся.

Внутри царили тишина и прохлада. Корабль был оборудован системой управления инерцией, поэтому никаких специальных лежачих кресел, гамаков или силовых полей в нем не имелось — команде предстояло испытывать лишь легкое ощущение ускорения и торможения, создававшееся искусственно в психологических целях.

Пласс представилась Карн и Расп. Пиктора — устройства для демонстрации идентификационных символов — у нее с

собой не было, они просто обменялись словами. Олми это понравилось.

— Сер Олми, — сказала Пласс, — снаружи нас никто не слышит?

— Никто.

— Хорошо. В таком случае мы можем быть откровенны. Наша экспедиция бесполезна. — Она повернулась к близнецам; те были похожи на знаки ударения над каким-то невидимым словом. — Вас выбрали по причине вашей неопытности.

— Незапятнанности, — ответила Расп. — Готовности принимать новое.

Карн кивнула и улыбнулась.

— А еще мы не боимся привидений.

На секунду показалось, что первую стычку Пласс проиграла. Однако она явно собиралась стать в экспедиции штатной Кассандрой.

— Разочарованы вы не будете.

— Мы видели Номера 2, — сказала Расп, а Карн опять кивнула. — Сер Рай Орнис настоял на том, чтобы мы его изучили.

Олми вспомнил свою встречу с Номером 2, тело которого ярко светилось в полумраке удобно обставленной комнаты. Существо не было уродливым, как он ожидал, но, конечно, и нормальным его назвать было нельзя. Его кожа пылала — на ней распадались блуждающие атомы металла. Оно стояло в темноте, похожее на звездную туманность в бескрайней бездне за стенами «Пушинки», только руки были темными, и когда существо пыталось говорить, они казались черными дугами на фоне сияющего тела.

Номер 2 жил в искаженном времени, не продвигаясь ни вперед, ни назад. Чтобы понять, что говорит существо, требовался специальный переводчик. А говорило оно о том, что случится в комнате, когда Олми уйдет. Оно сказало, что Пути скоро придет конец — «в мгновение птичьего ока». Переводчик передал эти слова достаточно внятно, хотя многое другое воспроизвести не смог — похоже было, что существо изобретает или узнает какой-то неизвестный, совершенно не человеческого происхождения язык.

— Хорошо, — промолвила Пласс, — если мы просто кончим так же, как он.

— Очень интересно, — отозвалась Расп.

— Мы жаждем чего-нибудь нового, как сумасшедшие, — с улыбкой добавила Карн.

— Чудовища не рождаются. — Пласс скорчила гримасу и сжала в руках Библию. — Их изготавливают.

— Благодарю вас, — ответила Карн и выдавила улыбку, сопровождавшуюся стеклянным взглядом. Расп, видимо, яростно обдумывала более остроумный ответный выпад.

Довольно, решил Олми.

— Если мы собираемся погибнуть или еще чего похуже, надо по меньшей мере вести себя культурно, — заявил он.

Все три женщины удивленно уставились на него, причем каждая по-разному. Уже неплохо, подумал Олми.

— Давайте просмотрим список имеющегося на борту груза, перечитаем приказы — в общем, поучимся работать вместе.

— Человек, который однажды уже умер и хочет еще раз... — начала Карн, все еще сверкая глазами от возмущения, но Расп прервала ее:

— Заткнись. Делай, как он говорит. Пора работать.

Карн пожала плечами. Ее гнев развеялся без следа.

Когда вихрелет набрал скорость, передний смотровой порт стал похож на кривую линзу. Блуждающие атомы и ионы сгущались перед носом корабля в раскаленное добела облако. Из скошенной вершины облака расходились, змеясь, разноцветные лучи. Поток — небольшое искажение геометрии пространства — был похож на белый горячий поршень.

Наличие внутри Пути большого количества блуждающих газовых атомов представляло проблему. К этому привело большое количество открытий врат в первые эксплуатировавшиеся сырьевые миры.

Перед Олми появились ряды голубых и зеленых значков: состояние вихрелета было в норме. Корабль двигался со скоростью в три процента от c', скорости света внутри Пути, чуть меньшей, чем c — скорость света во внешней вселенной. Ускорение по сравнению с достигнутым в точке 4x5 снизилось и теперь несколько превышало шесть «же». Конечно, внутри вихрелета оно не ощущалось.

Согласно выведенной на дисплей карте, корабль находился в точке 1x7, в десяти миллионах километров от люка седьмого отсека. До «Редута» оставалось еще три миллиона километров.

Олми чувствовал себя оторванным от всех остальных, как во сне — с ним всегда так бывало в вихрелете. Кабину разделили на три личных отсека, кают-компанию и кабину пилота, где он и проводил большую часть времени. Остальные сидели по своим отсекам и друг с другом разговаривали редко.

Первый знак необычности этого путешествия проявился на второй день, когда прошли уже полпути. Олми штудировал то немногое, что было известно о «Редуте» — читал полный и совершенно секретный файл. Он углубился в биографию Дейрдре Енох, как вдруг сзади его окликнули.

Он обернулся и увидел в трех метрах от себя молодую женщину, парившую в воздухе горизонтально головой к нему и медленно поворачивавшуюся вокруг своей оси.

— Я почувствовала — ты зовешь нас. Я почувствовала — ты изучаешь нас. Что ты хочешь знать?

Олми проверил, не запись ли это — нет, видеопроецирование не производилось. Сквозь изображение было видно, как из своих кают вылетают Пласс и близнецы. Сестрам было просто интересно, Пласс же была потрясена и расстроена.

— Я ее не узнаю, — проговорила она.

Олми понял, что это не чья-то дурацкая шутка.

— Я рад, что вы решили нас посетить, — сказал он. — Какова обстановка в «Редуте»?

— Все без изменений, как всегда, без изменений, — ответила женщина. Ее лицо было трудно рассмотреть: оно все время слегка менялось, по изображению шла рябь.

— Вы здоровы? — спросил Олми. Расп и Карн потихоньку приближались к женщине, но она их словно не замечала.

— Я — ничто, — ответило изображение. — Задай другой вопрос. Хочется узнать, смогу ли я выдавать разумные ответы.

— Она настоящая? — спросила Расп. Лица обеих сестер побледнели и застыли в увлеченном напряжении.

— Не знаю, — ответил Олми. — Вряд ли.

— Значит, она воспользовалась своим положением в линии времени «Редута», чтобы вернуться к нам... По меньшей мере кто-то из нас доберется до места назначения.

Карн удовлетворенно улыбнулась и сверкнула глазами. Олми эти сверхинтеллектуальные девушки нравились все меньше и меньше.

Пласс выступила вперед, сжав кулаки, будто собиралась ударить незнакомку.

— Я вас не узнаю. Кто вы?

— Я ясно вижу лишь одного из вас. — Женщина указала на Олми. — Остальные — словно стаи насекомых.

— Ярты взяли «Редут»? — спросила Расп. Изображение не ответило, и Олми повторил вопрос.

— Они в «Редуте» одни. Этого достаточно. Я могу описать ситуацию, какая сложится, когда вы достигнете станции. В Пути есть обширный паз — долина, — внутри которого «Редут» формирует серии мощно структурированных вероятностей. Сам «Редут» разросся во времени до огромных размеров, все возможности реализованы. Моя бывшая личность прожила жизней больше, нежели можно выразить каким-либо количественным числительным. И до сих пор живет. Она меняет нас, как вы меняете кожи.

— Расскажи нам о вратах, — попросила Карн, подходя ближе. — Что случилось? В каком они состоянии?

Олми опять повторил вопрос. Женщина смотрела на него так пристально, что становилось не по себе.

— Они стали теми, кто их открыл. На западной границе врат находится огромная голова Исы Данны, она наблюдает за территорией. Что она там делает и что это значит, нам неизвестно.

Пласс всхлипнула и закрыла губы ладонью.

— Некоторые пытались бежать. Голова превратила их в живые горы, усеянные пальцами, или в леса, затянутые туманом и липким синим мраком. А иные носятся по воздуху, как дым, и всякий, кто с ними встретится, изменяется. Мы научились. Вот уже тысячи лет мы не выходим наружу...

Расп и Карн окружили гостью с боков, внимательно, как кошки, изучая ее.

— Как же в таком случае вам удалось покинуть «Редут» и вернуться к нам? — спросил Олми.

Женщина нахмурилась и подняла руки.

— Оно не говорит. Оно не знает. Я так одинока.

Пласс, Расп, Карн и Олми смотрели друг на друга — между ними был только воздух.

Олми вдруг провалился в недалекое прошлое, в тот момент, когда в последний раз видел, как исчезает призрак — копия Нейри Таур Ринн.

Пласс вздрогнула и выдохнула:

— Так всегда бывает. Муж говорит, что он одинок. Он хочет найти место, где не будет одинок. Но такого места нет.

Карн повернулась к Расп.

— Ложное видение, обман зрения?

— Там, куда мы направляемся, обманов нет, — сказала Пласс и стала тереть ладони друг о друга, чтобы расслабить мышцы.

Карн отвернулась так, чтобы она не видела, и скорчила рожу.

— Что стало с открытыми возле «Редута» вратами, никто не знает, — сказала Расп, подняв голову от записей. — Нет даже догадок.

Карн вздохнула — Олми не понял, с сочувствием или со стыдом.

— А у вас есть догадки? — спросил он.

Пласс обогнула бледно-лиловую переборку и влетела в кают-компанию. Никаких радостных надежд она, похоже, не испытывала.

— Врата всегда находятся в донной части Пути, — тусклым голосом, словно повторяя лекцию для начинающих, сказала Расп. — Таковы ограничивающие условия локального континуума Пути. В каждой из кольцевых позиций возможно существование четырех врат. Когда открыты все четыре, предполагается, что они непременно должны закрепляться на стенах Пути. Однако на практике небольшие врата, как известно, приподняты над донной частью. Их закрытие происходит немедленно.

— Какое отношение это имеет к моему вопросу? — спросил Олми.

— А?.. Нет-нет, никакого, — отмахнулась Расп.

— Может, и имеет. — На этот раз Карн сыграла роль «размышляющей половины». — Может, все это тесно связано.

— Ну хорошо, — ответила Расп. — Я имела в виду вот что: если врата Исы Данны каким-либо образом подняты и не закреплены на дне или стенах Пути, ограничивающие условия представляются иными. Незакрепленные врата способны оказывать на локальные мировые линии негативное влияние. Вход и выход могут осуществляться под любым углом. Во время закаливания нам дали понять, что мировые линии любого объекта, транспортируемого сквозь такие врата, в действительности отбрасываются на несколько лет назад. Волны вероятностей откатываются вспять.

— Много ли людей прошло через врата? — спросил Олми.

— Мой муж не проходил, — влетая в люк, ответила Пласс. — Только Иса Данна и его сопровождающие. Возможно, кого-нибудь еще затянуло против воли после того, как образовалась брешь.

— Но ту женщину вы не узнали.

— Не узнала.

— Возможно, она исчезла, когда врата превратились в брешь? — продолжил Олми. — Возможно, ее мировая линия в нашем мире стерта?

— Голова болит, — сказала Расп.

— Полагаю, вы правы. — Голос Карн был задумчив. — В этом есть некий страшноватый смысл. Ее существование приостановлено... В наших записях ее нет.

— Но линия сохранилась, — указала Расп. — Она отдается эхом назад во времени, в том числе и туда, где записи о ней исчезли.

— Нет, — покачала головой Пласс.

— Почему?

— Она упомянула об *альтинге.*

— Я этого не слышала.

— Я тоже, — сказал Олми.

Пласс обняла себя за локти, выставив вперед одно плечо.

— Мы слышали разные слова. А видела она только его. — Она указала на Олми.

— Оно и на вас смотрело, — сказала Расп, — один раз.

— «Альтинг — всеобщее собрание, законодательный орган у древних норманнов»*, — прочитал Олми выведенное на дисплей определение слова.

— Она имела в виду другое, — ответила Пласс. — Мой муж говорил об Окончательном Разуме мира. Возможно, речь идет об одном и том же.

— Это было просто эхо, — сказала Расп. — Мы все слышали разные слова. Все взаимодействовали с ним по-разному, в зависимости от... чего-то. Скорее всего мы имели дело со случайной информацией из будущего, которое никогда не реализуется. Это просто привидение, которое бормочет бессмысленные фразы... возможно, такое, как ваш муж.

Пласс посмотрела на близнецов и ухватилась за край люка, упрямо покачав головой.

* Игра слов. Английское слово «allthing» можно приблизительно перевести как «Охватывающий все сущее». — *Примеч. пер.*

— Мы еще услышим об альтинге. Дейрдре Енох продолжает работу. Там что-то происходит. «Редут» по-прежнему существует.

— Это вам ваш муж сказал? — спросила Расп с язвительной усмешкой.

Олми бросил на нее хмурый взгляд, но она не обратила на него никакого внимания.

— Узнаем, когда увидим наших собственных призраков, — ответила Пласс, оттолкнулась ногой и полетела обратно в свою каюту.

Пласс сидела в кают-компании и спокойно читала Библию. Кухонный аппарат готовил ей обед. Близнецы всегда питались по собственному графику, но Олми старался есть одновременно с Пласс: ему нравилось говорить с ней, а в присутствии близнецов он чувствовал себя не в своей тарелке.

Вокруг Пласс витал ореол истраченной силы, чего-то, описавшего высокую и благородную траекторию и теперь падающего вниз. Пласс, похоже, нравилось его общество, но она никогда об этом не говорила. Она спросила его о Ламаркии.

— Красивая была планета, — ответил Олми. — Красивее я не видел.

— Ее ведь больше нет?

— Такой, как я знал, нет. Ее развитие пошло по хлорофилловому пути — и она теперь совсем не та, что прежде, да и все равно — врата туда разрушены, попасть с Пути на Ламаркию теперь нельзя.

— Досадно. Похоже, что смертность — великая трагедия, к которой мы никогда не сумеем возвратиться. С другой стороны, мой муж... С тех пор как я улетела из «Редута», он семь раз посещал меня. — Пласс улыбнулась. — Наверное, мне не следует радоваться его посещениям. Он несчастен, но я становлюсь счастливее, когда его вижу и слышу... — Она съежилась, будто ожидала удара. — Он-то меня не слышит, не может.

Олми кивнул. Непонятно, но выслушать надо вежливо.

— Он говорит, что в «Редуте» ничего не пропало. Интересно, откуда он это знает? Может, он там? Или наблюдает за ними? Трагедия неконтролируемого порядка состоит в том, что прошлое изменяется — и посещается — столь же легко, как и будущее. В последний раз, когда муж вернулся, ему

было очень больно. Он сказал, что новый Бог проклял его за контрреволюционную деятельность. Окончательный Разум. Он сказал, что Око Наблюдателя следило за ним всю дорогу сквозь вечность, на всех мировых линиях, и где бы он ни пытался остановиться, его пытали и превращали во что-нибудь новое. — Лицо Пласс озарилось почти сладострастным ожиданием, она внимательно следила за Олми.

— Вы же отрицали то, что говорили близнецы, — напомнил он, — что это просто отголоски эха вдоль мировых линий.

— Это не просто отголоски. Наши мировые линии — это мы и есть, сер Олми. Призраки — просто измененные версии оригиналов. Их происхождение неясно. Они приходят из многих различных будущих, однако обладают реальностью, независимостью. Я это чувствую... когда он со мной говорит.

Олми поморщился.

— Не могу себе представить. Я думал, порядок — это простота и покой, а не мучения, искажение и насилие. Вселенная полного порядка должна быть похожа на рай в христианском понимании этого слова. — Он указал на древнюю книгу, покоившуюся на коленях у женщины.

Пласс шевельнулась, и Библия взлетела на несколько сантиметров в воздух. Она поймала ее и снова уложила на колени.

— В раю нет изменения, нет смерти. Смертные полагают, что это приятно, но они ошибаются. Ничто хорошее не может длиться вечно, иначе оно станет непереносимым. Представьте себе силу, требующую, чтобы что-либо существовало вечно, более того — превратилось в квинтэссенцию того, чем было, силу, не принимающую ничего меньшего, нежели полное согласие, но *не способную ни с кем общаться.*

Олми потряс головой.

– Не могу.

– И я не могу, но мой муж говорит именно об этом.

Несколько секунд Пласс молча постукивала пальцем по обложке книги.

— Давно он в последний раз вас посещал? — спросил Олми.

— Недели три назад. Перед тем как мне сказали, что я могу вернуться в «Редут», все было спокойно. — Она спрятала лицо в ладонях. — Я верила в то же, во что верила Енох — что порядок нарастает. Вечно. Я верила, что мы сотворены с недостатками и что вселенная наша тоже имеет пороки. Думала, что мы станем прекраснее, когда...

Из каюты вылетели Карн и Расп и повисли в воздухе возле Пласс. Та смолкла и вместо приветствия слегка вздрогнула.

— Возможно, мы нашли разгадку дилеммы, — сказала Карн.

— Наша родная геометрия — та, что существует вне Пути, — определяется вакуумом, имеющим бесконечный потенциал, — подхватила Расп с чувством, похожим на ликование. — Мы не можем подключаться к его энергии, поэтому в нашем мире пространство имеет форму, а время — направление и скорость течения. Во вселенной, к которой подключилась Енох, существует постоянный доступ к энергии вакуума. Время, пространство и эта энергия, потенциал вакуума, сплетены в маленький тугой узелок, имеющий невероятную плотность. Очевидно, именно его ваш муж называет Окончательным Разумом, а наша гостья — альтингом.

Пласс безразлично покачала головой.

— Это должно быть восхитительно! — воскликнула Карн. — Вселенная, в которой в первые наносекунды после творения закрепился порядок, управляющий всеми очагами первоначального расширения, всеми формами и константами бытия...

— Интересно, что стала бы Енох делать с таким миром, если бы сумела получить над ним контроль, — сказала Расп, пролетая над Пласс и глядя на нее сверху вниз. Та взмахнула рукой, будто пытаясь прихлопнуть муху, и Расп, улыбаясь, отлетела в сторонку. — Наш мир по сравнению с тем — просто бледный огонек свечи.

Все должно стремиться к Окончательному Разуму. Эта сила распустилась в конце Времени, словно цветок, и стебель его идет сквозь все события, все жизни, все мысли. Это предок не только всех живых существ, но и вообще всех взаимодействий материи, пространства и времени, всего собрания вещей, стремящихся к цветку.

Олми часто вспоминал этот отрывок из записок Коженовского. Изобретатель Пути составил весьма оригинальную космографию, однако никогда не пытался распространить ее среди своих соратников. Оригинал имел статус общественного достояния и хранился в Библиотеке Коженовского, но туда теперь редко кто приходил.

Пласс в кают-компании читала Библию, а Олми заглянул к Расп и Карн. Близнецы уставили каюту проекциями произ-

ведений геометрического искусства и яркими, непонятными математическими символами. Он спросил, верят ли они в возможность существования такого вот альтинга, идеально упорядоченного разума.

— Боже мой, нет, конечно! — засмеялась Карн.

— Впрочем, Бог тут ни при чем, — добавила Расп. — Даже если бы мы в него верили. В энергию, импульсы — да. В конец — возможно. Но не в разум.

— Как бы вы это ни называли, в бреши оно может существовать и быть не таким, как здесь, так?

— Конечно, оно там существует. Просто это не разум, только и всего. Существование разума невозможно без наличия нервной системы, без позитивных и негативных связей между узлами. Если мы мыслим правильно, мир порядка должен прийти к своему завершению в первые же несколько секунд существования: все просто замерзнет, остановится. Порядок с самого начала получит контроль над всеми энергиями, мгновенно проработает все возможные варианты, и мир станет цельным блоком, монолитом, имеющим неизменную идеальную форму. В нем не будет времени. Это не вечность, а безвременье.

— Наша вселенная, наш мир, может раскручиваться еще многие миллиарды или даже триллионы лет, — продолжила Карн. — В ней существование Окончательного Разума, итога всех нервных процессов за все время, вполне возможно. Но Дейрдре Енох нашла нечто отвратительное. Если бы это был разум — подумайте! — постоянное творение, никаких противоречий, полное *незнание*. Ему ничто никогда бы не препятствовало, не останавливало его, не учило, не укрощало. Он был бы незрел, как новорожденный ребенок, и сложен...

— И изобретателен, — вставила Расп.

— ...как сам дьявол, — закончила Карн.

— Пожалуйста, — закончила Расп неожиданно тихо, — если даже существование чего-нибудь подобного возможно, пусть это будет не разум.

Последний миллион километров они летели среди следов сражения. Чтобы выбить яртов из их крепостей, пришлось заплатить жизнями десятков тысяч защитников Пути. Высвободившиеся энергии изменили Путь, и он здесь до сих пор

слегка светился, пронзенный пульсирующими лучами и протуберанцами. Вихрелет чуть заметно дрожал; несмотря на компенсацию, пришлось снизить скорость до нескольких тысяч километров в час.

До «Редута» оставалось меньше десяти тысяч километров.

Карн и Расп вынули свои ключи из футляров и усердно пытались разобраться в состоянии Пути.

В пяти тысячах километров от «Редута» на стенах Пути появились следы бывших здесь огромных конструкций — магистралей, соединявших, наверное, связанные между собою врата. Однако самих врат не было. Магистрали были разрушены и превратились в полосы мелкой пыли, похожей на порох.

Олми смятенно покачал головой.

— Ничего похожего на то, о чем докладывали всего несколько недель назад.

— Я тоже наблюдаю нечто необычное, — сказала Расп.

— Что-то, имеющее отношение к наступлению яртов, — добавила Карн.

— Что-то, о чем нам не сказали? — удивилась Пласс. — Погибшая колония?

— Наша или яртская? — спросил Олми.

— Ни то, ни другое, — ответила Карн, оторвавшись от своего ключа.

Она подняла ключ — небольшой, с кулак размером, шарообразный аппарат на двух рукоятях — и повернула дисплеем к Олми и Пласс. Олми и раньше видел, как работают открыватели врат, и неплохо разбирался в изображениях на дисплее, хотя сам пользоваться ключом не умел.

— Здесь никогда не открывались ни одни врата. Это все — подделка.

— Приманка возле капкана, — сказала Пласс.

— Хуже. Врата возле «Редута» искажают вероятности и изгибают мировые линии. Здесь отлагается осадок реальностей, которые никогда не существовали.

— Путь разговаривает во сне. Это ночные кошмары нашей не-истории, — сказала Карн. На этот раз близнецы, казалось, были подавлены, более того, испытывали полное отчаяние. — Не понимаю, как можно работать, оказавшись на такой изогнутой линии.

— Так что же это? — спросил Олми, указывая на остатки разрушенных магистралей, городов, дорог между призрачными вратами.

— Будущее, — ответила Карн. — Возможно, это то, что будет, если мы не сумеем сделать того, что должны.

— На человеческие строения не похоже, — высказала свое наблюдение Пласс. — Архитектор-человек никогда не проложил бы магистрали так, как здесь. И ярт, насколько мы можем судить, тоже.

Олми сосредоточенно нахмурился.

— Если бы Путь создал кто-нибудь другой, это могли бы быть их развалины, следы их гибели.

— Чудесно, — нервно засмеялась Карн. — Именно на это мы и надеялись! Если здесь открыть врата, к чему бы это могло привести?

Пласс схватила Олми за руку.

— Сообщите в Шестиединый, что эта часть Пути должна быть закрыта. *Здесь нельзя открывать врата!*

— Почему? — спросила Карн. — Подумайте, сколько нового мы могли бы узнать. Новые миры...

— Я согласна с сер Пласс, — сказала Расп. — Наверное, есть варианты и хуже, чем найти вселенную чистого порядка. — Она выпустила ключ и взялась за голову. — Здесь больно даже держать в руках инструменты. Мы бесполезны... если здесь открыть врата, они поглотят нас быстрее, чем те, что возле «Редута»! *Согласись*, сестра.

Но Карн была упряма.

— Не вижу причин. Думаю, это было бы очень интересно. Даже восхитительно.

Пласс вздохнула.

— Этот ящик открыл для нас Конрад Коженовский, — объяснила она Олми. — Испорченные дети-гении тянутся к злу, как насекомые — к трупу.

— Я думал, зло — это беспорядок.

— Теперь вы поняли, что это не так, — возразила Пласс.

Расп посмотрела на нее и Олми. Ее глаза были прищурены, а мысли, судя по взгляду, самые неприятные.

Олми дотянулся до ее ключа и взял так, чтобы тот не ударился о переборки. Карн немедленно отобрала инструмент и сунула его сестре, процедив:

— Ты забываешь о своей ответственности. Можно либо бояться нашего задания, либо принимать его с отвагой и радостью. Если поджать хвост, ничего хорошего не получится.

— Да, сестричка, ты права — по меньшей мере в этом. — Расп засунула ключ в футляр, одернула одежду и отерла платком лицо. — В конце концов, мы все направляемся туда, куда всегда направлялись и всегда будем направляться.

— Вот что бывает, когда попадаешь туда, где все постоянно меняется, — сказала Карн.

Пласс побледнела.

— Мой муж всякий раз приходит не таким, как раньше. Сколько же адов вокруг него?

— Вокруг каждого — лишь один, — сказала Расп. — К вам возвращаются разные мужья.

Столь далеко от «Пушинки» никогда такого не встречалось, но Олми разглядел обломки яртских укреплений — разрушенных, мертвых и пустых. Дальше Путь был затянут вихрями черного с красным песка — в нем висела и извивалась, словно клубок змей, целая пустыня. Ничего подобного раньше тоже никто не видел. Олми почувствовал если не желание жить, то по меньшей мере какую-то искру жизни, а потом — признательность судьбе за столь необычайное зрелище.

На Ламаркии он был свидетелем причудливейших капризов биологии. Здесь, возле «Редута», сама реальность изменялась и отрицала самое себя.

— Тот, кто окажется здесь после нас, увидит совсем другое, — сказала Пласс. — Нас занесло в изогнутую мировую линию Пути, может быть, вовсе и не нашу.

— Ни за что бы не поверила, что такое возможно, — промолвила Расп, и Карн нехотя согласилась. — Нас учили не такой физике.

— Оно может создавать любую физику, какую пожелает. Любую реальность. У него есть столько энергии, сколько угодно.

— Ему ведомо лишь единство. — Карн положила Пласс руку на плечо. Той, похоже, было все равно.

— Оно не знает никакой большей силы, чем его собственная. Но может разделять свою волю на иллюзорные части. — Пласс указала рукой на тысячи километров кружащегося в вихрях песка. — Это — момент спокойствия, прочного со-

средоточения. Если я правильно помню, если личность моего мужа... личности моего мужа, возвращаясь, говорят правду, обычно оно неистовствует куда сильнее. Куда изобретательнее.

Карн состроила рожицу, потерла ладони друг о друга и взялась за рукояти ключа. От сосредоточения ее лицо сделалось как каменное.

— Я чувствую. Брешь все еще существует.

Расп взяла свой инструмент и тоже сосредоточилась.

— Да, — подтвердила она, — брешь существует. Плохо. Она парит над самым Путем. Должно быть, снизу она выглядит, как звезда злосчастья...

Они пролетели сквозь тонкий голубоватый туман, поднимавшийся с северного конца песчаной пустыни. Вихрелет слегка зазвенел.

— Вот она, — сказала Пласс. — Точно, ее ни с чем не спутаешь.

Врата, пробитые Исой Данной, расширились и поднялись над дном Пути — именно это Расп и Карн почувствовали при помощи своих инструментов. Теперь, когда до пункта назначения оставалась всего сотня километров, круглая брешь была хорошо видна. Вокруг нее плескался ореол цвета птичьей крови, рубинов и магии. Черная сердцевина была с этого расстояния не больше ногтя, но Олми казалось, что он видит только ее.

Его молодое тело решило, что двигаться дальше ему совершенно не хочется. Он сглотнул и поборол страх, до крови закусив губу.

Вихрелет накренился. Голос бортового компьютера произнес:

— Получено сообщение от инструкционного маяка. Менее чем в десяти километрах от нашего местонахождения находятся люди. Согласно сообщению, мы будем направлены к ним.

— Они по-прежнему там, — сказала Пласс.

Сквозь прозрачную носовую часть корабля, сквозь огненно-розовый цвет Пути и обвивавшие его слои голубого и зеленого тумана, в двадцати пяти километрах под ними среди грубых камней можно было разглядеть темный отблеск металла.

«Редут» лежал в сумеречном полумраке, который пронзали алые вспышки ауры бреши.

— Я чувствую, как бьются чужие мировые линии, — одновременно сказали Карн и Расп.

Олми оглянулся и увидел, что их ключи касаются друг друга. Шары ключей трещали, как погремушки. Карн повернула свой инструмент так, чтобы Олми видел дисплей. По экрану бежали длинные столбцы мировых констант — число «пи», константа Планка... — искажавшиеся под влиянием обычного зашумления внутри вихрелета.

— Здесь нет ничего стабильного!

Олми бросил взгляд на полученное из «Редута» сообщение. Это были навигационные инструкции для посадочного аппарата: как отстыковаться от вихрелета, опуститься, пройти проверку и быть принятым внутрь пирамиды. В завершение говорилось: «Мы определим, не являетесь ли вы иллюзиями или аберрациями. Если вы того же происхождения, что и мы, вас примут. Возвращаться слишком поздно. Покиньте корабль прежде, чем он приблизится к альтингу. Пославший вас сюда обрек вас на бесконечный плен».

— Очень вдохновляюще, — сказал Олми.

Их лица озаряли жутковатые вспышки.

— Мы всегда направлялись сюда, — тихо произнесла Расп.

— Вынуждена согласиться, — сказала Пласс. — Больше нам лететь некуда.

Они перешли в корму вихрелета и влезли в люк маленького остроносого посадочного аппарата. Кресла прогнулись по форме тел. Олми и Пласс заняли места пилотов, Расп и Карн поместились сзади.

Олми отстыковался от корабля и нацелил аппарат на маяк пирамиды. В широком окне кабины было видно, как клочок земли вокруг «Редута» стремительно приближается.

Лицо Пласс исказилось, как у ребенка, готового разреветься.

— Звезда, Рок и Дух, будьте милостивы ко мне! Я вижу голову открывателя. Вон она!

В бессильном ужасе, равно испуганная и зачарованная, она указывала рукой туда, где на низком широком холме, служащем опорой «Редуту», высилась отвесной скалой огромная темная голова. Ее кожа была словно серый камень, один глаз смотрел на юг, другой озирал местность перед повернутой к нему стеной пирамиды. Глаз был, пожалуй, метров сто диаметром и светился зловещим цветом морской волны, пронзая долгим лучом тяжелые витые столбы тумана.

Пласс сорвалась на крик:

— Звезда и Рок!..

Над «Редутом» вихрем кружились лучи мировых линий, исходивших из черного центра бреши. С каждым движением они изменяли ландшафт, сдвигая его черты на десятки метров, увеличивая их или уменьшая, так что вся земля была покрыта рябью.

Олми такого себе и представить не мог. «Редут» покоился посреди детского кошмара — холмы были усажены, как деревьями, человеческими руками и ногами, отделенными от тел; их пальцы судорожно сжимались и разжимались. На одном холме стоял замок, сложенный из зеленых стеклянных кирпичей, с одной огромной распахнутой дверью и окном. В дверях стояла фигура, похожая на человеческую — должно быть, статуя, — в несколько сот метров высотой, стояла и размеренно кивала головой, как идиот. Во дворе перед замком толпились сотни других фигур, гораздо меньше той, но все равно гигантских. Они отбрасывали красные и черные тени, развевавшиеся по непрестанному ветру изменяющихся вероятностей. Олми подумал, что это, возможно, огромные псы или бесхвостые ящерицы. Однако Пласс сказала:

— Мой муж рассказывал об ассистенте Исы Данны, Рэме Чако... Его размножили и заставили бегать на четвереньках.

Великан, стоявший в дверях замка, медленно поднял огромную руку, и ящерицы, давя друг друга, выбежали со двора и принялись прыгать, будто пытаясь ухватить зубами пролетавший над ними посадочный аппарат.

Олми услышал, как кровь бьется у него в висках. Он не мог заставить себя поверить, что все это — реальность. Собственно, не было никакой причины считать это реальностью в каком-либо смысле, понятном для его тела. Расп и Карн, в свою очередь, растеряли прежнюю уверенность и сидели, прижавшись друг к другу. Ключи на тесемках болтались у них на запястьях.

Аппарат развернулся контактными точками навстречу тяговым полям «Редута». В кабину хлынул, словно струя крови, яркий свет. Олми приказал компьютеру вывести широкоугольное изображение «Редута» и окрестностей. Изображение медленно развернулось в тесноте кабины.

Казалось, изменения никогда не прекратятся. Что-то не только рассекло на части человеческое тело — или много тел —

и немыслимо исказило эти части, но и с мыслями и желаниями человеческими сделало то же самое, а то, что получилось в результате, рассеяло вокруг, не придерживаясь никакого видимого порядка.

В долине — именно такой, как описывала Пласс, — сидела на корточках возле колыбели, в которой копошились сотни голых людей, огромная, вровень с фигурой в дверях замка, синекожая женщина. Она медленно опустила руку в котел человеческой плоти и стала ее перемешивать. Длинные волосы женщины превратились в лучи и залили все вокруг густым, тяжелым зеленым свечением.

— Матерь геометрий, — прошептала Карн и спрятала лицо в ладонях.

Олми не мог отвернуться, но все, что в нем было, желало уснуть, умереть, а не признавать то, что он видел.

Пласс заметила его мучения. Каким-то образом она нашла силы оторвать взгляд от непостижимого зрелища.

— Нет нужды это понимать. — Ее тон был как у ворчливой школьной учительницы. — Оно поддерживается благодаря неиссякающему источнику энергии и монолитной, лишенной сознания воле. Здесь нет ничего нового, ничего...

— Я и не хочу понимать, — перебил ее Олми. — Мне нужно знать, что за этим кроется.

— Соответствующая сила, будучи правильно направлена, способна создать все, что лишь может себе представить разум... — начала Карн.

— Больше, чем может представить себе какой-либо разум, подобный нашему, — сказала Расп. — Это единство, а *вовсе не разум.*

На мгновение гнев захлестнул Олми, он хотел заорать, но глубоко вдохнул, взял себя в руки и спросил у Пласс:

— Разум, не имеющий целей? Если здесь чистый порядок...

Карн перебила его, пропев чистым высоким голосом:

— Подумайте о мирах порядка. Перед нами лишь систематизация, низшая форма порядка, здесь нет ни мотива, ни направления. Дальше бывает самосоздание — порядок может перерабатывать ресурсы и воспроизводить сам себя, распространяться. Потом начинается творчество, воспроизведение, при котором материя превращается во что-то новое. Но когда творчество буксует, когда разума нет, а есть лишь сила, оно становится просто усложнением, бесконечной спиралью

переделывания созданного. Что же мы видим внизу? Пустое усложнение. Ничего нового. Никакого понимания.

— В этом есть некая мудрость, — нехотя признала Пласс. — Но все же альтинг должен существовать.

— А все это... усложнение? — спросил Олми.

— Оно испорчено бессмертием, — сказала Пласс, — бесконечными запасами сырья. В своей сущности оно никогда не обновляется. Порядок без смерти, искусство без критики и обновления, окончательный разум вселенной, где существует лишь изобилие, возможна лишь радость, а разочарование неведомо.

Посадочный аппарат все время дрожал. Система инерционного контроля не могла справиться с постоянно изгибавшимися лучами многих мировых линий.

— Похоже, речь идет об избалованном ребенке, — сказал Олми.

— Куда хуже, — ответила Карн. — Это мы с Расп — избалованные дети. Своевольные и, наверное, глуповатые. Люди глупы, неразвиты, все время учатся, никогда у них ничего не получается. А там, за брешью, по ту ее сторону...

— Постоянный успех, — усмехнулась Расп. — Полный и подлинный. Оно не умеет учиться, а способно только изменяться.

— Дейрдре Енох никогда не нравились ограничения, — сказала Пласс, глядя на Олми в поисках поддержки. — Она отправилась искать настоящий рай.

Ее глаза блестели от возбуждения, вызванного непосильным страхом и отчаянием.

— Возможно, она его нашла, — сказала Карн.

5

— Не могу сказать, что вы желанные гости, — тяжело ступая им навстречу, проговорила Дейрдре Енох. За спиной Олми, в камере возле самой вершины стальной пирамиды «Редута», посадочный аппарат встал на опору и издал звук, похожий на вздох.

Олми пытался сравнить эту пожилую женщину с теми изображениями Енох, что хранились в записях. Голос был похож, только ниже и почти лишен эмоций.

Она шла им навстречу. Расп, Карн и Пласс остановились возле Олми. Позади Енох, в переливах мягких янтарных огоньков, светившихся внизу по периметру помещения, колыхалась шеренга еще из десятка мужчин и женщин. Все они были стары и облачены в черное. С седых как лунь голов свисали серебряные ленты.

— Вы прибыли в дом ожидания, где ничему нет завершения. Зачем вы прибыли?

Олми не успел ответить: Енох улыбнулась, и ее лицо, изрезанное глубокими морщинами, будто треснуло от доселе неведомого ему выражения.

— Мы полагаем, что вы здесь, потому что решили, будто в дело могут быть замешаны ярты.

— Не знаю, что и думать, — сказал Олми хрипло. — Вас я узнаю, но из других — никого.

— Мы выжили в первую ночь после образования бреши и организовали экспедицию, чтобы предпринять попытку к бегству. Нас тогда было шестьдесят. Нам удалось вернуться в «Редут» до того, как Земля Ночи слишком нас изменила, подвергла нас чрезмерной перестройке. Мы состарились. Некоторых из нас забрали и... Вы их видели. Второй экспедиции не было.

— Мой муж, — сказала Пласс. — Где он?

— Да... Вы мне знакомы. Вы остались настолько неизменны, что мне от этого больно. Вы бежали в самом начале.

— Только я, больше никто, — проговорила Пласс.

— Вы сказали — «Земля Ночи», — заметила Расп, поднимая футляр с ключом. — Удивительно подходит.

— Нет солнца, нет надежды, лишь порядок, — произнесла Енох, будто это было проклятием. — Вы прибыли сами или по поручению других глупцов?

— Боюсь, по поручению, — ответила Пласс.

— Когда я покинула это место, оно было другим. Мой муж посылал мне призраков. Они немного рассказали о том, что здесь произошло... или могло бы произойти.

— Призраки пытаются входить в «Редут» и говорить с нами, — сказала Енох. Ее многочисленные ноги безостановочно меняли положение. — Мы их не впускаем. Ваш муж оказался снаружи в первую ночь. Он не сильно изменился. Он стоит возле Наблюдателя, вмерзнув в его взгляд.

Пласс всхлипнула и отвернулась.

Енох, не обратив внимания, продолжала:

— Единственное, что он еще может делать сам, — это сбрасывать призраки, как мертвую кожу. И ни одного похожего на другой, не так ли? Ему позволено брать временные токи пространства-времени и отливать их в свой образ. Альтинг находит это в достаточной степени забавным. Разумеется, мы не позволяем призракам нам докучать. У нас и так слишком много дел: хранить наше помещение в безопасности и в хорошем состоянии.

— В хорошем состоянии, — с блаженной улыбкой повторила Карн, и Олми повернулся к ней, пораженный тем, что сам отреагировал так же. — Значит, здесь есть беспорядок. Вам требуется чинить вещи?

— Именно, — сказала Енох. — Я боготворю ржавчину и старение. Но этого нам позволены лишь крохи, не больше. Ну а теперь, раз уж вы здесь, не желаете ли выпить чашечку чая? — Она улыбнулась. — О великое благо, чай в «Редуте» быстро остывает. Кости делаются хрупкими, кожа — морщинистой. Чай остывает. Торопитесь!

— Не обращайте внимания на наши тела, — говорила Дейрдре Енох, разливая исходящий паром чай в чашки всем гостям. — Они искажены, но вполне нам подходят. Альтинг может лишь совершенствовать и развивать, настоящее разрушение ему неведомо.

Олми заметил, как по телу пожилой женщины пробежала какая-то рябь, дрожь небольшой перемены. Теперь она, казалось, стала не такой старой и морщинистой, будто неведомая сила перевела стрелки часов назад.

— Мне не совсем ясна мысль о совершенствовании, — сказал Олми, вяло поднимая чашку. — Мне даже не совсем ясно, как получается, что вы выглядите старой.

— Мы не несчастливы, — ответствовала Енох. — Это не в нашей власти. Мы знаем, что никогда не сможем возвратиться на «Пушинку». Мы знаем, что никогда не сможем бежать.

— Вы не ответили на вопрос сера Олми, — мягко произнесла Пласс. — Вы здесь независимы?

— Он задал не этот вопрос, сер Лисса Пласс, — сказала Енох, и в голосе ее послышалась металлическая нотка. — Ваш же вопрос нетактичен. Я говорила, мы были пойманы

при попытке бежать. Некоторые из нас ныне там, в Земле Ночи. Те, что вернулись в пирамиду, не избежали воли альтинга. Но здесь его влияние ограничено. Вот ответ на один вопрос: здесь мы не полностью зависимы. — Енох уронила голову, словно засыпая; на краткий момент голова ее оказалась под углом к плечам — под неудобным углом, подумалось Олми, — потом она судорожно вскинулась. — Вселенная, открытая мною... больше ничего нет. Здесь все.

— Окончательный Разум этого мира, — проговорила Пласс.

— Я так понимаю, что Путь и человеческие существа он рассматривает как любопытные безделушки, — сказал Олми.

Расп и Карн заерзали, но не стали прерывать разговор на эту тему.

— Объекты, которые можно комбинировать и изменять, — произнесла Енох. — Мы — материал для искусства предельного декаданса. Альтинг выше нашего понимания. — Ее ноги на подушке были сложены в изящную позу лотоса, но постоянно шевелились. Она наклонилась вперед и задумчиво потерла нос тыльной стороной руки. — Подозреваю, нам позволено сопротивляться в силу того, что мы — антитезис.

— А альтингу, значит, известен только тезис? — хихикнула Расп.

— Ну, коне-е-ечно! — с наслаждением протянула Енох.

Снова пораженный нереальностью происходящего, Олми оглядел людей, что сидели рядом с ним и с Енох: Пласс, близнецов и не говорившую ни слова маленькую женщину с вопросительным, по-кошачьи хитрым лицом за спиной Енох. Она вновь обошла гостей с чайником и наполнила опустевшие чашки.

Чай остыл.

Олми развернулся на своей подушке, чтобы понаблюдать за другими постаревшими последователями Енох, что стояли вдоль стен круглой комнаты, неподвижные, рабски покорные. С момента его прибытия их лица стали другими, однако ни один не ушел — впрочем, никто и не пришел.

За время жизни двенадцати поколений выяснилось, что внутренней среде и культуре «Пушинки» свойственно производить на свет группы последователей какого-либо вождя, часто имевшие несоразмерную их численности власть. Постоянно предпринимались попытки исправить ситуацию — сократить состав экстремистских сект, управляемых мошен-

никами вроде Дейрдре Енох. Для этих уже слишком поздно, подумалось Олми. Нужны ли альтингу последователи?

Олми не мог сосредоточиться, чтобы обдумать свои действия. Ему казалось, что его опоили, но он знал, что это не так.

— Оно может вынести непохожесть? — спросила Карн. Снова ее голосок был высоким и нежным, как у ребенка.

— Нет, — сказала Енох. — Его природа — в поглощении и сглаживании любого проявления непохожести в мутации, бесцельном изменении.

— Как у яртов? — задала вопрос Расп, посасывая большой палец с той застенчивостью и беззащитностью, что была сразу заметна и убеждала с первого взгляда.

— Нет. Ярты встретились с альтингом, и он дал им их собственную Землю Ночи. Боюсь, не много времени пройдет, прежде чем наши Земли сольются в одну и мы смешаемся и подвергнемся бессмысленным переменам.

— Сколько вам осталось? — спросил Олми.

— Возможно, еще несколько лет.

— Ну, не так уж и скоро, — заметил он.

— Достаточно скоро, — фыркнула Енох. Она снова потерла нос. — Мы пребываем здесь уже многим более тысячи столетий.

Олми постарался это осознать.

— Что, правда? — переспросил он, ожидая, что сейчас она разразится хохотом.

— Правда. У меня были миллионы разных последователей. Посмотри вокруг. — Енох наклонилась через стол и зашептала: — Волны на море. Я прожила тысячу столетий в тысяче вселенных, бесконечно мало отличающихся друг от друга. Альтинг играет всеми линиями жизни — не только линией отдельного человека. Лишь я с каждым приливом остаюсь относительно подобна себе предыдущей. Похоже, я — истинный узел этой части Пути.

— Чай остывает, кожа покрывается морщинами... но вы остаетесь неизменной в течение такого длительного отрезка времени?

— Десять тысяч длительных отрезков обрублены, связаны в пучок и свернуты. — Она стащила со своей тонкой шеи шарф и растянула в кулаках. — Скручены. Завязаны в узел. Вас послали сюда исцелить отчаянное безумие отступницы... не так ли?

— Гешельской провидицы, — уточнил Олми.

Енох это не удовлетворило. Она вытянулась и, нарочно взмахнув шарфом, снова завязала его на прежнем месте.

— Я была назначена Управлением по обеспечению Пути. Самим Раем Орнисом. Мне дали двоих из лучших открывателей в Гильдии и поручили найти врата в совершенный порядок. Зачем — мне не сказали. Теперь, однако, я могу предположить причины.

— Я помню двоих открывателей, — вставила Пласс. — А они — нет.

— Они надеялись, что найдут меня изменившейся или мертвой, — продолжала Енох. — Что ж, теперь я другая, но я выжила. После нескольких тысяч веков личность человека становится довольно жесткой. Я стала более подобна этому Наблюдателю и его громадному зияющему глазу. Я более не знаю, что такое ложь. Я видела слишком много. Я боролась с тем, что нашла, и вынесла вид таких зверств, какие не довелось наблюдать ни одному человеческому существу. Поверьте мне, лучше бы я умерла до того, как началась моя миссия, чем увидела то, что мне довелось видеть.

— Где второй открыватель? — спросил Олми.

— В Земле Ночи, — ответила Енох. — Иса Данна был первым, кто встретил альтинг. Он и его партнер, мастер Толби Кин, приняли на себя главный удар первых попыток усовершенствования.

Расп придвинулась к Олми и прошептала ему на ухо:

— Мастера-открывателя по имени Толби Кин никогда не было.

— Может ли кто-либо подтвердить ваш рассказ? — спросил Олми.

— А вы что, кому-нибудь бы здесь поверили? Нет, — ответила Енох.

— Не то чтобы это имело значение, — печально заметила Пласс. — Результат все равно один.

— Вовсе нет, — возразила Енох. — Сейчас мы не смогли бы закрыть брешь, даже если бы она была в нашей власти. Рай Орнис оказался прав. Пропасть должна была открыться. Если мы не дождемся завершения, наша вселенная никогда не получит ускорения. Она будет рождена мертвой. — Енох покачала головой и мягко рассмеялась. — И ни одно челове-

ческое существо в нашей истории никогда не увидит призрака. Мир, навещаемый призраками, — живой мир, сер Олми.

Олми потрогал свою чашку кончиком пальца. Чай снова был горячим.

В предоставленных в их распоряжение жилых помещениях было пусто и холодно. Большая часть энергии «Редута» уходила на то, чтобы не подпускать к нему жителей Земли Ночи; энергия эта добывалась из стены Пути — гениальное решение Исы Данны, осуществленное еще до того, как его затянуло в брешь. На защиту энергии хватало, но ни о каких излишках речь не шла.

Впервые за много дней Олми на некоторое время остался один. Он «открыл» южное окно с видом на брешь и протянувшиеся перед ней пятьдесят километров Земли Ночи. Енох снабдила гостя лучечувствительным биноклем.

За протянувшейся от края до края сетью и мерцающей границей полного ядерного уничтожения, которую ничто материальное не смогло бы пересечь, менее чем в тысяче метров от пирамиды клубилась странная живая темнота, озаряемая кошмарными дергающимися вспышками жертв альтинга.

Временами они дрались, размахивая конечностями, как насекомые усиками. Иные тащили в ведрах мерцающую пыль, опрокидывали ведра на вершине холма, затем, спотыкаясь, скатывались вниз, чтобы начать заново. Гигантская голова, смоделированная по образцу головы открывателя, стояла немного к западу от Замка Зеленого Стекла. Олми не мог понять, состояла ли голова на самом деле из органических веществ, человеческой плоти или нет. Она больше напоминала камень, хотя глаз был очень натурален.

Отсюда он не мог увидеть огромную фигуру, возвышающуюся в дверях замка, — та его сторона была обращена прочь от «Редута». Ничто из того, что увидел Олми, не противоречило словам Пласс или Енох. Он не разделял бодрого нигилизма близнецов. И тем не менее ничто из увиденного нельзя было поместить в рамки какой бы то ни было философской концепции или совокупности физических законов, с которыми ему приходилось сталкиваться. Если здесь и был разум, он был настолько иным, что не поддавался пониманию; возможно, его не было и вовсе.

Все же Олми пытался подобрать хоть какую-нибудь идею, ключик к Земле Ночи. Логическое обоснование.

И не мог.

Прямо перед самыми высокими холмами стояли заросли, напоминающие сплетенные корни выкорчеванных деревьев, — голые, в десятки метров высотой, они растянулись поперек поля на несколько километров безобразными, скрюченными лесами. Что-то вроде тропинки выходило от северной стены «Редута», шло через границу, в исковерканную местность, будто покрытую прядями размягченной и вывороченной травы, и дальше, в сторону к востоку от замка. «Тропа» терялась за ближним холмом, и Олми не видел, где она заканчивалась.

Атмосфера вокруг «Редута» была удивительно чистой, хотя по всей Земле Ночи то тут, то там колоннами вздымались вихри тумана. Перед синей стеной дымки, что располагалась на расстоянии около пятидесяти километров, все представало с совершеннейшей отчетливостью.

Олми обернулся: в дверь постучали. Вошла Пласс. На лице ее читалось удовлетворение, готовое перерасти в энтузиазм.

— Вы и теперь сомневаетесь в моих словах?

— Я во всем сомневаюсь, — ответил Олми. — Я бы с той же готовностью поверил, что нас захватили в плен и кормят иллюзиями.

— Вы думаете, произошло именно это? — спросила гостья, и глаза ее сузились, будто от оскорбления.

— Нет, — сказал Олми. — Во время тренировок я испытывал довольно хорошие иллюзии. Это — настоящее, что бы оно ни значило.

— Должна признать, близняшки не сидят на месте. — Пласс уселась на небольшой стул возле стола. Не считая маленького матраса на полу, стул и стол составляли всю мебель в комнате. — Они беседуют со всеми, кто знает хоть что-нибудь об открывателях врат — спутниках Енох. Не думаю, что в течение часа здесь можно поговорить с одним и тем же человеком, если только это не сама Енох.

Олми кивнул. Он еще переваривал заявление «провидицы» о том, что Управление по обеспечению Пути в тайном соглашении с Гильдией открывателей послало экспедицию с секретными инструкциями.

Возможно, близнецам известно больше, чем ему или Пласс.

— Вы что-нибудь знали об официальном задании?

Пласс помедлила с ответом.

— Не так много. И не об «официальном». Однако, быть может... не без поддержки со стороны Управления по обеспечению. Мы не думали, что находимся вне закона.

— Вы обе говорили о завершении. Об этом шла речь, когда вы присоединились к группе?

— Только мельком. Теоретически.

Олми снова отвернулся к окну.

— У вершины пирамиды есть камера-обскура. Я бы хотел посмотреть на все, что нас окружает, попытаться осознать нашу позицию.

— Бесполезно, — произнесла Пласс. — Я бы сначала дождалась посещения.

— Опять призраки?

Пласс пожала плечами. Вытянув ноги, она растирала колени.

— Меня никто не посещал, — сказал Олми.

— Ничего, просетят, — категорически заявила гостья. Казалось, она что-то скрывает, что-то, что ее волнует. — Когда наступит тот момент, ничто вас к нему не подготовит.

Олми засмеялся, но смех прозвучал неискренне. Он чувствовал, будто его кто-то распутывал, как связку вновь пережитых линий жизни Енох.

— Как я узнаю, что увидел призрака? Может, я уже видел их на «Пушинке». Может, они все время вокруг нас, но не проявляют себя.

Пласс посмотрела в сторону, потом произнесла с усилием, прерывающимся голосом:

— Я встретила призрак самой себя.

— Вы раньше об этом не говорили.

— Он пришел ко мне на следующую ночь после того, как мы покинули «Пушинку». И сказал, что мы доберемся до пирамиды.

Олми подавил еще одно желание расхохотаться; он боялся, что смех выйдет из-под контроля и уже не прекратится.

— Я никогда не видел собственного призрака.

— Значит, мы ведем себя по-разному. Мне показалось, что от контакта с альтингом я вернулась назад. Призрак по-

зволяет вспомнить будущее или некий вариант будущего. Может, со временем я узнаю, что со мною сделает альтинг. Какими будут усовершенствования, которые он в меня внесет.

Олми обдумывал ее слова в молчании. Темные глаза Пласс уперлись в него, ясные, детские в своей неподдельной серьезности. Теперь он уразумел сходство, причину, заставившую его почувствовать к ней симпатию. Она напомнила ему Шилу Ап Нам, его первую жену на Ламаркии.

— Ваши возлюбленные, друзья, коллеги... Они увидят вас — версии вас, — если вы повстречаетесь с альтингом, — проговорила Пласс. — В некотором роде это бессмертие. Память. — Она опустила глаза и сцепила руки. — Ни один из разумных видов, встреченных нами, не имеет в своей мифологии призраков. Знаете, мы уникальны. Единственные в своем роде. Кроме, быть может, яртов... А о них мы знаем мало, не правда ли?

Он кивнул, желая перевести разговор на другую тему.

— А что на уме у близнецов?

— Похоже, они воспринимают происходящее как увлекательную игру. Кто знает? Они работают. Не исключено даже, что они что-нибудь придумают.

Олми направил бинокль в сторону Наблюдателя, чей единственный сверкающий глаз был вечно устремлен на «Редут». Он ощутил проникающее до костей отвращение и ненависть, иссушающий холод. Язык будто замерз. Плоть за глазными яблоками, напротив, казалась горячей и влажной. Волоски на шее встали дыбом.

— Там... — начал он, но вздрогнул, как от боли, и заморгал. Завеса тени пересекла несколько сантиметров расстояния, отделявшего его от окна. Олми со стоном отпрянул и попытался оттолкнуть ее прочь, однако тень невозможно было ощутить руками. Она взвихрилась вокруг Олми, миновала Пласс, хладнокровно за ней следившую, затем будто сплющилась и ускользнула сквозь противоположную стену.

Тепло за глазными яблоками обжигало, как пар.

— Я чувствовал, как она приближается! Что-то должно было произойти. — Руки Олми дрожали. Он еще ни разу так сильно не реагировал на физическую опасность. Такая реакция привела его в бешенство. — Что это?!

— Не призрак и не какая бы то ни было версия нас самих, это точно, — сказала Пласс. — Паразит, возможно, что-то

вроде блохи, скачущей по нашим линиям жизни. Безвредна, насколько я знаю. Но здесь она видна куда лучше, чем на «Пушинке».

Стараясь сдержаться, чтобы не ответить резкостью, Олми чувствовал, что все его инстинкты отвергали испытанное.

— Ничего я не принимаю! — заорал он. Ладони сжались в кулаки. — Это все чушь!

— Согласна, — произнесла Пласс тихим голосом. — Жаль, что мы в этом завязли. По-моему, вы пытаетесь вести себя рационально, сер Олми. Мой муж был чрезвычайно рационален. Альтинг обожает рационально мыслящих людей.

6

Расп и Карн прогуливались с Олми по парапету возле вершины «Редута». Кажется, работа подействовала на них отрезвляюще. Они по-прежнему вели себя как подростки — порой отставали, засмотревшись на что-то в Земле Ночи, а потом торопились догнать и пойти рядом с Олми; однако их голоса звучали ровно, серьезно, даже немного печально.

— Мы никогда не встречали ничего, подобного бреши, — сказала Карн. Огромный темный диск, обрамленный алыми полосами и сполохами, заслонил собою противоположную сторону Пути. — Это куда больше, чем просто неудачно открытые врата. Знаете, она здесь не кончается.

— В смысле? — переспросил Олми.

— Похоже, брешь оказывает влияние на весь Путь. Когда врата вышли из-под контроля...

Расп сжала ладонь Карн.

— Ты чего? — спросила Карн, выдергивая руку. — Какие тут могут быть секреты? Если мы вместе ничего не придумаем, альтинг скоро до нас доберется, и нас рассадят вон там... по кусочкам, как потерянные игрушки.

Расп отступила на несколько шагов и с негодованием скрестила руки на груди.

Карн продолжала:

— Когда образовалась брешь, открыватели почувствовали ее во всех недавно открытых вратах: возникли нити, пытающиеся пробраться сквозь врата, как паутина. Здесь мы видим, как что-то скручивает мировые линии... Но они обво-

лакивают и обвивают Путь даже там, где мы их не можем увидеть. Мастер Рай Орнис думал...

— Хватит! — крикнула Расп.

Карн замолчала, на глазах у нее появились слезы.

— Я могу сделать пару предположений, — сказал Олми. — Слова Дейрдре Енох оставляют мало места воображению. Вы ведь не подмастерья-недоучки, так?

Расп вызывающе уставилась на него.

— Так, — сказала Карн.

Ее сестра развернулась к ней и замахнулась, но вместо удара бессильно уронила руку, коротко вдохнула и проговорила:

— Мы ведем себя как дети из-за математического закаливания. Оно было слишком быстрым. Рай Орнис сказал, что в нас возникла необходимость. Он ускорил подготовку. Мы лучшие, но мы и вправду еще слишком маленькие. Это мешает нашему продвижению.

Звук сотен голосов, соединяющихся в причудливом хоре, поплыл над Землей Ночи, проникая через поле, защищающее атмосферу «Редута». Голоса то поднимались, то гаммой сбегали вниз, тоскливо завывая от одиночества, как обезьяны в зоопарке.

— Рай Орнис полагал, что брешь изгибает мировые линии даже по ту сторону «Пушинки», — сказала Карн. Расп кивнула и взяла сестру за руку. — Карабкается назад по мировой линии «Пушинки»... туда, где все наши жизни связаны в один пучок с жизнями наших предков. Мы для нее — как лестница.

— И не только мы, — добавила Расп.

Воющий хор теперь окружал «Редут», причем звук исходил отовсюду. С этой стороны пирамиды можно было разглядеть тонкую стелу цвета яркого лунного света на поверхности нефтяного пятна, восстающую из грандиозных строительных лесов. Леса были сделаны из частей тел, рук и ног, стянутых вместе шнурами. Конечности, правда, были гигантских размеров, десятки метров длиной, и стела возносилась на высоту около километра, вдвое выше, чем пирамида «Редута».

Пространство вокруг конструкции кишело бледными существами, похожими на личинки насекомых, и Олми решил, что именно они издают пение и вой.

— Да, — согласилась Карн. — Не только мы. Она использует ответвляющиеся линии всех материальных предметов, всех частиц «Пушинки» и Пути.

— Что она может сделать? — поинтересовался Олми.

— Мы не знаем, — ответила Карн.

— А что можем сделать *мы?*

— Мы-то... Мы можем закрыть брешь, если поторопимся, — криво усмехнулась Расп. — Вряд ли это очень сложно.

— Вообще-то она уменьшается, — сказала Карн. — Мы можем создать отсюда кольцевые врата, чтобы отрезать Путь. Путь стянется обратно к источнику, к аппаратуре обеспечения в шестом отсеке, очень быстро — по миллиону километров за день. Мы, вероятно, даже сможем выскользнуть вместе с потоком, но...

— Если мы устроим кольцо, поток поведет себя непредсказуемо, — закончила Расп.

— Чрезвычайно непредсказуемо, — согласилась Карн. — Так что домой, вероятно, мы не попадем. Рай Орнис нас подготовил. Все рассказал.

— Кроме того, если бы мы и попали на «Пушинку», кому мы там нужны такие, какими мы стали? — сказала Расп. — Нас уже изрядно поломало.

Близняшки задержались на парапете. Олми смотрел, как они, взявшись за руки, стали что-то мягко напевать друг другу, не разжимая губ. Ключи, свисавшие с их плеч, раскачивались и сталкивались между собой.

— Енох говорила о планах Управления по обеспечению Пути, — заметил Олми. — Она утверждает, что ее послали сюда с тайным заданием.

— Не исключено, хотя мы ничего не знаем, — простодушно сказала Карн. — Но это ни о чем не говорит. Не думаю, что они бы доверились нам.

— Еще она сказала, что у альтинга есть какая-то более важная цель в нашей вселенной, — продолжил свою мысль Олми. — Что-то, что необходимо завершить, иначе наше существование окажется невозможным.

Карн молча подумала, ковыряясь в носу, потом покачала головой.

— Может, она пытается себя оправдать.

— *Мы* это делаем постоянно, — заявила Расп. — Для нас это вполне естественно.

Они подошли к лестнице, ведущей на вершину пирамиды и к камере-обскуре. Карн взлетела вверх через две ступеньки, полы ее длинной рубашки взметнулись над щиколотка-

ми. Расп проследовала за сестрой более степенно. Олми остановился у подножия лестницы.

Расп обернулась и взглянула вниз.

— Ну, поднимайтесь!

Олми покачал головой.

— Я уже нагляделся. Не вижу в том, что снаружи, ни капли здравого смысла. По-моему, это просто абсурдный набор случайностей.

— Вовсе нет! — воскликнула Расп и спустилась на пару ступеней, взглядом умоляя его идти с ними. — Надо посмотреть, что случилось с ключами открывателей. Что там за усовершенствование. Вдруг это очень важно!

Олми ссутулился, потряс головой, как бык, чтобы набраться смелости. Потом пошел вверх по ступеням.

Камера-обскура представляла собою сферическую многофокусную линзу, действующую по иному принципу, нежели лучечувствительные бинокли. Она была установлена на треножнике, упиравшемся распорками в плоскую платформу на вершине пирамиды; линза отражала и увеличивала Землю Ночи. Приближение к треножнику увеличивало изображение в логарифмическом масштабе с высокой скоростью; придвижения на несколько десятков сантиметров было достаточно для того, чтобы предмет рассмотрения увеличился до устрашающих размеров. Мониторы, располагающиеся на внешней окружности — небольшие сферы на стальных шестах, — с неторопливой грацией подкатывались и отдалялись от камеры, отслеживая изменения в Земле Ночи и передавая информацию Енох и другим, находящимся внутри пирамиды.

Олми ловко обогнул мониторы и, до предела сосредоточив внимание, медленно пошел по краю окружности. Карн и Расп занялись своими наблюдениями.

Олми остановился и отступил, чтобы захватить в фокус громадный глаз Наблюдателя. Изгиб лишенной волосков брови, провисшее верхнее веко придавали глазу мертвенное и печально-апатичное выражение, однако зрачок все же делал небольшие движения, и, если смотреть отсюда, не возникало сомнения в том, что он озирает пирамиду «Редута». Олми ощутил, что его увидели, узнали; встречал ли он открывателя до отправки на Ламаркию — может, случайно? Оставалось ли какое-то воспоминание об Олми в этой гигантской голо-

ве? Ему подумалось, что такая связь может оказаться очень опасной.

— Земля Ночи меняется каждый час. Иногда эти изменения малы, иногда затрагивают все, — произнесла Енох, нарочито медленно поднимаясь по ступеням за их спиной. Она остановилась вне круга камеры. — Она следит за каждой нашей частицей. Она терпелива.

— Боится нас? — предположил Олми.

— Никакого страха. С нами даже еще не начали игру.

— Все это снаружи — никакое не усовершенствование, а просто лишенное смысла безумие!

— Я и сама так думала, — ответила Енох. — Теперь я вижу узор. Чем дольше я нахожусь здесь, тем лучше отношусь к альтингу. Вы поняли то, что я говорила раньше? Он *узнаёт* нас, сер Олми. Он в нас видит свою работу, цикл, ожидающий завершения.

Расп задержалась на одной точке внутри круга и жестом подозвала Карн. Они вместе сосредоточенно уставились на что-то, не обращая внимания на Енох.

Олми, однако, оставить ее не мог. Надо было узнать ответ на вопрос.

— Управление по обеспечению Пути послало вас сюда, чтобы это подтвердить?

— Формулировка иная... Да. Известно, что наш мир, наша родная вселенная за пределами Пути должна была образоваться бесплодной, пустой. Что-то ускорило ее, напитало необходимыми геометрическими составляющими. Некоторые из нас полагали, что такое было бы возможно лишь в случае, если бы в ранний период развития у вселенной появилась связь с пространством, обладающим совершенно иными характеристиками. Я говорила Раю Орнису, что подобное ускорение не обязательно должно было произойти в начале. Мы могли бы создать его сейчас. Мы могли бы произвести завершение. В гильдии царило такое ощущение силы и уверенности!.. Я поддерживала его. Связь была установлена... А все это, Земля Ночи — лишь побочный эффект. Совершенный порядок, устремляющийся обратно сквозь Путь, сквозь «Пушинку», сквозь время назад, к самому началу. Стоило ли делать это? То ли мы совершили, что собирались? Я никогда точно не узнаю, потому что сейчас мы ничего не можем повернуть вспять... и перестать существовать.

— У вас не было уверенности. Вы знали, что ваши действия могут быть опасными, повредить Пути, привести к гибели, если ярты получат преимущество?

Несколько секунд Енох глядела на него — взгляд перебегал с глаз на губы собеседника, на грудь, будто измеряя.

— Да, — проговорила она. — Я знала. И Рай Орнис знал. А другие — нет.

— Они пострадали за приобретенное вами знание, — сказал Олми.

Взгляд Енох перестал бегать, она стиснула зубы.

— Я тоже пострадала. Я узнала очень мало, сер Олми. То, что я узнала, повторяется снова и снова, и речь идет скорее о самонадеянности, чем о метафизике.

— Нашли! — закричала Карн. — На вершине зеленого замка ключ. Мы его прекрасно видим!

Олми встал там, где указала Расп. Над приземистым, массивным зеленым замком возвышался куб, наполовину скрытый в зарослях растительности. На вершине куба черная колонна высотой примерно в человеческий рост поддерживала безошибочно знакомый ключевой аппарат — сферу с рукоятками. Сфера была тусклой, бездействующей; вокруг колонны и на крыше замка не замечалось никаких признаков движения.

— Всего один. Кажется, он не работает, — сказала Расп. — Брешь не контролируется.

Карн раскинула руки и пошевелила пальцами. На ее лице засветилась широкая улыбка.

— Мы сумеем создать кольцо!

— Отсюда не получится, — возразила Расп. — Надо идти туда.

Лицо Енох превратилось в застывшую маску.

— Мы еще не закончили. Работа не завершена.

Олми покачал головой — он уже принял решение.

— Кто бы и по какой причине ни затеял это, нужно положить этому конец. Так повелевает Узел.

— Они ничего не знают! — выкрикнула Енох.

— Мы знаем достаточно, — возразил Олми.

Расп и Карн взялись за руки и спустились вниз по лестнице. Расп показала пожилой женщине язык.

Енох рассмеялась и легко хлопнула себя по бедрам.

— Да они же просто дети! Ничего у них не выйдет. Что мне опасаться недоучек-подмастерьев?

Атмосфера Земли Ночи представляла собой тонкую дымку первичного водорода, смешанного с углекислым газом и примесью кислорода. При семистах миллибарах давления и температуре чуть выше нуля люди могли выйти наружу в самых обычных герметичных рабочих костюмах.

Проходя по пустым коридорам первого этажа пирамиды, Олми обнаружил небольшой открытый колесный аппарат, который некогда использовали для того, чтобы попасть в сад снаружи «Редута» — теперь этот сад располагался за демаркационной линией.

Пласс показала Олми, как аппарат работает.

— Здесь есть встроенный пилот. Машина создает поле вокруг пассажирской кабины.

— Вроде понятно, — заметил Олми.

Пласс уселась рядом с ним и положила руку на пульт управления.

— Мы с мужем обрабатывали там участок земли... цветы, травы, овощи. В одном из таких аппаратов мы отъезжали на несколько сот метров из рабочей зоны, туда, где сырьевая команда раскидала почву, которую привезли через первые врата.

Аппарат объявил, что подзаряжается на случай, если это вдруг пригодится, и тонким голоском добавил:

— Займет ли поездка больше, чем несколько часов? Я могу уведомить начальника станции...

— Нет, — сказал Олми. — Нет нужды.

Он повернулся к Пласс.

— Пора одеваться.

Пласс вышла из машины и нервно провела руками по бокам.

— Я остаюсь. Не могу заставить себя опять туда выйти.

— Понимаю.

— Почему бы не открыть кольцо прямо отсюда?

— Расп и Карн говорят, что должны находиться на расстоянии пятисот метров от бреши. Приблизительно там, где сейчас еще один ключ.

— Знаете, кем был мой муж по профессии? До того, как мы сюда попали?

— Нет.

— Он был неврологом. Стал изучать, как отражается наш эксперимент на исследователях. Была мысль, что наш разум начнет совершенствоваться, войдя в контакт с упорядоченным пространством. Мы смотрели в будущее с надеждой. — Она положила руку Олми на плечо. — У нас была вера. Енох все еще верит в то, что они ей говорили, ведь так?

Он кивнул.

— Можно мне попросить одну вещь напоследок?

— Конечно, — ответила Пласс.

— Енох сказала, что откроет проход через границу и нас пропустит. Она клялась, что мы там ничего не сможем сделать, только попадем к альтингу, и все-таки...

Пласс улыбнулась.

— Я посмотрю за ней — прослежу, чтобы вам хватило времени пройти, пока поля открыты. Знаете, Гильдия очень умно поступила, послав вас и близняшек.

— Почему?

— Вы все... не такие, какими кажетесь. Выглядите так, будто ничего не умеете.

Ее рука сжала плечо Олми.

Пласс повернулась и вышла. В отсек хранилища вошли Карн и Расп. Близнецы молча проводили женщину взглядом. Они уже надели герметичные костюмы, которые плотно охватили их небольшие тела и сидели прекрасно.

— Она от нас всегда не в своей тарелке, — заметила Расп. — И я ее, кажется, не виню.

Карн устремила на Олми свои глубокие черные глаза.

— Вы ведь не встречали призрака самого себя?

— Не встречал, — сказал он.

— Мы тоже не встречали. И это знаменательно. Мы никогда не попадем к альтингу. Он до нас никогда не доберется.

Олми припомнил, что говорила Пласс. Она видела своего собственного призрака.

7

Они прокляли открытие Пути и перемену миссии «Пушинки». Они убили создателя Пути, Конрада Коженовского. В продолжение веков они составляли ярую оппозицию, большей частью нелегальную, но поддерживавшую контакт с надеритами у власти. В иные годы эта радикальная секта могла

включать всего четверых-пятерых активных членов — остальные, судя по всему, вели обычный образ жизни; однако цепочка не обрывалась. Ибо первый их лидер видел в Пути прямую дорогу к бесчисленным адским безднам.

«Судьбы оппозиции», автор неизвестен, 475 Год Странствия.

Маленький колесный аппарат нес троих людей по полоске голой поверхности Пути — тусклой, бронзово-медного цвета. Неясно было, из какого она состоит вещества. Трение здесь отсутствовало. Держась на курсе при помощи небольших воздушных выхлопов из дюз по бокам машины, отряд наконец достиг широкого плоского острова из материала, похожего на стекло. Сразу же за ним стояли знаки, предупреждающие о близости демаркационной линии.

Как и было оговорено, силовые линии переключились на низкую активность, и прямо перед путешественниками открылся выход — прозрачное темное пятно на бледно-зеленом поле. Олми ощутил некоторое облегчение: он слегка сомневался в том, что Енох согласится помочь им или что Пласс удастся ее к этому принудить. Аппарат прокатился через проем. Они пересекли защиту, и поля за их спиной снова сомкнулись.

Здесь поверхность Пути покрывала песчаная почва. Автопилот отключил воздушные дюзы, и машина прокатилась вперед еще метров двадцать. Герметичные костюмы уже начинали причинять неудобство. Они были старыми, и хотя старались облегать тело наилучшим образом, функционировали далеко не идеально. Впрочем, еще несколько недель они продержатся, восстанавливая газы, жидкости и сложные молекулы, возвращая в тело жидкость через введенные в артерии трубки и тем же путем обеспечивая ему минимальное питание.

Олми сомневался в том, что костюмы понадобятся на срок больший, чем несколько часов.

Близняшки не придавали значение неудобствам и сосредоточили внимание на бреши. Вне пределов пирамиды казалось, что брешь заполнила собою все небо: еще пара километров — и она окажется почти прямо над головой. Отсюда было видно, что похожие на волосы завитки скручивающих-

ся мировых линий уже приобрели мерцающий зеркальный отсвет, как полоски ряби под ветерком на озерной глади.

Настоящее лицо Земли Ночи открывалось постепенно. Сперва под колесами машины появились черные, смешанные с песком рассыпчатые каракули. Датчики термокостюма — их показания высвечивались прямо в левый глаз Олми — отразили снижение атмосферного давления за демаркационной линией на несколько миллибаров. Температура не менялась, оставаясь чуть выше нуля по Цельсию.

Они свернули налево, на запад, и оказались возле дороги, которую Олми видел с вершины пирамиды. По словам Пласс, эта дорога использовалась аппаратами для перевозки сырьевых материалов от первых врат, открытых Енох. Эта же дорога вела к садику, который Пласс обрабатывала с мужем. Через несколько минут, отъехав примерно на три километра от «Редута», путешественники миновали небольшой холм, мешавший обзору, и обнаружили остатки садика.

Подъема высотой в каких-нибудь пятьдесят метров хватило, чтобы скрывать то, что было, вероятно, наиболее ранними плодами усовершенствования. Олми еще сомневался, верит ли он в альтинг, но произошедшее в саду и на остальной Земле Ночи лишало любое сомнение оснований. Деревья в юго-западном углу небольшого быстрорастущего фруктового сада низко расползлись по земле и светились, как тело Номера 2, а те немногие, что остались стоять, постоянно дрожали, как мелькают странички в детской книжке-«мультяшке». Все остальное просто превратилось в искрящийся прах. В центре, правда, стоял холм коричневого цвета, испещренный яркими зелеными и красными пятнышками; на вершине холма, повернувшись на юг и не глядя ни на кого в отдельности, высилось трехметровое лицо с зеленой кожей. Сверху и до подбородка его рассекали трещины. Лицо не двигалось и не проявляло никаких признаков жизни.

Из праха взлетали облачка пыли — мельчайшие фонтанчики, вырывающиеся из недр этого смешения реальностей. Прах менял форму, сглаживая свежие кратеры. Казалось, что у него есть какая-то своя цель, как и у всего остального в саду, кроме лица.

Разрушение и усовершенствование; одна форма жизни уничтожена — вскормлена другая.

— Это раннее, — сказала Карн, глядя на неестественное переплетение блестящих темно-зеленых листьев, растянутых во все стороны и завязанных в невообразимые узлы. — Оно не соображало, с чем имеет дело.

— Как будто оно вообще когда-то соображало, — произнес Олми, отметив про себя, что Карн говорила так, будто в действительности существует какая-то главная направляющая сила.

Расп одернула сестру:

— Читала ведь в учебниках по устранению неисправностей ворот: геометрия — живая ткань реальности. Если перемешать константы, получится...

— Мы поклялись не обсуждать неудачи, — возразила Карн, но без всякого энтузиазма.

— Мы едем вдоль худшей из неудач, — сказала Расп. — Все дело в перемешанных константах и искаженной метрике.

Карн пожала плечами. Олми подумал, что это, вероятно, не имеет значения; наверное, Расп, Карн и Пласс в действительности не расходились во мнениях, просто говорили в разных системах терминов. То, что они увидели вблизи, не было случайным перераспределением; здесь чувствовалось наличие цели.

Поверх рядов дрожащих деревьев и живых слоев праха раскинулось мертвое, вывернутое небо. Из омерзительной иссиня-черной язвы со зловещей густо-красной каймой стремительно изливалась завеса темноты, проносящаяся над Землей Ночи, как дождь под движущимся атмосферным фронтом.

— Волосы матери, — произнесла Карн и крепко сжала свой ключ. Костяшки пальцев побелели.

— Она играет с нами, — выговорила Расп. — Наклоняется над нами, размахивает волосами над кроваткой. Мы тянем к ним руки, а она убирает волосы.

— Она смеется, — сказала Карн.

— Потом отдает нас... — Расп не успела закончить.

С легким скрипом машина резко свернула в сторону перед внезапно появившимся разломом, которого секунду назад не существовало. Вверх из разлома взлетели белые фигуры, человекообразные, но рыхлые, как грибы, и лишенные черт. Казалось, они одновременно и были чем-то вытолкнуты, и вылезли сами. Теперь они лежали на песчаной, покрытой

черными полосами почве, будто бы приходя в себя после рождения. Затем человекообразные фигуры поднялись, быстро и даже грациозно побежали по неровному ландшафту к деревьям и принялись вырывать их с корнем.

Таких рабочих Олми и видел с пирамиды. На незваных гостей они не обратили внимания.

Щель закрылась, и Олми дал машине задание ехать дальше.

— Мы такими станем? — спросила Карн.

— Каждый из нас станет сразу *множеством* таких, — ответила Расп.

— Приятно было узнать! — сардонически заметила Карн.

Вращающиеся впереди тени придавали земле размытый и безумный характер — как при несфокусированной покадровой съемке. Только главные ориентиры не менялись от порывов метафизических исправлений: Наблюдатель, из немигающего глаза которого все еще тянулся бледный луч, Замок со своим невидимым гигантским обитателем и стела, окруженная лесами и толпами белых фигур, работающих прямо под брешью.

Олми приказал аппарату остановиться, но Расп схватила его за руку.

— Едем дальше. Отсюда мы ничего сделать не сумеем.

Олми широко ухмыльнулся и откинул назад голову; потом состроил гримасу, как обезьяна из доисторического леса, — показал этому безмерному сумасшествию зубы.

— Дальше! — упрямо сказала Карн.

Машина покатилась вперед, подскакивая на острых выступах, которые какая-то сила через равные промежутки заталкивала в песок.

Послышались новые звуки, заглушившие шипение меняющих положение мировых линий. Они были похожи на симфонию скребущих и стучащих метел. Олми подумал, что вопль, поднимающийся от башни и Замка, мог бы быть песнью горящего леса — если бы деревья могли петь о своей боли. Тысячи белых фигур издавали тысячи разнообразных звуков, словно безуспешно пытаясь заговорить друг с другом. Слышались ничего не выражающие речи, монотонная бессвязная чушь, попытки передать чувства и мысли, которых в действительности у них быть не могло...

До этого момента тело посылало Олми постоянные волны страха. Он старался держать себя в руках, но о страхе не

забывал; забыть было бы бессмысленно и неправильно, потому что именно страх напоминал ему о том, что он пришел из мира, обладающего смыслом, объединенного и последовательного — из мира, который действовал и *существовал.*

И все же страх был несравним с тем, что они видели перед собой, и не мог служить адекватной реакцией. Такую угрозу тело просто не подготовлено вынести. Позволь Олми себе закричать, он бы не смог закричать достаточно громко.

«Смерть, с которой все мы знакомы, — сказал он себе, — это завершение чего-то существующего; здесь смерть станет ужаснее, чем ночной кошмар, ужаснее, чем ад, создаваемый воображением для врагов и неверных».

— Знаю, — сказала Карн, и ее руки, державшие ключ, затряслись.

— Что знаешь? — спросила Расп.

— Каждый метр, каждая секунда, каждое измерение обладает здесь своим сознанием, — проговорила Карн. — Пространство и время спорят, сражаются.

Расп вскинулась и взвизгнула:

— Нет здесь сознаний, ни одного!

Они вступили в пограничную зону сумерек. Вид окружающего откликался в сознании глубокими быстрыми толчками. Оказавшись в середине тени, Олми внезапно ощутил прилив восторга. Он увидел разноцветные вспышки; сознание поддавалось штурму доселе неизвестных ему чувств, угрожающих вытеснить страх.

Олми взглянул налево, в вихрь, заворачивающийся против часовой стрелки, предвкушая каждое мгновение темноты. Экстаз, радостное опьянение, внезапный спазм великолепия... Он мог проникнуть взглядом в глубину собственного мозга, вниз, туда, к основаниям каждой мысли — где кто-то рисует и укладывает в ряды на длинных столах символы, не имеющие сейчас значения, потом сталкивает и смешивает их до тех пор, пока они не становятся чувствами, мыслями и словами.

— Это как открытие врат! — прокричала Карн, видя выражение лица Олми. — Только гораздо хуже. Это опасно! Очень опасно!

— Не отбрасывай это, не подавляй! — предупредила Расп. — Просто внимательно смотри, что перед тобой! Нас научили так делать при открывании.

— Но это ведь не врата! — заорал Олми, силясь перекричать отвратительную симфонию метел.

— Нет, врата! — ответила Расп. — Много маленьких врат в непосредственно смежные миры. Они пытаются отдалиться от соседствующих реальностей, расщепиться, но брешь собирает их, удерживает. Они текут назад за нами, вдоль по нашим мировым линиям.

— Назад к самому началу! — воскликнула Карн.

— Назад к нашему рождению! — крикнула Расп.

— Стоп! — сказала Карн, и Олми остановил машину.

Двое подмастерьев, еще почти девочки, с широко распахнутыми глазами и серьезными выражениями на бледных лицах, выбрались из открытого аппарата и решительно зашагали по волнистой поверхности песка, клонясь под давлением потоков иных реальностей. Их одежда меняла цвет, волосы — форму, но они шли до тех пор, пока ключи не поднялись вверх, будто по собственной воле.

Расп и Карн развернулись лицом друг к другу.

Олми сказал себе — тому, что осталось от его сознания, — что сейчас они попытаются создать воронку, кольцевые врата, которые заставят все это встретиться с основным потоком Пути. Внутри Пути царил основанный на несоизмеримых противоречиях покой, чистый и очищающий. Там, в потоке, это безумие схлопнется и станет меньше, чем небытие, превратится в парадоксы, которые сами себя вычеркнут и сократят.

Он вскочил на сиденье машины, наблюдая за близнецами, восхищаясь ими. *Енох их недооценивает. И я тоже. Именно этого хотел Рай Орнис, именно поэтому выбрал их.*

Олми сжался: что-то приближалось. Не успев нырнуть или отпрыгнуть в сторону, он оказался между двумя складками тени, как букашка, зажатая между пальцами, и его тело подбросило над машиной. Олми извернул шею, чтобы взглянуть назад на размытые очертания машины, на близняшек, поднимающих свои ключи, на испещренный полосками волн песок. Казалось, аппарат вибрирует, и следы колес извиваются за ним, как змеи. Затем близнецы и машина исчезли из виду очень надолго, словно никогда не существовали.

Мысли Олми перепутались, и тело издало восторженный визг. Задрожал каждый нерв, и сразу вся его память предстала перед ним с изумительной четкостью, а различные его «я»

изучали ее с разных сторон. Отличить настоящее от будущего стало невозможно; и то, и другое было лишь отдельными картинами воспоминаний. Его ориентир сместился туда, где жизнь представлялась ровным полем, и в этом поле проплывали миллионы вероятностей. То, что случится, и то, что случилось, стало неотличимо от невыбранных и непрожитых событий, которые могли бы произойти.

Размазанная мировая линия понеслась в прошлое. Пришло чувство, что он способен украдкой проникнуть сквозь свершившееся к узелкам, завязанным судьбой, и развязать их, освободить свое прошлое, сделав все в нем возможным, все исполнимым. Но размытая, расплывающаяся и тающая, проведенная мелком черточка его жизни уперлась в момент воскресения, резкой переброски с Ламаркии... И дальше двинуться не смогла. Словно разбившись о запруду, жизненный поток брызнул во все стороны. Олми закричал от изумления и от странной боли, подобной которой никогда не испытывал.

Он висел, медленно вращаясь, под темным зрачком. Все, что было над и под ним, то увеличивалось, то становилось крошечным в зависимости от угла поворота. Боль ушла; возможно, ее никогда и не было. Ему казалось, будто голова превратилась в маленькую, но всевидящую камеру-обскуру.

Было прошлое, в котором близняшек сопровождал Рай Орнис, — Олми видел, как рядом с совершенно другим аппаратом, скорее трактором, чем машиной, они работали вместе, пытаясь создать кольцо. Они уже заставили Путь выдавить в песке воронку. Над воронкой плавал гладкий медный купол, отражая в золотистых тонах поток и брешь.

Олми повернул голову на долю сантиметра и еще раз увидел девушек, теперь мертвых: их искалеченные тела лежали возле машины, а ключевые аппараты ярко вспыхивали и сгорали. Поворот еще на градус или на два — и обе они ожили и стали работать. С ними снова был Рай Орнис.

Воспоминание: Рай Орнис путешествовал вместе с ними в вихрелете. И как он мог забыть об этом?

Олми повернулся в новом незнакомом направлении и почувствовал, что Путь просто перестал существовать, а вместе с ним и он сам. Из этой темной и лишенной звуков вероятности он вывернулся резким, мучительным движением и обнаружил узенький просвет между сжимающими его тенями,

просвет, озаренный полузабытыми эмоциями, будто сорванными цветами, что выстроились в фигурах немой речи.

Его отнесло на другой конец бреши. Он смотрел на север в бездонное жерло Пути.

Цепкие тени — китовый ус в распахнутой пасти бреши — словно реснички кишечника подталкивали его от одной мировой линии к другой, вели под и над сложной поверхностью, сквозь которую виднелась глубокая долина, покрытая горами. Ее основание было гладким и стеклянным, как обсидиан.

Черное стекло, отражающее брешь, поток позади бреши, несущиеся шквалы тумана...

Реснички, владевшие положением Олми в пространстве, опустили его, и он оказался на высоте нескольких метров над черным стеклянным полом.

Все застыло. Движение мысли замедлилось. Он ощущал лишь одно тело, одно существование. Все его линии снова объединились в одну.

Взгляд упал вниз, и Олми увидел свое отражение в блестящей, как зеркало, поверхности долины: маленький неподвижный человек, как попавшая в глаз соринка, покачивающаяся под красным веком.

По обеим сторонам долины возвышались зазубренные стеклянные вершины — горные цепи, похожие на растянутые и оборванные полоски карамели. В нескольких сотнях метров впереди — или, быть может, в нескольких километрах — в середине долины виднелось нечто знакомое: защитная позиция яртов. Острые шпили цвета слоновой кости поднимались из приземистого диска, словно иглы морского ежа.

Позиция была мертва.

Олми поднес руки к лицу. Он видел пальцы и видел *сквозь* пальцы с равной четкостью. Ничто не было скрыто, ничто не могло утаиться от его нового зрения.

Он попытался говорить или, возможно, молиться тому неведомому, что удерживало его, направляло его движения. Сначала он спросил: есть там что?.. Ответа не было.

Олми вспомнил, что говорила Пласс об альтинге: в своем пространстве альтинг один; не постигнув искусства коммуникации, он единственная суть и контролирует все, являясь всем. Для него нет разделения между сознанием и материей,

наблюдателем и наблюдаемым. Такое существо не может ни слушать, ни отвечать. Не способно оно и измениться.

Олми подумал о чувствах, испытанных по дороге сюда. Боль, разочарование, страх. Усталость. Может, альтинг научился этому способу общения, пробыв столько времени на Пути? Не достаточно ли он вскрыл и перекроил человеческих элементов, чтобы его собственная природа так изменилась?

«Почему боль?» — вопросил Олми — и двинулся на север к середине долины, к мертвой позиции яртов. Его отражение мерцало в неровном черном зеркале пола. Он посмотрел на восток и на запад, вверх по длинным изгибам Пути над зазубренными горами, и увидел другие базы яртов, спиральные и унизанные каплями стены поселений — заброшенных, уставленных огромными, искаженными фигурами.

«Альтинг создал Землю Ночи для яртов, — подумал Олми. — Он не видит между нами никакой разницы».

Будто бы привыкая к необычайному давлению теневых ресничек, тело снова послало сигналы страха, затем простого, детского удивления и наконец усталости. Голова Олми мотнулась на плечах, и он почувствовал, что его тело спит, хотя разум оставался бодрым. Все мышцы покалывало, словно они отключились и не желали отвечать на пробные приказы.

Сколько времени прошло — если здесь вообще было время, — он определить не мог. Покалывание прекратилось, и телом снова стало возможно управлять. Олми поднял голову и увидел новую долину, на этот раз с гигантскими фигурами. Если та шкала, которую он принял в начале путешествия, все еще имела отношение к действительности, эти монолитные скульптуры, или формы, или существа — чем бы они ни были — располагались на расстоянии двух или трех километров и возносились на несколько сот метров вверх. Они были так причудливы, что Олми понял: он разглядывает их периферическим зрением, избегая смятения, которое бы возникло, смотри он прямо на них. Хотя внешне формы и выглядели приблизительно как органические — сложные изгибы, складки того, что могло бы напоминать ткань, сложившуюся под силой гравитации, некая многосторонняя симметрия, — они просто не поддавались анализу.

Много раз Олми испытывал провалы зрительного восприятия, когда он смотрел на какой-нибудь предмет в своем доме и не сразу его узнавал, а из-за приглушенного освещения и

непривычного угла зрения не мог определить, что это такое. В подобных случаях он ощущал, что сознание выдвигает гипотезы, отчаянно стараясь сопоставить их с тем, на что в упор смотрели глаза, чтобы прийти к какому-либо обоснованному заключению и так действительно разглядеть предмет. Много раз такое происходило с ним на Ламаркии, особенно с предметами, которые встречались только на этой планете.

Здесь же у него не было предшествующего опыта, не было памяти, физической подготовки или знакомства с тем, что приходилось наблюдать, так что Олми не видел ничего здравого, ничего, чему можно было бы дать название, с чем он мог бы себя соотнести. Не сразу он осознал, что это, может быть, тоже трофеи, оставшиеся от встречи альтинга с яртами.

Олми плыл вдоль рядов причудливых моделей, неудачных попыток копирования и осознания, очень напоминавших галерею предметов и явлений вокруг «Редута» — то, что представляла собой Земля Ночи. Люди подошли с юга, ярты — с севера. И к тем, и к другим альтинг применил одни и те же грубые инструменты, чтобы либо соединить их в собственном существовании, либо найти новый способ изучить их непохожесть. И те, и другие были настолько чужды альтингу, что возможность понимания исключалась.

Боль — одно из чувств, позаимствованных у сознания Олми и рассеянных по дороге. Ощущение разъединения, нежелательной перемены. Альтинга обеспокоило вторжение; в Земле Ночи не было зла, не было преднамеренного уничтожения. Олми неожиданно понял, что пыталась объяснить ему Енох, и превзошел ее понимание.

Моноблок совершенного порядка подвергся вторжению пространства, главным свойством которого были разобщенность и противоречие. Должно быть, это очень болезненно. И теперь порядок *засасывался*, как газ в вакуум, в их пространство — а Енох вместе с Гильдией открывателей врат все для этого подготовили. Они позволили распахнуться в ином пространстве хищной и кровавой пасти голодной вселенной, нуждающейся в ускорении и завершении.

Но эта гипотеза не приоткрывала завесу над вопросами понимания или общения. Олми не начал немедленно анализировать грубые эмоциональные взрывы иного сознания, божественного или какого бы то ни было другого; альтинг ни-

чуть не являлся постигаемым сознанием. Он представлял собой всего лишь чистый и необходимый набор качеств. Он схватывал человека, управлял им, но в буквальном смысле ни к чему его не мог применить. Как и все остальное здесь, альтинг не мог ни анализировать, ни поглотить Олми. Он не способен был даже распространиться в прошлое по его мировой линии, ибо существование Олми закончилось с приобретением нового тела.

Так вот почему он не встретил призраков самого себя! Физического прошлого у него почти не было. Иначе альтинг выбросил бы его в эту долину, лишенную смысла и назначения, как еще один кусок выветренной горной породы, еще более странный и обескураживающий, чем все остальные.

Олми изогнулся — тело стремилось вырваться на свободу, как зверь из клетки. Несмотря на все усилия, человека захлестнула паника. Внутри себя он ни на что не мог ориентироваться, даже его «я» невозможно было четко определить.

Все сделалось размытым, смешалось, будто бы его раздавил невероятных размеров палец и не осталось никаких контуров. *«Я нигде нет имени двигаюсь нет будущего».*

Он крутился и дергался, стремясь обрести свой центр. Фигуры, взгроможденные на горные цепи по обе стороны, будто заинтересовались его усилиями. Олми чувствовал их внимание, и оно ему не нравилось. Они словно сдвинулись с места, очень медленно, но все же приближаясь к нему сквозь астрономическое время.

Если бы опухоль конфликтующих порядка и хаоса могла заново себя определить, возможно, эти неподдающиеся осознанию монолиты, эти боги, лишенные поклонения, и неосуществленные подделки тоже смогли бы получить свое место.

Паника исчезла. Сигналы прекратились.

Он подошел к концу. Он погрузился в то минимальное состояние, которого жаждал. Он не думал ни о прошлом, ни о будущем, ничего не терял, ничего не приобретал.

Я — часть общества или был ею, на самом деле не принадлежа ему
Это имя — Олми Ап Шеннен
Любивший многих любимых и любимый немногими
В контакте ни с чем вовне
Вне контакта ничто
Древо, вырванное с корнем

Пламенеющий обод бреши стал разгораться. Подвешенная и лишенная цели фигурка, захваченная в реснички вероятностей, сохраняла необходимую форму и волю, чтобы этим заинтересоваться, — фигурка обратила внимание, что по сравнению с прежними размерами брешь сильно уменьшилась и потемнела, а полыхающая вокруг полоска значительно расширилась. Она напоминала грандиозное солнечное затмение с кровавой короной.

Верность и любовь вырваны с корнем.

Сам язык угасал, пока лишенная цели фигура не начала видеть лишь образы — пьянящий иной мир, отрезанный, недоступный, лица прежних людей, некогда любимых, некогда успокаивающе близких, ныне же мертвых и не имеющих призраков.

Не способный видеть даже призраки вырванного с корнем прошлого.

Движение фигурки вдоль долины замедлилось. Время остановилось. Вечность, теперь не имеющая конца. Обнаженный, лишенный кожи, лишенный плоти, лишенный костей. Поглощен и интегрирован.

Испытывает покой.
Запишите в бесконечный столбец: *испытывает*
Испытывает покой
покой
покой

Крохотное местечко не больше кулака, чрево. Крохотное местечко бесконечного мира в сердце смерзшейся геометрии. Все — усовершенствования, вариации, перестановки, уже исчерпавшие себя; бесконечный доступ к беспредельной энергии, заключенной в самости.

Ты/я/мы — не имеет значения. Видишь?

Видишь. Видья. *Всевидение. Око Будды. Чьи-то бесчувственные кальпы. Суета чувств.*

Самость сия поглотила. Множество сейчас, покой миновал.

В покое минувшего. Любил женщин, растил детей, прожил долгую жизнь на планете, куда ныне нет возвращения.

Ничто один в покое без минувшего все завершено нет возвращения.

Точка.

Один делает возможным все.

Вижу. Будда, не оставь ученика своего в тенетах.

Глаз сжимается, закрывается, великолепное кровавое пламя затуманивается. Его пронзает белая игла, заметная позади небольшой темной сердцевины.

Небольшой большой не имеет значения без времени
Не уходи. Возьми нас с
Есмь твой отец/мать/еда
любил растил живя тоскуя без возвращения
мой призрак

8

Рай Орнис, высокий, тощий, похожий на богомола мастер-открыватель врат, улыбнулся. Олми видел множество Раев Орнисов, словно аватар древнего бога. Все мастера слились воедино.

Они находились под прозрачным стеклянным пологом. Лицо Олми овевал тихий прохладный ветерок. Когда он упал, Рай Орнис обернул его спасательным полем и принес безопасный свежий воздух — запасы гермокостюма кончились.

Олми вновь отыскал расплескавшиеся реки памяти и омыл в их водах свои древние стопы. Он сглотнул. Око-брешь навеки затворилось.

— Его больше нет, — сказал Олми.

— Дело сделано, — кивнул Рай Орнис.

— Никому не расскажешь, — вслух подумал Олми.

— Никому не расскажешь.

— Мы крали и ели, чтобы жить. Чтобы рождаться.

Рай Орнис поднес палец к губам. Его лицо, озаренное появившимся на юге светом, было призрачным. На пол-Пути от них скалились огромные зубы, пылавшие ярким электрическим пламенем.

— Кольцевые врата, — сказал открыватель, оглянувшись через плечо. — Расп и Карн, мои ученицы, поработали на славу. Мы выполнили то, зачем сюда прилетели, а заодно спасли Путь. Неплохо, да, сер Олми?

Олми потянулся к открывателю, желая не то обнять его, не то задушить. Рай Орнис отступил.

Олми отвернулся и еще раз сглотнул. Во рту было до боли сухо. Завершать создание кольцевых врат не нужно. Неза-

конченные врата выполнили свою задачу — привели к закрыванию и втянули в себя последние остатки бреши.

Кольцевые врата стали на глазах сжиматься. Оскал превратился в ухмылку, потом — в спокойную улыбку всеведения, затем сжался в точку, и точка эта растаяла среди далеких дюн.

— Думаю, близняшкам слегка обидно, что им не удастся завершить создание кольцевых врат. Но то, что есть, — чудесно. — В голосе Рая Орниса звучал восторг, мастер затанцевал, выделывая па на черном обсидиане долины. — Теперь они — настоящие мастера! Когда меня осудят, они займут мое место.

Олми склонил голову набок. «Редута» не было.

— А где пирамида? — хрипло спросил он.

— Желание Енох исполнилось, — ответил Рай Орнис и прикрыл глаза ладонью.

Пласс, Енох, альтинг.

Пласс видела своего призрака.

Повсюду — к востоку и к западу — остались заброшенные, ненужные горы, уставленные статуями. Не сон, не видение.

Его снова использовали. Ну и ладно. На бесконечный миг, как любой открыватель врат — только больше, — он слился с оком Будды.

9

«— Бесконечный Шестиединый Узел не одобряет проведение рискованных экспериментов, результаты которых не могут быть документированы или объяснены. Сколько человек было введено в заблуждение?

— Все, в том числе и я.

— И вы по-прежнему утверждаете, что это было сделано ввиду необходимости?

— Совершенно верно. Ввиду крайней необходимости.

— Может ли такая необходимость когда-либо возникнуть вновь? Отвечайте честно, наше доверие к вам исчерпывается!

— Нет, не может.

— *Чем вы объясняете ваше утверждение, будто одна вселенная, одна реальность должна для своего рождения подкармливаться другой?*

— Я ничего не объясняю. Мы были вынуждены, вот и все.

— Могло ли это привести к негативным последствиям?

— Конечно. В невежестве нашем мы обрекли всех своих предков на жизнь среди необъяснимых присутствий, среди призраков прошлого и будущего. Своего рода послерождение.

— Вы улыбаетесь, мастер-открыватель врат! Возмутительно!..

— Это все, что я могу сделать, серы...

<...>

— Какое наказание вы избираете для себя за непослушание и самоуверенность?

— Серы Шестиединого! Сию присягу даю вам. Я кладу свой ключ и боле никогда не прикоснусь к нему, и никогда боле не изведаю благодати».

(Из приговора, вынесенного на секретных слушаниях Бесконечного Шестиединого Узла по вопросу о целесообразности открывания врат в Хаос и Порядок.)

Пройдя невесомыми лесами Вальда сквозь вновь отстроенный надеритский квартал Осевого Города, касаясь корней и веток деревьев, то летя, то ползком, сквозь широкое, как река, око своего разума, Олми Ап Шеннен возвратился на Ламаркию, где однажды чуть не умер от старости, и взял оставленный им там сверток, аккуратно упакованный в кусочки тонкой циновки. Сверток сохранили для него его жены и дети, и вот теперь торжественно ему вручили. Было много улыбок и смеха, потом они прощались; последними прощались с Олми сыновья, которых он оставил в тылу оккупантов из чужой земли, из другой жизни.

Когда они все истаяли и исчезли из ока его разума, он развернул сверток и жадно проглотил его сладкое содержимое.

Свою душу.

Содержание

Урсула Ле Гуин. Музыка Былого и рабыни 7
Джо Холдеман. Сепаратная война 65
Орсон Скотт Кард. Советник по инвестициям 116
Дэвид Брин. Искушение 158
Роберт Силверберг. Знакомясь с драконом 222
Дэн Симмонс. Сироты Спирали 262
Нэнси Кресс. Спящие псы 322
Фредерик Пол. Парень, который будет жить вечно 368
Грегори Бенфорд. Тоска по бесконечности 423
Энн Маккэфри. Корабль, который вернулся 477
Грег Бир. Путь всех призраков 529

ДЮНА

В серии
«Золотая библиотека фантастики»
опубликован знаменитый сериал Фрэнка Герберта:

«Дюна»
«Мессия Дюны»
«Дети Дюны»
«Бог-Император Дюны»
«Еретики Дюны»
«Капитул Дюны»

Заветные мечты читателей сбываются! Брайан Герберт, сын Фрэнка Герберта, в соавторстве с известным фантастом Кевином Андерсоном создает трилогию «Прелюдия к Дюне». Узнайте предысторию столь хорошо знакомых вам событий!

Читайте в начале 2001 года в серии «Золотая библиотека фантастики» первый роман трилогии — «ДОМ АТРЕЙДЕСОВ»!

По вопросам оптовой покупки книг издательства АСТ обращаться по адресу:
Звездный бульвар, дом 21, 7-й этаж. Тел. 215-4338, 215-0101, 215-5513
107140, Москва, а/я 140, АСТ - «Книги по почте»

Вы — поклонник «черной литературы» — мистики, ужасов, «темных фэнтези»?

Тогда не пропустите книги новой серии

«Темный город»!

В этой серии вышли:

Антология «Темная любовь» — двадцать две истории страсти-Одержимости, страсти-Кошмара. Двадцать две истории Безумия, Боли, Безнадеги, которые дарят вам лучшие мастера современной литературы ужасов, от неподражаемого Стивена Кинга до элитарной Кейт Коджа и обжигающего Джона Пейтона Кука.

Антология **«Холод страха»**, которую составляют рассказы, представляющие собой всевозможные направления «литературы ужасов» — от классической ее формы до психологического саспенса, изящного «вампирского декаданса» и черного юмора, от ранее никогда не публиковавшейся в России новеллы Стивена Кинга — до ироничного ужастика Мервина Пика.

«Запретный плод» и **«Смеющийся труп»** Лорел К. Гамильтон — первые две книги одного из самых культовых «вампирских» сериалов мира, стильные, пряные и эффектные хроники бытия «тех, кто охотится в ночи», и тех, кто посвятил свою жизнь изысканному и опасному искусству охоты на «ночных хищников».

«Дом» — первый роман блистательного Бентли Литтла, любимца Стивена Кинга. История страха, крови, смерти. История людей, вырвавшихся из ада — и по собственной воле в ад вернувшихся.

«Кровавая купель» Саймона Кларка — роман, который потрясает не только воображение, но и душу. Воскресным утром мир рухнул. Апокалипсис наступил. И выживут только юные. Только прошедшие очищение в кровавой купели войны и убийства.

Следите за серией «Темный город»!

По вопросам оптовой покупки книг издательства АСТ обращаться по адресу:
Звездный бульвар, дом 21, 7-й этаж
Тел. 215-43-38, 215-01-01, 215-55-13

107140, Москва, а/я 140 АСТ — «Книги по почте»

Издательская группа АСТ

Издательская группа АСТ, включающая в себя около **50 издательств** и редакционно-издательских объединений, предлагает вашему вниманию **более 10 000 названий книг** самых разных видов и жанров. Мы выпускаем классические произведения и книги современных авторов. В наших каталогах — интеллектуальная проза, детективы, фантастика, любовные романы, книги для детей и подростков, учебники, справочники, энциклопедии, альбомы по искусству, научно-познавательные и прикладные издания, а также широкий выбор канцтоваров.

В числе наших авторов мировые знаменитости Сидни Шелдон, Стивен Кинг, Даниэла Стил, Джудит Макнот, Бертрис Смолл, Джоанна Линдсей, Сандра Браун, создатели российских бестселлеров Борис Акунин, братья Вайнеры, Андрей Воронин, Полина Дашкова, Сергей Лукьяненко, Фридрих Незнанский братья Стругацкие, Виктор Суворов, Виктория Токарева, Эдуард Тополь, Владимир Шитов, Марина Юденич, а также любимые детские писатели Самуил Маршак, Сергей Михалков, Григорий Остер, Владимир Сутеев, Корней Чуковский.

Книги издательской группы АСТ вы сможете заказать и получить по почте в любом уголке России. Пишите:

107140, Москва, а/я 140

ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

Вы также сможете приобрести книги группы АСТ по низким издательским ценам в наших **фирменных магазинах:**

В Москве:

- Звездный бульвар, д. 21, 1 этаж, тел. 232-19-05
- ул. Татарская, д. 14, тел. 959-20-95
- ул. Каретный ряд, д. 5/10, тел. 299-66-01, 299-65-84
- ул. Арбат, д. 12, тел. 291-61-01
- ул. Луганская, д. 7, тел. 322-28-22
- ул. 2-я Владимирская, д. 52/2, тел. 306-18-97, 306-18-98
- Большой Факельный пер., д. 3, тел. 911-21-07
- Волгоградский проспект, д. 132, тел. 172-18-97
- Самаркандский бульвар, д. 17, тел. 372-40-01

мелкооптовые магазины

- 3-й Автозаводский пр-д, д. 4, тел. 275-37-42
- проспект Андропова, д. 13/32, тел. 117-62-00
- ул. Плеханова, д. 22, тел. 368-10-10
- Кутузовский проспект, д. 31, тел. 240-44-54, 249-86-60

В Санкт-Петербурге:

- проспект Просвещения, д. 76, тел. (812) 591-16-81 (магазин «Книжный дом»)

Издательская группа АСТ
129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7 этаж.
Справки по телефону (095) 215-01-01, факс 215-51-10
E-mail: astpub@aha.ru http://www.ast.ru

Литературно-художественное издание

Далекие горизонты

Художественный редактор О. Н. Адаскина
Компьютерный дизайн: А. С. Сергеев
Технический редактор О. В. Панкрашина
Младший редактор А. С. Рычкова

Подписано в печать 28.05.01.
Формат 84×108 $^{1}/_{32}$. Усл. печ. л. 31,92.
Тираж 15 000 экз. Заказ № 3847.

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Гигиеническое заключение
№ 77.99.14.953.П.12850.7.00 от 14.07.2000 г.

ООО «Издательство АСТ»
Лицензия ИД № 02694 от 30.08.2000 г.
674460, Читинская область, Агинский район,
п. Агинское, ул. Базара Ринчино, д. 84
Наши электронные адреса:
WWW. AST. RU
E-mail: astpub@aha.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ОАО «Рыбинский Дом печати»
152901, г. Рыбинск, ул. Чкалова, 8.

Это — КНИГА-СЕНСАЦИЯ!

Роберт Силверберг снова собрал антологию самых знаменитых творцов миров — но на этот раз миров не фэнтези, а НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ.

Писателей, которые, подобно демиургам, полетом своей фантазии творят не просто книги, но — МИРЫ, что обрели по всей планете уже миллионы поклонников.

Вы хотите снова отправиться в увлекательное путешествие?

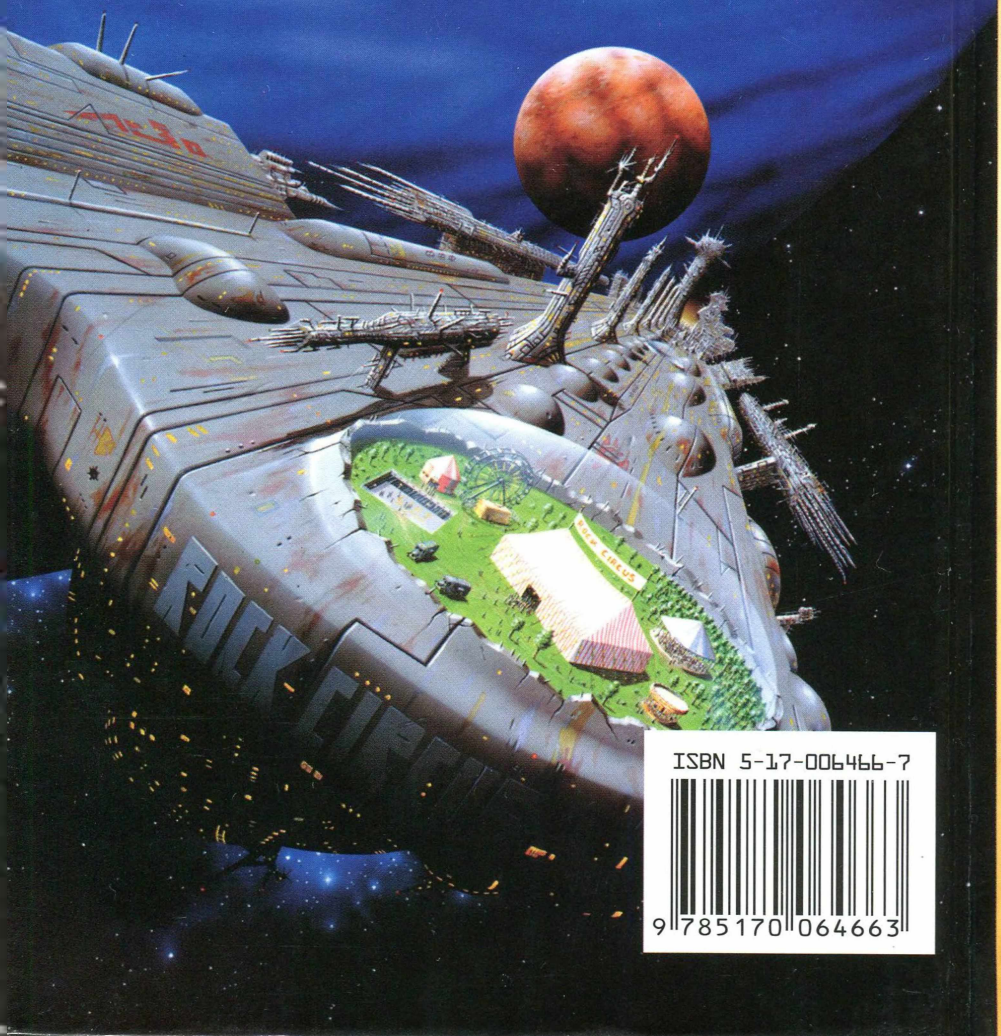
В путешествие по Гипериону Дэна Симмонса?

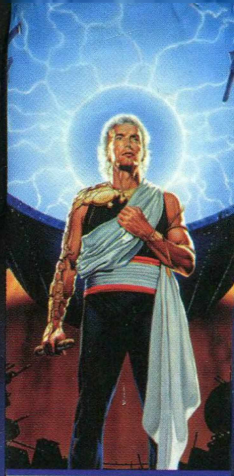
Или — по Вселенной Эндера Орсона Скотта Карда?

Или, возможно, по Экумене Урсулы Ле Гуин?

Или — наконец — Миру Пяти Галактик Дэвида Брина?

Перед вами — фантасты, которым нет равных. Фантасты, объединившиеся для сборника «Далекие горизонты», чтобы пригласить всех настоящих ценителей научной фантастики в еще одно путешествие по своим мирам. И все произведения «Далеких горизонтов» — новые эпизоды самых знаменитых саг наших дней — были написаны СПЕЦИАЛЬНО для антологии.

ДАЛЕКИЕ ГОРИЗОНТЫ

ISBN 5-17-006466-7

9 785170 064663